Графъ В. Н. Коковцовъ.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО

Воспоминанія 1903—1919 г.г.

„Дѣла давно минувшихъ дней".

Пушкинъ

Томъ I.

1933 г.

„Приготовляемое къ печати изданіе „Воспоминаній“ Графа Коковцова на англійскомъ языкѣ выпускаетъ Комитетъ по Русскимъ Изслѣдованіямъ при Стандфордскомъ Университетѣ (Калифорнія, С. А. Соединенные Штаты), которому мною уступлено исключительное право на изданіе моихъ „Воспоминаній“ на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, въ полномъ или сокращенномъ объемѣ на условіяхъ, предусмотрѣнныхъ нашимъ соглашеніемъ“.

Графъ В. Н. Коковцовъ.

Вмѣсто предисловія.

Въ декабрѣ 1872 года, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, я окончилъ курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея.

По настоянію трехъ извѣстныхъ профессоровъ юридической специальности того времени: А. Д. Градовскаго, Н. С. Таганцева и С. В. Пахмана я хотѣлъ посвятить себя ученой карьерѣ и избрать для себя спеціальностью Государственное право. Для этой цѣли, я задумалъ поступить въ С.-Петербургскій Университетъ, по юридическому факультету, пройти насколько окажется возможнымъ быстро полный его курсъ и затѣмъ попытать счастья выдержать магистерскій и докторскій экзамены и добиться соотвѣтствующихъ ученыхъ степеней. Въ этомъ моемъ желаніи меня горячо поддержалъ мой отецъ, сказавшій мнѣ, что онъ обезпечиваетъ мнѣ безбѣдное существованіе на все время моихъ научныхъ занятій и настаиваетъ на томъ, чтобы я не стремился зарабатывать непривычнымъ трудомъ средства къ жизни, отнимая время отъ научной работы.

Судьба рѣшила, однако, иное. Прошло всего два мѣсяца съ того дня, когда прямо съ лицейскаго выпускного акта я отвезъ въ Университетъ мой лицейскій дипломъ и состоявшееся особое обо мнѣ постановленіе, какъ скончался скоропостижно мой отецъ, и вся наша многочисленная семья оказалась въ очень трудномъ матеріальномъ положеніи. Мнѣ пришлось отказаться отъ моего желанія и пойти по обычной для того времени, для всѣхъ окончившихъ курсъ лицея, дорогѣ, — искать поступленія на государственную службу.

10-го марта 1873 года я поступилъ кандидатомъ на штатныя должности въ Департаментъ Министерства Юстиціи, сначала по Статистическому, затѣмъ по Законодательному и, потомъ, по Уголовному Отдѣленіямъ и, въ теченіе ровно 44 лѣтъ до марта 1917 года, безъ всякаго перерыва, я оставался на государственной службѣ.

Февральская революція 1917 года положила конецъ этой моей службѣ.

Временное правительство, смѣнившее Царское, простымъ декретомъ прекратило существованіе Государственнаго Совѣта, къ составу котораго я принадлежалъ болѣе 12-ти лѣтъ. Я раздѣлилъ, поэтому, общую участь — оказался просто выброшеннымъ за бортъ, недоумѣвая, какъ и всѣ, на что рѣшиться, что предпринять. Шесть мѣсяцевъ спустя, подчиняясь также общему удѣлу, я лишился всѣхъ моихъ скромныхъ сбереженій и всего моего имущества и, годъ спустя, въ ноябрѣ 1918 года, спасая жизнь жены и свою, я покинулъ родину, безъ всякой надежды когда-либо увидѣть ее.

За 44 года моей службы мнѣ пришлось пройти довольно разнообразный путь.

Послѣ шести лѣтъ службы въ Министерствѣ Юстиціи, — одиннадцать лѣтъ моей жизни, въ самые молодые мои годы, съ 1879 по 1890 г. г. я отдалъ работѣ въ должности Старшаго Инспектора и Помощника Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, въ періодъ коренного переустройства этой отрасли управленія на началахъ, выработанныхъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ того времени — Статсъ-Секретаремъ К. К Гротомъ.

Я вспоминаю эту пору моей дѣятельности съ величайшею благодарностью. Она дала мнѣ возможность пріобрѣсти самыя разнообразныя познанія въ нашей административной службѣ, и имъ я обязанъ тѣмъ, что во многихъ случаяхъ моей послѣдующей работы я оказался болѣе подготовленнымъ нежели многіе изъ моихъ сослуживцевъ.

Шесть лѣтъ, съ 1890-го по 1896 годъ, я принадлежалъ къ составу Государственной Канцеляріи, занимая въ ней должности Помощника Статсъ-Секретаря, Статсъ-Секретаря и Товарища Государственнаго Секретаря. Эти годы дали мнѣ возможность близко изучить вопросы бюджета и государственнаго хозяйства и подготовили меня къ слѣдующимъ шести годамъ, съ 1896 по 1902 г., которые я провелъ въ должности Товарища Министра Финансовъ, въ бытность Министромъ Графа Витте.

Послѣ короткаго промежутка въ два года, съ 1902 по 1904 г., когда я занималъ должность Государственнаго Секретаря, я снова вернулся въ Министерство Финансовъ, чтобы оставаться въ теченіе 10 лѣтъ на посту Министра, который я совмѣщалъ почти три года, съ 1911 по 1914 г., съ должностью Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Въ ту минуту, когда мнѣ пришлось покинуть мой двойной постъ въ концѣ января 1914 года, я сказалъ себѣ, что, за послѣд-

нкую пору моей жизни, судьба поставила меня свидѣтелемъ и даже дѣятельнымъ участникомъ немалаго количества событій, и на мнѣ лежитъ, до извѣстной степени, моральный долгъ оставить, въ видѣ моихъ Воспоминаній, слѣдъ тому, что я видѣлъ, въ чемъ участвовалъ, и что я дѣлалъ среди этихъ событій.

Къ тому же эти послѣдніе годы моей активной дѣятельности съ 1903 по 1918 годъ, вообще мало освѣщены. Воспоминаній, дающихъ правдивый и обоснованный пересказъ того, что было въ эту пору, вообще немного. Большая часть очевидцевъ и дѣятелей этого времени умерли, не опубликовавши своихъ воспоминаній и даже, вѣроятно, не оставивши ихъ. Такимъ образомъ, цѣлая эпоха, которая, во всякомъ случаѣ, достойна быть освѣщена, можетъ просто не оставить слѣда, если не будетъ сдѣлано попытки сказать про нее правдивое слово.

Поэтому, мнѣ казалось, что на мнѣ лежитъ именно этотъ долгъ сохранить отъ забвенія и уберечь отъ неправды то, что проходило передо мною, хотя бы по тому одному, что у меня еще хорошая память обо всемъ, что было, а еще болѣе потому, что я случайно сохранилъ также все, что мнѣ удалось записать въ свою пору, въ видѣ короткихъ замѣтокъ, хотя и не сопровожденныхъ подробными записями, но за то, въ послѣдовательномъ порядкѣ, оставившихъ слѣдъ почти всѣмъ событіямъ, на которыхъ останнавливалось мое вниманіе. Эти записи послужили для меня тѣмъ источникомъ, изъ котораго я могъ почерпнуть воспоминанія, почти день за днемъ, о томъ, что я видѣлъ, что пережилъ и что и сейчасъ напоминаетъ мнѣ все мое прошлое и не даетъ печальной дѣйствительности затушевать его, а тѣмъ болѣе, уничтожить его.

Я даю себѣ ясный отчетъ въ томъ, что условія моей жизни послѣ 1914 года мало благопріятствовали тому, чтобы придать моимъ Воспоминаніямъ тотъ объемъ и тотъ характеръ, который мнѣ хотѣлось дать имъ въ ту минуту, когда я начиналъ приводить въ порядокъ мои записи и отмѣтки.

Сначала война, потомъ революція и, наконецъ, уходъ въ изгнаніе, — все это отняло отъ меня то спокойствіе духа, а можетъ быть даже и возможность вполнѣ объективно сосредоточиться на прошломъ, безъ которыхъ самый пересказъ о томъ, что пережито и испытано, можетъ показаться недостаточно уравновѣшаннымъ, а отчасти даже и недостаточно интереснымъ, по сравненію съ тѣми событіями, которыя пришли ему на смѣну.

Я рѣшилъ, поэтому, съузить объемъ моихъ воспоминаній, ограничивъ ихъ только послѣднею порою моей жизни и дѣятель-

ности на родинѣ, такъ какъ за эту пору я былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣятелемъ моего времени и несу за него извѣстную отвѣтственность.

Я не пишу исторіи моего времени. Я говорю только о томъ, что было при мнѣ и при моемъ непосредственномъ участіи. Я составляю, такъ сказать, путевой журналъ пройденнаго мною пути, и въ немъ я останавливаюсь передъ отдѣльными явленіями, встрѣченными мною на моей жизненной дорогѣ, и даю имъ фотографическій снимокъ, безъ ретуши и, тѣмъ болѣе, безъ всякой попытки освѣтить ихъ искуственнымъ свѣтомъ.

Я старался избѣгать всякаго рода обобщеній и широкихъ выводовъ. Единственное, отъ чего я не хотѣлъ отойти въ моемъ разсказѣ ни на минуту, это — отъ того, чтобы всегда говорить правду, одну правду, но за то и — всю правду. Отсюда, по необходимости, всѣ мои Воспоминанія окрашены чисто личнымъ освѣщеніемъ. Въ этомъ ихъ большой недостатокъ, но за то, быть можетъ, и нѣкоторое достоинство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На посту Министра Финансовъ до моего перваго увольненія.

1903—1905.

ГЛАВА I.

Отставка С. Ю. Витте и назначенiе Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ Э. Д. Плеске. — Обстоятельства, при коихъ состоялась, неожиданная для Витте, его отставка. — Болѣзнь Э. Д. Плеске и мое участiе въ бюджетной работѣ 1903 г. — Первые слухи о порчѣ отношенiй съ Японiей. — Нападенiе на Портъ-Артуръ и начало войны. — Мое назначенiе Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ.

Лѣто 1903-го года, какъ и лѣто предыдущаго года, когда я только что былъ назначенъ на должность Государственнаго Секретаря, мы проводили у себя въ деревнѣ близъ ст. Веребье, Николаевской желѣзной дороги. Я собирался въ началѣ августа поѣхать въ Гомбургъ, куда должна была прiѣхать къ концу моего тамъ пребыванiя жена, и мы должны были вмѣстѣ съѣздить на двѣ недѣли въ Парижъ, передъ тѣмъ чтобы окончательно вернуться въ городъ на зиму. Время шло въ деревнѣ, какъ всегда, мирно, беззаботно. Государственный Совѣтъ былъ закрытъ и ничто не нарушало того идеальнаго покоя, который былъ такъ дорогъ послѣ 6-ти трудныхъ лѣтъ моей службы на должности Товарища Министра Финансовъ.

Готовясь къ отъѣзду заграницу, я прiѣхалъ на нѣсколько часовъ въ городъ и зашелъ въ Государственный Банкъ къ моему другу Э. Д. Плеске, чтобы узнать отъ него, не могу ли я навѣстить въ тотъ же вечеръ на дачѣ въ Парголовѣ его и его семью, съ которою я былъ также друженъ и даже, пожалуй, еще болѣе близокъ, чѣмъ съ нимъ самимъ. Мы условились съ какимъ поѣздомъ мнѣ лучше всего поѣхать, но самъ онъ не могъ поѣхать одновременно со мною, такъ какъ былъ позванъ на обѣдъ къ Министру Финансовъ С. Ю. Витте.

Я собирался было уже ѣхать на Финляндскiй вокзалъ около 5-ти часовъ, какъ раздался телефонный звонокъ съ дачи Витте, и м-мъ Витте, отъ имени мужа и своего просила меня непре-

мѣнно обѣдать у нихъ, сказавши, что мужу очень хочется видѣть меня, и онъ обрадовался, узнавши отъ Э. Д. о моемъ пріѣздѣ изъ деревни.

Зачѣмъ именно понадобилось позвать меня на обѣдъ, я такъ и не понялъ, потому что никакихъ особыхъ разговоровъ со мною не было, и я уѣхалъ оттуда довольно рано, одновременно съ Плеске, торопившимся къ себѣ на дачу, и очень сожалѣлъ о томъ, что я не попалъ въ Парголово, такъ какъ на слѣдующій день въ три часа я выѣхалъ обратно въ деревню. Если я упоминаю объ этомъ обѣдѣ у Витте, то только потому, что всѣ разговоры за столомъ вертѣлись исключительно около намѣченной Витте поѣздки его съ семьею, въ половинѣ августа, на Черноморское побережье, на его дачу около Сочи, и онъ не разъ упрекалъ меня за то, что я не имѣю дачи на побережьѣ, такъ какъ тамъ, по его словамъ, настоящій рай, — не то что «въ Вашей любимой заграницѣ», какъ выражался онъ, утверждая, что терпѣть не можетъ поѣздокъ на Западъ. Затѣмъ, не разъ Витте касался всевозможныхъ вопросовъ, застрявшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, просилъ меня помочь двинуть ихъ въ самомъ началѣ сессіи, намекалъ на его постоянныя тренія съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Плеве, и рѣшительно ничто не говорило за то, что онъ собирается покидать Министерство.

На утро Э. Д. Плеске позвонилъ ко мнѣ по телефону, чтобы передать сожалѣніе его семьи по поводу того, что я не былъ у нихъ вчера, и прибавилъ: «смотри, какъ бы тебя не вытащили изъ твоего прекраснаго далека». На вопросъ мой, что это значитъ, онъ мнѣ сказалъ только: «у насъ много говорятъ о томъ, что будетъ скоро большая перемѣна, и кому же какъ не тебѣ возвращаться на старое пепелище». Я не придалъ этому никакого значенія, вернулся въ деревню, просидѣлъ тамъ еще около трехъ недѣль и въ самомъ началѣ августа выѣхалъ въ Гомбургъ, безъ остановки въ Берлинѣ. Въ половинѣ августа, 16-го или 17-го числа нашего стиля, подхожу я къ источнику пить воду, навстрѣчу ко мнѣ идетъ Столпаковъ и показываетъ 3-ье Прибавленіе къ Франкфуртской газетѣ, въ которомъ напечатано извѣстіе изъ Петербурга о назначеніи Витте Предсѣдателемъ Комитета Министровъ и о замѣщеніи его въ должности Министра Финансовъ Э. Д. Плеске.

Прямо отъ источника, не заходя домой, я прошелъ на телеграфъ и послалъ горячую привѣтственную телеграмму моему другу и товарищу дѣтства, желая ему самымъ искреннимъ образомъ успѣха на трудномъ посту. Прошло два дня и отвѣтной

телеграммы отъ него не было. Только ночью второго дня, когда все спало мирнымъ сномъ въ тихомъ и уютномъ Гомбургѣ, я проснулся отъ сильнѣйшаго стука въ калитку виллы Фелль, въ которой я занималъ комнату въ нижнемъ этажѣ съ выходомъ прямо въ садъ. Никто не выходилъ на стукъ, я всталъ, надѣлъ халатъ и вышелъ въ садъ. Оказалось, что давно уже напрасно добивается открытія калитки посланный съ телеграфной станціи для передачи именно мнѣ двухъ депешъ, — одной простой, другой срочной, которая и оправдывала, собственно говоря, ночную доставку, такъ какъ по правиламъ того времени, телеграммы доставлялись на домъ только до 9-ти часовъ вечера. Первая депеша была отъ Плеске съ выраженіемъ самой теплой благодарности за привѣтствіе и надежды на помощь въ трудную минуту, а вторая — отъ моего товарища по должности Государственнаго Секретаря, Барона Икскуля, съ извѣщеніемъ, что съ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ случился ударъ, что его жизнь въ опасности и что, по совѣту многихъ близкихъ мнѣ людей (я понялъ, что дѣло идетъ о Гр, Сольскомъ) мнѣ необходимо немедленно пріѣхать въ Петербургъ и получить отъ кого слѣдуетъ (то есть Государя) соотвѣтствующія указанія.

Вечеромъ того же дня, я выѣхалъ въ обратный путь, предварительно попросивши того же Бар. Икскуля предварить жену о моемъ пріѣздѣ.

Помню хорошо, что я пріѣхалъ домой въ воскресенье; въ то же утро, нѣсколькими часами раньше меня пріѣхала жена изъ деревни, и мы сидѣли дома, когда около трехъ часовъ къ намъ пріѣхалъ въ мундирѣ и лентѣ Э. Д. Плеске, дѣлавшій въ этотъ день офиціальные визиты. День былъ очень жаркій и душный. Когда онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, мы оба съ женою не могли удержаться отъ вопроса, что съ нимъ, настолько насъ поразилъ его внѣшній видъ: блѣдный съ безкровнымъ лицомъ, покрытый потомъ, онъ едва держался на ногахъ и съ трудомъ опустился въ кресло, ища какого-то положенія, при которомъ онъ меньше бы страдалъ. Онъ отвѣтилъ намъ, что усталъ отъ разъѣздовъ по городу и его окрестностямъ, но что это только минутное утомленіе, которое, вѣроятно, скоро пройдетъ. Тутъ же онъ разсказалъ намъ, какъ состоялось его назначеніе, котораго онъ никакъ не ожидалъ, какъ не ожидалъ своего увольненія Витте, несмотря на то, что разговоры объ этомъ уже ходили въ городѣ. До меня они не дошли. Я помню хорошо этотъ разсказъ и воспроизвожу его со всею точностью, такъ какъ онъ предста-

вляется во всѣхъ отношеніяхъ весьма характернымъ. Вотъ какъ передалъ мнѣ покойный Плеске этотъ инцидентъ.

Въ концѣ іюля, онъ доложилъ своему Министру, что никогда не бывалъ въ Сибири и находилъ крайне полезнымъ для дѣла побывать тамъ и направить работу Отдѣленій Государственнаго Банка, въ которыхъ замѣчалось чрезвычайно рѣзкое повышеніе всѣхъ активныхъ операцій, подъ вліяніемъ большого оживленія всей экономической жизни края. Въ особенности его заботилъ личный составъ Отдѣленій, мало приспособленный къ новой обстановкѣ. Жаловался также торговый классъ на то, что Государственный Банкъ мало реагируетъ на требованія жизни и на то, что частные банки пользуются этими недостатками и жмутъ торговлю своими тяжелыми условіями.

Витте отнесся къ этому предположенію очень сочувственно и поставилъ только два условія: чтобы поѣздка произошла одновременно съ его собственнымъ отъѣздомъ на югъ и не заняла болѣе одного мѣсяца, такъ какъ къ началу хлѣбной кампаніи онъ желалъ бы, чтобы Плеске вернулся изъ поѣздки. Предположеніе это было доложено имъ Государю, не встрѣтило никакихъ съ его стороны возраженій, и Плеске сталъ готовиться къ отъѣзду, около 15-го августа. Все было уже приготовлено, найденъ удобный салонный вагонъ, подобраны спутники изъ состава ближайшихъ сотрудниковъ по Государственному Банку, испрошены путевыя пособія и оставалось только выждать отъѣзда Министра и отправиться въ путь слѣдомъ за нимъ.

Поздно ночью 14-го августа, когда все на парголовской дачѣ Плеске спало уже мирнымъ сномъ, раздался стукъ въ двери, и появился курьеръ Министра Жуковскій съ запиской Витте, набросанной карандашемъ: «сейчасъ получилъ приказаніе Государя привезти Васъ завтра съ собою на докладъ. Будьте на Петергофской пристани къ 9-ти часамъ». Пришлось разбудить прислугу, послать въ городъ за мундиромъ и только подъ утро удалось все наладить, такъ какъ передвиженіе между Парголовымъ и городомъ на лошадяхъ потребовало немало времени. Во время совмѣстной съ Витте поѣздки на пароходѣ Плеске ничего не узналъ, такъ какъ Витте сказалъ ему только, что вѣроятно Государь желаетъ видѣть его передъ его отъѣздомъ въ Сибирь, такъ какъ всегда интересуется Сибирью, тѣмъ болѣе, что и самъ Государь собирается черезъ нѣсколько дней выѣхать въ Крымъ. Тутъ же Витте повторилъ Плеске, что проситъ его постоянно сноситься съ нимъ по телеграфу шифромъ и сказалъ, что Путилову (Директору Общей Канцеляріи) передано уже распоряженіе

о снабженіи его новымъ шифромъ. Во время доклада Витте Государю, Плеске сидѣлъ въ маленькой пріемной съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ и велъ самый обыкновенный разговоръ. Докладъ длился очень долго и собесѣдникъ Плеске замѣтилъ даже: «какъ бы не задержалъ Вашъ Министръ Государя съ завтракомъ, этого здѣсь не любятъ». Витте вышелъ изъ кабинета Государя съ весьма смущеннымъ лицомъ, подалъ Плеске руку и сказалъ ему только: «я подожду Васъ на пароходѣ». Когда Плеске вошелъ въ кабинетъ, Государь посадилъ его противъ себя къ окну и безъ всякаго вступленія, самымъ простымъ тономъ сказалъ ему: «Сергѣй Юліевичъ принялъ постъ Предсѣдателя Комитета Министровъ, за что Я ему очень благодаренъ, и Я рѣшилъ назначить Васъ Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ». Смущенный такой неожиданностью, Плеске нѣсколько времени молчалъ, а затѣмъ сказалъ, что онъ не имѣетъ достаточно словъ, чтобы выразить свою благодарность за оказываемое довѣріе, но очень опасается, что не сумѣетъ его оправдать, такъ какъ здоровье его очень неважно, да онъ и не обладаетъ многими свойствами, безъ которыхъ постъ Министра ему будетъ не подъ силу. На это Государь сказалъ ему: «Но Вы обладаете тѣмъ преимуществомъ, которымъ не обладаютъ другіе — моимъ полнымъ къ Вамъ довѣріемъ и моимъ обѣщаніемъ во всемъ помогать Вамъ. Я думалъ сначала дать Вамъ возможность побывать въ Сибири и назначить Васъ уже послѣ Вашего возвращенія, но такъ будетъ лучше, Вы успѣете съѣздить въ Сибирь и въ качествѣ Министра, когда сами выберете подходящій моментъ».

Никакихъ разговоровъ больше не было, и Государь простился со словами: «до будущей пятницы, послѣ чего Я самъ скоро уѣду на отдыхъ въ Крымъ».

На пароходной пристани Плеске засталъ Витте мирно бесѣдовавшимъ съ кѣмъ-то изъ моряковъ, но когда они вошли на яхту и сѣли въ каюту, Витте не удерживался болѣе и разразился, нимало не скрываемымъ неудовольствіемъ. Плеске не передалъ мнѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, но я хорошо помню изъ его разсказа, что Витте и не подозрѣвалъ объ увольненіи его отъ должности Министра и совершенно не былъ къ этому готовъ. Онъ сказалъ Плеске, что весь его очередной докладъ былъ выслушанъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ, все одобрено и утверждено. Витте закончилъ всѣ очередные вопросы испрошеніемъ указаній рѣшительно обо всемъ и представилъ Государю отдѣльный экземпляръ шифра для сношенія съ Нимъ во время пребыванія Его въ Ливадіи и просилъ разрѣшенія телеграфировать по всѣмъ срочнымъ

вопросамъ и уже собирался встать и откланяться, какъ Государь, въ самой спокойной и сдержанной формѣ, сказалъ ему: «Вы неразъ говорили мнѣ. что чувствуете себя очень утомленнымъ. да и немудрено устать за 13 лѣтъ. Я очень радъ, что имѣю теперь возможность предоставить Вамъ самое высокое назначеніе и сдѣлалъ уже распоряженіе о назначеніи Васъ Предсѣдателемъ Комитета Министровъ. Такимъ образомъ, мы останемся съ Вами въ постоянныхъ и самыхъ близкихъ отношеніяхъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Кромѣ того, я хочу показать всѣмъ мое довѣріе къ Вашему управленію финансами тѣмъ, что назначаю Вашимъ преемникомъ Плеске. Надѣюсь, что это доставитъ Вамъ только удовольствіе, такъ какъ Я хорошо помню, какъ часто Вы говорили о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, да и со всѣхъ сторонъ я слышу о немъ только одно хорошее. Его очень любитъ и моя матушка».

— Вы понимаете — сказалъ Витте, — что меня просто спустили. Я надоѣлъ, отъ меня отдѣлались, и мнѣ слѣдуетъ просто подать въ отставку, что я, конечно, и сдѣлаю, но не хочу сразу дѣлать скандала.

Въ концѣ сентября или въ самыхъ первыхъ числахъ октября того же года, подъ конецъ нашего пребыванія въ Парижѣ, мы съ женою собирались уже въ обратный путь домой. За день или за два до отъѣзда, — мы жили тогда въ Отель д'Альбани, на рю де Риволи — къ намъ зашелъ покойный Я. И. Утинъ и сказалъ, что только что встрѣтилъ на улицѣ Витте, который, узнавши, что я здѣсь, сказалъ ему, что очень хотѣлъ бы меня видѣть. Я отправился по указанному мнѣ адресу, въ Отель Вестминстеръ на rue de la Paix, гдѣ жилъ и Утинъ, и спросилъ консьержа, дома ли Витте. Тотъ отвѣтилъ мнѣ, что никакого Витте у нихъ нѣтъ, но есть господинъ Еттивъ (тѣ же буквы, читаемыя съ конца), — «что, впрочемъ», прибавилъ онъ, — «одно и то же». Я засталъ его дома, также какъ и его жену и его бесѣда носила характеръ прямого обвиненія Государя въ неискренности и самаго раздраженнаго отношенія къ увольненію его съ поста Министра Финансовъ. На мой вопросъ: когда думаетъ онъ вернуться обратно, онъ сказалъ мнѣ, что не принялъ еще никакого рѣшенія, такъ какъ ждетъ нѣкоторыхъ разъясненій о своемъ увольненіи, ибо, — прибавилъ онъ, — «до меня доходятъ слухи о возможности моего ареста по требованію Плеве, благодаря проискамъ котораго я и уволенъ». Я старался обратить весь разговоръ въ шутку, въ него вмѣшалась М. И. Витте и сказала, между прочимъ, «какъ Вы должны благодарить судьбу за то, что не попали въ Министры

Финансовъ и остались на такомъ прекрасномъ, спокойномъ мѣстѣ, какъ должность Государственнаго Секретаря». Витте прибавилъ къ этому, — «если бы я только предполагалъ, что меня уволятъ, — я, конечно, указалъ бы Государю на Васъ, какъ на единственнаго подходящаго кандидата, такъ какъ Плеске не справится и ему все равно сломятъ шею, да къ тому же онъ тяжко боленъ и не сможетъ оставаться на этой должности». Я нимало не сомнѣваюсь, что онъ поступилъ бы какъ разъ наоборотъ и ни въ какомъ случаѣ не сказалъ бы ни одного слово въ мою пользу, какъ не говорилъ, вѣроятно, ничего добраго про меня, когда я занималъ постъ Министра Финансовъ. Мы разстались на томъ, что я сказалъ, что чувствую себя прекрасно на своемъ мѣстѣ, никуда не стремлюсь и буду радъ помочь Плеске во всемъ, въ чемъ это окажется для меня возможнымъ, — по Государственному Совѣту.

Я пробылъ въ Петербургѣ только четыре дня, видѣлъ за это время Государя, получилъ отъ него приказанiе составить Указъ о назначенiи Графа Сольскаго временнымъ замѣстителемъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, впредь до выздоровленiя Великаго Князя и вмѣстѣ съ женою выѣхалъ заграницу, слѣдомъ за уѣхавшимъ въ Крымъ Государемъ. Вернулись мы около 6—7 октября и первымъ моимъ шагомъ было навѣстить Плеске, который показался мнѣ сильно похудѣвшимъ, даже противъ того, какъ онъ былъ при нашемъ отъѣздѣ. Тутъ же я узналъ отъ него и отъ моихъ близкихъ, что въ немъ очевидно таится какая-то тяжелая болѣзнь, но какая именно, никто не говоритъ, и только вскользъ кто-то упомянулъ, что у него повидимому внутренняя опухоль, которую называли «саркомою». Такъ потомъ и оказалось. Разсказывали при этомъ, что уже съ начала лѣта онъ жаловался на какую-то неловкость въ лѣвой сторонѣ, избѣгалъ ходить, почти отказался отъ любимой игры съ дѣтьми въ теннисъ и какъ-то въ началѣ августа, еще до назначенiя его на новую должность, поѣхалъ къ своему двоюродному брату на дачу въ Знаменку и возвращался оттуда въ Новый Петергофъ на желѣзную дорогу, на его одиночкѣ. Лошадь чего-то испугалась въ паркѣ, понесла, и онъ и жена его, воспользовались удобною минутою, выпрыгнули изъ экипажа, самъ Эдуардъ Дмитрiевичъ прыгнулъ прямо на ноги и тутъ же почувствовалъ жгучую боль во всей лѣвой тазовой полости и съ той минуты эта боль уже не проходила и усиливалась день ото дня. Онъ переносилъ ее съ стоическимъ спокойствiемъ, не показывая близкимъ своихъ страданiй. Знала объ нихъ, повидимому, только его прелестная старшая дочь, Нина, не оставлявшая своего отца ни на минуту

и въ уходѣ за нимъ потерявшая окончательно свое хрупкое здоровье. Подъ вліяніемъ страданій, пережитыхъ ею у постели нѣжно любимаго отца, у нея развилась чахотка и черезъ три года послѣ кончины отца не стало и ея.

Съ возобновленіемъ сессіи Государственнаго Совѣта, 1-го ноября, Э. Д. Плеске сталъ было появляться въ его засѣданіяхъ, но не надолго. Было очевидно, что всякое движеніе ему просто не подъ силу. Онъ не могъ подняться по лѣстницѣ даже во второй этажъ въ залъ засѣданій и пользовался лифтомъ, которымъ не пользовался никто, кромѣ невладѣвшаго ногами Гр. Сольскаго. Скоро начались смѣтныя засѣданія по четвергамъ, ему видимо хотѣлось бывать во всѣхъ ихъ, но силы не позволяли ему высиживать почти безъ перерыва съ часу до 5-ти и иногда даже до 6-ти и послѣ одного изъ нихъ меня кто-то изъ семьи попросилъ заѣхать вечеромъ, хотя мы съ женою заходили часто въ Государственный Банкъ, — гдѣ Плеске все еще оставался, такъ какъ квартира для него въ зданіи Министерства была далеко не готова, да такъ онъ въ нее и не переѣхалъ.

Это мое посѣщеніе оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Я прошелъ прямо въ его спальню. Онъ попросилъ свою милую старшую дочь, его безсмѣнную сидѣлку, выйти на минуту, и сказалъ мнѣ, что проситъ меня дать ему дружескій совѣтъ, какъ ему поступить. Онъ сказалъ, что чувствуетъ крайнюю необходимость бывать во всѣхъ смѣтныхъ засѣданіяхъ, но положительно не видитъ къ тому никакой возможности, такъ какъ его здоровье не улучшается, и докторъ требуетъ полнаго отдыха, запрещая вообще какіе-либо выѣзды. У него явилась, поэтому, мысль написать объ этомъ откровенно Государю, высказать, что безъ личнаго участія Министра нельзя вообще составить бюджета, и потому онъ вынужденъ просить освободить его отъ должности, которую онъ не можетъ добросовѣстно занимать и позволить себѣ даже высказать откровенно, что въ моемъ лицѣ Государь имѣетъ человѣка гораздо болѣе подготовленнаго, чѣмъ онъ.

Я просилъ его не дѣлать этого и, во всякомъ случаѣ, не упоминать обо мнѣ. «Два мѣсяца тому назадъ» — сказалъ я — «у Государя была возможность выбора лица по его непосредственному усмотрѣнію, и онъ остановилъ свой выборъ на немъ, а не на мнѣ. — Очевидно, подъ вліяніемъ временнаго недомоганія — я не зналъ еще, что болѣзнь его безнадежна, — Государь не согласится отпустить человѣка, къ которому Онъ питаетъ довѣріе, и нельзя ставить Государя въ тяжелое положеніе, въ особенности когда онъ только что пріѣхалъ на отдыхъ». Я предложилъ ему, поэтому, пока ничего не дѣлать, перестать ѣздить въ Совѣтъ,

написавши объ этомъ только Гр. Сольскому, котораго я обѣщалъ расположить въ пользу такого рѣшенія и — располагать мною во всемъ, въ чемъ я могу быть полезенъ ему для смѣтныхъ засѣданій, такъ какъ его Товарищъ Романовъ дѣйствительно не годится для проведенія бюджетныхъ засѣданій. Что происходило въ душѣ этого скрытнаго, но утонченно благороднаго человѣка, — я конечно не знаю, но думаю, что онъ уже и тогда чувствовалъ безнадежность своего положенія и только не показывалъ окружающимъ. Онъ обнялъ меня, благодарилъ за совѣтъ и за готовность помочь, обѣщалъ подумать, прося меня ничего пока не говорить Гр. Сольскому.

Нѣсколько времени спустя, я узналъ въ разговорѣ съ женою Э. Д., что онъ получилъ отъ Государя крайне милостивое письмо, съ выраженіемъ ему полнаго Своего довѣрія, съ просьбою беречь себя для будущей работы и отнюдь не обременять себя никакими второстепенными дѣлами. Было ли это письмо отвѣтомъ на обращеніе самого Плеске или же самостоятельнымъ порывомъ Государя подъ вліяніемъ дошедшихъ до него слуховъ о болѣзни, — я не знаю, — но уже гораздо позже, какъ то спросивши Государя къ подошедшему слову, — писалъ ли ему Плеске о своей болѣзни и просилъ ли онъ освободить его отъ непосильной работы, Государь сказалъ мнѣ, что онъ ему писалъ еще въ Ливадію, а на вопросъ указывалъ ли онъ на желательность замѣстить его мною, Государь также ясно и категорически отвѣтилъ мнѣ, что этого положительно не было и обѣщалъ даже поискать письмо Плеске, «которое вѣроятно сохранилось у меня» — сказалъ онъ, прибавивши, что «я помню какъ растрогало это письмо меня и императрицу своею удивительною теплотою и благородствомъ, сквозившимъ въ каждомъ словѣ».

По мѣрѣ того, какъ подвигалась смѣтная работа въ Департаментѣ Экономіи мнѣ пришлось принимать все большее и большее участіе въ ней. Вышло это какъ-то само собою. Между мною и Гр. Сольскимъ существовали самыя близкія отношенія. Онъ просилъ меня, не стѣсняясь формальными условіями прохожденія смѣтъ по Департаменту Экономіи, помочь «Романову, котораго просто забиваютъ представители Министерствъ» и припомнить «доброе старое время, когда Вы защищали Финансовое вѣдомство», и я сталъ просто во всемъ помогать Романову. Не проходило засѣданія, чтобы онъ не благодарилъ меня за помощь, хотя она фактически была оказываема больше Гр. Сольскимъ, чѣмъ мною, ибо послѣдній пользовался огромнымъ авторитетомъ среди всего чиновничьяго міра и мои справки и объясненія принимались

только потому, что онъ ихъ всегда поддерживалъ. Часто, почти каждый день, я заходилъ къ Плеске, и онъ всякій разъ горячо благодарилъ меня, а какъ-то разъ, уже въ началѣ декабря, сказалъ при покойномъ И. И. Кабатѣ: «мнѣ придется испросить разрѣшеніе Государя предоставить Государственному Секретарю давать за меня объясненія и въ Общемъ Собраніи по бюджету, такъ какъ онъ составленъ и проведенъ имъ однимъ».

Все время до конца января прошло какъ-то сѣро и незамѣтно. Поговаривали смутно о томъ, что начинаютъ портиться отношенія съ Японіей; въ такъ называемыхъ кулуарахъ Государственнаго Совѣта все чаще и чаще слышались разговоры о Ялу, о концессіи Безобразова, о чемъ я ничего не зналъ, но жизнь шла своимъ обычнымъ ходомъ, и ничто не предвѣщало близкой грозы. Среди всякихъ пересудъ, господствовало презрительное отношеніе къ Японіи и японцамъ, и наиболѣе самоувѣренныя рѣчи приходилось слышать отъ Военнаго Министра Куропаткина, который, ссылаясь на свою недавнюю поѣздку въ Японію, постоянно твердилъ одно: «развѣ они посмѣютъ, вѣдь у нихъ ничего нѣтъ, и они просто задираютъ насъ, предполагая, что всѣ имъ повѣрятъ и испугаются». Столица жила своею обычною жизнью и даже веселилась больше обыкновеннаго. Въ Эрмитажѣ данъ былъ даже, послѣ большого перерыва, придворный спектакль, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ, не исключая и японцевъ, явившихся, какъ всегда, въ полномъ составѣ. Правда, что съ появленіемъ ихъ какъ-то стали больше переговариваться втихомолку, а во время театральнаго перерыва, въ залахъ стали собираться группы и изъ ихъ среды раздавались голоса о томъ, что изъ Владивостока пришли какія-то извѣстія о какомъ-то морскомъ столкновеніи въ Портъ-Артурѣ, но никто ничего толкомъ не говорилъ, и всѣ разъѣхались въ самомъ благодушномъ настроеніи.

На утро получилось, однако, совсѣмъ иное. Газеты сообщили открыто, что на рейдѣ Портъ-Артуръ, безъ всякаго предупрежденія, совершено нападеніе японскими миноносцами на нашу эскадру, и два броненосца «Паллада» и «Ретвизанъ» выведены изъ строя. Война между Россіей и Японіей началась безъ объявленія ея. Общее настроеніе было, конечно, полно возмущенія отъ такого явнаго нарушенія обычаевъ всего свѣта, но никакой тревоги не было. Всѣ смотрѣли на это какъ на эпизодъ, никто не придавалъ ему никакого значенія и презрительныя слова «макаки» по отношенію къ японцамъ, приправленныя полнѣйшею увѣренностью

въ быстромъ окончанiи «авантюры», не сходили съ устъ. Стали, однако, тотчасъ же принимать нужныя мѣры.

Я не зналъ въ первую минуту, что дѣлалось по Военному Вѣдомству, но въ тотъ же день — 28-го или 29-го января — Гр. Сольскiй пригласилъ меня къ себѣ и рѣшилъ созвать чрезвычайное засѣданiе Департаментовъ Государственнаго Совѣта, для рѣшенiя вопроса о пересмотрѣ только что утвержденнаго бюджета. Работа пошла энергично и въ нѣсколько дней послѣдовали сокращенiя по всѣмъ вѣдомствамъ. Въ этой работѣ мнѣ пришлось принять уже совершенно открытое участiе. Съ этимъ фактомъ, хотя и выходившимъ изъ предѣловъ законныхъ рамокъ и обычаевъ, всѣ примирились. Министерство Финансовъ не возражало и оказывало мнѣ всякую помощь, поворчалъ только Государственный Контролеръ Лобко, но и его убѣдилъ его Товарищъ Философовъ въ необходимости помочь Романову, которому не справиться съ этою работою. Впрочемъ, черезъ недѣлю съ небольшимъ все дѣло приняло нормальный и законный ходъ съ моимъ назначенiемъ на должность Управляющаго Министерствомъ Финансовъ.

Это назначенiе состоялось 5-го февраля. Ему предшествовалъ слѣдующiй эпизодъ.

Тотчасъ послѣ начала военныхъ дѣйствiй, Гр. Сольскiй, какъ Предсѣдатель Финансоваго Комитета, собралъ у себя на дому засѣданiе Комитета. Въ немъ участвовалъ и Витте, который послѣ увольненiя отъ должности Министра, былъ назначенъ членомъ Финансоваго Комитета. При открытiи засѣданiя, Гр. Сольскiй заявилъ, что Финансовому Комитету слѣдовало бы принять рѣшенiе: какимъ порядкомъ слѣдуетъ утверждать расходы, связанные съ начавшеюся войною, но ему неизвѣстно, выработаны ли какiя-либо предположенiя Финансовымъ вѣдомствомъ и готовъ ли Товарищъ Министра Романовъ представить ихъ Комитету отъ имени Министра.

Романовъ отвѣтилъ, что война возникла столь неожиданно, что Министерство не могло приготовить никакого своего плана, въ особенности при ежедневно ухудшавшемся здоровьи Министра, котораго онъ положительно стѣсняется тревожить такимъ вопросомъ. — Весь Комитетъ, не исключая и Витте, согласился съ тѣмъ, что необходимо обождать представленiя соображенiй вѣдомства, тѣмъ болѣе, что, очевидно, измѣнившiяся обстоятельства потребуютъ быстраго рѣшенiя вопроса о томъ, не послѣдуетъ ли какой-либо перемѣны въ самомъ управленiи вѣдомствомъ, при тяжкой болѣзни Э. Д. Плеске.

Финансовый Комитетъ въ этомъ засѣданіи рѣшилъ только просить Государя усилить составъ Комитета двумя новыми членами, для того, чтобы ближе слѣдить за ходомъ дѣлъ, въ связи съ войною. Въ кандидаты предложили меня и Шванебаха. Участники этого засѣданія, какъ передавалъ мнѣ потомъ Гр. Сольскій, обмѣнялись подъ конецъ нѣкоторыми ихъ взглядами, но всѣ были того мнѣнія, что вопросъ о способахъ покрытія расходовъ войны не представляется еще особенно спѣшнымъ, потому что военныя дѣйствія будутъ несомнѣнно развиваться медленно, на первое же время имѣются, хотя и небольшіе, рессурсы, въ сокращеніяхъ, произведенныхъ въ бюджетѣ. Общій тонъ разговоровъ былъ совершенно спокойный, такъ какъ большинство участниковъ засѣданія раздѣляло общее настроеніе о томъ, что война не можетъ принять слишкомъ значительнаго объема. Назначеніе новыхъ членовъ Финансоваго Комитета состоялось 3-го февраля. Помню хорошо этотъ день. Это былъ вторникъ. Плеве позвонилъ ко мнѣ по телефону и спросилъ, что обозначаетъ такое назначеніе? Я объяснилъ ему только то, что зналъ отъ Сольскаго, и въ шутку прибавилъ: «какъ бы эти броненосцы Финансоваго Комитета не подверглись той же участи, какая постигла наши суда въ Портъ-Артурской бухтѣ. — Не знаю, какую пользу принесутъ они дѣлу».

На другой день, въ среду вечеромъ, Плеве опять позвонилъ ко мнѣ и сказалъ, что «изъ двухъ броненосцевъ «Паллады» и «Ретвизана» — одинъ, не знаю ужъ который, взорванъ, ибо ему предстоитъ занять постъ не особенно пріятный въ настоящую минуту. Сердечно желаю ему успѣха, но скорблю о томъ трудѣ, который выпадаетъ на его долю». Разспрашивать его по телефону я не могъ, да и по характеру моего собесѣдника зналъ, что бо́льшихъ подробностей отъ него не услышу, тѣмъ болѣе, что для меня было ясно, что идетъ рѣчь именно о моемъ, а не Шванебаха назначеніи, такъ какъ Плеве, конечно, не сказалъ бы мнѣ ни слова, если бы дѣло касалось Шванебаха. Ясно было также и то, что рѣшеніе стало извѣстно Плеве изъ первоисточника, такъ какъ потомъ, уже въ концѣ этого дня стало извѣстно, что онъ былъ въ Зимнемъ Дворцѣ у Государя, внѣ очереди. Во весь вечеръ и даже утромъ слѣдующаго дня я не получилъ никакихъ подтвержденій этого сообщенія и послѣ завтрака, около половины перваго, пошелъ, по обыкновенію, пѣшкомъ въ Государственный Совѣтъ для участія въ очередномъ засѣданіи Департамента Экономіи. Не успѣлъ я войти въ засѣданіе, какъ ко мнѣ подошелъ Камеръ-Лакей и сказалъ, что меня вызываютъ по спѣшному дѣлу изъ дома по телефону. Я пришелъ къ себѣ въ кабинетъ, у телефона была жена, которая пере-

2*

дала мнѣ, что изъ Зимняго Дворца дежурный камердинеръ при комнатахъ Государя передаетъ, что мнѣ приказано быть у Государя въ два часа съ четвертью. Я попросилъ немедленно прислать мнѣ кучера въ саняхъ съ лентою и бѣлымъ галстукомъ, и ровно въ 2¼ я былъ въ пріемной Государя, гдѣ никогда до того не бывалъ.

ГЛАВА II.

Пріемъ у Государя и Императрицы. — Обстоятельства, при которыхъ состоялось мое назначеніе. — Встрѣча съ Витте. — Необходимость быстро принять рѣшеніе о томъ, каково должно быть направленіе нашей финансовой политики въ связи съ войною. — Мое рѣшеніе было принято въ тотъ же день и встрѣтило полное сочувствіе. — Первыя мои дѣйствія по изысканію средствъ на веденіе войны. — Чрезмѣрныя требованія кредитовъ со стороны Главнокомандующаго ген. Куропаткина. — Моя бесѣда съ ген. Куропаткинымъ до отъѣзда его на театръ военныхъ дѣйствій. — Ликвидація лѣсопромышленныхъ предпріятій на Ялу. — Приспособленіе Китайской желѣзной дороги къ требованіямъ военнаго времени. — Мой конфликтъ съ В. К. Плеве по поводу его проекта передачи фабричной инспекціи въ вѣдѣніе Департамента Полиціи.

Государь принялъ меня немедленно слѣдующими словами: «Въ другое время Я долженъ былъ бы спросить Васъ, не хотите ли Вы доставить Мнѣ большое удовольствіе принять вмѣсто Вашего покойнаго мѣста мѣсто болѣе непріятное — Министра Финансовъ, а теперь, Я просто скажу Вамъ, что Я уже распорядился о назначеніи Васъ Управляющимъ Министерствомъ на мѣсто бѣднаго Плеске, который давно просилъ меня освободить его отъ непосильной ему работы, но теперь, конечно, не можетъ оставаться номинальнымъ Министромъ, когда насъ постигла такая неожиданная бѣда. Я знаю Васъ давно и не допускаю, конечно, ни на одну минуту и мысли о томъ, что Вы откажетесь въ такую пору, и потому хотѣлъ только, чтобы Вы узнали о Моемъ рѣшеніи отъ Меня, а не изъ Указа, который будетъ Мною сейчасъ подписанъ». При этомъ Государь перекрестилъ меня, обнялъ и поцѣловалъ, прибавивъ: «Я понимаю какъ трудно быть Министромъ Финансовъ всегда, а во время войны въ особенности, но Я увѣренъ, что мы скоро покончимъ войну полною побѣдою надъ нашимъ врагомъ, и Я обѣщаю Вамъ

помогать Вамъ во всемъ и поддерживать Васъ въ Вашемъ трудѣ. Повидайте сейчасъ же Императрицу. Она очень хочетъ познакомиться съ Вами и очень рада, что Мой выборъ палъ на Васъ, такъ Мы часто говорили съ Нею о Васъ».

Я отвѣтилъ Государю, что повинуюсь Его волѣ, такъ какъ хорошо понимаю, что въ такихъ условіяхъ никто не имѣетъ права уклоняться отъ исполненія своего долга, и просилъ только о помощи и поддержкѣ, такъ какъ знаю по давнему опыту, что самое трудное для Министра Финансовъ, — это домогательства всѣхъ вѣдомствъ о новыхъ средствахъ, а во время войны нужно думать только о томъ, какъ добыть средства на войну, не разстраивая всего будущаго страны. Мы разстались на томъ, что Государь предложилъ мнѣ осмотрѣться въ теченіе недѣли и пріѣхать съ первымъ докладомъ въ слѣдующую пятницу.

Императрица вышла ко мнѣ въ Гостиную, рядомъ съ Малахитовымъ заломъ, поздравила съ назначеніемъ, сказавши (разговоръ шелъ по-французски), что она была вполнѣ увѣрена въ томъ, что я не откажу Государю въ помощи въ такую трудную минуту, и прибавила, что «Мнѣ уже говорили раньше, что Вы фактически замѣняете Министра Финансовъ болѣе трехъ мѣсяцевъ и Вамъ нѣтъ ничего новаго въ Вашей новой работѣ. Я хотѣла Васъ видѣть только для того, чтобы сказать Вамъ, что Государь и Я, мы просимъ Васъ всегда быть съ нами совершенно откровеннымъ и говорить намъ правду, не опасаясь, что она иногда намъ будетъ непріятна. Повѣрьте, что если даже это минутно непріятно, то потомъ Мы же будемъ благодарны Вамъ за это».

Я обѣщалъ неуклонно слѣдовать такому справедливому желанію и сказалъ, что меня всегда считали скупымъ и не уступчивымъ, когда я былъ еще Товарищемъ Министра Финансовъ и только потому, что я всегда одинаково отстаивалъ интересы государства, въ спорахъ какъ съ сильными, такъ и со слабыми вѣдомствами, а теперь долженъ быть еще болѣе неуступчивъ, потому, что война не шутка, и потому я прошу Ея Величество оказать мнѣ довѣріе и дать мнѣ возможность правдиво отвѣчать на жалобы и на неудовольствія на меня, когда онѣ будутъ, — въ чемъ я не мало не сомнѣваюсь — доходить до Государя или до Нея самой. — Императрица меня также благословила, обѣщала не вѣрить никакимъ слухамъ, а если ей будутъ жаловаться на меня, то тотчасъ же вызвать меня и разъяснить всякое недоразумѣніе.

Кто содѣйствовалъ моему назначенію?

Государь мало зналъ меня лично и никогда не имѣлъ случая входить до того въ прямыя со мною отношенія. Онъ помнилъ меня

въ лицо потому, что, въ бытность Его наслѣдникомъ престола, онъ аккуратно пріѣзжалъ въ Общія Собранія Государственнаго Совѣта по понедѣльникамъ и, сидя рядомъ съ Предсѣдателемъ, видѣлъ меня постоянно передъ собою читающимъ журналы предыдущихъ засѣданій, иногда весьма длинные, а, уходя изъ засѣданія, не разъ спрашивалъ меня изъ любезности, — «Вы не очень устали отъ такого чтенія. Я бы его просто не вынесъ».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, вернувшись еще въ декабрѣ изъ Крыма и узнавши, что болѣзнь Э. Д. Плеске не поддается лѣченію, онъ говорилъ съ Гр. Сольскимъ, что Его очень озабочиваетъ вопросъ о его замѣстителѣ и Ему крайне прискорбно, что разсчитывать на симпатичнаго Ему человѣка Ему не приходится. На вопросъ заданный Гр. Сольскому, какъ смотритъ онъ на замѣщеніе должности Министра Финансовъ, Сольскій горячо рекомендовалъ ему меня, но Государь медлилъ съ разрѣшеніемъ этого вопроса и, вѣроятно, еще долго оставался бы въ нерѣшительности, если бы начавшаяся война съ Японіей не заставила Его принять то или иное рѣшеніе. Гр. Сольскій былъ вызванъ къ Государю тотчасъ послѣ нападенія Японіи на Портъ-Артуръ, и вопросъ о замѣщеніи поста Министра Финансовъ снова былъ ему заданъ Государемъ, и опять Гр. Сольскій повторилъ Ему то, что было уже сказано имъ еще въ концѣ декабря. Объ этой вторичной бесѣдѣ Гр. Сольскій сказалъ мнѣ уже послѣ моего назначенія, прибавивши, что Государь просилъ его никому не говорить о происшедшемъ между ними разговорѣ, хотя у него осталось впечатлѣніе, что Государь вполнѣ склонился на его совѣтъ. Прошло, однако, еще нѣсколько дней, а назначенія все-таки не было.

Во вторникъ, 3-го февраля, былъ съ очереднымъ докладомъ у Государя Государственный Контролеръ Лобко и въ тотъ же день говорилъ своимъ близкимъ, въ томъ числѣ и своему Товарищу Д. А. Философову, что онъ поддерживалъ самымъ горячимъ и убѣжденнымъ образомъ кандидатуру послѣдняго, не скрывая и того, что Государь упомянулъ ему, что Онъ останавливается также и на моемъ имени, но Лобко не совѣтовалъ этого дѣлать, говоря — какъ потомъ онъ повторилъ и лично мнѣ, уже послѣ моего назначенія — что я буду очень тяжелъ для всѣхъ Министровъ, такъ какъ хорошо знаю бюджетъ, буду очень рѣзать новые расходы и стану вообще очень настойчиво проводить мои взгляды.

Въ среду, 4-го числа былъ вызванъ въ Зимній дворецъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве, о чемъ въ тотъ же день говорили въ Министерствахъ и эту поѣздку потомъ связывали съ моимъ назначеніемъ, приписывая Плеве окончательное устраненіе

колебаній Государя съ замѣщеніемъ должности Министра Финансовъ. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, — я не могу точно сказать, но самъ Плеве не отвергалъ этого ни при первомъ моемъ визитѣ къ нему, ни при той размолвкѣ, которая вскорѣ произошла между нами. — Я думаю, однако, что рѣшающее значеніе въ моемъ назначеніи имѣлъ все-таки Гр. Сольскій, который пользовался уваженіемъ Государя и считался наиболѣе компетентнымъ въ финансовыхъ вопросахъ, отношеніе же его ко мнѣ было съ давнихъ поръ самое сердечное. По крайней мѣрѣ, когда я пріѣхалъ къ нему, первому, чтобы сказать о моемъ назначеніи, и выразилъ ему, что не сомнѣваюсь въ томъ, что его поддержка моей кандидатуры имѣла рѣшающее значеніе, — онъ отвергалъ, конечно, свое вліяніе, но сказалъ, не обинуясь, что Государь спрашивалъ его мнѣніе, и онъ сказалъ только по совѣсти какъ смотритъ на меня и считаетъ, что уже въ ту минуту рѣшеніе Государя состоялось, и Государь только провѣрялъ разговоромъ съ нимъ, какъ и съ другими, правильность его, не давая никому возможности заблаговременно узнать его рѣшеніе.

Плеве, принимая меня непосредственно послѣ моего визита къ Сольскому, на замѣчаніе мое, что мнѣ извѣстно его посѣщеніе Зимняго дворца наканунѣ моего вызова, и что я полагаю, что онъ склонилъ окончательно Государя остановиться на мнѣ, — не только не отвергалъ этого, но даже сказалъ прямо, что онъ не могъ по совѣсти не возражать противъ мнѣнія Государственнаго Контролера о назначеніи его Товарища Философова, считая послѣдняго, при всѣхъ его способностяхъ, совершенно неподготовленнымъ для такой отвѣтственной минуты и неимѣющимъ никакого авторитета среди Министровъ. Помню хорошо его слова по этому поводу: «конечно, если бы назначеніе Министра Финансовъ зависѣло отъ плебисцита среди господъ Министровъ, то они подали бы голосъ за кого угодно, кромѣ какъ за Васъ. Я хорошо помню, какъ въ бытность Вашу Товарищемъ Министра у Витте, они терпѣть не могли участвовать въ засѣданіяхъ Департамента Экономіи при Вашемъ участіи и предпочитали имѣть дѣло съ Витте, который разозлится въ началѣ, а потомъ уступитъ въ концѣ, когда ему скажутъ нѣсколько льстивыхъ словъ».

Встрѣча моя съ Витте въ тотъ же день имѣла совершенно особенный характеръ. Объятіямъ и поцѣлуямъ не было конца. Изліянія въ дружбѣ, преданности и самой высокой оцѣнкѣ моихъ знаній, характера, твердости убѣжденій, моей прямоты лились рѣкою, приправленныя увѣреніями въ томъ, что я могу во всемъ разсчитывать на его поддержку, не только въ Комитетѣ Ми-

нистровъ и въ Финансовомъ Комитетѣ, но рѣшительно вездѣ, гдѣ только я желаю, чтобы его голосъ былъ услышанъ въ моихъ интересахъ. «Вотъ видите, — сказалъ онъ, — нужна была война съ Японіей, чтобы посадили въ Министры Финансовъ единственнаго настоящаго человѣка, а безъ этого брали людей не по тому, чего они стоятъ, а потому, что у нихъ пріятныя формы и готовность быть пріятными на верху». «Пройдетъ война и Васъ спихнутъ такъ же, какъ спихнули меня, а то, что Вы сдѣлаете, сейчасъ же забудется и Васъ не будутъ даже вспоминать».

Моею явкою къ Государю и Императрицѣ въ среду 4-го февраля и посѣщеніемъ въ тотъ же день Гр. Сольскаго, Плеве и Витте окончилась вся такъ называемая церемоніальная часть, и уже вечеромъ того же дня, не дожидаясь опубликованія Указа о моемъ назначеніи, я пригласилъ къ себѣ Товарища Министра Финансовъ Романова, Директора Кредитной Канцеляріи Малешевскаго, его Вице-Директора Вышнеградскаго и Управляющаго Государственнымъ Банкомъ Тимашева и предложилъ имъ обсудить тутъ же возникшее у меня предложеніе о томъ, какого направленія слѣдуетъ намъ держаться въ вопросѣ о способахъ покрытія расходовъ войны. Я просилъ припомнить наше недавнее время совмѣстной службы, во время котораго, даже и на должности Товарища Министра Финансовъ, я никогда не стѣснялъ никого высказывать открыто свое мнѣніе, всегда относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ и просилъ особенно слѣдовать этому правилу теперь, такъ какъ мнѣ пришлось взять въ мои руки отвѣтственное дѣло въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ. Я долженъ сказать, что это первое соприкосновеніе мое съ моими сотрудниками по Министерству Финансовъ оставило во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе. Оно не измѣнилось ни на одинъ день за всѣ десять лѣтъ нашей совмѣстной работы и дало мнѣ возможность выполнить мой долгъ сравнительно легко, несмотря на то, что условія нашей общей работы не всегда были легкія. Никто изъ нихъ не уклонился открыто и съ сознаніемъ важности минуты высказать свое мнѣніе, и наше первое совѣщаніе, длившееся почти три часа, привело насъ всѣхъ къ единогласному рѣшенію, которое мнѣ было тѣмъ легче выполнить потомъ, что оно встрѣтило такое же единогласное одобреніе, какъ во всемъ Финансовомъ Комитетѣ, такъ и среди членовъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Экономіи, близко соприкасавшихся съ вопросами нашего денежнаго обращенія, — несмотря на весьма существенныя разногласія между ними по другимъ частямъ нашей Финансовой администраціи. Я изложилъ моимъ новымъ сотрудникамъ, что то, что я намѣренъ предложить на

ихъ судъ, созрѣло у меня не сегодня, подъ вліяніемъ послѣдовавшаго неожиданно для меня назначенія на должность Управляющаго Министерствомъ Финансовъ. Еще съ перваго дня, какъ мы оказались въ войнѣ съ Японіей, слѣдя за нашею, а также и французскою печатью, и, прислушиваясь ко всѣмъ сужденіямъ, которыя доходили до меня, въ особенности среди членовъ Государственнаго Совѣта, — я слышалъ одно и то же сужденіе, неизмѣнно повторявшееся всѣми, кто высказалъ свое мнѣніе о характерѣ нашего вооруженнаго столкновенія. А именно, что война для насъ неопасна, что наши силы несоизмѣримы съ силами Японіи, хотя бы она была больше насъ готова къ войнѣ, такъ какъ мы къ ней не готовились, — что наше внутреннее положеніе совершенно устойчиво и не можетъ быть потрясено начавшейся войною, слишкомъ удаленною отъ нашихъ центровъ. Словомъ, что мы вынесемъ сравнительно легко это бѣдствіе и завершимъ столкновеніе побѣднымъ концомъ. Это же мнѣніе раздѣляется и Государемъ, опредѣленно высказавшимъ мнѣ его.

Если же это такъ, то очевидно, что въ выборѣ способовъ относительно покрытія расходовъ войны или, другими словами, въ нашемъ рѣшеніи относительно нашей финансовой политики на время веденія войны, мы должны руководствоваться тѣмъ принципомъ, чтобы не нарушить основныхъ устоевъ нашего финансоваго положенія, введенныхъ нами съ такимъ огромнымъ трудомъ и послѣ длительныхъ приготовленій. Другими словами, мнѣ казалось, что мы не должны отказываться отъ нашего денежнаго обращенія, основаннаго на золотомъ размѣнѣ бумажнаго рубля по закону 1897 года и принять соотвѣтствующія этому принципу мѣры, то есть подкрѣплять нашъ золотой запасъ всѣми доступными способами, не разрушая нашего строгаго эмиссіоннаго закона. Я не привожу здѣсь тѣхъ доводовъ, которыми я оправдывалъ мой взглядъ, но придавалъ исключительное среди нихъ значеніе тому, что, только въ этомъ случаѣ, мы сохранимъ устойчивость нашего финансоваго положенія на міровомъ рынкѣ, устранимъ колебанія нашихъ фондовъ на этомъ рынкѣ и быстро исправимъ всѣ невзгоды войны, тогда какъ прекративши нашъ золотой размѣнъ мы легко можемъ вовсе не вернуться къ нему въ теченіе длиннаго промежутка времени.

Я встрѣтилъ среди моихъ сотрудниковъ полнѣйшую солидарность. Не поднялось ни одного голоса противъ такого принципіальнаго взгляда и цѣлый рядъ соображеній практическаго свойства высказанъ былъ участниками совѣщанія относительно способовъ и порядка проведенія его въ жизнь. Даже наиболѣе осторожный

изъ всѣхъ и, пожалуй лучше всѣхъ насъ знавшій Японію — П. М. Романовъ не поднялъ своего голоса противъ нашего общаго заключенія и только настаивалъ на одномъ, — чтобы во всей Сибири, начиная отъ Урала и по всей Манчжуріи, мы рѣшительно отказались отъ фактическаго выпуска золота изъ казначействъ, въ виду близости Китая и легкости ухода золота туда, и производили всѣ расплаты исключительно бумажнымъ рублемъ. Такъ и было принято, и никакихъ затрудненій въ этомъ отношеніи не произошло во все время веденія нами войны, до самаго начала революціоннаго движенія во второй половинѣ 1905 года.

Въ тотъ же вечеръ мы условились о составленіи подробно мотивированнаго представленія въ Финансовый Комитетъ, которое было въ теченіе самаго короткаго времени прекрасно выполнено начальникомъ отдѣленія Никифоровымъ и внесено мною на разсмотрѣніе Комитета. Съ его содержаніемъ я тотчасъ же ознакомилъ Гр. Сольскаго и Витте. Оба они отнеслись къ нему съ нескрываемымъ сочувствіемъ и весь Комитетъ проявилъ полнѣйшую солидарность, предоставивши мнѣ принять тѣ мѣры, которыя вытекали изъ принятаго рѣшенія.

Сущность этихъ мѣръ была совершенно очевидна и распадалась на двѣ части:

на изысканіе способовъ заключить внѣшніе займы, подкрѣпляющіе нашъ золотой запасъ и, слѣдовательно, увеличивающіе наше право на выпускъ бумажныхъ рублей, и

извлеченіе излишнихъ бумажныхъ денегъ изъ внутренняго обращенія путемъ заключенія внутреннихъ займовъ, выручка которыхъ обращалась бы на покрытіе военныхъ расходовъ.

Въ этой мѣрѣ заключался такъ сказать первый пунктъ русской финансовой программы по веденію войны.

Если подсчитать, какую сумму получила Россія отъ этихъ кредитныхъ операцій военнаго времени, внѣшнихъ и внутреннихъ, и присоединить къ ней обращенные на ту же надобность бюджетные остатки отъ сокращенія государственной росписи на 1904 годъ и выручку отъ ликвидаціоннаго займа 1906 года, заключеннаго во Франціи въ апрѣлѣ этого года, то и получится тотъ общій итогъ расходовъ на веденіе войны съ Японіей, въ суммѣ двухъ съ четвертью милліардовъ рублей, который и былъ покрытъ путемъ осуществленія этого перваго пункта финансовой политики военнаго времени.

Вторымъ основаніемъ, усвоеннымъ мною и проведеннымъ въ жизнь, было соблюденіе всѣми доступными мѣрами нашего бюджетнаго равновѣсія, то есть сокращеніе внутреннихъ расходовъ за

время войны до соотвѣтствія ихъ дѣйствительному поступленію доходовъ. Новые налоги были введены въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ.

Первые полтора года войны дали въ отношеніи поступленія доходовъ вполнѣ благопріятные результаты.

До начала революціоннаго движенія 1905 года поступленіе ихъ было вполнѣ нормальное и давало даже превышеніе противъ смѣтныхъ ожиданій; въ населеніе поступило больше денегъ и часть ихъ вернулась черезъ приходныя кассы. Только со второй половины того же года начались затрудненія въ этомъ отношеніи, но они относятся уже къ причинамъ иного порядка, и ихъ нельзя относить къ обстоятельствамъ военнаго времени.

Въ расходной части внѣ-военнаго бюджета мое положеніе было облегчено поддержкою, оказанною мнѣ Государемъ, и въ этой области я не испытывалъ сколько-нибудь ощутительныхъ затрудненій.

Вспоминая потомъ пережитое мною время военной невзгоды, я долженъ сказать, что по сравненію съ послѣдующими годами, когда не было внѣшняго осложненія, мое личное положеніе было сравнительно болѣе легкимъ, нежели послѣ окончанія войны.

Какъ это ни странно, но это первое время моей работы среди условій военнаго времени было, пожалуй, самое легкое и даже пріятное изъ всего 10-ти лѣтія моей работы на посту Министра Финансовъ. Меня поддерживали рѣшительно всѣ. Финансовый Комитетъ принялъ мой проектъ сохраненія золотого обращенія и мѣръ направленныхъ къ этой цѣли не только безъ всякихъ возраженій, но составилъ свое заключеніе въ такихъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, что резолюція Государя дала мнѣ глубокое удовлетвореніе. — Онъ написалъ: «Дай Богъ Вамъ силъ выполнить этотъ прекрасный планъ, который поможетъ намъ выйти съ честью изъ тяжелой войны и довести ее до побѣднаго конца». Но и мое представленіе и журналы Финансоваго Комитета, которые я хранилъ долгіе годы, погибли съ тѣми немногими бумагами, которыя я хранилъ у себя до самой минуты моего ареста и обыска въ моей квартирѣ 30-го іюня 1918 года. Что стало съ ними потомъ — я не знаю. Большевики этого доклада тоже не напечатали. Очевидно онъ былъ не выгоденъ для ихъ цѣлей, — развѣнчивать все, что было въ прошломъ, — а можетъ быть онъ просто погибъ въ дѣлахъ Кредитной Канцеляріи, когда начался разгромъ всего послѣ Октябрьской революціи.

Со стороны всѣхъ безъ исключенія Министровъ я видѣлъ одну готовность помогать мнѣ и отступленіе отъ этого исключитель-

наго отношенія ко мнѣ появилось съ той стороны, съ которой я его всего менѣе ждалъ.

Столь же удачны были и первыя мои дѣйствія по изысканію средствъ на веденіе войны.

Никто не зналъ, конечно, сколько времени продолжится война, и какихъ жертвъ она потребуетъ. Не было, да и не могло быть составлено общаго плана, и было ясно только одно, — что средствъ потребуется много, что сокращать требованія кредитовъ на веденіе военныхъ дѣйствій изъ Петербурга не будетъ никакой возможности и нужно готовить средства какъ дома такъ и заграницей. Дома — для того, чтобы не слишкомъ обременять себя иностранными финансовыми операціями и не вызывать нареканій на то, что мы не трогаемъ внутренняго кредита; заграницей — для того, чтобы обезпечить себя безпрепятственнымъ покрытіемъ нашихъ долговыхъ обязательствъ безъ уменьшенія полученнаго мною отъ моего предшественника золотого запаса и усилить послѣдній заграницею.

Я началъ съ заграничнаго займа.

Парижъ вѣрилъ въ нашу побѣду надъ Японіей, и мое обращеніе къ французскому рынку было встрѣчено чрезвычайно сочувственно. Въ какія-нибудь двѣ недѣли безъ особыхъ съ моей стороны усилій мнѣ удалось заключить пятипроцентный заемъ въ 300.000.000 рублей или 800.000.000 франковъ, въ формѣ краткосрочныхъ обязательствъ подлежащихъ выкупу по истеченіи пяти лѣтъ, то-есть въ 1909-мъ году, причемъ группою заключившихъ этотъ заемъ банковъ было выдано полу-офиціальное обязательство совершить на томъ же рынкѣ къ сроку погашенія займа новый заемъ для консолидаціи этого займа. Успѣхъ займа превзошелъ всѣ наши ожиданія, и всѣ привѣтствовали меня съ такимъ успѣхомъ. Долженъ сказать по совѣсти, что моихъ заслугъ въ этомъ никакихъ не было, а результатъ займа зависѣлъ только отъ того, что всѣ вѣрили во Франціи, что мы быстро справимся съ нашимъ противникомъ.

Тѣмъ глубже было потомъ разочарованіе, и тѣмъ труднѣе пришлось мнѣ потомъ.

Внутренніе займы прошли также вполнѣ гладко, и въ теченіе перваго года я не испытывалъ никакихъ затрудненій къ покрытію всѣхъ военныхъ расходовъ, а послѣдніе были велики и испрашивались самымъ безтолковымъ образомъ. Порядокъ разрѣшенія военныхъ расходовъ въ то время былъ весьма простой и не вызывалъ ни сложныхъ предварительныхъ манипуляцій, ни большихъ преній въ Особомъ Совѣщаніи подъ Предсѣдательствомъ Предсѣдателя

Департамента Государственной Экономіи Гр. Сольскаго, авторитетъ котораго среди Министровъ, входившихъ въ составъ Совѣщанія. стоялъ необычайно высско и облегчалъ мою задачу до послѣдней степени. Не проходило ни одного засѣданія, чтобы всѣ Министры, не исключая и Генералъ-Адъютанта Сахарова, замѣнившаго Генерала Куропаткина, назначеннаго Главнокомандующимъ, не убѣждались воочію, что кредиты требуются безъ всякаго обоснованія, а иногда и просто вопреки здраваго смысла, но приходилось отпускать ихъ безпрекословно, принимая мѣры только къ тому, чтобы ихъ не расходовали при измѣненіи къ худшему военныхъ обстоятельствъ. Я думаю, что если бы удалось разыскать теперь журналы засѣданій Особаго Совѣщанія, то едва ли нашлось бы среди нихъ много такихъ, въ которыхъ Министръ Финансовъ не заявлялъ бы о явной несообразности предъявленныхъ требованій, но, послѣ критики ихъ и въ отвѣтъ на настоянія Военнаго Министра, не заявлялъ, что онъ согласенъ на отпускъ средствъ, дабы не давать Главнокомандующему повода заявить, что неуспѣхъ военныхъ операцій зависитъ отъ недостаточнаго отпуска денежныхъ средствъ.

Изъ этой области моя память удерживаетъ въ особенности одинъ характерный случай.

Передъ тѣмъ, что наша армія, потерпѣвшая пораженіе подъ Лаояномъ, начала отступать къ сѣверу, Главнокомандующій, генералъ Куропаткинъ, настаивалъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ, разумѣется по телеграфу, о необходимости начать постройку отвѣтвленія отъ Китайской Восточной дороги, къ юго-востоку, чтобы вести наступленіе по двумъ направленіямъ — одному прямо съ сѣвера на югъ, вдоль главной линіи, другому въ обходъ праваго фланга японцевъ. Деньги, конечно, были отпущены, но къ расходованію ихъ не было даже и приступлено, какъ началось наше быстрое отступленіе отъ Лаояна, и начальный пунктъ главной дороги, отъ котораго предполагалось вести боковую линію, оказался въ рукахъ нашего противника. При слѣдующемъ очередномъ отпускѣ кредитовъ, я предложилъ принять эту оставшуюся неизрасходованную сумму къ зачету въ счетъ новыхъ кредитовъ, и мое предложеніе казалось такимъ простымъ и естественнымъ, что никто противъ него не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія и даже Государственный Контролеръ Лобко, всегда поддерживавшій всѣ требованія Главнокомандующаго, болѣе энергично нежели даже Военный Министръ Сахаровъ, допускавшій иногда критику весьма поверхностныхъ требованій съ мѣста, — нашелъ такую мѣру вполнѣ логичною. Рѣшеніе Совѣщанія немедленно было сообщено Главнокомандующему по телеграфу. Каково же было удивленіе всего

Совѣщанія, когда отъ Главнокомандующаго былъ тотчасъ же полученъ по телеграфу протестъ противъ рѣшенія Совѣщанія и требованіе немедленно ассигновать новый кредитъ, такъ какъ онъ ожидаетъ скорое наступленіе, при которомъ къ постройкѣ дороги будетъ несомнѣнно приступлено и кредитъ потребуется по его прямому назначенію. Даже мягкій по своему характеру и всегда искавшій примирительнаго рѣшенія Графъ Сольскій предложилъ отвѣтить Главнокомандующему, что нельзя хранить денегъ по отдѣльнымъ мѣшочкамъ и слѣдуетъ испрашивать кредитъ тогда, когда имѣется возможность израсходовать и съ пользою для дѣла и предложилъ сначала взять неизрасходованныя суммы на то, на что онѣ нужны, а уже потомъ просить полномочій на производство новыхъ расходовъ, когда обстоятельства будутъ отвѣчать новымъ потребностямъ.

Помнится мнѣ и другой характерный для Главнокомандующаго Генерала Куропаткина случай. Это было всего нѣсколько дней спустя послѣ моего назначенія. Я жилъ еще на Литейной въ квартирѣ Государственнаго Секретаря, такъ какъ квартира Министра Финансовъ была еще въ полномъ безпорядкѣ. Генералъ Куропаткинъ только что получилъ назначеніе. Печать встрѣтила его назначеніе съ величайшимъ восторгомъ. Самъ онъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ и говорилъ открыто, что ему нужно только время собрать армію, а въ побѣдѣ надъ «макаками» не можетъ быть сомнѣнія. Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ своего назначенія, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на Литейную и сказалъ, что хочетъ переговорить на чистоту по личному вопросу и проситъ меня дать указаніе моимъ представителямъ въ подготовительной Комиссіи для внесенія дѣлъ въ Особое Совѣщаніе, чтобы они не рѣзали кредитовъ и «не ставили его въ смѣшное положеніе отстаивать въ Совѣщаніи кредитъ, касающійся его личнаго положенія». Не зная о чемъ идетъ собственно говоря вопросъ, я просилъ его сказать мнѣ, въ чемъ именно проявляютъ представители Министерства ненужную скупость. Онъ объяснилъ мнѣ, что наканунѣ въ Комиссіи разсматривался вопросъ о размѣрѣ содержанія его, какъ Главнокомандующаго. Военное Министерство полагаетъ по примѣру того, что было назначено въ 1878 году Главнокомандующему въ турецкую войну на европейскомъ фронтѣ, В. К. Николаю Николаевичу старшему, опредѣлить новому Главнокомандующему содержаніе въ размѣрѣ 100.000 рублей въ мѣсяцъ и, кромѣ того, выдавать ему фуражныя деньги на 12 верховыхъ и на 18 подъемныхъ лошадей. Представители же Министерства Финансовъ предлагали назначить личное содержаніе по 50.000 рублей въ

мѣсяцъ, такъ какъ у Генерала Куропаткина не можетъ быть тѣхъ расходовъ на представительство, которые несъ Великій Князь, а противъ выдачи фуражныхъ денегъ возражали вообще, заявляя, что едва ли придется пользоваться лошадьми, такъ какъ слѣдуетъ полагать, что военныя дѣйствія будутъ сосредоточены на линіи железной дороги, и Главнокомандующему, если и предстоитъ отлучаться въ сторону, то не на такое продолжительное время, чтобы можно было имѣть постоянныхъ верховыхъ, а тѣмъ болѣе вьючныхъ лошадей. Долго мы говорили на эту тему, я старался всячески доказывать, что для личнаго положенія Генерала важно показать всѣмъ его окружающимъ умѣренность въ окладѣ содержанія, такъ какъ по его содержанію будутъ опредѣляться оклады и другихъ военачальниковъ, и въ особенности просилъ его не настаивать на такомъ большомъ количествѣ лошадей для его личнаго пользованія, такъ какъ ихъ въ дѣйствительности или вовсе не будетъ, или число ихъ будетъ значительно меньше, а выводить въ расходъ «фуражныя» на несуществующихъ лошадей тоже не хорошо, такъ какъ это будетъ служить только соблазномъ для его же подчиненныхъ. Мои аргументы не привели къ цѣли, Генералъ продолжалъ настаивать и заявилъ, что внесетъ свою точку зрѣнія въ Особое Совѣщаніе, что онъ на самомъ дѣлѣ и сдѣлалъ, и Совѣщаніе рѣшило вопросъ согласно его желанію. Такъ и получалъ онъ все время эти спорныя «фуражныя», не имѣя на самомъ дѣлѣ ни одной подъемной лошади и всего одну верховую, поднесенную ему кажется Москвою при его назначеніи. Жилъ же онъ все время въ поѣздахъ Китайской восточной желѣзной дороги и не отходя вовсе отъ линіи этой дороги.

Но всего характернѣе при этомъ была послѣдняя часть нашей первой бесѣды.

Когда мы исчерпали предметъ нашего спора, и каждый остался при своемъ мнѣніи, Генералъ Куропаткинъ сталъ меня просить вообще поддержать его въ трудномъ положеніи, говоря, что съ своимъ отъѣздомъ вдаль, онъ остается безъ всякой поддержки, а между тѣмъ чувствуетъ, что можетъ въ ней очень нуждаться, въ особенности въ первое время своего вынужденнаго отступленія и тяжелаго приготовительнаго періода. При этомъ онъ взялъ съ моего стола листъ чистой бумаги, провелъ на немъ горизонтальную черту и въ лѣвомъ углу поставилъ довольно высоко надъ чертою звѣздочку, прося, чтобы я слѣдилъ за его изображеніемъ. «Вотъ — говорилъ онъ — это звѣздочка надъ горизонтомъ, это я въ данную минуту. Меня носятъ на рукахъ, подводятъ мнѣ

боевыхъ коней, подносятъ всякіе дары, говорятъ привѣтственныя рѣчи, считаютъ чуть ли не спасителемъ отечества, и такъ будетъ продолжаться и дальше до самаго моего прибытія къ войскамъ, моя звѣзда будетъ все возвышаться и возвышаться. А когда я пріѣду на мѣсто и отдамъ приказъ отходить къ сѣверу и стану стягивать силы, поджидая подхода войскъ изъ Россіи, тѣ же газеты, которыя меня славословятъ, станутъ недоумѣвать, почему же я не бью «макакъ», и я начну все понижаться и понижаться въ оцѣнкѣ, а потомъ, когда меня станутъ постигать небольшія, неизбѣжныя неудачи, моя звѣзда станетъ все ниже и ниже спускаться къ горизонту и затѣмъ зайдетъ совсѣмъ за горизонтальную черту. Вотъ тутъ-то Вы меня и поддержите, потому, что тутъ я начну переходить въ наступленіе, стану нещадно бить японцевъ, моя звѣзда снова перейдетъ за горизонтъ, пойдетъ все выше и выше, и гдѣ и чѣмъ я кончу, — этого я и самъ не знаю. Вашей поддержки я никогда не забуду». Этотъ рисунокъ долго сохранялся у меня и пропалъ вмѣстѣ со всѣми моими бумагами, когда намъ пришлось покинуть нашъ домъ и родину. Не дожилъ бѣдный Куропаткинъ до восхожденія его звѣзды, а за горизонтъ онъ успѣлъ сойти, пережилъ всеобщее забвеніе, когда послѣдствія японской войны быстро загладились, дожилъ и до великой войны, сначала долго былъ не у дѣлъ, затѣмъ, въ самый послѣдній, безславный періодъ, получилъ назначеніе, не успѣлъ, да вѣроятно и не могъ ничего сдѣлать, участвовалъ въ какихъ-то военныхъ операціяхъ въ Туркестанѣ уже во время большевизма и умеръ въ нищетѣ въ деревнѣ, близъ своей усадьбы въ Псковской губерніи, занимая должность волостного писаря.

Въ первые же дни послѣ моего назначенія Министромъ Финансовъ, ко мнѣ пріѣхалъ адмиралъ Абаза, съ которымъ мнѣ пришлось вскорѣ ближе познакомиться по другому поводу, о чемъ рѣчь впереди, и заявилъ, что имѣетъ повелѣніе Государя переговорить со мною о ликвидаціи лѣсопромышленнаго предпріятія на Ялу. Я слышалъ о немъ только мелькомъ, рѣшительно ничего не зналъ ни о его организаціи, ни о томъ, кто участвуетъ въ немъ, чьи деньги вложены въ него и ограничился въ эту первую бесѣду тѣмъ, что просто слушалъ Адмирала и не далъ ему никакого положительнаго отвѣта, пока самъ не буду въ курсѣ этого предпріятія.

Докладъ мнѣ адмирала Абазы носилъ какой-то дѣтскій сумбурный характеръ, въ которомъ было просто трудно разобраться. Видно было только, что при несомнѣнности нашей побѣды надъ Японіей нельзя разстраивать этого «великаго» предпріятія и нужно

только «свернуть» его временно, до возможности дать ему окончательное развитіе, когда мы «твердо станемъ на Ялу, по окончаніи войны», вывезти вглубь Сибири то, что свезено туда, найти подходящую работу всѣмъ, кого мы поставили на это дѣло, и принять пока на средства казны то, что частныя лица затратили на это дѣло, «слѣдуя желаніямъ Государя».

Я не получилъ даже отвѣта на вопросъ о томъ, сколько же на это потребуется, и кто эти частныя лица, которыя вложили свои средства въ дѣло. Мнѣ было сказано въ отвѣтъ: «мы подсчитаемъ, но вѣроятно нѣсколько тысячъ рублей будетъ достаточно на первое время, а потомъ все вернется изъ огромныхъ прибылей операціи». Я обѣщалъ испросить указаній Государя послѣ того, что самъ соберу свѣдѣнія и подготовлюсь къ неожиданному для меня вопросу. Я сталъ изучать дѣло. Въ Департаментѣ Казначейства я не нашелъ никакихъ слѣдовъ, и начальникъ Бухгалтерскаго Отдѣленія Дементьевъ сказалъ мнѣ только, что было предположеніе выдать какую-то сумму изъ 10-ти милліоннаго фонда, но потомъ отъ этой мысли отказались, и выдачъ никакихъ изъ казны произведено не было. По Государственному Банку мнѣ было показано только распоряженіе Управляющаго Министерствомъ Романова, съ ссылкою на Высочайшее повелѣніе о выдачѣ ссуды въ 200.000 рублей Статсъ-Секретарю Безобразову, «на извѣстное Его Величеству назначеніе», но потомъ это распоряженіе было также отмѣнено, ссуда выдана не была и было свѣдѣніе даже о томъ, что выдача была произведена изъ особаго фонда Кредитной Канцеляріи, то есть изъ прибылей Иностраннаго ея Отдѣленія. Но и этому я также не нашелъ никакого слѣда. Я обратился къ Статсъ-Секретарю Витте и просилъ его сказать мнѣ, что ему извѣстно, и получилъ отъ него цѣлый разсказъ о томъ. какъ онъ боролся противъ концессіи, какъ убѣждалъ онъ Государя не допускать этой, по его словамъ, «авантюры», какъ убѣжденъ онъ, что наша политика въ Корeѣ, занятіе Портъ-Артура съ постройкою южной вѣтки Китайской Восточной желѣзной дороги и, наконецъ, концессія на Ялу и были истинною причиною войны съ Японіей. Онъ совѣтовалъ мнѣ не входить вовсе въ это дѣло и придумать какой-либо способъ передать его кому-либо внѣ Министерства Финансовъ, чтобы меня не запутали въ него, такъ какъ — прибавилъ онъ — деньги Вы все равно заплотите, но лучше пусть дѣлаетъ это кто-либо другой, а не Вы».

Витте припомнилъ мнѣ при этомъ, какъ въ бытность мою у него Товарищемъ Министра, онъ говорилъ мнѣ о разногласіяхъ его съ бывшимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Гр. Муравье-

вымъ по вопросу о занятіи нами Портъ-Артура, какъ его «топилъ» при этомъ Куропаткинъ и поддержалъ только Тыртовъ и какъ Государь рѣшилъ вопросъ противъ него и Морского Министра. Я въ свою очередь припомнилъ ему, какъ въ ту пору я говорилъ ему, что ему слѣдовало тогда довести дѣло до конца и просить Государя уволить его отъ должности Министра, и какъ онъ тогда отвѣтилъ мнѣ, что Министры не имѣютъ права ставить Государя въ трудное положеніе, развѣ, что они могутъ своею отставкою предотвратить большую бѣду. Послѣ этого моего посѣщенія Витте, меня навѣстилъ еще мой лицейскій товарищъ В. М. Вонлярлярскій, прося о томъ же, о чемъ говорилъ мнѣ и Адмиралъ Абаза, и тутъ я впервые узналъ, что и онъ участникъ дѣла на Ялу и вложилъ въ него свои, по его словамъ, значительныя средства, и принимаетъ даже въ немъ самое активное участіе по его близкимъ отношеніямъ къ своему бывшему однополчанину по кавалергардскому полку, Статсъ-Секретарю А. М. Безобразову, «этому геніальному человѣку», какъ прибавилъ онъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ непремѣнно познакомиться съ нимъ поближе при первой возможности.

Этому совѣту мнѣ не привелось послѣдовать, и я увидѣлъ впервые и всего одинъ разъ, гораздо позже А. М. Безобразова уже во вторую половину войны, когда онъ изобрѣлъ особый метательный дискъ, который долженъ былъ произвести полный переворотъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Онъ приглашалъ меня даже присутствовать на опытахъ его изобрѣтенія, но время мнѣ не позволило, и съ тѣхъ поръ я его нигдѣ не встрѣчалъ, какъ не имѣлъ съ нимъ никакихъ переговоровъ по дѣлу о Ялу. Ни разу не встрѣтился съ нимъ и въ эмиграціи, хотя онъ проживалъ послѣдніе годы своей жизни въ Парижѣ и умеръ въ полной нищетѣ въ 1931 г.

Я не могу по совѣсти сказать, былъ ли онъ душею этого несчастнаго дѣла или пристегнулся къ нему случайно, въ силу своихъ личныхъ отношеній къ другимъ участникамъ этого предпріятія.

Отъ Вонлярлярскаго я узналъ также, но тоже какъ-то вскользь и скороговоркою, что Государь далъ нѣкоторую сумму денегъ изъ своихъ личныхъ средствъ на концессію на Ялу, что далъ ихъ и В. К. Александръ Михайловичъ, также какъ Гр. Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ, но сколько именно было дано каждымъ изъ упомянутыхъ лицъ, — мнѣ осталось совершенно неизвѣстно, какъ не было мнѣ суждено вообще ближе подойти къ этому дѣлу, и оно какъ-то сошло на нѣтъ совершенно помимо меня. Уже много лѣтъ спустя, въ Парижѣ, въ бѣженствѣ, въ

1926-мъ году, Вонлярлярскій предложилъ было мнѣ познакомиться съ его подробною запискою по этому дѣлу, въ связи со всею нашею дально-восточною политикою, но потомъ на другой день взялъ у меня эту записку назадъ, обѣщалъ мнѣ прислать снова ее, но такъ и не прислалъ.

На ближайшемъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, послѣ визита ко мнѣ Адмирала Абазы, Государь самъ не заговорилъ со мною по этому вопросу, и мнѣ пришлось начать самому докладъ мой о посѣщеніи Абазы. Я воспользовался крайнею неясностью для меня всего дѣла и высказалъ совершенно открыто, что мнѣ, поглощенному заботами о войнѣ и о сохраненіи нашего финансоваго положенія, крайне трудно отдать достаточно времени на изученіе дѣла и на его ликвидацію. Я высказалъ Государю, что былъ бы крайне благодаренъ, если бы Онъ нашелъ возможнымъ поручить разработку всего вопроса о ликвидаціи кому-либо менѣе занятому нежели я, а мнѣ предоставилъ бы потомъ, уже послѣ составленія плана ликвидаціи, высказать мое мнѣніе и принять мѣры къ тому, чтобы расходы на этотъ предметъ были сколь возможны скромны.

Государь чрезвычайно охотно и милостиво принялъ мое предложеніе и сказалъ даже въ самомъ шутливомъ тонѣ, что это очень хорошій исходъ, такъ какъ никто не будетъ жаловаться на мою скупость, да и самъ я буду болѣе свободенъ критиковать чужую работу, нежели быть и расходчикомъ и казначеемъ.

На другой день Государь прислалъ мнѣ записку, что поручаетъ это дѣло Гр. Игнатьеву, а меня проситъ помочь ему. Гр. Игнатьевъ тотчасъ же собралъ у себя небольшое совѣщаніе, на которомъ присутствовалъ и я, но всего одинъ разъ. Кромѣ меня былъ еще, въ качествѣ представителя Государственнаго Контроля, В. П. Черевансій, но, затѣмъ, какъ-то незамѣтно самъ Гр. Игнатьевъ совершенно стушевался и испросилъ разрѣшеніе Государя передать все дѣло Черевансому, который и закончилъ его довольно быстро и совершенно спокойно, съ затратою изъ казны сравнительно небольшой суммы. Я не припоминаю теперь въ точности, во что именно обошлась эта ликвидація, и можно только пожалѣть, что большевики, опустошающіе государственные архивы и предающіе гласности все, что служитъ къ посрамленію, по ихъ мнѣнію, прошлаго, до сихъ поръ не предали гласности этого печальнаго эпизода нашего недавняго прошлаго.

Первое время моего управленія Министерствомъ Финансовъ самая напряженная работа, кромѣ изысканія средствъ на войну и поддержанія нашего кредита, ушла у меня на приспособленіе

Китайской желѣзной дороги къ неожиданнымъ потребностямъ военнаго времени и спѣшнымъ массовымъ перевозкамъ войскъ, и въ этой работѣ я нашелъ огромное нравственное удовлетвореніе, которое и было главною причиною того горячаго участія, которое я принялъ въ судьбѣ этого, поистинѣ грандіознаго, предпріятія.

Объ этой работѣ я хочу разсказать въ моихъ воспоминаніяхъ нѣсколько подробнѣе, хотя бы для того, чтобы отдать особую дань уваженія тѣмъ, кто работалъ на этомъ дѣлѣ и заслужилъ, по всей справедливости, благодарную память не съ моей одной стороны.

Китайская дорога была офиціально окончена постройкою и сдана въ эксплоатацію въ іюнѣ 1903 года, еще при Витте. Но фактически она была далеко неокончена и одни такъ называемые «недодѣлы», то есть работы, неисполненныя къ моменту передачи дороги въ эксплоатацію, составляли сумму свыше 40 милліоновъ рублей. Одна эта цифра достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, что дорога не только не была готова къ усиленной работѣ, но даже и ея ограниченное рабочее заданіе, расчитанное на скромное движеніе поѣздовъ на первое время, не было обезпечено фактическою готовностью дороги. Съ іюля 1903 года и до января 1904 г. постройка дороги эксплоатаціоннымъ управленіемъ подвигалась энергично впередъ, тѣмъ не менѣе, къ началу войны по ней могли ходить едва четыре пары поѣздовъ, считая въ числѣ ихъ и такъ называемое рабочее движеніе, которое не могло не быть сравнительно значительнымъ, если только принять во вниманіе, что на исполненіе «недодѣловъ» требовалось немалое количество вагоновъ и поѣздовъ.

Неудивительно, поэтому, что тотчасъ послѣ неожиданнаго начала военныхъ дѣйствій, — кстати начатыхъ Японіей въ самое невыгодное для насъ время, когда Амуръ замерзъ и не могъ служить способомъ передвиженія грузовъ и войскъ, а дорога едва начинала свою жизнь, на усиленіе пропускной и провозной способности дороги было сразу же обращено самое большое вниманіе. Какъ водится у насъ, забота объ этомъ приняла довольно своеобразное направленіе. Два вѣдомства — Военное и Путей Сообщенія — одновременно возбудили вопросъ объ изъятіи дороги изъ рукъ Министерства Финансовъ и передачи ея либо одному, либо другому вѣдомству. Мнѣ сразу же пришлось принять непримиримое положеніе и возражать противъ такого непрактическаго и незаконнаго предположенія. Непрактическаго — потому, что ни то ни другое изъ этихъ вѣдомствъ не были подготовлены къ такой передачѣ и не знали рѣшительно ничего о дорогѣ. Незаконнаго

— потому, что по договору съ Китаемъ дорога принадлежала компетенціи вѣдомства Финансовъ, и всякая передача, куда бы то ни было, противорѣчила и ея уставу и заключенному съ Китаемъ договору.

Въ медовый мѣсяцъ моего управленія Министерствомъ Финансовъ и при несомнѣнномъ благоволеніи ко мнѣ Государя, — мнѣ удалось сравнительно легко отбить эту первую аттаку и предложить выработанный Правленіемъ дороги планъ ускоренія работъ по приспособленію дороги къ массовымъ перевозкамъ, который я считалъ возможнымъ гарантировать точнымъ исполненіемъ, если только мнѣ не будутъ мѣшать и дадутъ моимъ сотрудникамъ на мѣстѣ необходимую свободу дѣйствій. Министерство Путей Сообщенія охотно взяло свое предположеніе назадъ, признавши мои соображенія и правильными и практическими. Зато военное Министерство рѣшительно возражало, требуя себѣ управленіе дорогою, и въ виду особыхъ настояній Генерала Куропаткина, пришлось пойти на компромиссное рѣшеніе — на принятіе моего плана къ временному исполненію, съ тѣмъ, чтобы на мѣсто былъ спѣшно командированъ Генералъ Петровъ, какъ большой авторитетъ по всѣмъ вопросамъ желѣзнодорожнаго строительства, провѣрилъ этотъ планъ на мѣстѣ и высказалъ свое заключеніе по основному вопросу — о томъ, кому вѣдать дорогою.

Генералъ Петровъ выѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ поддержать мою точку зрѣнія и послѣ первыхъ же дней своего пребыванія на линіи, телеграфировалъ Государю, Военному Министру и мнѣ, что единственная возможность обезпечить порядокъ на дорогѣ, достигнуть усиленія ея въ техническомъ отношеніи и обезпечить подвозъ войскъ и грузовъ, заключается въ оставленіи дороги въ рукахъ Министерства Финансовъ, въ предоставленіи ему полной свободы дѣйствій и въ возложеніи на него же отвѣтственности за исполненіе строительнаго плана въ тѣ сроки, которые будутъ для того назначены. Государь потребовалъ совмѣстнаго доклада моего и Военнаго Министра, сказалъ намъ сразу, что одобряетъ взглядъ Генерала Петрова и спросилъ мнѣніе каждаго изъ насъ. Военный Министръ Сахаровъ не возражалъ, я же просилъ только, чтобы требованія, предъявляемыя къ дорогѣ, какъ въ отношеніи усиленія ея провозной способности, такъ и сроковъ для исполненія работъ, были установлены по соглашенію съ управленіемъ дорогою и при участіи Генерала Петрова, и такимъ образомъ этому трудному дѣлу было положено твердое основаніе, которое впослѣдствіи не разъ послужило на его пользу.

Какъ справилось Министерство Финансовъ съ этою задачею, несмотря на всевозможныя трудности, проистекавшія не столько изъ сложной обстановки военнаго времени и работы на театрѣ военныхъ дѣйствій, сколько изъ обычныхъ вѣдомственныхъ треній и интригъ, — объ этомъ можно бы написать цѣлую книгу, но въ этомъ нѣтъ теперь даже и исторической пользы. Одно, что можно сказать, по этому поводу, это то, что черезъ пять мѣсяцевъ дорога перешла съ 4-хъ поѣзднаго графика на 8-ми поѣздной, черезъ 8 мѣсяцевъ — на 14-ти поѣздной, а въ октябрѣ 1905 года по ней ходила уже 21 пара поѣздовъ, то есть максимумъ того, что допускаетъ однопутная дорога. Незадолго до своего смѣщенія съ должности Главнокомандующаго, Генералъ Куропаткинъ, считавшій себя выдающимся знатокомъ желѣзнодорожнаго дѣла, требовалъ, однако, для обезпеченія побѣды надъ Японіей довести дорогу до 48-ми паръ поѣздовъ, и тогда тотъ же Генералъ Петровъ, при всей своей сдержанности, написалъ Государю, что предъявить такое требованіе къ дорогѣ въ одинъ путь возможно только, не давая себѣ отчетъ въ томъ, что во всемъ мірѣ не было еще случая, чтобы однопутная дорога могла пропустить болѣе 20 паръ поѣздовъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что до самаго моего выхода съ активной работы, уже послѣ заключенія Портсмутскаго договора, Генералъ Куропаткинъ не переставалъ поддерживать Китайскую дорогу, а когда лѣтомъ 1905 года появился отчетъ Князя Львова, какъ уполномоченнаго Земской организаціи по оказанію помощи раненымъ, съ цѣлымъ рядомъ инсинуацій на дорогу, подхваченныхъ оппозиціонною печатью, Куропаткинъ прислалъ телеграмму, не только опровергавшую помѣщенныя въ отчетѣ свѣдѣнія, но и открыто заявлявшую, что работа дороги и преданность своему долгу всѣхъ ея служащихъ, отъ Управляющаго до послѣдняго составителя поѣздовъ, — выше всякихъ похвалъ, и нѣтъ достаточнаго поощренія, которое шло бы въ уровень съ оказанною дорогою помощью дѣлу веденія военныхъ операцій.

Впослѣдствіи, уже послѣ моего вторичнаго вступленія въ управленіе Министерствомъ Финансовъ, когда мнѣ пришлось сблизиться съ Японскимъ посломъ Барономъ Мотоно, я не разъ слышалъ отъ него, что въ Японіи работа Китайской дороги за время войны всегда приводится въ примѣръ, какъ доказательство небывалыхъ успѣховъ, которые были достигнуты въ техникѣ перевозокъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ. А затѣмъ еще позже, уже передъ самымъ моимъ увольненіемъ отъ должности Предсѣдателя Совѣта и Министра Финансовъ, я представилъ

составленную Правленіемъ Китайской дороги работу о томъ, что и какъ было сдѣлано дорогою во время войны, какія тренія встрѣчала она на своемъ пути и чего слѣдовало бы избѣжать въ будущемъ въ случаѣ военныхъ столкновеній, если мы не желаемъ встрѣтиться въ желѣзнодорожномъ транспортѣ съ величайшими затрудненіями, которыя могутъ привести къ роковымъ послѣдствіямъ.

Эта работа была представлена мною Государю съ просьбою разрѣшить мнѣ разослать ее для свѣдѣнія во всѣ Министерства и сдѣлать ее доступною членамъ Государственнаго Совѣта и Думы. Разрѣшеніе было мнѣ дано, но я увѣренъ, что никто этой работы не прочиталъ, такъ какъ очень многое изъ пережитаго во время Японской войны повторилось и въ великую войну, но не оставило слѣда въ дѣйствительныхъ событіяхъ того времени.

Эта работа, какъ и все, что я сохранилъ послѣ моего ухода, конечно, пропала и никогда не увидитъ Божьяго свѣта, и мнѣ крайне обидно, что я лишенъ возможности привести здѣсь хоть нѣсколько наиболѣе характерныхъ штриховъ изъ жизни Китайской дороги за 1904—1905 годъ.

До половины апрѣля моя работа, сложная и напряженная, протекала, какъ я уже сказалъ, въ сравнительно спокойныхъ условіяхъ. На каждомъ шагу чувствовалось довѣріе ко мнѣ Государя, и окружащіе не мѣшали мнѣ ни въ чемъ. Напротивъ того, я былъ окруженъ атмосферою, какого-то небывалаго согласія и военныя событія отодвигали на задній планъ явленія внутренней жизни и наши обычныя разнокалиберныя внутреннія, незримыя теченія.

Первое нападеніе на меня и на мое вѣдомство появилось оттуда, откуда я его всего менѣе ждалъ въ условіяхъ переживаемой поры, — отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

За однимъ изъ очередныхъ засѣданій Комитета Министровъ, ко мнѣ подошелъ В. К. Плеве и сказалъ, что ему хотѣлось бы переговорить со мною по одному вопросу, который озабочиваетъ его. Я предложилъ пріѣхать къ нему и на другой день былъ у него. Начавши по обыкновенію издалека, Плеве передалъ мнѣ, что революціонное движеніе начинаетъ усиливаться, движеніе среди рабочихъ принимаетъ грозное направленіе и ему приходится думать о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, которыя должны коснуться, между прочимъ, и нѣкотораго перераспредѣленія функцій между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. Онъ находилъ, что фабричная инспекція дѣйствуетъ крайне односторонне, поддерживая исключительно интересы рабочихъ противъ

интересовъ хозяевъ, и вовсе не слѣдитъ за настроеніемъ рабочихъ, совершенно не зная того, что происходитъ въ ихъ средѣ, какія подпольныя вліянія разъѣдаютъ эту среду, и не оказываетъ никакой помощи органамъ жандармскаго надзора. У Плеве созрѣла, поэтому, мысль о томъ, что фабричную инспекцію слѣдуетъ передать въ завѣдываніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по Департаменту Полиціи, и подчинить ее надзору Жандармскихъ Полицейскихъ управленій, что онъ докладывалъ уже объ этомъ проектѣ Государю, который отнесся вполнѣ сочувственно къ этой мысли и онъ думалъ бы провести эту мѣру временно, черезъ Комитетъ Министровъ, какъ мѣру опытнаго характера, съ тѣмъ, чтобы послѣ нѣкотораго срока, напримѣръ 6-ти мѣсячнаго, внести ее на законодательное рѣшеніе. На такое направленіе дѣла, Государь будто бы также согласенъ и поручилъ ему переговорить со мною, будучи увѣренъ въ томъ, что я не стану возражать, такъ какъ у меня и безъ того слишкомъ много дѣла, и Онъ понимаетъ насколько много труда и хлопотъ даетъ мнѣ фабричный вопросъ. Отъ себя Плеве прибавилъ, что онъ разсчитываетъ на мою дружбу и увѣренъ, что я не поставлю его въ трудное положеніе и не вызову разногласій въ Комитетѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ неувѣренъ въ томъ, что все дѣло пройдетъ вполнѣ гладко, а главное, что было бы крайне нежелательно заставлять Государя принимать на себя рѣшеніе по такому щекотливому вопросу.

Мнѣ пришлось долго и упорно возражать Плеве и по существу и въ отношеніи порядка проведенія этого дѣла. По существу, я старался доказать ему, что вовсе не дѣло фабричной инспекціи слѣдить за настроеніемъ рабочихъ и ставить о немъ въ извѣстность жандармскій надзоръ, что у нея нѣтъ на это никакихъ средствъ и способовъ, что ея дѣло предупреждать столкновеніе интересовъ рабочихъ и нанимателей, слѣдить за примѣненіемъ на практикѣ фабрично-заводскаго законодательства, примирять неудовольствія въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ какъ заводское и умѣть пріобрѣсти довѣріе рабочихъ, которое одно въ состояніи мирно улаживать возникающіе конфликты. Я напомнилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ хорошо извѣстный ему случай весеннихъ забастовокъ въ Московскомъ районѣ, въ 1898-мъ году, когда я, въ качествѣ Товарища Министра Финансовъ, былъ командированъ разбирать столкновенія между жандармскимъ надзоромъ и фабричною инспекціею, причемъ выяснилась печальная картина этихъ столкновеній и несправедливое и опасное обвиненіе инспекціи жандармами, едва не имѣвшее крайне печальныхъ послѣдствій.

Подробно развивалъ я и совершенную для меня, какъ Министра Финансовъ, невозможность согласиться на передачу инспекціи въ руки жандармовъ, такъ какъ эта мѣра будетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для всей нашей промышленности. и я не могу взять на себя отвѣтственность за такой результатъ и долженъ возражать всѣми доступными мнѣ способами, а не соглашаться на миролюбивое разрѣшеніе вопроса, за который на меня же падаетъ вся тяжесть неизбѣжныхъ послѣдствій, и закончилъ мои возраженія тѣмъ, что въ виду одобренія такой мѣры Государемъ, мнѣ не остается ничего иного, какъ доложить мои возраженія Ему и просить Его, во всякомъ случаѣ, поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ внести такое предположеніе отъ своего имени въ Государственный Совѣтъ, а мнѣ дать право. принадлежащее всякому Министру, возражать противъ предположеній другого Министра, затрогивающихъ въ корнѣ интересы моего вѣдомства. Мы разстались болѣе чѣмъ холодно, причемъ Плеве, разставаясь со мною произнесъ фразу, которая намекала на условія моего назначенія два мѣсяца тому назадъ. «Я не думалъ В. Н. — сказалъ онъ — что, помогая Вамъ стать во главѣ финансоваго вѣдомства, я долженъ буду скоро убѣдиться въ Вашей несговорчивости, о которой многіе предостерегали меня, и что съ Вашей стороны я не встрѣчу той помощи, на которую я такъ надѣялся, постоянно поддерживая Васъ». — Съ этой минуты и до самыхъ послѣднихъ дней, предшествовавшихъ его убійству. наши отношенія почти порвались. Мы встрѣчались еженедѣльно въ Комитетѣ Министровъ, изрѣдка въ Государственномъ Совѣтѣ, но онъ ко мнѣ болѣе не подходилъ, ни о чемъ не заговаривалъ и всѣмъ было ясно, что недавняя наша близость исчезла. Вскорѣ, впрочемъ, нашъ конфликтъ сдѣлался извѣстенъ, такъ какъ Департаментъ Полиціи объ этомъ не молчалъ, и я могу по совѣсти сказать, что общее сочувствіе было на моей сторонѣ, не говоря уже о Витте, который громко возмущался возникшему у В. К. Плеве проекту, хотя злые языки говорили, что онъ же обѣщалъ Плеве поддержать его въ Комитетѣ Министровъ, если бы я согласился внести туда это предложеніе. Черезъ недѣлю, я представилъ Государю письменный докладъ, изложивши въ немъ всѣ наиболѣе существенные доводы противъ такой мѣры. На словахъ я развилъ ихъ, и Государь оставилъ докладъ у себя, обѣщавши мнѣ спокойно и внимательно перечитать его и переговорить съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Что было Имъ сдѣлано по этому поводу, и какъ поступилъ окончательно Плеве, я не знаю, но ко мнѣ мой докладъ больше не

возвращался. Плеве со мною болѣе не разговаривалъ, въ Комитетъ Министровъ этого вопроса не вносилъ, а съ его смертью этотъ вопросъ канулъ въ вѣчность и больше не возникалъ до самаго моего ухода съ должности Министра Финансовъ, въ октябрѣ 1905 года, когда слѣдомъ за моимъ выходомъ, Витте, уже пожалованный въ Графское достоинство, провелъ всеподданнѣйшимъ докладомъ образованіе Министерства Торговли, въ которое отошла и фабричная инспекція.

До половины лѣта 1904 года моя память не удерживаетъ никакихъ событій, которыя мнѣ хотѣлось бы отмѣтить. Мои доклады у Государя носили чрезвычайно спокойный и крайне довѣрчивый ко мнѣ характеръ. Не проходило ни одного изъ нихъ, чтобы Государь, видя мои заботы объ изысканіи средствъ на войну и на охраненіе нашего кредита, не старался ободрять и успокоивать меня. Онъ неизмѣнно говорилъ о несомнѣнной нашей побѣдѣ надъ нашимъ противникомъ, который «вмѣстѣ съ своими союзниками заплатитъ намъ все, что мы издержали», — это была Его постоянная и любимая фраза, выражавшая твердую Его вѣру въ нашу побѣду, и эта вѣра не оставляла Его и гораздо позже, когда уже было ясно, что нашимъ надеждамъ не суждено осуществиться.

ГЛАВА III.

Разрѣшеніе конфликта съ В. К. Плеве. — Убійство Плеве. — Легенда о бумагахъ, находившихся въ портфелѣ Плеве въ моментъ его убійства. — Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Князь П. Д. Святополкъ-Мирскій и его связь съ С. Ю. Витте. — Указъ 12-го декабря 1904 года. — Д. Ф. Треповъ и рабочій вопросъ. — Гапоновское движеніе. — Демонстрація 9-го января 1905 г. — Мои возраженія, сдѣланныя Государю по поводу проекта Трепова о личномъ воздѣйствіи Государя на рабочихъ. — Пріемъ Государемъ делегаціи рабочихъ Петроградскаго района. — Неудавшаяся попытка обслѣдованія положенія рабочихъ Петроградскаго района.

Въ первой половинѣ іюля я находился, однажды, у себя въ кабинетѣ, на Мойкѣ, и собирался уѣзжать на дачу, на Елагинъ островъ. Раздался телефонный звонокъ и я услышалъ, къ моему удивленію, голосъ Плеве, почти два мѣсяца не входившаго со мною ни въ какое общеніе. Онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы повидаться со мною, такъ какъ есть надобность поговорить по одному личному вопросу, и спрашиваетъ меня, когда можетъ онъ пріѣхать ко мнѣ, не помѣшавши въ работѣ. Я отвѣтилъ ему, что черезъ нѣсколько минутъ собираюсь ѣхать къ себѣ на дачу и охотно заѣду къ нему на Аптекарскій островъ, если только не помѣшаю ему. Онъ поблагодарилъ меня и сказалъ, что будетъ ждать меня.

Какъ только я пріѣхалъ, меня немедленно пригласили въ кабинетъ; въ пріемной не было никого, и даже обычныхъ дежурныхъ чиновниковъ я не встрѣтилъ въ помѣщеніи. Плеве вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, наружно совершенно спокойно, и какъ только я сѣлъ противъ него, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Вы сердитесь на меня за происшедшую между нами размолвку.» Я отвѣтилъ ему, что мнѣ сердиться не приходится, но мнѣ очень грустно, что въ результатѣ нашего спора, наши отношенія совершенно

порвались, что онъ едва отвѣчаетъ мнѣ на привѣтствія при встрѣчахъ, и всѣ видятъ, что между нами установились совсѣмъ необычныя отношенія. Я не чувствую за собою никакой вины передъ нимъ и все жду, когда онъ поставитъ наше разногласіе на судъ Государственнаго Совѣта, такъ какъ и теперь увѣренъ въ своей правотѣ. Разсказалъ я ему, что я представилъ Государю, какъ предупреждалъ его, мой докладъ, послѣ чего ни разу не возбуждалъ того же вопроса въ личныхъ бесѣдахъ и не знаю какая участь постигла этотъ докладъ. «Этотъ докладъ былъ у меня», сказалъ мнѣ Плеве, «и я его вернулъ Его Величеству, прося не давать ему пока никакого хода, а теперь я просто не хочу поднимать снова этотъ вопросъ. Кто изъ насъ правъ — Богъ знаетъ — но въ чемъ я не правъ, — это въ томъ, что я перемѣнилъ мои отношенія къ вамъ. и въ чемъ я раскаиваюсь и прошу Васъ забыть происшедшее, такъ какъ Вы поступили совершенно открыто и на Вашемъ мѣстѣ и я вѣроятно поступилъ бы точно также. Но теперь не такое время, чтобы мы отходили другъ отъ друга. Я Васъ всегда ставилъ очень высоко и теперь прошу Васъ дружески, забудьте то, что было, и станемъ по прежнему относиться другъ къ другу, какъ было до этого случая. Богъ знаетъ, долго ли еще придется намъ работать вмѣстѣ. Вы многаго не знаете, да и я пожалуй очень многаго не знаю изъ того, что происходитъ кругомъ насъ».

Это были его послѣднія слова. Онъ обнялъ меня, крѣпко поцѣловалъ, опять спросилъ не сержусь ли я на него, и совершенно весело довелъ меня до передней и уже на порогѣ опять сказалъ «ну, значитъ, все по старому».

Мы больше съ Плеве не видѣлись. Черезъ три дня, хорошо помню число, — это было 14-ое іюля, мы встрѣтились на Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя въ Александріи, по сокращенію смѣты чрезвычайныхъ расходовъ на 1904 годъ. Плеве рѣшительно поддерживалъ меня, противъ Министра Путей Сообщенія и даже Государственнаго Контролера въ смыслѣ необходимости сократить до самой скромной цифры всѣ расходы на постройку новыхъ желеѣзныхъ дорогъ и на портовыя работы. Совѣщаніе кончилось очень быстро, мы вышли вмѣстѣ на подъѣздъ и такъ какъ намъ долго не подавали экипажей, то всѣ стояли подъ дождемъ, и разговоръ шелъ самый непринужденный. причемъ Плеве все время трунилъ надъ Генераломъ Лобко, увѣряя его, что полиція доноситъ ему, что онъ слишкомъ долго засиживается въ Сельскохозяйственномъ клубѣ и задерживаетъ нарядъ чиновъ полиціи, охраняющій его.

На утро въ 10-мъ часу, 15-го іюля его не стало. Его убила бомба Сазонова. въ ту минуту, когда онъ былъ уже близокъ къ Балтійскому вокзалу, направляясь въ четвергъ съ своимъ очереднымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

Подробности этого рокового событія всѣмъ извѣстны. Мнѣ хочется только, къ слову, разсѣять одну, связанную съ этимъ событіемъ, легенду, пущенную въ ходъ, думается мнѣ, Графомъ Витте, о томъ, что будто бы въ портфелѣ своемъ Плеве везъ всеподданнѣйшій докладъ о высылкѣ заграницу Витте, въ виду имѣющихся доказательствъ близкаго участія его въ революціонномъ движеніи, особенно усилившемся въ то время.

На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Портфель Плеве найденъ былъ въ полной сохранности въ каретѣ и доставленъ въ Министерство, гдѣ и былъ вскорѣ вскрытъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что осталось въ его столѣ, по повелѣнію Государя, Генералъ-Адъютантомъ Гессе, при участіи Директора Департамента Полиціи Лопухина, сына покойнаго Н. В. Плеве и еще кого-то изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ портфелѣ не было найдено ни одной строчки, посвященной Гр. Витте, а въ письменномъ столѣ былъ найденъ короткій всеподданнѣйшій докладъ или вѣрнѣе препроводительная записка, при которой Государю были представлены двѣ выписки изъ такъ называевой «перлюстраціи», то есть изъ вскрытой частной переписки, при чемъ ни авторы писемъ, ни ихъ адресаты не были указаны. Въ одномъ изъ писемъ говорилось, что Витте состоитъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ русскими и заграничными революціонными кругами и чуть ли не руководитъ ими, въ другомъ же неизвѣстный корреспондентъ выражаетъ своему адресату прямое удивленіе, какимъ образомъ правительство не знаетъ объ отношеніи человѣка, занимающаго высшій административный постъ, къ личности Царя, проникнутаго самой нескрываемой враждебностью и даже близкаго къ заведомымъ врагамъ существующаго государственнаго строя, и терпитъ такое явное безобразіе. Обѣ эти выписки, несомнѣнно прочитанныя Государемъ, были имъ возвращены Плеве безъ всякой резолюціи и съ простымъ знакомъ, удостовѣряющимъ фактъ ихъ прочтенія.

Затѣмъ, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ бумагахъ не было найдено ни малѣйшаго слѣда, указывающаго на то, чтобы Плеве представлялъ Государю какія бы то ни было данныя, а тѣмъ болѣе заключеніе о подпольной дѣятельности Витте или его интригахъ противъ Государя.

Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что Плеве отлично зналъ, какъ отзывается Витте о Государѣ, какія питаетъ къ нему чувства и насколько не стѣснялся онъ входить въ общеніе съ несомнѣнно враждебно настроенными къ Государю общественными кругами, но, вѣроятно, въ его распоряженіи не было неопровержимыхъ доказательствъ его дѣйствій явно тенденціознаго характера, такъ какъ нельзя допустить, чтобы при всѣмъ извѣстномъ враждебномъ отношеніи Плеве къ Витте, онъ не воспользовался своимъ вліятельнымъ положеніемъ для того, чтобы обезвредить Витте, или, по крайней мѣрѣ, раскрыть Государю глаза на него, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ лучше всѣхъ, какъ велико было нерасположеніе и Государя къ Витте.

Преемникомъ Плеве, какъ извѣстно, былъ избранъ Князь Петръ Дмитріевичъ Святополкъ-Мирскій, — близкій Витте человѣкъ. Имѣлъ ли Витте какое-либо участіе въ выборѣ преемника Плеве, — я не знаю, но хорошо помню, что какъ только стало извѣстно, на кого выпалъ жребій замѣнить убитаго Плеве, Витте, находившійся въ то лѣто безотлучно въ Петербургѣ, тотчасъ же написалъ мнѣ, что онъ радуется этому назначенію и поздравляетъ меня съ нимъ, такъ какъ я найду въ Кн. Святополкъ-Мирскомъ человѣка, неспособнаго ни въ чемъ затруднить моего положенія.

Характеръ новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ сталъ извѣстенъ сразу, по пріему, оказанному имъ представителямъ Виленской прессы, явившимся къ нему поздравить его съ высокимъ назначеніемъ и выразить ему сожалѣніе по поводу оставленія имъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Сославшись на установившіяся между нимъ и печатью добрыя отношенія съ первыхъ дней вступленія его въ должность Генералъ-Губернатора, Кн. Святополкъ-Мирскій заявилъ, что лозунгомъ его дѣятельности должно быть откровенное довѣріе къ общественнымъ силамъ, что на тѣ же силы онъ предполагаетъ опираться и, въ своей новой дѣятельности, ждетъ отъ нихъ такого же яснаго довѣрія и помощи, какое онъ готовъ проявить по отношенію къ нимъ, и не закрываетъ глазъ на то, что правительство, не опиравшееся на общественныя силы, будетъ всегда изолировано и слабо.

Петербургскіе салоны и бюрократическіе круги встрѣтили это заявленіе недружелюбно. Начались, какъ всегда, пересуды. Вспомнили такъ называемую «весну» и «диктатуру сердца» времени Лорисъ-Меликова, и можно безошибочно сказать, что если

печать встрѣтила это назначеніе дружелюбно, то въ правительственныхъ, придворныхъ и бюрократическихъ кругахъ вообще преобладало недовѣрчивое отношеніе и вскорѣ ироническое ожиданіе того, чѣмъ ознаменуется новый курсъ.

Отрицательное отношеніе къ Кн. Святополкъ-Мирскому шло въ особенности изъ самого Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ его знали по прежней дѣятельности въ Вильнѣ, считали его человѣкомъ чрезвычайно слабымъ, частью въ силу его плохого здоровья, не обладающимъ никакимъ административнымъ опытомъ, безвольнымъ, легко подпадающимъ подъ всевозможныя вліянія, нерѣшительнымъ и совершенно непригоднымъ на борьбу съ оппозиціонными силами, которыя къ тому времени стали замѣтно поднимать голову и вскорѣ перешли на всѣмъ извѣстный путь открытой борьбы съ правительствомъ, незамѣтно перешедшей затѣмъ въ вооруженное возстаніе половины 1905 года.

С. Ю. Витте, напротивъ того, открыто ликовалъ, всталъ на защиту новаго Министра, вездѣ и всюду противопоставлялъ его покойному Плеве, какъ образецъ просвѣщенности, государственнаго ума и той новой складки представителя власти, которая должна смѣнить ушедшій со сцены типъ полицейскаго администратора, чуждаго пониманію необходимости примирить власть съ обществомъ и приготовить переходъ къ новымъ пріемамъ управленія.

Изъ этого проявленія отношенія Витте къ новому человѣку и въ особенности изъ того, въ какія формы вылились ихъ взаимныя отношенія, какое вниманіе оказывалъ онъ ему при первыхъ его шагахъ въ управленіи Министерствомъ, какими льстивыми, подчасъ совершенно ненужными проявленіями покровительства въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ окружалъ онъ его. Петербургскіе правительственные круги, а за ними и придворные, очень быстро сдѣлали свои специфическіе выводы, сразу же оказавшіеся крайне невыгодными для Святополкъ-Мирскаго. «Ставленникъ» Витте, покорный слуга его велѣніямъ и т. д., всѣ эти пересуды сдѣлали то, что очень быстро ожидавшееся обаяніе отъ личности новаго Министра смѣнилось недовѣрчивымъ къ нему отношеніемъ, а когда стало извѣстно, что не проходило дня, чтобы не было свиданій этихъ двухъ людей между собою, и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ стали появляться наброски какихъ-то новыхъ актовъ въ духѣ «довѣрія къ общественнымъ силамъ», никто не придавалъ вѣры тому, что это дѣло рукъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а всѣ стали говорить въ одинъ голосъ, что фактическимъ Министромъ является теперь никто другой, какъ тотъ же С.Ю. Витте,

хотя никто не зналъ хорошенько въ какую форму выльются новыя вѣянія. Разгадка наступила лишь 12-го декабря, когда былъ опубликованъ Указъ, повелѣвавшій разсмотрѣть въ спѣшномъ порядкѣ выработанныя Предсѣдателемъ Комитета Министровъ основныя положенія о мѣрахъ къ укрѣпленію законности въ государствѣ. При этомъ необходимо помнить, что въ ту пору никакого объединенія среди Министровъ не было и каждое Министерство представляло собою замкнутое, самодовлѣющее цѣлое, которое само вѣдало дѣлами своего вѣдомства, внося въ высшія установленія — Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ — свои предположенія, по заключенію лишь тѣхъ вѣдомствъ, которыя затрогивались тѣмъ или инымъ предположеніемъ. Никакихъ предварительныхъ совѣщаніи или обсужденій не было, за исключеніемъ случаевъ, когда между отдѣльными Министрами существовали личныя близкія отношенія, которыя и использовались, главнымъ образомъ, для того, чтобы провести вѣдомственную точку зрѣнія или одолѣть несговорчиваго Министра, возражавшаго противъ той или другой мѣры.

Поэтому, никто хорошенько не зналъ о томъ, что готовилось въ тайникахъ того или другого вѣдомства, и лично я, несмотря на то, что видѣлся съ С. Ю. Витте часто и постоянно находился въ общеніи съ Гр. Сольскимъ, занимавшимъ въ Комитетѣ Министровъ исключительно вліятельное положеніе, — рѣшительно ничего не зналъ о подготовкѣ Указа 12-го декабря и встрѣтился съ нимъ только тогда, когда онъ былъ разосланъ передъ засѣданіемъ Комитета. Кто его готовилъ и какая доля участія въ немъ принадлежала Святополкъ-Мирскому, – я положительно не зналъ. Объ этомъ указѣ такъ много было писано, что не стоитъ повторять подробностей разсмотрѣнія его, да и значеніе его, которое такъ возвеличивалъ въ свою пору Витте, было совершенно ничтожно и окончательно заслонилось послѣдующими событіями. Объ нихъ мнѣ также приходится говорить лишь очень поверхностно и вскользь, потому, что мнѣ не было суждено играть въ нихъ никакой активной роли, какъ не играли въ нихъ и другіе Министры, являвшіеся болѣе или менѣе случайными участниками въ обсужденіи мѣръ, которыхъ они ни предупредить, ни отвратить не могли.

Мои личныя отношенія къ Святополкъ-Мирскому были по ихъ внѣшности очень хорошія. Сразу послѣ своего пріѣзда изъ Вильны, онъ былъ у меня и сказалъ, что совершенно не раздѣляетъ мысли покойнаго Плеве о передачѣ фабричной инспекціи въ свое вѣдомство, доложилъ уже объ этомъ Государю, который

выразилъ большое удовольствіе по поводу того, что этотъ конфликтъ съ Министерствомъ Финансовъ устраненъ, просилъ меня считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ и заявилъ даже, что онъ поручилъ Департаменту Полиціи сообщать мнѣ всѣ донесенія Жандармской полиціи по фабричному вопросу, предложилъ прекратить всякія вѣдомственныя препирательства и обѣщалъ всяческую помощь своего вѣдомства въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Я позвалъ къ себѣ Товарища Министра по Отдѣлу Торговли и Промышленности — Тимирязева, условился съ нимъ, что мы отъ себя сообщимъ все, что такъ обостряло наши отношенія при Плеве, и въ этихъ вѣдомственныхъ треніяхъ наступило временное затишье. Правда, что оно было очень кратковременнымъ.

Назначенный въ это время Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ завѣдующимъ Корпусомъ Жандармовъ Д. Ф. Треповъ, вскорѣ затѣмъ переименованный въ Петербургскіе Генералъ-Губернаторы, только по внѣшности шелъ по пути, указанному ему его Министромъ. На самомъ дѣлѣ, пользуясь неясностью полномочій своихъ по Управленію столицею, онъ началъ все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ столкновенія между рабочими и заводоуправленіями, и его вліяніе стало постепенно преобладающимъ.

Въ его распоряженіяхъ была оригинальная смѣсь чисто-Зубатовскаго, самаго беззастѣнчиваго заигрыванія съ рабочими и полицейскаго нажима на нихъ, угрозъ по адресу фабрикантовъ за недостаточную заботливость о нуждахъ рабочихъ и предъявленіе къ нимъ такихъ требованій, которыя не только не опирались на законъ, но были явно неисполнимы, — и въ то же время самое недвусмысленное запугиваніе рабочихъ и требованіе безпрекословнаго исполненія требованій Министерства въ дѣлѣ забастовокъ и разрѣшенія длящихся конфликтовъ. — Послѣ Гапоновскаго выступленія — 9-го января — эта двойственность приняла еще болѣе рѣзкія формы и вмѣшала даже лично Государя въ тревожное состояніе, охватившее Петербургскій районъ.

Результатъ всѣхъ этихъ попытокъ тоже хорошо извѣстенъ и говорить о немъ теперь не приходится. Конецъ 1904 года ушелъ именно на попытки устранить осложненія среди рабочихъ, и нужно откровенно сказать, что всѣ усилія въ этомъ отношеніи ни къ чему не привели, да и не могли привести.

Власть въ центрѣ была невѣроятно ослаблена. Слабый и безвольный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ буквально не зналъ, что дѣлать. Витте толкалъ его все время на какіе-то эксперименты, самъ не давая себѣ отчета въ томъ, куда онъ желаетъ

идти. Товарищъ Министра Треповъ метался изъ стороны въ сторону, то припоминая Московскую Зубатовщину, когда онъ открыто стоялъ на ея сторонѣ и всячески вліялъ въ томъ же смыслѣ на Великаго Князя Сергѣя Александровича, питавшаго къ нему слѣпое довѣріе, то одновременно съ этимъ внушалъ мысли о необходимости проявленія сильной власти для подавленія всякихъ безпорядковъ. Его выраженіе «патроновъ не жалѣть» непонятно мирилось съ самыми демагогическими обращеніями къ рабочимъ. При этомъ необходимо помнить, что въ ту пору не было никакихъ общихъ совѣщаній представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ между собою. Всѣ Министры дѣйствовали разрозненно, каждый по своей области, а Витте, какъ Предсѣдатель Комитета Министровъ, не считалъ даже себя въ правѣ направлять дѣйствія отдѣльныхъ Министровъ и велъ переговоры только съ отдѣльными, болѣе близкими къ нему по личнымъ отношеніямъ Министрами. Со мною, въ частности, онъ разговаривалъ исключительно по финансовымъ операціямъ того времени и то, — съ тою цѣлью, чтобы быть ближе освѣдомленнымъ о нихъ передъ внесеніемъ ихъ на разсмотрѣніе Финансоваго Комитета. По рабочему вопросу, составлявшему въ концѣ 1904 года, безспорную ось всего внутренняго положенія Россіи, онъ ни разу со мною не разговаривалъ, несмотря на то, что мнѣ была подчинена фабричная инспекція, и къ нему поступали отъ меня, по его же просьбѣ, всѣ наиболѣе существенныя донесенія фабричныхъ инспекторовъ.

Но внѣ сношеній со мною, онъ безспорно былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, какъ съ оппозиціонными кругами, такъ и съ самыми разнообразными негласными представителями вліятельныхъ круговъ самого рабочаго класса. Послѣдующія событія начала 1906-го года и скандальный эпизодъ съ отпускомъ 30.000 рублей, при участіи Тимирязева, въ распоряженіе нѣкоего Матюшинскаго, для вліянія на рабочее движеніе, безспорно подтверждаетъ мое увѣреніе.

Какую цѣль преслѣдовалъ Витте въ этомъ случаѣ, было ли это проявленіемъ какого-либо широко задуманнаго плана, или, какъ я думаю, скорѣе всего случайнаго вліянія на него всевозможныхъ совѣтчиковъ, кичившихся близкими ихъ сношеніями съ оппозиціонными и даже революціонными кругами, — этого я въ точности сказать не могу. Думаю, однако, что подтвержденіемъ моей догадки служитъ лучше всего самая подготовка сопротивленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Гапоновскому движенію на Зимній дворецъ.

До вечера 8-го января 1905 года, я не имѣлъ никакого по-

4*

нятія о томъ, что замышлялось въ этомъ отношеніи. Не имѣлъ я понятія и о личности священника Гапона и уже гораздо позже слышалъ, что будучи священникомъ женской тюрьмы, онъ являлся къ Министру Юстиціи или Начальнику Главнаго Тюремнаго Управленія, Курлову, и говорилъ, что, имѣя вліяніе на рабочую среду, онъ можетъ сломить забастовочное движеніе въ Петербургскомъ районѣ.

Впервые, вечеромъ 8-го января, меня пригласилъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кн. Святополкъ-Мирскій къ себѣ, сказавши мнѣ по телефону, что онъ желалъ бы поговорить по нѣкоторымъ частностямъ рабочаго движенія. Это было около 9-ти — 9½ часовъ вечера. Я засталъ въ пріемной Министра: Градоначальника Генерала Фулона, Товарища-Министра Трепова, Начальника Штаба Войскъ Гвардіи и Петербургскаго округа, Генерала Мешетича, поджидали еще В. И. Ковалевскаго, какъ Директора Департамента Торговли и Мануфактуры, но его не оказалось дома, и онъ не участвовалъ въ совѣщаніи. Да и совѣщаніе то было чрезвычайно короткимъ и имѣло своимъ предметомъ только выслушать заявленіе Генераловъ Фулона и Мешетича о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя сдѣланы въ отношеніи воинскихъ нарядовъ для разныхъ частей города, съ цѣлью помѣшать движенію рабочихъ изъ зарѣчныхъ частей города и съ Шлиссельбургскаго тракта по направленію къ Зимнему дворцу. Тутъ впервые я узналъ, что среди рабочихъ ведетъ чрезвычайно сильную агитацію священникъ Гапонъ и имѣетъ большой успѣхъ въ томъ, чтобы склонить рабочихъ на непосредственное обращеніе съ своими нуждами къ Государю и поставить себя подъ его личную защиту, такъ какъ надежда на мирное разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые были причинами большаго броженія среди рабочихъ петербургскихъ заводовъ, заключается въ личномъ участіи Государя въ этомъ дѣлѣ, потому, что Правительство слишкомъ открыто, будто бы, держитъ сторону хозяевъ и пренебрегаетъ интересами рабочихъ.

Все совѣщаніе носило совершенно спокойный характеръ. Среди представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ объясненіяхъ Начальника Штаба не было ни малѣйшей тревоги. На мой вопросъ: почему же мы собрались такъ поздно, что я даже не могу освѣтить дѣла данными фабричной инспекціи, Кн. Святополкъ-Мирскій отвѣтилъ мнѣ, что онъ думалъ первоначально совсѣмъ не «тревожить» меня, такъ какъ дѣло вовсе не имѣетъ серьезнаго характера, тѣмъ болѣе, что еще въ четвергъ, на его всеподданнѣйшемъ докладѣ было рѣшено, что Государь не про-

ведетъ этого дня въ городѣ, а выѣдетъ въ Гатчину, полиція сообщитъ объ этомъ заблаговременно рабочимъ, и, конечно, все движеніе будетъ остановлено и никакого скопленія на площади Зимняго Дворца не произойдетъ. Ни у кого изъ участниковъ совѣщанія не было и мысли о томъ, что придется останавливать движенія рабочихъ силою, и еще менѣе о томъ, что произойдетъ кровопролитіе. Витте не могъ не знать о всѣхъ приготовленіяхъ, такъ какъ Кн. Святополкъ-Мирскій совѣтовался съ нимъ буквально о каждомъ своемъ шагѣ. Кромѣ того, вечеромъ того же 8-го или точнѣе ночью, къ нему пріѣзжали члены назначеннаго уже въ то время Временнаго Правительства съ адвокатомъ Кедринымъ, членомъ городской Управы во главѣ, уговаривая его взять все дѣло въ свои руки и отмѣнить распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о воспрепятствованіи силою движенію на Зимній Дворецъ. Витте категорически сказалъ имъ, что не имѣетъ обо всемъ этомъ никакого понятія и не можетъ вмѣшиваться въ чужое дѣло. Едва ли это было такъ на самомъ дѣлѣ, потому, что у С. Ю. Витте, несомнѣнно, была чрезвычайно развитая агентура, освѣщавшая ему положеніе среди рабочихъ. Черезъ день, въ понедѣльникъ, уже послѣ всего происшедшаго, онъ подтвердилъ мнѣ, что не имѣлъ никакого понятія о готовившейся демонстраціи и о принятыхъ противъ нея мѣрахъ, рѣзко осуждалъ распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и не разъ произнесъ фразу: «разстрѣливать беззащитныхъ людей, идущихъ къ своему Царю съ его портретами и образами въ рукахъ, — просто возмутительно, и Кн. Святополкъ-Мирскому необходимо уйти, такъ какъ онъ дискредитированъ въ глазахъ всѣхъ». На мое замѣчаніе, что Князь состоитъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и неужели же онъ не говорилъ съ нимъ о готовившемся событіи такъ же какъ онъ не говорилъ ранѣе и со мною, — Витте отвѣтилъ мнѣ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ при нашемъ разговорѣ, что онъ не видѣлся съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ болѣе недѣли передъ событіемъ и рѣшительно не зналъ ничего. Говорилъ ли онъ правду или, по обыкновенію, желалъ просто сложить съ себя отвѣтственность за печальный результатъ, — я сказать не могу.

Утро 9-го января, — это было воскресенье, — я сидѣлъ за бумагами у себя въ кабинетѣ, какъ около 10-ти часовъ послышались залпы выстрѣловъ около Полицейскаго моста и мимо моихъ оконъ, по другой сторонѣ Мойки, побѣжала толпа отъ Невскаго къ Волынкину переулку. Я хотѣлъ было выйти изъ дому, узнать въ чемъ дѣло, но подъѣздъ мой оказался запертымъ, и швейцаръ

сказалъ мнѣ, что только что была полиція и просила никого не выходить изъ дома, говоря, что необходимо обождать, пока разсѣется скопленіе народа на Дворцовой площади и удастся оттѣснить толпу изъ этого района. Выстрѣлы продолжали слышаться все время, и послѣ каждаго залпа толпа отбѣгала въ сторону Волынкина переулка и затѣмъ снова подвигалась къ Полицейскому мосту. Къ 12-ти часамъ стрѣльба стихла и послѣ завтрака я вышелъ на Мойку, обошелъ кругомъ по Морской, Дворцовой площади и Мойкѣ, все было уже пусто, и только на Пѣвческомъ мосту стояли кавалергарды, да въ разныхъ мѣстахъ Дворцовой площади разставлены были пѣхотныя части, и полиція не разрѣшала скапливаться. Экипажей видно не было. Изъ разговоровъ на улицѣ и изъ разсказа знакомаго мнѣ полицейскаго офицера я узналъ только, что часть толпы, направлявшейся на Дворцовую площадь со стороны Конногвардейскихъ казармъ, прорвалась сквозь воинскую и полицейскую охрану и въ нее стрѣляли. Сколько народа было убито и ранено, нельзя было узнать. но всѣ говорили въ одинъ голосъ, что число пострадавшихъ было не велико.

Изъ эпизодовъ этого утра, одинъ небольшой, но совершенно неожиданный, врѣзался въ мою память. Въ то время, какъ стрѣльба съ Невскаго, у Полицейскаго моста, раздавалась особенно часто, мы съ женою стояли у окна и слѣдили за движеніемъ толпы по набережной Мойки, изъ Волынкина переулка, какъ разъ противъ оконъ Министерства, въ промежутокъ между двумя залпами, появился извозчикъ, повернувшій въ сторону Пѣвческаго моста, и мы увидѣли двухъ нашихъ знакомыхъ дамъ — Е. В. Германъ и ея сестру А. В. Жигалковскую — направлявшихся къ намъ. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ пришли къ намъ и разсказали, что, выйдя въ 11 часовъ на Троицкую, гдѣ онѣ жили въ то время, онѣ услышали, что толпа будто бы громитъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ и рѣшили узнать, въ чемъ дѣло. По Невскому ихъ спокойно пропустили до Конюшенной, но дальше онѣ проѣхать не могли, такъ какъ въ толпу стрѣляли вдоль Невскаго отъ Полицейскаго моста, на которомъ стояла рота Преображенскаго полка, и онѣ свернули на Конюшенную и Волынкинъ переулокъ и чуть не попали подъ выстрѣлы вдоль Мойки.

Онѣ пробыли у насъ до 4-хъ часовъ, а когда все стихло, то спокойно вернулись къ себѣ по Невскому. Въ этотъ день мы были приглашены къ обѣду къ Генералу Мартынову, жившему на улицѣ Гоголя. Пріѣхали мы туда въ каретѣ къ 8-ми часамъ,

насъ не хотѣли было пропускать съ Невскаго на улицу Гоголя, но узнавши, кто мы, — пропустили, и я попросилъ, чтобы снова дали проѣхать моему экипажу, когда онъ станетъ возвращаться домой, а затѣмъ, около 10-ти пріѣдетъ за нами. Долго не подавали обѣда, такъ какъ все ждали запаздывавшаго моего бывшаго Начальника по Главному Тюремному Управленію — Галкина-Враскаго. Онъ пріѣхалъ только къ 9-ти часамъ и разсказалъ, что по Невскому двигается компактная толпа, весьма неспокойная, что въ его карету бросали камнями и всѣ стекла разбиты вдребезги. Около 11-ти часовъ мы выѣхали съ улицы Гоголя и рѣшили проѣхать на Троицкую узнать, какъ добрались наши знакомыя дамы домой днемъ. Путь — туда и обратно — былъ свободенъ, никто насъ не задержалъ, только около Гостинаго двора была небольшая толпа въ сторонѣ Большой Садовой и по адресу нашей кареты раздавались недобрые крики.

Подробности этого рокового дня настолько всѣмъ извѣстны, что пересказывать ихъ теперь снова просто нѣтъ охоты.

Для меня этотъ день имѣлъ особое значеніе въ двоякомъ отношеніи. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе заграницею, а какъ разъ въ эту пору я велъ переговоры о заключеніи одновременно двухъ, независимыхъ другъ отъ друга, займовъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ. Съ другой стороны, для ослабленія вліянія этого дня на среду заводскихъ рабочихъ въ Петербургскомъ районѣ, а чрезъ него и во всей Россіи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и въ частности Генералъ Треповъ, какъ Петербургскій Генералъ-Губернаторъ, выдвинулъ и сталъ энергично проводить въ жизнь мысль о необходимости личнаго воздѣйствія Государя на рабочихъ, съ цѣлью внести успокоеніе въ ихъ среду путемъ прямого заявленія Государя о томъ, что Онъ принимаетъ ихъ интересы близко къ сердцу и беретъ ихъ подъ свою личную защиту. Окончательно подавленный событіями 9-го января, рѣшившійся выйти въ отставку Кн. Святополкъ-Мирскій не принималъ въ этомъ вопросѣ никакого личнаго участія, предоставивъ все дѣло Трепову, который не разъ докладывалъ объ этомъ лично Государю и передавалъ мнѣ Высочайшія повелѣнія о томъ, въ чемъ они относились до вѣдомства Министерства Финансовъ, а затѣмъ, вскорѣ Святополкъ-Мирскій и вышелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто Булыгину.

Революціонная печать приписала эту мысль вовлечь Государя — мнѣ, но это совершенно невѣрно, такъ какъ я ее не раздѣлялъ и не шелъ дальше объявленія именемъ Государя, что рабочій вопросъ близокъ его сердцу, и Онъ повелѣлъ Правительству

принять въ спѣшномъ порядкѣ всѣ мѣры къ разрѣшенію справедливыхъ нуждъ рабочихъ. Но на моихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ Государь не разъ выражалъ опредѣленное свое сочувствіе мысли Трепова, предполагая, что ему слѣдуетъ лично попытаться внести успокоеніе въ рабочую среду, и съ этою цѣлью вызвать къ Себѣ представителей рабочихъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ. Я высказывалъ Государю, что не вижу пользы отъ такой мѣры, потому, что устроить выборы съ такимъ расчетомъ, чтобы представительство отъ рабочихъ хотя бы одного столичнаго района, носило характеръ свободнаго выраженія ихъ мнѣній, нѣтъ никакой возможности, потому, что законъ не даетъ никакихъ указаній на возможность организаціи выборовъ и нельзя ограничивать представительство отъ одного Петербургскаго района, не вызывая справедливаго нареканія на то, что остальные районы обойдены выборами, да и настроеніе рабочихъ не таково, чтобы можно было расчитывать на глубокое вліяніе на нихъ личнымъ обращеніемъ Государя, когда рядомъ идетъ несомнѣнная революціонная пропаганда, которая воспользуется этимъ случаемъ, чтобы дискредитировать выборныхъ въ глазахъ рабочей массы, какъ представителей искусственнаго подбора, въ угоду власти.

Мои возраженія не нравились Государю. Онъ былъ, очевидно, подъ вліяніемъ противоположныхъ мнѣ доводовъ Трепова и не разъ выражалъ мнѣ, хотя и въ очень деликатной формѣ, что надѣется все-таки имѣть хорошее вліяніе на представителей отъ рабочихъ, если только удастся выбрать разумныхъ людей. Моя мысль о томъ, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ дать и фабрикантамъ возможность увидать Государя и услышать отъ него его желанія, тѣмъ болѣе, что я не разъ удостовѣрялъ Государя въ томъ, что отношеніе фабрикантовъ къ рабочимъ проникнуто полною готовностью идти широко на встрѣчу разумнымъ пожеланіямъ рабочихъ, но встрѣчаетъ въ нихъ самое предвзятое и враждебное къ себѣ отношеніе подъ вліяніемъ революціонныхъ вожаковъ, — успѣха не имѣла, и Государь отвѣчалъ мнѣ всегда, что Онъ вполнѣ этому вѣритъ и предоставляетъ мнѣ объяснить фабрикантамъ, что Онъ никогда не сомнѣвался въ ихъ готовности идти на встрѣчу интересовъ рабочихъ.

Началась подготовка выборовъ представителей отъ рабочихъ для представленія ихъ Государю. Она велась почти цѣликомъ Генераломъ Треповымъ и носила, конечно, совершенно искусственный характеръ. Отъ каждаго завода Петербургскаго района было назначено опредѣленное количество уполномоченныхъ въ избирательное собраніе, которое должно было изъ своей среды вы-

брать 30 человѣкъ депутатовъ для представленія Государю. Никакого интереса къ выборамъ рабочіе не проявляли, а всѣ заботы фабричной инспекціи сводились только къ одному, чтобы въ число депутатовъ не попали крайніе элементы и весь пріемъ не носилъ въ себѣ демонстративнаго характера. Крайніе элементы и не проявили никакого участія въ выборахъ. Въ агитаціонныхъ листкахъ того времени, крайне многочисленныхъ и почти ежедневно доходившихъ чрезъ фабричную инспекцію какъ до моего свѣдѣнія, такъ и до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (они открыто расклеивались на стѣнахъ, на заводахъ), отношеніе къ пріему Государемъ депутаціи было совершенно отрицательное, чтобы не сказать ироническое. Треповъ это отлично зналъ, какъ это знала хорошо и вся жандармская полиція. Докладывалъ я о нихъ и Государю, но Онъ неизмѣнно отвѣчалъ, одно: «если это такъ, то никто не можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я безучастенъ къ нуждамъ рабочихъ, и они сами будутъ виноваты въ томъ, что не хотятъ съ довѣріемъ подойти ко мнѣ».

Пріемъ рабочихъ состоялся въ Царскомъ Селѣ въ концѣ февраля или въ самыхъ первыхъ числахъ марта и носилъ совершенно блѣдный характеръ. Государь прочиталъ небольшую, заранѣе заготовленную имъ рѣчь, въ которой высказалъ рядъ очень добрыхъ къ рабочимъ мыслей, просилъ ихъ вѣрить Его участію, мирно работать на общую пользу и прибавилъ, что Онъ уже приказалъ кому слѣдуетъ назначить особую Комиссію для обслѣдованія положенія рабочихъ сѣвернаго района, которая вникнетъ во всѣ нужды рабочихъ и представитъ непосредственно Ему заключеніе о томъ, что должно быть сдѣлано для того, чтобы положеніе рабочихъ было улучшено. Рабочіе никакихъ своихъ пожеланій не высказали. Государь очень ласково поговорилъ почти съ каждымъ изъ нихъ, задавая имъ вопросы откуда кто родомъ, чѣмъ занимался до поступленія на заводъ и каково семейное положеніе каждаго. Угостили всѣхъ делегатовъ чаемъ и сандвичами и всѣ разъѣхались по домамъ. Треповъ былъ доволенъ аудіенціею, открыто заявляя, что она сошла блестяще и не можетъ не оставить глубокаго слѣда. Присутствовавшій при пріемѣ старшій фабричный инспекторъ былъ радъ, что обошлось безъ «инцидента», но каждый, — вѣроятно за исключеніемъ Трепова, — думалъ про себя, что никакого слѣда эта попытка не оставитъ и все пойдетъ тѣмъ ходомъ, который опредѣляется военными неудачами и нароставшимъ оппозиціоннымъ настроеніемъ въ обществѣ, постепенно переходившимъ въ прямое революціонное движеніе.

Печать не обмолвилась ни однимъ словомъ о пріемѣ рабочихъ, и даже Новое Время зарегистрировало только одинъ фактъ пріема.

Витте молчалъ и ни въ какіе разговоры со мною по этому поводу не вступалъ. Зато, когда началось выполненіе указаній Государя о производствѣ полнаго обслѣдованія положенія рабочихъ, на первыхъ порахъ въ Петербургскомъ районѣ и возникъ вопросъ о томъ, какъ производить это обслѣдованіе и кому его поручить, — Витте выступилъ съ своимъ предложеніемъ поручить это дѣло члену Государственнаго Совѣта Н. В. Шидловскому. Худшаго выбора сдѣлать было невозможно. Необычайно высокаго о себѣ мнѣнія, не знавшій административной жизни, способный только на глубокомысленную критику всѣхъ и вся, никогда не стоявшій около какого бы то ни было живого, практическаго дѣла и помѣшанный на однѣхъ тонкостяхъ редакціоннаго искусства по его многолѣтней и исключительной службѣ въ Государственной Канцеляріи, — онъ буквально не зналъ, что дѣлать, съ какого конца приступить къ дѣлу, совѣтовался со всѣми, съ кѣмъ только встрѣчался, окружилъ себя самыми сомнительными элементами фабричной инспекціи и сразу подпалъ вліянію очень способнаго, но склоннаго къ всевозможнымъ широкимъ замысламъ дѣятеля также фабричной инспекціи, — Литвинова-Фалинскаго, старавшагося раздуть это дѣло въ какое-то грандіозное предпріятіе, съ предварительнымъ составленіемъ и внесеніемъ въ Комитетъ Министровъ сложной программы. Шидловскій все время только сомнѣвался и недоумѣвалъ какъ приступить къ дѣлу, давалъ длинныя интервью въ печати, да такъ и кончилъ, не начавши своего обслѣдованія и дотянулъ его до лѣта, а затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ Воронежскую губернію. По правдѣ сказать, ничего иного онъ и сдѣлать не могъ. Революціонное движеніе росло, стачки множились и развивались, быстро нарастала революція второй половины 1905 года и не бумажною анкетою было потушить разгоравшійся пожаръ.

ГЛАВА IV.

Вліяніе событій 9-го января на переговоры о внѣшнихъ займахъ. — Переговоры съ домомъ Мендельсона и заключеніе въ Германіи 4½% займа. — Переговоры о займѣ во Франціи. — Пріѣздъ въ Петербургъ главы русскаго синдиката въ Парижѣ г. Нетцлина. — Выставленныя имъ требованія. — Пріемъ г. Нетцлина Государемъ. — Два рескрипта на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина. — Подготовительное обсужденіе проекта Думы законосовѣщательнаго характера. С. Е. Крыжановскій и А. И. Путиловъ. — Моя бесѣда съ адм. Рождественскимъ передъ отплытіемъ эскадры. — Проектъ А. М. Абазы о пріобрѣтеніи военныхъ судовъ въ Чили и въ Бразиліи. — Первыя извѣстія о пораженіи при Цусимѣ. — Разсмотрѣніе проекта учрежденія Государственной Думы совѣщательнаго характера въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго.

Вліяніе событія 9-января на второй вопросъ, уже прямо затронувшій меня, какъ Министра Финансовъ, — на ходъ моихъ переговоровъ по заключенію внѣшнихъ займовъ для полученія средствъ на веденіе войны и на поддержанія нашего денежнаго обращенія — было гораздо болѣе реально.

Оно прошло почти безслѣдно для заключенія займа въ Германіи, такъ какъ операція съ заключеніемъ 4½ процентнаго займа мнѣ удалась, — но имѣло самыя глубокія послѣдствія на ходъ переговоровъ во Франціи.

Начало моихъ сношеній съ Германіей, въ лицѣ банкирскаго дома Мендельсонъ и К-о, относится еще къ концу 1904 года и сейчасъ, столько лѣтъ спустя послѣ этой поры, я не могу не вспомнить съ чувствомъ величайшей признательности того, какъ быстро, согласно и легко для меня шли эти переговоры. Ихъ не нарушило ни паденіе Портъ-Артура, ни постепенно ухудшавшееся наше военное положеніе; со стороны этого дома я встрѣтилъ такую предупредительность и готовность помочь мнѣ, какой не встрѣ-

чалъ ни разу впослѣдствіи до самаго выхода моего въ отставку съ поста Министра Финансовъ въ январѣ 1914 года.

Сначала глава дома, — Эрнстъ фонъ-Мендельсонъ-Бартольди, затѣмъ его правая рука и самый умный изъ всѣхъ финансистовъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ, — Фишель, старались всѣми средствами облегчить мое положеніе, не только, тогда, когда они вѣрили еще въ нашу побѣду, но и потомъ, когда для всѣхъ было ясно, что намъ не кончить войны побѣдою.

Переговоры о займѣ 1905 года были закончены вскорѣ послѣ январскихъ событій, и заемъ былъ заключенъ во второй половинѣ февраля и выпущенъ на германскомъ рынкѣ въ самомъ началѣ марта, несмотря на всѣ грозныя предзнаменованія той поры и на открытое выступленіе разныхъ общественныхъ и въ особенности ученыхъ организацій съ рѣзкими протестами противъ дѣятельности правительства. Всѣ основныя условія займа были выработаны подробными предварительными сношеніями съ Берлиномъ.

Припоминаю по этому поводу одну характерную особенность въ выработкѣ условій этого займа.

Предупредивши меня по телеграфу о днѣ своего пріѣзда, Фишель пришелъ ко мнѣ около 10-ти часовъ утра съ редактированными имъ окончательными условіями о займѣ и просилъ меня утвердить ихъ непремѣнно въ тотъ же день, такъ какъ, по условіямъ берлинскаго рынка, онъ находилъ необходимымъ спѣшить съ выпускомъ займа и предполагалъ на слѣдующее утро выѣхать въ обратный путь.

Этотъ день у меня былъ очень занятой, я не могъ дать ему достаточно времени въ дневные часы и просилъ его пріѣхать ко мнѣ обѣдать, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ обѣда посвятить весь вечеръ на разсмотрѣніе проекта контракта. Я пояснилъ ему въ чемъ именно заключаются мои несогласія и просилъ его еще разъ обдумать спорные пункты. Мы кончили обѣдать около половины 10-го и принялись за дѣло. Мы спорили долго и упорно. Фишель дѣлалъ все возможное, чтобы удовлетворить моимъ желаніямъ, но были частности, въ которыхъ онъ затруднялся уступить мнѣ. Я предложилъ ему отвести проектъ контракта въ двухъ редакціяхъ моей и его въ Берлинъ къ его патронамъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ согласія, я могъ бы просто утвердить договоръ телеграммою, а при ихъ несогласіи, — отложить все дѣло до лучшихъ дней, такъ какъ я не могъ принять окончательно его точку зрѣнія на спорныя части договора, и сказалъ ему откровенно, что не внесу ихъ въ Финансовый Комитетъ, несмотря на то, что Витте

передалъ мнѣ по телефону, что, переговоривши съ нимъ (Фишелемъ), онъ предпочитаетъ уступить ему, нежели откладывать совершеніе займа на условіяхъ, которыя ему кажутся весьма выгодными для Россіи. Нашъ споръ сводился къ размѣру банкирской комиссіи порядочно поднятой Мендельсонами противъ прежнихъ займовъ, и разница въ нашихъ взглядахъ выражалась въ суммѣ не менѣе 500.000 рублей. Фишель сильно волновался, не желая уѣхать съ пустыми руками, и видимо очень желалъ угодить мнѣ, но вѣроятно имѣлъ опредѣленныя инструкціи отъ своихъ хозяевъ. Страдая порокомъ сердца, онъ не разъ за весь вечеръ уходилъ въ мой сосѣдній кабинетъ и принималъ различные медикаменты. Въ одну изъ его отлучекъ, продолжавшуюся, какъ мнѣ показалось, слишкомъ долго, я засталъ его на диванѣ въ полуобморочномъ состояніи и настаивалъ на томъ, чтобы онъ уѣхалъ въ гостиницу и вернулся на утро, отложивши на день свой выѣздъ изъ Петербурга, но онъ попросилъ дать ему еще нѣсколько минутъ на размышленіе и скоро вышелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ беретъ на себя всю отвѣтственность передъ Берлинскимъ синдикатомъ, передѣлалъ тутъ же соотвѣтствующій пунктъ контракта, мы подписали его и простились тѣми же друзьями, какими встрѣтились утромъ. На слѣдующій день, передъ поѣздомъ онъ еще разъ заѣхалъ ко мнѣ, просилъ не сердиться на его настойчивость и сказалъ только, что уступилъ мнѣ потому, что хотѣлъ доставить мнѣ личное удовольствіе, и берется уладить все дѣло съ участниками синдиката, а въ случаѣ ихъ неудовольствія попроситъ меня только удостовѣрить, что онъ настаивалъ до сердечнаго припадка включительно. Въ ближайшемъ засѣданіи Финансоваго Комитета, когда я доложилъ о результатахъ переговоровъ съ Фишелемъ, Витте сказалъ, что онъ находитъ совершенно напраснымъ то, что я такъ «прижалъ», по его словамъ, Мендельсона, и что выторгованное мною 500.000 рублей все равно уйдутъ безслѣдно среди безтолковыхъ военныхъ расходовъ. Его мнѣніе не встрѣтило, однако, никакого сочувствія, и даже всегда поддерживавшій его и крайне умѣренный въ своихъ взглядахъ Гр. Сольскій отнесся особенно сочувственно къ моей настойчивости и благодарилъ меня за нее.

Совсѣмъ иначе шло дѣло о заключеніи займа во Франціи. Въ самомъ началѣ февраля, безъ всякаго предупрежденія меня, пріѣхалъ въ Петербургъ глава русскаго синдиката въ Парижѣ, представитель Парижско-Нидерландскаго Банка Эд. Нетцлинъ и заявилъ мнѣ, что внутреннія событія въ Россіи, неудачи на

войнѣ и, въ особенности, то, что произошло 9-го января и происходитъ въ фабричныхъ районахъ, производитъ самое невыгодное впечатлѣніе на французскомъ рынкѣ; наши бумаги падаютъ, поддерживать ихъ отъ катастрофическаго паденія нѣтъ возможности и необходимо рѣшиться на двоякаго рода мѣру:

1) значительно увеличить кредитъ на поддержку прессы и не требовать, чтобы затраты на это шли на счетъ банкировъ, то-есть другими словами, взять этотъ расходъ исключительно на средства русской казны, и

2) найти какой-либо способъ внести успокоеніе въ денежную французскую публику, если только мы не отказываемся на долгій срокъ отъ заключенія во Франціи государственныхъ займовъ. Послѣднее заявленіе его мнѣ было крайне неясно, и я просилъ его выразить его мысль въ болѣе конкретной формѣ. Тогда Нетцлинъ совершенно открыто заявилъ мнѣ, что пріѣхалъ съ вѣдома французскаго правительства, хотя и не сказалъ мнѣ, кто именно изъ правительства уполномочилъ его говорить со мною отъ его имени. — что онъ видѣлся передъ отъѣздомъ съ нашимъ посломъ А. И. Нелидовымъ, который предполагалъ писать мнѣ (никакого письма отъ Нелидова я не получалъ), и что французское правительство чрезвычайно встревожено ходомъ нашихъ дѣлъ, видитъ въ нихъ величайшую опасность и находитъ, что правительство наше безсильно бороться съ поднимающимся революціоннымъ настроеніемъ въ странѣ и ему приходилось уже подмѣчать въ широкихъ кругахъ политическихъ дѣятелей Франціи сомнѣніе въ томъ, удастся ли русскому правительству овладѣть положеніемъ, и не будетъ ли оно вынуждено — и на какихъ именно основаніяхъ — уступить общественному движенію и пойти навстрѣчу его желаній, вставши на путь конституціоннаго образа правленія. Онъ оговорилъ, при этомъ конечно, что передаетъ мнѣ голосъ общественныхъ круговъ Франціи, не имѣя самъ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ. Я посовѣтовалъ ему повидать Предсѣдателя Комитета Министровъ Витте, тѣмъ болѣе, что я зналъ, что онъ и безъ моего совѣта будетъ видѣться съ нимъ и тутъ же въ присутствіи Нетцлина спросилъ его по телефону, когда именно можетъ онъ принять только что пріѣхавшаго Г. Нетцлина. Витте отвѣтилъ мнѣ, что онъ зналъ уже объ этомъ пріѣздѣ и приметъ пріѣхавшаго въ тотъ же день. Нетцлинъ не удовольствовался, однако, этимъ визитомъ и просилъ меня устроить ему аудіенцію у Государя, такъ какъ ему чрезвычайно важно имѣть возможность доложить по возвращеніи въ Парижъ о томъ, что онъ исчерпалъ всѣ средства для того, чтобы освѣтить истинное положеніе дѣлъ въ

Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить намъ настроеніе французскаго общественнаго мнѣнія и правительственныхъ круговъ.

Я снесся по телефону съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Гр. Ламсдорфомъ, прося его взять на себя испрошеніе аудіенціи Нетцлину какъ иностранцу, но онъ уклонился отъ этого, говоря, что не имѣетъ ни одного слова отъ нашего посла въ Парижѣ и думаетъ, что это всего лучше сдѣлать мнѣ, тѣмъ болѣе, что и просьба обращена ко мнѣ. Въ тотъ же день я написалъ объ этомъ Государю, но получилъ отъ Него отвѣтъ, что онъ хочетъ раньше переговорить со мною, тѣмъ болѣе, что мой докладъ приходился какъ разъ черезъ день.

Я повторилъ изустно то, что писалъ, развивши лишь подробности моей бесѣды съ Нетцлиномъ и высказанныя имъ соображенія и прибавилъ, что отказъ въ пріемѣ Нетцлина будетъ скорѣе всего невыгоденъ для насъ, какъ проявленіе нашего нежеланія даже выслушать то, что намъ приносятъ отъ имени союзной страны. Государь отнесся къ этой просьбѣ совершенно спокойно и сразу же согласился на нее, сказавши мнѣ, что въ мысли о необходимости быть ближе къ общественному настроенію онъ видитъ много справедливаго и самъ находитъ, что при охватившей общество тревогѣ, быть можетъ было бы полезно подумать о томъ, что̀ могло бы быть принято въ этомъ отношеніи. Пріемъ Нетцлину былъ назначенъ на другой день. Прямо изъ Царскаго Села Нетцлинъ пріѣхалъ ко мнѣ въ самомъ радужномъ настроеніи и сказалъ, что Государь былъ съ нимъ исключительно милостивъ, поручилъ ему передать кому онъ признаетъ нужнымъ, что революціонное движеніе въ странѣ гораздо менѣе глубоко нежели предполагаютъ въ Парижѣ, что мы справимся съ нимъ, что Онъ, Государь, ждетъ рѣзкаго поворота въ нашу пользу въ военныхъ дѣйствіяхъ съ прибытіемъ на Востокъ нашего флота, и что самъ Онъ серьезно думаетъ о такихъ реформахъ, которыя дадутъ бо̀льшее удовлетвореніе общественному настроенію. Общій выводъ Нетцлина отъ пріема въ Царскомъ Селѣ былъ самый радужный, и онъ простился со мною, сказавши, что тотчасъ по своемъ возвращеніи предприметъ самые рѣшительные шаги къ возобновленію переговоровъ о новомъ займѣ. Онъ не скрылъ отъ меня, что нашъ успѣхъ въ переговорахъ съ Мендельсономъ будетъ служить для него поводомъ вліять на своихъ коллегъ по русскому синдикату. Вѣсть о пріемѣ Государемъ Нетцлина попала въ газеты вѣроятно черезъ Витте, такъ какъ кромѣ меня Нетцлинъ говорилъ только съ нимъ, а я никому ничего не разсказывалъ, и въ газетныхъ сообщеніяхъ на самые разнообразные лады разви-

валась мысль о сочувствіи Государя идеѣ преобразованій въ духѣ общественнаго довѣрія. Но тутъ же, какъ разъ на другой день, 18-го февраля, и притомъ совершенно неожиданно прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ къ этой мысли рескриптъ на имя новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Булыгина, смѣнившаго Кн. Святополкъ-Мирскаго. Въ немъ указывалось на распространяющееся въ странѣ забастовочное движеніе, на вредъ наносимый имъ дѣлу вооруженной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ и на необходимость рѣшительной борьбы съ нимъ всѣми доступными власти способами и ни однимъ словомъ не упоминалось о довѣріи къ обществу и не возвѣщалось никакихъ реформъ. Витте былъ крайне смущенъ тономъ рескрипта, поѣхалъ въ Царское Село и говорилъ объ этомъ. Говорилъ и я на моемъ докладѣ, указавши на то, что въ Парижѣ просто не поймутъ этого послѣ пріема Нетцлина. Государь не далъ прямого отвѣта, обѣщалъ подумать, и черезъ нѣкоторое время — я не припоминаю теперь въ точности этого промежутка времени — появился новый рескриптъ на имя Булыгина, съ повелѣніемъ приступить къ разработкѣ предположеній о привлеченіи населенія къ болѣе «дѣятельному и постоянному участію въ дѣлахъ законодательства». Какъ извѣстно, этотъ рескриптъ положилъ начало выработкѣ проекта о созывѣ Государственной Думы законосовѣщательнаго характера, который получилъ утвержденіе 6 августа, послѣ длительнаго и мучительнаго процесса подготовительной стадіи, въ которомъ самое дѣятельное участіе приняли: со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — С. Е. Крыжановскій, со стороны Министерства Финансовъ — Директоръ Общей Канцеляріи А. И. Путиловъ, стяжавшій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ Предсѣдателя Правленія Русско-Азіатскаго Банка, въ особенности въ пору нашего общаго бѣженства. Оба эти лица вели прямо противоположную политику въ ихъ предварительной работѣ. Крыжановскій тянулъ вправо, тогда какъ Путиловъ явно шелъ влѣво, и не проходило дня, чтобы мнѣ не приходилось встрѣчаться съ сѣтованіями Булыгина на то, что работа не подвигается впередъ изъ-за нескончаемыхъ споровъ съ моимъ представителемъ. Булыгинъ, совершенно несклонный къ захвату власти и поддерживавшій со мною самыя дружескія отношенія еще со времени прежней нашей совмѣстной службы въ Главномъ Тюремномъ Управленіи въ началѣ 80-хъ годовъ, пріѣхалъ даже однажды ко мнѣ и показалъ свой письменный всеподданнѣйшій докладъ съ изложеніемъ цѣлаго ряда спорныхъ пунктовъ по разногласію между Крыжановскимъ и Путиловымъ,

съ отмѣтками Государя въ смыслѣ полнаго несогласія Его съ взглядами Путилова. Въ результатѣ этого, мнѣ пришлось дать Путилову прямыя указанія идти въ согласіи съ указаніями Государя, у насъ произошло крупное объясненіе, и Путиловъ долженъ былъ подчиниться, а потомъ указывалъ постоянно, что если бы его послушали, то все дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ и не потребовалось бы ни Манифеста 17-го октября, ни усмиренія московскаго вооруженнаго возстанія. Не стоитъ развивать полной несостоятельности этого взгляда, такъ какъ по настроенію того времени, никакія либеральныя новшества не имѣли уже вліянія на разбушевавшіяся страсти, и послѣднія улеглись только подъ вліяніемъ рѣшительнаго подавленія Московскаго возстанія.

Весна 1905 года прошла въ самомъ тревожномъ настроеніи. Дѣла на фронтѣ шли все хуже и хуже. Спѣшныя приготовленія къ отправкѣ эскадры Рождественскаго и ея путь кругомъ Мыса Доброй Надежды держали всѣхъ насъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи мало кто давалъ себѣ отчетъ въ шансахъ на успѣхъ задуманнаго небывалаго предпріятія. Всѣмъ страстно хотѣлось вѣрить въ чудо, большинство же просто закрывало себѣ глаза на невѣроятную рискованность замысла. Да мало кто и зналъ техническую сторону предпріятія. Морское Министерство просто скрывало, что суда были перегружены углемъ подъ вліяніемъ опасенія не получить его по пути. Правительство не было освѣдомлено о подробностяхъ. Публика же просто вѣрила слѣпо въ успѣхъ, и кажется одинъ Рождественскій давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что можетъ уготовать ему судьба въ его безконечномъ странствованіи кругомъ Африки, по пути къ нашему дальнему востоку. По крайней мѣрѣ, когда намъ пришлось, еще въ 1904 г., какъ-то встрѣтиться на Невскомъ заводѣ на осмотрѣ двухъ легкихъ крейсеровъ, приготовляемыхъ для его эскадры, и мы разговорились съ нимъ, возвращаясь обратно на пароходѣ въ городъ, онъ сказалъ мнѣ на пожеланія мои объ успѣхѣ его труднаго дѣла, — «какой можетъ быть у меня успѣхъ. Не слѣдовало бы начинать этого безнадежнаго дѣла, да развѣ я могу отказаться исполнять приказаніе, когда всѣ вѣрятъ въ успѣхъ». Зима и весна тянулись безконечно томительно и долго. Вѣсти съ пути эскадры были тревожны, а послѣ извѣстнаго инцидента на Доггербанкѣ, вездѣ чуялись японскіе шпіоны, которыхъ, въ дѣйствительности, конечно, вовсе не было, такъ какъ японцамъ нечего было пускаться въ напрасный дальній путь, и они просто сторожили нашу эскадру у своихъ водъ. Но плановъ и притомъ самаго разнообразнаго типа, въ морскомъ вѣдомствѣ было великое множество, и всѣ они имѣли часто

фантастическій характеръ. Одинъ изъ этихъ плановъ далъ и мнѣ не мало хлопотъ.

Состоявшій при Генералъ-Адмиралѣ, Великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ, Адмиралъ А. М. Абаза, тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Статсъ-Секретаремъ Безобразовымъ и Вонлярлярскимъ былъ душею предпріятія на Ялу, — все время послѣ паденія Портъ-Артура въ декабрѣ 1904 года, носился съ идеей усилить нашу Владивостокскую эскадру путемъ пріобрѣтенія судовъ заграницею. Немало всякихъ дѣльцовъ и авантюристовъ обивало въ это время пороги Морского и Военнаго Министерствъ со всевозможными предложеніями услугъ по самымъ разнообразнымъ военнымъ поставкамъ. Въ числѣ этихъ господъ находился, между прочимъ, нѣкій американецъ, Чарльзъ Флинтъ, который подалъ мысль о томъ, что Чили и Бразилія имѣютъ прекрасныя боевыя суда — броненосцы и крейсера, — которыя можно купить сравнительно недорого, снабдить ихъ русскою командою и перевести во Владивостокъ, съ такимъ расчетомъ, что съ остаткомъ нашей тамъ эскадры получится грозная сила, способная бороться съ японцами и повернуть все военное положеніе въ нашу пользу. Слухъ объ этой затѣѣ долгое время доходилъ до меня только въ самой осторожной формѣ, но не выливался въ реальную форму.

Но въ концѣ зимы 1904—1905 года меня пригласили на совѣщаніе къ Великому Князю Алексѣю Александровичу, вмѣстѣ съ Генераломъ Любко, Государственнымъ Контролеромъ, и этотъ вопросъ всталъ на офиціальную почву. Докладчикомъ по вопросу былъ Адмиралъ Абаза, и онъ съ величайшей авторитетностью и апломбомъ доказывалъ, что всѣ продающіяся суда должны быть куплены во что бы то ни стало и не справляясь съ цѣною ихъ. Государственный Контролеръ поддерживалъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ, Морской Министръ былъ болѣе сдержанъ и указывалъ на цѣлый рядъ чисто практическихъ затрудненій къ снабженію судовъ нашимъ командным составомъ и къ возможности провести ихъ во Владивостокъ, независимо отъ того, удастся ли пріобрѣсти ихъ или нѣтъ.

Мнѣ пришлось сосредоточить мои возраженія на чисто финансовой сторонѣ вопроса. Я заявилъ, что принципіально не буду возражать противъ расхода на покупку судовъ, если мнѣ будетъ объяснено, какія суда продаются, кѣмъ именно, за какую цѣну и какъ смотритъ Морское Министерство на осуществленіе предположенія о посадкѣ нашихъ командъ на суда, гдѣ именно и какая можетъ быть найдена гарантія въ томъ, что помогающая Японіи Англія не захватитъ суда по пути. Министерство Ино-

странныхъ Дѣлъ въ совѣщаніи не участвовало. Генералъ-Адмиралъ велъ себя чрезвычайно корректно и не разъ поддерживалъ меня въ моихъ требованіяхъ, чтобы деньги за суда были выплачены не ранѣе сдачи намъ судовъ продавцами и занятія ихъ нашею командою. Совѣщаніе разошлось на томъ, что весь вопросъ будетъ разсмотрѣнъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, никакого протокола составлено не было, и я просилъ Великаго Князя доложить Государю мою точку зрѣнія, пояснивши еще разъ, что противъ отпуска денегъ спорить не стану, но буду настаивать на всевозможныхъ мѣрахъ предосторожности противъ напрасной уплаты денегъ какимъ-либо авантюристамъ, которые успѣли уже развить около этого дѣла самые волчьи аппетиты и о нихъ открыто говорятъ во всѣхъ модныхъ ресторанахъ, обѣщая направо и налѣво огромныя коммиссіи, въ то время, какъ Совѣщаніе рѣшило даже не составлять протокола изъ опасенія огласки.

Совѣщаніе у Государя, въ Царскомъ Селѣ, состоялось нѣсколько дней спустя. Это было въ концѣ марта. Генералъ-Адмиралъ очень корректно и толково изложилъ все, что было говорено на совѣщаніи у него, и Государь предложилъ всѣмъ приглашеннымъ высказаться совершенно откровенно. Абаза былъ по примѣру прошлаго раза настойчивъ и упоренъ, назвавши всѣ мои аргументы придирками, которыя могутъ только испортить дѣло, сведя къ нулю самое простое и ясное предположеніе. Государь остановилъ его словами: «нельзя называть придирками совершенно естественныя требованія Министра Финансовъ устранить злоупотребленія всякихъ авантюристовъ-посредниковъ и нужно сначала знать, что именно мы покупаемъ, за какую цѣну и не можетъ ли случиться, что деньги будутъ уплочены, а судовъ мы не получимъ». Между прочимъ, въ этомъ совѣщаніи произошелъ небольшой инцидентъ, оставившій видимо въ Государѣ немалое впечатлѣніе. Адмиралъ Абаза заявилъ, что суда продаются вполнѣ вооруженныя и съ полнымъ комплектомъ снарядовъ на всѣ орудія. На мое заявленіе, извѣстно ли ему какія это орудія и имѣются ли у насъ снаряды пригодные для пополненія израсходованныхъ запасовъ, такъ какъ можетъ случиться, что мы израсходуемъ снаряды и не будетъ возможности пополнить ихъ изъ Петербурга, — я не получилъ никакого отвѣта, но Морской Министръ сказалъ, что это очень важное замѣчаніе и вѣроятно придется, въ случаѣ покупки судовъ, начать сразу же готовить новые снаряды, что потребуетъ, конечно, много времени, такъ какъ раньше изученій орудій, очевидно нельзя знать какіе готовить снаряды. Совѣщаніе кончилось на томъ, что Государь

5*

повелѣлъ повести это дальше, но предоставилъ мнѣ принять всѣ мѣры къ огражденію казны отъ всякихъ попытокъ выманить деньги. безъ передачи судовъ въ наше фактическое распоряженіе.

Долго тянулось это дѣло. Немало крови испортило оно мнѣ, но кончилось почти анекдотически. Послѣ нескончаемыхъ разговоровъ и встрѣчъ, рѣшено было купить четыре Чилійскіе броненосца, извѣстны были и ихъ имена, продажная цѣна за нихъ была установлена въ 58 милліоновъ рублей. подлежащихъ выплатѣ въ Парижѣ, черезъ домъ Ротшильда, но не иначе, какъ въ моментъ полученія телеграммы и принятія судовъ подъ нашу команду. Адмиралъ Абаза получилъ приказаніе выѣхать въ Парижъ, вести тамъ переговоры, но денежная часть ему поручена не была. Я выговорилъ, что она остается въ моихъ рукахъ. и былъ командированъ туда же А. И. Вышнеградскій, занимавшій въ то время должность Вице-Директора Кредитной Канцеляріи. Абаза принялъ самый конспиративный видъ, обрилъ свою классическую длинную бороду и появился въ Парижѣ въ неузнаваемой внѣшности. Не прошло однако и трехъ дней, какъ въ бульварныхъ газетахъ появилось фотографическое изображеніе Адмирала въ двухъ видахъ: въ адмиральской формѣ съ его классической бородой и въ штатскомъ одѣяніи, въ мяткой дорожной шляпѣ и съ гладко выбритымъ лицомъ. Подъ этими изображеніями помѣщенъ короткій текстъ, объясняющій причину прибытія Адмирала въ Парижъ и, кстати приведенъ и адресъ гостиницы, въ которой онъ поселился. Долго ждалъ Адмиралъ своихъ посредниковъ и комиссіонеровъ, да такъ и не дождался. Напрасно просидѣлъ и Вышнеградскій для производства расплаты, и оба они вернулись ни съ чѣмъ. Были ли вообще эти чилійскіе броненосцы въ дѣйствительности или же, — какъ я думаю — ихъ вовсе не было никогда. Чилійское правительство и не помышляло продавать ихъ намъ, а все хитро задуманное предпріятіе существовало лишь въ воображеніи всевозможныхъ посредниковъ, расчитывавшихъ на легкомысліе нашихъ представителей. Какъ бы то ни было, мнѣ удалось спасти деньги, но Адмиралъ Абаза не разъ утверждалъ послѣ этого, что броненосцы были и, если бы ему дали свободу дѣйствій, то все было бы сдѣлано, а благодаря моимъ спорамъ, японцы все узнали и пригрозили Чилійскому правительству войною, если только оно вздумаетъ продать намъ свои суда. Все это, конечно, чистѣйшій вздоръ, и Государь не разъ говорилъ мнѣ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что все это было задумано съ цѣлью получить наши деньги, не давши намъ никакихъ судовъ.

Я долженъ отдать справедливость покойному Вышнеградскому, оказавшему мнѣ въ этомъ дѣлѣ очень большую помощь.

По мѣрѣ того, что время шло къ веснѣ и поступали вѣсти о движеніи нашей эскадры, Государь все чаще и чаще говорилъ со мною о ней на моихъ докладахъ, а когда наканунѣ одного изъ нихъ получилось извѣстіе, что эскадра Адмирала Небогатова соединилась съ эскадрою Рождественскаго, Государь встрѣтилъ меня радостный, веселый, словами: «ну что же и теперь Вы не разгладите Вашей морщины на лбу и все будете по прежнему мрачно смотрѣть на судьбу нашего флота». Недолго продолжалось это радостное настроеніе. Въ субботу, 15-го мая подъ вечеръ, я получилъ изъ Берлина телеграмму отъ Мендельсона съ сообщеніемъ, что утромъ этого дня, въ Цуссимскомъ проливѣ, нашъ флотъ вступилъ въ бой со всѣмъ японскимъ флотомъ и погибъ почти весь, такъ какъ лишь одно или два судна успѣли прорваться на сѣверъ. Я тотчасъ позвонилъ къ Морскому Министру, и спросилъ его, извѣстно ли ему что-либо. Онъ ничего не зналъ, но сказалъ, что тотчасъ сообщитъ Государю по телефону, съ ссылкою на то, что извѣстіе получено мною. Поздно вечеромъ, уже около 12-ти часовъ, Морской Министръ позвонилъ ко мнѣ и сообщилъ, что такое же извѣстіе передано ему какъ нашимъ Берлинскимъ посломъ, такъ и Морскимъ Агентомъ.

Государя я не видалъ цѣлую недѣлю, а когда я пришелъ въ слѣдующую пятницу съ очереднымъ докладомъ, то засталъ его глубоко разстроеннымъ и въ первый разъ, повидимому, отрѣшившимся отъ своихъ обычныхъ надеждъ на скорое и славное для Россіи окончаніе войны. О самой катастрофѣ онъ совсѣмъ не говорилъ и сказалъ только, что не видитъ теперь надежды на скорую побѣду и думаетъ только о томъ, что нужно тянуть войну, доводить японцевъ до истощенія и заставить ихъ просить почетнаго для насъ мира. На внутренніе безпорядки Государь смотрѣлъ скорѣе безучастно, не придавая имъ особаго значенія, и все говорилъ о томъ, что они охватываютъ только небольшую часть страны и не могутъ имѣть большого значенія.

Тѣмъ временемъ Булыгинъ внесъ выработанный имъ проектъ учрежденія Государственной Думы совѣщательнаго характера, и съ начала лѣта началось предварительное разсмотрѣніе его въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Гр. Сольскаго, а затѣмъ, послѣ небольшихъ исправленій первоначальной редакціи, дѣло перешло и на окончательное разсмотрѣніе его подъ пред-

сѣдательствомъ самого Государя. Въ составъ послѣдняго совѣщанія былъ включенъ цѣлый рядъ лицъ обычно не принимавшихъ участія въ такихъ собраніяхъ: Гр. А. П. Игнатьевъ, Побѣдоносцевъ, А. А. Половцовъ, Профессоръ Ключевскій, Стишинскій и много другихъ, имена которыхъ не удерживаетъ моя память. Преобладающій характеръ приглашенныхъ были лица съ большимъ служебнымъ прошлымъ. Пренія носили по преимуществу совершенно спокойный характеръ, никакихъ принципіальныхъ вопросовъ затронуто почти не было, и разсмотрѣніе всего проекта заняло всего четыре или пять засѣданій, но нѣкоторыя частности дали мѣсто къ довольно любопытнымъ преніямъ. Помню, какъ между мною и Стишинскимъ возникъ споръ о томъ, какимъ условіямъ должны отвѣчать лица, подлежащія выборамъ въ Государственную Думу. Стишинскій настаивалъ на томъ, что даже простая грамотность не должна быть обязательна, такъ какъ, по его мнѣнію, самый надежный элементъ представляетъ собою, какъ онъ выразился «истовые крестьяне, болѣе солиднаго возраста», а въ ихъ средѣ много совершенно неграмотныхъ людей, но это отнюдь не мѣшаетъ имъ хорошо знать мѣстную жизнь, умѣть разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ сельскаго обихода, земскихъ нуждахъ и всего того, что составляетъ самую сущность будущей дѣятельности Государственной Думы. Я возражалъ противъ такого предложенія, доказывая, что никакая «истовость» не принесетъ никакой пользы, если будущій законодатель, хотя бы имѣющій лишь совѣщательный голосъ не сможетъ прочитать того, что ему будетъ продложено разсмотрѣть. Кое-кто изъ участниковъ совѣщанія поддерживалъ мою точку зрѣнія, но Государь всталъ на точку зрѣнія Стишинскаго. и статья законопроекта была редактирована въ этомъ смыслѣ.

Во всемъ ходѣ дѣла по разсмотрѣнію проекта въ совѣщаніи Гр. Сольскаго, Витте, какъ предсѣдатель Комитета Министровъ, принималъ самое дѣятельное участіе. Онъ ни разу не возбудилъ вопроса о томъ, что совѣщательный характеръ Думы никого не удовлетворитъ. Зато, онъ очень энергично возражалъ противъ включеннаго въ проектъ воспрещенія избирать евреевъ въ члены Думы. Я рѣшительно поддерживалъ его, вопросъ занялъ два засѣданія и не былъ оконченъ до выѣзда Витте въ Америку. Передъ своимъ отъѣздомъ, онъ особенно просилъ меня телеграфировать ему въ Вашингтонъ, чѣмъ разрѣшится этотъ споръ, такъ какъ онъ справедливо придавалъ ему большое принципіальное значеніе, а рѣзкая оппозиція правыхъ элементовъ вызывала въ немъ опасеніе за судьбу вопроса. Большинство уча-

стниковъ совѣщанія встало, однако, на нашу общую съ нимъ точку зрѣнія, и дѣло разрѣшилось вполнѣ благополучно. Телеграмма въ Портсмутъ была мною отправлена, и я получилъ даже на нее отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности, которой не получалъ потомъ ни за одну изъ многочисленныхъ послѣдующихъ моихъ депешъ.

ГЛАВА V.

Мирная конференція въ Портсмутѣ. — А. И. Нелидовъ и Н. В. Муравьевъ — первые кандидаты на должность Главнаго Уполномоченнаго. — Назначеніе С. Ю. Витте и его отъѣздъ въ Портсмутъ. — Мои освѣдомительныя телеграммы. — Направленіе, данное переговорамъ Государемъ. — Всеподаннѣйшій докладъ гр. Ламсдорфа по основнымъ вопросамъ возможнаго соглашенія. — Резолюція Государя на этомъ докладѣ. — Составленное мною, по приказанію Государя, письменное мнѣніе о допустимыхъ уступкахъ Японіи. — Рѣшительная депеша Государя о о недопустимости контрибуціи. — Возвращеніе Витте. — Рѣзкая перемѣна въ его отношеніи ко мнѣ.

Въ половинѣ іюля 1905 года, какъ извѣстно, Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ — Рузевельтъ предложилъ намъ и Японіи свое посредничество въ созывѣ мирной конференціи, для прекращенія войны. Согласіе воюющихъ послѣдовало, и мы стали спѣшно готовиться къ конференціи. Первымъ кандидатомъ на должность Главнаго Уполномоченнаго былъ предложенъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и охотно принятъ Государемъ — нашъ Парижскій посолъ А. И. Нелидовъ, но онъ отказался, ссылаясь на свое слабое здоровье (онъ дѣйствительно въ это время былъ боленъ), а также на незнаніе имъ англійскаго языка. За его отказомъ, этотъ постъ былъ предложенъ нашему послу въ Римѣ Н. В. Муравьеву, который былъ вызванъ и спѣшно прибылъ въ Петербургъ; прямо отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ на дачу, на Елагиномъ и, не возбуждая никакихъ вопросовъ по существу возложенной на него задачи, просилъ меня только «не урѣзывать тѣхъ кредитовъ, которые онъ намѣренъ испросить для себя и своихъ спутниковъ», ссылаясь на то, что жизнь въ Америкѣ безумно дорога, а у него самого совсѣмъ нѣтъ средствъ и онъ не знаетъ даже какъ можетъ

онъ продолжать свою службу въ Римѣ. Мы условились, что завтра же онъ пріѣдетъ ко мнѣ и привезетъ подсчетъ его расходовъ. Просилъ онъ меня также дать ему въ помощь кого-либо изъ моихъ сотрудниковъ, если онъ, — какъ и самъ думаетъ объ этомъ – не ограничится составомъ чиновъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Прямо отъ меня, Муравьевъ поѣхалъ на томъ же Елагиномъ къ Витте, а на утро получилъ вызовъ въ Петербургъ къ Государю. Что произошло между Витте и Муравьевымъ и что именно сказалъ послѣдній Государю, — я совершенно не знаю, но на слѣдующій день, около 4-хъ часовъ, когда я принималъ доклады по Министерству, Муравьевъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что, передумавши всю ночь, онъ не рѣшился принять на себя эту задачу, считая себя совершенно не въ состояніи выполнить ее съ успѣхомъ, высказавъ это откровенно Государю, который чрезвычайно милостиво отнесся къ его словамъ, разрѣшилъ ему немедленно вернуться въ Римъ, и когда на прощанье, Государь сказалъ ему, что онъ крайне затрудненъ выборомъ кандидата, то Муравьевъ будто бы сказалъ, что, по его мнѣнію, есть вполнѣ готовый и подходящій человѣкъ — Витте. Въ тотъ же день, Витте былъ вызванъ въ Петергофъ, позвонивъ по возвращеніи ко мнѣ по телефону ,спросилъ не могу ли я придти къ нему, и когда я пришелъ, — сказалъ мнѣ, что Государь «заставилъ» его ѣхать въ Америку. Онъ прибавилъ: «когда нужно чистить канавы, такъ посылаютъ Витте, а когда предстоитъ работа почище или полегче. то всегда находятся другіе охотники». Едва ли мы узнаемъ когда-либо истину о томъ, какъ состоялось это назначеніе. Много разныхъ разсказовъ ходило объ этомъ потомъ по городу, но повторять ихъ просто не хочется. Да и къ чему! Какъ бы ни относиться къ Витте, справедливость требуетъ сказать, что онъ вышелъ съ величайшею честью изъ труднаго положенія, хотя мало кто знаетъ, какая доля въ сравнительно выгодныхъ для Россіи условіяхъ Портсмутскаго договора принадлежитъ лично Государю. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Витте собрался въ дорогу очень скоро. Всего черезъ день или черезъ два послѣ его назначенія, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Министерство, долго пробылъ у меня и въ тонѣ величайшаго дружелюбія просилъ меня помочь ему установленіемъ постоянной связи съ тѣмъ, что будетъ дѣлаться въ Россіи. «Съ той минуты — говорилъ онъ — какъ я сяду на пароходъ, я буду совершенно оторванъ отъ Россіи, а между тѣмъ знать, что дѣлается здѣсь, слѣдить за всемъ и учитывать происходящее для меня крайне необходимо. Мнѣ будутъ врать, разсказывая всякія небылицы про

Россію, а я долженъ знать больше чѣмъ кто-либо другой, чтобы парировать выдумки и, если только люди увидятъ, что я освѣдомленъ лучше ихъ, то мой авторитетъ будетъ выше въ глазахъ всѣхъ».

Я далъ ему самое широкое обѣщаніе и выполнилъ его свято. Не было ни одного обстоятельства въ жизни Россіи за это время, о которомъ я бы не освѣдомлялъ бы его, и немало казенныхъ денегъ извелъ я на депеши, но кромѣ упомянутой телеграммы о евреяхъ, ни на одну мою депешу я не получилъ отвѣта. Когда онъ вернулся, я даже спросилъ его, все ли дошло до него, что я ему телеграфировалъ, и получилъ въ отвѣтъ только «кажется все». И больше не было имъ сказано ни одного слова, какъ не обмолвился онъ даже простою благодарностью за все, что онъ получилъ отъ меня. Спутникъ Витте, бывшій послѣ моего ухода, короткое время Министромъ Финансовъ — Шиповъ, напротивъ того сказалъ мнѣ, что моихъ депешъ они всегда ждали съ величайшимъ нетерпѣніемъ и послѣ первой же недѣли пребыванія въ Портсмутѣ, Витте разрѣшилъ ему сообщать все, что было въ нихъ интереснаго иностраннымъ корреспондентамъ, которые не разъ спрашивали его, какія газеты информируютъ русскую делегацію такъ точно и быстро обо всемъ. Послѣ этого посѣщенія, мы больше не видѣлись съ Витте до самого его выѣзда и разстались съ нимъ въ самыхъ теплыхъ, чисто дружескихъ отношеніяхъ. Онъ обѣщалъ мнѣ, въ случаѣ заключенія мира, остановиться на обратномъ пути въ Парижѣ и попытаться подготовить почву для новаго займа, который не состоялся весною, и даже сказалъ мнѣ на прощанье «пріѣзжайте ко мнѣ сами въ Парижъ къ моему возвращенію, если кончится все благополучно, и мы тутъ же сдѣлаемъ все нужное». Я отвѣтилъ шутливо, что до октября-ноября Парижъ пустъ и не будетъ же онъ сидѣть такъ долго въ Америкѣ. Я нарочно упоминаю обо всемъ этомъ, такъ какъ рѣшительно не знаю, что именно произошло во время пребыванія Витте въ Америкѣ и возвращенія его домой, такъ какъ онъ вернулся въ самомъ недружелюбномъ настроеніи по отношенію ко мнѣ и съ первыхъ же дней послѣ его пріѣзда между нами установились совершенно небывалыя отношенія, которыя и разразились отставкою моею въ концѣ октября.

Не стану говорить о томъ, что я знаю относительно подробностей заключенія Портсмутскаго договора. Всѣ детали отлично извѣстны всѣмъ, и я могу и даже долженъ коснуться только того, что извѣстно лично мнѣ и о чемъ мало кто освѣдомленъ помимо меня и чему до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ обществен-

ности просто не вѣрять. Совѣтская власть, опустошая архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и вынося наружу то, что она считаетъ нужнымъ въ своихъ цѣляхъ, почему то до сихъ поръ не опубликовала ни одной депеши, ни одного письма относящагося ко времени переговоровъ въ Портсмутѣ, которыя выясняютъ то, какія инструкція получалъ Витте изъ Петербурга, что предлагалъ онъ и что ему отвѣчали и кому обязаны мы тѣмъ, что Россія такъ мало уступила Японіи. Въ архивѣ должно было бы находиться и мое послѣднее письмо къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Гр. Ламсдорфу въ отвѣтъ на его сообщеніе мнѣ о повелѣніи Государя о томъ, чтобы я высказалъ мое мнѣніе по поводу депеши Витте, излагающей необходимость уступокъ Японіи. Письмо это я хранилъ въ копіи у себя до самого моего побѣга изъ Россіи и глубоко сожалѣю о томъ, что его болѣе нѣтъ въ моемъ распоряженіи, и я не могу привести его здѣсь. Опубликованіе его внесло бы немалое измѣненіе въ пересказъ Гр. Витте о томъ, какъ былъ заключенъ мирный договоръ, да и И. Я. Коростовецъ, написавшій очень интересную монографію о томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ и даже участникомъ, долженъ былъ бы также внести большія поправки въ свое изложеніе. Не имѣя же подъ руками этого документа, я по необходимости долженъ воспроизвести его по памяти, но, думаю, что, несмотря на всѣ протекшіе года, моя память удержала всѣ оттѣнки.

Я пропускаю, поэтому, все, что касается переговоровъ въ Портсмутѣ; скажу коротко то, что было передъ самымъ отъѣздомъ Витте въ Америку и перейду затѣмъ прямо къ концу этой эпопеи.

Какъ только былъ рѣшенъ въ принципѣ вопросъ о согласіи участвовать въ мирныхъ переговорахъ, осторожный и привыкшій облекать каждый свой шагъ въ письменную форму, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Гр. Ламсдорфъ представилъ Государю докладъ, испрашивая въ немъ прямыхъ указаній по основнымъ вопросамъ, по которымъ слѣдуетъ ожидать особыхъ настояній со стороны Японіи. Проектъ этого доклада, какъ и все что касалось вопросовъ войны, отношенія къ Японіи, Китаю и Персіи, — онъ прислалъ мнѣ и просилъ высказать и мое мнѣніе. Причина этого заключалось не только въ томъ, что, привыкши постоянно имѣть самыя близкія отношенія къ Витте, въ бытность его Министромъ Финансовъ, Гр. Ламсдорфъ перенесъ часть этой близости на меня, какъ на его преемника, — но главнымъ образомъ въ томъ, что всѣ вопросы финансовые, экономическіе и промышленные, сосредоточивались по Китаю, Японіи и Персіи въ Министерствѣ Финан-

совъ, и трудно даже сказать, какое вѣдомство имѣло наибольшее вліяніе на дѣла этихъ трехъ странъ: дипломатическое ли или финансовое. За время же войны не было ни одного вопроса, по которому Министерство Финансовъ не было привлечено къ самому дѣятельному и широкому участію, не говоря уже вовсе о дѣлахъ Китайской Восточной желѣзной дороги, которыя лежали цѣликомъ на мнѣ. Въ этомъ докладѣ Гр. Ламсдорфъ остановился главнымъ образомъ на слѣдующихъ вопросахъ, которые не могли не быть возбуждены Японіей, о чемъ, какъ онъ писалъ, можно уже теперь судить по статьямъ Англійской прессы:

1) вопросъ о Кореѣ, послужившій внѣшнимъ поводомъ вооруженнаго столкновенія нашего съ Японіей.

Гр. Ламсдорфъ говорилъ, не обинуясь, что намъ придется отступить отъ нашей точки зрѣнія и отказаться отъ всякаго вліянія на Корею, если только мы предпочитаемъ кончить дѣло миромъ.

2) Вопросъ о контрибуціи, который выдвинутъ прессою на первый планъ, и слѣдуетъ ожидать, что кредиторы Японіи выставятъ его съ особой настойчивостью, ибо финансовое положеніе Японіи не можетъ не озабочивать ихъ въ первую голову. Заключенія своего по этому вопросу Гр. Ламсдорфъ не высказывалъ.

3) Вопросъ объ ограниченіи нашихъ вооруженныхъ и въ особенности морскихъ силъ на нашемъ дальнемъ Востокѣ не можетъ не остановить также особаго вниманія Японіи въ виду преимуществъ достигнутыхъ ею надъ нами и вѣроятно стремленія ея уменьшить опасность новаго вооруженнаго съ нами столкновенія. По этому вопросу я также не помню, чтобы Министръ Иностранныхъ Дѣлъ выразилъ опредѣленное свое мнѣніе и, во всякомъ случаѣ, удостовѣряю, что положительной схемы его разрѣшенія онъ не предложилъ.

Докладъ Гр. Ламсдорфа вернулся къ нему съ слѣдующими надписями Государя, которыя рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти и не изгладились изъ нея подъ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній.

Наверху доклада Государь написалъ: «Я готовъ кончить миромъ не мною начатую войну, если только предложенныя условія будутъ отвѣчать достоинству Россіи. Я не считаю насъ побѣжденными, наши войска цѣлы и Я вѣрю въ нихъ».

Противъ вопроса о Кореи, Государь написалъ: «въ этомъ вопросѣ Я согласенъ на уступки, — это не русская земля».

Противъ вопроса о контрибуціи Государь написалъ: «Россія никогда не платила контрибуціи, и Я на это никогда не соглашусь», причемъ слово «никогда» было три раза подчеркнуто.

Противъ вопроса объ ограниченіи нашихъ вооруженныхъ силъ на Востокѣ, отмѣтка Государя была: «это не допустимо, мы не разбиты, можемъ продолжать войну, если насъ вынудятъ къ тому непріемлемыми условіями».

Этотъ докладъ и отмѣтки Государя, разумѣется, были сообщены Гр. Ламсдорфомъ Витте, если не до выѣзда его изъ Россіи, то, во всякомъ случаѣ, были ему пересланы въ Америку, и можно только пожалѣть о томъ, что никто изъ его спутниковъ или онъ самъ не упомянули объ этомъ въ оставленныхъ ими записяхъ. Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что почти никто изъ спутниковъ Витте, или не оставилъ своихъ записокъ, какъ Шиповъ, Проф. Мартенсъ, или же ихъ записки и, въ частности записки Бар. Розена, не дошли до меня. И. Я. Коростовецъ записалъ только, чему онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ Портсмутѣ. Самъ же Витте оставилъ въ своихъ запискахъ столько неточностей, что нечему удивляться, что въ нихъ не нашлось мѣста слову справедливости въ пользу Государя, а все приписано себѣ, хотя, и отдавая справедливость покойному Государю, немало осталось бы заслугъ Гр. Витте въ дѣлѣ заключенія Портсмутскаго договора.

Много разъ за время переговоровъ мнѣ приходилось докладывать о ходѣ переговоровъ Государю. Еще чаще говорили мы съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и потому, когда подошелъ рѣшительный моментъ, и Витте спросилъ, что именно можетъ онъ принять какъ послѣднюю уступку, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ отклоненія его предложенія японцами, онъ былъ уполномоченъ прервать переговоры и уѣхать, предавъ гласности причину разрыва, — я имѣлъ возможность высказать мой взглядъ совершенно опредѣленно, не внося никакихъ оговорокъ въ мой отвѣтъ. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ я былъ привлеченъ выразить мое мнѣніе на письмѣ.

Помню хорошо, что это было въ субботу, въ первой половинѣ августа. Я кончилъ мои занятія и собирался уѣхать въ деревню. Жена ждала меня готовая къ отъѣзду. Мнѣ подали письмо отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, при которомъ я нашелъ копію послѣдней телеграммы Витте на имя Государя, съ копіей на имя Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Въ своемъ письмѣ Гр Ламсдорфъ сообщалъ мнѣ, что Государь желаетъ имѣть во вторникъ утромъ докладъ его по телеграммѣ Витте и поручаетъ ему представить письменное, какъ свое, такъ и мое заключеніе, которое онъ, Гр. Ламсдорфъ, представитъ въ подлинникѣ.

Я взялъ это письмо съ собою въ деревню, по дорогѣ, въ ва-

тонѣ написалъ черновикъ моего отвѣта, на другой день въ воскресенье, привелъ его въ порядокъ, перебѣлилъ собственноручно и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ обратно въ городъ, чтобы въ понедѣльникъ утромъ успѣть переписать его и во время отправить Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Помню ясно все построеніе моего письма.

Въ телеграммѣ Витте была фраза, что если намъ необходимъ миръ, то его нельзя достигнуть иначе, какъ уступками Японіи по нѣкоторымъ ея требованіямъ. Я началъ, поэтому, и мое письмо съ того, что миръ намъ, по моему крайнему убѣжденію совершенно необходимъ, но о степени необходимости идти на уступки можетъ судить только тотъ, кто знаетъ положеніе дѣлъ на фронтѣ. Хотя я этого не знаю, тѣмъ не менѣе я не могу высказаться и за то, чтобы запросить объ этомъ Главнокомандующаго Ген. Линевича, такъ какъ это можетъ надолго затянуть дѣло, да и едва ли Главнокомандующій въ состояніи обнять всю обстановку нашего положенія. Поэтому, я считаю, что миръ намъ необходимъ какъ по нашему финансовому, такъ и въ особенности по нашему внутреннему положенію и высказываюсь открыто за необходимость уступить въ томъ, что не нарушаетъ нашего достоинства. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, я особенно рѣшительно возражалъ противъ возможности уплатить какую-либо контрибуцію. Россія никогда еще не платила контрибуцій, и она не лежитъ еще окончательно побѣжденная подъ пятою врага. Вмѣсто контрибуціи я высказался за возможность уступить южную часть Сахалина и указалъ, что Японія можетъ найти нѣкоторую матеріальную для себя выгоду въ вознагражденіи за содержаніе нашихъ военноплѣнныхъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ позвонилъ ко мнѣ и сказалъ, что мое письмо соотвѣтствуетъ тому, что не разъ говорилъ Государь, и что онъ думаетъ, что эту точку зрѣнія будетъ не трудно обосновать, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ будетъ говорить въ полномъ соотвѣтствіи съ этими мыслями. Во вторникъ днемъ, снова по телефону, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ, что телеграмма Витте отправлена въ этомъ именно смыслѣ, причемъ тонъ депеши былъ передѣланъ Государемъ лично настолько рѣшительно въ смыслѣ недопустимости контрибуціи, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что Витте нельзя болѣе вернуться къ этому вопросу. Какъ извѣстно, черезъ два дня соглашеніе было достигнуто, и я считаю дѣломъ моей совѣсти сказать, что соглашеніе это состоялось главнымъ образомъ потому, что Государь проявилъ величайшую на-

стойчивость, которой ему не могъ внушить Гр. Ламсдорфъ, неспособный на рѣшительное сопротивленіе вообще. Не было тутъ никакой заслуги и съ моей стороны, такъ какъ я не видѣлъ Государя въ послѣднюю минуту, а письменное изложеніе тѣхъ или иныхъ мыслей никогда не производило на Него рѣшающаго дѣйствія. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Онъ ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы отъ недопустимости контрибуціи и продолжалъ бы войну, если бы японцы не уступили. Къ чему бы привело это въ конечномъ результатѣ, — это другой вопросъ, но справедливость все-таки побуждаетъ сказать, что мы не уплатили контрибуцію только потому, что Витте понялъ, что Государь, дѣйствительно, на нее не согласится.

Въ пятницу, на докладѣ, Государь былъ въ самомъ радостномъ настроеніи и сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ тому, какъ кончилось все дѣло, и что «Витте очевидно понялъ», — подлинныя его слова, — «что контрибуціи я ни въ какомъ случаѣ не уплачу, хотя бы Мнѣ пришлось воевать еще два года».

Незадолго до того, что переговоры въ Портсмутѣ привели къ окончательному выясненію кореннаго разногласія между русскими и японскими уполномоченными и нашъ Главный уполномоченный С. Ю. Витте долженъ былъ представить ихъ, по телеграфу, на разрѣшенія Государя, испрашивая Его послѣднихъ указаній, — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Гр. Ламсдорфъ и Гр. Сольскій получили отъ С. Ю. Витте тождественныя телеграммы, въ которыхъ онъ высказалъ свое опасеніе, что упорство Японіи можетъ вынудить насъ, или сдѣлать тяжелыя для насъ уступки, или даже прервать переговоры и продолжать пріостановленныя военныя дѣйствія.

Такое рѣшеніе, чреватое своими послѣдствіями, принятое къ тому же однимъ правительствомъ, безъ всякаго участія общественнаго мнѣнія, естественнымъ образомъ обратитъ весь одіумъ осужденія непосредственно на Верховную власть. Для того, чтобы избѣжать этого, С. Ю. Витте высказалъ, что было бы крайне желательно созвать въ спѣшномъ порядкѣ Совѣщаніе изъ наиболѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей, — представителей земствъ, городовъ и дворянства, — которому и предоставить высказать его мнѣніе по поводу намѣчаемыхъ основаній мирнаго договора, ранѣе нежели они поступятъ на утвержденіе Государя.

Я узналъ объ этой телеграммѣ отъ Гр. Сольскаго, когда онъ пригласилъ меня, — какъ онъ сказалъ по телефону, — прибыть немедленно по очень спѣшному дѣлу.

Я засталъ у него Министра Иностранныхъ Дѣлъ, который успѣлъ уже до моего пріѣзда высказаться совершенно отрицательно по поводу предположенія С. Ю. Витте, выражая свое недоумѣніе, какимъ образомъ можно созвать такое Совѣщаніе и какъ согласовать его заключеніе съ предѣлами власти Государя. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что положеніе Государя можетъ быть даже гораздо хуже, если, получивъ заключеніе Совѣщанія, Онъ приметъ рѣшеніе несогласное съ нимъ.

Мнѣніе Гр. Сольскаго было тождественно по существу, но шло еще гораздо дальше съ точки зрѣнія простой невыполнимости намѣченнаго предположенія. По его словамъ, переговоры въ Портсмутѣ и безъ того настолько затянулись, что еще на дняхъ была получена телеграмма отъ нашего Главнаго уполномоченнаго, съ извѣщеніемъ, что Президентъ Рузвельтъ начинаетъ терять терпѣніе. Созывъ Совѣщанія, даже если бы онъ могъ быть допущенъ и осуществленъ, настолько замедлилъ бы отвѣтъ Россіи, что вся отвѣтственность за неразрѣшеніе вопроса падала бы неизбѣжно на нее, и это одно дѣлаетъ мысль С. Ю. Витте непріемлемою. Еще болѣе неосуществимымъ окажется самый выборъ участниковъ Совѣщанія и выработка какихъ-либо справедливыхъ и пріемлемыхъ для общественнаго мнѣнія основаній для участія въ такомъ небываломъ Совѣщаніи.

Особенно подробно останавливался Гр. Сольскій на соображеніяхъ объ особой щекотливости примѣненія такого пріема въ данномъ случаѣ и рѣшительно поддержалъ Гр. Ламсдорфа въ его рѣзко отрицательномъ отношеніи къ поднятому вопросу. Онъ просилъ насъ обоихъ составить совмѣстно краткое изложеніе высказанныхъ мнѣній и представить его въ письменной формѣ. не далѣе какъ завтра утромъ, непосредственно Государю, съ тѣмъ, чтобы Онъ имѣлъ возможность обдумать все высказанное и принять Свое рѣшеніе.

Вечеромъ того же дня содержаніе телеграммы С. Ю. Витте и мнѣніе высказанное нами тремя по ея содержанію было передано Гр. Сольскому и отвезено за общими нашими подписями въ Петергофъ.

Въ тотъ же день около двухъ часовъ пополудни Министръ мѣ Гр. Ламсдорфъ сообщалъ мнѣ, что Государь желаетъ имѣть безъ малѣйшихъ колебаній утвердилъ представленное Ему заключеніе и высказалъ цѣлый рядъ соображеній незатронутыхъ въ нашемъ письменномъ заключеніи, но вполнѣ совпадавшихъ съ сущностью непосредственнаго между нами обмѣна мнѣній.

Телеграмма объ этомъ была послана Витте въ тотъ же день; спустя два или три дня пришла отъ него и депеша, излагающая послѣднiй фазисъ переговоровъ, послужившiй къ описанному уже выше окончательному рѣшенiю принятому Государемъ.

Въ правительственной средѣ, да и въ общественномъ мнѣнiи заключенiе мира прошло какъ-то мало замѣтно. Война велась слишкомъ далеко отъ всѣхъ насъ, ея отраженiе на повседневной жизни было слишкомъ мало, и все жило подъ влiянiемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣнiй, которыя чувствовались на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе, что эти впечатлѣнiя становились все болѣе и болѣе грозными, и никто не давалъ себѣ яснаго представленiя о томъ, къ чему все это приведетъ. Забастовочное движенiе на фабрикахъ расло и ширилось. Движенiе по желѣзнымъ дорогамъ становилось все болѣе неправильнымъ, и остановки въ пути стали повторяться часто. Балтiйскiй край былъ весь въ самомъ тревожномъ состоянiи и, такъ сказать, подъ бокомъ у Петербурга, нападенiя на полицiю и воинскiя части дѣлались все болѣе и болѣе частыми. Курляндiя шла въ этомъ отношенiи впереди своихъ сосѣдокъ и вызвала необходимость карательныхъ экспедицiй, возложенныхъ на гвардейскiя части. Я увѣренъ, что многiе помнятъ до сихъ поръ дикую расправу, учиненную надъ драгунскимъ отрядомъ въ Газенпотѣ. Заживо сожженные солдаты не могли не вызвать отпора со стороны военной силы, посланной на усмиренiе возстанiя, а сплошные грабежи въ имѣнiяхъ, съ разоренiемъ замковъ ясно указывали на то, какое направленiе принимаютъ эти провозвѣстники событiй 17-го и 18-го годовъ. Всѣ эти событiя наложили особый отпечатокъ на ту область, которая была мнѣ особенно близка. Государственные доходы стали поступать туго и въ кассовомъ отношенiи стали замѣчаться явленiя, которыхъ вовсе не знали полтора года войны. Думать о возможности найти необходимыя средства помощью внутренняго займа не приходилось, и мнѣ оставалось только ждать возвращенiя Витте, тѣмъ болѣе, что на посланное мною ему привѣтствiе по поводу заключенiя мира, я получилъ отъ него очень любезную телеграмму, въ которой онъ напоминалъ мнѣ, что хорошо помнитъ о данномъ мнѣ обѣщанiи и остановится нарочно въ Парижѣ съ этой цѣлью, будучи твердо увѣренъ въ томъ, что легко достигнетъ успѣха, такъ какъ отпало теперь главное препятствiе. Затѣмъ изъ Парижа я получилъ отъ него новую телеграмму, съ сообщенiемъ, что, несмотря на то, что многихъ изъ нужныхъ мнѣ людей онъ не нашелъ на мѣстѣ, онъ

имѣетъ самыя положительныя обѣщанія и расчитываетъ на скорый благопріятный ихъ результатъ.

Что произошло въ короткій промежутокъ времени между пребываніемъ Витте въ Парижѣ и возвращеніемъ его въ Петербургъ, я положительно не знаю. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что произошло нѣчто необычное, вызвавшее къ тому же и неожиданныя для меня послѣдствія. Вскружилъ ли ему голову успѣхъ въ Портсмутѣ, пришла ли ему, послѣ свиданія съ Германскимъ Императоромъ въ Роминтенѣ и оказаннаго ему тамъ пріема, мысль о томъ, что онъ спасъ Россію и призванъ быть теперь единственнымъ вершителемъ всѣхъ ея судебъ, укрѣпился ли онъ въ той же мысли послѣ пріема у Государя и возведенія его въ графское достоинство, захотѣлъ ли онъ подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ успѣховъ просто отдѣлаться отъ меня, такъ какъ считалъ меня всегда недостаточно покорнымъ его волѣ, — я этого не знаю, но долженъ отмѣтить, что послѣ первой же нашей встрѣчи, по его возвращеніи, Витте сталъ проявлять на глазахъ у всѣхъ совершенно небывалую рѣзкость по отношенію ко мнѣ и просто недопустимую нетерпимость къ каждому выраженному мною мнѣнію.

Я поѣхалъ къ нему поздравить его въ день его пріѣзда, не засталъ его дома и оставилъ ему нѣсколько словъ горячаго привѣта. Онъ посѣтилъ меня на слѣдующій день, пробылъ всего нѣсколько минутъ, не сѣлъ даже на предложенное кресло и все ходилъ по моему кабинету какъ то вяло, точно не охотно, отвѣчая на мои вопросы. Онъ не обмолвился ни однимъ словомъ о томъ, что я держалъ его почти ежедневно въ курсѣ всѣхъ событій за время его отсутствія, какъ будто бы я не послалъ ему ни одной телеграммы. На мою попытку разсказать ему болѣе подробно о томъ, что происходитъ у насъ, я ясно видѣлъ, что онъ просто не расположенъ меня слушать и прервалъ меня даже словами: «все это пустяки, по сравненію съ тѣмъ, что будетъ дальше, и ничего кромѣ глупостей здѣсь не дѣлается», а на мой вопросъ, что именно разумѣетъ онъ, Витте отвѣтилъ раздраженнымъ тономъ: «сами скоро увидите», а на просьбу мою сказать мнѣ, что удалось ему сдѣлать въ Парижѣ, онъ отвѣтилъ также рѣзко: «да все сдѣлалъ, можете послать телеграмму Нетцлину, чтобы онъ пріѣзжалъ. Шиповъ вамъ передастъ. Онъ въ курсѣ всѣхъ моихъ переговоровъ». Послѣ этихъ словъ, онъ подалъ мнѣ руку и уѣхалъ, оставивши меня въ полномъ недоумѣніи по поводу этой нашей встрѣчи.

ГЛАВА VI.

Финансовая ликвидація войны. — Вызовъ въ Петербургъ г. Нетцлина. — Имѣлъ ли Гр. Витте бесѣду о займѣ съ гр. Бюловымъ. — Пріѣздъ французскихъ банкировъ и мои съ ними переговоры. — Спѣшный ихъ выѣздъ изъ Россіи. — Инциденты, вызванные Витте на совѣщаніяхъ по выработкѣ проекта объединенія дѣятельности отдѣльныхъ министровъ и по проекту объ амнистіи. — Тайна, которой окружена была подготовка манифеста 17-го октября 1905 года.

Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ пріѣхалъ Шиповъ, котораго я просилъ пояснить мнѣ, что именно произошло съ Витте, чѣмъ раздраженъ онъ противъ меня? Уклонился ли И. П. Шиповъ отъ откровенной бесѣды, проявилъ ли онъ тутъ свойственную ему замкнутость и уклончивость, или же на самомъ дѣлѣ онъ ничего точно не зналъ, — я также не могу сказать, — но выслушавши мой подробный пересказъ о нашей встрѣчѣ съ Витте утромъ, онъ сдѣлалъ видъ человѣка положительно ошеломленнаго и сказалъ, что онъ просто своимъ ушамъ не вѣритъ и думаетъ, что Витте подавленъ впечатлѣніями того, что засталъ здѣсь, но убѣжденъ, что ничего личнаго по отношенію ко мнѣ нѣтъ и въ поминѣ. Разсказалъ онъ мнѣ при этомъ, что каждую мою телеграмму онъ прочитывалъ самъ, постоянно говорилъ, что не знаетъ какъ благодарить меня за всѣ мои сообщенія, что они одни дали ему возможность учитывать наши внутреннія событія и поправлять невѣрные факты, подносимые ему газетными корреспондентами, а на вопросъ мой, что сдѣлано въ Парижѣ, Шиповъ сказалъ мнѣ очень коротко, что онъ знаетъ только, что Витте видѣлъ нѣсколько разъ Нетцлина и очень совѣтовалъ ему пріѣхать въ Петербургъ, но думаетъ, по тону разговоровъ, что Нетцлинъ не очень горячо отнесся къ этой мысли и, во всякомъ случаѣ, въ его присутствіи сказалъ Витте, что будетъ ждать моего пригла-

шенія, и даже выразился такъ, что ему было бы пріятно, чтобы мое приглашеніе не имѣло характера обращенія къ нему одному, а содержало бы вызовъ всѣхъ представителей русской группы пріѣхать въ Петербургъ, выбравши для этого время по ихъ усмотрѣнію, но не слишкомъ откладывая путешествіе. Я такъ и поступилъ. На другой же день, сославшись на бесѣду съ только что вернувшимся Гр. Витте, я просилъ, черезъ Нетцлина, представителей русской группы прибыть въ Петербургъ, указывая, что общее настроеніе правящихъ круговъ должно устранить тѣ затрудненія, которыя мѣшали намъ до сихъ поръ привести въ исполненіе тотъ планъ, который имѣлся въ виду еще въ концѣ прошлаго года.

Въ моей телеграммѣ Нетцлину и въ объяснительномъ къ ней письмѣ, я не могъ дать ему сколько-нибудь реальныхъ поясненій того, что происходило у насъ въ это время, такъ какъ не хотѣлъ больше освѣщать мрачную картину нашего революціоннаго брожения, нежели дѣлала это французская и въ особенности германская пресса, относившаяся въ ту пору сравнительно спокойно къ переживаемымъ нами событіямъ и не терявшая вѣру въ то, что Россія скоро справится съ движеніемъ. Не касался я также въ моемъ письмѣ и того, что готовилось въ окруженіи Гр. Витте по части перемѣнъ нашего внутренняго строя, потому что я почти ничего не зналъ о томъ, что замышлялось имъ, да и никто, изъ его близкихъ и друзей, не дѣлился не только со мною, но даже и съ кѣмъ бы то ни было изъ Правительства о подготовлявшемся Манифестѣ 17-го октября.

Помню хорошо, что въ моемъ длинномъ пояснительномъ письмѣ я указывалъ, главнымъ образомъ на то, что заключенный миръ и рѣшимость Государя вступить на путь участія народа въ работѣ по законодательству, — хотя бы на первыхъ порахъ съ характеромъ совѣщательнымъ — создаютъ, во всякомъ случаѣ, болѣе благопріятную почву для финансовой ликвидаціи войны, а она необходима не только для самой Россіи, но и для всѣхъ странъ, связанныхъ съ нею общностью интересовъ. Я помню также, что внизу письма, я приписалъ отъ руки, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что Германія и, въ частности группа Мендельсона, пойдетъ на встрѣчу нашимъ стремленіямъ оздоровить наше денежное обращеніе и спасти его отъ введенія принудительнаго курса, чего мы не допустили во все время неудачной войны.

Мнѣ очень жаль, что и это письмо не опубликовано большевиками въ томъ извлеченіи изъ моей переписки съ тѣмъ же Нетцлиномъ, которое сдѣлано ими и въ которое попали гораздо

менѣе интересныя мои письма. Отвѣтъ на мою телеграмму получился очень скоро. Нетцлинъ сообщилъ мнѣ, что онъ постарается исполнить обѣщаніе, данное имъ Гр. Витте, что большинство участниковъ русской группы высказалось уже вполнѣ сочувственно, что медлитъ только Ліонскій Кредитъ, но что онъ не сомнѣвается и въ его согласіи и — намѣтилъ даже вѣроятное время пріѣзда группы банкировъ между 10-мъ и 15-мъ октября. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Пріѣхали они передъ самымъ днемъ изданія Манифеста.

Здѣсь мнѣ приходится невольно сдѣлать небольшой перерывъ въ изложеніи послѣдовательнаго хода событій того времени моей жизни и дѣятельности и вставить одинъ эпизодъ, который попалъ мнѣ подъ руку уже много лѣтъ спустя, въ эмиграціи, въ сентябрѣ 1931 года, когда гр. Витте давно не было уже на свѣтѣ, а я перебиралъ мои воспоминанія изъ моего далекаго прошлаго. Въ печати появились мемуары покойнаго Канцлера Германскаго, Князя Бюлова, многолѣтняго сотрудника Императора Вильгельма. Они надѣлали немало шума своими разоблаченіями и вызвали съ разныхъ сторонъ обильную полемику и многочисленныя указанія на величайшія неточности, допущенныя имъ умышленно или невольно, — это безразлично. Въ составѣ этихъ мемуаровъ появилась и секретная переписка Кн. Бюлова съ Императоромъ, въ видѣ небольшого томика, изданнаго одновременно на трехъ языкахъ — нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ.

Въ этомъ томикѣ, въ его французскомъ изданіи, на стр. 141 содержится слѣдующая выдержка изъ письма Князя Бюлова къ Императору отъ 25-го сентября 1905 года: «Сегодня утромъ я имѣлъ двухчасовую бесѣду съ Витте. Онъ видимо враждебенъ Англіи и разсказалъ мнѣ, что ему удалось въ послѣднюю минуту помѣшать заключенію русскаго займа во Франціи и Англіи. Онъ убѣдилъ Рувье, что такой заемъ былъ бы направленъ противъ Германіи и противорѣчилъ бы и интересамъ самой Франціи (?). Лубэ ему сказалъ также, что онъ ничего не зналъ о такомъ предположеніи и, если бы зналъ, то несомнѣнно былъ бы противъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лубэ поклялся ему, что не существуетъ никакого секретнаго договора между Франціею и Англіею. Витте находитъ англо-японскій договоръ просто оскорбительнымъ для Россіи. Но что въ особенности возмутило Витте, это заявленіе открыто сдѣланное Англіею о ея намѣреніи открыть англійскій рынокъ для русскихъ цѣнностей, до 10-ти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, причемъ Англія быстро превратила бы это свое на-

мѣренія въ чисто призрачное, выбросивши эти цѣнности на французскій и нѣмецкій рынки».

Когда читаешь такое извлеченіе изъ несомнѣннаго донесенія канцлера своему Императору и сопоставляешь его съ тѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ, то невольно, несмотря на промежутокъ времени, отдѣляющій меня отъ этихъ событій цѣлою четвертью вѣка, — спрашиваешь себя, не отошелъ ли въ этомъ случаѣ князь Бюловъ отъ истины, какъ онъ сдѣлалъ это во многихъ случаяхъ, и могъ ли Русскій государственный человѣкъ сказать отвѣтственному государственному человѣку чужой страны, что онъ поступилъ противъ своей страны въ угоду этой странѣ, то-есть совершилъ, выражаясь простыми словами, актъ просто вредный для его страны?

Гр. Витте причинилъ мнѣ много горя, но я всегда старался быть справедливымъ къ нему и отдавать должное его выдающимся дарованіямъ. Мнѣ хотѣлось бы и на этотъ разъ сказать, что Князь Бюловъ отошелъ отъ истины, и что Гр. Витте не могъ сказать того, что ему приписывается 16 лѣтъ послѣ его смерти. Но я по совѣсти не могу сказать, что Кн. Бюловъ просто выдумалъ и сообщилъ своему Императору то, чего не могъ сказать его недавній гость.

Выдумать такую небылицу просто невозможно, ибо никто въ ту пору, кромѣ Гр. Витте, не зналъ о томъ, что Россія готовитъ новый заемъ во Франціи. Тѣмъ менѣе, могъ кто-либо говорить о займѣ въ Англіи, о чемъ не было никакой рѣчи вообще, а предположеніе о совершеніи займа во Франціи имѣло характеръ почти академическій, такъ какъ вся моя бесѣда съ Гр. Витте, при его отъѣздѣ въ Америку не имѣла иного значенія, какъ желаніе мое позондировать почву въ Парижѣ, если бы намъ удалось кончить войну заключеніемъ мира съ Японіею. Рѣчи о какомъ бы то ни было желаніи нанести ущербъ Германіи также не было. Германія, совершившая за полгода передъ тѣмъ 4½-процентный заемъ 1905 г., отлично знала, что до заключенія мира никакого новаго займа на какомъ бы то ни было рынкѣ совершить было просто невозможно. Германскіе банки въ лицѣ дома Мендельсона были отлично освѣдомлены о каждомъ нашемъ шагѣ, и представитель его Фишель былъ въ ту пору столь же близокъ къ нашему Министерству Финансовъ, сколько его цѣнили и въ русской группѣ французскихъ банковъ. Весь финансовый міръ прекрасно понималъ, что окончаніе Русско-японской войны неизбѣжно потребуетъ для Россіи изысканія на внѣшнемъ рынкѣ новыхъ средствъ для ликвидаціи войны, но никому не приходило

въ голову, чтобы рѣчь о такомъ займѣ могла быть поднята до заключенія внѣшняго мира и до выясненія внутреннихъ осложненій, перенесенныхъ страною.

Лучше всѣхъ зналъ это Гр. Витте уже по тому одному, что самъ онъ предложилъ мнѣ повести рѣчь о займѣ *послѣ* заключенія мира, при посѣщеніи имъ Парижа. Зналъ онъ изъ ежедневныхъ моихъ съ нимъ сношеній, какъ во время пребыванія его въ Портсмутѣ, такъ и на пути домой, что я ни съ кѣмъ не велъ никакихъ переговоровъ и ждалъ его возвращенія, чтобы начать эти переговоры, если бы ему удалось подготовить почву. Никто, какъ онъ самъ, тотчасъ по возвращеніи, въ описанной мною выше его первой бесѣдѣ со мною, не сказалъ, что все имъ сдѣлано и я могу немедленно вызывать въ Петербургъ Г. Нетцлина. Ни о какомъ препятствіи со стороны французскаго правительства онъ мнѣ и не заикался не только во время этой бесѣды, но и позже, когда съ его же вѣдома и даже разрѣшенія я послалъ приглашеніе французской группѣ, и очевидно я не могъ вызывать ихъ, если бы онъ предварилъ меня о парижскомъ настроеніи въ отношеніи нашего займа.

Невольно напрашивается вопросъ: когда же Гр. Витте говорилъ неправду. Тогда ли, когда проѣздомъ черезъ Берлинъ и далѣе черезъ Роминтенъ онъ хвалился Князю Бюлову и черезъ него Императору Вильгельму о томъ, что въ интересахъ Германіи онъ, русскій Предсѣдатель Комитета Министровъ, помѣшалъ реализаціи русскаго займа имъ же признаннаго необходимымъ въ Парижѣ? Или тогда, когда, вернувшись въ Россію, онъ заявилъ мнѣ, что все имъ подготовлено, я могу вызывать представителей банковской группы и самъ онъ докладывалъ объ этомъ своему Государю, который благодарилъ его за оказанную имъ помощь и съ радостью говорилъ мнѣ объ этомъ?

Для меня несомнѣнно, что говорилъ онъ сознательную неправду, если онъ ее говорилъ, только въ первомъ случаѣ и сдѣлалъ это съ единственною цѣлью выставить себя истиннымъ другомъ Германіи, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что это было прямое нарушеніе его долга по отношенію къ своей родинѣ и не могло быть принято иначе и его слушателемъ. Въ его характерѣ всегда было немало склонности къ довольно смѣлымъ заявленіямъ. Самовозвеличеніе, присвоеніе себѣ небывалыхъ дѣяній, похвальба тѣмъ, чего не было на самомъ дѣлѣ, не разъ замѣчались людьми приходившими съ нимъ въ близкое соприкосновеніе и часто это происходило въ такой обстановкѣ, которая была даже невыгодна самому Витте. Я припоминаю разсказъ его спутника въ поѣздкѣ

его въ началѣ 1903 года въ Германію для выработки и заключенія торговаго договора съ Германіею. Этотъ разсказъ 10 лѣтъ спустя былъ дословно повторенъ мнѣ тѣмъ же Княземъ Бюловымъ въ Римѣ при свиданіи моемъ съ нимъ въ апрѣлѣ 1914 года, когда я былъ уже не у дѣлъ.

Витте велъ часть переговоровъ лично и непосредственно съ Княземъ Бюловымъ въ его имѣніи въ Нордернеѣ. При переговорахъ присутствовалъ. съ русской стороны. одинъ Тимирязевъ. Они тянулись долгое время и вечерніе досуги проводились обыкновенно среди музыки и пѣнія. Княгиня Бюлова, итальянка по происхожденію, сама прекрасная пѣвица и высокообразованная женщина, постоянно просила Витте указывать ей, что именно хотѣлось бы ему услышать въ ея исполненіи. Отвѣты его поражали всѣхъ своею неожиданностью; было очевидно, что ни одного изъ классиковъ онъ и не зналъ и отдѣлывался самыми общими мѣстами. Тимирязевъ, самъ прекрасный пьянистъ, — постоянно старался выручать своего патрона тѣмъ, что предлагалъ сыграть то, что особенно любитъ его шефъ, и тогда не разъ происходили презабавные кви-про-кво: Витте спорилъ, что играли Шуберта, когда на самомъ дѣлѣ это былъ Шопэнъ, а по части Мендельсона онъ всегда говорилъ, что его можно разбудить ночью и онъ безъ ошибки скажетъ съ первой ноты, что именно сыграно. Верхомъ его музыкальнаго хвастовства было однако событіе, разсказанное мнѣ по этому поводу тѣмъ же спутникомъ Витте В. И. Тимирязевымъ. Княгиня Бюлова какъ-то спросила Витте за обѣдомъ, на какомъ инструментѣ игралъ онъ въ его молодые годы. Онъ отвѣтилъ, не запинаясь, что игралъ на всѣхъ инструментахъ, и когда хозяйка попыталась было сказать, что такого явленія она еще не встрѣчала во всю свою музыкальную жизнь, то Витте безъ малѣйшаго смущенія парировалъ ея сомнѣніе неожиданнымъ образомъ, сказавши, что это въ Германіи музыкальное образованіе такъ специализировалось, что каждый избираетъ себѣ опредѣленный инструментъ. тогда какъ въ ихъ домѣ всѣ дѣти играли на всѣхъ инструментахъ, почему онъ и могъ при поступленіи въ университетъ въ Одессѣ организовать чуть ли не въ одну недѣлю первоклассный оркестръ изъ 200 музыкантовъ, которымъ онъ дирижировалъ во всѣхъ публичныхъ концертахъ. Послѣ этого разсказа, заключилъ Тимирязевъ, разговоры на музыкальныя темы по вечерамъ и за обѣдами какъ то прекратились, и сама хозяйка, съ свойственнымъ ей тактомъ, переводила разговоры на иныя, болѣе упрощенныя темы.

Такъ и въ описываемомъ мною случаѣ, Витте задался цѣлью просто «очаровать» своихъ собесѣдниковъ и говорилъ имъ то, что ему казалось должно было имъ быть особенно пріятно, ни мало не справляясь съ тѣмъ, вѣрно ли это или просто невѣрно и еще менѣе справляясь съ тѣмъ, не можетъ ли его заявленіе выйти на свѣтъ Божій. Пожалуй, онъ и оказался бы правъ, если бы 25 лѣтъ спустя Князь Бюловъ не разсказалъ того, что онъ сообщилъ ему въ минуту своего побѣднаго возвращенія въ Петербургъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого эпизода, пріѣхали французскіе банкиры въ Петербургъ, и съ ними Витте велъ совершенно иного свойства бесѣду, не заикаясь о несогласіи французскаго правительства и ни мало не смущаясь тѣмъ, что тѣ же банкиры говорили ему, что они ѣхали съ большимъ сомнѣніемъ въ возможности заключить заемъ, но не хотѣли отказывать Гр. Витте въ его настояніяхъ. Нечего говорить о томъ, что ни Рувье, ни Лубэ и не думали препятствовать заключенію займа и не удерживали даже банкировъ отъ поѣздки въ Россію, когда объ этомъ было доведено до ихъ свѣдѣнія.

Продолжаю прерванный мною разсказъ о томъ, какъ развивались дальше событія того времени,

Послѣ перваго моего свиданія съ С. Ю. Витте наши встрѣчи становились все болѣе и болѣе рѣдкими. Витте не разъ уклонялся отъ моего желанія видѣться съ нимъ, ссылаясь на множество занятій, я старался не искать встрѣчъ, но каждый разъ становилось ясно, что наши отношенія принимаютъ все болѣе и болѣе напряженный и даже недопустимый съ его стороны характеръ. Начались засѣданія особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Графа Сольскаго по выработкѣ проекта объединенія дѣятельности отдѣльныхъ Министерствъ. Иниціатива такого проекта принадлежала разумѣется Гр. Витте, хотя письменнаго его доклада я никогда не видѣлъ, но зналъ отъ Гр. Сольскаго, показавшаго мнѣ собственноручную записку Государя, въ которой было сказано, что Онъ не разъ убѣждался въ томъ, что Министры недостаточно объединены въ ихъ текущей работѣ, что это совершенно недопустимо теперь, когда предстоитъ въ скоромъ времени созывъ Государственной Думы, и потому Онъ поручаетъ Гр. Сольскому, въ спѣшномъ порядкѣ, выработать проектъ правилъ о такомъ объединеніи и представить на Его утвержденіе. Въ запискѣ было сказано, что Предсѣдатель Комитета Министровъ имѣетъ уже проектъ такихъ правилъ, который представляется Государю вполнѣ разум-

нымъ, и затѣмъ указанъ и самый составъ Совѣщанія, со включеніемъ въ него и меня.

Начались почти ежедневныя засѣданія, и съ первыхъ же шаговъ мое положеніе стало для меня просто непонятнымъ, а вскорѣ и совершенно невыносимымъ. Стоило мнѣ сдѣлать какое-либо замѣчаніе, какъ бы невинно и даже вполнѣ естественно оно ни было, чтобы Гр. Витте не отвѣтилъ мнѣ въ самомъ недопустимомъ тонѣ, какого никто давно изъ насъ не слышалъ въ нашихъ собраніяхъ, въ особенности такого малочисленнаго состава людей, давно другъ друга знающихъ и столько лѣтъ работавшихъ вмѣстѣ. Первые приступы такого непонятнаго раздраженія вызывали полное недоумѣніе со стороны всегда утонченно вѣжливаго и деликатнаго Гр. Сольскаго. Онъ боялся, чтобы я не вспылилъ и не наговорилъ Витте непріятностей, и когда первое засѣданіе кончилось, онъ попросилъ меня остаться у него, благодарилъ за мою сдержанность и выразилъ полное недоумѣніе тому характеру возраженій, который такъ изумлялъ всѣхъ. Я разсказалъ ему все, что произошло между мною и Витте съ самаго его возвращенія, упомянулъ о разговорѣ съ Шиповымъ и, ссылаясь на нашу давнюю близость, просилъ его разрѣшить мнѣ, при первомъ повтореніи такихъ выпадовъ, обратиться къ нему, какъ къ Предсѣдателю, съ просьбою разрѣшить мнѣ выйти изъ состава Совѣщанія, доложивши Государю, что я вынужденъ сдѣлать это по совершенной невозможности продолжать работу при томъ настроеніи враждебной раздраженности, которое проявляется со стороны Гр. Витте. Сольскій просилъ меня этого не дѣлать, обѣщалъ переговорить съ Витте наединѣ и уговорить его сдерживать его несправедливое отношеніе ко мнѣ. Я не знаю, исполнилъ ли онъ данное мнѣ обѣщаніе, но практическаго результата это обѣщаніе не имѣло.

Въ слѣдующемъ же засѣданіи столкновеніе приняло еще болѣе неприличный характеръ. Помню хорошо его поводъ. Въ проектѣ Гр. Витте стояла между прочимъ статья, по которой всѣ доклады Министровъ у Государя должны были происходить не иначе, какъ въ присутствіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ и при томъ условіи, чтобы всякій докладъ предварительно разсматривался и одобрялся Предсѣдателемъ.

Передъ самымъ засѣданіемъ, ко мнѣ подошелъ Ермоловъ и заявилъ, что онъ станетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возражать противъ этой статьи и даже останется при особомъ мнѣніи, спрашивая, присоединяюсь ли я къ нему. Э. В. Фришъ, почти всегда старавшійся примирять рѣзкости Витте и искать компромисса при разногласіяхъ, также находилъ недопустимымъ ставить

доклады Министровъ въ такія неисполнимыя условія. Гр. Сольскій также сказалъ намъ, что онъ считаетъ неосторожнымъ создавать такую искусственность и надѣется уговорить Витте не настаивать на ней. Обращаясь къ Фришу, онъ сказалъ, что эта статья вводитъ въ наше законодательство небывалый институтъ «Великато Визиря», на что едва ли и Государь согласится. Онъ прибавилъ: «вотъ В. Н. прекрасный случай для Васъ возражать Гр. Витте. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ Вы не останетесь въ меньшинствѣ». Я тутъ же заявилъ, что пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ возражать, приготовился къ этому и прошу только оградить меня отъ несомнѣнныхъ выходокъ личнаго свойства, обѣщая не дать никакого повода къ нимъ въ самомъ способѣ заявленія моего отрицательнаго отношенія.

Случилось то, что такъ часто бывало въ нашихъ Собраніяхъ. Ермоловъ былъ очень слабъ въ своихъ возраженіяхъ и при первомъ же окрикѣ Витте просто стушевался, заявивши, что будетъ голосовать противъ статьи. Фришъ исполнилъ свое обѣщаніе и, несмотря на такія же рѣзкости со стороны Витте, отвѣтилъ ему очень вѣскими аргументами, которые еще больше раздражили Витте. Едва сдерживая себя, онъ предложилъ высказать свое мнѣніе послѣ всѣхъ, прибавивши, что «не сомнѣвается, что многое будетъ ему высказано другими участниками Совѣщанія; одинъ Министръ Финансовъ чего стоитъ»! Во время моихъ объясненій, продолжавшихся всего нѣсколько минутъ, такъ какъ я коснулся лишь тѣхъ аргументовъ, которыхъ не привели другіе, Витте не могъ сидѣть спокойно на мѣстѣ, вставалъ, ходилъ по комнатѣ, закуривалъ, бросалъ папиросу, опять садился и, наконецъ, на предложеніе Гр. Сольскаго, высказать его заключеніе, почти истерическимъ голосомъ сталъ возражать всѣмъ говорившимъ и отдалъ особенную честь мнѣ, сказавши, что немало глупостей слышалъ онъ на своемъ вѣку, но такихъ, до которыхъ договорился Министръ Финансовъ онъ еще не слыхалъ и сожалѣетъ, что не ведутся стенографическіе отчеты нашихъ преній, чтобы увѣковѣчить такое историческое засѣданіе.

Всегда сдержанный и обычно державшій сторону Витте, Гр. Сольскій на этотъ разъ не выдержалъ и, обращаясь ко мнѣ съ просьбою оставить оскорбительную выходку Гр. Витте безъ личнаго моего возраженія, сказалъ: «Я полагаю, что многіе участники нашего Совѣщанія вполнѣ раздѣляютъ Вашъ взглядъ, который выраженъ не только сдержанно по формѣ, но и совершенно правильно по существу, такъ какъ онъ сохраняетъ должную самостоятельность за Министрами, какъ докладчиками у Государя, и

въ то же время обезпечиваетъ за правительствомъ должное единство, обязывая всѣхъ Министровъ проводить черезъ Совѣтъ Министровъ всѣ проекты ихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, имѣющихъ общее значеніе и затрогивающихъ сферу дѣятельности другихъ вѣдомствъ». Витте замолчалъ и проговорилъ только въ заключеніе: «пишите, что хотите, я же знаю, какъ я поступлю въ томъ случаѣ, если на меня выпадетъ удовольствіе быть Предсѣдателемъ будущаго Совѣта Министровъ. — У меня будутъ Министры — мои люди. и ихъ отдѣльныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ я не побоюсь».

Всѣ переглянулись, я не отвѣтилъ Витте ни однимъ словомъ, задержался нѣсколько минутъ у Гр. Сольскаго послѣ разъѣзда и сказалъ ему, что для меня совершенно очевидно, что какъ только Витте будетъ назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. — въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, — я немедленно подамъ въ отставку. Сольскій опять просилъ меня этого не дѣлать, ссылаясь на то, что Витте быстро мѣняетъ свои отношенія и столь же скоро переходитъ отъ вражды къ дружбѣ. какъ и обратно.

Ожиданія Гр. Сольскаго, однако, совершенно не сбылись. Наши встрѣчи продолжались и послѣ этого остраго столкновенія въ той же напряженной атмосферѣ, и каждая изъ нихъ приносила только новое обостреніе. Я кончилъ тѣмъ, что пересталъ возражать Витте открыто и замѣнялъ мои словесныя выступленія предложеніями письменнаго изложенія новой редакціи тѣхъ статей, которыя вызвали мои возраженія. Въ однихъ случаяхъ я былъ поддержанъ другими участниками Совѣщанія, въ другихъ мнѣ приходилось уступать, но споры между мною и Витте прекратились, и наши отношенія приняли даже наружно такую форму, что для всѣхъ стало ясно, что между нами произошелъ полный разрывъ. Я рѣшилъ совершенно опредѣленно уйти съ моего поста, какъ только выяснится вопросъ о составѣ новаго Совѣта Министровъ, и заготовилъ даже заблаговременно мое письмо къ Государю, рѣшивши представить его тотчасъ же по назначеніи Витте Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Мое рѣшеніе окончательно укрѣпилось вечеромъ 18-го октября, когда мои отношенія къ Гр. Витте стали совершенно невозможными.

Въ этотъ день утромъ былъ опубликованъ знаменитый Манифестъ 17-го октября, въ составленіи котораго я не только не принималъ никакого участія, но даже и не подозрѣвалъ о его изготовленіи, настолько все это дѣло велось въ тайнѣ отъ меня и отъ всѣхъ, кто не былъ привлеченъ къ нему изъ числа личныхъ дру-

зей Гр. Витте. Сольскій, конечно, зналъ о всѣхъ перипетіяхъ, предшествовавшихъ изданію Манифеста, но очевидно имѣлъ въ виду не выводить дѣла за предѣлы того, что было угодно Витте. а, въ частности по отношенію ко мнѣ, онъ былъ связанъ явно враждебными ко мнѣ отношеніями автора всего этого предположенія. Насколько я не былъ въ курсѣ этого дѣла лучшимъ доказательствомъ можетъ служить маленькій эпизодъ, относящійся къ позднему, почти ночному, часу того же 17-го октября.

У меня долго засидѣлись въ этотъ вечеръ только что пріѣхавшіе изъ Парижа банкиры. Утомленный нервною бесѣдою съ ними и тревожными впечатлѣніями цѣлаго ряда предыдущихъ дней, я ушелъ было къ себѣ въ спальную уже около часа ночи, какъ раздался сильнѣйшій звонокъ по внутреннему телефону, не включенному въ общую телефонную сѣть и извѣстному только на главной станціи, да немногимъ близкимъ людямъ. Меня вызвала какая-то «инициативная группа распорядительнаго Комитета Студентовъ Политехническаго Института», — Институтъ состоялъ въ ту пору въ вѣдѣніи Министра Финансовъ—и ни мало не смущаясь тѣмъ, что говорящіе обращаются ко мнѣ въ такой неподходящій часъ, что и было мною сказано имъ тотчасъ же, — спросили меня, подписанъ ли Государемъ Манифестъ, который долженъ былъ быть подписанъ утромъ и вечеромъ сданъ для напечатанія. Я отвѣтилъ, что мнѣ это неизвѣстно, и такъ какъ говорящіе продолжали настаивать, принимая все болѣе и болѣе вызывающій тонъ и заявляя, что имъ все прекрасно извѣстно отъ лица, весьма близкаго къ Гр. Витте, то я предложилъ студентамъ обратиться къ этому близкому Графу Витте человѣку и оставить меня въ покоѣ. Изъ послѣдующихъ моихъ неоднократныхъ разговоровъ съ профессорами Института я убѣдился, что никто не вѣрилъ тогда, что я не былъ въ курсѣ дѣла, освѣдомлялъ же студентовъ ихъ Директоръ, Князь Гагаринъ, который былъ женатъ на родной сестрѣ Князя Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, — одного изъ авторовъ Манифеста.

Въ день опубликованія Манифеста я получилъ приглашеніе отъ Петербургскаго Генералъ-Губернатора Д. Ф. Трепова пріѣхать къ нему вечеромъ на экстренное совѣщаніе. Предметъ совѣщанія въ извѣщеніи обозначенъ не былъ, но въ ту тревожную пору всякія совѣщанія не были рѣдкостью, а приглашеніе къ Генералу Трепову объяснялось между прочимъ и тѣмъ, что при безпорядкахъ на улицахъ было проще попадать на Большую Морскую, гдѣ жилъ Треповъ, нежели къ Предсѣдателю Комитета Министровъ Витте, проживавшему въ собственномъ домѣ, на Каменноостров-

скомъ проспектѣ. Я не могу припомнить сейчасъ всѣхъ участниковъ Собранія. Большинство ихъ принадлежало къ составу чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но помню хорошо, что отъ Министерства Юстиціи былъ покойный И. Г. Щегловитовъ, участвовалъ также и министръ Земледѣлія А. С. Ермоловъ. Предсѣдательствовалъ Гр. Витте. Онъ нехотя подалъ мнѣ руку, сказавши, что удивленъ, почему именно оказалось Министерство Финансовъ заинтересованнымъ въ обсужденіи вопроса объ амнистіи, на что я отвѣтилъ ему, что получилъ приглашеніе отъ Генерала Трепова, но буду очень радъ, если окажется возможнымъ освободить меня отъ дѣла, дѣйствительно, не имѣющаго прямого отношенія къ моему вѣдомству. Треповъ и почти всѣ присутствующіе рѣшительно возстали противъ моего ухода, а Треповъ сказалъ даже, что онъ получилъ прямое указаніе Государя относительно состава Совѣщанія, въ частности, особое указаніе лично въ отношеніи меня. Мнѣ пришлось остаться.

Проектъ статей манифеста о льготахъ преступникамъ былъ наскоро составленъ въ Министерствѣ Юстиціи, Гр. Витте сразу же заявилъ, что находитъ его слишкомъ «трафаретнымъ» и не отвѣчающимъ важности переживаемаго момента, что нужно дать самыя широкія льготы въ особенности осужденнымъ за политическія преступленія и возвратить изъ ссылки всѣхъ, открыть двери шлиссельбургской тюрьмы и показать всѣмъ, кто подвергся преслѣдованію, что нѣтъ болѣе старой Россіи, а существуетъ новая Россія, которая — помню его слова — «пріобщаетъ къ новой жизни и зоветъ всѣхъ строить новую, свѣтлую жизнь». Кое-кто изъ участниковъ Совѣщанія пытался было возразить не столько противъ идеи амнистіи, — такъ какъ по заявленію Гр. Витте она предрѣшена Государемъ и о ней спорить не приходится, — сколько противъ широкаго ея объема и невозможности распространенія ея безъ всякаго ограниченія на всѣхъ осужденныхъ въ свое время, безъ отношенія къ тому, какую часть наказанія отбыли они, и въ особенности противъ идеи Гр. Витте отворить двери Шлиссельбургской тюрьмы, выпустить на полную свободу всѣхъ въ ней заключенныхъ и предоставить имъ поселиться въ столицѣ безъ всякихъ ограниченій. Мы всѣ, противники такой небывалой, неограниченной амнистіи, старались настаивать на необходимости быть осторожнымъ съ проектируемыми широкими милостями, въ особенности въ виду и безъ того разгорѣвшагося революціоннаго движенія. Но чѣмъ больше стремились мы къ этому, тѣмъ нетерпѣливѣе и несдержаннѣе дѣлался Гр. Витте, а когда я присоединилъ и мои доводы къ тѣмъ, которые говорили въ этомъ

смыслѣ до меня, — его гнѣву и рѣзкостямъ репликъ не было положительно никакой мѣры. Придавая своему голосу совершенно искусственную сдержанность, онъ положительно выходилъ изъ себя, тяжело дышалъ, какъ-то мучительно хрипѣлъ, стучалъ кулакомъ по столу, подыскивалъ наиболѣе язвительныя выраженія, чтобы уколоть меня, и, наконецъ, бросилъ мнѣ прямо въ лицо такую фразу, которая ясно сохранилась въ моей памяти: «съ такими идеями, которыя проповѣдуетъ господинъ Министръ Финансовъ, можно управлять развѣ зулусами, и я предложу Его Величеству остановить его выборъ на немъ для замѣщенія должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, а если этотъ крестъ выпадетъ на мою долю, то попрошу Государя избавить меня отъ сотрудничества подобныхъ дѣятелей». Всѣ переглянулись, я не отвѣтилъ при всѣхъ ни однимъ словомъ, проектъ амнистіи прошелъ почти въ томъ видѣ, какъ настаивалъ Гр. Витте, удалось только не допустить права проживанія въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ отбывшихъ каторгу, и мы разошлись.

Передъ уходомъ отъ Трепова я подошелъ къ Гр. Витте и, ссылаясь на слова, только что имъ сказанныя, обратился къ нему со слѣдующими словами, которыя я записалъ, придя домой, и которыя сохранились у меня: «позвольте мнѣ довести до Вашего свѣдѣнія, что все происшедшее между нами съ самой минуты Вашего возвращенія изъ Америки давно убѣдило меня въ томъ, что при объединеніи правительственной дѣятельности въ Вашемъ лицѣ, какъ будущаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ, мнѣ не должно быть мѣста въ составѣ новаго кабинета. Сегодняшнее же Ваше выступленіе противъ меня, сдѣланное въ такой оскорбительной формѣ, даетъ мнѣ право тотчасъ по Вашемъ назначеніи на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, просить Государя Императора избавить Васъ отъ труда, ходатайствовать передъ Его Величествомъ объ освобожденіи Васъ отъ такого сотрудника, и я самъ подамъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности Министра Финансовъ».

Отвѣтъ Витте поразилъ меня своимъ цинизмомъ: «Я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Какое удовольствіе быть Министромъ, когда Васъ на каждомъ шагу окружаютъ опасности; гораздо проще сидѣть въ покойномъ креслѣ Государственнаго Совѣта, произносить никому не нужныя рѣчи, да интриговать противъ Министровъ».

На этомъ мы разстались, не подавши другъ другу руки и больше не разговаривали до самаго моего ухода изъ Министерства ровно черезъ недѣлю послѣ этого дня.

Въ такой атмосферѣ напряженнаго состоянія мнѣ пришлось вести переговоры съ пріѣхавшими французскими банкирами. Они шли въ самой тягостной обстановкѣ. День ото дня внѣшній видъ города становился все болѣе и болѣе грознымъ. Пріѣхавшіе, хорошо знавшіе Петербургъ въ его обычной обстановкѣ, просто недоумѣвали о томъ, что происходитъ на ихъ глазахъ. Они доѣхали до города по желѣзной дорогѣ, но на пути ихъ поѣздъ былъ нѣсколько разъ задержанъ не только на станціяхъ, но даже просто въ полѣ, и они не знали чему слѣдовало приписать такія остановки. Вмѣсто обычнаго утренняго часа, они прибыли подъ вечеръ и не успѣли размѣститься въ своихъ комнатахъ въ Европейской гостиницѣ, какъ вездѣ потухло электричество, и они провели первую ночь въ совершенно необычной обстановкѣ. Въ ихъ средѣ возникло даже предположеніе о выѣздѣ обратно на слѣдующее утро, но, соединившись со мною по телефону, — телефонъ въ ту пору не бастовалъ, — они считали себя связанными назначеннымъ мною пріемомъ и собрались у меня, какъ было условлено, днемъ. Глава миссіи, Нетцлинъ, пришелъ ко мнѣ за полчаса и разсказалъ, что онъ успѣлъ побывать въ Посольствѣ, повидалъ кое-кого изъ французскихъ журналистовъ и изъ всѣхъ бесѣдъ вывелъ то заключеніе, что революціонное движеніе перешло уже свою высшую точку наростанія и должно скоро пойти на убыль, въ особенности подъ вліяніемъ ожидаемаго манифеста о «даровании политическихъ свободъ», который, по общему мнѣнію, будетъ имѣть самое благотворное вліяніе. Его личное заключеніе сводилось, поэтому, къ тому, что слѣдуетъ вести переговоры какъ можно быстрѣе, не останавливаться на мелочахъ и поспѣшить вернуться въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ осуществить заемъ какъ только общее ожиданіе успокоенія оправдается на самомъ дѣлѣ. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что среди его спутниковъ настроеніе было совершенно иное, и что въ частности представитель Національной Учетной Конторы, Ульманъ, хотѣлъ уже было уѣзжать сегодня же обратно, настолько на него повліялъ видъ Петербурга, вечерняя темнота и все, что ему успѣли передать нѣкоторые изъ его утреннихъ собесѣдниковъ, но что противъ такого спѣшнаго отъѣзда особенно энергично выступилъ Г. Бонзонъ, представитель Ліонскаго Кредита, заявившій, что неблагопріятная обстановка можетъ оказаться даже весьма выгодною для французскихъ держателей будущихъ русскихъ бумагъ, такъ какъ Министръ Финансовъ будетъ вѣроятно болѣе уступчивъ. Мнѣ не приходилось разубѣждать Нетцлина. Я не могъ сообщать ему ни того, что было мнѣ извѣстно о разроставшемся Московскомъ

возстаніи, о которомъ вѣсти доходили еще смутно, — ни о томъ, что происходитъ въ Балтійскомъ краѣ, ни о томъ, какія грозныя вѣсти идутъ изъ Сибири, ни, наконецъ, о томъ, что я рѣшилъ покинуть постъ Министра Финансовъ. Я поддержалъ его только въ его собственномъ намѣреніи вести переговоры быстро, не ставить меня въ необходимость бороться противъ чрезмѣрныхъ притязаній его коллегъ и придать нашимъ условіямъ обычный характеръ, допустивши нѣсколько болѣе длинный періодъ между подписаніемъ нами условій займа и окончательнымъ обязательствомъ осуществить заемъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ французскому рынку необходимо, конечно, дать нѣсколько больше, чѣмъ всегда, времени для размѣщенія займа. Первая наша официальная встрѣча прошла совершенно гладко, никто изъ пріѣхавшихъ не поднялъ вопроса о невозможности приступить къ выработкѣ условій займа, никто не возражалъ противъ типа займа — пяти процентной ренты, не спорилъ и противъ размѣра займа — до шестисотъ милліоновъ франковъ, — выражая только сожалѣніе о томъ, что обстановка не благопріятствуетъ заключенію болѣе крупнаго займа, напримѣръ, въ одинъ милліардъ двѣсти милліоновъ, о чемъ говорилъ Гр. Витте въ концѣ августа. Наиболѣе трудныя рѣшенія — подробности о выпускной цѣнѣ займа, и въ особенности, о размѣрѣ банковской комиссіи, — мы отложили, сначала на слѣдующій день, а затѣмъ, въ виду заявленія пріѣхавшихъ, что имъ нуженъ еще лишній день для внутренней работы въ ихъ средѣ, — на вечеръ черезъ сутки, и я сожалѣлъ только, что не могу пригласить пріѣхавшихъ къ обѣду, такъ какъ жена моя не свободна въ этотъ вечеръ.

Наше слѣдующее вечернее собраніе носило совершенно иной характеръ. Нетцлинъ пріѣхалъ снова раньше другихъ и подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что видѣлся съ Гр. Витте, который совѣтовалъ ему, какъ можно скорѣе, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, порвать переговоры и уѣхать обратно, предупреждая его, что на дняхъ желѣзнодорожное движеніе должно остановиться совсѣмъ и затѣмъ, сказалъ ему, что я ухожу изъ Министерства и буду замѣненъ другимъ лицомъ, которое будетъ во всемъ исполнять его указанія, и что онъ будетъ фактическимъ руководителемъ финансоваго вѣдомства, не зависимо отъ того, что ему предстоитъ занять на дняхъ постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, на что онъ согласится только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ дѣйствительнымъ руководителемъ всей не только внутренней, но и внѣшней политики Россіи.

Оговорившись, что я не въ курсѣ того, что извѣстно, конечно, лучше всего Гр. Витте относительно внутренняго положенія Россіи и развитія въ ней революціоннаго движенія, — я сказалъ Нетцлину, что я дѣйствительно покидаю Министерство по коренному расхожденію съ Гр. Витте, что мнѣ ничего не извѣстно относительно выбора моего преемника, но что я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что моимъ преемникомъ будетъ непремѣнно лицо, лишенное всякой самостоятельности, такъ какъ все расхожденіе Витте со мною не имѣло никакого иного основанія, кромѣ того, которое вытекало изъ моей, непріятной ему, самостоятельности, и полагаю поэтому, что это обстоятельство не должно ни мало измѣнять хода нашихъ переговоровъ, такъ какъ они все равно дойдутъ до него чрезъ финансовый комитетъ. Я просилъ Нетцлина, поэтому, довести все дѣло до конца въ томъ направленіи, которое было намѣчено нашимъ первымъ свиданіемъ. Онъ обѣщалъ сдѣлать все возможное, но не скрылъ отъ меня, что настроеніе его спутниковъ значительно упало за день, и, кромѣ Бонзона, никто не смотритъ серьезно на возможность довести дѣло до конца.

Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Мы просидѣли до полуночи въ сущности совершенно напрасно: спорили о мелочахъ, говорили о разныхъ тонкостяхъ редакціи контракта, но всѣ сознавали, что мы тратимъ время попустому. Сама внѣшняя обстановка была въ высшей степени тягостна: насъ окружалъ давящій мракъ, электричество не горѣло, у подъѣзда стоялъ, по желанію Генералъ-Губернатора Трепова, усиленный нарядъ полиціи, подъ эскортомъ которой наши французскіе гости вернулись въ Европейскую гостиницу, и мы разстались съ тѣмъ, что на утро участникъ этой экспедиціи, спеціалистъ по контрактнымъ тонкостямъ, служащій Парижско-Нидерландскаго Банка, г. Жюль-Жакъ приготовитъ основанія договора. На самомъ дѣлѣ, никакой новой встрѣчи между нами не произошло.

Утромъ Нетцлинъ сказалъ мнѣ по телефону, что чувствуетъ себя совершенно разбитымъ отъ всѣхъ переживаемыхъ впечатлѣній, проситъ отложить свиданіе до слѣдующаго дня, а когда наступилъ этотъ «слѣдующій» день, то въ двѣнадцатомъ часу я получилъ отъ него письмо изъ Европейской гостиницы,съ увѣдомленіемъ, что имъ удалось нанять финляндскій пароходъ, съ которымъ они и выѣхали спѣшно изъ Россіи.

Такъ кончилась печально эта эпопея переговоровъ о займѣ. Впослѣдствіи Гр. Витте не разъ говорилъ кому была охота слу-

шать, что я просто не сумѣлъ заставить банкировъ принять наши условія, а мое неукротимое упрямство и еще бо̀льшая самонадѣянность не надоумили меня обратиться къ нему за поддержкою, которую онъ охотно оказалъ бы мнѣ, и не было бы того скандала, что пріѣхавшіе банкиры уѣхали съ пустыми руками.

ГЛАВА VII.

Рескриптъ 20-го октября 1905 года о назначеніи Гр. Витте Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. — Мое прошеніе объ отставкѣ. — Мой послѣдній докладъ у Государя и пріемъ у Императрицы. — Витте воспротивился моему назначенію Предсѣдателемъ Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта.

19-го октября, рано утромъ, когда я собирался ѣхать въ Лицей на обѣдню, по случаю традиціонной годовщины, ко мнѣ пришелъ мой секретарь Л. Ф. Дорліакъ и спросилъ меня, знаю ли я содержаніе рескрипта Государя на имя Гр. Витте, по случаю предстоящаго назначенія его Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, добавивши при этомъ, что самый проектъ учрежденія Совѣта, вмѣсто Комитета Министровъ, уже напечатанный въ Правительственномъ Вѣстникѣ, будетъ опубликованъ завтра, 20-го числа. На мой вопросъ, какимъ образомъ попали въ его руки эти документы, онъ отвѣтилъ мнѣ совершенно спокойно, что они изготовлялись въ Канцеляріи Министерства Финансовъ, подъ руководствомъ Директора ея А. И. Путилова, что, конечно, извѣстно мнѣ. На самомъ дѣлѣ, я не имѣлъ объ этомъ никакого понятія. Путиловъ никогда не говорилъ мнѣ ни одного слова и получилъ, очевидно, порученіе отъ Гр. Витте, съ приказаніемъ держать это порученіе въ тайнѣ отъ меня, какъ держалъ онъ также въ тайнѣ и другую исполненную, по приказанію Гр. Витте, работу, — объ изъятіи изъ вѣдомства Министерства Финансовъ, съ передачею въ новое Министерство Торговли и Промышленности — Департамента Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ. Эта мѣра проведена была Графомъ Витте въ качествѣ первой его мѣры, осуществленной всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ явное нарушеніе закона, тогда какъ въ основаніе всей своей дѣятельности Гр. Витте заявлялъ положить принципъ законности. Любопытно при этомъ отмѣтить, что четыре месяца спустя, тотъ же Гр. Витте испросилъ также всепод-

даннѣйшимъ докладомъ возвращеніе того же Департамента назадъ въ Министерство Финансовъ, объяснивши совершенно откровенно, что мѣра эта была принята крайне необдуманно и принесла въ самый короткій срокъ величайшій вредъ, какъ будто она была принята не имъ самимъ и притомъ безъ всякой надобности. Въ четвергъ, 20-го октября, какъ и ожидалось, послѣдовало опубликованіе Положенія о Совѣтѣ Министровъ, а также рескриптъ о назначеніи Гр. Витте Предсѣдателемъ Совѣта. Выраженіе рескрипта относительно необходимости полной солидарности среди Министровъ и увѣренность Государя въ томъ, что Витте сумѣетъ достигнуть этой цѣли, окончательно укрѣпили меня въ необходимости дать ходъ моему рѣшенію подать прошеніе объ отставкѣ. Наканунѣ, ночью, я еще разъ пересмотрѣлъ редакцію заготовленнаго мною письма, оставилъ его безъ всякой перемѣны и наутро выѣхалъ въ Петергофъ, такъ какъ доклады Министровъ въ эту пору происходили не въ обычные дни, а каждый Министръ спрашивалъ особо и получалъ указанія, да и сообщеніе съ Петергофомъ, по случаю желѣзнодорожной забастовки, поддерживалось съ немалымъ трудомъ.

На пароходной пристани я засталъ Бар. Бутберга, ѣхавшаго, какъ и я, съ докладомъ. Какъ и всѣ, онъ отлично зналъ, конечно, о дурныхъ отношеніяхъ моихъ съ Гр. Витте и началъ разговоръ съ того, что спросилъ меня, читалъ ли я рескриптъ Государя на его имя и какъ понимаю я солидарность Министровъ, то есть должны ли Министры ждать рѣшенія Государя или же сами должны облегчить положеніе Государя и просить о ихъ увольненіи, коль скоро они чувствуютъ недостатокъ солидарности съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Я не хотѣлъ говорить ему, что везу мое прошеніе объ отставкѣ и въ этомъ фактѣ содержится уже мой отвѣтъ на его вопросъ, и ограничился тѣмъ, что сказалъ, что сейчасъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, обязанность каждаго сводится къ тому, чтобы облегчить положеніе Государя предоставленіемъ себя въ его полное распоряженіе и устранить самую мысль о томъ, что неназначеніе кого-либо изъ насъ въ составъ новаго кабинета есть выраженіе немилости Государя. Я прибавилъ, что практически вопросъ рѣшится вѣроятно тѣмъ, что Государь просто предоставитъ Витте выборъ кандидатовъ въ Министры, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, при характерѣ Витте, никакого объединенія власти не послѣдуетъ и выйдетъ только прежняя грызня, изъ которой есть всего одинъ выходъ, — подборъ Министровъ, по вкусу Гр. Витте.«Вы проповѣдуете, слѣдовательно, вмѣсто самодержавія Царя,— такое же самодержавіе, но только перваго Министра, или другими

словами, созданіе должности Великаго Визяря», — были послѣднія слова Бар. Будберта уже при выходѣ съ привезшаго насъ парохода.

Я доложилъ Государю сначала всѣ очередныя дѣла, а когда я кончилъ ихъ, то передалъ Ему послѣднюю бумагу изъ моей папки, съ просьбою лично прочитать ее. Взявши ее въ руки и не читая еще, Государь сказалъ мнѣ совершенно спокойнымъ тономъ: «это, очевидно, Ваша просьба объ увольненіи отъ должности». Я ждалъ ее потому, что съ разныхъ сторонъ слышу уже давно, что Ваши отношенія къ Гр. Витте совершенно испортились. Я просто не понимаю, откуда это произошло, такъ какъ до своего отъѣзда въ Америку, у него не было достаточныхъ словъ, что-бы превозносить Васъ до небесъ. Я знаю также, что не Вы причиною такой перемѣны, но вполнѣ понимаю, насколько теперь Вы не можете такъ же спокойно работать, какъ работали прежде. Вы знаете, какъ трудно мнѣ разставаться съ Вами, насколько я привыкъ къ Вамъ и какъ Васъ полюбилъ, но я, въ сущности не разстаюсь съ Вами, такъ какъ у меня есть возможность дать Вамъ очень высокое назначеніе и всегда пользоваться Вашими знаніями и Вашею преданностью Мнѣ. — Я рѣшилъ назначить Васъ на вакантную должность Предсѣдателя Департамента Экономіи,которую занималъ графъ Сольскій. Я знаю, что этимъ доставлю и ему большую радость. Поѣзжайте къ нему и попросите завтра же прислать мнѣ указъ о Вашемъ назначеніи». Государь всталъ изъ-за стола, обнялъ меня, поцѣловалъ и, когда я сталъ благодарить Его за такую исключительную милость, Онъ обнялъ меня еще разъ, и сказалъ: «Не вамъ благодарить меня, а Мнѣ Васъ. Я никогда не забуду Вашихъ трудовъ за время войны, и хорошо помню, что Вы оказали Россіи величайшую услугу, сохранивши наше финансовое положеніе, несмотря на всѣ военныя неудачи. Я увѣренъ, что всѣ понимаютъ это такъ же какъ и Я, а заграницею Васъ понимаютъ лучше, чѣмъ дома, но настанетъ время, что и у насъ поймутъ такъ же».

Государь просилъ меня пройти къ Императрицѣ, такъ какъ и она отлично понимаетъ причину моего ухода и очень рада предоставленному мнѣ высокому назначенію.

Я засталъ Императрицу въ ея боковой гостиной, узкой длинной комнатѣ, окнами къ Петербургу. Пронизывающій осенній холодъ едва умѣрялся горѣвшимъ каминомъ. Извинившись передо мною, что она принимаетъ меня лежа на кушеткѣ, такъ какъ ей не здоровится,Императрица сказала мнѣ, въ отвѣтъ на мое объясненіе о причинахъ моего ухода, что нисколько не уди-

вляется этому, потому, что хорошо понимаетъ, что «при измѣнившихся взглядахъ («quand les idées sont devenues toutes autres») нельзя требовать, чтобы люди подчинялись такимъ перемѣнамъ и отказывались отъ своихъ взглядовъ». Не совсѣмъ понимая значенія этой фразы, я пытался было объяснить Императрицѣ, что я далекъ отъ мысли проявлять какую-либо нетерпимость къ чужому мнѣнію, но если я рѣшился просить Государя объ увольненія, то только потому, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ не захотѣлъ бы работать со мною и сталъ бы просить Государя замѣнить меня другимъ, болѣе подходящимъ лицомъ, и моя просьба объ увольненіи только облегчила Государя въ его рѣшеніи. Императрица отвѣтила на это только односложно: «да, быть можетъ Вы правы, это очень сложный вопросъ».

Для меня такъ и осталось загадкою, какъ отнеслась Императрица къ моему уходу, сожалѣла ли она о немъ, или просто была рада, что одною трудностью для Государя было меньше. А можетъ быть ей было просто безразлично все, что происходило кругомъ, настолько такіе вопросы, какъ мой уходъ, блѣднѣли передъ тяжелыми условіями внутренней жизни Россіи той поры,

Прямо отъ Государя я проѣхалъ къ Государственному Секретарю, Барону Икскулю, съ которымъ меня связывали дружескія отношенія. Онъ очень обрадовался переданному мною приказанію Государя, сказалъ мнѣ, что черезъ часъ указъ будетъ у Графа Сольскаго и просилъ меня только немедленно поѣхать къ нему и предупредить его объ этомъ. Онъ прибавилъ при этомъ «какъ бы не пронюхалъ объ этомъ Гр. Витте до подписанія указа». На замѣчаніе мое, что̀ имѣетъ онъ въ этомъ случаѣ въ виду, бар. Икскуль отвѣтилъ мнѣ загадочно: «я знаю случаи, когда и подписанные указы отмѣнялись, если находились вліятельные оппоненты».

Гр. Сольскій встрѣтилъ меня неподдѣльною радостью. Ему казалось только, что на немъ лежитъ обязанность примирить съ моимъ новымъ назначеніемъ значительно болѣе опаснаго противника моего назначенія нежели тѣ, которыхъ я ожидалъ встрѣтить въ лицѣ болѣе старыхъ, нежели я, членовъ Департамента Экономіи, а именно все того же Гр. Витте, но мнѣ казалось, что у него была полная увѣренность въ томъ, что ему удастся урезонить послѣдняго не противиться желанію Государя. Онъ сказалъ мнѣ, что переговоритъ съ Гр. Витте сегодня же и будетъ меня держать въ курсѣ всего дѣла.

3207.

Вечеромъ того же дня, я былъ снова на совѣщаніи у Генерала Трепова по вопросу объ амнистіи, никакого участія въ преніяхъ не принималъ и только послѣ совѣщанія сказалъ Гр. Витте, что утромъ подалъ Государю прошеніе объ отставкѣ и получилъ Его согласіе. Витте не сказалъ мнѣ ни одного слова, и мы молча разстались.

На слѣдующій день, въ пятницу, 21-го числа, утромъ, Бар. Икскуль сказалъ мнѣ по телефону, что послѣ переговоровъ Гр. Сольскаго наканунѣ съ Гр. Витте, послѣдній рѣшилъ послать Государю письмо, съ просьбою отмѣнить мое назначеніе, изъ уваженія къ заслуженнымъ членамъ Государственнаго Совѣта, имѣющимъ гораздо большія права, нежели я, на занятіе должности Предсѣдателя Департамента Экономіи, и обѣщалъ сообщить ему, Икскулю, отвѣтъ Государя тотчасъ послѣ его полученія.

Поздно вечеромъ того же числа, Бар. Икскуль сказалъ мнѣ по телефону, что Витте получилъ свое письмо обратно отъ Государя, съ помѣткою, что Государь не видитъ никакого повода измѣнять свое рѣшеніе, что Витте въ полномъ бѣшенствѣ и что ему, Икскулю, приказано завтра же утромъ испросить разрѣшеніе Государя быть принятымъ по срочному и важному дѣлу.

Въ субботу, 22-го октября, Икскуль получилъ отъ Государя по телеграфу увѣдомленіе, что онъ будетъ принятъ въ понедѣльникъ утромъ и по возвращеніи своемъ тотчасъ же извѣститъ меня о результатахъ его доклада. И дѣйствительно, во второмъ часу дня онъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо съ пароходной пристани и сказалъ, что ему было приказано изложить всѣ доводы противъ моего назначенія, что онъ сдѣлалъ это, повторяя больше чужія слова, что Государь слушалъ его безъ всякаго раздраженія, но сказалъ ему, вставая и подавая руку на прощанье: «передайте Графу Сольскому, что я серьезно обдумалъ мое рѣшеніе раньше, нежели рѣшилъ назначить Коковцова на вполнѣ заслуженный имъ постъ, и не понимаю, почему это назначеніе такъ не нравится Гр. Витте».

Въ тотъ же день Витте рѣшилъ написать Государю особый всеподданнѣйшій докладъ, сдѣлалъ это собственноручно, показавъ Гр. Сольскому, который не внесъ въ него никакихъ исправленій. несмотря на его неприличный тонъ, и рано утромъ отправилъ его съ особымъ курьеромъ въ Петергофъ. Въ первомъ часу дня, во вторникъ 25-го числа, докладъ вернулся обратно къ Гр. Сольскому, а съ нимъ подписанный указъ о назначеніи меня просто членомъ Государственнаго Совѣта, сопровождаемый очень лестнымъ для Меня Рескриптомъ. На другой день, я получилъ

отъ Бар. Икскуля и копію этого любопытнаго доклада Гр. Витте. Вотъ его точный текстъ:

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретарь Гр. Сольскій увѣдомилъ меня о состоявшемся рѣшеніи Вашего Императорскаго Величества назначить Предсѣдателемъ Департамента Экономіи бывшаго Министра Финансовъ, Статсъ-Секретаря Коковцова. Считаю своимъ долгомъ, поэтому, довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что по положенію Ст. Секр. Коковцова и по его личному характеру такое назначеніе представляется безусловно нежелательнымъ. Если Вашему Величеству угодно будетъ оставить это назначеніе въ силѣ, то ни я, ни мои товарищи по Совѣту Министровъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не будутъ имѣть возможности посѣщать засѣданія Департамента Экономіи и вынуждены будутъ замѣщать себя своими товарищами или другими членами Министерства. Между тѣмъ, по тому важному значенію, которое принадлежитъ Департаменту Государственной Экономіи до собранія Государственной Думы, едва ли можно допустить подобное отчужденіе Министровъ отъ этого важнаго установленія. Въ виду сего и въ предупрежденіе явнаго ущерба для дѣлъ государственнаго управленія отъ такого обстоятельства, я считаю своимъ долгомъ довести объ изложенномъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества».

28-го октября, въ пятницу, въ день моего обычнаго доклада. Государь принялъ меня снова въ томъ же небольшомъ дворцѣ въ Александріи, чтобы проститься со мною. Не успѣлъ я войти въ Его кабинетъ, какъ Государь, держа въ рукѣ Указъ о моемъ назначенія предсѣдателемъ Департамента Экономіи съ надорванной его подписью, сказалъ мнѣ: «Вы вѣроятно не знаете, чего стоило мнѣ уничтожить мою подпись на Указѣ, составленномъ по моему личному желанію, безъ того, чтобы меня кто-либо объ этомъ просилъ. Мой покойный отецъ не разъ говорилъ мнѣ, что мѣнять моей подписи никогда не слѣдуетъ, развѣ что я имѣлъ возможность самъ убѣдиться въ томъ, что я ошибся или поступилъ сгоряча и необдуманно. Въ отношеніи Вашего назначенія я былъ увѣренъ въ томъ, что я поступаю не только вполнѣ справедливо, но и съ пользою для государства, и между тѣмъ Меня заставили отказаться и уничтожить подпись. Я этого никогда не забуду, тѣмъ болѣе, что я вижу теперь явное недоброжелательство къ Вамъ и даже личный капризъ. Вы не должны Меня судить строго, и Я увѣренъ, что Вамъ понятно Мое душевное состояніе». Я поспѣшилъ завѣрить Государя, что вполнѣ понимаю въ какое трудное положеніе Онъ поставленъ настояніями Графа Витте и

даже глубоко благодаренъ Ему за принятое рѣшеніе, такъ какъ онъ выводитъ и лично меня изъ крайне тягостнаго положенія — разсматривать дѣла въ Департаментѣ Экономіи при отсутствіи Министровъ, а тѣмъ болѣе при предвзятомъ, враждебномъ отношеніи ко мнѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. «Мой авторитетъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ бы разомъ подорванъ, мнѣ не осталось бы ничего иного, какъ при первомъ столкновеніи самому просить Васъ, Государь, сложить съ меня исполненіе обязанностей не отвѣчающихъ пользѣ дѣла». Государь горячо поблагодарилъ меня, крѣпко обнялъ меня и просилъ всегда помнить, что Ему доставитъ истинную радость, если только у меня будетъ какая-либо нужда, помочь мнѣ или моимъ близкимъ. Его послѣднія слова на этотъ разъ были: «Помните, Владиміръ Николаевичъ, что двери этого кабинета всегда открыты для Васъ по первому Вашему желанію».

На этомъ кончилась первая пора моего служенія на должности Министра Финансовъ.

Я воспроизвожу всѣ частности пережитыхъ мною обстоятельствъ не только потому, что они въ точности возстановляютъ пережитое мною въ эту пору, но еще и потому, что въ воспоминаніяхъ Гр. Витте, сдѣлавшихся общеизвѣстными, объ нихъ нѣтъ ни одного слова. Въ нихъ говорится только, что моя отставка вовсе не была необходима и даже ничѣмъ не оправдывалась. Какъ будто ничего и не произошло между нами, и не Гр. Витте вынудилъ мой уходъ и не принялъ на себя той исключительной роли, которая описана мною.

Не упоминается тамъ ни однимъ словомъ ни о личныхъ столкновеніяхъ со мною, ни о возмутительномъ эпизодѣ съ назначеніемъ меня на должность Предсѣдателя Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта. Нѣтъ ни одного слова и о собственноручномъ письмѣ его Государю съ протестомъ противъ моего назначенія. Какъ будто все это не существовало на самомъ дѣлѣ. Такова точность и правдивость этихъ Воспоминаній.

Все, что мнѣ пришлось вынести въ столкновеніяхъ съ Гр. Витте, и вынужденное оставленіе мною Министерства, съ которымъ я такъ сжился за полтора года отвѣтственной работы, тяжело отразились на мнѣ; нервы разстроились, я почти потерялъ сонъ и настроеніе мое было въ ту пору самое подавленное. Будущее рисовалось мнѣ въ невеселыхъ краскахъ, тѣмъ болѣе, что, хорошо зная работу въ Государственномъ Совѣтѣ, я давалъ себѣ ясный

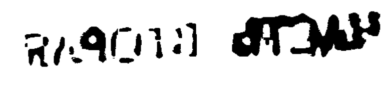
отчетъ въ томъ, что она не дастъ мнѣ нравственнаго удовлетворенія и ничѣмъ не уменьшитъ тоски бездѣйствія. Особенно болѣзненно отражались на мнѣ всѣ многочисленныя заявленія моихъ недавнихъ сотрудниковъ о томъ, какъ тяжело переживаютъ и они разставаніе со мною и насколько теряютъ они со мною ту ясность и опредѣленность отношеній, съ которой они сжились за время совмѣстной нашей кипучей работы.

И теперь, много лѣтъ спустя, припоминая пережитое мною въ ту пору состояніе, я не стыжусь сказать, что я глубоко грустилъ и никогда впослѣдствіи не испытывалъ болѣе такой острой боли, какую пережилъ при первомъ моемъ уходѣ изъ Министерства Финансовъ. Я спѣшилъ какъ можно скорѣе покинуть стѣны Министерства, гдѣ мнѣ было въ особенности тяжело потому, что все напоминало прошлое и на каждомъ шагу мнѣ приходилось встрѣчаться съ моими недавними сослуживцами, которые не стѣснялись говорить мнѣ, какъ трудно стало имъ работать съ моимъ преемникомъ, не дававшимъ ни на одинъ вопросъ прямого отвѣта и оставлявшаго докладчиковъ въ полномъ недоумѣніи того, что имъ дѣлать. Ко мнѣ И. П. Шиповъ ни съ какими вопросами не обращался, но былъ въ личныхъ отношеніяхъ крайне предупредителенъ и все уговаривалъ меня не переѣзжать изъ Министерства потому, что самъ не предполагаетъ занимать казенной квартиры, но еще и потому, что ему совершенно ясно, что онъ не справится съ дѣломъ, и мнѣ же придется вернуться на старое мѣсто.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отъ моей отставки до новаго назначенія меня Министромъ Финансовъ.

1905—1906.

ГЛАВА I.

Ухудшеніе финансоваго положенія страны. — Обсужденіе Финансовымъ Комитетомъ представленія И. П. Шипова о пріостановленіи золотого размѣна. — Мое отрицательное отношеніе къ этому проекту и присоединеніе Финансоваго Комитета къ моему предложенію не торопиться съ пріостановкой размѣна и подкрѣпить золотой фондъ небольшимъ внѣшнимъ займомъ. — Данное мнѣ Высочайшее порученіе поѣхать во Францію и сдѣланное мнѣ Государемъ заявленіе по вопросу объ Альжезираской конференціи. — Мои переговоры съ банкирами въ Парижѣ. — Пріемъ у Рувье и оказанная имъ поддержка. — Пріемъ у Лубэ. — Заключеніе краткосрочнаго займа.

Ноябрь 1905-го года прошелъ сравнительно мало замѣтно. Я аккуратно посѣщалъ засѣданія Департамента Государственной Экономіи, но они отличались необычною для смутнаго времени монотонностью. Гр. Витте почти не посѣщалъ ихъ. Шиповъ былъ почтителенъ, несловоохотливъ и никому не возражалъ изъ представителей постороннихъ вѣдомствъ, которые въ свою очередь какъ бы олицетворяли объединенность Правительства, очевидно сговариваясь между собою внѣ засѣданій Департамента, и послѣднія проходили чрезвычайно блѣдно и необычайно быстро.

Иной характеръ имѣли весьма частыя въ то время собранія Финансоваго Комитета, въ которомъ я сохранилъ званіе члена. Въ этихъ засѣданіяхъ прежній спокойный и согласованный характеръ смѣнился чрезвычайно нервнымъ подъ вліяніемъ рѣзко измѣнившагося къ худшему финансоваго положенія страны. Собирался Комитетъ по два раза въ недѣлю, и каждый разъ доклады Шипова и Тимашева (по Государственному Банку) носили все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Доходы стали поступать чрезвычайно скудно, подъ вліяніемъ все разраставшагося революціоннаго и забастовочнаго движенія; сберегательныя кассы стали выдерживать систематическую осаду на ихъ средства и ка-

ждый день сталъ давать небывалую до того картину — предъявленнія требованій о выплатѣ вкладовъ золотомъ. Революціонная пропаганда дѣлала свое гибельное для государственнаго кредита и денежнаго обращенія дѣло. Еще такъ недавно казавшееся такимъ солиднымъ и вынесшимъ съ честью военныя испытанія, наше финансовое положеніе становилось все болѣе и болѣе шаткимъ. Государственный Банкъ вынужденъ былъ постоянно увеличивать выпускъ кредитныхъ билетовъ, и эмиссіонное право незамѣтно дошло до своего предѣла. Министръ Финансовъ, очевидно съ вѣдома Предсѣдателя Совѣта, внесъ представленіе о пріостановленіи размѣна и проектъ Указа Сенату объ этомъ, не сопровожденный его почти никакими соображеніями, кромѣ констатированія простого факта — поступилъ на его разсмотрѣніе въ послѣднихъ числахъ ноября. Передъ слушаніемъ дѣла, Графъ Сольскій пригласилъ меня къ себѣ однажды вечеромъ и просилъ высказать откровенное мнѣніе о томъ, что слѣдуетъ предпринять, чтобы предотвратить предложенную мѣру, которая казалась ему просто непріемлемою послѣ того, что мы успѣли справиться съ военною неудачею безъ пріостановленія размѣна и не ввели принудительнаго курса. Я отвѣтилъ ему, что мое положеніе въ Финансовомъ Комитетѣ чрезвычайно деликатное, потому что по опыту прошлаго я знаю, что, чтобы я не сказалъ, я вызову только рѣзкости со стороны Гр. Витте, и всякое мое предложеніе будетъ имъ отвергнуто, какъ не сомнѣваюсь я и въ томъ, что И. П. Шиповъ не рѣшится ни въ чемъ ему противорѣчить, да и положеніе самого Комитета таково, что онъ не можетъ возражать Предсѣдателю Совѣта, у котораго одного въ рукахъ всѣ нити нашего внутренняго положенія, а ключъ къ надвигающейся финансовой катастрофѣ находится исключительно въ томъ, чтобы знать, способно ли Правительство справиться съ революціоннымъ движеніемъ или нѣтъ. Если Московское возстаніе будетъ подавлено, къ чему есть, какъ мнѣ кажется, надежда, то удастся справиться съ движеніемъ и въ другихъ частяхъ Имперіи. Въ такомъ случаѣ, безсмысленно портить то, что удалось сохранить во время войны, и слѣдуетъ думать о томъ, какъ выиграть время, искать напримѣръ подкрѣпленія нашего золотого запаса и не страшиться временнаго усиленія кредитнаго обращенія. Если же правительство не видитъ скораго усмиренія возстанія, то не останется ничего иного, какъ ввести принудительный курсъ, охранить нашъ золотой запасъ и сказать прямо и откровенно въ Указѣ о прекращеніи размѣна, что всѣ платежи заграницею остаются безъ измѣненія и что

внутри размѣнъ будетъ возстановленъ тотчасъ по прекращеніи смуты и возстановленіи желѣзнодорожнаго сообщенія.

Сольскій просилъ меня оставить нашу бесѣду между нами. Третьяго декабря я получилъ приглашеніе на новое засѣданіе Финансоваго Комитета.

Началось это засѣданіе съ доклада Шипова, изложеннаго въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По его словамъ, за одну послѣднюю недѣлю убыло золота изъ внутреннихъ кассъ Государственнаго Банка на 200 милліоновъ рублей. Болѣе половины губернскихъ кассъ не доставило никакихъ свѣдѣній даже на сентябрь, и всѣ онѣ требуютъ подкрѣпленія билетной наличности и усиленія воинской охраны Казначейства, если только будетъ прекращенъ размѣнъ на золото, наличность котораго у нихъ также настолько мала, что ее хватитъ лишь на нѣсколько дней. Министръ Финансовъ заключилъ свой докладъ категорическимъ требованіемъ прекратить размѣнъ и прибавилъ, что Военный Министръ обѣщаетъ усилить нарядъ войскъ, но только въ однихъ губернскихъ центрахъ, такъ какъ по уѣздамъ у него нѣтъ воинской силы.

Гр. Витте былъ молчаливъ и подавленъ и заявилъ только, что онъ не возражаетъ противъ предложенной мѣры, хотя и сознаетъ всѣ ея печальныя послѣдствія.

Гр. Сольскій перевелъ разговоръ на желательность имѣть свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи и развилъ мысль о связи денежнаго обращенія съ нимъ и подробно говорилъ о томъ, какой вредъ нанесетъ нашему кредиту введеніе принудительнаго курса. Не получая отъ Витте прямого отвѣта на его вопросъ, онъ предложилъ отложить засѣданіе на одинъ день и вызвать Министра Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Дурново, для выслушанія его взгляда на этотъ вопросъ. Точно очнувшись отъ сна, Витте сказалъ очень рѣзко: «я отвѣчаю за правительство и не вижу надобности вызывать кого бы то ни было, хотя, скажу, конечно, что съ Москвой мы почти справились, и Дурново увѣряетъ меня, что справится и вездѣ, если я ему дамъ волю, но однѣми пулями все равно управлять нельзя».

Это замѣчаніе дало Гр. Сольскому больше рѣшительности отстаивать свою точку зрѣнія, совпадавшую съ тою, которую я ему изложилъ,—на нежелательность немедленно рѣшать этотъ вопросъ и попытаться спокойно обдумать нѣтъ ли какой-либо возможности еще протянуть время и выяснить, какъ отразится подавленіе Московскаго возстанія на другихъ частяхъ Имперіи, захваченныхъ революціею. Его поддержали почти всѣ члены Комитета. Въ особенности былъ настойчивъ въ смыслѣ заявленія Гр.

Сольскаго — Фришъ и его подерживали Иващенковъ и Черевансκій. Я долгое время въ преніяхъ не участвовалъ и ждалъ случая высказать мои бѣглыя мысли послѣ другихъ. Неожиданно для меня, Гр. Витте, сидѣвшій, какъ разъ противъ меня, протянулъ мнѣ черезъ столъ записку, на которой я, къ удивленію моему, прочиталъ: «Вы видите какой ужасъ кругомъ; я совершенно измученъ и одинокъ, мои нервы истрепаны, и голова отказывается соображать. Вы же отдохнули, голова у Васъ на плечахъ и опытъ большой, помогите же намъ, возьмите дѣло въ Ваши руки».

Я ему тутъ же отвѣтилъ, также карандашною запискою (онѣ долго хранились мною), что совершенно не понимаю, въ чемъ можетъ заключаться моя помощь и какимъ образомъ могу я быть полезенъ, отойдя болѣе мѣсяца отъ дѣла и даже, не зная какъ составленъ расчетъ Министра Финансовъ объ истощеніи эмиссіоннаго права». Не отвѣчая лично мнѣ на мою записку, Витте сталъ болѣе спокойно говорить, что «пожалуй можно и повременить съ такимъ важнымъ рѣшеніемъ, пока нѣсколько выяснится внутреннее положеніе, но это можно сдѣлать только при одномъ условіи, чтобы Финансовый Комитетъ всталъ ближе къ дѣлу и помогъ ему въ такую минуту, такъ какъ лично у него рѣшительно нѣтъ времени все дѣлать самому, а Министръ Финансовъ и Управляющій Государственнымъ Банкомъ сами просятъ, чтобы имъ помогли, такъ какъ онъ не имѣетъ даже возможности принимать ихъ достаточно часто». Тутъ же онъ предложилъ Комитету возложить эту обязанность на меня, не поскупившись на самые льстивые эпитеты о моей опытности, знаніяхъ и авторитетѣ въ глазахъ всего вѣдомства. Его предложеніе было горячо поддержано всѣми членами Комитета, кромѣ Шидловскаго, отнесшагося совершенно безучастно къ нему. Я всячески отказывался, ссылаясь на то, что нельзя ставить посторонняго человѣка руководить вѣдомствомъ въ такую критическую минуту, но на самомъ дѣлѣ, просто желая избѣгнуть щекотливаго положенія, не сулившаго никакихъ практическихъ результатовъ, и только въ виду особыхъ настояній Сольскаго и Фриша согласился попытаться провѣрить расчеты Министра и, въ особенности просмотрѣть отчетность Департамента Казначейства и доложить мои выводы въ ближайшіе дни. Я просилъ при этомъ не возлагать этой работы на меня одного, а поручить ее исполнить вмѣстѣ со мною П. Х. Шванебаху, какъ человѣку совершенно свободному отъ другихъ занятій, — для того, чтобы было меньше личнаго въ моихъ выводахъ. На этомъ всѣ разошлись, постановивши, что черезъ 6 дней —9 -го декабря я представлю все, что успѣю сдѣлать за эти немногіе дни.

На утро ко мнѣ, на Сергіевскую, пришли Шиповъ и Тимашевъ. Оба казались совершенно удовлетворенными принятымъ рѣшеніемъ, — первый, какъ онъ самъ сказалъ, оттого, что съ него снимается отвѣтственность за скверную мѣру, а послѣдній, оставшійся нѣсколько минутъ послѣ ухода Шипова, оттого, что «есть съ кѣмъ переговорить и посовѣтоваться потому что Шиповъ ничего самъ не рѣшаетъ, идетъ къ Предсѣдателю Совѣта, сидитъ у него часами и, не дождавшись пріема, возвращается ни съ чѣмъ».

Свиданіе мое съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново, на другой день, выяснило, что Московское возстаніе въ сущности уже ликвидировано, и Министръ убѣжденъ, что и въ другихъ мѣстахъ онъ справится безъ особаго труда, если — сказалъ онъ — «Витте не будетъ слушать всякихъ сплетень разныхъ общественныхъ дѣятелей и перестанетъ бороться съ возстаніемъ газетными статьями и безконечными совѣщаніями съ пустыми болтунами».

Работа моя съ Департаментомъ Государственнаго Казначейства и Государственнымъ Банкомъ выяснила, что за полтора мѣсяца въ сущности никакой отчетности въ центральномъ управленіи нѣтъ изъ-за почтовой и желѣзнодорожной забастовки и выводы о денежномъ обращеніи, быть можетъ и вѣрные, сдѣланы относительно всей Россіи на основаніи данныхъ, полученныхъ изъ меньшинства Казенныхъ Палатъ. Отсюда само по себѣ напрашивалось заключеніе, что строить выводы для всѣхъ мѣстностей по тѣмъ, которыя захвачены паникою и возстаніемъ, неосторожно, и нужно ждать, когда прояснится горизонтъ, а пока снабжать кредитными билетами тѣ мѣстности, которыя доступны для сообщенія, и охранять казначейства въ мѣстахъ наиболѣе опаснаго настроенія. Выяснилось также, что много денегъ требовалось на Востокѣ для демобилизуемыхъ войсковыхъ частей, въ то время, какъ рядомъ у другихъ воинскихъ частей были большіе излишки, которыхъ онѣ почему-то не хотѣли сдавать въ Казначейства. Все это, вмѣстѣ взятое, конечно, было неполно, да и добиться полноты не было никакой возможности въ ничтожной шестидневный срокъ, но общій выводъ о томъ, что спѣшить съ принятіемъ окончательнаго рѣшенія не слѣдовало, былъ повидимому вѣренъ и къ нему охотно примкнулъ и Государственный Банкъ и Департаментъ Казначейства. Лично Шиповъ продолжалъ, однако, считать пріостановку размѣна и расширеніе эмиссіоннаго права предпочтительнымъ, но по свойству своей натуры избѣгалъ опредѣленно высказывать свой взглядъ, предоставляя Предсѣдателю Совѣта, или Предсѣдателю Финансоваго Комитета рѣшать, по ихъ

8*

усмотрѣнію, и выражая полную готовность выполнить затѣмъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ ихъ заключеніе.

Девятаго декабря, въ пятницу, снова собрался Финансовый Комитетъ. Я доложилъ результаты нашего предварительнаго изслѣдованія. Шванебахъ категорически присоединилъ къ нимъ свою точку зрѣнія, Шиповъ продолжалъ отстаивать свою, съ полною правда корректностью, а я развилъ, въ заключеніе, ту мысль, которую уже сообщилъ ранѣе Графу Сольскому о необходимости не торопиться съ пріостановкою размѣна и попытаться подкрѣпить нашъ золотой фондъ, какъ основу нашего денежнаго обращенія, хотя бы небольшимъ внѣшнимъ займомъ, который далъ бы намъ возможность усилить выпускъ кредитныхъ билетовъ безъ нарушенія нашего строгаго эмиссіоннаго закона и выиграть время, которое покажетъ вѣроятно въ недалекомъ будущемъ, справимся ли мы съ революціоннымъ движеніемъ или нѣтъ. Я аргументовалъ между прочимъ тѣмъ, что необходимость внѣшняго займа вызывается и ликвидаціею войны, которая оставитъ послѣ себя несомнѣнно непогашенные счета, и такимъ образомъ, небольшой заемъ данной минуты служилъ бы для двоякой цѣли: не допустить введенія принудительнаго курса, то есть разрушить введенное у насъ съ такимъ трудомъ денежное обращеніе и получить нѣкоторый авансъ въ счетъ неизбѣжнаго большого ликвидаціоннаго займа.

Мое предложеніе было горячо поддержано всѣми членами Финансоваго Комитета, безъ всякаго исключенія. Даже Н. В. Шидловскій присоединился къ нему безъ обычныхъ его оговорокъ. Гр. Витте назвалъ мою мысль блестящей и тутъ же сказалъ, что никто, кромѣ меня, не можетъ исполнить этой задачи, чрезвычайно трудной въ эту минуту, потому что Европа крайне встревожена нашею смутою и безъ особыхъ съ нашей стороны усилій вѣроятно не пойдетъ намъ навстрѣчу. Я доказывалъ всѣми доступными мнѣ аргументами, что это дѣло не мое, бывшаго Министра, а исключительно нынѣшняго, который одинъ можетъ имѣть авторитетъ въ глазахъ рынка, тѣмъ болѣе, что мой авторитетъ уже подорванъ неудачею попытки начала Октября, послѣ чего положеніе стало еще менѣе выгодно для меня оставленіемъ мною поста Министра въ первомъ кабинетѣ новой формаціи. Меня разубѣждали, и мы разошлись, не придя ни къ какому рѣшенію.

Прошло нѣсколько дней, вѣроятно не больше двухъ-трехъ. Впервые послѣ нашей размолвки, Витте позвонилъ ко мнѣ рано утромъ по телефону и спросилъ меня: настолько ли я формализи-

рую́сь, что онъ долженъ пріѣхать ко мнѣ или же онъ можетъ просить меня пріѣхать къ нему по очень важному дѣлу, такъ какъ его выѣзды сопряжены съ большимъ рискомъ.

Я согласился пріѣхать къ нему и въ тотъ же день впервые былъ у него въ запасномъ помѣщеніи Зимняго дворца. Онъ сталъ всячески уговаривать меня поѣхать заграницу, помочь Шипову, который прямо заявилъ ему, что ни въ какомъ случаѣ не возьметъ на себя этого порученія и предпочтетъ подать въ отставку, нежели взяться за то, чего не въ состояніи выполнить. Я снова повторилъ ему мой отказъ, объяснивши, что, принимая его, я тѣмъ самымъ далъ бы право говорить, что я подстроилъ всю комбинацію, чтобы прокатиться заграницу на казенный счетъ, а затѣмъ, въ случаѣ неуспѣха на меня же посыплются обвиненія либо въ неумѣлости, либо даже — въ худшемъ — въ желаніи повредить дѣлу изъ-за личнаго самолюбія, затронутаго увольненіемъ меня отъ должности. На всѣ мои аргументы, Витте отвѣтилъ мнѣ однимъ: «а если Государь этого пожелаетъ, — Вы тоже откажетесь». Я отвѣтилъ: «Нѣтъ, Государю я не могу ни въ чемъ отказать, только я Ему скажу откровенно, насколько неправильно возлагать такое щекотливое дѣло на человѣка, пережившаго все, что я пережилъ за послѣдніе три мѣсяца».

На слѣдующій день вечеромъ, — 13-го или 14-го декабря, Витте опять просилъ меня пріѣхать къ нему, сказавши, что онъ только что вернулся отъ Государя и имѣетъ передать мнѣ желаніе Его Величества.

Я засталъ его въ самомъ подавленномъ состояніи духа. Онъ шагалъ по длинному кабинету, выходившему окномъ на Неву, и когда я вошелъ, то протянулъ руку со словами: «можно ли говорить съ Вами, по старому, какъ съ человѣкомъ, котораго я всегда любилъ и уважалъ, или между нами не можетъ быть болѣе никакой откровенной бесѣды». Я сказалъ ему: «къ чему такая бесѣда, наши пути разошлись, Вы нанесли мнѣ цѣлый рядъ незаслуженныхъ оскорбленій, я отошелъ въ сторону, никому я зла не дѣлалъ и ни на кого злобы больше не питаю, а прошлыхъ отношеній все равно не вернуть». «Пусть будетъ такъ, — отвѣтилъ мнѣ Витте, — «но если бы Вы знали въ какомъ безвыходномъ положеніи я нахожусь, я думаю порою наложить на себя руки, и въ такіе минуты я перебираю мое прошлое и знаю, что я виноватъ передъ Вами, я былъ глубоко несправедливъ по отношенію къ Вамъ и еще сегодня сказалъ Государю какъ мнѣ это больно и обидно. Можетъ быть настанетъ и даже скоро время, что мнѣ удастся уйти изъ моей каторги, и тогда я скажу публично какъ

неправъ я былъ противъ Васъ, теперь же я прошу Васъ не отказывайте Государю въ его желанiи, изъ-за меня, и не думайте, что я припишу неудачу Вашему мстительству (его подлинное слово), а если Вамъ нужно, чтобы я сказалъ это Вамъ въ присутствiи Государя и что я каюсь въ моей неправотѣ передъ Вами, то я буду счастливъ сдѣлать это». Я попросилъ его не вводить болѣе Государя въ этотъ несчастный вопросъ, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что Онъ и самъ хорошо это знаетъ, и обѣщалъ быть, какъ всегда, честнымъ передъ Государемъ. Мы разстались на этомъ, и я обѣщалъ прямо изъ Царскаго Села поѣхать къ нему.

Государь принялъ меня на слѣдующiй день, 15-го декабря, предупредивши меня черезъ своего Камеръ-лакея, чтобы я прiѣхалъ въ докладной формѣ, то есть не въ мундирѣ, а въ вицъ-мундирѣ, какъ я ѣздилъ съ моими обычными докладами.

Въ томъ же кабинетѣ, въ которомъ Онъ принималъ меня столько разъ, принялъ Онъ меня съ его обычною простотою и привѣтливостью и первымъ его словомъ было: «вотъ опять я вижу Васъ у себя и очень радъ этому. Какъ видите, Я былъ правъ, когда говорилъ Вамъ, что мы скоро опять увидимся съ Вами и вотъ вышло такъ, что тѣ, кто настаивалъ на Вашемъ увольненiи, они же просятъ Меня сдѣлать такъ, чтобы Вы помогли имъ и Мнѣ въ трудную минуту. Я знаю, что Вы не откажете мнѣ, и увѣренъ, что сдѣлаете все, что только возможно, чтобы выручить насъ изъ тяжелаго положенiя». Я отвѣтилъ, что никогда у меня и мысли нѣтъ, чтобы не исполнять Его желанiя, но я боюсь, что мнѣ не удастся ничего сдѣлать, и просилъ только, въ случаѣ неудачи, не думать, что я не приложилъ всѣхъ усилiй, чтобъ достигнуть успѣха, а тѣмъ болѣе, что я буду сводить съ кѣмъ либо мои счеты, къ ущербу Его, Государя. Я развилъ всѣ тѣ аргументы, которые высказалъ въ Финансовомъ Комитетѣ, указалъ на трудность нашего положенiя, на мою личную слабость въ глазахъ заграничныхъ банковскихъ дѣятелей, какъ человѣка, не имѣющаго офицiальнаго положенiя и въ особенности на наше расшатанное внутреннее положенiе, которое учитывается заграницею самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ.

Государь задумался и затѣмъ скорѣе въ видѣ вопроса нежели въ видѣ своего личнаго соображенiя, спросилъ меня: «а какъ Вы думаете, не можетъ ли помочь дѣлу, если Я предоставлю Вамъ передать французскому правительству, что я придаю особое значенiе успѣху возложеннаго на Васъ порученiя и готовъ и съ своей стороны поддержать его въ той формѣ, которая ему сейчасъ наи-

болѣе желательна. Положеніе Франціи очень нелегкое и можетъ быть наша помощь ей особенно теперь нужна».

Я не успѣлъ еще дать моего отвѣта, какъ Государь, продолжая свою мысль, добавилъ: «вотъ теперь начинается на дняхъ Альжезираская Конференція. Я думаю, что моя поддержка, особенно ясно заявленная Французскому правительству, помимо обыкновенной предачи черезъ Министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна».

Я обѣщалъ воспользоваться этою мыслью, если бы по ходу дѣла это оказалось полезно, и еще разъ просилъ Государя вѣрить мнѣ, что я сдѣлаю все мнѣ доступное, но прошу не судить меня въ случаѣ моего неуспѣха. Отпуская меня отъ себя Государь сказалъ мнѣ на прощанье: «Вашъ преемникъ мнѣ очень симпатиченъ, онъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ, но я никакъ не могу привыкнуть къ его манерѣ докладывать, онъ все старается мнѣ объяснить самыя мелкія подробности, а когда я не соглашаюсь съ его предложеніемъ, то онъ сейчасъ же отказывается отъ него и переходитъ на мою мысль, хотя бы Я высказалъ ее вскользь, только для того, чтобы услышать его возраженіе».

Черезъ два дня я выѣхалъ въ сопровожденіи моего бывшаго Секретаря Л. Ф. Дорліака, и въ Парижъ мы прибыли подъ вечеръ Новаго Года по новому стилю.

Встрѣтилъ насъ Финансовый Агентъ Рафаловичъ и представитель русской финансовой группы Нетцлинъ и отвезли насъ въ приготовленное для меня крошечное помѣщеніе внизу гостиницы Бристоль, на Вандомской площади. Теперь ни этой гостиницы, ни этого симпатичнаго помѣщенія болѣе нѣтъ. На ихъ мѣстѣ устроился Американскій Банкъ.

Нетцлинъ встрѣтилъ меня въ самомъ мрачномъ настроеніи и заявилъ мнѣ, что представители всѣхъ Банковъ русской группы относятся самымъ отрицательнымъ образомъ къ полученному уже ими чрезъ Парижско-Нидерландскій Банкъ сообщенію Гр. Витте о цѣли моего пріѣзда, не вѣрятъ газетнымъ сообщеніямъ о ликвидаціи московскаго возстанія и увѣрены въ томъ, что оно снова разгорится, о чемъ громко заявляютъ заграничные русскіе революціонные круги. По его словамъ, только французское правительство можетъ склонить ихъ отказаться отъ ихъ рѣшенія и то, при условіи, что правительство дастъ банкамъ моральную гарантію за то, что они не потеряютъ своихъ денегъ.

На другой день меня посѣтилъ глава Ліонскаго Кредита, 80-ти лѣтній Мазера, прибывшій ко мнѣ въ сопровожденіи такъ называемыхъ «двухъ зятьевъ» основателя Ліонскаго Кредита

Г. Жермена — Г. Г. Фабръ-Люса и Барона Бренкара. Въ ту пору всѣ дѣловыя посѣщенія дѣлались Ліонскимъ Кредитомъ не иначе какъ этимъ тріумвиратомъ, настолько Мазера былъ уже дряхлъ, но не желалъ все-таки выпускать дѣла изъ своихъ рукъ, а «зятья» слѣдили за тѣмъ, чтобы ихъ глава не сдѣлалъ какой-либо неосторожности отъ имени Банка.

Бесѣда моя съ Мазера носила крайне тягостный характеръ. Очевидно подготовленный предыдущими совѣщаніями и наставленіями его сотрудниковъ, онъ предупредилъ меня въ моемъ изложеніи и старался доказывать, что Россіи не слѣдуетъ вовсе заключать внѣшняго займа и стараться удержать свое золотое обращеніе, что еще весьма недавно онъ слышалъ отзывъ такого знаменитаго ученаго, какъ академикъ Леруа-Болье, который строго критиковалъ меня, какъ бывшаго Министра Финансовъ за мою политику удержать золотое обращеніе во время войны, и что теперь нужно только воспользоваться представившимся революціоннымъ движеніемъ, чтобы исправить ошибку и ввести принудительный курсъ кредитнаго рубля. Баронъ Бренкаръ молчалъ, а Фабръ-Люсъ авторитетно развивалъ точку зрѣнія своего патрона, доказывая, что никакой бѣды отъ того не произойдетъ и Россія вернется снова къ золотому обращенію какъ только обстоятельства улучшатся.

Долго старался я убѣждать ихъ, доказывая избитыя истины, что послѣ того, что Росія избѣгла финансовой катострофы — разрушенія своей денежной системы — за время войны, — нельзя идти на нее подъ вліяніемъ мѣстныхъ внутреннихъ волненій, къ тому же почти ликвидированныхъ. — Я показалъ полученную мною отъ Министра Финансовъ депешу, что Москва окончательно успокоена, и все движеніе идетъ рѣзко на убыль, — доказывалъ моимъ слушателямъ, что они потеряютъ въ первую голову, такъ какъ всѣ фонды рухнутъ и всѣ держатели внѣшнихъ займовъ потеряютъ больше кого-либо, что послѣ почти 10-ти лѣтъ блестящей устойчивости денежнаго обращенія снова наступитъ та же денежная анархія, которая такъ долго царила въ Россіи до 1897-го года. Но всѣ мои доводы успѣха не имѣли, и мои собесѣдники оставались совершенно къ нимъ глухи. Мазера дошелъ даже до того, что съ величайшей серьезностью доказывалъ мнѣ, что на иностранныя биржи отмѣна золотого обращенія не произведетъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ по внѣшнимъ займамъ Россія, во всякомъ случаѣ, будетъ платить золотомъ. На вопросъ же мой, откуда возьметъ она золото послѣ разстройства своего денежнаго обращенія и какая страна станетъ помѣщать свои

сбереженія въ неустойчивую бумажную валюту, — я отвѣта не получилъ и видѣлъ совершенно ясно, что всѣ мои разсужденія напрасны. и я имѣю дѣло съ заранѣе состоявшимся рѣшеніемъ.

Присутствовавшій при моихъ разговорахъ Рафаловичъ подтвердилъ мое впечатлѣніе и совѣтовалъ болѣе не ждать какого-либо прока отъ переговоровъ съ банкирами, а стараться опереться на правительство, которое просто убѣдитъ ихъ пойти навстрѣчу нашему желанію, въ особенности, если я буду настаивать не на крупномъ консолидированномъ займѣ, а на какой-либо формѣ краткосрочнаго и притомъ сравнительно небольшой суммы займа, достаточной для того, чтобы не прекращать размѣна на короткій срокъ пока у насъ улягутся внутреннія осложненія и наступитъ возможность говорить въ болѣе спокойной обстановкѣ о заключеніи крупнаго ликвидаціоннаго займа долгосрочнаго типа. Я высказалъ тутъ же мою личную мысль о томъ, что проще всего было бы, не изобрѣтая чего-либо новаго, предложить правительству и банкирамъ сдѣлать тоже самое, что было сдѣлано годъ тому назадъ на берлинскомъ рынкѣ, то есть выпустить заемъ въ формѣ краткосрочныхъ обязательствъ, на одинъ или, если это удастся, на два года, нѣсколько повышенной доходности, напримѣръ 5½ процентной, съ скромной банкирской провизіей и въ суммѣ не свыше 200 милліоновъ рублей или 500 милліоновъ франковъ.

Рафаловичъ нашелъ мою комбинацію совершенно правильною, но выразилъ лишь сомнѣніе по части размѣра такого краткосрочнаго займа и совѣтовалъ мнѣ ограничиться меньшею цифрою, если только это возможно, по нашимъ внутреннимъ потребностямъ. Мы разстались на томъ, что онъ постарается устроить мнѣ какъ можно скорѣе аудіенцію у Рувье, предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ, предупреждая меня, что онъ имѣетъ огромное вліяніе на банкировъ и то, что онъ найдетъ разумнымъ, — будетъ безпрекословно принято ими. Нашего посла во Франціи А. И. Нелидова въ то время не было въ Парижѣ. Онъ былъ на Ривьерѣ и спросилъ меня телеграммою долженъ ли онъ немедленно пріѣхать или можетъ провести еще нѣсколько дней, такъ какъ чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Рафаловичъ увѣрилъ меня, что свиданіе съ Рувье будетъ имъ немедленно устроено. Я просилъ нашего посла пока не тревожиться пріѣздомъ, обѣщая ему держать его въ курсѣ моихъ занятій. На другой день я получилъ отъ Рафаловича увѣдомленіе, что Рувье приметъ меня въ пять часовъ вечера. Въ назначенное время, впервые, пришелъ я въ великолѣпное помѣ-

щеніе на набережной Орсэ, въ которомъ впослѣдствіи мнѣ приходилось такъ часто бывать. Меня не хотѣли пускать, говоря, что Предсѣдатель Совѣта на охотѣ и сегодня вовсе не будетъ въ Министерствѣ; я просидѣлъ въ ожиданіи его до 7-ми часовъ и собирался было уже уходить, какъ меня позвали въ кабинетъ и передо мною предстала грузная фигура человѣка огромнаго роста, съ непривѣтливымъ лицомъ, въ охотничьемъ костюмѣ съ медленною, какъ будто, съ просонья рѣчью. Онъ предложилъ мнѣ объяснить, что привело меня въ Парижъ, такъ какъ изъ сообщенія посла онъ знаетъ только о моемъ пріѣздѣ, но чѣмъ онъ вызванъ, — ему совершенно неизвѣстно. Онъ вставилъ только, что какъ бывшій Министръ Финансовъ онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за моею дѣятельностью во время войны и можетъ только сказать, что Франція не поступила бы такъ, какъ поступила Россія, и въ день объявленія войны ввела бы принудительный курсъ. Онъ указалъ при этомъ на желѣзный шкафъ въ углу его кабинета, прибавивши, что въ немъ уже лежитъ готовый декретъ о прекращеніи размѣна, подписанный Президентомъ Республики, и не достаетъ только контръ-ассигнованія его Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и даты его изданія.

Спокойно выслушавъ меня, онъ сказалъ мнѣ: «я увѣренъ, что наши Банки очень неохотно пойдутъ на Ваше домогательство, но я надѣюсь убѣдить ихъ въ необходимости помочь Вамъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ не стоило удерживать денежное обращеніе съ такимъ трудомъ и даже искусствомъ во время неудачной войны, чтобы разомъ разрушить его подъ вліяніемъ внутренней смуты, которая къ тому же, повидимому, подавлена. Нашъ посолъ въ С.-Петербургѣ телеграфируетъ каждый день, что Ваше правительство беретъ верхъ. Не будьте слишкомъ требовательны, удовольствуйтесь небольшою суммою, въ видѣ краткосрочнаго займа, а потомъ, когда всѣ убѣдятся въ томъ, что правительство сильнѣе революціи, наши же банки и наша публика, которая сейчасъ въ паникѣ, охотно пойдетъ на консолидированную операцію, и Вы заключите ее выгоднѣе для Васъ, нежели заключили бы теперь.

Я передалъ Рувье то, что говорилъ наканунѣ Рафаловичу. Онъ сказалъ мнѣ, что ничего противъ этого не имѣетъ и готовъ быть моимъ посредникомъ передъ Банками, совѣтуя мнѣ не вступать съ ними въ предварительные переговоры, пока онъ не дастъ мнѣ знать, что ему удалось сломить ихъ нерасположеніе.

Затѣмъ, Рувье сказалъ мнѣ буквально слѣдующее:

«Я буду Вашимъ адвокатомъ, но и Вы помогите мнѣ въ томъ, что насъ такъ заботитъ. На дняхъ начинается конференція въ Альжезирасѣ. Я увѣренъ, что Россія будетъ съ нами, но для насъ важно, чтобы мы могли расчитывать не только на благожелательное отношеніе ея, но имѣли увѣренность въ томъ, что ея представитель не станетъ сноситься съ своимъ правительствомъ въ какой-либо острый моментъ переговоровъ, но займетъ сразу опредѣленное положеніе на нашей сторонѣ, и всей конференціи будетъ ясно, что мы поддержаны Россіею и можемъ опереться на ея слово. Я говорю Вамъ это какъ Предсѣдатель Совѣта и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и убѣдительно прошу Васъ передать по телеграфу мой разговоръ Вашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ и просить его дать инструкціи Вашему представителю».

Въ отвѣтъ на это, я передалъ Рувье то, что было мнѣ сказано Государемъ по его личному почину, сказалъ, что говорю ему это совершенно открыто и офиціально, что такое распоряженіе Государя уже извѣстно Графу Ламсдорфу, несомнѣнно сообщено имъ нашему представителю на конференціи и не нуждается въ новомъ моемъ сношеніи. Я прибавилъ, что если онъ желаетъ, я готовъ подтвердить это письмомъ, принимая на себя всю отвѣтственность за мое заявленіе, на что меня уполномачиваетъ и мое званіе Статсъ-Секретаря Государя, независимо отъ сознаваемой мною личной моей моральной отвѣтственности. Рувье удовольствовался моими словами и прибавилъ шутливо: «Теперь мы съ Вами заключили договоръ, Вы уже выполнили Ваше обязательство, дѣло за мной, и я увѣренъ, что я его также честно выполню какъ Вы свое. Я не обѣщаю Вамъ дать отвѣтъ непремѣнно завтра, но послѣзавтра Вы конечно услышите обо мнѣ. Когда же Вы вернетесь домой, доложите Его Величеству, что правительство Республики глубоко тронуто тѣмъ, какъ тонко оцѣнилъ Императоръ наше трудное положеніе и какую неоцѣненную услугу Онъ намъ оказываетъ, обезпечивая, конечно, сохраненіе мира, такъ какъ на конференціи мы выступимъ компактною массою противъ нашихъ противниковъ, всегда расчитывающихъ на наше несогласіе».

Пріемъ меня Президентомъ Республики Лубэ былъ особенно любезенъ. Я пробылъ у него почти цѣлый часъ, и не могу не отмѣтить, что у него какъ и Рувье, я нашелъ совершенно иное отношеніе, нежели въ первый день у банкировъ. Онъ отлично понималъ всю необходимость для насъ сохранить наше денежное обращеніе и сказалъ мнѣ безъ всякихъ фразъ, что если Рувье обѣщалъ мнѣ свою помощь, то я могу быть совершенно увѣренъ въ

успѣхѣ, а готовность нашего Государя помочь Франціи въ Альжезирасѣ обезпечиваетъ заранѣе ей сохраненіе мира и обязываетъ ее всѣми доступными ей средствами помогать своей союзницѣ въ ея внутреннихъ затрудненіяхъ и въ переживаемомъ финансовомъ кризисѣ».

Я тотчасъ же телеграфировалъ Гр. Витте о свиданіи съ Рувье и о пріемѣ Президентомъ Республики.

Предсказанія Рувье сбылись со всею точностью.

На слѣдующій день я никого не видалъ изъ банковскихъ дѣятелей. Въ нашемъ посольствѣ я передалъ совѣтнику Неклюдову весь разговоръ какъ съ Рувье, такъ и съ Президентомъ, просилъ его тотчасъ же сообщить его въ Министерство и на вопросъ его, не нужно ли вызывать изъ Ниццы А. И. Нелидова сказалъ, что пока нѣтъ въ этомъ надобности, такъ какъ это дѣло взялъ въ свои руки Рувье и его помощь, конечно, гораздо существеннѣе, нежели наши съ посломъ усилія. Подъ вечеръ ко мнѣ пришелъ Нетцлинъ и повторилъ только, что лично онъ и его Банкъ готовы идти навстрѣчу нашимъ желаніямъ, но сопротивленіе Ліонскаго Кредита, Національной Учетной Конторы и даже Банка Готтингера, всегда уступчиваго, таково, что сломить его можетъ только прямое вмѣшательство Правительства. Я не сказалъ ему, что имѣю уже на этотъ счетъ прямое обѣщаніе Рувье и жду результатовъ его вмѣшательства.

На слѣдующій день, пятый день моего пребыванія въ Парижѣ, произошла полная перемѣна декорацій. Утромъ Рафаловичъ сказалъ мнѣ, что Нетцлинъ, Мазера, Ульманъ, Доризонъ и Баронъ Готтингеръ получили приглашеніе явиться въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и его запросилъ первый изъ названныхъ лицъ, не извѣстно ли ему, зачѣмъ именно ихъ зовутъ, такъ какъ никто изъ нихъ не сомнѣвается, что вызовъ ихъ находится въ связи съ моимъ пріѣздомъ. Рафаловичъ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ, какъ сказалъ и то, что ему ничего неизвѣстно, было ли вчера у меня свиданіе съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Послѣ завтрака, около трехъ часовъ, ко мнѣ опять пріѣхалъ Нетцлинъ, сказалъ безъ всякихъ околичностей, что ихъ группу вызвалъ сегодня утромъ Рувье и прямо заявилъ, что онъ проситъ ихъ исполнить то, что составляетъ предметъ моего пріѣзда, тѣмъ болѣе, что ему въ точности извѣстно какимъ размѣромъ займа, и какимъ его характеромъ я удовольствуюсь, и они рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ сохранивши въ портфелѣ Банковъ ничтожную сумму въ какіе-нибудь 300 милліоновъ франковъ русскихъ госу-

дарственныхъ обязательствъ, въ теченіе даже одного года подобно тому, какъ годъ назадъ Германія, чрезъ посредство Дома Мендельсона согласилась учесть такія точно обязательства, — и притомъ на бо̀льшую сумму. Эта сумма либо будетъ включена въ будущій большой заемъ, либо выплачена русскою казною изъ ея золотого запаса, если бы обстоятельства не позволили заключить консолидированнаго займа.

По его словамъ, Ліонскій Кредитъ попробовалъ было возражать и доказывать, что для французскихъ банковъ совсѣмъ ненужно золотого обращенія въ Россіи, но его попытка вызвала такое рѣшительное возраженіе со стороны Рувье и такую энергичную реплику, что устойчивое положеніе денежнаго обращенія въ Россіи нужно для Франціи и для ея правительства, что вся оппозиція смолкла, и представители нашей группы заявили, что они готовы войти со мною въ переговоры, лишь бы я не требовалъ слишкомъ большой суммы и не связывалъ ихъ прямымъ обязательствомъ заключить большой заемъ при полной неизвѣстности того, чѣмъ кончится революціонное движеніе въ Россіи.

Въ тотъ же день, въ пятомъ часу мы собрались въ помѣщеніи Парижско-Нидерландскаго Банка и въ половинѣ восьмого принципіальное соглашеніе между нами было достигнуто. Банки согласились выпустить, или вѣрнѣе, сохранить въ своемъ портфелѣ краткосрочныя обязательства на одинъ годъ, на сумму въ 267 милліоновъ франковъ. Процентъ по нимъ выговоренъ тотъ же какъ и по аналогичному займу предыдущаго года въ Германіи, то есть 5½%. Выручка по займу поступаетъ тотчасъ же въ распоряженіе русскаго правительства, но оно обѣщаетъ, не выдавая впрочемъ никакого письменнаго обязательства, оставить всю сумму во Франціи, для платежей по своимъ обязательствамъ. Не мало крови испортили мнѣ всякія второстепенныя требованія банкировъ и ихъ постоянныя колебанія въ деталяхъ. О каждомъ моемъ шагѣ я телеграфировалъ либо Гр. Витте, либо Шипову и постоянно получалъ подтвержденіе ихъ полной солидарности со мною. Одинъ пакетъ моихъ депешъ и отвѣтовъ на нихъ, при томъ далеко не полный, напечатанныхъ въ 6 и 7 томахъ Краснаго Архива, лучше моихъ личныхъ воспоминаній, говоритъ о характерѣ моихъ переговоровъ и пережитыхъ мною трудностяхъ. Банки удовольствовались вполнѣ приличною по своей скромности и по условіямъ времени переговоровъ комиссіею, и мы условились на другой же день подписать договоръ, съ тѣмъ, что онъ вступаетъ въ силу тотчасъ по моемъ заявленіи, что русское правительство его одобряетъ. Такъ оно и было сдѣлано.

Вечеромъ я послалъ шифрованную телеграмму Гр. Витте и уже въ половинѣ слѣдующаго дня получилъ отъ него чрезвычайно любезную депешу, съ поздравленіемъ съ неожиданно достигнутымъ успѣхомъ и съ заявленіемъ, что онъ немедленно доложитъ Государю и не сомнѣвается въ томъ, что Его Величество будетъ радъ лично благодарить меня.

Разныя второстепенныя препирательства по изложенію контракта потребовали еще двухъ дней времени, и только 9-го января новаго стиля я выѣхалъ изъ Парижа.

ГЛАВА II.

Прiѣздъ въ Берлинъ и свиданiе съ Императоромъ Вильгельмомъ. — Возвращенiе въ Петербургъ. — Кутлеръ и его проектъ принудительнаго отчужденiя земли. — Бесѣда съ гр. Витте и прiемъ Государемъ. — Улучшенiе финансоваго положенiя страны. — Первая бесѣда съ гр. Витте о ликвидацiонномъ займѣ. — Совѣщанiе по разсмотрѣнiю положенiя о Государственной Думѣ и по измѣненiю Учрежденiя Государственнаго Совѣта. — Выступленiя Гр. Витте по вопросамъ о публичности засѣданiй и о прохожденiи законопроектовъ черезъ Думу и Государственный Совѣтъ.

Я прибылъ въ Берлинъ 10-го января, гдѣ и остановился всего на два дня, чтобы переговорить съ Мендельсономъ объ отсрочкѣ погашенiя нѣкоторой части краткосрочныхъ обязательствъ 1905 года, приходившихся на январь-мартъ 1906 года и, въ особенности, исполнить приказанiе Государя — представиться Императору Германскому и объяснить ему цѣль моей поѣздки въ Парижъ и устранить ложныя толкованiя о ней. Я забылъ упомянуть, что во время аудiенцiи передъ моимъ отъѣздомъ, Государь сказалъ мнѣ, что обостренiя между Францiей и Германiей по вопросу о Танжерѣ его настолько безпокоятъ, что Онъ не желалъ бы ихъ усугублять, давая пищу выдумывать, что на меня возложено какое-либо политическое порученiе, и что Онъ предпочитаетъ прямо и откровенно изложить черезъ меня для чего именно я былъ въ Парижѣ и что мною тамъ сдѣлано. Я захватилъ даже съ собою въ дорогу малый мундиръ, а передъ отъѣздомъ телеграфировалъ нашему послу въ Берлинѣ Графу Остенъ-Сакену о времени моего прiѣзда, о чемъ онъ былъ впрочемъ предупрежденъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Принялъ меня Императоръ въ день моего прiѣзда и не особенно милостиво. Мнѣ пришлось ждать его порядочно времени, такъ какъ онъ долго не возвращался изъ своей прогулки по

Тиргартену. Погода была отвратительная. Въ той комнатѣ Большого дворца, въ которой мнѣ пришлось прождать добрыхъ ¾ часа, была прямая стужа. Никого изъ свиты при этомъ не было, и только одинъ Лейбъ-Егерь дежурилъ у дверей. Когда Императоръ вернулся во дворецъ, гдѣ онъ несомнѣнно не проживалъ, — настолько онъ имѣлъ нежилой видъ,—меня ввели въ такъ называемую «звѣздную залу» (Штерненъ-Залъ), неуклюжую комнату, всю заставленную посрединѣ витринами съ моделями военныхъ судовъ и съ голубымъ потолкомъ, украшеннымъ золотыми звѣздами. Откуда и названіе звѣздной залы. Не снимая легкой шинели, Императоръ спросилъ меня, согласенъ ли я ходить по комнатѣ и вести бесѣду на ходу, такъ какъ онъ прозябъ, а топить помѣщенія не стоитъ. Конечно, я согласился, и мы болѣе получаса ходили вдоль этой комнаты.

Когда я объяснилъ Императору порученіе Государя и въ связи съ нимъ то, что я дѣлалъ въ Парижѣ и чего достигъ, онъ довольно сухо и безучастно сказалъ: «Я не большой финансистъ и не совсѣмъ понимаю, почему Россіи такъ нужно заботиться о своей денежной системѣ, когда у нея столько другихъ заботъ» и затѣмъ разомъ перешелъ къ совершенно другому вопросу, видимо постоянно занимавшему его вниманіе: «Скажите, пожалуйста, Господинъ Статсъ-Секретарь, неужели Вы не считаете просто дикимъ, что среди общаго развала, среди постоянныхъ волненій, которыя могутъ снести все, что есть еще консервативнаго въ Европѣ, двѣ Монархическія страны не могутъ соединиться между собою, чтобы составить одно плотное ядро и защищать свое существованіе. Развѣ это не прямое безуміе, что вмѣсто этого, Монархическая Россія черезъ голову Монархической же Германіи ищетъ опоры въ Революціонной Франціи и вмѣстѣ съ нею идетъ всегда противъ своего естественнаго и историческаго друга».

Мнѣ пришлось конечно уклониться отъ удовлетворительнаго отвѣта на такой неисчерпаемый, по исторической его важности, вопросъ и только сказать Императору, что Ему лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, какія событія въ исторіи взаимныхъ отношеній двухъ Имперій измѣнили за послѣднюю четверть вѣка то, что было такъ опредѣленно и прочно на пространствѣ цѣлыхъ столѣтій и — перейти затѣмъ къ передачѣ нѣкоторыхъ подробностей того, что происходило у насъ до моего выѣзда изъ Россіи. Императора Вильгельма особенно интересовалъ вопросъ о томъ, извѣстна ли мнѣ программа политики Графа Витте по рабочему вопросу и какими мѣрами думаетъ онъ справиться съ нашимъ движеніемъ.

среди рабочихъ, которое отнюдь не имѣетъ чисто русскаго характера, а представляетъ собою совершенно ясно выраженное міровое явленіе пробудившагося стремленія соціалистовъ объявить безпощадную войну капиталу и всему буржуазному строю. Мнѣ пришлось отвѣтить Императору, что я совершенно не посвященъ въ планы Гр. Витте и не могу дать Ему какого-либо отвѣта на поставленный мнѣ вопросъ, но полагаю, что чисто революціонное движеніе среди фабричныхъ рабочихъ уляжется, если только русскому правительству удастся справиться съ Московскимъ возстаніемъ и быстро завершить демобилизацію возвращающихся изъ Сибири войскъ. «Я имѣю свѣдѣнія — сказалъ Императоръ — что съ Москвой у Васъ окончательно справились, думаю также, что и въ Балтійскихъ провинціяхъ проявленная правительствомъ наконецъ рѣшительность принесетъ должные плоды, но что Я никакъ не могу понять, — это то, какимъ образомъ такой выдающійся по уму и энергіи человѣкъ, какъ Витте, котораго я такъ недавно видѣлъ у себя, и долженъ былъ выслушать отъ него очень много непріятныхъ вещей, но не могъ не согласиться во многомъ съ тѣмъ, что его точка зрѣнія была совершенно правильна, хотя и помѣшала мнѣ въ осуществленіи одного предложенія, которому я придавалъ исключительное значеніе (очевидно намекъ на свиданіе двухъ Императорвъ въ Боркахъ и разстроившійся планъ соглашенія между двумя Имперіями, подготовленнаго Германскимъ Императоромъ и даже подписаннаго обоими Императорами на рейдѣ въ Боркахъ), — какъ могъ онъ допустить, чтобы его же подчиненный Кутлеръ сочинилъ чисто революціонный проектъ о принудительномъ отчужденіи земли, состоящей во владѣніе помѣщиковъ. Вѣдь это прямое безуміе, и какъ же Германія справится у себя съ такими же соціалистическими поползновеніями, если Русскій не ограниченный монархъ, по своему побужденію готовъ отнять то, что принадлежитъ единственному надежному для трона классу змлевладѣльцевъ, — ихъ историческое достояніе и отдать безъ оглядки крестьянамъ, какъ мнѣ говорятъ, чуть ли не даромъ и, во всякомъ случаѣ, за ничтожное вознагражденіе. Вѣдь это же чистѣйшій Марксизмъ, и кто же первый становится на этотъ безнадежный для Имперіи путь!»

Для меня этотъ вопросъ былъ совершенно неожиданнымъ. Я ничего не слышалъ о немъ до самаго моего отъѣзда, что и сказалъ, не обинуясь Императору, прибавивши, что я не сомнѣваюсь ни на одну минуту, что Государю это не было извѣстно, что выдвинулъ такую мысль кто-либо изъ окруженія Гр. Витте и какъ бы велика не была неустойчивость у новаго кабинета, не подлежитъ

никакому сомнѣнію, что въ порядкѣ Манифеста, то есть, по волѣ одного Государя, такую мѣру не удастся провести.

«Пожалуй, что Вы правы, такъ какъ посолъ мой донесъ вчера, что объ этомъ безумномъ проектѣ въ послѣдніе дни меньше говорятъ, и замѣтно, что рѣшеніе принять такую мѣру встрѣчаетъ гдѣ-то сильную оппозицію». Это были послѣднія слова Императора, сказанныя мнѣ, послѣ которыхъ аудіенція была кончена, и на другой день я выѣхалъ домой.

Нѣсколько дней спустя послѣ моего возвращенія, въ разговорѣ съ Гр. Витте я передалъ ему то, что мнѣ сказалъ Германскій Императоръ, и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Императоръ совершенно правъ, что такой сумасшедшій проектъ существовалъ, но только въ головѣ одного милѣйшаго нашего съ Вами друга Кутлера, но какъ только онъ мнѣ его представилъ, я тотчасъ же уничтожилъ его и просилъ объ этой безобразной мысли и не заикаться, такъ какъ нужно быть сумасшедшимъ, чтобы самому начать рубить сукъ, на которомъ сидишь». Девятого января стараго стиля я впервые встрѣтилъ въ Государственномъ Совѣтѣ Кутлера, котораго еще не видалъ со времени назначенія его Министромъ Земледѣлія, и прямо спросилъ его, какъ могъ онъ рѣшиться на составленіе проекта о принудительномъ отчужденіи земли отъ помѣщиковъ и при томъ въ такое время. Нисколько не уклоняясь отъ отвѣта на мой вопросъ, онъ отвѣтилъ мнѣ просто: «Мнѣ приказалъ С. Ю. Витте, и я долженъ былъ повиноваться, тѣмъ болѣе, что теперь у насъ объединенное правительство, а вотъ когда это дѣло провалилось, то всѣ отпихиваютъ отъ себя отвѣтственность и говорятъ, что выдумалъ его Кутлеръ. Не первый разъ у насъ ищутъ козла отпущенія. Мнѣ не осталось ничего другого, какъ просить Гр. Витте уволить меня отъ должности и тѣмъ показать, что я виновникъ всего затѣяннаго. Вѣроятно такой исходъ и будетъ принятъ». На самомъ дѣлѣ увольненія Кутлера не послѣдовало еще нѣкоторое время, хотя онъ все таки ушелъ раньше, нежели весь кабинетъ Гр. Витте, и на короткое время Министерствомъ Земледѣлія вѣдалъ А. П. Никольскій.

Я вернулся въ Петербургъ подъ самый нашъ новый годъ и могъ видѣть Гр. Витте только 2-го или 3-го числа. До встрѣчи моей съ нимъ меня посѣтили какъ Управляющій Государственнымъ Банкомъ Тимашевъ, такъ и Министръ Финансовъ Шиповъ. Первый, искренній въ внѣшнихъ пріемахъ и всегда проявлявшій по отношенію ко мнѣ неизмѣнную привѣтливость, поздравилъ меня даже въ нѣсколько бурной формѣ съ успѣхомъ моей мис-

сіи и сказалъ мнѣ, что всѣ въ Министерствѣ были увѣрены, что мнѣ не удастся достигнуть никакого результата, а теперь видятъ, что опасность прекращенія размѣна совершенно устранена и можно думать о переходѣ на нормальный способъ веденія дѣлъ, тѣмъ болѣе, что и вѣсти изъ провинціи гораздо болѣе спокойны: требованія денегъ значительно меньше, чѣмъ было въ началѣ зимы. отъ управляющихъ Отдѣленіями Банка получаются болѣе спокойныя извѣстія, и тамъ, гдѣ одно время требовали только золото, теперь относятся совершенно спокойно къ заявленіямъ, что его нѣтъ въ наличности и ожидается прибытіе черезъ нѣкоторое время, а пока просто берутъ бумажки по прежнему и нигдѣ не было вообще рѣзкихъ столкновеній съ публикой.

Шиповъ встрѣтилъ меня, наоборотъ, въ очень мрачномъ настроеніи. Краткосрочный заемъ въ 267 милліоновъ франковъ, по его мнѣнію, отнюдь не разрѣшаетъ вопроса и не устраняетъ необходимости введенія принудительнаго бумажнаго обращенія, о чемъ онъ будетъ вновь настаивать передъ Финансовымъ Комитетомъ, несмотря на заключенную мною операцію, тѣмъ болѣе, что и нѣсколько болѣе благопріятныя свѣдѣнія отъ многихъ Казенныхъ Палатъ о поступленіи государственныхъ доходовъ за послѣдніе дни не заслуживаютъ большой вѣры, такъ какъ они могутъ быстро смѣниться такими же катастрофическими извѣстіями, которыя уже поступали ранѣе за октябрь и ноябрь мѣсяцы. Приглашенный мною къ себѣ, въ день моего пріѣзда, Главный Бухгальтеръ Департамента Казначейства, очень опытный и вдумчивый Г. Д. Дементьевъ далъ мнѣ свѣдѣнія гораздо болѣе близкія къ оцѣнкѣ положенія Тимашевымъ, нежели Шиповымъ, и рѣшительно всталъ на мою точку зрѣнія о необходимости не рѣшаться на пріостановленіе размѣна, а выпустить разомъ 100 милліоновъ рублей, подъ обезпеченіе французскаго займа, какъ поступившаго уже на счета Государственнаго Банка, и выждать, что покажетъ будущее. Онъ выразилъ даже догадку, что съ ликвидаціею Московскаго возстанія начнется приливъ денегъ въ кассы, вслѣдствіе простого упорядоченія отчетности Казначейства, и окажется даже возможнымъ скоро сократить бумажное денежное обращеніе, и дѣло войдетъ въ норму, лишь бы не было новыхъ революціонныхъ вспышекъ. Дементьевъ прибавилъ, что онъ все время уговариваетъ своего Министра не торопиться съ его указомъ о пріостановкѣ размѣна, но не имѣетъ никакого успѣха и очень расчитываетъ на меня въ этомъ смыслѣ.

Гр. Витте принялъ меня внѣшне вполнѣ корректно. Благодарилъ за оказанную помощь, не скрылъ, что мало надѣялся на

9*

успѣхъ, что считаетъ его при существующихъ условіяхъ огромнымъ, но сказалъ, что не думаетъ выдержать нашего денежнаго обращенія, такъ какъ вообще не видитъ никакого просвѣта и смотритъ на вещи самымъ безнадежнымъ образомъ, не чувствуя довѣрія къ себѣ Государя и не видя Его готовности идти дальше по пути реформъ и введенія у насъ настоящей, а не «дѣтской», какъ выразился онъ, конституціи, съ уступкою народному представительству бо̀льшей части своихъ правъ. Государь принялъ меня на другой день и оказалъ мнѣ самый милостивый пріемъ. Его выраженія благодарности за успѣшно и быстро проведенную операцію въ Парижѣ дышали такою простотою и сердечностью, и весь Его внѣшній видъ былъ настолько спокоенъ и увѣренъ въ миновавшемъ остромъ кризисѣ, что я не удержался и прямо спросилъ Его, на чемъ основано его такое спокойное настроеніе и дѣйствительно ли Онъ считаетъ, что рубиконъ перейденъ и остается только ждать полнаго окончанія разгорѣвшейся смуты.

Его отвѣтъ я хорошо помню и сейчасъ. «Да Я совершенно спокоенъ за будущее и былъ бы еще болѣе спокоенъ, если бы у меня была увѣренность въ томъ, что Правительство не будетъ шататься изъ стороны въ сторону, какъ дѣлаетъ оно на каждомъ шагу. Вотъ Васъ не было здѣсь всего двѣ съ небольшимъ недѣли, а сколько за это время сдѣлано невѣроятныхъ по своимъ послѣдствіямъ шаговъ. Передѣланъ избирательный законъ въ такомъ смыслѣ, что меня пугаютъ самыми тяжелыми послѣдствіями въ смыслѣ будущаго состава Государственной Думы. Безъ моего разрѣшенія разработанъ былъ законъ объ отобраніи земель отъ помѣщиковъ и, когда я узналъ о немъ, то мнѣ сказали только, что безъ этой уступки крестьянамъ нельзя справиться съ смутою. Вѣдь подъ этимъ предлогомъ и Меня можно и даже слѣдуетъ лишить Моей власти, потому, что это нужно для успокоенія страны, и гдѣ же предѣлъ, на которомъ можно остановиться? Я хочу честно исполнить мое обѣщаніе, данное Манифестомъ 17-го октября, и дамъ народу право законодательной власти, въ указанныхъ ему предѣлахъ, но если соберется Дума и потребуетъ лишить Меня моей исторической власти, что же, Я долженъ не защищаться и уступить все, что только отъ Меня будутъ требовать? Вотъ, на дняхъ начнутся подъ Моимъ предсѣдательствомъ работы по пересмотру Основныхъ законовъ и по согласованію закона о Государственномъ Совѣтѣ и о Думѣ съ Манифестомъ 17-го октября. Я приказалъ включить Васъ въ составъ Совѣщанія и Вы увидите сами, что Я готовъ дать все, что нужно на самомъ дѣлѣ, но уступать на каждомъ шагу и не знать, гдѣ остановиться, — это выше

моихъ силъ, и Я не вижу, чтобы мои новые Министры имѣли передъ собою ясную программу и готовы были твердо управлять страною, а не только все обѣщать и обѣщать». На этомъ Государь отпустилъ меня, сказавши мнѣ въ самомъ шутливомъ тонѣ на мое замѣчаніе, что весь мой успѣхъ зависѣлъ только отъ того, что Онъ разрѣшилъ мнѣ обѣщать французскому правительству нашу поддержку въ Альжезирасѣ, «не уменьшайте Вашихъ заслугъ, Вамъ не миновать опять поѣхать въ Парижъ, когда настанетъ пора говорить о большомъ ликвидаціонномъ займѣ, и тогда я самъ скажу Гр. Витте, кого я хочу послать и даже не стану спрашивать Васъ, потому что знаю, какъ охотно исполните Вы всякое мое желаніе».

Для доклада результатовъ моей поѣздки въ Парижъ Финансовому Комитету я составилъ подробную записку, коснувшись въ ней и условій будущаго ликвидаціоннаго займа. Я радъ тому, что большевистское «Госиздательство» нашло ее въ Архивѣ Министерства Финансовъ и напечатало ее цѣликомъ въ VII томѣ Краснаго Архива.

Не воспроизводя ея, я могу, однако, сослаться на нее, такъ какъ она освѣщаетъ многое изъ пережитаго мною лучше, нежели я могъ бы исполнить по памяти, и даетъ мнѣ возможность болѣе опредѣленно говорить о займѣ 1906 года и бороться съ пущенною въ обращеніе Гр. Витте новою несправедливостью по отношенію къ моему участію въ этомъ дѣлѣ.

Засѣданіе Финансоваго Комитета состоялось у Гр. Сольскаго вечеромъ 4-го января. Всѣ въ одинъ голосъ горячо благодарили меня, молчалъ только И. П. Шиповъ, да мраченъ и неслловоохотливъ былъ Гр. Витте. Шиповъ снова внесъ проектъ Указа о пріостановленіи размѣна, настойчиво мотивируя его необходимость недостаточностью размѣра займа и плохими свѣдѣніями изъ Отдѣленій Государственнаго Банка и отъ Казначействъ. Рѣшительно возражалъ Шипову Иващенковъ, настаивая на необходимости воспользоваться достигнутымъ мною успѣхомъ, чтобы выиграть время и посмотрѣть насколько справдаются мрачныя предсказанія Министра Финансовъ или напротивъ того выяснится, что переломъ революціоннаго движенія отразится постепеннымъ возстановленіемъ нормальнаго состоянія государственной и банковской кассы. Того же мнѣнія придерживался и Черевансікій и послѣ долгихъ споровъ Финансовый Комитетъ, не доводя дѣла до голосованія и вѣроятнаго разногласія съ Министромъ Финансовъ, рѣшилъ собираться ежедневно, слѣдить за хо-

домъ дѣла, но размѣна пока не пріостанавливать и не вводить новой тревоги и въ безъ того неспокойное состояніе денежнаго рынка.

Дѣйствительность вполнѣ оправдала такое рѣшеніе. По мѣрѣ успокоенія страны подъ вліяніемъ ликвидаціи Московскаго возстанія и успокоеніемъ въ Сибири, революціонное движеніе стало повсемѣстно и быстро идти на убыль. Поступленіе налоговъ выровнялось, задержанные платежи вернулись въ приходныя кассы, истребованіе денегъ изъ сберегательныхъ кассъ почти пріостановилось, начался обычный для конца зимы притокъ денегъ на сбереженіе, оживилась дѣятельность частныхъ банковъ, и Государственный Банкъ не только не видѣлъ нужды въ новыхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, но началось накапливаніе билетовъ въ его кассахъ, — Управляющій Банкомъ Тимашевъ возбудилъ даже вопросъ объ уничтоженіи сожженіемъ до ста милліоновъ рублей, и получилъ на это согласіе, что произвело отличное впечатлѣніе у насъ и заграницею. Поступившій на подкрѣпленіе нашего золотого фонда заграницею новый краткосрочный заемъ оказался на первыхъ порахъ вовсе неиспользованнымъ, и настроеніе Парижской биржи также замѣтно окрѣпло. И. П. Шиповъ сталъ молчаливо успокаиваться и вопросъ о введеніи принудительнаго курса какъ-то самъ собою пересталъ волновать и Министерство Финансовъ и весь Финансовый Комитетъ.

Январь прошелъ для меня въ общемъ совершенно спокойно. Витте не проявлялъ ко мнѣ недавней враждебности и даже минутами заговаривалъ въ совершенно дружелюбномъ тонѣ, а, однажды, какъ то, послѣ засѣданія Финансоваго Комитета, попросилъ меня заѣхать къ нему, переговорить по одному интересующему его вопросу, но не сказалъ по какому именно. Это было въ самомъ началѣ февраля, потому что онъ назначилъ мнѣ быть у него въ день именинъ жены, и я предложилъ перенести свиданіе на слѣдующій день.

Когда я пришелъ къ нему, онъ долго развивалъ свои соображенія о необходимости теперь же готовиться къ большому ликвидаціонному займу, пользуясь улучшеніемъ парижской и берлинской биржи, и сказалъ, что у него созрѣлъ въ головѣ большой планъ заключенія крупнаго международнаго займа, въ которомъ участвовали бы всѣ страны Европы и даже Америка, что онъ заручился уже принципіальнымъ согласіемъ Германіи и имѣетъ даже совершенно твердое обѣщаніе Мендельсона и такое же обѣщаніе американскаго Моргана, приглашающаго даже его, Гр. Витте, пріѣхать въ Парижъ въ концѣ марта, когда и онъ тамъ

будетъ. Въ согласіи Франціи у него нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ онъ ведетъ почти ежедневную переписку съ Нетцлинымъ, условился съ нимъ даже тотчасъ послѣ моего выѣзда изъ Парижа относительно типа и размѣра займа и думаетъ, что Нетцлина ему удастся убѣдить въ самомъ близкомъ времени пріѣхать сюда для окончательныхъ переговоровъ. Онъ прибавилъ, что очевидно опять придется ѣхать заграницу мнѣ, но что эта поѣздка будетъ простой прогулкой, такъ какъ онъ все настолько подготовилъ, что мнѣ останется только подписать готовый контрактъ, во всемъ согласованный съ международнымъ синдикатомъ, съ Морганомъ во главѣ.

Я собирался уже было уходить, какъ Гр. Витте остановилъ меня и сказалъ, что имѣетъ сдѣлать мнѣ предложеніе не только отъ своего имени, но и отъ Государя, давшаго ему разрѣшеніе уговорить меня Его именемъ. Онъ предложилъ мнѣ занять мѣсто Государственнаго Контролера. Я тутъ же наотрѣзъ отказался, объяснивши ему всю несообразность такого предложенія послѣ того, среди какихъ условій покинулъ я Министерство Финансовъ, и просилъ не настаивать на этомъ и даже освободить меня отъ необходимости приводить лично Государю мои основанія къ такому отказу.

Казалось, онъ былъ даже доволенъ моему отказу, но на другой день, въ воскресенье, пріѣхалъ совершенно неожиданно ко мнѣ и въ теченіе цѣлаго часа всячески настаивалъ на томъ, чтобы я принялъ это предложеніе и сдѣлалъ угодное Государю. Я на это снова не согласился и предложилъ испросить личную аудіенцію у Государя, чтобы привести мои основанія, въ твердомъ убѣжденіи, что Государь ихъ пойметъ и не осудитъ меня. На это Гр. Витте не пошелъ, весь вопросъ канулъ въ вѣчность, а потомъ, уже въ половинѣ апрѣля, когда мнѣ привелось снова видѣть Государя, Онъ сказалъ мнѣ, что былъ вполнѣ увѣренъ, что я не приму назначенія, и даже сказалъ объ этомъ Гр. Витте, прибавивши, что какъ же онъ зоветъ меня въ Контролеры, когда такъ недавно настоялъ на невозможности назначить меня Предсѣдателемъ Департамента Экономіи изъ-за моего неуживчиваго характера.

Весь февраль мѣсяцъ ушелъ на участіе мое въ Совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя по пересмотру положенія о Государственной Думѣ, по измѣненію Учрежденія Государственнаго Совѣта, въ связи съ новыми положеніями Думы, и по согласованію съ этими положеніями Основныхъ законовъ.

Изъ всѣхъ засѣданій этого время особенно свѣжими въ памяти остались у меня два засѣданія: 14-го и 16-го февраля.

Въ первомъ изъ этихъ засѣданій Гр. Витте съ особенною настойчивостью доказывалъ недопустимость у насъ публичныхъ засѣданій Думы и Совѣта. Къ всеобщему изумленію, онъ оправдывалъ свою мысль тѣмъ, что наша публика настолько невѣжественна, что она превратитъ законодательныя учрежденія въ арену сплошныхъ скандаловъ и будетъ только издѣваться надъ Министрами, бросая въ нихъ, какъ онъ повторилъ подрядъ четыре раза, тономъ величайшей запальчивости, «мочеными яблоками, да ревущими кошками». На него обрушились рѣшительно всѣ участники Совѣщанія и даже такой человѣкъ, какъ Побѣдоносцевъ; онъ попросилъ слова у Государя и сказалъ: «зачѣмъ же было заводить все дѣло, писать Манифесты, проводить широкія программы обновленія нашего государственнаго строя, чтобы теперь говорить, что мы созрѣли только до скандаловъ, да моченыхъ яблоковъ и дохлыхъ кошекъ. Вотъ, если бы Сергѣй Юліевичъ сказалъ намъ, что онъ кается во всѣхъ своихъ мысляхъ и проситъ вернуться къ старому Государствееному Совѣту и совсѣмъ отказаться отъ привлеченія толпы въ нашу законодательную работу, къ которой она не подготовлена, то я бы сказалъ Вамъ, Государь, что это мудрое рѣшеніе, а то дать всякія свободы и права, и сказать людямъ читай только въ газетахъ, что говорятъ народные избранники, — этого не выдержитъ никакая власть».

Государь положилъ конецъ такимъ спорамъ, сказавши просто: «разумѣется, этого нельзя допустить; засѣданія должны быть публичны».

Въ томъ же засѣданіи Гр. Витте поднялъ и другой, не менѣе неожиданный вопросъ.

Обсуждался тотъ параграфъ учрежденія Государственнаго Совѣта, который устанавливалъ для нашихъ законодательныхъ Палатъ тотъ же принципъ равенства, какой усвоенъ почти всѣми государствами, имѣющими двухъ-палатную систему законодательства, а именно, что законопроектъ, принятый нижнею палатою, поступаетъ на разсмотрѣніе верхней и въ случаѣ непринятія ею считается отпавшимъ. Точно также, законопроектъ, возникшій по почину верхней палаты и принятый ею, поступаетъ на разсмотрѣніе нижней палаты и въ томъ случаѣ, если она отвергнетъ его, считается также отпавшимъ. Ни въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ Верховная власть не участвуетъ своимъ рѣшеніемъ и его не утверждаетъ.

Графъ Витте, сначала въ очень вялой и даже мало понятной формѣ сталъ говорить, что нельзя ставить Верховную власть въ положеніе плѣнника законодательныхъ палатъ и еще менѣе допустимо дѣлать народное благо зависящимъ отъ каприза которой либо изъ палатъ, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, сразу же установятся дурныя отношенія между палатами, и то, что одна назоветъ бѣлымъ, другая, непремѣнно, назоветъ чернымъ и наоборотъ, такъ что слѣдуетъ просто ожидать, что, чтò бы ни «выдумала» нижняя палата, — верхняя отвергнетъ, и «въ этомъ даже большое благо для государства», но зато и всякій проектъ, вышедшій изъ почина верхней палаты, будетъ «разумѣется, проваленъ» нижнею.

Изъ такого положенія необходимо найти выходъ, «ибо нельзя же допустить, чтобы все остановилось въ странѣ изъ-за взаимныхъ счетовъ двухъ враждующихъ палатъ», и такой выходъ онъ предложилъ въ видѣ особой статьи, редакцію которой онъ просилъ разрѣшеніе прочитать Оберъ-Прокурору Св. Синода Кн. Алексѣю Дмитріевичу Оболенскому. Она заключалась въ томъ, что каждый проектъ, принятый Думою, поступаетъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и если не будетъ принятъ послѣднимъ, то возвращается въ Думу, и если она приметъ его, большинствомъ двухъ третей голосовъ, то онъ поступаетъ непосредственно къ Верховной власти, которая, можетъ или отвергнуть его, и, въ этомъ случаѣ, онъ считается окончательно отпавшимъ, или, утвердить его, и, въ этомъ случаѣ, проектъ принимаетъ силу закона, безъ новаго разсмотрѣнія его Государственнымъ Совѣтомъ.

Также точно поступается, если законопроектъ, принятый Государственнымъ Совѣтомъ, по его иниціативѣ, отвергается Думою. Онъ поступаетъ обратно въ Совѣтъ, разсматривается имъ вторично и, будучи принятъ квалифицированнымъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, представляется непосредственно Государю Императору, и получаетъ силу закона или отпадаетъ по его непосредственному усмотрѣнію.

Не подготовленный къ такой новой мысли, вовсе не возникавшей при первоначальномъ разсмотрѣніи въ Совѣщаніи графа Сольскаго, въ которомъ, однако, Графъ Витте постоянно бывалъ и принималъ самое дѣятельное участіе, — Государь ждалъ, чтобы кто-нибудь изъ участниковъ просилъ слова и выступилъ по возбужденному, совершенно неожиданному, вопросу. Нѣсколько минутъ длилось томительное молчаніе, и первое слово спросилъ Гр. А. П. Игнатьевъ, который заявилъ, что онъ совершенно удивленъ

возбужденнымъ предложенiемъ, и мало усваиваетъ себѣ даже цѣль его. Онъ видитъ только, что при взглядѣ Гр. Витте на предстоящую законодательную работу двухъ Палатъ, едва ли даже нужно ихъ учреждать, потому что законодательствовать будетъ одна Верховная власть, коль скоро все, что придумаетъ нижняя палата, будетъ непремѣнно отвергнуто верхнею и наоборотъ; очевидно, что при обязательномъ возвращенiи отвергнутаго проекта, въ ту палату, гдѣ онъ возникъ, она изъ простого упрямства соберетъ двѣ трети голосовъ, и дѣло поступитъ на рѣшенiе монарха. Послѣднiй явится такимъ образомъ единственнымъ виновникомъ судьбы всего законодательства, и на него падетъ цѣликомъ отвѣтственность за прохожденiе всѣхъ законопроектовъ. Если Онъ не утвердитъ то, что дважды одобрила нижняя палата, — создается разомъ конфликтъ между Верховною властью и палатою, который всегда и всюду приводитъ къ самымъ прискорбнымъ послѣдствiямъ, если же она пойдетъ за палатою, создается осложненiе между нею и тою палатою, которая, быть можетъ, по самымъ серьезнымъ основанiямъ, не нашла возможнымъ одобрить проектъ, при первомъ разсмотрѣнiи, видя въ немъ вредъ для государства.

Я сидѣлъ противъ Государя и не имѣлъ въ виду выступать съ моими возраженiями, но Государь упорно смотрѣлъ на меня, и послѣ короткаго замѣчанiя Побѣдоносцева, поддержавшаго точку зрѣнiя Гр. Игнатьева, безъ всякаго вызова съ моей стороны, спросилъ меня: «а Вы, Владимiръ Николаевичъ, какого мнѣнiя по этому вопросу? Мнѣ показалось, что Вы хотѣли бы высказать его».

Я заявилъ, что раздѣляю взглядъ Гр. Игнатьева, въ существѣ, и болѣе подробно развилъ значенiе двухъ-палатной системы законодательства, роль Государственнаго Совѣта, какъ Верхней палаты, вездѣ исполняющей функцiи преграды, которая должна сдерживать увлеченiя нижней, что въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго, тѣмъ болѣе, что этотъ принципiальный вопросъ именно подробно былъ разсмотрѣнъ въ Совѣщанiи, и всѣ участники были совершенно солидарны, и что въ особенности у насъ, въ особенности, нужно быть исключительно осторожнымъ и бережливымъ по отношенiю къ прерогативамъ Верховной власти, коль скоро мы смотримъ такъ мрачно на будущiя взаимныя отношенiя обѣихъ палатъ, то на насъ лежитъ прямой долгъ не допускать разрѣшенiя конфликтовъ между палатами властью Государя. Я закончилъ мои соображенiя ссылкою на то, что въ республиканской Францiи почти полвѣка идетъ безпрерывная борьба за умаленiе власти Сената и тѣмъ не менѣе всѣ попытки остаются безуспѣшными, — настоль-

ко велико значеніе тѣхъ опасеній, которыя содержитъ въ себѣ мысль объ умаленіи значенія одной палаты, въ пользу другой.

Никто, кромѣ кн. Оболенскаго, не поддержалъ Витте, и Государь закончилъ пренія сказавши, какъ онъ дѣлалъ это по отношенію къ большинству принятыхъ статей, «вопросъ достаточно выясненъ, мы оставляемъ статью безъ измѣненія,— пойдемте дальше». Вскорѣ засѣданіе кончилось и Государь предложилъ продолжать его черезъ день.

Когда въ этотъ послѣдній день, въ 10 часовъ утра, всѣ собрались снова на вокзалѣ Царской вѣтки, я попалъ въ салонъ вагонъ, въ которомъ не было Гр. Витте, но оказался тамъ Кн. Оболенскій. Онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ, сказавши: «Мы рѣшили съ Гр. Витте вновь поднять вчерашній вопросъ, такъ какъ не можемъ помириться съ его рѣшеніемъ, ужъ Вы не разсердитесь на меня, что я буду жестоко критиковать Вашу точку зрѣнія».

Когда открылось засѣданіе, Государь обратился къ собравшимся съ обычнымъ вопросомъ: «на чемъ остановились мы вчера?» Тогда Гр. Витте попросилъ слова и сказалъ, что онъ много думалъ надъ принятымъ рѣшеніемъ и считаетъ необходимымъ вновь вернуться къ тому же вопросу, потому что онъ видитъ въ немъ большую опасность для будущаго и хочетъ сложить съ себя отвѣтственность за это, считая, что нужно еще разъ внимательно взвѣсить все, что изъ него неизбѣжно произойдетъ. Государь пытался было остановить его словами: «вѣдь мы вчера, кажется, внимательно взвѣсили все, что Вы предлагали, и зачѣмъ же опять возвращаться къ тому же», но Витте очень настойчиво просилъ дать ему слово, и въ тонѣ его сквозило такое раздраженіе, что присутствующіе невольно стали переглядываться. Гр. Сольскій пытался было даже жестомъ удержать Витте отъ его настояній, но ничто не помогало, и Государь крайне неохотно сказалъ ему: «Ну, хорошо, если Вы такъ настаиваете, я готовъ еще разъ выслушать Васъ». Въ томъ же приподнятомъ тонѣ нескрываемаго раздраженія Гр. Витте сталъ подробно повторять тѣ же мысли, которыя онъ высказывалъ наканунѣ, не прибавляя къ нимъ буквально ни одного новаго аргумента. Всѣ только переглядывались, и Государь, также видимо начанавшій терять терпѣніе, остановилъ его словами: «Все это мы слышали вчера, и Я не понимаю, для чего снова повторять то, что уже всѣ знаютъ». Не унимаясь, Гр. Витте, все болѣе и болѣе теряя самообладаніе, продолжалъ свою рѣчь и затѣмъ перешелъ къ возраженію мнѣ на то немногое, что было сказано наканунѣ. Тутъ уже не было удержа ни рѣзкостямъ по моему адресу,

ни самому способу изложенія его мнѣнія. Не хочется сейчасъ воспроизводить всего, что было имъ сказано, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя рѣчи не записывались и мнѣ пришлось бы воспроизводить эту историчскую рѣчь по памяти и даже вызвать, быть можетъ, сомнѣніе въ объективности моего пересказа. Но конецъ рѣчи былъ настолько своеобразенъ и неожиданъ, что его нельзя не воспроизвести. Резюмируя сказанное мною и по его обыкновенію перемѣшивая мои слова съ его собственными измышленіями, Гр.Витте заключилъ такъ: «впрочемъ въ устахъ бывшаго Министра Финансова такая рѣчь совершенно понятна, его нѣжность къ конституціонному строю, его желаніе насадить у насъ парламентскіе порядки настолько всѣмъ хорошо извѣстны, что удивляться конечно не чему, но послѣдствіемъ принятія его мыслей будетъ полное умаленіе власти Монарха и лишеніе Его всякой возможности издавать полезные для народа законы, если законодательныя палаты не сговорятся между собою, а онѣ никогда не сговорятся, — вотъ объ этомъ нужно кричать со всѣхъ крышъ и пока не поздно принять мѣры къ тому, чтобы такой ужасъ не наступилъ». Государь смотрѣлъ на меня въ упоръ и легкимъ движеніемъ головы давалъ мнѣ ясно понять, что Онъ не хочетъ, чтобы я возражалъ Гр. Витте. Я такъ и поступилъ. Когда Гр. Витте договорилъ свою фразу, Государь обратился къ собранію съ вопросомъ: кому нибудь угодно высказаться еще разъ? Всѣ молчали. Тогда Государь закончилъ пренія словами: «Я не узналъ ничего новаго, что не было уже высказано вчера, и думаю, что мы можемъ приступить послѣ перерыва къ продолженію того, на чемъ мы остановились и не мѣнять нашего вчерашняго рѣшенія». Никто не возражалъ. Государь всталъ изъ-за стола, стали подавать чай. Государь предложилъ курить и, держа чашку чая въ рукахъ, подошелъ ко мнѣ со словами: «Я очень благодаренъ Вамъ, что Вы поняли меня и не возражали Витте, потому что всѣ хорошо понимаютъ, насколько его выходка съ обвиненіемъ Васъ въ приверженности къ конституціи была просто неумѣстна».

Государь отошелъ отъ меня, и когда я подошелъ къ группѣ говорившихъ между собою участниковъ совѣщанія, среди которыхъ былъ Фришъ, видимо желавшій что-то сказать мнѣ, ко мнѣ подошелъ Побѣдоносцевъ и не стѣсняясь тѣмъ, что Гр. Витте былъ не подалеку и могъ слышать его слова, громко сказалъ: «И какъ Сергѣю Юліевичу не стыдно говорить то, что онъ сегодня выпалилъ».

Послѣ этого инцидента, періодически повторявшіяся, подъ предсѣдательствомъ Государя, засѣданія въ Царскомъ же Селѣ

по согласованію нашихъ основныхъ законовъ съ намѣченнымъ новымъ государственнымъ строемъ, въ которыхъ я постоянно участвовалъ, не были отмѣчены чѣмъ-либо особеннымъ. Я выступалъ очень рѣдко, и, такимъ образомъ, новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ съ Гр. Витте не было, и въ моей жизни не произошло ничего, что нарушало бы ея замкнутость и отдаленіе отъ злободневныхъ вопросовъ.

ГЛАВА III.

Высочайше возложенное на меня порученіе по заключенію ликвидаціоннаго займа. — Пріѣздъ въ Петербургъ г. Нетцлина. — Вопросы о международномъ характерѣ займа, о его условіяхъ, о правѣ правительства заключить его въ порядкѣ управленія, помимо Думы и Государственнаго Совѣта. — Мой пріѣздъ въ Парижъ. — Оказанное мнѣ Пуанкарэ содѣйствіе. — Пріемъ меня Сарреномъ, Клемансо, Фальеромъ. — Неудавшаяся попытка помѣшать займу. — Переговоры съ банкирами. — Биржевой синдикъ де Вернейль. — Вопросъ о поддержкѣ печати. — Заключеніе займа.

Меня довольно часто навѣщали мои бывшіе сослуживцы по Министерству Финансовъ, и всѣ говорили въ одинъ голосъ, что въ Правительствѣ замѣтна большая тревога и неустойчивость. Шипова я видалъ рѣдко, да онъ и всегда былъ очень сдержанъ и не говорилъ мнѣ ничего о томъ, что дѣлается по части подготовки большого консолидаціоннаго займа. У меня сложилось даже мнѣніе, что онъ самъ былъ не вполнѣ въ курсѣ дѣла, и что оно находилось въ непосредственныхъ рукахъ Гр. Витте. Такъ оно впослѣдствіи и оказалось. Даже Кредитная Канцелярія знала далеко не всѣ телеграммы и письма, которыми обмѣнивался Предсѣдатель Совѣта Министровъ съ своими заграничными корреспондентами. Многое посылалось непосредственно изъ общей канцеляріи, другое шло по Канцеляріи Совѣта Министровъ или прямо отъ самого Гр. Витте, настолько, что впослѣдствіи, когда я вернулся на должность Министра и оставался на ней цѣлыхъ восемь лѣтъ, не было возможности составить полнаго дѣла о подготовкѣ займа, и многія бумаги и телеграммы такъ и остались въ личномъ архивѣ Гр. Витте. Этимъ же объясняется и то, что опубликованныя большевиками архивныя данныя страдаютъ большою разрозненностью и неполнотою, а также и то, что мнѣ пришлось встрѣтиться съ большими не-

ожиданностями при исполненіи того порученія, которое выпало на мою долю.

Въ первой половинѣ марта, безъ всякаго предваренія меня Министромъ Финансовъ, Витте позвонилъ ко мнѣ по телефону и просилъ спѣшно,—какъ это была всегда,—заѣхать къ нему поздно вечеромъ въ Зимній дворецъ. Не говоря мнѣ ни одного слова о нашей послѣдней встрѣчѣ въ Царскомъ Селѣ, онъ сказалъ мнѣ, что снова передаетъ мнѣ порученіе Государя о томъ, что на меня возлагается въ самомъ близкомъ будущемъ поѣхать въ Парижъ для заключенія большого займа по ликвидаціи войны, къ чему все имъ уже настолько подготовлено, что на этотъ разъ мнѣ не придется даже вести какихъ-либо переговоровъ, а только подписать готовый контрактъ, который долженъ привезти сюда на этихъ дняхъ вызванный имъ Нетцлинъ, который пріѣзжаетъ въ ближайшую пятницу. Тутъ же Гр. Витте показалъ мнѣ только что полученную депешу отъ Нетцлина совершенно лаконическаго содержанія: «Пріѣзжаю пятницу утромъ» и прибавилъ, что для устраненія лишнихъ разговоровъ онъ условился съ Нетцлиномъ, чтобы онъ остановился въ Царскомъ Селѣ, во дворцѣ Великаго Князя Владиміра Александровича, въ квартирѣ Д. А. Бенкендорфа, что его встрѣтитъ Министръ Финансовъ, у котораго въ тотъ день какъ разъ докладъ у Государя, такъ что и его выѣздъ въ Царское не вызоветъ никакихъ лишнихъ разговоровъ. Они успѣютъ до моего пріѣзда обо всемъ окончательно условиться, и мнѣ останется только приложить мою руку къ достигнутому по всѣмъ пунктамъ соглашенію, и Нетцлинъ въ тотъ же день выѣдетъ обратно, предварительно условившись со мною о точномъ времени моего прибытія въ Парижъ. На мои разспросы о томъ, каковы же условія займа, Витте сказалъ мнѣ: «Объ этомъ ужъ Вы не безпокойтесь, все обусловлено, Вамъ будетъ передано все дѣлопроизводство, изъ котораго Вы увидите, что̀ мною сдѣлано. Шиповъ Вамъ дастъ всѣ объясненія, и я скажу Вамъ только для Вашей бесѣды съ Нетцлиномъ, что заемъ будетъ въ полномъ смыслѣ слова международный, въ немъ будутъ участвовать первоклассные банки Германіи, разумѣется вся наша группа, въ первый разъ согласилась участвовать Америка, въ лицѣ группы Моргана, отъ котораго я только что получилъ подтвержденіе, что онъ будетъ въ Парижѣ въ половинѣ апрѣля и очень надѣется встрѣтиться со мною, но я, разумѣется, не могу ѣхать, о чемъ я ему уже телеграфировалъ, сообщивши, что пріѣдете туда Вы, затѣмъ, разумѣется Англія, Голландія, въ лицѣ нашихъ обычныхъ друзей; впервые я уговорилъ участвовать въ нашей операціи Австрію, въ лицѣ двухъ самыхъ крупныхъ бан-

ковъ, и надѣюсь также, что мнѣ удастся привлечь и Италію. Словомъ, я хочу, чтобы это былъ въ полномъ смыслѣ нашъ тріумфъ, и я счастливъ, что къ нему будетъ пріурочено Ваше имя».

На мой вопросъ, каковы же главныя основанія займа и во что онъ намъ фактически обойдется, Витте сказалъ мнѣ: «Объ этомъ Вамъ тоже нечего безпокоиться, заемъ будетъ пятипроцентный, на долгій срокъ, а о выпускномъ курсѣ и о размѣрѣ операціонныхъ расходовъ я совершенно убѣдилъ Нетцлина быть скромнымъ, такъ какъ я хорошо понимаю, что въ новыхъ условіяхъ нашей жизни, нашему правительству нельзя идти на тяжелыя условія. Вѣдь мнѣ же придется отдуваться передъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, если бы я пошелъ на невыгодныя условія».

Изъ этого очевидно, что въ эту минуту Гр. Витте и не подозрѣвалъ, что ему не суждено пережить моментъ заключенія займа въ должности главы правительства. Тѣмъ не менѣе и самъ я, не допуская ни тѣни мысли о томъ, что за условія займа мнѣ придется отвѣчать и передъ тѣмъ же, не особенно лестно охарактеризованнымъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ законодательными учрежденіями,—я сказалъ ему, что и для меня, какъ заключающаго заемъ, хотя бы подъ руководствомъ правительства и даже только дающаго формально мою подпись подъ операціею не мною подготовленною, тоже не безразлично, каковы будутъ условія займа, такъ какъ при тяжести ихъ всякій скажетъ, что именно я не умѣлъ выговорить лучшихъ условій, а кто-либо другой навѣрно сдѣлалъ бы лучше меня, и меня будутъ осуждать до самой моей смерти.

Намъ подали чай, и Витте сталъ въ совершенно спокойномъ тонѣ вычислять во что обошлись намъ иностранные займы 1904—1905 г. г., когда была надежда на нашу побѣду надъ Японіей. Онъ пришелъ тутъ же къ выводу, что при создавшемся теперь положеніи, послѣ революціоннаго движенія, далеко еще не изжитаго, при несомнѣнномъ, по его словамъ, тяжеломъ положеніи внутри страны и вѣроятно весьма плохихъ выборахъ въ Думу, получить деньги, да еще большія, на долгій срокъ дешевле какъ за шесть процентовъ чистыхъ будетъ невозможно, но если удастся достигнуть такого результата, то это будетъ величайшимъ нашимъ финансовымъ успѣхомъ, за который Вамъ, — закончилъ онъ — нужно будетъ поставить памятникъ.

На этомъ мы разошлись. Витте прибавилъ, что Государь, разумѣется, приметъ меня передъ моимъ отъѣздомъ и, провожая въ переднюю, прибавилъ смѣясь: «я не хотѣлъ бы быть Вашимъ партнеромъ въ переговорахъ о займѣ, потому что знаю, что Вы

выжмете последнюю копейку изъ банкировъ, но на Вашемъ мѣстѣ я вполнѣ понимаю, что на Васъ будутъ вѣшать собакъ, если условія окажутся тяжелыми, и самъ бы не допустилъ займа выше какъ изъ 6% дѣйствительныхъ». Мои послѣднія слова были, что я вижу ясно, что все уже рѣшено даже въ мелочахъ, и мнѣ предстоитъ только прогуляться въ Парижъ.

Въ условленный день — въ пятницу на той же недѣлѣ — я пріѣхалъ съ поѣздомъ въ 10 часовъ утра въ Царское Село, во дворецъ В. Кн. Владиміра Александровича, гдѣ я раньше никогда не бывалъ, и въ квартирѣ извѣстнаго подъ названіемъ «Мита» Бенкендорфа засталъ Нетцлина. На мое привѣтствіе онъ мнѣ отвѣтилъ шуткою: «не называйте меня Г. Нетцлинъ, такъ какъ я М. Бернаръ, ибо я пріѣхалъ подъ фамиліею моего лакея»; такова была конспирація, которою былъ обставленъ его пріѣздъ въ Россію, и на самомъ дѣлѣ ни одна газета не обмолвилась о его пріѣздѣ. Наша бесѣда сразу же приняла иной характеръ, нежели я могъ ожидать по словамъ Гр. Витте.

Не отвергая международной формы займа и находя, что она обезпечила бы крупный успѣхъ займа и могла бы значительно повысить его сумму, Нетцлинъ внесъ большую ноту сомнѣнія въ то, что Витте удастся ее осуществить. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Германія, Англія и Голландія войдутъ въ консорціумъ, но отнесся съ самымъ большимъ сомнѣніемъ на счетъ Америки и въ частности группы Моргана, сказавши, что хорошо ее знаетъ и повѣритъ ея участію только тогда, когда она подпишетъ договоръ. Объ участіи Австріи онъ даже не хотѣлъ и говорить, настолько онъ просто не понималъ, какъ могутъ австрійскіе банки, вѣчно ищущіе денегъ въ Парижѣ, принять серьезное участіе въ русскомъ долгосрочномъ займѣ. Его тонъ былъ вообще далекъ отъ бодрости, и онъ просилъ меня даже предупредить Гр. Витте, что далеко не увѣренъ въ томъ, что намъ удастся дойти до цифры въ три милліарда франковъ, о которой онъ упоминалъ въ его письмахъ. Эту цифру я впервые услышалъ отъ Нетцлина.

Я просилъ его передать его сомнѣнія Шипову, котораго мы ждали съ минуты на минуту, и стали говорить объ условіяхъ займа, такъ, какъ они представляются французской группѣ. Отвѣты Нетцлина носили чрезвычайно неопредѣленный характеръ. Онъ говорилъ, что его друзья еще далеко не установили своей точки зрѣнія, не зная какую часть займа возьмутъ другіе рынки и каково будетъ положеніе внутри Россіи къ моменту переговоровъ, и что вообще говорить объ этомъ сейчасъ нельзя и нужно оставить

все до начала переговоровъ, тѣмъ болѣе, что и въ своей корреспонденціи Гр. Витте почти не касался этого вопроса.

Такое заявленіе меня крайне удивило, и я предпочелъ перенести разговоръ на чисто личную почву, сказавши Нетцлину, что я не поѣду въ Парижъ, если только увижу, что тамъ готовятъ мнѣ неблагодарную роль человѣка, несумѣвшаго сдѣлать порядочнаго дѣла для моей родины и вынужденнаго вернуться домой съ пустыми руками. Я сказалъ, что я теперь человѣкъ свободный. Государь никогда не станетъ меня принуждать дѣлать то, чего я не умѣю выполнить, и я заранѣе предваряю его, что не приму на себя такой неблагодарной миссіи, если онъ не обѣщаетъ мнѣ своего содѣйствія къ тому, чтобы заемъ былъ заключенъ на условіяхъ не свыше 6% дѣйствительныхъ для русской казны.

Я прибавилъ, что имѣю всѣ основанія думать, что Гр. Витте вполнѣ раздѣляетъ такую же точку зрѣнія и не дастъ мнѣ полномочій на заключеніе займа на болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Мое послѣднее заявленіе вызвало, повидимому, совершенно искреннее удивленіе въ Нетцлинѣ. Онъ возразилъ мнѣ, что я очевидно не знаю всей переписки Гр. Витте съ нимъ, иначе я не сказалъ бы того, что я только что сказалъ, такъ какъ во всѣхъ многочисленныхъ своихъ письмахъ Гр. Витте не ставилъ никакихъ ограниченій въ смыслѣ реальной стоимости займа русскому государству, а указывалъ только, что онъ не хотѣлъ бы выходить изъ пятипроцентной ставки интереса и предоставлялъ полную свободу дѣйствій французской группѣ, придавая исключительное значеніе тому, чтобы заемъ былъ заключенъ въ самомъ близкомъ времени и, во всякомъ случаѣ, до созыва новой законодательной палаты,предполагаемаго въ концѣ русскаго апрѣля мѣсяца. Нетцлинъ прибавилъ, что въ Парижѣ, въ предварительныхъ переговорахъ между банкирами русской группы господствуетъ предположеніе выпустить 5% заемъ примѣрно около 85—86 за сто, и такъ какъ расходы по выпуску будутъ, несомнѣнно, очень высоки, то едва ли можно реализовать въ пользу государства даже 80%. Мы долго еще спорили на эту тему, я настаивалъ на томъ, что выпускной курсъ 86 слишкомъ низокъ, а расходы въ 7—8% слишкомъ высоки, и закончилъ на томъ, что я почти увѣренъ въ правильности моего взгляда и въ поддержкѣ меня Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и очень прошу его подумать объ этомъ и не ставить ни себя ни меня въ ложное положеніе. Къ концу нашего разговора пришелъ Шиповъ, и Нетцлинъ началъ тутъ же горько жаловаться ему на меня. Шиповъ все время молчалъ, и

когда Нетцлинъ спросилъ его, какъ смотритъ онъ на наше разногласіе и видитъ ли онъ возможность уладить дѣло теперь же, Шиповъ отвѣтилъ совершенно просто, что онъ не имѣетъ опредѣленнаго взгляда, понимаетъ всю необходимость займа, но думаетъ также, какъ и я, что правительству будетъ очень трудно первое время, и было бы крайне желательно не дѣлать займа дороже 6% реальныхъ. Онъ прибавилъ, что Государь только что вновь сказалъ ему, что вести переговоры, несомнѣнно, будетъ поручено мнѣ, если только я на это соглашусь, и, вѣроятно, на этихъ же дняхъ я буду приглашенъ Государемъ. Затѣмъ бесѣда между Шиповомъ и Нетцлиномъ перешла на поднятый послѣднимъ вопросъ о томъ, какъ смотритъ Гр. Витте на его просьбу устранить возникшее въ французскомъ правительствѣ сомнѣніе о правѣ русскаго правительства заключить заемъ теперь же, послѣ манифеста 17-го октября и выработаннаго проекта положенія о Государственной Думѣ, въ порядкѣ управленія, не ожидая разрѣшенія этого вопроса законодательными палатами.

Я былъ совершенно не въ курсѣ этого вопроса. Шиповъ вкратцѣ разсказалъ мнѣ его исторію и прибавилъ, что Пр. Мартенсъ, привлеченный къ его разработкѣ, заготовилъ уже подробный меморандумъ, который разрѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ это дѣло, и Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ его при участіи выдающихся юристовъ, нашелъ точку зрѣнія Мартенса совершенно безспорною. Нетцлинъ сказалъ тогда, что во Французскомъ Министерствѣ заняты также разсмотрѣніемъ этого вопроса, и онъ имѣлъ случай слышать, что тамъ приходятъ къ тому же заключенію, хотя дѣло не получило еще окончательной разработки, и было бы необходимо для пользы дѣла, чтобы докладъ Пр. Мартенса былъ скорѣе присланъ въ Парижъ.

Все это было для меня совершенною новостью, и на обратномъ пути въ городъ я спросилъ Шипова, каково же мое положеніе, когда я долженъ ежеминутно ждать отправки меня въ Парижъ, а я рѣшительно ничего не знаю о подготовкѣ вопроса, и не можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ въ руки тотъ матеріалъ, который имѣется у него, разумѣется, съ разрѣшенія Гр. Витте. Шиповъ обѣщалъ немедленно прислать все, что у него подъ руками, но сказалъ прямо, что онъ ровно ничего и самъ не знаетъ, такъ какъ все дѣлается непосредственно Гр. Витте и часто даже не по Министерству Финансовъ. О докладѣ же Мартенса онъ освѣдомленъ только потому, что присутствовалъ при его разсмотрѣніи въ Совѣтѣ. На другой день я былъ у Витте, передалъ ему всѣ мои впечатлѣнія, получилъ завѣреніе, что все

будетъ мнѣ немедленно прислано въ копіяхъ, но услышалъ отъ него, что сомнѣнія Нетцлина относительно международнаго характера займа совершенно неосновательны, такъ какъ самъ Нетцлинъ не въ курсѣ дѣла, и я убѣждусь изъ того, что будетъ мнѣ прислано, насколько это дѣло налажено, и насколько я могу быть увѣренъ въ успѣхѣ задуманной операціи.

Дѣйствительно, съ слѣдующаго же дня я сталъ получать разные матеріалы по займу, но кромѣ доклада Пр. Мартенса и короткаго заключенія Совѣта Министровъ, одобрившаго всѣ его выводы, я получилъ какіе-то обрывки несвязанныхъ между собою телеграммъ и отвѣтовъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Всѣ они касались исключительно вопроса о необходимости займа для Россіи и о сосредоточеніи переговоровъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ русской группы. Отвѣты Нетцлина по порученію группы были крайне неопредѣленны и техническая сторона займа вовсе въ нихъ не затронута. Но зато въ телеграммахъ былъ рядъ указаній Гр. Витте о томъ, что заемъ будетъ имѣть широкій международный характеръ, что согласіе Америки въ лицѣ Моргана вполнѣ обезпечено, точно также какъ и Германіи въ лицѣ группы Мендельсона, и дѣйствительно въ присланныхъ мнѣ телеграммахъ была копія недавней телеграммы Мендельсона съ выраженіемъ благодарности Графу Витте за его письмо (самого письма мнѣ прислано не было) и съ выраженіемъ принципіальной готовности участвовать въ международной операціи, но съ прибавленіемъ, что было бы крайне желательно, чтобы я по дорогѣ въ Парижъ остановился въ Берлинѣ, и чтобы основанія займа были между нами установлены до моего пребыванія въ Парижѣ. — Съ другой стороны, изъ тѣхъ же разрозненныхъ телеграммъ было видно, что Нетцлинъ предостерегалъ въ отношеніи размѣровъ участія Англіи, указывая, что Лордъ Ревельстокъ настроенъ пессимистично и прямо говоритъ, что его участіе можетъ быть лишь въ весьма скромномъ размѣрѣ и будетъ зависѣть отъ возможности котировки англійской части займа въ Парижѣ тотчасъ по заключеніи займа. Все это изученіе неполнаго дѣла не представлялось мнѣ очень надежнымъ, что я и говорилъ не разъ какъ Шипову, такъ и Гр. Витте. Дѣлился я моими впечатлѣніями и съ Гр. Сольскимъ, высказывая ему мои опасенія. Сольскій совѣтовалъ мнѣ не отказываться отъ поѣздки, но выяснить Государю предварительно всѣ мои опасенія и даже передать Ему краткую письменную меморію, чтобы оградить себя отъ нареканій на случай неуспѣха въ переговорахъ. Я всячески убѣждалъ его уговорить Витте выбрать кого-нибудь другого, но Сольскій настаивалъ на

томъ, что мнѣ не слѣдуетъ затруднять Государя и лучше идти на рискъ неудачи и обвиненія меня въ неумѣніи, нежели на созданіе для Государя, въ такую трудную для него пору, затрудненія въ выборѣ не того, кому Онъ довѣряетъ, а кого-либо совершенно неподходящаго. Я рѣшилъ такъ и поступить, но не согласился только подавать Государю какую-либо письменную меморію относительно предвидимыхъ мною трудностей.

Черезъ нѣсколько дней, около 20-го марта, я получилъ вызовъ, по телефону, въ Царское Село. Государь былъ по обыкновенію крайне милостивъ ко мнѣ, долго говорилъ о томъ, что многое его очень заботитъ, что вѣсти о выборахъ въ Думу не предвѣщаютъ ничего добраго, что въ Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ Онъ видитъ постоянныя колебанія и даже явныя противорѣчія въ предлагаемыхъ мѣрахъ, но все же надѣется на то, что благоразуміе возьметъ верхъ надъ революціоннымъ угаромъ, и что члены Думы, почувствовавши лежащую на нихъ отвѣтственность передъ страною, постепенно втянутся въ работу, и все понемногу уладится. Относительно моей поѣздки въ Парижъ Государь сказалъ мнѣ, что не сомнѣвается въ томъ, что я не откажу Ему въ Его просьбѣ поѣхать на «новый большой трудъ», какъ сказалъ Онъ, и вѣритъ, что я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ.

Я изложилъ передъ Государемъ мои опасенія, разсказалъ мое свиданіе съ Нетцлинымъ, мои частыя встрѣчи съ Гр. Витте и мои опасенія на счетъ того, что дѣло вовсе не такъ подготовлено, какъ это можетъ казаться, показалъ нѣсколько телеграммъ того же Нетцлина и просилъ не судить меня за неуспѣхъ, если бы имъ кончилась моя поѣздка. Въ заключеніе я сказалъ, что буду телеграфировать Предсѣдателю Совѣта Министровъ о каждомъ моемъ шагѣ, а «если будетъ ужъ очень плохо», — прибавилъ Государь — «то просто телеграфируйте прямо Мнѣ и будьте увѣрены. что за все я буду Вамъ сердечно благодаренъ, такъ какъ хорошо понимаю, что не на праздникъ и не на увеселительную прогулку Вы ѣдете».

Мои невеселыя думы насчетъ ожидающихъ меня трудностей въ Парижѣ стали сбываться гораздо скорѣе, нежели я самъ этого ожидалъ.

Я готовился уже къ отъѣзду и ждалъ только прямого указанія Гр. Витте о днѣ моего выѣзда, какъ всего три дня спустя послѣ аудіенціи у Государя Гр. Витте сказалъ мнѣ по телефону, что мнѣ слѣдуетъ выѣхать немедленно, хотя отъ Мендельсона получены недобрыя вѣсти, и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться

въ Берлинѣ, какъ это было первоначально предположено, а нужно ѣхать прямо въ Парижъ. На вопросъ мой, въ чемъ заключаются эти недобрыя вѣсти, онъ отвѣтилъ мнѣ просто, что Мендельсонъ отказывается за себя и за всю свою группу участвовать въ займѣ, не давая никакихъ объясненій, но что этотъ отказъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для успѣха операціи, такъ какъ одинъ фактъ участія въ ней Америки широко покрываетъ неблагопріятное послѣдствіе отъ выхода Германіи изъ синдиката.

Я заѣхалъ на другой день къ Гр. Витте, прочиталъ у него телеграмму Мендельсона, которая, дѣйствительно, не давала никакихъ мотивовъ, но для насъ обоихъ было очевидно, что это былъ простой отвѣтъ на нашу помощь, оказанную всего нѣсколько недѣль тому назадъ Франціи въ Альжесирасѣ. Черезъ два дня мы выѣхали, вмѣстѣ съ женою въ Парижъ. Въ Берлинѣ мы пробыли всего нѣсколько часовъ, не видали тамъ рѣшительно никого, я не заходилъ даже въ посольство, и мы воспользовались нѣсколькими свободными часами до отхода поѣзда на Парижъ, чтобы пройтись по Тиргартену. Я помню хорошо, что день былъ исключительно жаркій, въ паркѣ была масса гуляющихъ и среди нихъ, всеобщее вниманіе привлекъ на себя Императоръ Вильгельмъ, появившійся верхомъ, въ новой, впервые надѣтой имъ, походной формѣ защитнаго цвѣта, о чемъ на другой день всѣ газеты помѣстили особыя замѣтки, сообщая мельчайшія подробности этого новаго обмундированія.

Въ Парижѣ меня встрѣтили представители русской группы банковъ во Франціи и рядомъ съ ними командированные всѣми нашими банками для участія въ переговорахъ въ качествѣ ихъ представителей Я. И. Утинъ и А. И. Вышнеградскій. Первый изъ нихъ тутъ же сказалъ мнѣ, что русскіе банки рѣшили принять большое участіе въ новомъ займѣ, но предварили меня, что до ихъ свѣдѣнія уже дошло, что наши французскіе друзья находятся въ далеко не розовомъ настроеніи, ибо они знаютъ уже объ отказѣ нѣмцевъ участвовать въ займѣ, да и, кромѣ того, въ газетахъ появился слухъ, что и Америка также не предполагаетъ участвовать. На другой день утромъ ко мнѣ пріѣхалъ въ Отель Лондръ, на рю Кастильонэ, Нетцлинъ и подтвердилъ это сообщеніе, предъявивши мнѣ полученную имъ телеграмму отца Моргана о томъ, что онъ не можетъ выѣхать въ Парижъ и считаетъ моментъ для займа вообще неблагопріятнымъ. Нетцлинъ предполагалъ, что мнѣ это уже извѣстно, такъ какъ всѣ сношенія Моргана съ Россіей шли непосредственно чрезъ Гр. Витте, и онъ не сомнѣвается, что Морганъ не могъ не извѣстить послѣдняго объ

измѣненіи своего первоначальнаго предположенія разъ, что онъ извѣстилъ уже объ этомъ его. –

Былъ ли Гр. Витте освѣдомленъ объ этомъ, или получилъ извѣщеніе отъ Моргана уже послѣ моего выѣзда, я не могу этого сказать, но и сейчасъ могу только удостовѣрить, что меня Гр. Витте объ этомъ не извѣстилъ, и я долженъ былъ тотчасъ же сообщить ему эту первую непріятную вѣсть о положеніи дѣлъ въ Парижѣ, съ прибавкою и моего перваго же впечатлѣнія о томъ, что я засталъ вообще крайне вялое настроеніе среди французскихъ банкировъ.

Оно усиливалось отъ каждаго послѣдующаго разговора. Переговоры съ банкирами начались немедленно. Отъ имени англійской группы пріѣхалъ и ждалъ меня два дня Лордъ Ревельстокъ, который началъ съ того, что спросилъ меня, знаю ли я его корреспонденцію съ нашимъ Министромъ Финансовъ, такъ какъ онъ долженъ заявить мнѣ, что считаетъ и съ своей стороны, какъ и Морганъ, моментъ крайне неблагопріятнымъ для совершенія такой грандіозной операціи, какъ та, которая задумана русскимъ правительствомъ, но не отказывается отъ выясненія всѣхъ подробностей, если отъ него не потребуется сколько-нибудь значительнаго участія и даже намѣтилъ сумму не болѣе 25-ти—30-ти милліоновъ рублей и, затѣмъ, заранѣе оговорилъ, что для него необходимо знать, согласится ли Французское правительство на то, чтобы англійская часть займа была сразу допущена къ котировкѣ на французскомъ рынкѣ, такъ какъ только при этомъ условіи можно расчитывать на то, что въ Англіи подписка на заемъ не окончится фіаско. Нетцлинъ сказалъ мнѣ, что онъ надѣется на то, что съ этой стороны особыхъ затрудненій ожидать не слѣдуетъ.

Въ то же утро произошелъ также и первый контактъ мой съ голландцами и съ двумя представителями австрійскихъ банковъ. Первые сказали мнѣ просто, что ихъ участіе всегда очень скромное, но они думаютъ, что смогутъ дойти до цифры намѣченной лордомъ Ревельстокомъ и не будутъ ждать для себя особыхъ льготъ, кромѣ обѣщанія русскаго правительства, что выручка по займу останется въ Голландіи, по крайней мѣрѣ, до выясненія внутренняго положенія въ Россіи. Зато представители австрійскихъ банковъ, — я крайне сожалѣю о томъ, что изъ моей памяти совершенно вышло, кто именно представлялъ эти банки и какія именно кредитныя учрежденія, кромѣ Länder Bank'a, были ими представлены, — поразили не только меня, но и всѣхъ главныхъ представителей французской группы ясностью и неожиданностью ихъ заявленія, сдѣланнаго при томъ совершенно серьезно, пови-

димому, безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ правѣ сдѣлать это заявленіе. Они сказали мнѣ, что понимаютъ ихъ участіе исключительно какъ представителей кредитныхъ учрежденій страны, приглашаемой къ участію въ займѣ только для того, чтобы придать международный характеръ всей операціи, что участвовать фактически подпискою на заемъ и размѣщеніемъ его среди своихъ кліентовъ они вовсе не предполагаютъ, такъ какъ Австрія крайне бѣдна капиталами и сама нуждается въ займахъ. Они прибавили, что въ этомъ не могло быть какого-либо сомнѣнія и у Гр. Витте, который сдѣлалъ имъ предложеніе чрезъ Берлинъ, то-есть, чрезъ домъ Мендельсона, и они имѣли опредѣленно въ виду, что Германія просто возьметъ ихъ въ свою долю, они же воспользуются только выгодами отъ операціи.

Результатъ этого перваго моего объясненія съ участниками такого «международнаго» синдиката я, конечно, тотчасъ же протелеграфировалъ въ Петербургъ и получилъ отвѣтъ, что этимъ смущаться не слѣдуетъ, такъ какъ Франція, Россія, Голландія и Англія могутъ и собственными силами справиться съ займомъ и придется только, быть можетъ, пойти на нѣкоторое уменьшеніе первоначально намѣченной цифры въ три милліарда.

Такое было начало моихъ переговоровъ въ Парижѣ. Оно не предвѣщало мнѣ большого успѣха, и съ невеселыми думами пришлось мнѣ явиться въ Министерство Финансовъ, гдѣ меня ждали для выясненія прежде всего формальнаго вопроса о правѣ русскаго правительства на заключеніе займа передъ самымъ созывомъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, которымъ опубликованный уже законъ давалъ право разрѣшать или не разрѣшать кредитныя операціи.

Тутъ я впервые познакомился съ Министромъ Финансовъ Пуанкарэ и долженъ сказать, безъ всякихъ оговорокъ, что его содѣйствію я обязанъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не уѣхалъ изъ Парижа съ пустыми руками.

Онъ принялъ меня сначала весьма сдержанно, даже пожалуй сухо, внимательно прочиталъ меморандумъ, приготовленный профессоромъ Мартенсомъ и дополненный заключеніемъ нашихъ двухъ Министерствъ: Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ, просилъ меня оставить его на нѣсколько дней у себя и не скрылъ отъ меня, что Французское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, со своей стороны, имѣетъ разработанное заключеніе одного изъ лучшихъ своихъ знатоковъ Международнаго права, и онъ можетъ сказать мнѣ, что это заключеніе во всемъ совпадаетъ съ русскою точкою зрѣнія, и онъ имѣетъ надежду склонить и правительство къ при-

нятію этой точки зрѣнія, хотя — прибавилъ онъ — это далеко не такъ просто, потому что нѣкоторые члены кабинета придерживаются совершенно противуположной точки зрѣнія и не легко откажутся отъ нея. Они видятъ въ этомъ вопросѣ возможность вообще не допустить совершенія теперь этой кредитной операціи на французскомъ рынкѣ, въ особенности послѣ того, что Германія и Америка уклонились отъ участія въ ней. Пуанкарэ не пояснилъ мнѣ, кто именно изъ французскихъ министровъ не расположенъ къ займу, но, судя по тому, что онъ сказалъ мнѣ вскользъ о необходимости для меня познакомиться съ Министромъ Юстиціи Сарьеномъ и особенно настойчиво говорилъ мнѣ о томъ, что я обязательно долженъ быть у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Клемансо, — я понялъ, что именно послѣдній былъ особенно враждебно настроенъ противъ займа.

Я немедленно послѣдовалъ этому указанію.

Сарьенъ принялъ меня очень любезно, мало о чемъ разспрашивалъ, и мнѣ пришлось самому перевести разговоръ на правовую сторону и указать, что наша точка зрѣнія совершенно совпадаетъ съ заключеніемъ французскихъ авторитетовъ международнаго права. Въ отвѣтъ на мои разъясненія нашей точки зрѣнія, Сарьенъ сказалъ мнѣ въ самомъ добродушномъ тонѣ, что я могу быть совершенно спокоенъ за его голосъ, такъ какъ онъ знаетъ уже взглядъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вполнѣ солидаренъ съ Министромъ Финансовъ и будетъ поддерживать желаніе русскаго правительства, отлично понимая, что выйдя изъ неудачной войны, оно заботится упорядочить свои финансы, въ особенности передъ тѣмъ, чтобы перейти къ конституціонному образу правленія. Онъ вовсе не углублялся въ особенности нашего новаго строя, и мнѣ не было причины отнимать долго его время.

Иной былъ пріемъ у Клемансо.

Онъ принялъ меня въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, на площади Бово, въ томъ самомъ кабинетѣ, въ которомъ 26 лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1880-го года, вмѣстѣ съ покойнымъ Галкинымъ-Враскимъ, я былъ принятъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ того времени Констансомъ, по случаю созыва международной тюремной Комиссіи. Въ шутливой формѣ, не разспрашивая меня рѣшительно ни о чемъ, Клемансо началъ свою короткую бесѣду съ замѣчанія: «думаете ли Вы, господинъ Статсъ-Секретарь, что Ваше правительство избрало подходящій моментъ для займа крупной суммы денегъ на французскомъ рынкѣ».

Я отвѣтилъ ему, что не вижу никакихъ неблагопріятныхъ условій въ состояніи парижскаго рынка для такой операціи и,

кромѣ того, представители финансовыхъ сферъ сами указали нашему правительству, что время вполнѣ благопріятно, и, если не произойдетъ чего-либо неожиданнаго внутри Россіи, они надѣются на то, что французская публика сдѣлаетъ хорошій пріемъ новой финансовой операціи Россіи, лишь бы техническія условія казались ей достаточно заманчивыми.

Клемансо прервалъ меня словами: «о выгодности Вашего займа для публики я совершенно не забочусь и вполнѣ увѣренъ въ томъ, что наши банкиры сумѣютъ выговорить весьма заманчивыя для публики условія, знаю я также и то, что Вы привезли съ собою юридическую консультацію Вашихъ законовѣдовъ о томъ, что Ваше правительство имѣетъ право на заключеніе такого займа, какъ и то, что наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ Вами солидарно, но меня это далеко еще не убѣждаетъ, и я не знаю подамъ ли я мой голосъ за такую точку зрѣнія. Къ тому же я видѣлъ на дняхъ нѣкоторыхъ изъ Вашихъ соотечественниковъ, которые не только не раздѣляютъ этого взгляда, но даже протестуютъ противъ примѣненія его».

Я не успѣлъ еще попросить его разъяснить мнѣ, кто эти мои соотечественники и насколько они, проживая заграницею, компетентны въ такомъ вопросѣ, такъ какъ у меня просто мелькнула мысль, что Клемансо видѣлъ кого-либо изъ немногочисленной случайной русской колоніи, далекой отъ государственныхъ дѣлъ, или же до него дошли отголоски подпольной агитаціи русскихъ революціонныхъ кружковъ во Франціи, — какъ Клемансо, поднимаясь, чтобы проститься со мною, задалъ мнѣ, совершенно неожиданно, крайне удивившій меня вопросъ: «скажите мнѣ, Ваше Превосходительство, отчего бы Вашему Государю не пригласить Господина Милюкова возглавить новое Правительство. Мнѣ кажется, что это было бы очень хорошо и съ точки зрѣнія удовлетворенія общественнаго мнѣнія и разрѣшило бы многіе вопросы».

Я отвѣтилъ на это, что мнѣ совершенно неизвѣстно, на комъ остановитъ Императоръ свой выборъ для новаго правительства и будетъ ли замѣненъ нынѣшній составъ его новымъ, но не могу не обратить вниманія Министра Внутреннихъ Дѣлъ на то, что по схемѣ русскаго законодательства, права короны ни въ чемъ не измѣняются ни въ отношеніи правъ Императора по избранію Министровъ, ни въ отношеніи отвѣтственности Министровъ, которые не подчиняются вотуму законодательныхъ учрежденій.

Послѣднія слова Клемансо, когда онъ провожалъ уже меня въ пріемную, были: «очень жаль, мнѣ кажется, что это было бы очень хорошо».

На слѣдующій день меня принялъ не задолго передъ тѣмъ избранный Президентомъ Республики Фальеръ, и въ его бесѣдѣ разомъ выяснилось то, что мнѣ было вчера совершенно непонятно.

Фальеръ видимо вовсе не спѣшилъ отдѣлаться отъ меня и говорилъ сравнительно долго, очень просто, искренно и не вводилъ никакихъ недомолвокъ въ свои слова. Онъ началъ съ того, что Франція, какъ союзница Россіи, естественно должна помочь ей выйти изъ ея труднаго положенія созданнаго неудачною войною и внутреннею смутою, въ особенности, когда Россіи удалось съ такою честью выйти изъ войны съ Японіею, заключеніемъ договора почти не затрогивающаго ея достоинства. Онъ понимаетъ также стремленіе нашего правительства начать новую «конституціонную» жизнь съ упорядоченными финансами и, съ этой точки зрѣнія, очень радъ тому, что французское Министерство, опираясь на лучшіе свои авторитеты, можетъ встать на ту же точку зрѣнія относительно права Русскаго правительства, заключить новый заемъ безъ согласія палатъ еще не созванныхъ и — для ликвидаціи своихъ старыхъ обязательствъ, — на какой стоитъ и правительство Русскаго Императора. Франція — прибавилъ онъ — не имѣетъ права забывать какую неоцѣненную помощь оказываетъ Россія ей всякій разъ, когда она обращается за помощью и поддержкою, и онъ надѣется, поэтому, что правительство окончательно усвоитъ себѣ эту точку зрѣнія и окажетъ мнѣ необходимую поддержку. «Но Вы должны быть готовы къ тому, что это пройдетъ не совсѣмъ гладко, потому что здѣсь находятся Ваши соотечественники, которые ведутъ самую энергичную компанію противъ заключенія Вами займа, и Вы встрѣтитесь съ тѣмъ настроеніемъ, которое создается ими въ самыхъ вліятельныхъ кругахъ и не останется безъ серьезнаго вліянія, хотя я надѣюсь, что въ конечномъ выводѣ Вы достигнете благополучнаго конца. Васъ поддержитъ Министръ Финансовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ».

Затѣмъ, не облекая своихъ словъ въ какую-либо тайну и даже не говоря мнѣ о томъ, что онъ проситъ меня не сообщить никому о его бесѣдѣ, Президентъ Республики, не называя мнѣ именъ, сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я самъ былъ поставленъ въ этомъ вопросѣ въ самое непріятное положеніе и при томъ совершенно неожиданно. Меня просилъ одинъ видный французскій дѣятель — впослѣдствіи я узналъ, что это былъ никто иной, какъ Анатоль Франсъ, — чтобы я принялъ двухъ Вашихъ соотечественниковъ, которые желали бы мнѣ засвидѣ-

тельствовать свое почтеніе. Ничего не подозрѣвая и предполагая даже, что я могу узнать въ бесѣдѣ съ ними что-либо новое относительно положенія въ Россіи, я охотно согласился на это, но былъ крайне удивленъ, что эти господа прямо начали съ того, что они являются ко мнѣ съ цѣлью протестовать противъ предположенія русскаго правительства заключить во Франціи заемъ, не ожидая созыва новыхъ законодательныхъ учрежденій и безъ полученія ихъ полномочій, что такой заемъ безусловно незаконенъ и вѣроятно не будетъ признанъ народнымъ представительствомъ, и, слѣдовательно, я окажу прямую услугу французскому капиталу, избавивши его отъ риска потерять деньги, обращенныя въ такой заемъ. Я былъ до такой степени смущенъ этимъ визитомъ и самою формою обращенія ко мнѣ, что отвѣтилъ этимъ господамъ, что они должны обратиться къ Правительству, а не ко мнѣ. тѣмъ болѣе, что никакая кредитная операція во Франціи не можетъ быть заключена безъ его разрѣшенія».

Изъ словъ Президента Республики я понялъ, что визитъ къ нему былъ сдѣланъ послѣ того, что попытка этихъ русскихъ людей добиться свиданія съ Министромъ Финансовъ не увѣнчалась успѣхомъ. Впослѣдствіи имена этихъ двухъ лицъ стали всѣмъ извѣстны: Князь П. Долгорукій и Гр. Нессельроде. Въ бытность мою въ Парижѣ. я нигдѣ не встрѣтился съ ними, но впослѣдствіи, въ засѣданіяхъ Думы мнѣ не разъ приходилось публично выступать по этому поводу и всякій разъ, въ отвѣтъ на мое заявленіе объ этомъ печальномъ эпизодѣ, со скамей оппозиціи неизмѣнно раздавалось одно заявленіе: «Опять Министръ Финансовъ разсказываетъ басни, которыхъ никогда не было».

Много лѣтъ спустя, когда я пріѣхалъ въ Парижъ эмигрантомъ, — въ началѣ 1919 года, меня посѣтилъ на рю д'Асторгъ Гр. Нессельроде, съ которымъ, въ семидесятыхъ годахъ, мы сидѣли за однимъ столомъ въ уголовномъ отдѣленіи Министерства Юстиціи. Это былъ уже дряхлый, больной старикъ, хотя и немного лишь старше меня годами. Онъ зашелъ ко мнѣ только для того, чтобы узнать, какъ удалось мнѣ выбраться изъ Россіи, и когда я кончилъ мой разсказъ и спросилъ его, не разрѣшитъ ли онъ мнѣ узнать у него теперь, когда о прошломъ можно говорить безъ всякаго раздраженія, — какъ призошелъ весь этотъ эпизодъ съ его участіемъ въ кампаніи противъ займа 1906 года? Мы оба въ эмиграціи,—сказалъ я,—и можемъ безъ гнѣва говорить о томъ, что было и былью поросло. Онъ сказалъ мнѣ только, что предпочитаетъ ничего объ этомъ не говорить, и мы больше съ нимъ не видѣлись. Онъ не далъ мнѣ даже своего адреса сказавши,

что никого не принимаетъ и ни съ кѣмъ больше не видится. Вскорѣ онъ скончался.

Послѣ окончанія моихъ офиціальныхъ визитовъ, въ устройствѣ которыхъ величайшую помощь оказалъ мнѣ нашъ посолъ А. И. Нелидовъ, которому я былъ обязанъ не только самымъ широкимъ гостепріимствомъ, но и положительною поддержкою во всемъ, въ чемъ только онъ могъ быть мнѣ полезенъ и безъ чего мнѣ пришлось бы потратить много лишняго времени, — начались мои трудные переговоры съ банкирами. Дни шли за днями, въ безконечныхъ засѣданіяхъ и сепаратныхъ переговорахъ съ отдѣльными участниками сформировавшагося синдиката, и чѣмъ бы они кончились въ дѣйствительности, если бы не было самой широкой поддержки Министра Финансовъ Пуанкарэ — этого просто нельзя и сказать.

Къ смягченію моего сужденія о трудностяхъ, встрѣченныхъ мною при разсмотрѣніи этого дѣла, я долженъ сказать, что на долю французскихъ банковъ выпала задача гораздо болѣе трудная нежели та, къ которой они были приготовлены. Вмѣсто предполагавшагося международнаго займа, съ привлеченіемъ сбереженій чуть ли не всего стараго и новаго свѣта, все дѣло свелось къ двумъ рынкамъ — французскому въ отношеніи большей части займа, русскому — также въ значительной его части и тоже большей, нежели первоначально имѣлось въ виду, и — къ двумъ маленькимъ долямъ въ общемъ участіи со стороны Англіи и Голландіи, да и то Англія на первыхъ же порахъ, какъ я уже упомянулъ, выговорила право котировки ея доли въ займѣ на парижскомъ рынкѣ.

Русскіе банки, въ лицѣ ихъ представителей Я. И. Утина и А. И. Вышнеградскаго, оказали мнѣ самую широкую помощь. Во всѣхъ открытыхъ засѣданіяхъ они поддерживали мои настоянія самымъ недвусмысленнымъ образомъ и очень помогли мнѣ въ двухъ главныхъ вопросахъ — въ размѣрѣ займа, доведя его до цифры въ два милліарда съ четвертью и увеличивши долю участія русскихъ банковъ, когда французскіе начали съ полутора милліардовъ и не хотѣли ни въ какомъ случаѣ перейти 1.750-ти милліоновъ, а также и въ основномъ вопросѣ о выпускной цѣнѣ займа и о размѣрѣ комиссіоннаго вознагражденія банковъ за ихъ посредническое участіе въ реализаціи займа. Эти два вопроса, въ сущности, сливались въ одинъ — какую сумму получитъ русская казна въ свое распоряженіе отъ выпускаемаго займа.

Сейчасъ мнѣ не хочется приводить въ подробности о всѣхъ тягостныхъ перепетіяхъ, черезъ которыя я прошелъ въ теченіе

цѣлаго ряда дней, когда этотъ торгъ много разъ былъ наканунѣ полнаго разрыва, настолько представители французской группы, державшіе переговоры цѣликомъ въ своихъ рукахъ, силились сбить меня съ той позиціи, которую я занялъ еще въ Царскомъ Селѣ въ переговорахъ съ Нетцлинымъ и которую заявилъ моимъ партнерамъ съ перваго же дня нашихъ взаимныхъ объясненій. Я сказалъ имъ и — Нетцлинъ съ полнѣйшую корректностью подтвердилъ правильность моей на него ссылки, — что ниже выручки въ пользу русской казны такой суммы, при которой заемъ обошелся бы ей не дороже 6%, — то-есть 82½% за 100 номинальныхъ я ни въ какомъ случаѣ не пойду и предложилъ имъ или увеличить выпускную цѣну займа или понизить ихъ комиссію. На первое они, на самомъ дѣлѣ идти не могли, — настолько рынокъ былъ плохо расположенъ къ немедленной операціи и настолько разнообразны были всевозможныя вліянія къ тому, чтобы отсрочить заключеніе займа до лучшей поры.

Банкамъ пришлось уступить мнѣ въ размѣрѣ комиссіоннаго ихъ вознагражденія, которое они сначала выставили въ низшей, возможной по ихъ мнѣнію, — цифрѣ, сначала 8, а потомъ 7½%. Наше несогласіе изъ-за этого пункта доходило подчасъ до совершенно непонятныхъ для всякаго посторонняго человѣка обостреній. Не разъ наши засѣданія закрывались до слѣдующаго дня, и каждая сторона искала опоры тамъ, гдѣ думала ее найти. Мнѣ приходилось искать ее въ бесѣдахъ съ Министромъ Финансовъ Пуанкарэ и въ обращенныхъ къ нему просьбахъ повліять въ мѣрѣ возможности на банкировъ въ ссылкахъ на необходимость беречь престижъ русскаго правительства и самого французскаго правительства передъ началомъ новаго порядка управленія у насъ.

Я не зналъ, конечно, каковы были объясненія Министра Финансовъ съ главою синдиката Нетцлинымъ, но и сейчасъ, болѣе четверти вѣка послѣ этого тягостнаго для меня времени, думаю, что его моральная помощь, оказанная Россіи въ эту минуту, играла рѣшающую роль. Я видѣлъ каждый день, каждую новую нашу встрѣчу послѣ нервно проведеннаго предыдущаго собранія въ Парижско-Нидерландскомъ Банкѣ, какъ мѣнялся тонъ моихъ партнеровъ, постепенно переходя изъ рѣзко отрицательнаго въ болѣе мягкій и даже уступчивый, какъ открыто искали они какого-либо исхода изъ выяснившагося непримиримаго нашего взаимнаго положенія и какъ, наконецъ, постепенно мы дошли до соглашенія въ томъ, что было мнѣ нужно и что давало мнѣ право сказать впослѣдствіи, что и въ эту неблагопріятную минуту, Рос-

сія все же могла заключить столь необходимый для нея заемъ изъ 6-ти процентовъ дѣйствительныхъ.

Справедливость заставляетъ меня упомянуть, что въ эту пору я нашелъ неожиданную хотя и косвенную поддержку въ человѣкѣ, который впослѣдствіи проявилъ ко мнѣ совершенно иное отношеніе. Это былъ синдикъ компаніи биржевыхъ маклеровъ Г. де-Вернейль. Его отношенія съ банками были дурныя. Онъ открыто говорилъ, что банки слишкомъ дорого берутъ за ихъ услуги, удорожаютъ стоимость займовыхъ операцій во Франціи и сокращаютъ тѣмъ самымъ поле дѣятельности французскаго рынка въ міровомъ кредитованіи молодыхъ странъ.

Его давнишняя мечта заключалась въ томъ, чтобы изъять дѣло заключенія займовъ изъ рукъ коммерческихъ банковъ и сосредоточить его непосредственно въ компаніи биржевыхъ маклеровъ, располагающихъ, по его мнѣнію, прямою возможностью широкаго размѣщенія займовъ непосредственно чрезъ свою кліентуру. Банки были съ нимъ въ самой рѣзкой оппозиціи и не скрывали своего раздраженія противъ него. Я увѣренъ, что де-Вернейль былъ въ сущности совершенно не правъ и далеко переоцѣнивалъ силу биржевыхъ маклеровъ въ размѣщеніи иностранныхъ займовъ, тѣмъ болѣе, что только немногіе маклера могли выдерживать болѣе или менѣе продолжительное время облигаціи этихъ займовъ въ своихъ портфеляхъ и совершенно не обладали средствами для поддержанія курса займовъ въ минуты финансовыхъ кризисовъ. Онъ былъ также далеко не чуждъ и большого самомнѣнія о своихъ финансовыхъ дарованіяхъ и носился долгое время съ мыслью подчинить вообще коммерческіе банки полному контролю и руководству своему, какъ предсѣдателя компаніи маклеровъ. Банки разумѣется боролись противъ его тенденцій всѣми доступными имъ способами и, въ концѣ концовъ, одержали верхъ. Шесть лѣтъ спустя, Вернейль не былъ выбранъ на должность синдика и совершенно стушевался съ Парижскаго горизонта. Я болѣе не встрѣчался съ нимъ послѣ 1913-го года, — о чемъ рѣчь впереди, — и когда въ 1918 году я попалъ въ Парижъ, въ изгнаніе, онъ не навѣстилъ меня, хотя и зналъ, конечно, о моемъ переѣздѣ во Францію. Онъ даже, вмѣстѣ со мною былъ вызванъ въ судъ исправительной полиціи свидѣтелемъ по дѣлу объ оклеветаніи газеты Матэнъ коммунистическою газетою Юманитэ, но на судъ не явился и избѣгъ встрѣчи со мною. Въ моемъ дѣлѣ по заключенію займа, я долженъ, однако, сказать, что нападки на чрезмѣрныя требованія банковъ въ отношеніи комиссіоннаго ихъ вознагражденія за счетъ русской казны, — не оста-

лись безъ вліянія, такъ какъ банки встрѣчались почти ежедневно съ его нападками и не могли оставаться совершенно безучастными къ нимъ. Меня даже упрекнули въ одномъ изъ нашихъ собраній, что я иду на помочахъ у Г. де-Вернейля, — желая передать всю операцію въ его руки. — Такой упрекъ сдѣлалъ мнѣ открыто представитель въ синдикатѣ со стороны Ліонскаго Кредита, покойный Бонзонъ, но встрѣтился съ рѣзкою отповѣдью съ моей стороны и съ предложеніемъ запросить тотчасъ же самого де-Вернейля, насколько такое предположеніе фактически справедливо, и инцидентъ былъ быстро исчерпанъ и не имѣлъ непріятныхъ послѣдствій.

Въ моихъ переговорахъ съ банками не малое значеніе имѣлъ и не малое количество крови испортилъ мнѣ еще и вопросъ объ отношеніи къ нашему займу парижской ежедневной прессы. Всѣ знаютъ вліяніе прессы на общественное мнѣніе во Франціи. Мнѣ же оно было хорошо извѣстно съ самаго начала войны, такъ какъ пришлось на первыхъ же шагахъ моихъ въ должности Министра Финансовъ встрѣтиться съ настойчивымъ заявленіемъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, основаннымъ на депешахъ нашего Парижскаго посла А. И. Нелидова о необходимости поддерживать наше политическое положеніе близкимъ отношеніемъ къ прессѣ и заинтересовать ее въ болѣе объективномъ и даже благопріятномъ освѣщеніи нашего внутренняго положенія. Нелидовъ настаивалъ на необходимости ассигновать средства на прессу уже потому одну, что Японія дѣлаетъ это въ очень широкомъ масштабѣ, но онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя всякое участіе въ распредѣленіи средствъ между газетами и настойчиво совѣтовалъ передать это дѣло цѣликомъ въ руки нашего Финансоваго Агента А. Г. Рафаловича. Рафаловичъ, съ своей стороны, не отказываясь отъ этой непріятной миссіи, писалъ мнѣ не разъ совершенно откровенно, что она его крайне тяготитъ, такъ какъ газеты все больше и больше повышаютъ ихъ требованія по мѣрѣ постигавшихъ насъ военныхъ неудачъ и совѣтовалъ мнѣ разъ навсегда сосредоточить суммы и ихъ распредѣленіе въ рукахъ представителя прессы, какимъ былъ въ то время Г. Ленуаръ (отецъ), пользовавшійся, по его словамъ, хорошею репутаціею въ журнальномъ мірѣ. Этимъ способомъ Рафаловичъ надѣялся отстранить отъ себя нареканіе за неправильную раздачу денегъ и даже за злоупотребленіе этимъ деликатнымъ порученіемъ и, главнымъ образомъ, освободить Министерство Финансовъ отъ новыхъ домогательствъ и партійнаго соревнованія между отдѣльными группами газетъ. Поэтому, когда Нетплинъ пріѣхалъ въ Царское Село и велъ со мною

предварительную бесѣду, онъ сразу же возбудилъ вопросъ о томъ, какъ предполагаетъ наше правительство организовать это дѣло, если будетъ принято рѣшеніе заключить заемъ. Онъ горячо поддерживалъ идею Рафаловича о порученіи дѣла Ленуару и столь же горячо доказывалъ, что банки ни какомъ случаѣ не возьмутъ расходы на прессу на свой счетъ, и что русская казна должна покрыть ихъ, сверхъ той комиссіи, которая будетъ выговорена въ пользу банковъ по контракту. Гр. Витте не придавалъ этому вопросу никакого значенія, считая его мелочнымъ, и предоставилъ мнѣ принять то рѣшеніе, которое окажется необходимымъ.

Когда я пріѣхалъ въ Парижъ, то я встрѣтился съ этимъ вопросомъ буквально съ перваго дня, какъ только начались переговоры объ условіяхъ займа. Нетцлинъ всталъ рѣзко на свою прежнюю точку зрѣнія и требовалъ, чтобы банки были освобождены отъ расходовъ на прессу и послѣдніе взяты на русскую казну. Рафаловичъ предостерегалъ меня отъ такого рѣшенія, открыто заявляя, что казна заплатить неизмѣримо больше, нежели заплатили бы банки, если бы расходъ былъ включенъ въ ихъ комиссію. Онъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ даже скорѣе согласиться на нѣкоторое повышеніе комиссіи, но только не освобождать банковъ отъ этого расхода, такъ какъ въ противномъ случаѣ, помимо увеличенія расходовъ, будутъ еще заявлены нескончаемыя нареканія на то, что дѣло не удалось изъ-за неумѣлаго распредѣленія субсидій прессѣ, хотя бы онѣ были производимы въ совершенно легальной формѣ — оплаты за казенныя публикаціи по тиражированію русскихъ займовъ.

Я такъ и поступилъ, и всѣ наши споры шли тѣмъ болѣе упорно и тѣмъ съ большими перерывами, чѣмъ больше я настаивалъ на уменьшеніе намѣченной комиссіи со включеніемъ въ нее и расходовъ на прессу. Не стану говорить о томъ, какого труда мнѣ это стоило, и какая гора свалилась съ плечъ, когда и по этому вопросу удалось достигнуть соглашенія. Мы договорились на томъ, что банки получаютъ общую комиссію въ 5½% и распредѣляютъ ее между собою безъ всякаго моего участія, принимая на себя и всѣ домогательства прессы. Ленуаръ (отецъ), съ свой стороны, убѣдившись въ томъ, что разговаривать съ русскимъ правительствомъ ему не придется, условился съ банками, помимо всякаго моего участія, что при создавшемся положеніи лучше всего дѣлать такъ, чтобы пресса просто молчала объ операціи займа и не вела никакой кампаніи за его поддержку, такъ какъ эта кампанія можетъ только вызвать совершенно противополож-

ную со стороны печати, не попавшей въ консорціумъ, а испортитъ только все дѣло. Такъ и было поступлено. Сколько уплатили банки прессѣ, я не зналъ и не знаю и теперь, но шутники острили тогда, что пресса получила очень мало. Замѣчательно на самомъ дѣлѣ, однако, то, что журналисты, съ самой минуты нашего соглашенія о прессѣ, прекратили вовсе посѣщать меня, и весь вопросъ о переговорахъ о займѣ окончательно сошелъ со столбцовъ нибблѣе распространенныхъ газетъ, какъ будто никакого займа и не было и никто никакихъ переговоровъ не велъ въ Парижѣ. Для меня это было величайшимъ благомъ, да и изъ Петербурга я получалъ только комплименты относительно спокойнаго тона прессы вообще и нескрываемаго недоумѣнія, какъ мало свѣдѣній о нашемъ займѣ можно почерпнуть изъ газетъ.

Съ разрѣшеніемъ благополучнымъ образомъ самыхъ трудныхъ вопросовъ по займу, детали этого дѣла пошли уже гораздо болѣе гладко, чѣмъ можно было ожидать. Я былъ уступчивъ по всѣмъ вопросамъ редакціи контракта, мои партнеры особенно настаивали на уточненіи такъ называемой «клозъ резолютуаръ», освобождающей контръ-агентовъ отъ принятаго ими на себя обязательства въ случаѣ наступленія такихъ политическихъ или иныхъ событій, которыя выразились бы потрясеніемъ на міровомъ денежномъ рынкѣ въ формѣ опредѣленнаго контрактомъ пониженія основныхъ биржевыхъ цѣнностей, и дѣло шло мирно и даже сравнительно быстро. Приближался моментъ подписанія контракта. Его основныя постановленія были переданы мною по телеграфу въ Петербургъ непосредственно Гр. Витте, и чрезвычайно быстро я получилъ почти одновременно три депеши: отъ самого Витте, отъ Министра Финансовъ Шипова и слѣдомъ затѣмъ непосредственно отъ Государя.

Витте былъ лакониченъ, но сообщилъ, что онъ приписываетъ моимъ настояніямъ успѣхъ займа, превосходящій всѣ его ожиданія. Шиповъ просто поздравлялъ меня съ достигнутымъ прекраснымъ результатомъ. Государь сказалъ мнѣ въ Его телеграммѣ гораздо больше: «Вы оказали огромную услугу Россіи и Мнѣ. Я никогда не забуду ея и ясно вижу, какой огромный трудъ выполнили Вы въ тяжелыхъ условіяхъ переживаемой минуты. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашего личнаго доклада».

ГЛАВА IV.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Отставка гр. Витте и назначеніе И. Л. Горемыкина. — Моя бесѣда съ Горемыкинымъ и пріемъ меня Государемъ. — Условія, при которыхъ я былъ назначенъ Министромъ Финансовъ. — Открытіе Государемъ въ Зимнемъ Дворцѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. — Пріемъ меня Императрицами Александрой Федоровной и Маріей Федоровной. — Открытіе Думы въ ея помѣщеніи.

Вернулся я изъ моей поѣздки въ Парижъ 19-го апрѣля утромъ.

Не успѣлъ я разобраться съ вещами и повидать своихъ, какъ въ то же утро я получилъ письмо отъ Ивана Логгиновича Горемыкина, жившаго въ двухъ шагахъ отъ меня на той же Сергіевской улицѣ. До этого письма я не видалъ буквально никого, не успѣлъ просмотрѣть и газетъ за послѣдніе дни, не говоря уже о томъ, что за все время моего пребыванія въ Парижѣ я только урывками слѣдилъ за русскою прессою и былъ положительно внѣ всего, что дѣлалось дома, и шелъ къ Горемыкину въ полной неизвѣстности того, за чѣмъ онъ меня зоветъ.

Безъ всякихъ предисловій, онъ сказалъ мнѣ, что Государь съ нетерпѣніемъ ждетъ моего возвращенія и просилъ его, какъ избраннаго Имъ на мѣсто увольняемаго отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ Гр. Витте, занять его мѣсто и составить новое Министерство, въ которое, по желанію Государя, не долженъ войти никто изъ сотрудниковъ Витте. Онъ предваряетъ меня, что Государь остановилъ на мнѣ свой выборъ для должности Министра Финансовъ.

Отъ себя Горемыкинъ прибавилъ, что онъ горячо поддерживаетъ желаніе Государя, которое только опередило его собственное желаніе, которое онъ непремѣнно высказалъ бы, если бы Государь не началъ съ того, что Онъ именно желаетъ видѣть меня на

этомъ посту. Я немедленно же сталъ доказывать Горемыкину, что рѣшительно не могу принять этого назначенія, такъ какъ всего 7 дней отдѣляетъ насъ отъ открытія новой Государственной Думы, а я болѣе полугода нахожусь внѣ текущей государственной работы и не знаю рѣшительно ничего о томъ, что подготовлено для Думы, знаю только, что выборы по всѣмъ признакамъ дадутъ опредѣленно враждебное всякому правительству настроеніе въ представителяхъ народа, что при такомъ условіи конфликтъ между правительствомъ и новымъ законодательнымъ аппаратомъ неизбѣженъ, и какое бы Министерство не было составлено, оно не будетъ въ состояніи работать и должно будетъ уйти, если только сразу же Государь не встанетъ на путь роспуска Думы. Я всячески доказывалъ, что лучше всего было бы оставить прежній составъ Министерства, приготовившаго выборы, и сберечь новыя силы для будущаго, когда сколько-нибудь выяснится обстановка совмѣстной работы съ новыми законодательными учрежденіями.

Не выходя изъ своего обычнаго безразличія, Горемыкинъ мало опровергалъ мои аргументы и сказалъ мнѣ только, что Государь не довѣряетъ прежнему Министерству, положительно не желаетъ сохранить никого изъ его состава въ новомъ Совѣтѣ, хотя отдѣльныя лица, какъ напримѣръ Шиповъ, ему лично симпатичны, и проситъ меня все, что я ему сказалъ, лично доложить Государю, такъ какъ мое назначеніе предрѣшено Имъ, и онъ не въ состояніи исполнить моего желанія и лично положительно отказывается отъ передачи моей просьбы Его Величеству.

Все объясненіе Горемыкина со мною оставило во мнѣ самое тяжелое впечатлѣніе и только укрѣпило меня въ необходимости такъ или иначе, но уклониться отъ участія въ составѣ правительства подъ его предсѣдательствомъ. Наиболѣе характернымъ показался мнѣ его отвѣтъ на мое замѣчаніе, что проводить въ Думѣ должно свои законопроекты то правительство, которое ихъ подготовляло, такъ какъ трудно представить себѣ, чтобы новый составъ могъ защищать такія предположенія, которыя могутъ совершенно несоотвѣтствовать его взглядамъ, начинать же законодательную работу съ того, чтобы брать назадъ то, что внесено, просто неполитично и только въ состояніи дискредитировать власть передъ новымъ народнымъ представительствомъ.

Съ полной невозмутимостью Горемыкинъ замѣтилъ мнѣ, что я просто заблуждаюсь, предполагая, что правительство Гр. Витте подготовило что-либо для новыхъ палатъ, и что Государственная Дума станетъ заниматься разсмотрѣніемъ внесенныхъ ей проектовъ. «Вотъ у меня на столѣ лежитъ списокъ дѣлъ, предста-

вленныхъ въ Думу, который доставилъ мнѣ Н. И. Вуичъ (управляющій дѣлами Совѣта Министровъ), — полюбуйтесь имъ». Списокъ оказался совершенно чистымъ, ни одного дѣла въ немъ предполагалъ заняться этими вопросами послѣ открытія Думы, предполагалъ заняться этимъ вопросамъ послѣ открытія Думы, имѣя въ виду, что немало времени уйдетъ на организаціонную работу Думы и новаго Государственнаго Совѣта.

Впослѣдствіи оказалось, что въ первые дни по открытіи Думы только Министерство Народнаго Просвѣщенія внесло за подписью П. М. фонъ-Кауфмана Туркестанскаго два представленія объ устройствѣ прачечной и о ремонтѣ оранжереи при Дерптскомъ университетѣ, послужившія предметомъ немалыхъ насмѣшекъ со стороны ораторовъ первой Думы.

Но всего характернѣе было заявленіе Горемыкина о томъ, что я просто не въ курсѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ, предполагая вообще, что Дума будетъ заниматься какою-либо работою, для которой нужно взаимодѣйствіе ея съ правительствомъ. «Она будетъ заниматься», сказалъ онъ, «одной борьбой съ правительствомъ и захватомъ у нея власти, и все дѣло сведется только къ тому, хватитъ ли у правительства достаточно силы и умѣнія, чтобы отстоять власть въ тѣхъ невѣроятныхъ условіяхъ, которыя созданы этою невѣроятною чепухою, — управлять страною во время революціоннаго угара какою-то пародіею на западно-европейскій парламентаризмъ». Его слова оказались пророческими. Провожая меня, онъ сказалъ совершенно спокойно: «Вотъ, если Вы убѣдите Государя оставить Васъ въ покоѣ, — Вы увидите скоро, во что обратится наша работа, а если Государь, какъ я надѣюсь, убѣдитъ Васъ, не оставаться въ положеніи завиднаго созерцателя нашихъ мученій, — тогда намъ придется нести вмѣстѣ нашъ крестъ, и я увѣренъ, что не насъ одолѣютъ, а мы одолѣемъ, и всѣ скоро поймутъ, что въ такомъ сумбурѣ намъ просто жить нельзя».

Въ тотъ же день я написалъ письмо Государю о моемъ возвращеніи и просилъ разрѣшить мнѣ представиться Ему для доклада о результатахъ моей поѣздки. Это письмо ушло съ утреннимъ фельдъ-егеремъ на другой день, т. е. 20-го числа, а уже вечеромъ я получилъ мое донесеніе обратно съ надписью Государя: «Радуюсь видѣть Васъ послѣ-завтра 22-го въ два часа дня. До скораго свиданья». Въ тотъ же день, то-есть 19-го я заѣхалъ къ Гр. Витте, котораго засталъ за разборкою бумагъ передъ выѣздомъ изъ Зимняго Дворца и первыми словами его были:

«Передъ Вами счастливѣйшій изъ смертныхъ. Государь не могъ мнѣ оказать большей милости, какъ увольненіемъ меня отъ каторги, въ которой я просто изнывалъ. Я уѣзжаю немедленно заграницу лечиться, ни о чемъ больше не хочу и слышать и представляю себѣ, что будетъ разыгрываться здѣсь. Вѣдь вся Россія — сплошной сумасшедшій домъ, и вся пресловутая передовая интеллигенція не лучше всѣхъ». О моей поѣздкѣ онъ меня не хотѣлъ и разспрашивать, сказавши только: «Въ другое время я не зналъ бы, какую награду просить Государя дать Вамъ за то, что Вы успѣли сдѣлать. Вѣдь Вы достигли совершенно невѣроятнаго успѣха, а теперь все это пойдетъ прахомъ при томъ сумбурѣ, который водворится въ Россіи. Не Иванъ же Логгиновичъ управится съ этимъ разбушевавшимся моремъ».

До моего свиданія съ Государемъ я почти никого не видалъ. Шиповъ пріѣхалъ только повидаться со мною на нѣсколько минутъ и вовсе не говорилъ со мною ни о чемъ. Онъ показался мнѣ особенно озабоченнымъ своимъ личнымъ положеніемъ, такъ какъ зналъ уже отъ Гр. Витте, что никто изъ прежнихъ министровъ не войдетъ въ составъ новаго кабинета, а на мое сообщеніе ему, что я предположенъ снова къ занятію поста Министра Финансовъ, но буду просить Государя освободить меня отъ этого и даже, зная, что Государь о немъ очень хорошаго мнѣнія позволю себѣ высказать Ему, что самое простое рѣшеніе состояло бы въ сохраненіи его на этомъ мѣстѣ, на что онъ также просто сказалъ, что не думаетъ, чтобы эта комбинація была принята Горемыкинымъ, но будетъ счастливъ, если Государь убѣдитъ меня вернуться въ Министерство, гдѣ меня всѣ ждутъ и за шесть мѣсяцевъ его управленія только и говорили на каждомъ шагу: «такъ было при Владимірѣ Николаевичѣ».

Всѣ свободныя минуты за эти два дня я посвятилъ просмотру газетъ, чтобы составить себѣ хоть самое поверхностное представленіе о томъ, что дѣлается въ Россіи и какъ опредѣляется преобладающее настроеніе передъ созывомъ Думы. Впечатлѣніе получилось у меня самое печальное. «Русскія Вѣдомости», «Русское Слово» и, въ особенности «Рѣчь» совершенно открыто вели ту самую «осаду власти», о которой мнѣ говорилъ Горемыкинъ, и проповѣдывали, что настала пора взять власть въ руки народнаго представительства и только послѣ этого можетъ начаться настоящая законодательная работа, для которой нужно и правительство, отвѣтственное передъ палатою и руководимое ею. «Новое Время» занималось больше полемикою съ «Рѣчью», но само, видимо, не знало на какой ногѣ танцовать. Его передовицы

были совершенно безцвѣтны и противорѣчили себѣ на каждомъ шагу, и даже оплотъ консерватизма Меньшиковъ все твердилъ о силѣ и власти народнаго представительства и сводилъ какіе-то мелкіе личные счеты, не разъ упомянувши и обо мнѣ, не то въ ироническомъ, не то просто въ обычномъ для него, годъ передъ тѣмъ, недоброжелательномъ тонѣ. «Гражданинъ» изощрялся въ полемикѣ съ Гр. Витте и зло и страстно критиковалъ его отношеніе къ либеральнымъ кругамъ и заигрыванію съ рабочими, но не говорилъ рѣшительно ничего ни о новомъ кабинетѣ, ни о томъ, какъ смотритъ онъ на создавшееся положеніе. Въ его послѣднихъ Дневникахъ проскальзывала, однако, въ видѣ прозрачныхъ намековъ вѣра въ то, что Государь, конечно, остановитъ свой выборъ на испытанныхъ и вѣрныхъ ему слугахъ и не сдѣлаетъ больше той ошибки, которая была сдѣлана въ октябрѣ — искать какихъ-то новыхъ людей, въ угоду какимъ-то общественнымъ теченіямъ.

Государь принялъ меня въ Царскомъ Селѣ съ удивительною привѣтливостью, превосходившей по своимъ проявленіямъ все, къ чему Онъ такъ пріучилъ меня. Даже дежурный камеръ-лакей не просилъ меня обождать въ пріемной, а сказалъ, что «Его Величество ожидаетъ Васъ и приказалъ просто ввести въ кабинетъ, когда Вы пріѣдете. Они даже спрашивали уже не пріѣхали ли Вы».

Первыми словами Государя, послѣ того, что Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня, были: «Я не стану Васъ благодарить потому, что у меня не хватило бы для этого словъ, но Вы и безъ нихъ знаете какую услугу оказали Вы Россіи тѣмъ, что сдѣлали и въ такую тяжелую пору и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Я слѣдилъ за каждымъ Вашимъ донесеніемъ, и Витте и Шиповъ присылали мнѣ копіи со всѣхъ Вашихъ телеграммъ. Эти телеграммы были для меня, пожалуй, единственнымъ отраднымъ явленіемъ за все время Вашего пребыванія заграницей, настолько все остальное печально и внушаетъ Мнѣ самыя большія опасенія. Вы вѣроятно также слѣдили за всѣмъ, и Я не стану говорить какъ смутно все, что насъ ожидаетъ и съ какими трудностями придется еще бороться прежде, чѣмъ Мы выйдемъ на дорогу. Я не хочу впрочемъ распространяться объ этомъ сейчасъ, у насъ будетъ опять время часто и по долгу говорить обо всемъ, но Я хочу сказать Вамъ только прежде всего, что кажется и Вашъ главный «другъ», Гр. Витте, окончательно растаялъ потому, что онъ не уставалъ повторять Мнѣ при каждомъ случаѣ, что онъ не ду-

малъ, что Вамъ удастся достигнуть того результата, котораго Вы достигли, и все твердилъ мнѣ, что Я долженъ особенно отличить Васъ наградою. Конечно, онъ всегда вѣренъ себѣ и однажды даже сказалъ Мнѣ, что Вы совершенно напрасно ушли изъ Министерства въ октябрѣ мѣсяцѣ и не послушались его просьбы остаться на мѣстѣ, такъ что Я даже долженъ былъ напомнить ему объ обстоятельствахъ Вашего ухода, вызваннаго исключительно его желаніемъ. Представьте себѣ, что онъ сдѣлалъ видъ, что никакихъ съ Вами недоразумѣній у него не было и, видимо, совершенно забылъ, что никто другой какъ только онъ помѣшалъ Мнѣ назначить Васъ Предсѣдателемъ Департамента Экономіи. Теперь объ этомъ не стоитъ больше говорить, потому что Я окончательно разстался съ Гр. Витте, и мы съ нимъ больше уже не встрѣтимся».

Это были послѣднія слова Государя по поводу моего пребыванія заграницею, и Онъ перешелъ къ тому вопросу, котораго я ждалъ съ такимъ смущеніемъ.

«Поговоримте теперь о другомъ. Я сказалъ уже Ивану Логгиновичу, что хочу просить Васъ опять занять мѣсто Министра Финансовъ, чему онъ очень обрадовался, и Я просилъ его даже предварить Васъ объ этомъ, зная впередъ, что Я могу всегда расчитывать на Васъ».

Я развилъ Государю мои соображенія, высказанныя Горемыкину, и сдѣлалъ это яснѣе и подробнѣе, чѣмъ говорилъ старику, начавши съ того, что въ такую минуту, какую предстоитъ пережить, не мнѣ ставить Государя въ какое-либо затрудненіе, если бы Онъ призналъ мои соображенія неотвѣчающими Его мыслямъ, и что и на этотъ разъ, какъ и всегда, я отдаю себя въ Его полное распоряженіе, но думаю, что именно въ Его интересахъ не останавливать выбора именно на мнѣ и сохранить меня для той поры, когда нужно будетъ думать о нормальной работѣ, а не о безцѣльномъ отраженіи неизбѣжной аттаки революціонно настроенныхъ учрежденій и о неизбѣжномъ роспускѣ Думы въ самомъ началѣ ея дѣятельности, который только дастъ новый толчокъ къ революціоннымъ эксцессамъ и подведетъ подъ нихъ новый фундаментъ.

Неоднократно во время нашей, почти часовой, бесѣды Государь выражалъ мнѣ Его надежду на то, что Дума, встрѣтившись съ отвѣтственною работою, можетъ быть окажется на самомъ дѣлѣ менѣе революціонною, нежели я ожидаю, и, въ особенности, что земскіе круги, которымъ, повидимому, будетъ принадлежать руководящее значеніе въ Думѣ, не захотятъ взять на себя неблагодарную роль быть застрѣльщиками въ новой вспышкѣ борьбы

между правительствомъ и новымъ народнымъ представительствомъ. Оговорившись, что, отсутствовавъ долго изъ Россіи, я утратилъ мою освѣдомленность и могу ошибаться, я позволилъ себѣ сказать Государю, что въ такомъ случаѣ мнѣ кажется, что выборъ новаго предсѣдателя совѣта министровъ едва ли соотвѣтствуетъ потребностямъ минуты. Государь просилъ меня высказаться яснѣе, почему считаю я Горемыкина мало подходящимъ для настоящей минуты, и предложилъ быть совершенно откровеннымъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что Его рѣшеніе уже состоялось. Бесѣда наша на эту тему затянулась, и я не обинуясь высказалъ Государю всѣ мои опасенія относительно того, что личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличіе ко всему, отсутствіе всякой гибкости и прямое нежеланіе сблизиться съ представителями новыхъ элементовъ въ нашей государственной жизни, все это не только не поможетъ сближенію съ ними, но послужитъ скорѣе лозунгомъ для усиленія оппозиціоннаго настроенія. Государь слушалъ меня совершенно спокойно, мало возражалъ мнѣ и сказалъ только подъ конецъ, что я можетъ быть и правъ, но измѣнить теперь уже нельзя, такъ какъ Онъ сдѣлалъ Горемыкину предложеніе и отмѣнить его болѣе не можетъ, но совершенно увѣренъ въ томъ, что Горемыкинъ и самъ уйдетъ, если только увидитъ, что его уходъ поможетъ наладить отношенія съ новой Думою. «Для меня главное», — сказалъ Государь, — «то, что Горемыкинъ не пойдетъ за Моею спиною ни на какія соглашенія и уступки во вредъ моей власти, и Я могу ему вполнѣ довѣрять, что не будетъ приготовлено какихъ-либо сюрпризовъ, и Я не буду поставленъ передъ совершившимся фактомъ, какъ было съ избирательнымъ закономъ, да и не съ нимъ однимъ».

Отъ Государя же я узналъ, что составъ выбора кандидата тоже совершенно предрѣшенъ, кромѣ выбора кандидата на должность Министра Финансовъ. Онъ назвалъ мнѣ Столыпина для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Стишинскаго для Министерства Земледѣлія, Князя Ширинскаго-Шихматова для должности Оберъ-Прокурора Св- Синода, Шванебаха для Государственнаго Контроля, Щегловитова для Министерства Юстиціи и Извольскаго — для Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; о другихъ вѣдомствахъ Государь не упомянулъ.

Къ моему личному вопросу, Онъ отнесся чрезвычайно просто и спокойно. «Вы знаете» — сказалъ Онъ — «какъ отрадно Мнѣ снова видѣть Васъ около Себя, но Я понимаю всѣ Ваши соображенія и совсѣмъ не хочу заставлять Васъ идти противъ Вашего желанія, хотя совершенно увѣренъ въ томъ, что Вы мнѣ

не откажете, если только Я скажу Вамъ, что Я этого опредѣленно желаю. При томъ, какъ Вы смотрите на предстоящую работу съ Думою, конечно, лучше приберечь Васъ для будущаго и не сводить Васъ лицомъ къ лицу съ новыми людьми, которые, пожалуй, даже не простятъ именно Вамъ, что Вы оказали такую услугу заключеніемъ новаго займа, за который они открыто поносятъ именно Васъ, и Я предоставлю Вамъ пока отдохнуть, но знайте заранѣе, что мы будемъ теперь часто видѣться съ Вами и кто бы ни былъ назначенъ Министромъ Финансовъ, Я всегда буду вызывать Васъ къ Себѣ при малѣйшемъ сомнѣніи».

Государь просилъ меня сказать Ему кого слѣдовало бы назначить Министромъ Финансовъ вмѣсто меня. Я указалъ на Шипова, приведя тѣ же доводы, какіе я привелъ Горемыкину, прибавивши, что для переходнаго времени онъ былъ бы самымъ подходящимъ кандидатомъ, скромнымъ, чрезвычайно вѣжливымъ и даже угодливымъ передъ Думою и изъ-за него не вышло бы никакихъ осложненій ни съ кѣмъ, такъ какъ онъ не можетъ служить мишенью для чьего бы то ни было неудовольствія, а усугублять послѣднее просто неполитично, ибо и безъ того будетъ не мало поводовъ ко всякаго рода треніямъ.

Провожая меня до дверей, Государь спросилъ меня какъ бы невзначай, не нуждаюсь ли я въ деньгахъ, послѣ продолжительнаго пребыванія заграницею и сказалъ, что Ему было бы очень пріятно пойти мнѣ навстрѣчу. Меня очень удивило это предложеніе, такъ какъ я никому не говорилъ ни одного слова о моемъ матеріальномъ положеніи, да оно и не заботило меня; я могъ хорошо жить на то, что было мнѣ назначено при отставкѣ. Я горячо поблагодарилъ Государя за Его милостивое отношеніе ко мнѣ, попросилъ Его не безпокоиться обо мнѣ, такъ какъ мое матеріальное положеніе было вполнѣ удовлетворительно, и на этомъ кончилась моя продолжительная аудіенція.

Прямо отъ Государя я проѣхалъ къ Горемыкину, передалъ ему все до мельчайшей подробности, онъ, видимо, подчинился рѣшенію Государя освободить меня и, не уговаривая больше, совершенно спокойно разстался со мною, и мы не видались съ нимъ болѣе до самаго момента открытія думы въ Зимнемъ Дворцѣ, 26-го апрѣля.

Всѣ три дня до этого событія я провелъ дома, среди семьи и близкихъ, мало кого видѣлъ постороннихъ, а тѣ, которые заходили ко мнѣ, знали уже, что я свободенъ отъ участія въ новомъ составѣ правительства, и всѣ поздравляли меня, кто искренно, кто съ извѣстными оговорками. Въ числѣ послѣднихъ былъ

и близкій другъ Гр. Витте, Князь Алексѣй Дм. Оболенскій, который совершенно откровенно сказалъ мнѣ, что Витте просилъ его разспросить меня осторожно удалось ли мнѣ отбояриться и не повѣрилъ, когда я сказалъ ему, что Государь очень милостиво освободилъ меня отъ назначенія. Князь Оболенскій не мало удивился такому исходу и прибавилъ, что, какъ Гр. Витте, такъ и онъ самъ, думали, что я только «поломаюсь, какъ Годуновъ, на самомъ же дѣлѣ охотно полезу въ петлю». Зная близость Оболенскаго къ Гр. Витте, я разсказалъ ему и о сдѣланномъ мнѣ Государемъ предложеніи относительно денегъ и просилъ его довести о моемъ отказѣ до свѣдѣнія Витте. Я не сомнѣваюсь ни на одну минуту, что онъ выполнилъ мою просьбу, но это не помѣшало Гр. Витте впослѣдствіи, въ его мемуарахъ, написать, что вернувшись изъ заграницы я просилъ у него черезъ Шипова о выдачѣ мнѣ 80.000 рублей, но онъ мнѣ въ этомъ отказалъ, находя мою просьбу возмутительной. Впрочемъ, не одну эту неправду на мой счетъ можно прочитать въ мемуарахъ Гр. Витте.

Поздно вечеромъ 25-го апрѣля мы сидѣли дома среди немногихъ близкихъ людей и разсматривали планъ нашей новой квартиры на Моховой, которую спѣшно готовили для насъ во время нашего пребыванія заграницей, а днемъ того же числа я получилъ согласіе моего домовладѣльца на Сергіевской освободить меня отъ контракта, такъ какъ у него нашелся близкій человѣкъ, охотно взявшій мою квартиру. Знакомые наши собирались уже было уходить по домамъ, когда раздался звонокъ, и мнѣ подали конвертъ отъ Танѣева и въ немъ указъ о моемъ назначеніи Министромъ Финансовъ, съ приложеніемъ церемоніала открытія Государемъ въ Зимнемъ Дворцѣ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Первымъ движеніемъ моимъ было позвонить по телефону Горемыкину и спросить его, что все это обозначаетъ, но мнѣ никто на повторные мои звонки не отвѣтилъ, и я встрѣтился съ моимъ новымъ предсѣдателемъ совѣта Министровъ, какъ и съ моими новыми коллегами, только въ Зимнемъ Дворцѣ, куда мнѣ пришлось такимъ образомъ явиться въ неожиданномъ для меня положеніи Министра Финансовъ, противъ всякаго моего желанія и вопреки надежды моей на то, что эта чаша миновала меня.

Встрѣтившись со мною при входѣ въ тронную залу, Горемыкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, просто сказалъ мнѣ: «Вы, конечно, обвиняете меня въ томъ, что я подвелъ Васъ, обѣщавши Вамъ не настаивать передъ Государемъ на Вашемъ назначеніи, а на самомъ дѣлѣ настоялъ на этомъ, пользуясь тѣмъ, что я хоро-

лно знаю, насколько Вы преданы Царю и готовы исполнить Его волю. Государь мнѣ сказалъ два дня тому назадъ, что Онъ согласился освободить Васъ отъ удовольствія идти подъ разстрѣлъ и хочетъ приберечь Васъ для будущаго, и спросилъ меня, почему бы не оставить пока Шипова на Вашей прежней должности». — «Я ничего не имѣю противъ Шипова лично, хотя убѣжденъ въ томъ, что ему не справиться въ этой новой роли, но нельзя отступать отъ принятаго рѣшенія — не оставлять никого изъ прежняго состава, а другого кандидата у меня положительно нѣтъ, и я не вижу, почему нужно оставлять Васъ въ привилегированномъ положеніи, когда я самъ былъ бы только счастливъ оставаться тамъ, гдѣ я былъ». Государь сказалъ мнѣ на это, — пусть и Владиміръ Николаевичъ послѣдуетъ Вашему примѣру и — подписалъ привезенный мною къ Нему указъ, прибавивши, что если Вамъ станетъ не въ моготу, то Вы всегда можете впослѣдствіи исполнить Ваше желаніе вернуться въ Государственный Совѣтъ».

Всякіе дальнѣйшіе разговоры между нами на эту тему были совершенно безполезны, и мнѣ пришлось занять мое мѣсто по правую сторону трона, среди моихъ новыхъ коллегъ, которые встрѣтили меня впервые послѣ нашей длинной разлуки, такъ какъ никого изъ нихъ я не видѣлъ послѣ моего возвращенія изъ заграницы. А люди тутъ были все давно знакомые: Кауфманъ-Туркестанскій, Щегловитовъ, Стишинскій, Шауфусъ, назначенный Министромъ Путей Сообщенія косвенно по моему указанію, такъ какъ при первомъ моемъ свиданіи, Горемыкинъ спросилъ меня, кого я считалъ бы болѣе подходящимъ для этого мѣста — Инженера ли Шауфуса, или Князя Голицына, Управляющаго Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, про котораго ему говорятъ, что онъ весьма энергичный и дѣльный человѣкъ. Перваго я зналъ мало, а второго зналъ хорошо по его службѣ въ Министерствѣ Финансовъ и сказалъ только, что я просто не понимаю, какъ можно брать въ такую пору на отвѣтственную должность человѣка, хотя бы и архи-энергичнаго, но не имѣющаго никакого понятія о дѣлѣ, которымъ онъ никогда не занимался. Этого было достаточно для того, чтобы тутъ же рѣшить судьбу вѣдомства Путей Сообщенія къ моменту образованія новаго кабинета.

Въ числѣ моихъ новыхъ коллегъ были и такіе, которыхъ я совсѣмъ не зналъ и въ частности — новый Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, Князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ. Его политическій обликъ былъ, однако, настолько хорошо извѣстенъ, что новый Государственный Контролеръ Шванебахъ тутъ же подошелъ ко мнѣ и поздравивши меня въ привычной ему шутливой формѣ

съ тѣмъ, что мнѣ «не удалось сбросить съ себя хомута, который, вѣроятно, скоро намнетъ всѣмъ намъ не малыя мозоли, если даже не свернетъ кое кому изъ насъ шею», замѣтилъ, что ему кажется «какъ будто бы не совсѣмъ понятнымъ составъ новаго правительства и присутствіе въ немъ не малаго количества элементовъ не слишкомъ нѣжно расположенныхъ къ идеѣ народнаго представительства и едва ли способныхъ внушить особое къ себѣ довѣріе со стороны послѣдняго». Я успѣлъ только отвѣтить ему, что съ этой точки зрѣнія, пожалуй, что и всѣ мы принадлежимъ къ тому же разряду, начиная съ нашего Предсѣдателя, какъ стали постепенно подходить особы Императорскаго Дома, и намъ пришлось прекратить нашъ бѣглый разговоръ.

Странное впечатлѣніе производила въ эту минуту тронная Георгіевская зала, и думалось мнѣ, что не видѣли еще ея стѣны того зрѣлища, которое представляло собою толпа собравшихся.

Вся правая половина отъ трона была заполнена мундирною публикою, членами Государственнаго Совѣта и — дальше — Сенатомъ и Государевою свитою. По лѣвой сторонѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, толпились члены Государственной Думы и среди нихъ — ничтожное количество людей во фракахъ и сюртукахъ, подавляющее же количество ихъ, какъ будто нарочно, демонстративно занявшихъ первыя мѣста, ближайшія къ трону, — было составлено изъ членовъ Думы въ рабочихъ блузахъ, рубашкахъ-косовороткахъ, а за ними толпа крестьянъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, нѣкоторые въ національныхъ уборахъ, и масса членовъ Думы отъ духовенства. На первомъ мѣстѣ среди этой категоріи народныхъ представителей особенно выдвигалась фигура человѣка высокаго роста, въ рабочей блузѣ, въ высокихъ смазныхъ сапогахъ съ насмѣшливымъ и наглымъ видомъ разсматривавшаго тронъ и всѣхъ кто окружалъ его. Это былъ впослѣдствіи снискавшій себѣ громкую извѣстность своими рѣзкими выступленіями въ первой Думѣ — Онипко, сыгравшій потомъ видную роль въ Кронштадскомъ возстаніи. Я просто не могъ отвести моихъ глазъ отъ него во время чтенія Государемъ Его рѣчи, обращенной къ вновь избраннымъ членамъ Государственной Думы, — такимъ презрѣніемъ и злобою дышало это наглое лицо. Мое впечатлѣніе было далеко не единичнымъ. Около меня стоялъ новый Министръ Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Столыпинъ, который обернувшись ко мнѣ, сказалъ мнѣ: «мы съ Вами, видимо, поглощены однимъ и тѣмъ же впечатлѣніемъ, меня не оставляетъ даже все время мысль о томъ, нѣтъ ли у этого человѣка бомбы и не произойдетъ ли тутъ несчастія. Впрочемъ, я думаю, что этого опасаться не

слѣдуетъ, — это было бы слишкомъ не выгодно для этихъ господъ и слишкомъ было бы ясно, что намъ дѣлать въ создавшейся обстановкѣ».

Но было и другое, глубоко запавшее мнѣ въ душу впечатлѣніе, оставившее во мнѣ слѣдъ, — это впечатлѣніе о томъ, что переживала Императрица-Мать во время чтенія Государемъ Его тронной рѣчи. Она съ трудомъ сдерживала слезы, переводя глаза съ Государя на толпу, почти подступившую къ трону, какъ будто она искала среди этой толпы знакомыхъ лицъ, которыя успокоили бы ее и разсѣяли ея тяжелыя думы. Императрица Александра Федоровна стояла рядомъ съ нею, внѣшне спокойная, но глубоко сосредоточенная, и стоявшій около меня Министръ Двора Баронъ Фредериксъ послѣ окончанія тронной рѣчи, когда всѣ стали выходить, сказалъ мнѣ по дорогѣ по-французски: «хотѣлъ бы я знать, что думала сегодня Императрица А. Ф., но никто изъ насъ никогда этого не узнаетъ, и только Государю она повѣритъ то, что произошло въ ея душѣ».

Нѣсколько дней спустя я представлялся обѣимъ Императрицамъ по случаю моего возвращенія въ Министерство Финансовъ. Императрица Александра Федоровна сказала мнѣ только, что она знаетъ, что я просилъ Государя не назначать меня, и вполнѣ понимаетъ, что у меня слишкомъ много причинъ не желать этого, но «вѣдь теперь всѣмъ такъ тяжело, — сказала она, — что всякій долженъ принести свою жертву и сдѣлать то, что онъ можетъ».

Совсѣмъ иной пріемъ оказала мнѣ Императрица-Мать. Она начала съ того, что видѣла меня во время этого «ужаснаго пріема», какъ выразилась она, и не можетъ до сихъ поръ успокоиться отъ того впечатлѣнія, которое произвела на нее толпа новыхъ людей, впервые заполнившихъ дворцовыя залы. «Они смотрѣли на насъ, какъ на своихъ враговъ, и Я не могла отвести глазъ отъ нѣкоторыхъ типовъ, — настолько ихъ лица дышали какою-то непонятною мнѣ ненавистью противъ насъ всѣхъ» и спросила меня затѣмъ, какъ я смотрю на возможность работы правительства съ такимъ составомъ Думы и почему оказалась въ немъ такая масса духовенства и притомъ совершенно никогда не виданнаго Ею типа «сѣрыхъ батюшекъ», какъ выразилась она.

Я сказалъ ей на этотъ разъ очень немногое, потому, что и самъ только что вернулся изъ за-границы и могу судить только по бѣглымъ впечатлѣніямъ, заимствованнымъ изъ чтенія газетъ и изъ разговоровъ съ немногими близкими мнѣ людьми, которые слѣдили за ходомъ выборовъ въ Государственную Думу. По всему этому у меня сложилось убѣжденіе, что при декабрьскомъ избира-

тельномъ законѣ иного состава членовъ Думы нельзя было и ожидать, что преобладающій характеръ выборныхъ принадлежитъ къ оппозиціоннымъ элементамъ въ странѣ, настроеннымъ совершенно враждебно и къ правительству и къ новому строю законодательства, явно не отвѣчающему ихъ стремленію ввести разомъ въ Россіи парламентскій строй съ рѣшительнымъ ограниченіемъ власти Монарха и съ насажденіемъ у насъ такого внутренняго порядка и такихъ свободъ, съ какими не совладаетъ никакое правительство, и высказалъ мое опасеніе, что работать съ такою Думою едва ли окажется возможнымъ.

На такое мое заключеніе Императрица сказала мнѣ просто: «а что же въ такомъ случаѣ будетъ дальше?» Я Ей отвѣтилъ, что прошу не принимать моихъ словъ за безусловно правильный выводъ изъ создавшихся условій, которыя, быть можетъ, кажутся мнѣ хуже, чѣмъ слѣдуетъ ожидать, и выждать какъ станутъ слагаться событія, но по общему моему выводу слѣдуетъ ожидать, во всякомъ случаѣ, немедленнаго проявленія самыхъ рѣзкихъ выступленій Думы въ смыслѣ оппозиціонныхъ требованій къ правительству и тогда нужно будетъ рѣшиться на одно изъ двухъ: либо на введеніе у насъ полнаго парламентскаго строя и въ этомъ случаѣ на передачу власти не старымъ слугамъ Государя, а совершенно новымъ людямъ, выполняющимъ не Его волю, а волю общественнаго настроенія, либо — на роспускъ Думы, и въ этомъ случаѣ нельзя не предвидѣть, что при нашемъ избирательномъ законѣ лучшаго состава получить не удастся и, слѣдовательно, придется рано или поздно, думать о новомъ избирательномъ законѣ.

«Все это Меня страшно пугаетъ, и Я спрашиваю Себя даже, удастся ли намъ избѣгнуть новыхъ революціонныхъ вспышекъ, есть ли у насъ достаточно силъ, чтобы справиться съ ними, какъ справились съ Московскимъ возстаніемъ, и для этого тотъ ли человѣкъ Горемыкинъ, который можетъ понадобиться въ такую минуту».

Не уклоняясь отъ отвѣта на этотъ вопросъ, я сказалъ только, что я не думаю, чтобы Горемыкинъ и самъ считалъ себя призваннымъ къ такой роли, и не понимаю даже, почему не уклонился онъ и отъ назначенія въ данную минуту, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ отлично понимаетъ, что его роль крайне неблагодарная и едва ли даже способенъ онъ просто выполнить свой долгъ передъ Государемъ въ такую минуту для которой онъ не обладаетъ ни однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій. На этомъ наша бесѣда кончилась, и провожая меня, Императрица сказала мнѣ: «Я

понимаю теперь, почему Вы такъ настойчиво просили Государя не назначать Васъ, хотя и понимаю также, что у моего бѣднаго сына такъ мало людей, которымъ Онъ вѣритъ, а Вы всегда говорили Ему то, что думаете».

Въ тотъ же день было назначено торжественное открытіе Думы въ ея помѣщеніи и всѣмъ Министрамъ предложено было явиться въ Таврическій Дворецъ къ тремъ часамъ на молебствіе. Предполагалось, что тутъ же произойдетъ и первая встрѣча народныхъ представителей съ правительствомъ.

Ожиданіе это получило совершенно естественное, но мало обѣщающее исполненіе. По окончаніи молебна, всѣ мы стояли обособленною кучкою и къ намъ рѣшительно никто не подошелъ, если не считать Графа Гейдена, который зналъ меня за время службы его въ Канцеляріи по принятію прошеній. Онъ одинъ поздоровался съ нѣкоторыми изъ насъ, но также не задерживался бесѣдою съ нами, и всѣ мы, простоявши нѣсколько минутъ, начали расходиться каждый въ свою сторону.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Государственная Дума перваго и второго созыва

1906—1907.

ГЛАВА I.

Штурмъ власти, какъ лозунгъ дѣятельности первой Думы. — Отвѣтный адресъ Государю и отказъ Государя принять думскую депутацію для врученія адреса. — Постепенное превращеніе первой Думы въ очагъ открытой революціонной пропаганды. — Телеграммы губернаторовъ съ мѣстъ о броженіи, вызываемомъ этой пропагандой. — Солидарная оцѣнка положенія правительствомъ. — Защита правительствомъ трехъ основныхъ положеній, разрушенія которыхъ добивалась первая Дума. — Правительственная декларація. — Моя бесѣда о ней съ Государемъ. — Пріемъ, оказанный ей въ Думѣ, и принятіе Думой формулы перехода, закрѣпившей разрывъ съ правительствомъ. — Выжидательная тактика Совѣта Министровъ. — Мои выступленія въ бюджетной коммиссіи и общемъ собраніи Думы.

Я не пишу исторіи моего времени и не стану останавливаться подробно на томъ, что произошло за короткій періодъ существованія первой Государственной Думы. Все это давно извѣстно по самымъ разнообразнымъ источникамъ. И здѣсь, какъ и во всемъ, что составляетъ предметъ моихъ записей и воспоминаній, я хочу говорить только о томъ, что касается лично моей дѣятельности и моего участія въ пережитыхъ событіяхъ.

Всѣ прекрасно знаютъ о томъ, какъ съ перваго же дня послѣ открытія Думы Товарищемъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Э. В. Фришемъ и выбора Президіума съ подавляющимъ единодушіемъ, подготовленнымъ задолго вожаками всего оппозиціоннаго движенія въ лицѣ вошедшихъ въ составъ Думы, членовъ кадетской партіи и ея закулисныхъ руководителей, въ лицѣ центральнаго комитета партіи, которые и были истинными хозяевами положенія до самаго дня роспуска Думы, — началась осада правительства, штурмъ его и стремленіе смести все, что было создано за полгода дѣятельности правительства Гр. Витте, и заставить власть

принять предложенный партіею новый чисто парламентскій государственный строй. Все это перешло уже на страницы исторіи недавней нашей разбитой жизни, и мой разсказъ не внесетъ ничего новаго и создастъ развѣ только лишній поводъ обвинить меня въ односторонности освѣщенія.

Достаточно напомнить только, что уже въ первомъ засѣданіи 27-го апрѣля, тотчасъ послѣ почти единогласнаго избранія Муромцева на должность предсѣдателя Думы, Петрункевичъ произнесъ рѣчь о необходимости амнистіи политическимъ заключеннымъ. Черезъ день, 29-го апрѣля, въ рѣчи его объ отвѣтномъ адресѣ Государю на Его привѣтствіе, ясно выразилась вся основная тенденція этого отвѣта, а Заболотный произнесъ рѣчь о необходимости включить вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни въ отвѣтный адресъ, и затѣмъ черезъ четыре или пять дней послѣ того въ двухъ засѣданіяхъ 2-го и 4-го мая разомъ выявилась вся тенденція Думы относительно того, что принято называть «штурмомъ власти», такъ какъ въ этихъ двухъ засѣданіяхъ выразилось все, что первый составъ Думы выставилъ лозунгомъ своей дѣятельности. Не стану приводить подробнаго перечня всѣхъ затронутыхъ вопросовъ, такъ какъ все это увѣковѣчено въ протоколахъ Государственной Думы перваго созыва и вошло въ качествѣ программы въ отвѣтный адресъ Государю. Напомню только, что тутъ же было заявлено и о необходимости немедленнаго увольненія правительства, какъ не пользующагося довѣріемъ народа, и о замѣнѣ его правительствомъ, отвѣтственнымъ передъ народными представителями, и объ упраздненіи Государственнаго Совѣта и введеніи у насъ однопалатной системы, о принудительномъ отчужденіи частно-владѣльческихъ земель, и о дарованіи всевозможныхъ свободъ, и о коренномъ преобразованіи «на демократическихъ началахъ», чуждыхъ всякой опеки правительства, земскихъ и городскихъ учрежденій, и о преобразованіи всей налоговой системы, и объ удовлетвореніи отдѣльныхъ національностей, и о преобразованіи народнаго представительства на началахъ всеобщаго избирательнаго права и объ амнистіи политическимъ заключеннымъ и т. д.

Составленный на этихъ основаніяхъ всеподданнѣйшій адресъ Государю, на самомъ дѣлѣ давно уже изготовленный внѣ стѣнъ Государственной Думы, принятъ былъ почти единогласно всѣмъ составомъ Думы и такимъ же большинствомъ, подъ громъ рукоплесканій, недопустившихъ никакихъ возраженій и даже изложенія самыхъ осторожныхъ замѣчаній, разрѣшенъ вопросъ о посылкѣ особой депутаціи, которая должна была вручить Государю

этотъ адресъ. Нашлось всего пять или шесть членовъ Думы, съ Графомъ Гейденомъ во главѣ, которые хотѣли принять болѣе осторожную форму въ испрошеніи аудіенціи, но ихъ голосъ былъ заглушенъ криками и страстными возраженіями, и имъ не осталось ничего иного, какъ заявить свой письменный протестъ.

На этой почвѣ — формѣ поднесенія адреса Государю — конфликтъ съ правительствомъ разгорѣлся уже на другой день послѣ вотума о посылкѣ депутаціи.

6-го мая предсѣдатель Думы представилъ Государю заявленіе Думы. Въ тотъ же день представленіе Муромцева передано было Горемыкину, и уже 8-го мая послѣдній увѣдомилъ письмомъ предсѣдателя Думы, что депутація принята не будетъ, и адресъ долженъ быть доставленъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, который и представитъ его Его Величеству.

Съ этого дня нужно считать, что конфликтъ между Думою и Правительствомъ и даже самимъ Государемъ принялъ уже окончательную форму, и каждый слѣдующій день только углублялъ и расширялъ его.

Стоитъ только припомнить рѣчи, произнесенныя въ Думѣ по поводу письма Горемыкина, стоитъ только перечитать все, что говорилось во всѣ послѣдующіе дни по всякому поводу, и какіе проекты законовъ вносились со всѣхъ сторонъ по предметамъ намѣченнымъ въ отвѣтномъ адресѣ, какія петиціи поступали въ Думу со всѣхъ концовъ Россіи, и какими аплодисментами принимались самые крайніе изъ этихъ проектовъ, чтобы видѣть ясно и безъ всякаго предубѣжденія, что Дума становилась день ото дня настоящимъ очагомъ открытой революціонной пропаганды, для прекращенія которой у правительства не было никакихъ законныхъ способовъ, кромѣ того, который напрашивался самъ собою съ первой же минуты.

Окончательнымъ проявленіемъ этого революціоннаго состоянія Думы былъ историческій день 13-го мая, когда правительство внесло въ Думу свою декларацію. Этотъ день и то, что ему предшествовало, особенно памятенъ мнѣ, и всѣ его мельчайшія подробности стоятъ и сейчасъ живо передъ моими глазами.

Начиная съ самыхъ послѣднихъ чиселъ апрѣля мѣсяца, Горемыкинъ почти черезъ день собиралъ у себя на Фонтанкѣ, въ домѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, куда онъ тотчасъ же по своемъ назначеніи переѣхалъ съ Сергіевской улицы, по вечерамъ Совѣтъ Министровъ. Я жилъ въ ту пору на казенной дачѣ на Елагиномъ островѣ, Столыпинъ поселился на Министерской дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, чтобы дать возможность Горемыкину за-

нять домъ у Цѣпного моста. Съ первыхъ же дней нашего общаго назначенія между мною и Столыпинымъ установились самыя добрыя отношенія, и онъ поминутно звонилъ мнѣ по телефону по самымъ разнообразнымъ поводамъ, а когда я въ виду наступившей жаркой въ тотъ годъ погоды въ первые же дни мая перебрался на дачу, чтобы дать возможность освободить мою квартиру на Сергіевской, пока будетъ приведена въ жилой видъ остававшаяся пустою министерская квартира на Мойкѣ, онъ часто просилъ меня заѣзжать къ нему на Аптекарскій островъ, при возвращеніи моемъ изъ города. Часто мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на его паровомъ катерѣ и на вечернія собранія Совѣта Министровъ къ Горемыкину. Нужно сказать, что главнымъ предметомъ, какъ моихъ бесѣдъ съ Столыпинымъ, такъ и всѣхъ нашихъ разговоровъ въ Совѣтѣ были доклады Столыпина о телеграммахъ губернаторовъ съ мѣстъ о томъ впечатлѣніи, которое переживалось въ губерніяхъ отъ рѣчей въ Думѣ. Всѣ онѣ единогласно говорили объ одномъ — о наростаніи революціоннаго подъема и объ отсутствіи способовъ бороться съ нимъ. Были прямыя указанія на то, что губернаторы не могутъ ручаться за поддержанія порядка и предупреждаютъ о возможности самыхъ крайнихъ послѣдствій. Говорилось также и о броженіи охватывавшемъ низшую чиновничью среду, и почти отовсюду доносилось о томъ, что успокоеніе, наступившее было послѣ подавленія Московскаго возстанія, переходитъ въ проявленія прямого революціоннаго броженія, котораго нельзя устранить никакими мѣрами, потому что власть совершенно дискредитирована въ глазахъ населенія, и общее вниманіе обращено только на Думу, и на мѣстахъ не знаютъ, какое положеніе займетъ правительство въ явно наростающемъ столкновеніи съ новымъ народнымъ представительствомъ. Эти почти ежедневныя и многочисленныя донесенія губернаторовъ, разумѣется, тотчасъ же становились извѣстными Государю, какъ изъ докладовъ новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина, такъ и изъ донесеній Горемыкна, который посылалъ Государю почти ежедневно копіи наиболѣе характерныхъ донесеній съ мѣстъ. Иначе, разумѣется, и не могло быть. Не могло правительство скрывать отъ Государя того, что ему было извѣстно и о чемъ доносили ему люди вполнѣ уравновѣшенные и имѣвшіе служебный опытъ. Нужно имѣть въ виду, что эти донесенія не только не сгущали красокъ дѣйствительности, но чаще всего, ослабляли ихъ, а было не мало и такихъ случаевъ, о которыхъ правительство узнавало отъ губернаторовъ гораздо позже того, что ему приходилось узнавать изъ другихъ источниковъ. а иногда и просто изъ газетъ. Такъ было, напри-

мѣръ, съ извѣстнымъ инцидентомъ о Бѣлостокскомъ погромѣ, вѣсть о которомъ дошла до Думы раньше того, что недавно назначенный Гродненскій губернаторъ Кистеръ, не то по невѣдѣнію, не то по какимъ-либо инымъ основаніямъ счелъ себя обязаннымъ сообщить о происшедшемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, узнавшему о немъ изъ заявленія, поступившаго въ Государственную Думу. Губернаторъ выѣхалъ даже на мѣсто только послѣ того, что Министръ предложилъ ему по телеграфу сдѣлать это, и положеніе Столыпина въ Думѣ было, конечно, самое непріятное.

Тѣ же губернаторскія донесенія составляли совершенно неизбѣжно предметъ постоянныхъ обсужденій въ Совѣтѣ Министровъ. Передъ Совѣтомъ сразу же всталъ во весь ростъ вопросъ о томъ, что дѣлать.

Какъ бы ни былъ разнохарактеренъ составъ новаго кабинета, въ его средѣ не было, да и не могло быть ни малѣйшаго оттѣнка разнорѣчія въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Передъ Совѣтомъ былъ выборъ только одного изъ двухъ путей: либо ясно встать на путь подчиненія требованіямъ Думы, либо сопротивляться имъ и прямо и рѣшительно выяснить точку зрѣнія правительства на заявленныя требованія. Я долженъ совершенно добросовѣстно и опредѣленно сказать, что ни Горемыкинъ, ни Столыпинъ ни разу не говорили о томъ, какія указанія давалъ имъ Государь по поводу чтенія губернаторскихъ донесеній. Меня лично Государь въ первые дни дѣятельности Думы ни разу не вызывалъ къ себѣ, а очередные мои доклады были въ эти дни очень рѣдки, и я даже не припомню ни одного доклада, который бы я имѣлъ до дня непосредственно предшествовавшаго выработкѣ Совѣтомъ текста правительственной деклараціи.

Всѣ мы были совершенно солидарны въ томъ, что уступка натиску Думы просто недопустима, и въ этомъ отношеніи самые убѣжденные противники новаго строя по складу своихъ убѣжденій какъ Ширинскій-Шихматовъ и Стишинскій, также какъ и поборники идеи полной готовности правительства идти навстрѣчу новымъ теченіямъ, если только они не находятся въ непримиримомъ несогласіи съ только что дарованными Россіи основными законами и обезпеченными ими прерогативами Верховной власти, — а въ числѣ ихъ былъ, пожалуй, на первомъ мѣстѣ покойный Столыпинъ, не говоря о мнѣ самомъ, потому что я никогда не имѣлъ и въ мысляхъ отступать въ чемъ бы то ни было отъ изданныхъ новыхъ законовъ и былъ полонъ самой широкой готовности идти навстрѣчу честнаго выполненія ихъ, — всѣ мы ясно сознавали, что борьба неизбѣжна, и что никто изъ насъ, не нарушая своего долга

передъ Государемъ и передъ страною, не имѣетъ права отойти отъ тѣхъ трехъ основныхъ положеній, разрушеніе которыхъ было поставлено задачею первыхъ думскихъ выступленій.

Я разумѣю: отмѣну права собственности на землю, въ порядкѣ принудительнаго отчужденія земли, для передачи ея крестьянству;

отмѣну основныхъ законовъ въ смыслѣ перехода власти изъ рукъ правительства, отвѣтственнаго передъ Монархомъ, и замѣну его правительствомъ, отвѣтственнымъ передъ народнымъ представительствомъ и назначеннымъ изъ его состава, и

захватъ всей власти управленія народнымъ представительствомъ.

По этимъ основнымъ положеніямъ между нами не только не было никакого разногласія, но даже они не составляли предмета какого-либо спора, либо продолжительнаго обмѣна мнѣній. Справедливость заставляетъ меня прямо сказать, что никто изъ крайнихъ представителей такъ называемаго праваго теченія не имѣлъ надобности поднимать своего голоса въ Совѣтѣ, и никому изъ поборниковъ болѣе умѣреннаго теченія не приходилось убѣждать другихъ въ своихъ взглядахъ, и всѣ мы были безусловно солидарны въ томъ, что адресъ Думы на имя Государя, въ отвѣтъ на произнесенную имъ тронную рѣчь, безусловно непріемлемъ и долженъ сопровождаться правительственной декларацiей, содержащей въ себѣ двѣ исходныя мысли: незыблемое охраненіе вновь установленнаго порядка, съ неприкосновенностью права собственности и полную готовность правительства идти навстрѣчу пожеланій народнаго представительства, въ области усовершенствованія нашего законодательства и насажденія принципа законности въ дѣлѣ государственнаго управленія. Совѣту не пришлось долго разсуждать надъ содержаніемъ декларацiи. Я не могу сказать, кому именно принадлежитъ ея первоначальный, черновой набросокъ, былъ ли онъ лично составленъ Горемыкинымъ, чего я не думаю, или принималъ участіе въ его составленіи кто-либо другой, но думаю, что два лица играли существенную роль въ этой работѣ. А именно: по существу — Столыпинъ, а по редакціонной отдѣлкѣ ея — Щегловитовъ. На мою долю не пришлось въ этомъ отношеніи никакого активнаго участія.

Мнѣ пришлось только встрѣтиться съ этимъ вопросомъ за два или за три дня до внесенія декларацiи на разсмотрѣніе Думы, когда Государь заговорилъ со мною на моемъ очередномъ докладѣ передъ самымъ днемъ 13-го мая.

По окончаніи моего доклада, во время котораго мнѣ пришлось, говоря о дѣлахъ Финансоваго Вѣдомства, сказать Государю, что заграничныя биржи расцѣниваютъ плохо начало думской работы, и заграничная печать встрѣчаетъ выступленія Думы съ нескрываемымъ опасеніемъ за неизбѣжныя ея послѣдствія, говоря прямо, что они должны усилить революціонное движеніе въ странѣ, а биржа отмѣтила это настроеніе рѣзкимъ паденіемъ нашихъ фондовъ и, въ особенности, только что заключеннаго мною займа, Государь сказалъ мнѣ, что Ему не нравится самая идея правительственной деклараціи передъ Думою, и Онъ спрашиваетъ себя даже, не слѣдуетъ ли Ему самому отвѣтить Думѣ на обращенный ею адресъ, напримѣръ въ формѣ непосредственнаго посланія къ ней какъ собранію народныхъ представителей, что было бы равносильно обращенію Государя къ своему народу. Я возражалъ противъ этой мысли, доказывая Государю, что такой шагъ не только не предусмотрѣнъ въ законѣ, но и не желателенъ по существу потому, что онъ создалъ бы крайне опасный прецедентъ непосредственнаго конфликта Монарха съ народнымъ представительствомъ и сдѣлалъ бы Его стороною въ спорѣ, тогда какъ Ему принадлежитъ роль Верховнаго вершителя столкновенія происшедшаго съ послѣднимъ у Его правительства, отвѣтственнаго передъ Нимъ однимъ.

Для Думы совершенно очевидно, что правительство говоритъ съ Его вѣдома и исполняетъ Его волю, но имя Монарха не должно быть замѣшано въ распряхъ, и всю тяжесть столкновенія, которое, по-моему, совершенно неизбѣжно и неотвратимо, должно принять на себя только правительство.

Государь согласился со мною и сказалъ мнѣ, что Онъ имѣлъ объ этомъ продолжительную бесѣду съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, котората Онъ видитъ часто это время, и онъ все больше и больше нравится Ему ясностью его ума и Ему кажется, что онъ обладаетъ большимъ мужествомъ и чрезвычайно цѣннымъ другимъ качествомъ — полною откровенностью въ выраженіи своего мнѣнія. По Его словамъ, мнѣніе Столыпина совершенно совпадаетъ съ моимъ взглядомъ, но, прибавилъ Онъ, «не всѣ около меня придерживаются того же мнѣнія и очень настаиваютъ на томъ, чтобы Я лично выступилъ передъ Думою». То, что случилось наканунѣ 9-го іюля, разъяснило потомъ смыслъ этихъ словъ Государя.

По самой деклараціи, Государь сказалъ мнѣ, что Онъ съ ея текстомъ совершенно согласенъ, но предпочелъ бы, чтобы онъ былъ еще болѣе рѣзокъ и внушителенъ, но не требуетъ измѣненій, чтобы не дать повода говорить потомъ, что правительство не соблюло

сдержанности въ своемъ расхожденіи съ народнымъ представительствомъ, хотя для Него очевидно, что этимъ дѣло не кончится. «Не будемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ» — закончилъ Государь, отпуская меня, — «бываетъ, что и самая безнадежная болѣзнь проходитъ какимъ-то чудомъ, хотя едва ли въ такихъ дѣлахъ бываютъ чудеса. Я все припоминаю, что говорили Вы мнѣ, когда просили Меня, не назначать Васъ теперь Министромъ Финансовъ».

Помню я хорошо день 13-го мая, чтеніе Горемыкинымъ декларацiи правительства.

Весь составъ правительства явился въ Думу и занялъ свои мѣста. Рядомъ съ Горемыкинымъ сидѣлъ Баронъ Фредериксъ, потомъ я, а рядомъ со мною Столыпинъ.

Читалъ декларацію Горемыкинъ едва слышно, безъ всякихъ подчеркиваній, ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ, но руки его дрожали отъ волненія. Гробовое молчаніе сопровождало все его чтеніе, и ни однимъ звукомъ не отозвалась Дума на это чтеніе. Не успѣлъ кончить Горемыкинъ свое чтеніе, какъ на трибуну въ буквальномъ смыслѣ слова выскочилъ В. Д. Набоковъ и произнесъ свою знаменитую, короткую реплику, закончившуюся подъ оглушительный громъ аплодисментовъ, извѣстною фразою: «Власть исполнительная, да подчинится власти законодательной», и затѣмъ полились рѣчи Родичева, Аладьина, Кокошкина, Щепкина и другія, одна рѣзче другой, съ заранѣе подготовленными выходками противъ правительства, обвинявшія его во всевозможныхъ преступленіяхъ. Каждое слово ихъ сопровождалось все болѣе и болѣе страстными рукоплесканіями, только еще болѣе разжигавшими и безъ того неудержимый пылъ ораторовъ.

Пробовалъ, было, выступить противъ рѣзкихъ выкриковъ о сплошномъ беззаконіи, гуляющемъ по всей Россіи, Министръ Юстиціи Щегловитовъ, взявшій самый сдержанный и дѣловитый тонъ для своего выступленія, но это только поддало пыла расходившимся ораторамъ и ясно указывало на то, что всякія попытки на разъясненія обречены на полную безрезультатность и могутъ привести только къ новымъ обостреніямъ. Не разъ Баронъ Фредериксъ спрашивалъ меня, не пора ли всѣмъ намъ уйти, но я удерживалъ его, говоря, что намъ слѣдуетъ уйти послѣ того, какъ уйдетъ предсѣдатель Совѣта Министровъ. Съ трудомъ, едва сдерживая возмущеніе отъ сыпавшихся на нашу голову всевозможныхъ выходокъ, въ которыхъ пальма первенства я не знаю кому принадлежала — кадетамъ ли или ихъ лѣвымъ союзникамъ, досидѣли мы до перерыва, и всѣ вмѣстѣ покинули Думу, которая тутъ же, послѣ цѣлаго ряда возмутительныхъ выходокъ противъ прави-

тельства и всѣхъ его представителей, въ томъ же засѣданіи, вынесла мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, только закрѣпившій назрѣвшій разрывъ ея съ правительствомъ.

И теперь, послѣ многихъ лѣтъ, протекшихъ съ того дня, хочется привести случайно попавшій мнѣ уже въ изгнаніи текстъ этого перехода.

«Усматривая въ выслушанномъ заявленіи предсѣдателя Совѣта Министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственною Думою въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь и безъ удовлетворенія которыхъ невозможны спокойствіе страны и плодотворная работа народнаго представительства; находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій, правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей,

выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству,

и признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства, немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственной Думы,

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Изъ всего состава Думы только семь членовъ не подали своего голоса въ пользу такого перехода и подали особое мнѣніе.

На другой день, 14-го мая, текстъ перехода былъ представленъ Государю Горемыкинымъ; черезъ день, 16-го, Совѣтъ собрался въ короткое засѣданіе на Фонтанкѣ, и Горемыкинъ предложилъ всѣмъ высказаться, для доведенія до свѣдѣнія Государя, какія мѣры слѣдуетъ принять при создавшемся положеніи, и какъ слѣдуетъ держаться правительству по отношенію къ Думѣ.

Всѣмъ было совершенно ясно, что ни о какой работѣ правительства съ Думою не можетъ быть и рѣчи, и всѣ сужденія вращались только около вопроса о томъ, слѣдуетъ ли теперь же готовиться къ роспуску Думы, или же проявить извѣстную сдержанность и посмотрѣть какой оборотъ примутъ засѣданія Думы, и не послужитъ ли принятая резолюція до нѣкоторой степени отдушиной въ разгоряченной атмосферѣ думскаго настроенія.

Разногласія между нами, въ сущности, никакого не было. Одинъ лишь новый Министръ Иностранныхъ Дѣлъ А. П. Извольскій доказывалъ необходимость быть терпѣливымъ и сдержаннымъ въ отношеніи Думы, надѣясь на то, что страсти могутъ улечься и можно будетъ приступать къ работѣ. Въ его заявленіяхъ сквозило опасеніе за то, что общественное мнѣніе Европы будетъ рѣзко противъ насъ и помѣшаетъ нашей внѣшней политикѣ. Внутренняя же опасность революціи мало смущала его. Кромѣ него, всѣ мы ясно сознавали, что переходъ къ очереднымъ дѣламъ принять былъ вовсе не сгоряча, а представлялъ собою совершенно ясно выраженную подготовку издавна приготовленнаго наступленія на правительство, съ цѣлью либо вырвать изъ рукъ его всю фактическую власть и передать ее въ руки оппозиціи, либо, въ случаѣ неудачи такой аттаки, вызвать новую революцію въ странѣ и переложить всю отвѣтственность на правительство, какъ врага народа, отказывающаго удовлеворить требованія, заявленныя его представителями.

Для всѣхъ насъ было также ясно, что руководящая роль принадлежитъ все той же кадетской партіи, которая пользуется всѣми крайними элементами, облекая въ квази-парламентскую форму призывы къ бунту, и весь вопросъ сводился лишь къ тому, какую тактику приметъ руководящая партія и остановится ли она на достигнутой ею первой позиціи или пойдетъ дальше тѣмъ же бурнымъ темпомъ. Въ этомъ отношеніи рѣшающая роль принадлежала, естественнымъ образомъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который съ первой же минуты проявилъ большую выдержку и не скрывая ни отъ кого отъ насъ убѣжденія, что роспускъ Думы совершенно неизбѣженъ, высказался также за выжидательный способъ дѣйствій, хотя и не скрывалъ отъ насъ, что его свѣдѣнія съ несомнѣнностью указываютъ на то, что изъ думскихъ круговъ идетъ совершенно опредѣленная агитація въ провинцію подъ самыми крайними лозунгами, и что недалекъ тотъ день, когда наиболѣе опытные и уравновѣшенные губернаторы заявятъ ему, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ болѣе средствъ охранить общественный порядокъ.

Мы разошлись на томъ, что слѣдуетъ быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, зорко слѣдить за дѣйствіями Думы и получить заблаговременно полномочія Государя на принятіе тѣхъ мѣръ, которыя Онъ сочтетъ необходимымъ для поддержанія порядка въ странѣ.

Горемыкинъ просилъ насъ только отнюдь не говорить кому бы то ни было о нашемъ безнадежномъ настроеніи, прибавивши,

что нашъ общій долгъ заключается въ томъ, чтобы терпѣливо переносить наше невыносимое положеніе до той минуты, когда каждому станетъ ясно, что ждать больше нечего.

Быстро прошелъ май и весь іюнь. Какъ изъ рога изобилія сыпались въ Думѣ запросы правительству по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ перемѣшку съ ними шли урывками обсужденія самыхъ крайнихъ предположеній по аграрному вопросу, объ общей амнистіи, объ отмѣнѣ смертной казни и т. д. Правительство и, въ частности Министерство Фнансовъ, внесло цѣлый рядъ законопроектовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, но ихъ никто не разсматривалъ и только съ величайшею серьезностью обсуждался каждый разъ вопросъ о направленіи въ ту или другую Комиссію, либо объ образованіи особой для разсмотрѣнія ихъ комиссіи. Изрѣдка появлялись въ Думѣ представители отдѣльныхъ вѣдомствъ, -- чаще всего Военнаго — для представленія объясненій на сдѣланные запросы о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ, но въ этихъ сравнительно немногихъ случаяхъ Дума обращалась въ настоящій митингъ съ самыми непозволительными оскорбленіями представителей правительства, и каждый разъ выносились только самыя рѣзкія резолюціи, иногда противныя здравому смыслу, и пренія всегда заключались криками «въ отставку».

Лично мнѣ пришлось быть за все это время въ Государственной Думѣ только одинъ разъ въ бюджетной Комиссіи и также одинъ разъ въ общемъ ея собраніи. Поводомъ было совмѣстное мое и Министра Внутреннихъ Дѣлъ представленіе объ ассигнованіи сверхсмѣтнаго кредита въ 50 милліоновъ рублей на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая и, въ частности, о спѣшномъ отпускѣ денегъ на заготовку сѣмянъ для посѣва. Правительство испрашивало при этомъ полномочій на изысканіе средствъ для удовлетворенія этой потребности, такъ какъ въ бюджетѣ не было ассигнованій, а найти ихъ въ сбереженіяхъ по смѣтамъ въ началѣ года было естественнымъ образомъ совершенно невозможнымъ.

Предыдущій 1905-ый годъ былъ плохой въ смыслѣ урожая; съ мѣстъ съ самаго начала года стали поступать тревожныя свѣдѣнія, а къ веснѣ ясно обнаружилось, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нельзя обойтись средствами продовольственнаго капитала и не миновать необходимости отпуска отъ казны крупныхъ суммъ. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія исчисляли продовольственную нужду въ суммѣ 100 милліоновъ рублей на продовольствіе и обсѣмененіе. Такія же данныя доходили до меня и отъ Управляющихъ Казенныхъ Палатъ, которыхъ я просилъ привлечь податную инспекцію къ наиболѣе близкому участію въ дѣлѣ. Съ

трибуны Думы также раздавались жалобы на тяжелое положеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и всѣ заявленія объ этомъ, разумѣется, облекались въ форму самыхъ возмутительныхъ выпадовъ опять же противъ правительства и кончались затѣмъ возбужденіемъ по инициативѣ Думы предположенія объ отпускѣ кредита. О томъ, что правительственный законопроектъ лежитъ въ Думѣ безъ движенія, никто и слышать не хотѣлъ, и всѣ мои попытки добиться скорѣйшаго разсмотрѣнія его Думою, не приводили ни къ чему. Посылалъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, посылалъ и я своихъ представителей, то въ продовольственную, то въ бюджетную комиссіи съ просьбой, ускорить разсмотрѣніемъ представленія, такъ какъ съ мѣстъ шли все болѣе и болѣе настойчивыя требованія кредитовъ, но отвѣтъ на наши настоянія всегда былъ одинъ — дѣло въ разработкѣ, и Дума ближе знаетъ народныя нужды.

Наконецъ, уже около 15-го іюня я получилъ приглашеніе «пожаловать лично или прислать уполномоченнаго представителя» въ бюджетную Комиссію, для разсмотрѣнія заключенія продовольственной Комиссіи по внесенному правительствомъ законопроекту объ ассигнованіи 50 милліоновъ рублей на продовольственную помощь. Я поѣхалъ самъ, не желая давать повода говорить, что Министры уклоняются отъ совмѣстной работы съ Думою. Передъ комнатою, въ которой засѣдала Комиссія, меня встрѣтилъ ея предсѣдатель Петрункевичъ и, въ изысканно любезной формѣ, ввелъ въ засѣданіе, предложивъ докладчику Герценштейну изложить его заключеніе по дѣлу.

Заявивши, что онъ во всемъ раздѣляетъ заключеніе продовольственной комиссіи, Герценштейнъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ освѣтить ему нѣсколько финансовое положеніе казны и то, насколько проектированный расходъ посиленъ для средствъ казначейства въ данное время. Я сталъ давать мои объясненія въ предѣлахъ разсматриваемаго правительственнаго законопроекта, но послѣ первыхъ же моихъ вступительныхъ объясненій Герценштейнъ собралъ свои бумаги въ портфель и ушелъ изъ засѣданія. Мнѣ пришлось давать мои объясненія безъ него, и главные вопросы мнѣ сталъ задавать членъ Думы Іоллосъ. Послѣ него начался перекрестный допросъ цѣлаго ряда совершенно мнѣ неизвѣстныхъ членовъ, по самымъ разнообразнымъ предметамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ дѣломъ, а затѣмъ мнѣ было объявлено, что бюджетная комиссія присоединяется къ заключенію продовольственной, находитъ, что проектъ разработанъ совершенно недостаточно, и въ настоящую минуту можетъ быть рѣчь только о частичномъ отпускѣ въ счетъ испрашиваемаго кредита не

болѣе 15-ти милліоновъ, а остальная сумма будетъ дана, когда Министерство принесетъ всѣ дополнительныя данныя, — какія именно, — я такъ и не узналъ несмотря на то, что и я и представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ старались всѣми доступными способами доказать, что внесенное представленіе содержитъ въ себѣ отвѣты на всѣ задаваемые намъ вопросы, а поступившія послѣ внесенія законопроекта свѣдѣнія только увеличиваютъ во много разъ заявленную нами нужду. Насъ никто просто не слушалъ, и только съ мѣстъ неслись крики «это все неправда, у насъ совсѣмъ другія данныя, и мы рѣшимъ дѣло на ихъ основаніи»». Я пытался было не разъ сослаться на то, что въ самой Думѣ было не мало рѣчей, подтверждающихъ необходимость спѣшнаго разрѣшенія кредитовъ въ гораздо болѣе значительныхъ суммахъ, нежели затребованныя правительствомъ, что послѣднее готово идти и далѣе того, что оно первоначально заявило, лишь бы удовлетворить безспорную нужду и не понести упрека за то, что населеніе осталось безъ своевременной помощи, указалъ я и на то, что сокращеніе кредита только переложитъ отвѣтственность на народное же представительство. Ничто не помогало, и бюджетная комиссія осталась при рѣшеніи продовольственной урѣзать кредитъ до 15-ти милліоновъ и потребовать внесенія въ спѣшномъ порядкѣ новаго проекта съ новыми, невѣдомыми, свѣдѣніями.

О тонѣ этихъ преній, о сплошныхъ насмѣшкахъ надъ правительствомъ и его представителями — не приходится и говорить, настолько было очевидно, что все дѣлается для униженія насъ и для того, чтобы доставить себѣ дешевое удовольствіе, какъ говорится «покуражиться»» надъ нами. Подъ конецъ преній, предсѣдатель Комиссіи Петрункевичъ предложилъ безъ преній присоединиться къ заключенію продовольственной комиссіи объ отпускѣ только кредита въ 15 милліоновъ рублей, но исключить второй пункть правительственнаго проекта относительно предоставленія правительству полномочій изыскать средства на покрытіе этого расхода, какъ не обезпеченнаго бюджетомъ, и сказать просто въ соображеніяхъ комиссіи, что у правительства есть прямая возможность найти эту сумму въ 15 милліоновъ въ остаткахъ по смѣтамъ, на томъ простомъ основаніи, какъ развивали разные члены комиссіи, что «достаточно въ смѣтахъ вообще и въ смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ частности всякаго рода безполезныхъ и даже прямо вредныхъ расходовъ, въ родѣ расходовъ на содержаніе урядниковъ и полиціи вообще, чтобы была какая-либо необходимость давать правительству, которому мы не вѣримъ, право искать новые источники для расхода».

И тутъ я напрасно старался доказывать элементарную истину, что всѣ расходы, внесенные въ смѣты, основаны, каждый, на опредѣленномъ законѣ, что для отмѣны такихъ законовъ нужны опредѣленныя законодательныя полномочія и замѣна старыхъ законовъ новыми, а до того, всякое учрежденіе слѣдуетъ содержать въ томъ видѣ, какъ оно проведено въ жизнь, и нельзя давать полномочій правительству уничтожать ихъ по своему усмотрѣнію, въ особенности, когда этому правительству не вѣрятъ, — все не приводило ни къ чему, и меня никто не слушалъ и дѣло прошло именно въ такомъ дикомъ видѣ, какъ предложила продовольственная комиссія по иниціативѣ ея предсѣдателя Князя Львова, впослѣдствіи перваго предсѣдателя временнаго правительства февраля 1917 г.

Насталъ день разсмотрѣнія вопроса въ Общемъ Собраніи Думы, — 23-е іюня, — и повторилась съ фотографическою точностью та же картина, какая была и въ бюджетной комиссіи. Князь Львовъ произнесъ, разумѣется, оппозиціонную рѣчь, въ которой ничего не сказалъ по поводу представленія правительства, а громилъ только послѣднее за всю его политику, доведшую страну до голода, говорилъ о невозможности утвердить его проектъ объ отпускѣ 50-ти милліоновъ, хотя и самъ признавалъ, что потребуется гораздо больше, и только съ большою ироніею отозвался на желаніе правительства, получить «еще какое-то право изыскивать средства на покрытіе такого расхода, какъ будто у него, при малѣйшей доброй волѣ, нѣтъ средствъ въ двухмилліардномъ бюджетѣ».

Два раза выступалъ я на трибину, каждый разъ подъ возгласы «въ отставку» при началѣ, и «а все-таки въ отставку» при концѣ моихъ объясненій и ничего, разумѣется, не добился. Меня и тутъ никто не хотѣлъ слушать, и только многіе члены Думы съ усмѣшкою поглядывали на меня съ ихъ мѣстъ, не прерывая меня, правда, какими-либо возгласами.

Съ такимъ рѣшеніемъ перваго и единственнаго разсмотрѣннаго при моемъ участіи дѣла въ Думѣ пришлось мнѣ покинуть ея стѣны, и немало было разговоровъ по этому поводу среди Министровъ въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, вечеромъ того же или слѣдующаго дня. Большинство Министровъ, имѣвшихъ хорошій опытъ въ разрѣшеніи денежныхъ дѣлъ, конечно прекрасно понимало всю нелѣпость принятаго рѣшенія, и многіе рѣшительно поддерживали меня въ моемъ заявленіи о необходимости аппелировать къ Государственому Совѣту о внесеніи поправокъ въ принятое рѣшеніе, съ тѣмъ, чтобы можно было исправить его въ порядкѣ соглашенія съ Думою. Мы просили даже Го-

ремыкина переговорить объ этомъ съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и узнать, насколько мы можемъ расчитывать на его поддержку. Но Горемыкинъ проявилъ и тутъ свойственное ему равнодушіе. «Я прекрасно понимаю всю нелѣпость принятаго рѣшенія, но положительно отказываюсь отъ всякой попытки исправить его и совершенно увѣренъ въ томъ, что и Государственный Совѣтъ намъ не поможетъ и не потому, что мы неправы, а потому, что онъ не захочетъ на первыхъ же порахъ вступать въ конфликтъ съ Думою. А Васъ — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — я особенно прошу не придавать этому дѣлу никакого значенія. Все равно Дума не желаетъ съ нами работать, и мы должны поступать какъ требуетъ польза дѣла, то-есть отпустить 15 милліоновъ, разумѣется, не затрогивая никакихъ остатковъ, которыхъ теперь еще и быть не можетъ, внести немедленно новое представленіе объ отпускѣ суммъ и не закрывать глазъ на то, что никакія основанія правильнаго веденія дѣла все равно не приложимы, а на то, что говорятъ про насъ и какъ оскорбляютъ насъ, — объ этомъ теперь безполезно разсуждать».

На другой день мы попробовали, было, проѣхать вмѣстѣ съ Столыпинымъ къ Горемыкину, чтобы разубѣдить его въ невозможности оставить дѣло въ такомъ положеніи, даже безъ всякой попытки на его исправленіе, но изъ этого рѣшительно ничего не вышло, и только онъ согласился на то, чтобы Столыпинъ попробовалъ переговорить съ предсѣдателемъ Думы Муромцевымъ, чего я не совѣтовалъ дѣлать, понимая, что у того нѣтъ ни желанія, ни даже возможности вліять на пересмотръ принятаго рѣшенія. Столыпинъ тѣмъ не менѣе съѣздилъ къ Муромцеву или говорилъ съ нимъ по телефону, но въ тотъ же день извѣстилъ меня, что изъ этого ничего не вышло и приходится видимо махнуть рукою на всякую возможность какой-либо работы съ Думою.

Расчетъ мой на Государственной Совѣтъ оказался также совершенно напраснымъ и правымъ оказался Горемыкинъ. И предсѣдатель и значительное большинство членовъ, конечно, давало себѣ ясный отчетъ въ томъ, что рѣшеніе Думы безобразно, но всѣ они открыто заявили въ частной бесѣдѣ, что входить въ конфликтъ съ Думою не стоитъ и лучше просто утвердить ея заключеніе, несмотря на всю его нелогичность, и ждать иного повода для болѣе подходящаго конфликта.

Его на самомъ дѣлѣ не оказалось уже по тому одному, что Государственному Совѣту не пришлось до роспуска Думы встрѣтиться еще ни съ однимъ изъ рѣшеній, вынесенныхъ Думою по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ.

ГЛАВА II.

Исканіе выхода изъ создавшагося положенія. — Вопросъ о роспускѣ Думы. — Д. Ф. Треповъ и Баронъ Фредериксъ. — Бесѣда Государя со мною о проектѣ образованія министерства съ преобладаніемъ кадетскихъ дѣятелей. — Мысли Барона Фредерикса объ обращеніи Государя къ народнымъ представителямъ. — Проектъ Столыпина объ образованіи министерства съ привлеченіемъ общественныхъ дѣятелей. — Назначеніе Столыпина Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и роспускъ первой Государственной Думы.

Въ теченіе остающихся двухъ недѣль наши засѣданія въ Совѣтѣ Министровъ были немногочисленны и непродолжительны по времени. Мы обмѣнивались, главнымъ образомъ, впечатлѣніями и освѣдомленностью о томъ, что дѣлалось въ странѣ, подъ вліяніемъ все разгоравшагося настроенія въ Думѣ, и я долженъ сказать, что у всѣхъ было ясное убѣжденіе въ томъ, что роспускъ Думы становится день ото дня дѣломъ все бо̀льшей и бо̀льшей неизбѣжности, но прямого обсужденія вопроса въ нашей средѣ, по крайней мѣрѣ, въ видѣ ясно поставленнаго вопроса, не происходило. Горемыкинъ какъ-то неохотно реагировалъ на заявленія нѣкоторыхъ Министровъ и въ особенности на наиболѣе близкаго ему по прежней службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, за его время, Стишинскаго, — на то, что нечего больше ждать, ибо иначе можетъ быть уже поздно. Онъ не выражалъ личнаго своего мнѣнія, но давалъ ясно понять, что нужно ждать прямыхъ указаній отъ Государя, который освѣдомляется имъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ обо всемъ, что происходитъ.

Гораздо болѣе опредѣленно было это положеніе въ глазахъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина. Мы продолжали часто видѣться съ нимъ, внѣ засѣданій Совѣта, и каждый разъ онъ го-

ворилъ мнѣ, что роспускъ надвигается, что въ Государѣ онъ замѣчаетъ часто очень нервное отношеніе, которое Горемыкинъ старается успокаивать постоянными ссылками на то, что ничего особеннаго не произойдетъ, но, по его впечатлѣнію, онъ думаетъ скорѣе, что Государю не нравится неясное положеніе, занятое правительствомъ въ этомъ жгучемъ вопросѣ, и его личное мнѣніе сводится къ тому, что Государь только и ждетъ, чтобы правительство заняло ясную позицію, и, въ такомъ случаѣ, въ немъ мы не встрѣтимъ ни оппозиціи, ни колебаній. При этомъ, ссылаясь на то, что онъ лично недостаточно знаетъ Его характеръ и часто замѣчаетъ, что Государь какъ-то уклоняется отъ прямого отвѣта на его вопросы, Столыпинъ все спрашивалъ меня, какъ ему вести себя въ Царскомъ Селѣ и слѣдуетъ ли ему брать на себя иниціативу, или лучше дѣйствовать черезъ Горемыкина. Я совсѣмъ не видѣлъ Государя за все это время внѣ моихъ обычныхъ докладовъ по пятницамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось бывать съ очередными докладами, я ни разу не видѣлъ въ немъ ни малѣйшихъ колебаній въ оцѣнкѣ положенія. Напротивъ того, не проходило ни одного раза безъ того, что Государь, послѣ окончанія очередного доклада, не наводилъ разговора на общее положеніе, и каждый разъ Онъ неизмѣнно говорилъ одно и то же, а именно, что все, что происходитъ въ Думѣ, Его крайне удручаетъ и приводитъ къ убѣжденію, что такъ долго продолжаться не можетъ, и Онъ все ожидаетъ, когда выскажется Иванъ Логгиновичъ окончательно о томъ, на что нужно рѣшиться, хотя — какъ Онъ прибавлялъ каждый разъ, — выбора что нужно дѣлать, никакого нѣтъ, и рѣчь идетъ только объ одномъ — какой моментъ слѣдуетъ избрать для рѣшенія.

На одномъ изъ моихъ докладовъ, не помню хорошо было ли это тотчасъ послѣ рѣшенія Думы по продовольственному кредиту или непосредственно передъ засѣданіемъ, но когда уже было извѣстно заключеніе двухъ думскихъ комиссій, Государь сказалъ мнѣ какъ-то, передъ тѣмъ, что я вышелъ изъ Его кабинета: «здѣсь, Я слышу съ разныхъ сторонъ, что дѣло вовсе не такъ плохо, какъ можетъ казаться по рѣчамъ въ Думѣ, и нужно только терпѣливо ждать и не нервничать, такъ какъ Дума постепенно втянется въ работу и сама увидитъ, что государственная машина не такая простая вещь, какъ это ей кажется на первыхъ порахъ, но лично Я думаю, — прибавилъ Онъ, — что въ этой мысли много диллетантизма или даже пожалуй отголосковъ клубныхъ разговоровъ, и самъ Я смотрю совершенно иначе». Государь

13*

не назвалъ мнѣ ни одного имени, и я не могъ ничего сказать Столыпину опредѣленнаго, но совѣтовалъ ему только поближе присмотрѣться къ двумъ лицамъ — Министру Двора Барону Фредериксу и дворцовому коменданту — Д. Ф. Трепову. Первый не имѣетъ никакого понятія въ государственныхъ дѣлахъ, Государь не совѣтуется съ нимъ ни о чемъ, но его личное благородство и преданность Государю настолько внѣ всякихъ сомнѣній, что Государь поневолѣ останавливаетъ свое вниманіе на его словахъ, а Императрица довѣряетъ ему больше, чѣмъ кому-либо изъ придворнаго окруженія. Положеніе, занятое Треповымъ, — сказалъ я, — мнѣ совершенно неясно, но ему Государь положительно довѣряетъ, и въ немъ можно имѣть либо дѣятельнаго пособника, либо скрытаго, но опаснаго противника. Я сказалъ при этомъ Столыпину, что вскорѣ послѣ открытія Думы — вѣроятно это было 6-го мая, въ день рожденія Государя, — бесѣдуя со мною въ большомъ дворцѣ, Треповъ спросилъ меня, какъ отношусь я къ идеѣ Министерства, отвѣтственнаго передъ Думою и составленнаго изъ людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, и насколько я считаю возможнымъ теперь, послѣ открытія Думы, сохранить Министерство, зависящее исключительно отъ Монарха и Его воли. Я успѣлъ только сказать ему, что этотъ вопросъ требуетъ подробнаго разъясненія, и я готовъ дать ему его, если онъ какъ-нибудь встрѣтится со мною въ болѣе подходящей обстановкѣ, но предостерегаю его именно отъ того, что въ нашихъ условіяхъ этотъ вопросъ особенно щекотливъ, при двухъ-палатной системѣ, при своеобразномъ устройствѣ верхней палаты и въ особенности при явно враждебномъ объему власти нашего Монарха оппозиціонно настроенномъ большинствѣ нашей политической интеллигенціи. Посмотрѣвши мнѣ въ упоръ и не смущаясь тѣмъ, что кругомъ насъ было не мало всякаго рода людей, Треповъ сказалъ мнѣ: «Вы полагаете, что отвѣтственное министерство равносильно полному захвату власти и изъятію ея изъ рукъ Монарха, съ претвореніемъ Его въ простую декорацію». Я успѣлъ только сказать ему, что допускаю и гораздо бо́льшее, то есть замѣну Монархіи совершенно иною формою государственнаго устройства, — какъ мы должны были прекратить нашъ разговоръ, и онъ никогда больше не возобновлялся до самой смерти Трепова.

Вскорѣ мнѣ пришлось, однако, убѣдиться въ томъ, что Треповъ не оставилъ своей мысли, и она претворилась даже въ нѣкоторыя дѣйствія съ его стороны, — но объ этомъ рѣчь впереди.

Столыпинъ сказалъ мнѣ по поводу моего мнѣнія, что съ Барономъ Фредериксомъ онъ уже пытался говорить, но у него такой сумбуръ въ головѣ, что просто его понять нельзя, а съ Треповымъ онъ непремѣнно будетъ говорить и постарается выяснить какова его точка зрѣнія на событія дня, потому что ему также со всѣхъ сторонъ говорятъ, что онъ имѣетъ безспорное вліяніе на Государя и къ его голосу Государь прислушивается больше, нежели къ чьему-либо изъ всего дворцоваго окруженія.

Приблизительно въ ту же пору — между 15-мъ и 20-мъ числами іюня, послѣ одного изъ моихъ очередныхъ докладовъ въ Петергофѣ, Государь задержалъ меня послѣ доклада, какъ это Онъ дѣлалъ иногда, когда что-либо особенно занимало Его вниманіе, и, протягивая сложенную пополамъ бумажку, сказалъ мнѣ: «посмотрите на этотъ любопытный документъ и скажите Мнѣ откровенно Ваше мнѣніе по поводу предлагаемаго Мнѣ новаго состава министерства, взамѣнъ того, которое вызываетъ такое рѣзкое отношеніе со стороны Государственной Думы». На мой вопросъ кому принадлежитъ мысль о новомъ составѣ правительства, взамѣнъ такъ недавно образованнаго, Государь отвѣтилъ мнѣ только «конечно, не Горемыкину, а совсѣмъ постороннимъ людямъ, которые, быть можетъ, нѣсколько наивны въ пониманіи государственныхъ дѣлъ, но, конечно, добросовѣстно ищутъ выхода изъ создавшагося труднаго положенія».

Переданный мнѣ Государемъ на просмотръ списокъ я тутъ же вернулъ Государю, записалъ его тотчасъ послѣ возвращенія домой, но онъ у меня не сохранился и пропалъ вмѣстѣ съ тѣми немногими бумагами, которыми я такъ дорожилъ до самаго моего отъѣзда изъ Россіи. Я могъ поэтому запамятовать что-либо въ деталяхъ, но хорошо помню главныя части этого списка.

На лѣвой сторонѣ бумажки стояли названія должностей, а на правой, противъ нихъ, фамиліи кандидатовъ. — Противъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ была написана фамилія — Муромцевъ; противъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ — Милюковъ или Петрункевичъ; противъ Министра Юстиціи — Набоковъ или Кузьминъ-Караваевъ; противъ должностей Министровъ Военнаго, Морского и Императорскаго Двора — слова: по усмотрѣнію Его Величества; противъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ — Милюковъ или А. П. Извольскій; противъ Министра Финансовъ — Герценштейнъ; противъ Министра Земледѣлія — Н. Н. Львовъ; противъ Государственнаго Контролера — Д. Н. Шиповъ. Прочихъ министровъ моя память не удерживаетъ.

Когда я внимательно прочиталъ этотъ списокъ и былъ, ви-

димо, взволнованъ, Государь сказалъ мнѣ тономъ наружно совершенно спокойнымъ: «Я очень прошу Васъ высказать Мнѣ Ваше мнѣніе съ Вашею обычною откровенностью и не стѣсняясь ни выраженіями, ни Вашими мыслями, прошу Васъ только никому не говорить о томъ, что Вамъ извѣстно».

Я далъ, конечно, мое слово свято исполнить Его желаніе, сказавши, что очевидно, и Совѣтъ Министровъ не долженъ знать ничего и получилъ потвержденіе словами: «именно это Я и разумѣю».

Насколько я умѣлъ въ минуту охватившаго меня волненія изложить мои мысли въ связномъ порядкѣ, я спросилъ Государя понимаетъ ли Онъ, что принятіемъ этого или иного списка министровъ, но принадлежащихъ къ той же политической группировкѣ, къ которой принадлежатъ, за малыми изъятіями, всѣ намѣченные кандидаты, Государь передаетъ этой части такъ называемаго общественнаго мнѣнія всю полноту исполнительной власти въ странѣ, и Самъ остается безъ всякой власти и внѣ всякой возможности вліять на ходъ дѣлъ въ странѣ, каковы бы ни были тѣ мѣры, которыя предложитъ такая исполнительная власть. Уволить этихъ министровъ Онъ фактически уже не можетъ потому, что лично Онъ безъ того, что принято называть Государственнымъ переворотомъ, болѣе не можетъ распоряжаться черезъ голову правительства исполнительными органами, которые, конечно, тотчасъ же будутъ подобраны изъ элементовъ угодныхъ этому правительству, а встать въ открытый конфликтъ съ послѣднимъ равносильно полной сдачѣ всей Своей власти и не только превращенію всего нашего государственнаго строя въ монархію даже не Англійскаго типа, но и неизбѣжному коренному измѣненію всего строя, со всѣми послѣдствіями, размѣровъ и формъ которыхъ никто ни предвидѣть ни учесть не можетъ. Я старался какъ умѣлъ показать на примѣрахъ въ какія проявленія неизбѣжно выльется такая перемѣна послѣ всего, что только что пережила и теперь переживаетъ Россія, и остановился особнно подробно на той мысли, что передача власти самимъ Государемъ въ руки одной, рѣзко выраженной, политической партіи, тотчасъ послѣ того, что Имъ же только что утверждены основные законы Государства, построенные на иныхъ принципахъ, и при этомъ подъ давленіемъ явно революціонныхъ требованій, проникнутыхъ нескрываемымъ стремленіемъ къ коренной ломкѣ новаго уклада жизни, — чрезвычайно опасна, въ особенности, когда становится вопросъ о передачѣ власти въ руки людей, совершенно невѣдомыхъ Госу-

дарю и, конечно, проникнутыхъ не тѣми идеями, которыя отвѣчаютъ Его взглядамъ на объемъ власти Монарха.

Внимательно слушая меня Государь спросилъ меня: «что же нужно дѣлать, чтобы положить предѣлъ тому, что творится въ Думѣ, и направить ея работу на мирный путь». Я далъ ему такой отвѣтъ, приводимый мною здѣсь въ самомъ сжатомъ видѣ, но съ точнымъ воспроизведеніемъ основныхъ моихъ мыслей:

Политическая партія, изъ которой невѣдомый мнѣ авторъ предполагаетъ сформировать новое правительство, жестоко заблуждается, думая, что, ставши у власти, эта группа поведетъ работу законодательства хотя бы по выработанной ею программѣ, даже если бы она была одобрена Государемъ. Эта группа въ своемъ стремленіи захватить власть слишкомъ много наобѣщала крайнимъ лѣвымъ элементамъ и слишкомъ явно попала уже въ зависимость отъ нихъ, чтобы удержаться на поверхности. Она сама будетъ сметена этими элементами, и я не вижу на чемъ и гдѣ можно остановиться. Я вижу безъ всякихъ прикрасъ надвигающійся призракъ революціи и коренную ломку всего нашего государственнаго строя. Если Государь раздѣляетъ мои опасенія, то не остается ничего иного, какъ готовиться къ роспуску Думы и къ неизбѣжному также пересмотру избирательнаго закона 11-го декабря, наводнившему Думу массою крестьянства и низшей земской интеллигенціи, а до того подумать о томъ, — нельзя ли лучше организовать само правительство по выбору самого Государя, удалить изъ него элементы, явно не сочувствующіе новому строю, привлечь взамѣнъ ихъ другіе, болѣе пріемлемые для общественнаго мнѣнія, и постараться внести больше порядка и законности на мѣстахъ—безъ громкихъ лозунговъ,и въ то же время не отступать передъ борьбою съ явнымъ насильственнымъ захватомъ власти, безразлично, помощью ли Думскаго давленія заранѣе расчитаннаго на осаду власти или помощью ярко окрашеннаго еще болѣе враждебнымъ настроеніемъ къ существующей царской власти крайнихъ, чисто революціонныхъ, элементовъ. Мои послѣднія слова были: «Мы не выросли еще до однопалатной конституціонной монархіи чисто парламентскаго образца, и моя обязанность предостеречь Васъ, Государь, отъ такого новаго эксперимента, отъ котораго, пожалуй, уже и не будетъ больше возврата назадъ».

Государь долго стоялъ молча передо мною, потомъ подалъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ мою и отпустилъ меня словами, которыя я хорошо помню и сейчасъ: «Многое изъ того, что Вы сказали мнѣ, я давно пережилъ и перестрадалъ. Я люблю слушать раз-

ныя мнѣнія и не отвергаю сразу того, что Мнѣ говорятъ, хотя бы Мнѣ было очень больно слышать сужденія, разбивающія лучшія мечты всей моей жизни, но вѣрьте Мнѣ, что я не приму рѣшенія, съ которымъ не мирится моя совѣсть и, конечно, взвѣшу каждую мысль, которую Вы мнѣ высказали, и скажу Вамъ на что Я рѣшусь. До этой же поры не вѣрьте, если Вамъ скажутъ, что Я уже сдѣлалъ этотъ скачекъ въ неизвѣстное».

Не мало было мое удивленіе, когда въ тотъ же день, около трехъ часовъ, едва я успѣлъ вернуться къ себѣ на дачу, ко мнѣ пріѣхалъ братъ Дворцоваго коменданта Д. Ф. Трепова — А. Ф. Треповъ, впослѣдствіи Министръ Путей Сообщенія и, на короткое время, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и обратился ко мнѣ съ сообщеніемъ, что ему точно извѣстно, что его братъ недавно представилъ Государю списокъ новаго состава министерства изъ представителей кадетской партіи, и онъ чрезвычайно опасается, что при его настойчивости и томъ довѣріи, которымъ онъ пользуется у Государя, этотъ «безумный», по его выраженію, проектъ можетъ проскочить подъ сурдинку, если кто-либо во-время не раскроетъ глаза Государю на всю катастрофическую опасность такой затѣи. Онъ просилъ меня взять на себя трудъ разъяснить Государю всю недопустимость этой мѣры и удержать, если только это не поздно, Россію на краю гибели, въ которую ее ведутъ невѣжественные люди, «привыкшіе командовать эскадрономъ, но неимѣющіе ни малѣйшаго понятія о государственныхъ дѣлахъ». Связанный словомъ, даннымъ Государю, я ничего не сказалъ Трепову изъ того, что только что узналъ, и совѣтовалъ ему переговорить съ Горемыкинымъ и Столыпинымъ, до которыхъ это дѣло касается прежде всего, а затѣмъ постараться повліять на его собственнаго брата, если онъ на самомъ дѣлѣ затѣялъ эту опасную игру. Его отвѣтъ былъ весьма простъ и откровененъ. Про Горемыкина онъ сказалъ мнѣ: «Я прямо отъ него, но что Вы хотите съ нимъ подѣлать, у него одинъ отвѣтъ — все это чепуха, и никогда Государь не рѣшится на такую мѣру, а если и рѣшится, то все равно изъ этого ничего не выйдетъ. «Къ Столыпину я не рѣшусь обращаться потому, что далеко не увѣренъ въ томъ, что онъ не участвовалъ во всей этой комбинаціи». «Съ моимъ братомъ я долженъ былъ просто порвать отношенія потому, что онъ или сошелъ съ ума, или просто попалъ въ руки людей, утратившихъ всякій человѣческій смыслъ потому, что на всѣ мои аргументаціи онъ твердитъ одно — «все пропало и нужно спасать Государя и династію отъ неизбѣжной катастрофы, какъ будто самъ онъ не толкаетъ ее прямо въ катастрофу».

Я обѣщалъ Трепову попытаться разъяснить Государю этотъ вопросъ на будущей недѣлѣ, если только не будетъ слишкомъ поздно, но наотрѣзъ отказался просить экстренной аудіенціи, минуя Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Черезъ четыре дня Треповъ снова пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что братъ вызвалъ его въ Петергофъ, былъ очень мраченъ и сказалъ ему, что по его впечатлѣнію его проектъ не имѣлъ успѣха, хотя Государь съ нимъ о немъ болѣе не заговаривалъ, но отъ окруженія Столыпина онъ слышалъ, что вся комбинація канула въ вѣчность, такъ какъ все болѣе и болѣе назрѣваетъ роспускъ Думы.

На слѣдующемъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Государь встрѣтилъ меня, какъ только я вошелъ, словами: «То, что такъ смутило Васъ прошлую пятницу, не должно больше тревожить Васъ. Я могу сказать Вамъ теперь съ полнымъ спокойствіемъ, что я никогда не имѣлъ въ виду пускаться въ неизвѣстную для меня даль, которую Мнѣ совѣтовали испробовать. Я не сказалъ этого тѣмъ, кто предложилъ Мнѣ эту мысль, конечно, съ наилучшими намѣреніми, но не вполнѣ оцѣнивая, по ихъ неопытности, всей опасности, и хотѣлъ провѣрить Свои собственныя мысли, спросивши тѣхъ, кому Я довѣряю, и могу теперь сказать Вамъ, что то, что Вы мнѣ сказали, — сказали также почти всѣ, съ кѣмъ Я говорилъ за это время, и теперь у Меня нѣтъ болѣе никакихъ колебаній, да ихъ и не было на самомъ дѣлѣ, потому что Я не имѣю права отказаться отъ того, что Мнѣ завѣщано моими предками и что Я долженъ передать въ сохранности Моему сыну».

Государь не обмолвился мнѣ ни однимъ словомъ о томъ, съ кѣмъ говорилъ Онъ, кромѣ меня, и я думаю и сейчасъ, какъ думалъ и въ ту пору, что у Него не было на самомъ дѣлѣ ясно созрѣвшей мысли допустить переходъ власти въ руки кадетскаго министерства, и мысль объ этомъ была Ему навѣяна извнѣ и представлена ему черезъ Генерала Трепова. Со мною Столыпинъ объ этомъ не говорилъ ни тогда, ни послѣ, и я отвергаю цѣликомъ предположеніе о томъ, что и Столыпинъ былъ самъ не прочь допустить такое Министерство, видя какой оборотъ принимаютъ событія. Со мною онъ ни разу не заговаривалъ на эту тему, и я думаю, — хотя и не могу подтвердить моего мнѣнія какими-либо фактическими ссылками, — что наибольшее, о чемъ онъ думалъ, сводилось къ мысли объ образованіи такъ называемаго «министерства общественнаго довѣрія» съ нимъ самимъ во главѣ, о чемъ онъ нѣсколько времени спустя послѣ роспуска Думы велъ

со мною совершенно опредѣленную бесѣду. Объ этомъ я говорю вслѣдъ за симъ.

Уже много лѣтъ спустя, въ бѣженствѣ, благодаря любезности С. Е. Крыжановскаго, мнѣ пришлось познакомиться съ записками Д. Н. Шипова, въ которыхъ видное мѣсто отведено эпизоду, съ его личнымъ участіемъ, въ переговорахъ о вступленіи его и нѣкоторыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей того времени въ составъ правительства, а также и со статьями Милюкова, посвященными тому же эпизоду.

Поставивши себѣ задачею говорить въ моихъ воспоминаніяхъ только о томъ, что мнѣ извѣстно по личному моему участію въ событіяхъ пережитого мною времени, — я не могу входить въ обсужденіе того, что приписывается покойному Столыпину или его личному честолюбію его политическими противниками, но считаю только своимъ долгомъ рѣшительно отвергнуть какую-либо мысль о томъ, что его личная роль играла въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе, и что идея министерства изъ общественныхъ дѣятелей была оставлена имъ только потому, что эти дѣятели не согласились идти подъ его руководящую роль въ томъ правительствѣ, въ составъ котораго онъ ихъ звалъ.

Можно быть какого угодно мнѣнія о политической личности Столыпина, объ устойчивости его взглядовъ и даже о наличіи у него точно установленной и глубоко продуманной программы. Но ставить личное честолюбіе во главу угла его дѣятельности и отвергать мысль о томъ, что имъ не руководило стремленіе къ огражденію интересовъ государства и къ предотвращенію его крушенія, — это совершенно несправедливо, ибо вся его дѣятельность служитъ самымъ неопровержимымъ аргументомъ противъ такой личной политики.

Столыпинъ былъ далеко не одинъ, кому улыбалась въ ту пору идея министерства изъ «людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ». Онъ видѣлъ неудачный составъ министерства, къ которому самъ принадлежалъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе многихъ о томъ, что привлеченіе людей иного состава въ аппаратъ центральнаго правительства можетъ отчасти удовлетворить общественное мнѣніе и примирить его съ правительствомъ. Онъ считалъ, что среди выдающихся представителей нашей «общественной интеллигенціи» нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ пойти на страдный путь служенія родинѣ въ рядахъ правительства и способныхъ отрѣшиться отъ своей партійной политической окраски и кружковской организаціи, и онъ честно и охотно готовъ былъ протянуть имъ руку и звалъ ихъ на путь совмѣ-

стной работы. Но передать всю власть въ руки однихъ оппозиціонныхъ элементовъ, въ особенности въ пору ясно выраженнаго стремленія ихъ захватить власть, а затѣмъ идти къ несомнѣнному государственному перевороту и коренной ломкѣ только что изданныхъ основныхъ законовъ, — не могло никогда входить въ его голову, и не съ такою цѣлью велъ онъ переговоры съ общественными дѣятелями, если даже онъ и велъ ихъ на самомъ дѣлѣ такъ, какъ говорятъ о немъ и пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и Д. Н. Шиповъ. Я повторяю, однако, что со мною никто не велъ объ этомъ никакихъ разговоровъ, и до самого роспуска Думы я находился не только въ полномъ невѣдѣніи какихъ-либо предположеній по этому поводу, но былъ, напротивъ того, въ каждомъ засѣданіи Совѣта Министровъ постояннымъ свидѣтелемъ самыхъ рѣшительныхъ заявленій со стороны Столыпина о томъ, что вся тактика думскихъ заправилъ есть прямой походъ на власть во имя захвата ея и коренной ломки нашего государственнаго строя. Нужно не знать безспорнаго личнаго благородства Столыпина, чтобы допустить мысль о томъ, что онъ находилъ возможнымъ передать власть партіи народной свободы, лишь бы самъ онъ оставался во главѣ правительства, какъ будто онъ не понималъ простой истины, что самъ онъ попадалъ въ плѣнъ организованной партіи, которую самъ же обвинялъ въ нескрываемомъ стремленіи только къ власти, и даже больше того — къ уничтоженіи монархіи.

Наши встрѣчи съ Столыпинымъ въ концѣ мая становились все болѣе и болѣе частыми по мѣрѣ того, что настроеніе въ Думѣ поднималось все выше и выше. Не разъ онъ показывалъ мнѣ въ эту пору наиболѣе существенныя изъ донесеній губернаторовъ и нисколько не скрывалъ, что необходимость роспуска Думы становится все болѣе и болѣе неотложной. На мое замѣчаніе, что, при такомъ его взглядѣ, для меня непонятно, почему же все правительство не приходитъ къ опредѣленному рѣшенію, и какова же роль такъ называемаго объединеннаго правительства, отвѣтственнаго передъ Монархомъ, когда въ такую тревожную пору всѣ мы стоимъ совершенно въ сторонѣ отъ рѣшенія, несмотря на то, что Государь не мнѣ одному ясно говоритъ о томъ, что Онъ ждетъ рѣшенія Его министровъ. Отвѣтъ Столыпина былъ такой: «Я не разъ говорилъ Горемыкину буквально то же самое, что говорите Вы, но у него преоригинальный способъ мышленія; онъ просто не признаетъ никакого единаго правительства и говоритъ, что все правительство въ одномъ Царѣ, и что Онъ скажетъ, то и будетъ нами исполнено, а пока отъ Него нѣтъ яснаго указанія, мы должны ждать и терпѣть». Отъ себя Столы-

3207.

пинъ сказалъ мнѣ только: «теперь намъ недолго ждать, такъ какъ я твердо рѣшилъ доложить Государю на этихъ же дняхъ, что такъ дольше нельзя продолжать, если мы не хотимъ, чтобы насъ окончательно не захлестнула революціонная волна, идущая на этотъ разъ не изъ подполья, а совершенно открыто изъ Думы, подъ лозунгомъ народной воли, и если Государь не раздѣлитъ моего взгляда, то я буду просить Его сложить съ меня непосильную при такомъ колеблющемся настроеніи отвѣтственность». На мой вопросъ расчитываетъ ли онъ провести роспускъ безъ особыхъ потрясеній и волненій и какъ смотритъ онъ на возможность поддержать порядокъ въ провинціи, онъ отвѣтилъ совершенно спокойнымъ тономъ, что за Петербургъ и Москву онъ совершенно увѣренъ, но думаетъ, что и въ губерніяхъ не произойдетъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе, что изъ самой Думы до него доходятъ голоса, что немалое количество людей начинаетъ и тамъ понимать, какую опасную игру затѣяли народные представители, и въ числѣ главарей даже кадетской партіи есть такіе, которые далеко не прочь отъ того, чтобы ихъ распустили, такъ какъ они начинаютъ понимать, что разбуженный ими звѣрь можетъ и ихъ самихъ смять въ нужную минуту. Онъ просилъ меня только не говорить никому о его взглядѣ на положеніе и, разставаясь, спросилъ можетъ ли онъ разсчитывать на мою помощь, если на его долю выпадетъ тяжкая доля нести и далѣе отвѣтственность за дѣло. Изъ его словъ я не могъ вывести заключенія о томъ, былъ ли уже съ нимъ какой-либо разговоръ по этому поводу и отвѣтилъ ему только, что попавши на страду не по моей волѣ,, я не намѣренъ дезертировать по моей инициативѣ, но буду очень счастливъ, если ему или иному преемнику Горемыкина покажется, что для новыхъ пѣсенъ нужны новые люди, а не тѣ, которые привыкли къ инымъ условіямъ дѣятельности.

Послѣ такого моего отвѣта Столыпинъ спросилъ меня можетъ ли онъ говорить со мною вполнѣ откровенно и надѣяться на то, что вся наша бесѣда останется строго между нами, тѣмъ болѣе, что она можетъ и вовсе не имѣть практическаго значенія, а ему было бы совершенно нежелательно, чтобы у кого-либо сложилось представленіе о томъ, что онъ ведетъ какую-либо личную политику или строитъ свои предположенія, на которыя онъ никѣмъ не уполномоченъ.

Я отвѣтилъ ему, что самое обращеніе ко мнѣ, не вполнѣ мнѣ понятно. Если онъ мнѣ довѣряетъ, то въ этомъ довѣріи онъ самъ

найдетъ отвѣтъ на собственный вопросъ, если же полнаго довѣрія нѣтъ, то простое мое обѣщаніе мало поможетъ дѣлу. Онъ сказалъ мнѣ, что я совершенно правъ, и ему не слѣдовало ставить мнѣ такого вопроса, который можетъ даже представиться мнѣ обиднымъ, и проситъ меня извинить его за его неумѣстность.

Послѣ такого вступленія Столыпинъ сказалъ мнѣ, что, не будучи посвященъ во всѣ петербургскія теченія, онъ встрѣчается за послѣднее время съ цѣлымъ рядомъ заявленій, повидимому, находящихъ себѣ сочувственный откликъ и въ Царскомъ Селѣ, о томъ, что вина въ не нормальномъ отношеніи между правительствомъ и Думою лежитъ главнымъ образомъ на самомъ составѣ правительства, совершенно чуждомъ общественнымъ настроеніямъ, не считающимся съ ними и даже, отчасти, непосредственно враждебнымъ имъ. Ему указываютъ со всѣхъ сторонъ, что личность Горемыкина, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, встрѣчаетъ рѣшительно вездѣ самое недвусмысленное осужденіе. Ему никто не вѣритъ, ибо всѣ знаютъ его величайшій индеферентизмъ и даже цинизмъ, его угодливость всякому заявленію Государя и нескрываемое имъ самимъ отношеніе къ Его власти, какъ непререкаемому для него закону, устраняющему самое право его, какъ перваго Министра, въ чемъ бы то ни было противорѣчить Его волѣ, а тѣмъ болѣе ставить Его передъ необходимостью считаться съ опредѣленнымъ взглядомъ Совѣта и входить въ недопустимый конфликтъ съ нимъ. Ему указываютъ далѣе и на другихъ министровъ, совершенно непонимающихъ необходимости считаться съ совершившимися перемѣнами въ государственномъ строѣ, и все болѣе и болѣе выдвигаютъ передъ нимъ необходимость подумать о такомъ Министерствѣ, которое было бы составлено изъ людей, успѣвшихъ снискать себѣ всеобщее уваженіе, несмотря на ихъ бюрократическое прошлое, такъ и изъ людей близкихъ къ общественнымъ кругамъ и пользующихся въ нихъ прямыми симпатіями, — разумѣется если только этотъ типъ людей одновременно вполнѣ сознательно и добросовѣстно принимаетъ новый государственный укладъ и готовъ честно служить ему. Ему показалось даже однажды, что и Государь находитъ въ такой мысли много справедливаго и даже, какъ передавалъ ему А. С. Ермоловъ, и самъ былъ недалекъ отъ того, чтобы допустить ея осуществленіе, если только Онъ видѣлъ бы изъ какихъ элементовъ можно составить такое, какъ онъ назвалъ «коалиціонное» Министерство. По его словамъ, та же мысль проникла и въ круги Яхтъ-Клуба и развивалась тамъ на

всѣ лады Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, прямо заявлявшимъ, что она нравится Государю и встрѣчаетъ только упорнѣйшее сопротивленіе не только лично въ Горемыкинѣ, но и во всемъ прежнемъ его окруженіи по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Столыпинъ прибавилъ, что ему не разъ уже дано понять, что, вѣроятно, Горемыкинъ останется весьма недолго и ему, Столыпину, не миновать быть его преемникомъ, такъ какъ при современномъ общественномъ настроеніи и при томъ, что каждую минуту можно ждать самыхъ рѣзкихъ вспышекъ, естественно, что никто другой, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, долженъ быть Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Раздумывая надъ такимъ состояніемъ умовъ, Столыпинъ спросилъ меня, какъ смотрю я на возможность для меня оставаться въ составѣ такого коалиціоннаго Министерства, потому что онъ считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы я не вошелъ въ его составъ, и онъ безусловно убѣжденъ, что никто изъ общественныхъ дѣятелей не поднимаетъ и тѣни возраженія противъ моего сохраненія портфеля Министра Финансовъ.

На вопросъ мой, на какихъ же именно общественныхъ или угодныхъ общественному настроенію людей предполагаетъ онъ расчитывать, такъ какъ не зная людей, я не могу сказать рѣшительно ничего, онъ мнѣ отвѣтилъ, что весь нашъ разговоръ имѣетъ чисто академическій характеръ, такъ какъ онъ не говорилъ рѣшительно ни съ кѣмъ, и имѣетъ въ виду людей примѣрно такого типа: Кони — для Министерства Юстиціи, Д. Н. Шипова — для Государственнаго Контроля, Гр. Гейдена — для Земледѣлія, если бы не удалось провести Кривошеина, Н. Н. Львова, напримѣръ, для Оберъ-Прокуратуры Синода. Онъ прибавилъ при этомъ, что указываетъ на такія имена, какъ на показатель калибра людей, среди которыхъ можно было бы искать новаго Министерства. Сославшись на то, что я совершенно не знаю ни Львова, ни Шипова и не могу сказать рѣшительно ничего о нихъ, но я не представляю себѣ, какимъ образомъ вообще люди, не имѣющіе навыка къ работѣ, могутъ быть полезными руководителями вѣдомствъ въ такую смутную пору, требующую напряженной работы всѣхъ вѣдомствъ. Я сказалъ Столыпину, что лично для меня не имѣетъ прямого значенія, кто именно изъ людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, будетъ вмѣстѣ со мною входить въ составъ министерства, коль скоро противъ меня не встрѣчается принципіальныхъ препятствій, но что мнѣ непонятно идея смѣшенія въ одномъ кабинетѣ людей прошлаго, съ людьми совершенно иной формаціи и иныхъ идеаловъ, и я не вижу, ка-

кимъ образомъ можетъ быть налажена работа среди людей, не связанныхъ между собою ни прошлымъ, ни взглядами на будущее. Мои сомнѣнія представляются мнѣ особенно справедливыми для должности Министра Финансовъ, голосъ котораго нуженъ для всѣхъ вѣдомствъ, и съ которымъ, чаще нежели съ кѣмъ-либо изъ другихъ министровъ, неизбѣжно возникнутъ столкновенія по самымъ непредвидѣннымъ поводамъ. Поэтому, мнѣ кажется, что нужно поставить вопросъ обо мнѣ въ совершенно обратную плоскость: если сотрудничество со мною желательно для него и не составляетъ препятствія къ вступленію общественныхъ дѣятелей въ составъ правительства, то раньше, чѣмъ разрѣшать персональный вопросъ, нужно выяснить совершенно точно, какія требованія предъявитъ новый составъ правительства ко мнѣ, какъ Министру Финансовъ, и въ какой мѣрѣ я въ состояніи ихъ выполнить. Я человѣкъ старыхъ навыковъ, у меня свои принципы и своя школа, а она, какъ всякая школа, не можетъ приноровиться къ требованіямъ, выходящимъ изъ совсѣмъ иныхъ основаній. Поэтому слѣдовало бы раньше сговориться, понять другъ друга и пойти общею дорогою, если будетъ видно, что мы можемъ быть попутчиками, и, наоборотъ, разойтись раньше, чѣмъ выяснится между нами непримиримое внутреннее противорѣчіе, которое все равно приведетъ неизбѣжно либо къ моему уходу, либо къ уходу несогласныхъ представителей общественнаго довѣрія.

Внимательно выслушавъ меня, Столыпинъ сказалъ мнѣ, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе и понимаетъ его въ томъ смыслѣ, что я не отказываюсь принципіально отъ сотрудничества съ новыми людьми, но нахожу только, что лучше сговориться съ ними раньше, чѣмъ потомъ расходиться не изъ личныхъ, а чисто изъ принципіальныхъ несогласій. Онъ просилъ меня изъявить свое согласіе на то, чтобы нашъ разговоръ былъ дословно переданъ тѣмъ людямъ, съ которыми ему представится, быть можетъ, необходимость вести подробную бесѣду. На этомъ наша бесѣда окончилась, и Столыпинъ сказалъ мнѣ, что сердечно благодаритъ меня за все, что я такъ откровенно сказалъ ему, и прибавилъ, что онъ совершенно увѣренъ въ томъ, что Государь не отпуститъ меня. Я же просилъ его отнюдь не стѣсняться мною, такъ какъ возможность сблизить Думу съ правительствомъ выше всякихъ личныхъ соображеній, хотя я и не вижу, какимъ путемъ можно достигнуть этой цѣли, когда раздраженіе противъ правительства дошло уже до такой точки кипѣнія.

При всемъ этомъ разговорѣ, Столыпинъ не обмолвился мнѣ

ни однимъ словомъ о томъ, что онъ уже велъ о томъ же не разъ бесѣду съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Извольскимъ, который былъ, какъ стало потомъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ идеи Министерства изъ лицъ «общественнаго довѣрія». Не сказалъ онъ мнѣ также и о томъ, что онъ велъ также переговоры съ представителями кадетской партіи, какъ потомъ открыто говорили и печатали главари этой партіи. Кто умолчалъ о томъ, что было, и кто удостовѣрилъ то, чего не было, — этого я не могу сказать.

Со мною бесѣда на эту тему не возобновлялась, и только уже позже, послѣ 12-го августа, Столыпинъ однажды съ большою горечью сказалъ мнѣ, что всѣ его попытки привлечь въ составъ правительства общественныхъ дѣятелей, развалились объ ихъ упорный отказъ, такъ, какъ одно дѣло критиковать правительство и быть въ безотвѣтственной оппозиціи ему и совсѣмъ другое — идти на каторгу, подъ чужую критику, сознавая заранѣе, что всѣмъ все равно не угодишь, да и кружковская спайка гораздо пріятнѣе, чѣмъ отвѣтственная, всегда неблагодарная работа. Онъ закончилъ свою фразу словами — «имъ нужна власть для власти и еще больше нужны апплодисменты единомышленниковъ, а пойти съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ для общей работы, — это совсѣмъ другое дѣло».

Послѣ этой нашей встрѣчи прошло еще нѣсколько дней.

Пятаго іюля, въ среду, я былъ приглашенъ съ женою къ обѣду къ Графинѣ Клейнмихель, жившей недалеко отъ насъ на собственной ея дачѣ у Каменноостровскаго театра. Въ числѣ приглашенныхъ былъ Графъ Іосифъ Потоцкій. Передъ тѣмъ, что мы пошли къ столу, онъ спросилъ меня совершенно открыто: на какой день назначенъ роспускъ Думы, такъ какъ ему передаютъ за достовѣрное, что днемъ роспуска назначено ближайшее воскресенье. Я могъ отвѣтить ему совершенно честно, что Совѣтъ Министровъ не обсуждалъ этого вопроса, что мнѣ не извѣстенъ не только день роспуска, но и самое намѣреніе совершить этотъ роспускъ. Онъ мнѣ не повѣрилъ и громко сказалъ такъ, что окружающіе слышали: «на Вашемъ мѣстѣ я вѣроятно поступилъ бы точно такъ же и сталъ бы тоже категорически отрицать рѣшеніе правительства, но это нисколько не измѣняетъ положенія дѣла, и я совершенно увѣренъ въ томъ, что роспускъ рѣшенъ, и что онъ будетъ произведенъ именно въ воскресенье».

На другой день, въ четвергъ, возвращаясь изъ города на дачу, я опять заѣхалъ къ Столыпину на Аптекарскій островъ, не желая говорить о такомъ щекотливомъ дѣлѣ по телефону, пере-

далъ ему разговоръ съ Потоцкимъ и получилъ отъ него въ отвѣтъ только выраженіе его недоумѣнія — откуда почерпаетъ публика такія свѣдѣнія, когда вопросъ о роспускѣ Думы былъ затронутъ въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ только во вторникъ, когда онъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ Горемыкинымъ въ Царское Село, при чемъ не только не былъ установленъ окончательно день роспуска, но даже Государь прямо заявилъ, что Онъ желаетъ знать мнѣніе правительства, и просилъ Горемыкина обсудить на этой недѣлѣ вопросъ и назначилъ ему пріѣхать съ докладомъ вечеромъ въ пятницу 7-го числа.

Въ тотъ же день къ вечеру я получилъ повѣстку, извѣщавшую меня, что засѣданіе Совѣта назначено у Горемыкина именно въ этотъ день, въ восемь часовъ вечера. Мы условились утромъ по телефону съ Столыпинымъ, что поѣдемъ на засѣданіе вмѣстѣ, на его паровомъ катерѣ, но подъ вечеръ онъ извѣстилъ меня, что долженъ измѣнить наше обоюдное рѣшеніе, такъ какъ долженъ до засѣданія быть въ другомъ мѣстѣ и пріѣдетъ оттуда прямо на Фонтанку.

Я нарочно передаю всѣ эти мелкія подробности потому, что онѣ очень характерны. Столыпинъ не хитрилъ со мною, да ему и не было въ этомъ никакой надобности. Онъ и самъ не зналъ, что будетъ вызванъ въ Царское Село вмѣстѣ съ Горемыкинымъ, и узналъ объ этомъ только днемъ въ пятницу по телефону изъ Александровскаго Дворца, не подозрѣвая вовсе о томъ, что ждало его вечеромъ того же дня. Единственное о чемъ не упоминалъ Столыпинъ въ частныхъ бесѣдахъ со мною за всѣ тревожные дни конца іюня и начала іюля мѣсяца, было то, что проектъ указа о роспускѣ Думы обсуждался между нимъ, Горемыкинымъ, и Щегловитовымъ задолго до послѣднихъ дней и былъ даже переданъ Горемыкину въ переписанномъ видѣ, безъ указанія, однако, числа, и объ этомъ фактѣ, какъ дѣлѣ окончательно рѣшенномъ въ Совѣтѣ Министровъ, по крайней мѣрѣ, въ моемъ присутствіи, вовсе не было и рѣчи. Столыпинъ, впослѣдствіи, на мой вопросъ, почему именно онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ, сказалъ только, что онъ никому ничего не говорилъ только потому, что указъ самъ по себѣ содержалъ простое приказаніе Государя и его редакцію нечего было ни обдумывать, ни дѣлать изъ него предмета особаго обсужденія. Я увѣренъ въ томъ, что Столыпинъ былъ совершенно искрененъ со мною, тѣмъ болѣе, что по существу вопроса о необходимости роспуска онъ много разъ велъ со мною самую откровенную бесѣду.

Когда мы всѣ собрались въ помѣщеніи Горемыкина къ восьми часамъ вечера, мы узнали, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ вызванъ былъ къ пяти часамъ въ Царское Село и что туда же, слѣдомъ за нимъ, но не вмѣстѣ, выѣхалъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Намъ пришлось ждать ихъ возвращенія до девяти часовъ, причемъ и вернулись они также не вмѣстѣ, а Столыпинъ нѣсколько позже.

Вошелъ къ намъ Горемыкинъ въ необычайно веселомъ и даже непривычномъ для него возбужденномъ настроеніи, со словами: "Ҙа у est! поздравьте меня, господа, съ величайшею милостью, которую могъ мнѣ оказать Государь; я освобожденъ отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ и на мое мѣсто назначенъ П. А. Столыпинъ, съ сохраненіемъ, разумѣется, должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ".

Мы стали разспрашивать его, какъ произошло все измѣненіе, рѣшенъ ли вопросъ о роспускѣ Думы и когда именно онъ послѣдуетъ и получили отвѣтъ, что все мы узнаемъ отъ новаго Предсѣдателя, который долженъ немедленно вернуться, что роспускъ рѣшенъ на послѣзавтра, 9-го числа, указъ подписанъ и долженъ быть немедленно оглашенъ, но что самъ онъ настолько измученъ всѣми событіями послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, что не можетъ разговаривать рѣшительно ни о чемъ, чувствуетъ себя какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу, и желаетъ только одного — покоя и сейчасъ же идетъ просто спать и до утра не хочетъ видѣть ни души, а съ утра будетъ радъ видѣть насъ, если только мы пожелаемъ узнать отъ него что-либо, что останется для насъ неяснымъ послѣ возвращенія Петра Аркадьевича. На этомъ онъ также быстро, какъ пришелъ, — ушелъ отъ насъ, и мы стали ждать возвращенія Столыпина.

Пріѣхалъ онъ примѣрно около половины десятаго и разсказалъ намъ все, что произошло въ Царскомъ Селѣ. Онъ былъ вызванъ туда около трехъ часовъ дня и долженъ былъ явиться къ пяти часамъ. Когда онъ прибылъ за полчаса до срока въ Александровскій Дворецъ, дежурный скороходъ сказалъ ему, что его проситъ повидаться съ нимъ до доклада Государю — Министръ Двора — Баронъ Фредериксъ, который и ждетъ его тутъ же во дворцѣ. Придя къ нему, Столыпинъ засталъ его въ крайне возбужденномъ состояніи и выслушалъ отъ него цѣлый потокъ словъ, сказанныхъ безсвязно, но сводившихся къ тому, что Государь рѣшилъ распустить Думу, что это рѣшеніе можетъ грозить самыми роковыми послѣдствіями, до крушенія монархіи включительно, что его не слѣдуетъ приводить въ исполненіе, не испробо-

вавши всѣхъ доступныхъ средствъ, а между тѣмъ Горемыкинъ, съ которымъ онъ не разъ говорилъ, не хочетъ и слышать о нихъ, почему онъ и обращается къ Столыпину, такъ какъ ему извѣстно, что Государь рѣшилъ предложить ему постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

На вопросъ Столыпина, въ чемъ же именно могутъ выражаться мѣры, которыя, по его мнѣнію, могутъ спасти положеніе и устранить роспускъ Думы, — Баронъ Фредериксъ сталъ развивать мысль, очевидно кѣмъ-то ему навѣянную, что весь конфликтъ идетъ только между Думою и правительствомъ, что отношеніе Думы къ Государю совершенно лойяльное и потому есть полное основаніе надѣяться на то, что если бы Государь согласился выступить лично передъ Думою, въ формѣ посланія, обращеннаго непосредственно къ народнымъ представителямъ, и разъяснить имъ, что Онъ не доволенъ ихъ отношеніемъ къ Его правительству и приглашаетъ ихъ измѣнить это отношеніе, предупреждая ихъ, что Онъ вынужденъ будетъ принять тѣ мѣры, которыя Ему предоставлены основными законами, если они не измѣнятъ ихъ образа дѣйствій, способнаго только посѣять смуту въ странѣ, — то есть полная увѣренность въ томъ, что Дума выразитъ Гостдарю свои вѣрноподданническія чувства и примется за спокойную работу, не желая передъ страною быть ослушницею воли своего Монарха, которому она только-что присягала.

Столыпинъ пытался, насколько позволяло ему время, опровергать высказанное Барономъ Фредериксомъ мнѣніе, убѣждая его въ совершенной невозможности и даже опасности вмѣшивать Государя въ личный конфликтъ съ Думою, также точно, какъ и полной безцѣльности расчитывать на возможность работы съ такою Думою, которая думаетъ только объ одномъ, — чтобы свергнуть власть Государя, упразднить монархію и замѣнить ее республикою. Фредериксъ старался убѣдить въ свою очередь Столыпина, что до него доходятъ совершенно иного свойства свѣдѣнія и ему приходится слышать отъ людей, несомнѣнно преданныхъ Государю, что все дѣло въ плохомъ подборѣ министровъ, причемъ ему кажется вовсе не такъ трудно найти новыхъ людей, которые удовлетворили бы Думу и въ то же время не стали бы стремиться къ захвату власти для Думы, а сохранили бы всю полноту полномочій Монарха, но, разумѣется, подъ постояннымъ надзоромъ палаты, что было бы даже лучше для Государя, такъ какъ сложило бы съ Него отвѣтственность за дѣйствія исполнительной власти. На этомъ бесѣда Столыпина съ Барономъ Фре-

дериксомъ порвалась, такъ какъ Столыпина позвали къ Государю, и онъ успѣлъ только сказать ему, что передастъ Государю весь ихъ разговоръ и по окончаніи доклада зайдетъ къ нему, чтобы передать на чемъ остановится Его Величество. Столыпинъ не зналъ еще въ эту минуту, что Горемыкинъ будетъ уволенъ и ему придется замѣнить его.

Въ пріемной Государя его ждалъ Горемыкинъ, радостный и совершенно спокойный, и сказалъ ему, что Государь только что согласился на его убѣдительную просьбу освободить его отъ совершенно непосильнаго ему труда и предложить ему занять мѣсто Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Горемыкинъ усиленно уговаривалъ его не отказываться отъ такого назначенія, потому что и по его глубокому убѣжденію только онъ можетъ взять на себя эту отвѣтственную задачу и благополучно провести ее черезъ неизбѣжно надвигающіяся величайшія трудности. Они не успѣли переговорить ни о чемъ, какъ ихъ обоихъ позвали вмѣстѣ въ кабинетъ Государя, гдѣ они пробыли очень короткое время, такъ какъ Горемыкинъ только успѣлъ сказать Государю, что онъ уже предупредилъ Столыпина о послѣдовавшемъ рѣшеніи Его и вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ исполнитъ свой долгъ передъ своимъ Государемъ и родиною, и попросилъ разрѣшенія Государя откланяться и вернуться въ городъ, «чтобы успѣть сегодня же сдать всѣ дѣла своему преемнику». Государь его не удерживалъ, и Горемыкинъ тутъ же сказалъ Столыпину, что вернется раньше его въ городъ и предупредитъ Министровъ, чтобы они ждали его возвращенія.

По словамъ Столыпина, Государь былъ совершенно спокоенъ и началъ съ того, что сказалъ ему, что роспускъ Государственной Думы сталъ, по его глубокому убѣжденію, дѣломъ прямой необходимости и не можетъ быть болѣе отсрочиваемъ, иначе, — сказалъ Онъ — «всѣ мы и Я, въ первую очередь, понесемъ отвѣтственность за нашу слабость и нерѣшительность. Богъ знаетъ, что произойдетъ, если не распустить этого очага призыва къ бунту, неповиновенію властямъ, издѣвательства надъ ними и нескрываемаго стремленія вырвать власть изъ рукъ правительства, которое назначено Мною, и захватить ее въ свои руки, чтобы затѣмъ тотчасъ же лишить Меня всякой власти и обратить въ послушное орудіе своихъ стремленій, а при малѣйшемъ несогласіи Моемъ просто устранить и Меня. Я не разъ говорилъ Горемыкину, что ясно вижу, что вопросъ идетъ просто объ уничтоженіи монархіи и не придаю никакого значенія тому, что во всѣхъ возмутительныхъ рѣчахъ не упоминается Моего имени,

какъ будто власть — не Моя, и Я ничего не знаю о томъ, что творится въ странѣ. Вѣдь отъ этого только одинъ шагъ къ тому, чтобы сказать, что и Я не нуженъ и Меня нужно замѣнить кѣмъ-то другимъ, и ребенку ясно, кто долженъ быть этотъ другой. Я обязанъ передъ Моею совѣстью, передъ Богомъ и передъ родиною бороться и лучше погибнуть, нежели безъ сопротивленія сдать всю власть тѣмъ, кто протягиваетъ къ ней свои руки. Горемыкинъ совершенно согласился со Мною и подтвердилъ, что онъ не разъ уже говорилъ Мнѣ то же самое, что много разъ на этомъ времени Я слышалъ и отъ Васъ. Къ сожалѣнію, при всемъ моемъ полнѣйшемъ довѣріи къ Ивану Логгиновичу, Я вижу, что такая задача борьбы ему уже не подъ силу, да онъ и самъ отлично и совершенно честно сознаетъ это, и прямо указалъ Мнѣ на Васъ, какъ единственнаго своего преемника въ настоящую минуту, тѣмъ болѣе, что сейчасъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ долженъ быть именно Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и объединить въ своихъ рукахъ всю полноту власти. Я прошу Васъ не отказать Мнѣ въ моей просьбѣ и даже не пытаться приводить Мнѣ какихъ-либо доводовъ противъ Моего твердаго рѣшенія».

Столыпинъ передалъ намъ, что онъ пытался было ссылаться на свою недостаточную опытность, на свое полное незнаніе Петербурга и его закулисныхъ вліяній, но Государь не далъ ему развить своихъ доводовъ и сказалъ только: «нѣтъ, Петръ Аркадьевичъ, вотъ образъ, передъ которымъ Я часто молюсь. Осѣнимте себя крестнымъ знаменемъ и помолимся, чтобы Господь помогъ намъ обоимъ въ нашу трудную, быть можетъ историческую, минуту». Государь тутъ же перекрестилъ Столыпина, обнялъ его, поцѣловалъ и спросилъ только, на какой день всего лучше назначить роспускъ Думы и какія распоряженія предполагаетъ онъ сдѣлать, чтобы поддержать порядокъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ и Москвѣ, потому, что за провинцію онъ не такъ опасается и увѣренъ въ томъ, что она отразитъ на себѣ все, что произойдетъ въ столицахъ. Столыпинъ отвѣтилъ Государю, что необходимость роспуска Думы сознается всѣмъ Совѣтомъ Министровъ уже давно и, въ этомъ отношеніи, его положеніе значительно облегчается тѣмъ, что ему не придется никого убѣждать, и всѣ окажутъ ему самую широкую и энергичную помощь. По его мнѣнію, нужно совершить роспускъ Думы непремѣнно въ ближайшее воскресенье, то-есть 9-го числа, и сдѣлать это съ такимъ расчетомъ времени, чтобы никто объ этомъ не догадался, такъ какъ иначе можно ждать всякихъ осложненій.

Онъ предложилъ Государю подписать всѣ давно заготовленныя бумаги, вечеромъ же сдать Указъ о роспускѣ Думы Министру Юстиціи для напечатанія его Сенатской типографіи, но принять мѣры къ тому, чтобы изъ типографіи не могло просочиться объ этомъ какое-либо извѣстіе до самаго дня роспуска, къ чему Министръ Юстиціи подготовленъ и надѣется, что сможетъ сохранить тайну. Затѣмъ, только въ воскресенье утромъ слѣдуетъ выпустить номеръ Правительственнаго Вѣстника, какъ съ указомъ о роспускѣ, такъ и съ освобожденіемъ Горемыкина отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ и замѣщеніи его другимъ лицомъ, расклеить указъ о роспускѣ по городу и на дверяхъ Государственной Думы, занять Таврическій Дворецъ усиленнымъ надежнымъ воинскимъ карауломъ, воспретивъ входъ въ него кому бы то ни было, и, наконецъ, предоставитъ ему условиться съ Военнымъ Министромъ, объ усиленіи Петербургскаго гарнизона переводомъ, наиболѣе незамѣтнымъ образомъ въ столицу нѣсколькихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и рано утромъ занять усиленными воинскими караулами наиболѣе существенные центры въ городѣ. Всѣ предположенія были тутъ же одобрены, указъ, всегда находившійся въ портфелѣ Горемыкина, когда онъ ѣздилъ въ Царское Село, — тутъ же подписанъ Государемъ и переданъ Столыпину. Но передавая намъ всѣ перечисленныя подробности, Столыпинъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что передъ своимъ выходомъ изъ кабинета Государя онъ коснулся еще одного вопроса, о которомъ онъ разсказалъ мнѣ на другой день, въ субботу, днемъ, попросивши меня заѣхать къ нему. Онъ доложилъ Государю, что, принимая такую отвѣтственную задачу и не зная, сможетъ ли онъ выполнить ее, Столыпинъ сказалъ, что если ему суждено остаться на должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, онъ не въ состояніи честно выполнить своего долга передъ Государемъ, не сказавши ему, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ составъ Совѣта долженъ быть немедленно измѣненъ, удаленіемъ изъ него такихъ элементовъ, присутствіе которыхъ просто раздражаетъ общественное мнѣніе, настолько въ составѣ Совѣта имѣются лица, явно враждебныя самой идеѣ народнаго представительства и не только не скрывающія своихъ взглядовъ, но искуственно похваляющіяся ими. Удаленіе ихъ одновременно съ освобожденіемъ отъ должности Горемыкина можетъ только нѣсколько успокоить наиболѣе умѣренные элементы среди общества и показать, что Государь считается съ этимъ соображеніемъ. Столыпинъ, на вопросъ Государя, отвѣтилъ, что онъ далекъ отъ мысли ставить Государю

какія-либо условія принятія имъ своего новаго назначенія и вполнѣ понимаетъ, что вопросъ о выборѣ министровъ долженъ быть рѣшенъ внѣ какой-либо торопливости, что лично онъ не можетъ выразить какого-либо неудовольствія на кого бы то ни было, но находитъ, что присутствіе въ кабинетѣ Стишинскаго и Князя Ширинскаго-Шихматова совершенно недопустимо и, конечно, можетъ только ослабить положеніе правительства передъ всякимъ народнымъ представительствомъ даже самаго умѣреннаго состава. Государь отвѣтилъ ему, что Онъ не стѣсняетъ его вообще выборомъ своихъ сотрудниковъ и предоставляетъ ему прислать завтра же указъ о назначеніи на мѣсто Стишинскаго и Ширинскаго-Шихматова другихъ лицъ. Такъ и было сдѣлано, и въ воскресномъ номерѣ Правительственнаго Вѣстника, рядомъ съ указомъ о роспускѣ Думы, съ назначеніемъ Столыпина на мѣсто Горемыкина, появились и указы объ увольненіи указанныхъ двухъ Министровъ и о замѣнѣ ихъ Кривошеинымъ и П. П. Извольскимъ. Но, — повторяю — въ Совѣтѣ объ этомъ не было сказано ни одного слова и произошло даже нѣкоторое досадное недоразумѣніе. Столыпинъ сказалъ намъ всѣмъ, что въ связи съ роспускомъ Думы нельзя отрицать возможности возникновенія въ городѣ безпорядковъ и потому желательно, чтобы Министры, имѣющіе въ ихъ распоряженіи казенныя квартиры, но не занимающіе ихъ, перебрались въ нихъ завтра же. Такъ и сдѣлали нѣкоторые изъ нихъ и, въ частности, Стишинскій, перебравшійся къ Синему мосту, поздно вечеромъ 8-го числа, а рано утромъ 9-го онъ узналъ изъ Правительственнаго Вѣстника о своемъ увольненіи, и письмо объ этомъ Танѣева пришло къ нему только вечеромъ того же дня.

Послѣ того, что Столыпинъ передалъ намъ всѣ описанныя мною подробности, мы остались довольно долго въ его кабинетѣ на Фонтанкѣ, обсуждая главнымъ образомъ вопросъ о томъ, какъ смотритъ онъ на созывъ новой Думы, то-есть въ какой срокъ и на основаніи какого выборнаго закона.

Въ нашей средѣ ни по тому, ни по другому вопросу вновь не было ни малѣйшаго оттѣнка разногласія.

Всѣ были того мнѣнія, что созвать новую Думу необходимо именно въ тотъ срокъ, который былъ ранѣе намѣченъ нами и поставленъ въ подписанномъ Государемъ указѣ, а именно 20-го февраля слѣдующаго года, хотя Столыпинъ предупредилъ насъ, что Государь предоставилъ ему прислать завтра измѣненный въ этомъ отношеніи указъ, если бы мы пришли къ заключенію о желательности отдалить срокъ. Были нѣкоторыя попытки назна-

чить болѣе отдаленный срокъ, но онѣ потонули въ мнѣніи большинства о томъ, что не слѣдуетъ играть въ руку крайнимъ партіямъ и создавать поводъ распространять мысль объ искусственномъ отдаленіи срока созыва Думы. Срокъ 20-го февраля всегда признавался достаточнымъ для того, чтобы успѣть подготовить возможно большее количество законопроектовъ, затрогивающихъ наиболѣе жизненныя стороны нашей внутренней жизни.

Зато вопросъ о выборномъ законѣ задержалъ насъ надолго, настолько для всѣхъ было ясно, что весь корень зла относительно состава Думы лежитъ именно въ избирательномъ законѣ 11-го декабря 1905-го года. Много было высказано тутъ же самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, но время дошло уже почти до трехъ часовъ утра, и мы разошлись съ тѣмъ, что тотчасъ послѣ роспуска мы снова соберемся вмѣстѣ и начнемъ наши занятія подъ руководствомъ новаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Передъ нашимъ выходомъ изъ кабинета Столыпина, онъ задержалъ меня на нѣсколько минутъ и сказалъ, что послѣ доклада у Государя онъ заходилъ къ Министру Двора, который ему казался очень смущеннымъ принятымъ рѣшеніемъ и снова вернулся къ его комбинаціи о необходимости, предварительно рѣшенія вопроса о роспускѣ Думы, попытаться сдѣлать непосредственное къ ней обращеніе Государя въ формѣ особаго посланія, и что онъ думаетъ переговорить еще разъ объ этомъ съ Государемъ завтра утромъ. Столыпинъ опять сталъ доказывать ему всю недопустимость такого обращенія и закончилъ свой разговоръ прямо просьбою, обращенною къ Барону Фредериксу, извѣстить его тотчасъ же по телефону, если бы его попытка увѣнчалась успѣхомъ, дабы — сказалъ онъ — «я могъ принять свои мѣры въ зависимости отъ принятаго новаго рѣшенія». У него сложилось убѣжденіе, что Баронъ Фредериксъ не понялъ смысла послѣднихъ словъ, потому что онъ самымъ спокойнымъ тономъ отвѣтилъ ему: «разумѣется, я Васъ тотчасъ же извѣщу». Столыпинъ спросилъ меня, допускаю ли я возможность, чтобы Государь поддался на такую комбинацію, такъ какъ «Вы понимаете, — сказалъ онъ, — что послѣ этого никому изъ насъ нельзя оставаться на мѣстахъ, и Государь долженъ узнать отъ насъ объ этомъ. Подумайте только, какія послѣдствія могутъ произойти изъ такой комбинаціи».

Я сказалъ ему, что не допускаю и мысли о томъ, чтобы послѣ того, что мы всѣ слышали отъ него о словахъ Государя, могла произойти такая перемѣна въ Немъ, и думаю, что вся комбинація навѣяна кѣмъ-либо изъ придворныхъ людей, и я увѣренъ

въ томъ, что изъ новой попытки повліять на Государя не выйдетъ ничего, какъ это было не разъ со мною въ первый періодъ войны.

На слѣдующій день, по просьбѣ Столыпина, я пріѣхалъ къ нему на Аптекарскій Островъ передъ самымъ моимъ и его завтракомъ. Онъ былъ какъ всегда совершенно спокоенъ и началъ съ того, что почти увѣренъ, что роспускъ произойдетъ безъ всякихъ осложненій, такъ какъ никто въ Думѣ не допускаетъ и мысли объ этомъ. Затѣмъ онъ передалъ мнѣ то, что я уже написалъ выше относительно увольненія Стишинскаго и Кн. Ширинскаго-Шихматова, сказалъ, что указы уже посланы въ Царское Село и ему передано по телефону, что всѣ они подписаны и тутъ же, совершенно неожиданно для меня, задалъ мнѣ крайне удивившій меня вопросъ, ѣду ли я какъ всегда по субботамъ въ деревню до понедѣльника утра. — Я отвѣтилъ ему, что, разумѣется, не поѣду, такъ какъ едва ли допустимо, чтобы кто-либо изъ насъ отлучался изъ города въ такую минуту. «А я именно хотѣлъ просить Васъ, чтобы Вы уѣхали, такъ какъ газеты каждый разъ печатаютъ о Вашемъ выѣздѣ, и очень желательно, чтобы и на этотъ разъ не вышло никакой перемѣны противъ обычнаго, потому что я допускаю вполнѣ мысль о томъ, что на вокзалѣ имѣются у думскихъ корифеевъ свои клевреты, которые тотчасъ же донесутъ кому слѣдуетъ о томъ, что Вы выѣхали, и слѣдовательно ничего особеннаго ожидать не слѣдуетъ». Я спросилъ на это Столыпина, гарантируетъ ли онъ мнѣ возможность возвращенія, если бы произошли безпорядки въ связи съ роспускомъ Думы, и онъ отвѣтилъ мнѣ безъ всякихъ колебаній, что ручается за то, что рано утромъ или даже ночью въ воскресенье на понедѣльникъ за мною будетъ присланъ, въ крайнемъ случаѣ, паровозъ, о чемъ онъ тутъ же спросилъ по телефону Министра Путей Сообщенія, генерала Шауфуса, и я слышалъ въ трубку его лаконическій отвѣтъ, что все будетъ исполнено. Я рѣшился уѣхать, хотя и сознавалъ, что мнѣ было гораздо спокойнѣе оставаться дома. Я получилъ, кромѣ того, обѣщаніе отъ моего лицейскаго товарища, Министра Народнаго Просвѣщенія П. М. Кауфмана, прислать мнѣ утромъ въ воскресенье условленную телеграмму, которая была доставлена мнѣ около часа дня о полномъ спокойствіи въ городѣ; я провелъ день у себя и въ часъ ночи пріѣхалъ на станцію, легъ спать въ моемъ вагонѣ и въ началѣ восьмого утра вернулся по совершенно пустымъ и спокойнымъ улицамъ города на Елагинъ островъ, вмѣстѣ съ женою и уже въ 11 часовъ былъ на Фонтанкѣ у Столыпина.

Отъ него я узналъ, что никакихъ инцидентовъ въ теченіе всего воскресенья не было. Указъ о роспускѣ Думы былъ расклеенъ по городу въ шесть часовъ утра и въ ту же пору наклеенъ на воротахъ Думы, которыя держались на запорѣ; около 10-ти часовъ утра стали подходить отдѣльныя лица къ Думѣ, но никакого скопленія у зданія Таврическаго Дворца не было, усиленный воинскій караулъ ни разу не вызывался, подходили также отдѣльные члены Думы, но тотчасъ же торопливо уходили, и только среди дня замѣчался усиленный отъѣздъ членовъ Думы по Финляндской желѣзной дорогѣ. Къ вечеру стало уже извѣстно, что въ Выборгѣ прибыло большое количество членовъ распущенной Думы, а затѣмъ стало извѣстно и о знаменитомъ засѣданіи, открытомъ Муровцевымъ его заявленіемъ «засѣданіе Государственной Думы возобновляется».

Для полноты разсказа объ этомъ событіи слѣдуетъ помѣстить одну подробность, которую передавали изъ устъ въ уста первые дни послѣ роспуска Думы. Я не могу дать ей офиціальнаго подтвержденія, такъ какъ не имѣлъ въ рукахъ ни офиціальнаго документа, ни непосредственной передачи отъ П. А. Столыпина, но въ окруженіи Совѣта Министровъ и среди цѣлаго ряда лицъ близкихъ отдѣльнымъ Министрамъ эпизодъ этотъ не вызывалъ, повидимому, никакого сомнѣнія.

Разсказываютъ, что въ субботу 8-го іюля, съ самаго ранняго утра Горемыкинъ отсутствовалъ изъ дома Министерства Внутреннихъ Дѣлъ у Цѣпного моста, приготовляясь къ переѣзду въ собственный домъ на Фурштадской улицѣ. Онъ вернулся только къ обѣду, потомъ выѣхалъ снова вечеромъ и возвращаясь довольно поздно домой, сказалъ швейцару, что если бы кто-либо позвонилъ по телефону или даже спросилъ его непосредственно, то чтобы онъ отвѣчалъ, что онъ очень усталъ и легъ спать и никто бы не будилъ его по какому бы то ни было поводу. Поздно ночью будто бы былъ доставленъ конвертъ изъ Царскаго Села, который пролежалъ на столѣ въ швейцарской до утра воскресенья, и когда Горемыкинъ всталъ и ему подали его, — въ немъ оказалось небольшое письмо отъ Государя съ приказаніемъ подождать съ приведеніемъ въ исполненіе подписаннаго имъ указа о роспускѣ Думы, но было уже поздно, и всѣ распоряженія уже приведены были въ исполненіе.

Лично я совершенно не довѣряю этому разсказу и не допускаю мысли, чтобы Государь могъ въ такой формѣ измѣнить сдѣланное Имъ распоряженіе, если бы даже Баронъ Фредериксъ и успѣлъ убѣдить его. Онъ вызвалъ бы, конечно, Столыпина и

могъ исполнить это въ теченіе субботы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ утромъ этого дня Онъ утвердилъ его предположеніе о смѣнѣ нѣкоторыхъ Министровъ и никогда бы не сдѣлалъ такого шага за спиною человѣка, на котораго Онъ только что возложилъ такой отвѣтственный долгъ. Но разсказъ этотъ характеренъ, какъ показатель настроенія, господствовавшаго въ ту пору, и какъ показатель взглядовъ извѣстной части дворцоваго окруженія.

ГЛАВА III.

Моя дѣятельность по Министерству Финансовъ. — Вліяніе событій на курсы русскихъ фондовъ за границей. — Репрессивныя мѣры противъ революціонныхъ насилій. — Работа Совѣта Министровъ. — Аграрныя реформы Столыпина и расширеніе дѣятельности Крестьянскаго Земельнаго Банка. — Взрывъ на Аптекарскомъ островѣ. — Вопросъ объ измѣненіи избирательнаго закона, солидарность министровъ и тайна, которой были окружены совѣщанія Совѣта по этому вопросу. — Резолюція Государя на представленіи Совѣта Министровъ о смягченіи законодательства о евреяхъ. — Мои разногласія со Столыпинымъ по вопросу объ участіи казны въ расходахъ земствъ и городовъ. — Донесенія съ мѣстъ о ходѣ выборовъ.

Всѣ послѣдующія затѣмъ событія хорошо извѣстны, и я не стану на нихъ останавливаться. Отмѣчу только то, что наложило на меня въ эту пору особыя заботы помимо участія моего въ общей работѣ Совѣта Министровъ. Повторяю снова, что я пишу не исторію моего времени, а описываю мою личную роль въ этомъ историческомъ времени.

Положеніе мое какъ Министра Финансовъ въ эту пору было очень нелегко. Я почти не имѣлъ возможности, вступивши въ должность 26-го апрѣля, толкомъ осмотрѣться, какъ надвинулись событія, поглотившія столько времени и придавившія разомъ такую нервность всей текущей работѣ.

Я нашелъ, конечно, на мѣстахъ всѣхъ моихъ прежнихъ сотрудниковъ, которые встрѣтили меня самымъ сердечнымъ образомъ и своимъ отношеніемъ ко мнѣ облегчили мой трудъ и помогли мнѣ въ нѣсколько дней освоиться со всѣмъ, что случилось за шестимѣсячный періодъ моего отсутствія изъ Министерства. Впечатлѣнія были не веселыя. Доходы стали было выравниваться по мѣрѣ того, что порядокъ въ странѣ возстанавливался

послѣ ликвидаціи Московскаго возстанія, но далеко отставали отъ обычнаго поступленія. Урѣзанная подъ вліяніемъ смуты и плохихъ поступленій конца года смѣта на 1906 годъ внушала самыя серьезныя опасенія за поступленіе доходовъ. Напротивъ того, къ обычнымъ смѣтнымъ расходамъ присоединились экстренныя требованія на продовольственную и сѣменную помощь населенію и урѣзывать ее не приходилось, потому что свѣдѣнія съ мѣстъ, не исключая и тѣхъ, которыя доходили до меня отъ моихъ органовъ, не давали сомнѣнія въ томъ, что средства для помощи потребуются большія.

Послѣ первыхъ же дней, послѣдовавшихъ за открытіемъ Думы, къ этимъ заботамъ присоединилась еще новая — иностранныя биржи встрѣтили думское настроеніе большою тревогою: послѣ первыхъ же хвалебныхъ гимновъ по адресу вступленія Россіи на конституціонный путь стали все чаще раздаваться голоса объ опасности начавшейся борьбы между правительствомъ и народнымъ представительствомъ и сравнительно недолго продолжалось радужное настроеніе въ пользу послѣдняго, смѣняясь все сильнѣе и смѣлѣе указаніемъ на опасность и соблазнительность выкинутыхъ молодымъ представительствомъ лозунговъ. Къ чести иностранныхъ корреспондентовъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ газетъ, слѣдуетъ сказать, что предостерегающіе голоса многихъ изъ нихъ были громче и многочисленнѣе нежели демагогическіе отчеты нѣкоторыхъ изъ русскихъ собратій по перу. На биржевые круги все это производило большое впечатлѣніе, и все чаще слышались голоса о томъ, что смута далеко еще не кончилась и правительству предстоитъ задача, быть можетъ, превышающая его силы. Курсы нашихъ бумагъ, въ особенности на Парижской биржѣ, начали рѣзко понижаться, и съ конца мая наибольшее паденіе стало замѣчаться на вновь заключенномъ займѣ въ апрѣлѣ 1906-го года. Съ выпускной цѣны въ 88% онъ понизился сначала до 75%, потомъ до 70 и даже дошелъ послѣ роспуска Думы до 68%. Онъ стоялъ даже нѣкоторое время и ниже. Группа, выпустившая заемъ, стала предъявлять мнѣ настойчивыя требованія о поддержаніи курса новой ренты и объ отпускѣ новыхъ суммъ на прессу.

Не менѣе настойчивы были и обращенные ко мнѣ вопросы о томъ, выдержитъ ли Россія свое золотое обращеніе, которое я защищалъ съ такимъ упорствомъ, и, по мѣрѣ ухудшенія обстоятельствъ, тонъ недавнихъ друзей становился все менѣе и менѣе дружелюбнымъ. Я велъ упорную полемику съ моими корреспондентами, уступая имъ въ мелочахъ и, ограничиваясь небольшими

подачками прессѣ, настойчиво проводилъ мою точку зрѣнія о томъ, что размѣнъ будетъ выдержанъ, къ чему были и нѣкоторые, правда немногочисленные, показатели благопріятнаго свойства въ видѣ усиленія казначейской наличности и накопленія кредитныхъ билетовъ въ кассахъ. Я считалъ своею задачею выиграть время и выяснить себѣ, какъ произойдетъ роспускъ Думы, о которомъ я, разумѣется, не заикался ни однимъ словомъ въ моей корреспонденціи.

Когда роспускъ былъ совершенъ, то первое впечатлѣніе было просто катастрофическое. Нельзя было даже въ точности опредѣлить, до какой цѣны упали наши фонды, настолько велико было стремленіе держателей ихъ освободиться отъ нихъ во что бы то ни стало и нельзя даже сказать до какого уровня дошло бы ихъ паденіе, если бы оно не встрѣтило фактической преграды въ отсутствіи покупателей на нихъ. Объ этомъ говорили мнѣ почти истерическія телеграммы, которыми я былъ засыпанъ, начиная съ вечера 10-го числа. Я отвѣчалъ на нихъ ссылкою на полнѣйшее спокойствіе, которымъ встрѣтила страна роспускъ Думы, и указывалъ на этотъ фактъ, какъ на показатель того, что страна состоитъ не изъ однихъ политиковъ, стремящихся къ государственному перевороту, и что не мало въ ней людей, которые понимаютъ необходимость роспуска, какъ мѣру сохраненія порядка и власти. Столыпинъ все время совершенно ясно одобрялъ всѣ мои мысли и оказывалъ мнѣ всю моральную поддержку, предоставляя полному моему усмотрѣнію ссылаться на солидарность со мною всего правительства. Въ этотъ моментъ мнѣ было гораздо легче, чѣмъ раньше въ пору предсѣдательства Горемыкина, такъ какъ онъ на всѣ мои соображенія о необходимости ограждать интересы государственнаго кредита отвѣчалъ самымъ недвусмысленнымъ безразличіемъ, говоря на каждомъ шагу свою любимую фразу «все это чепуха и не стоитъ останавливаться на мелочахъ, когда главное состоитъ въ совершенно опредѣленномъ революціонномъ натискѣ, съ которымъ можно бороться только однимъ — роспускомъ Думы и до этого мы неизбѣжно дойдемъ и тогда только можно будетъ говорить о настоящей работѣ». Теперь все рѣзко перемѣнилось.

Видя, что Столыпинъ, постоянно ссылаясь на свою некомпетентность въ финансовыхъ дѣлахъ, открыто совѣтуется со мною по каждому вопросу, оказываетъ мнѣ величайшее вниманіе и ни въ чемъ не противорѣчитъ, и даже всегда открыто соглашается со мною, весь составъ министровъ также перешелъ на иной тонъ

обсужденія вопросовъ моего вѣдомства, и я сталъ самостоятеленъ во всѣхъ дѣлахъ его, какъ было и въ первое время войны.

Послѣ первой недѣли за роспускомъ Думы наступило успокоеніе и на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ. Паника стала мало-по-малу утихать, держатели русскихъ фондовъ перестали выбрасывать ихъ массою на рынокъ и даже отчасти помогло успокоенію то, что должно было породить совершенно противоположный результатъ. Я разумѣю Выборгское воззваніе. Какъ извѣстно, народъ не пошелъ за нимъ, не пересталъ платить налоговъ, и не было замѣтно никакого приготовленія къ сопротивленію въ несеніи воинской повинности, но самый фактъ появленія такого воззванія ясно показалъ болѣе чуткой и культурной заграничной публикѣ, что дѣло шло несомнѣнно къ бунту, и правительство не могло не принять мѣръ къ самозащитѣ. Пресса не выражала сначала открыто своего мнѣнія, но мои корреспонденты, въ особенности изъ Парижа и Берлина, совершенно недвусмысленно писали мнѣ, что публика начинаетъ понимать правильность дѣйствій русскаго правительства по отношенію къ Думѣ, вставшей на путь прямого сопротивленія власти, и все время только съ величайшею настойчивостью добивались отъ меня завѣренія, что мы справимся съ такимъ настроеніемъ, и по мѣрѣ того, что дѣйствительность давала мнѣ все болѣе и болѣе основаній къ оптимистическимъ выводамъ, стало замѣчаться даже нѣкоторое, хотя и весьма робкое, въ началѣ, укрѣпленіе русскихъ фондовъ и въ частности новаго 5%-го займа.

Къ половинѣ августа это настроеніе стало замѣтно усиливаться, и даже рѣшеніе правительства привлечь къ судебной отвѣтственности подписавшихъ выборгское воззваніе, встрѣтило рѣзкое осужденіе заграницею только въ органахъ лѣвой печати, а многія газеты помѣстили на своихъ страницахъ довольно здравыя статьи о прямомъ долгѣ правительства бороться законными путями съ призывомъ къ мятежу.

Взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, 12-го августа, разомъ нарушилъ это улучшеніе внутренняго положенія Россіи и оцѣнку его заграницею, но и то, справедливость заставляетъ сказать, что тревога и возбужденіе среди населенія не были продолжительными. Заслуга въ эту пору Столыпина предъ страною безспорно велика. Онъ не растерялся подъ ударомъ, нанесеннымъ его собственной семьѣ, и съ тѣмъ же наружнымъ спокойствіемъ и величайшею выдержкою продолжалъ борьбу съ крайними элементами революціи. Нѣсколько удачныхъ арестовъ главарей преступныхъ покушеній и дезорганизованность революціонныхъ покушеній

произвели оздоровляющее впечатлѣніе на общественное настроеніе, въ особенности когда всѣ увидѣли, что правительство осталось на своихъ мѣстахъ, и не только въ столицахъ, но и въ губерніяхъ не было рѣзкихъ проявленій массовыхъ безпорядковъ, за исключеніемъ Прибалтійскаго края, гдѣ правительство приняло, по 87-ой статьѣ, рядъ рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ погромовъ и насилій. Среди нихъ, введеніе военно-полевыхъ судовъ, встрѣтившее потомъ во второй Думѣ рѣзкое нападеніе на правительство, имѣло безспорно центральное вліяніе на возстановленіе порядка и возвращеніе довѣрія къ власти. Можно различно относиться къ принятой мѣрѣ по существу, можно сваливать ее, какъ дѣлали потомъ многіе наши государственные дѣятели, исключительно на Столыпина и Щегловитова, но нужно имѣть мужество сказать, что всѣ министры были солидарны между собою, ни одинъ изъ нихъ, не исключая и Министра Иностранныхъ Дѣлъ Извольскаго, всегда державшагося либеральныхъ воззрѣній и не пропускавшаго ни одного случая, чтобы не приложить къ нашимъ революціоннымъ порядкамъ шаблона западно-европейскаго конституціонализма, — не былъ противъ введенія этой мѣры и не остался по этому вопросу при отдѣльномъ мнѣніи. Постановленіе Совѣта Министровъ, поднесенное на утвержденіе Государя, какъ того требовалъ законъ, было единогласное. Всѣ отлично сознавали, что безъ крутыхъ мѣръ нельзя подавить мятежа и оградить ни въ чемъ неповинныхъ людей отъ неслыханныхъ преступленій.

Первый мѣсяцъ послѣ роспуска Думы и до взрыва на Аптекарскомъ островѣ работа Совѣта Министровъ носила довольно неопредѣленный характеръ. Новый предсѣдатель Совѣта былъ совершено естественно поглощенъ, главнымъ образомъ, свѣдѣніями о внутреннемъ положеніи страны и мѣрами борьбы съ эксцессами революціонныхъ явленій. Много заботъ и вниманія требовало отъ него, конечно, и его прямое дѣло — вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ не былъ еще хозяиномъ положенія и только входилъ въ новую для него область общаго государственнаго управленія, для котораго его прежняя служба далеко недостаточно подготовила его. Тѣмъ не менѣе два вопроса стали съ перваго же нашего собранія такъ сказать лейтъ-мотивомъ нашихъ обсужденій, къ которымъ мы постоянно возвращались въ каждомъ послѣдующемъ засѣданіи, а именно:

1) необходимость подготовки къ созыву второй Государственной Думы цѣлаго ряда законопроектовъ по наиболѣе живо препещущимъ вопросамъ нашей внутренней жизни, для того, чтобы

будущая Дума сразу встрѣтилась съ цѣлымъ рядомъ приготовленныхъ для нея дѣлъ и не терялась въ собственномъ измышленіи всевозможныхъ предположеній.

2) Очевидно и прежде всего занимавшая самого Столыпина мысль о томъ, чтобы, не дожидаясь созыва Думы и разсмотрѣнія ею внесенныхъ проектовъ, разработать теперь же и провести по такъ называемой 87-ой статьѣ основныхъ законовъ рядъ мѣропріятій самаго неотложнаго свойства, регулирующихъ крестьянскій вопросъ, которыя шли бы навстрѣчу давно назрѣвшихъ запросовъ нашей жизни и показали бы населенію, что правительство Его Величества беретъ на себя полную отвѣтственность за разрѣшеніе этихъ нуждъ, проводитъ свою точку зрѣнія въ жизнь и предоставляетъ законодательной власти внести въ проведенныя мѣры всевозможныя исправленія, не задерживая повседневной жизни, съ ея давно назрѣвшими запросами, изъ-за неизбѣжныхъ послѣдующихъ треній законодательнаго ихъ разсмотрѣнія. Во главѣ этихъ вопросовъ Столыпинъ съ перваго же дня поставилъ вопросъ о выходѣ изъ общины и весь этотъ сложный комплексъ земельныхъ правоотношеній, который былъ связанъ съ общиннымъ землепользованіемъ. Къ этому вопросу Столыпинъ отнесся сразу съ величайшею страстностью и на самыя осторожныя попытки указать на неудобство разрѣшать въ такомъ исключительномъ порядкѣ, какъ по ст. 87-ой, коренные вопросы нашей крестьянской жизни, на предпочтительность направить ихъ нормальнымъ порядкомъ, не ломая создавшихся вѣковыхъ устоевъ, въ случаѣ несогласія съ проведенными мѣрами со стороны законодательныхъ учрежденій, онъ далъ всѣмъ намъ понять, что этотъ вопросъ составляетъ для него предметъ, не допускающій какой-либо принципіальной уступки. Былъ ли это результатъ давно продуманной имъ еще въ бытность его губернаторомъ программы борьбы съ революціоннымъ движеніемъ, опираясь на крестьянство, подпалъ ли онъ съ самаго своего пріѣзда въ Петербургъ подъ вліяніе извѣстныхъ круговъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и, въ частности, такого страстнаго человѣка, какимъ былъ В. І. Гурко, давно уже остановившійся на необходимости бороться съ общиннымъ землепользованіемъ и не разъ пытавшійся влiять въ этомъ смыслѣ и на Горемыкина, — я этого сказать не могу, но долженъ только открыто отмѣтить, что съ первыхъ же дней послѣ роспуска первой Думы, основныя положенія закона, проведеннаго затѣмъ, въ томъ же году по 87-ой ст. и извѣстнаго подъ именемъ закона 7-го ноября, были представлены

въ Совѣтъ Министровъ и сдѣлались предметомъ постояннаго его обсужденія. Уже одна числовая справка о томъ, что разработка этого проекта началась только въ половинѣ и даже вѣрнѣе въ концѣ іюля, а 7-го ноября, то-есть всего черезъ три мѣсяца, проектъ сталъ закономъ и былъ проведенъ въ жизнь, указываетъ на то, насколько и само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и весь Совѣтъ встрѣтился съ вполнѣ разработаннымъ матеріаломъ и притомъ настолько хорошо разработаннымъ, что длительное его разсмотрѣніе въ Думѣ третьяго созыва, и въ Государственномъ Совѣтѣ, неособенно восторженно встрѣтившемъ законы, проведенные по 87-ой статьѣ, — внесло въ него весьма немного измѣненій и оставило безъ всякой ломки его коренныя основанія.

Лично я не игралъ замѣтной роли въ разработкѣ этого закона. Я всегда былъ противникомъ общиннаго землевладѣнія и проявилъ мои взгляды въ этомъ направленіи еще въ 1903 году, по должности члена Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Витте, по дѣламъ о сельскохозяйственной промышленности, но активнаго участія почти не принималъ.

Этотъ вопросъ задѣлъ меня и притомъ въ очень острой формѣ только потому, что независимо отъ коренного предположенія объ облегченія выхода изъ общины, Столыпинъ параллельно съ нимъ поставилъ вопросъ о расширеніи дѣятельности Крестьянскаго Банка и о болѣе активномъ вмѣшательствѣ его въ удовлетвореніе крестьянской нужды въ землѣ. Здѣсь съ первыхъ же дней сказалось вліяніе на Столыпина А. В. Кривошеина и желаніе послѣдняго сыграть рѣшающую роль въ организаціи сельскаго, или вѣрнѣе земельнаго кредита, съ выдѣленіемъ его изъ вѣдомства Министерства Финансовъ и передачею его въ вѣдомству Земледѣлія.

На первыхъ порахъ этотъ вопросъ не принялъ, однако, остраго, такъ сказать вѣдомственнаго характера, и только уже значительно позднѣе, а именно въ 1910-мъ и 1911-мъ г. г. онъ едва не довелъ — о чемъ рѣчь впереди, — до полнаго разрыва моего съ Столыпинымъ. И Столыпинъ и Кривошеинъ требовали отъ меня пока только бо́льшей активности въ разрѣшеніи посредническихъ сдѣлокъ крестьянъ съ Банкомъ, противъ чего мнѣ не было ни малѣйшаго повода возражать, за исключеніемъ, разумѣется, двухъ основаній, которыя не особенно раздѣляли ни Столыпинъ, ни, по преимуществу, Кривошеинъ. Я долженъ даже сказать, что Столыпинъ былъ значительно менѣе оппортунистиченъ, нежели Кривошеинъ, и скорѣе схватывалъ такъ называемую «прозу жизни», тогда какъ Кривошеинъ не разъ на мои замѣчанія отвѣ-

чалъ просто по обывательски, «если Министръ Финансовъ захочетъ — деньги всегда найдутся».

А Министръ Финансовъ въ эту пору разрѣшенія вопроса о крестьянской земельной нуждѣ говорилъ только о двухъ, далеко не отъ него зависившихъ «прозаическихъ» вопросахъ.

Я указывалъ на то, что Крестьянскій Банкъ готовъ широко идти навстрѣчу крестьянской нуждѣ въ землѣ, но долженъ предостеречь Совѣтъ Министровъ о трудности разрѣшенія этого вопроса съ двухъ сторонъ: подъ вліяніемъ погромовъ и обостренія въ отношеніяхъ съ крестьянами, предложеніе помѣщичьихъ земель къ продажѣ крестьянамъ стало весьма значительнымъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ далеко превышало мѣстный спросъ крестьянъ на землю. Банкъ не только не задерживаетъ совершенія посредническихъ сдѣлокъ, но зачастую въ послѣднее время не имѣетъ вовсе предложеній на покупку предлагаемыхъ къ продажѣ земель, несмотря на то, что владѣльцы далеко не запрашиваютъ чрезмѣрныхъ цѣнъ за ихъ землю. Отсюда, естественнымъ образомъ напрашивается мысль о необходимости самому Банку покупать эти земли въ собственный фондъ, для распродажи ихъ потомъ крестьянамъ по мѣрѣ выясненія потребности въ нихъ для другихъ мѣстностей. Но къ этой мысли, тотчасъ же подхваченной Столыпинымъ и Кривошеинымъ, какъ мысли вполнѣ жизненной и даже необходимой, встрѣчается другое препятствіе, отстранить которое не въ моихъ силахъ.

Продавцы земель должны получить расчетъ за ихъ землю деньгами, такъ какъ принимать въ уплату закладные листы Крестьянскаго Банка они фактически не могутъ, по той простой причинѣ, что внутренній рынокъ не поглощаетъ сколько-нибудь значительнаго количества листовъ, предлагаемыхъ къ продажѣ, и всякій новый, а тѣмъ болѣе значительный, выпускъ понижаетъ курсъ листовъ и вызываетъ только нареканія на то, что Крестьянскій Банкъ разоряетъ помѣщиковъ, расплачиваясь съ ними обезцѣниваемыми бумагами.

Обычный, въ нормальное время, покупатель листовъ, въ лицѣ государственныхъ сберегательныхъ кассъ, для которыхъ покупка закладныхъ листовъ представляла даже выгодное помѣщеніе ихъ свободныхъ средствъ, въ описываемое время также не надеженъ, потому что притокъ денегъ въ кассы значительно ослабѣлъ и на этотъ источникъ была плохая надежда, пока не успокоится рынокъ и вклады снова не станутъ замѣтно превышать ихъ истребованіе.

Такія прозаическія мои разъясненія, конечно, не нравились многимъ изъ моихъ слушателей, и Государственный Контролеръ Шванебахъ пытался было парировать ихъ предложеніемъ войти въ соглашеніе съ частными банками и даже произвести на нихъ извѣстное давленіе, въ смыслѣ пріобрѣтенія ими закладныхъ листовъ Крестьянскаго Банка, но изъ этого ничего существеннаго не могло выйти по той простой причинѣ, что положеніе частныхъ коммерческихъ банковъ было также далеко не блестящимъ, да и Финансовый Комитетъ, куда я предложилъ внести этотъ вопросъ, съ тѣмъ, чтобы Столыпинъ, какъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, принялъ въ немъ и личное участіе, — рѣшительно отвергъ такую мысль и внесъ и съ своей стороны охлаждающую струю въ обывательскія сужденія моихъ партнеровъ.

Отсюда вскорѣ и вытекла другая мысль — попробовать создать особый видъ непродаваемыхъ на биржѣ и не котируемыхъ на ней такъ называемыхъ «Свидѣтельствъ именной записи», съ нѣсколько повышенною противъ закладныхъ листовъ доходностью, но представлявшихъ для землевладѣльцевъ, желавшихъ во что бы то ни стало продать свои земли въ фондъ Крестьянскаго Банка, получить этотъ видъ облигацій въ свое распоряженіе, въ обмѣнъ на проданную ими землю и временно сохранить ихъ въ своемъ распоряженіи и пользоваться пока только одними доходами по нимъ. Впослѣдствіи, фактически и эти свидѣтельства все-таки были выброшены на рынокъ, для скупки ихъ образовался даже особый видъ дѣльцовъ, постепенно понижавшихъ, по мѣрѣ увеличенія количества выпускаемыхъ свидѣтельствъ, цѣну на нихъ, и чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени эта цѣна дошла даже до 60% номинальной цѣны, и землевладѣльцы, далеко не получавшіе отъ Крестьянскаго Банка сколько-нибудь повышенной цѣны за ихъ землю, потеряли въ дѣйствительности до 40% ея стоимости. Когда впослѣдствіи порядокъ въ Россіи возстановился, биржа окрѣпла, сберегательныя кассы снова получили большой притокъ средствъ изъ народныхъ сбереженій и размѣщеніе 5-ти, а затѣмъ и 4½-ныхъ закладныхъ листовъ, стало снова дѣломъ возможнымъ и даже свободный рынокъ сталъ поглощать эти цѣнности, я прекратилъ выпускъ свидѣтельствъ именной записи и сталъ ихъ постепенно замѣнять простыми закладными листами.

Я упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы сказать какъ несправедливы были потомъ, и въ третьей Госуд. Думѣ, нападки оппозиціи и, въ частности спеціализировавшагося на нихъ ковенскаго депутата Булата, открыто обвинявшаго правительство и

лично меня въ разореніи крестьянъ продажею имъ по чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ помѣщичьихъ земель, въ угоду землевладѣльцевъ, сбывшихъ крестьянамъ по не соотвѣтствующимъ высокимъ цѣнамъ свои худшія земли.

На самомъ дѣлѣ, если ужъ кто-либо пострадалъ, то, напротивъ того, именно помѣщики, получившіе въ обмѣнъ на проданную ими землю, по цѣнамъ едва справедливымъ, такія бумаги, за которыя они получили въ лучшемъ случаѣ не болѣе 65—70% ихъ оцѣнки.

О покушеніи на жизнь Столыпина, взрывомъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ, я узналъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

12-ое августа было въ субботу. Я находился съ часа дня въ городѣ, для обычнаго пріема просителей въ зданіи Министерства Финансовъ. По случаю лѣтняго времени просителей было сравнительно мало, и въ четвертомъ часу я отпустилъ послѣдняго изъ нихъ и занимался уже текущею работою, передъ выѣздомъ къ себѣ на дачу.

Въ самомъ началѣ четвертаго мнѣ показалось, что я услышалъ какъ будто бы отдаленный пушечный выстрѣлъ. Я позвалъ моего Секретаря и спросилъ его, не слышалъ ли онъ того же, и получилъ въ отвѣтъ, что всѣ слышали то же, но думали, что идетъ обычная учебная или испытательная стрѣльба на полигонѣ, на пороховыхъ заводахъ. Безпокойства ни въ комъ не было и съ улицы не доходили также никакія вѣсти.

Приблизительно черезъ полчаса ко мнѣ позвонилъ по телефону Государственный Контролеръ и спросилъ, что я знаю о взрывѣ на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ было покушеніе на П. А. Столыпина, и по однимъ разсказамъ онъ убитъ, а по другимъ остался невредимъ, и только разрушена часть его дачи, и ранено много народа около него. На мой отвѣтъ, что я рѣшительно ничего не знаю, онъ предложилъ мнѣ заѣхать немедленно за мной, чтобы вмѣстѣ поѣхать на Аптекарскій островъ, а меня онъ просилъ тѣмъ временемъ позвонить къ Градоначальнику и обезпечить намъ свободный проѣздъ на дачу, если бы она оказалась оцѣпленною полиціею. Градоначальника я не нашелъ дома, дежурный же чиновникъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вѣроятно на мѣстѣ происшествія, что никакихъ подробностей въ Градоначальство еще не доставлено, извѣстно только, что Предсѣдатель Совѣта невредимъ, но часть членовъ его семьи пострадала, хотя кажется не особенно сильно.

Мы пріѣхали на мѣсто безъ всякой задержки. Публики было очень мало, стояла цѣпь городовыхъ, окружавшая полуразрушенный передній фасадъ дачи; убитые и раненые были уже увезены. Мы прошли въ садъ, такъ какъ входъ въ домъ снаружи былъ заваленъ обломками, и внутри сада насъ встрѣтилъ вышедшій изъ дома П. А. Столыпинъ, лицо котораго носило явно замѣтные слѣды чернильныхъ брызгъ. Въ особенности былъ въ чернильныхъ пятнахъ лобъ и руки. Оказалось, что въ минуту взрыва Столыпинъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и чернильныя брызги были произведены сотрясеніемъ воздуха отъ сильнаго взрыва.

Сохраняя наружно полное самообладаніе, Столыпинъ вкратцѣ разсказалъ намъ какъ произошелъ взрывъ, сообщилъ, что въ эту минуту его пріемная была полна народа, что многіе изъ представлявшихся и часть прислуги при домѣ убиты и не мало раненыхъ, что его маленькій сынъ раненъ на верхнемъ балконѣ дачи, но повидимому не опасно, зато дочь его Наталья кажется тяжело ранена въ ногу, и оба они уже отвезены въ больницу Кальмейера на углу Большого и Каменноостровскаго проспекта, куда уѣхала съ ними и мать ихъ, но доктора еще не рѣшаются высказать ихъ мнѣнія о характерѣ раненія. Столыпинъ и самъ собирался вскорѣ поѣхать въ больницу, главнымъ образомъ, чтобы успокоить жену, не желавшую даже оставлять его на разрушенной дачѣ, но онъ не считалъ возможнымъ выѣхать до окончанія нѣкоторыхъ формальностей по составленію перваго протокола объ обстоятельствахъ совершеннаго взрыва. Я предложилъ проѣхать въ больницу, чтобы узнать о положеніи дѣтей и успокоить Ольгу Борисовну и обѣщалъ немедленно дать ему знать все, что мнѣ скажутъ врачи, если только мнѣ удастся получить отъ нихъ сколько-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ Шванебахомъ мы поѣхали въ больницу, гдѣ докторъ Грековъ сказалъ мнѣ, что пораженія маленькаго Аркадія незначительны, но дочь П. А. пострадала гораздо серьезнѣе, и онъ не можетъ даже сказать, удастся ли спасти ногу, или придется ампутировать ее, настолько раздробленіе пятки представляетъ собою явленіе весьма серьезное. Дать знать Столыпину на дачу не было прямой возможности, такъ какъ телефонное сообщеніе было разрушено взрывомъ, и я собирался было вернуться на Аптекарскій островъ, какъ Столыпинъ пріѣхалъ самъ, получилъ отъ докторовъ непосредственно тѣ же свѣдѣнія, и мы разстались съ нимъ, условившись, что онъ приметъ насъ всѣхъ въ понедѣльникъ тотчасъ послѣ завтрака.

Съ этого дня, отдѣленнаго отъ покушенія всего полутора сутками, наша дѣятельность по Совѣту Министровъ возобновилась какъ будто ничего особеннаго и не случилось. Всѣ мы были просто поражены спокойствіемъ и самообладаніемъ Столыпина, и какъ-то невольно среди насъ установилось молчаливое согласіе какъ можно меньше касаться его личныхъ переживаній и не тревожить его лишними разспросами, тѣмъ болѣе, что послѣ первыхъ неопредѣленныхъ дней, врачи дали успокоительныя заключенія и относительно возможности избѣгнуть ампутацію ноги раненой дочери Столыпина.

Столыпинъ остался короткое время на Фонтанкѣ, а затѣмъ по личной иниціативѣ Государя скоро переѣхалъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ и оставался почти два года, перемѣняя его помѣщеніе на лѣтнее пребываніе на Елагиномъ островѣ, въ предоставленномъ въ его распоряженіе Елагинскомъ дворцѣ. Въ этихъ двухъ помѣщеніяхъ и сосредоточилась наша общая работа до той поры, когда наступило успокоеніе, и Столыпинъ могъ опять перебраться въ домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на Фонтанкѣ.

Припоминая все пережитое за эту пору, я не могу не отмѣтить, что личное поведеніе Столыпина въ минуту взрыва и то удивительное самообладаніе, которое онъ проявилъ въ это время, не нарушивши ни на одинъ день своихъ обычныхъ занятій и своего всегда спокойнаго и даже безстрастнаго отношенія къ своему личному положенію, имѣло безспорно большое вліяніе на рѣзкую перемѣну въ отношеніи къ нему не только двора, широкихъ круговъ петербургскаго общества, но и всего состава Совѣта Министровъ и, въ особенности, его ближайшаго окруженія по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. И до роспуска Думы и послѣ его, наружно дисциплинированное отношеніе въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ было далеко не свободно если и не отъ не вполнѣ серьезнаго отношенія къ отдѣльнымъ его замѣчаніямъ, часто отдававшимъ извѣстнымъ провинціализмомъ и малымъ знаніемъ установившихся навыковъ столичной бюрократической среды, — то, во всякомъ случаѣ, слегка покровительственнаго отношенія къ случайно выкинутому на вершину служебной лѣстницы новому человѣку, которымъ можно и поруководить и, при случаѣ, произвести на него извѣстное давленіе.

Послѣ 12-го августа отношеніе къ новому предсѣдателю рѣзко измѣнилось; онъ разомъ пріобрѣлъ большой моральный авторитетъ и для всѣхъ стало ясно, что несмотря на всю новизну для него веденія совершенно исключительной важности огромнаго государственнаго дѣла, въ его труди бьется неоспоримо благородное

сердце, готовность, если нужно, жертвовать собою для общаго блага и большая воля въ достиженіи того, что онъ считаетъ нужнымъ и полезнымъ для государства. Словомъ, Столыпинъ какъ-то сразу выросъ и сталъ всѣми признаннымъ хозяиномъ положенія, который не постѣснится сказать свое слово передъ кѣмъ угодно и возьметъ на себя за него полную отвѣтственность.

Съ наступленіемъ осени засѣданія Совѣта Министровъ въ помѣщеніи Столыпина въ Зимнемъ Дворцѣ приняли совершенно регулярный характеръ и первое время почти цѣликомъ были посвящены земельному вопросу и обсужденію наставленій губернаторамъ относительно подготовки выборовъ. Съ конца октября или начала ноября къ этимъ вопросамъ присоединился и вопросъ о необходимости готовиться къ пересмотру закона о выборахъ, такъ какъ не только лично Столыпинъ, но и большинство Министровъ, пожалуй за исключеніемъ одного А. П. Извольскаго, ясно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что повторное производство выборовъ на основаніи закона 11-го декабря 1905-го года приведетъ только къ повторенію одного и того же результата, — невозможности нормальной работы правительства, отвѣчающаго основнымъ законамъ, то-есть избираемаго Императоромъ и отвѣтственнаго передъ Нимъ, а не передъ одною нижнею палатою. Всѣ отлично сознавали, что слѣдующую Думу необходимо собрать по тому же плохому закону, для того чтобы не давать повода къ лишнимъ нареканіямъ на правительство и на произвольность его дѣйствій, но для всѣхъ насъ входившихъ тогда въ составъ правительства не было также никакого сомнѣнія въ томъ, что добиться пересмотра избирательнаго закона въ законномъ порядкѣ также совершенно немыслимо, ибо никакое представительство народа не пойдетъ на умаленіе избирательныхъ правъ, и передъ правительствомъ неизбѣжно предстанетъ только одна диллема: либо отказаться отъ законодательства и самого принципа народнаго представительства, либо идти открыто, — въ силу прямой государственной необходимости, — на пересмотръ избирательнаго закона по непосредственному усмотрѣнію Монарха, то есть въ прямое нарушеніе изданнаго Имъ же закона. Мы всѣ, кромѣ, повторяю, Извольскаго, были единомышлены въ признаніи этого начала и считали неустранимымъ такое закононарушеніе, во имя устраненія еще большаго зла, — полнаго отказа Государя отъ всего, что скрѣплено Его подписями, начиная отъ указа 12-го декабря 1904-го года. Да и А. П. Извольскій, отстаивавшій мысль о необходимости соблюдать законность въ такомъ вопросѣ, во имя устраненія отрицательнаго къ намъ отношенія общественна-

го мнѣнія на Западѣ, отлично понималъ, что правда на нашей сторонѣ, и не только не поставилъ открыто вопроса о его принципіальномъ несогласіи съ остальнымъ составомъ Совѣта и не перенесъ, слѣдовательно, этого вопроса на рѣшеніе Государя, но принялъ впослѣдствіи самое дѣятельное участіе въ разработкѣ новаго избирательнаго закона.

Я говорю все это только для того, чтобы снять съ Столыпина всю отвѣтственность за принятое Совѣтомъ рѣшеніе по этому вопросу и сказать совершенно опредѣленно, что всѣ Министры того времени и, въ числѣ ихъ я, мы были вполнѣ солидарны съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и несемъ за это общую отвѣтственность, какъ и имѣемъ и общую съ нимъ заслугу за то, что имѣли достаточную рѣшимость посмотрѣть печальному явленію прямо въ глаза и дали странѣ, во всякомъ случаѣ, спокойную законодательную работу на долгій срокъ — до самаго бурнаго періода послѣдней поры передъ разразившеюся надъ Россіею катастрофою. Мы должны также снять за это отвѣтственность и съ покойнаго Государя, потому что если въ самую последнюю минуту, то-есть вечеромъ 2-го іюня 1907-го года, Ему принадлежало послѣднее въ этомъ отношеніи настояніе — о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ — то, что многимъ не извѣстно по существу дѣла, Государь все время послѣ роспуска Думы, да пожалуй и до него слышалъ отъ всѣхъ насъ только одно, что съ нашимъ избирательнымъ закономъ лучшаго результата достигнуть нельзя и, слѣдовательно, и передъ Нимъ все время была все та же роковая диллема, какъ и передъ всѣми нами.

Я не знаю въ точности съ какого момента и въ какихъ условіяхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ стало заниматься пересмотромъ избирательнаго закона 11-го декабря 1905 года. Я думаю, однако, что начало этой работы слѣдуетъ отнести къ самому первому моменту, когда выяснилась физіономія первой Государственной Думы, и имѣю основаніе предполагать, что первыя мысли объ этомъ принадлежали если не самому Горемыкину, то кому-либо въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Столыпинъ, на первыхъ порахъ своей дѣятельности подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, едва ли имѣлъ совершенно опредѣленный взглядъ на этотъ вопросъ, какъ едва ли и вполнѣ смѣло могъ идти навстрѣчу идеѣ изданія новаго избирательнаго закона непосредственнымъ указомъ отъ Государя. Онъ не только рѣшился на это послѣ долгихъ колебаній и многократныхъ разговоровъ на эту тему въ Совѣтѣ Министровъ въ зимній періодъ 1906—1907 года, но не могъ останавливаться на такой необходимости во всю

ту пору — весною и лѣтомъ 1906-го года, когда онъ велъ переговоры какъ съ представителями кадетской партіи по однимъ показаніямъ, такъ и съ лицами «общественнаго довѣрія» по личнымъ моимъ воспоминаніямъ.

Въ Совѣтъ Министровъ позднею осенью 1906 года, если даже не зимою, проектъ избирательнаго закона поступилъ въ совершенно стройной и законченной формѣ, и Совѣтъ Министровъ имѣлъ дѣло только съ постатейнымъ разсмотрѣніемъ проекта, во всѣхъ деталяхъ изученнаго Министромъ, извѣстнаго ему въ мельчайшихъ подробностяхъ, настолько, что защищалъ проектъ столько же его авторъ, Крыжановскій, столько и самъ Столыпинъ.

На разсмотрѣніи этого вопроса я впервые познакомился съ Крыжановскимъ, котораго, кажется, до того ни разу не встрѣчалъ, и тутъ же убѣдился какой изворотливый и быстрый умъ отличалъ его, рядомъ съ совершенно практическимъ и здоровымъ отношеніемъ къ самымъ сложнымъ предметамъ выборнаго искусства. Не было вопроса, задаваемаго ему съ точки зрѣнія самыхъ неожиданныхъ и разнообразныхъ сомнѣній, на который у него не было бы точнаго и исчерпывающаго отвѣта, не разъ заставлявшаго Извольскаго отступать отъ его сомнѣній и переходить на сторону большинства изъ насъ, а иногда и оказывавшагося болѣе католичнымъ нежели самъ папа — Столыпинъ. Справедливость побуждаетъ меня сказать, что новый избирательный законъ, какъ онъ вышелъ въ окончательной его обработкѣ, въ сущности остался безъ всякаго измѣненія противъ разработанной Крыжановскимъ схемы, и такимъ образомъ заслуга, какъ и возможность критики его, должна быть цѣликомъ приписана не Совѣту Министровъ, не внесшему въ него почти ничего отъ себя, а Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и тѣмъ, кто работалъ надъ нимъ, въ тиши, въ его подготовительной стадіи. Но въ отношеніи разсмотрѣнія этого вопроса Совѣтомъ Министровъ была одна особенность, которую я долженъ отмѣтить, потому что ни до этого, ни послѣ, во всю мою долгую служебную жизнь, я не встрѣчался съ такимъ небывалымъ явленіемъ, которое сопровождало разсмотрѣніе этого дѣла.

Когда впервые вопросъ о пересмотрѣ избирательнаго закона былъ внесенъ на обсужденіе Совѣта, Столыпинъ напомнилъ намъ всѣмъ то, что многіе изъ насъ открыто говорили съ самыхъ первыхъ дней послѣ открытія первой Государственной Думы, и сказалъ намъ, что эти мысли давно раздѣляются имъ, и онъ рѣшился внести на разсмотрѣніе Совѣта новую схему избирательнаго

закона, какою она представляется ему желательною на тотъ случай, если и вторые выборы въ Думу по старому избирательному закону дадутъ тѣ же отрицательные результаты, какіе мы имѣли уже отъ перваго опыта. Онъ настойчиво указалъ на то, что смотритъ на пересмотръ избирательнаго закона какъ на самую печальную необходимость, которую можно допустить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, если не будетъ возможности избѣгнуть этой необходимости, и надѣется даже, что этого не случится. Онъ указалъ при этомъ на всю нежелательность разглашенія вопроса о томъ, что Совѣтъ занимается этимъ вопросомъ, такъ какъ самое отдаленное появленіе слуховъ объ этомъ грозитъ величайшими непріятностями и можетъ даже привести къ тому, что правительству не удастся исполнить задуманнаго намѣренія, которое должно оставаться до послѣдней минуты неизвѣстнымъ рѣшительно никому. Поэтому онъ не вноситъ письменнаго предложенія, не разсылаетъ отдѣльныхъ его экземпляровъ Министрамъ, для ихъ ознакомленія, а предлагаетъ разсматривать дѣло по устному докладу своего Товарища и беретъ съ Министровъ слово, что они сохранятъ полную тайну нашихъ работъ и не будутъ дѣлиться рѣшительно ни съ кѣмъ своими впечатлѣніями и помогутъ ему довести дѣло до конца и, только въ этомъ случаѣ, онъ рѣшается начать разсмотрѣніе. Всѣ мы дали ему опредѣленное обѣщаніе и, несмотря на то, что мы собирались по этому дѣлу почти каждую недѣлю, а затѣмъ, уже послѣ открытія второй Государственной Думы и чаще, — ни въ печать, ни въ салоны, ни въ среду падкаго до всякой сенсаціи чиновничества не проникло никакихъ слуховъ о томъ, что правительство предполагаетъ измѣнить въ исключительномъ порядкѣ избирательный законъ. Его изданіе указомъ Государя Сенату явилось, поэтому, на самомъ дѣлѣ полнѣйшею неожиданностью для всѣхъ, кто такъ зорко слѣдилъ въ это время за дѣйствіями правительства.

Подготовка выборнаго закона не составляла, однако, въ эту пору главнаго предмета заботъ правительства. Наряду съ событіями внутренней жизни страны, которыя требовали большого вниманія, конечно, прежде всего предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ мы должны были напряженно слѣдить за борьбою съ революціонными вспышками въ разныхъ мѣстахъ Россіи, такъ какъ Столыпинъ давалъ намъ всѣмъ полную возможность быть всегда и вполнѣ въ курсѣ событій, и никто изъ насъ, по совѣсти, не имѣетъ права сказать, что

онъ не участвовалъ въ разрѣшеніи всѣхъ текущихъ дѣлъ или не несъ отвѣтственности за принимаемыя рѣшенія.

Наряду съ этимъ, шла самая интенсивная работа по подготовкѣ цѣлаго ряда законопроектовъ по наиболѣе существеннымъ вопросамъ нашей жизни и можно сказать, что именно въ эту пору положено было основаніе самымъ разнообразнымъ предположеніямъ, не только внесеннымъ во вторую Государственную Думу, но даже потомъ и въ третью.

Въ числѣ вопросовъ подготовительнаго свойства, для внесенія ихъ въ Государственную Думу второго созыва, составлявшихъ предметъ занятій Совѣта Министровъ этой поры (осень и зима 1906 г.) одинъ вопросъ достоинъ того, чтобы объ немъ было сказано нѣсколько словъ.

Въ одномъ изъ засѣданій самаго начала октября мѣсяца 1906 года П. А. Столыпинъ предложилъ всѣмъ членамъ Совѣта, по окончаніи разсмотрѣнія всѣхъ очередныхъ дѣлъ и удаленіи изъ засѣданія чиновъ канцеляріи Совѣта, — не расходиться и остаться еще на нѣкоторое время, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду коснуться одного конфиденціальнаго вопроса, который уже давно озабачиваетъ его. Мы всѣ, разумѣется, послѣдовали его приглашенію, и, когда съ уходомъ канцеляріи остался одинъ Управляющій дѣлами Совѣта, сынъ покойнаго Плеве, — Николай Вячеславичъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ — и притомъ совершенно справедливо, — Столыпинъ просилъ всѣхъ насъ высказаться откровенно не считаемъ ли мы своевременнымъ поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыхъ едва ли не излишнихъ ограниченій въ отношеніи евреевъ, которыя особенно раздражаютъ еврейское населеніе Россіи и, не внося никакой реальной пользы для русскаго населенія, потому что они постоянно обходятся со стороны евреевъ, — только питаютъ революціонное настроеніе еврейской массы и служатъ поводомъ къ самой возмутительной противу-русской пропаганды со стороны самого могущественнаго еврейскаго центра — въ Америкѣ. Притомъ Столыпинъ сослался и на примѣръ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве, который, при всемъ его консерватизмѣ, серьезно думалъ объ изысканіи способовъ къ успокоенію еврейской массы, путемъ нѣкоторыхъ уступокъ въ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ и принималъ даже незадолго до его кончины нѣкоторыя мѣры къ сближенію съ еврейскимъ центромъ въ Америкѣ, но не успѣлъ въ этомъ, получивши весьма холодное отношеніе со стороны главнаго руководителя этого центра — Шифа. Онъ добавилъ къ этому, что до него съ раз-

ныхъ сторонъ доходятъ свѣдѣнія, что въ настоящую минуту такая попытка можетъ встрѣтить нѣсколько иное, болѣе благопріятное отношеніе, если предложенныя нами льготы будутъ имѣть характеръ послѣдовательно проведенныхъ мѣропріятій, хотя бы и не отвѣчающихъ признаку полнаго еврейскаго равноправія. Въ его личномъ пониманіи было бы наиболѣе желательно отмѣнить такія ограниченія, которыя именно отвѣчаютъ потребностямъ повседневной жизни и служатъ только поводомъ къ систематическому обходу законовъ и даже злоупотребленіямъ низшихъ органовъ администраціи.

Первый обмѣнъ взглядами среди Министровъ носилъ въ общемъ весьма благожелательный характеръ. Никто изъ насъ принципіально возраженій не заявилъ, и даже такіе Министры какъ Щегловитовъ отозвались, что было бы наиболѣе правильнымъ, не ставя принципіальнаго вопроса о введеніи у насъ еврейскаго равноправія, приступить къ детальному пересмотру существующаго законодательства, вносящаго тѣ или иныя ограниченія, и обсудить какія именно изъ нихъ можно отмѣнить, не вызывая принципіальнаго же возраженія съ точки зрѣнія нашей внутренней политики.

Нѣсколько болѣе сдержанъ былъ только Государственный Контролеръ Шванебахъ, какъ всегда въ довольно неясной формѣ замѣтившій, что нужно быть очень осторожнымъ въ выборѣ момента для возбужденія еврейскаго вопроса, такъ какъ исторія нашего законодательства учитъ насъ тому, что попытки къ разрѣшенію этого вопроса приводили только къ возбужденію напрасныхъ ожиданій, такъ какъ онѣ кончались обыкновенно второстепенными циркулярами, не разрѣшавшими ни одного изъ существенныхъ вопросовъ и вызывали одни разочарованія.

Наше первое совѣщаніе по возбужденному вопросу кончилось тѣмъ, что каждое вѣдомство представитъ въ самый короткій срокъ перечень ограниченій, относящійся къ предметамъ его вѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ Министровъ остановился на каждомъ законодательномъ постановленіи и вынесъ опредѣленное рѣшеніе относительно объема желательныхъ и допустимыхъ облегченій.

Работа была исполнена въ очень короткій срокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ, спеціально ей посвященныхъ засѣданій, пересмотръ былъ исполненъ, цѣлый рядъ весьма существенныхъ ограниченій предположенъ къ исключенію изъ закона, и въ этой стадіи дѣла также не произошло какого-либо разногласія среди Миистровъ, и только два мнѣнія, да и то въ очень осторожной

формѣ нашли себѣ слабое проявленіе въ подробномъ заключеніи Совѣта Министровъ, которое было представлено на разсмотрѣніе Государя, для того, чтобы Онъ имѣлъ возможность дать Его окончательныя указанія о предѣлахъ, въ какихъ этотъ вопросъ подлежалъ внесенію на законодательное утвержденіе. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Извольскій находилъ, что намѣченныя льготы не достаточны и было бы предпочтительнымъ вести все дѣло въ направленіи снятія вообще всѣхъ ограниченій. Государственный Контролеръ Шванебахъ, напротивъ того, полагалъ, что объемъ льготъ слишкомъ великъ, и все дѣло слѣдовало бы вести меньшими этапами, приближая его къ конечной цѣли — еврейскому равноправію — послѣ того, что опытъ дастъ указанія того, какое вліяніе окажутъ на самомъ дѣлѣ дарованныя льготы.

Во все время исполненія этой подготовительной работы у всѣхъ насъ было ясное представленіе о томъ, что Столыпинъ возбудилъ вопросъ съ вѣдома Государя, хотя прямого заявленія намъ объ этомъ не дѣлалъ, но всѣ мы понимали, что онъ не рѣшился бы поднять такой щекотливый вопросъ, не справившись заранѣе съ взглядомъ Государя. Тѣмъ болѣе, что у него былъ въ рукахъ очень простой аргументъ — его личное близкое знакомство съ еврейскимъ вопросомъ въ Западномъ краѣ, гдѣ протекала вся его предыдущая дѣятельность. Онъ любилъ ссылаться на нее и имѣлъ, поэтому, простую возможность иллюстрировать практическую несостоятельность многихъ ограниченій совершенно очевидными доводами, взятыми изъ повседневной жизни.

Журналъ Совѣта Министровъ пролежалъ у Государя очень долго. Не разъ мы спрашивали Столыпина, какая судьба постигла его и почему онъ такъ долго не возвращается, и каждый разъ его отвѣтъ былъ совершенно спокойный и не предвѣщалъ чего-либо для него непріятнаго. Только 10-го декабря 1906 года Журналъ Совѣта вернулся отъ Государя къ Столыпину при письмѣ, съ котораго Столыпинъ разрѣшилъ мнѣ снять копію. Вотъ это письмо: «Возвращаю Вамъ журналъ Совѣта Министровъ по еврейскому вопросу не утвержденнымъ. Несмотря на вполнѣ убѣдительные доводы въ пользу принятія положительнаго рѣшенія по этому дѣлу — внутренній голосъ все настойчивѣе твердитъ Мнѣ, чтобы Я не бралъ этого рѣшенія на Себя. До сихъ поръ совѣсть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и въ данномъ случаѣ я намѣренъ слѣдовать ея велѣніямъ. Я знаю, Вы тоже вѣрите, что «сердце Царево въ рукахъ Божіи». Да будетъ такъ. Я несу за всѣ власти Мною поставленныя великую

передъ Богомъ отвѣтственность и во всякое время готовъ отдать Ему въ томъ отвѣтъ».

Ни въ одномъ изъ документовъ, находившихся въ моихъ рукахъ, я не видѣлъ такого яркаго проявленія того мистическаго настроенія въ оцѣнкѣ существа своей Царской власти, которое выражается въ этомъ письмѣ Государя своему Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Столыпинъ отнесся къ такому рѣшенію совершенно спокойно и не проявилъ никакой горести. Мнѣ онъ сказалъ, что, конечно, Онъ не думалъ, чтобы вопросъ могъ получить такое разрѣшеніе, такъ какъ ему приходилось подолгу излагать Государю свои мысли на основаніи его опыта въ Западномъ краѣ, и Государь ни разу не высказалъ ему принципіальнаго Его несогласія, но онъ долженъ удостовѣрить, что не было и заранѣе даннаго общаго согласія, котораго Столыпинъ и не испрашивалъ у Государя, хорошо понимая, что по такому щекотливому вопросу нельзя и требовать, чтобы Государь высказался заранѣе, не ознакомившись съ представленіемъ Совѣта Министровъ.

На мою долю выпалъ за это время очень большой трудъ. Было бы просто безполезно перечислять все то, что было исполнено за эти мѣсяцы 1906 и начала 1907-го года. Скажу только, что одинъ бюджетъ на 1907 годъ далъ мнѣ величайшую заботу. Всѣ вѣдомства предъявили къ казнѣ огромнѣйшія новыя требованія, какъ бы желая показать передъ новою Думою ихъ рвеніе и необходимость всевозможныхъ реформъ и улучшеній. Столыпинъ, при всемъ его благоразуміи и сдержанности, оказалъ мнѣ лишь относительную поддержку въ моей работѣ противъ обремененія казны новыми расходами, такъ какъ его вѣдомство и самъ онъ шли даже впереди нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Не отставало отъ него и вѣдомство Земледѣлія, постепенно становясь, такъ сказать, вторымъ моднымъ вѣдомствомъ въ дѣлѣ всякаго рода реформъ и улучшеній, такъ какъ всѣмъ было очевидно, что не только крестьянскій вопросъ вообще, но перестройка нашей земледѣльческой промышленности неизбѣжно встанутъ, такъ сказать, во главу угла.

Военному и Морскому вѣдомствамъ нельзя было оставаться позади этихъ двухъ вѣдомствъ, и у меня почти не было ни основаній, ни аргументовъ къ сокращенію ихъ требованій. Смѣты этихъ двухъ вѣдомствъ на 1906 годъ не содержали въ себѣ почти никакихъ средствъ на возстановленіе разстроенной матеріальной части нашей арміи за время русско-японской войны, а тѣмъ болѣе на возсозданіе нашего погибшаго флота. Словомъ, со всѣхъ

сторонъ на меня надвинулись самыя настойчивыя требованія, а положеніе казначейства было далеко не блестящее и основаній къ скорому его исправленію еще не было замѣтно. Урожай 1906 года былъ совсѣмъ плохой. Продовольственная и сѣменная помощь населенію унесли уже немалое количество десятковъ милліоновъ рублей и грозили въ слѣдующемъ году новыми экстренными расходами. Столыпинъ все это хорошо понималъ, несмотря на всю его неопытность въ общемъ направленіи государственныхъ дѣлъ, и оказывалъ мнѣ, гдѣ могъ, все же широкую и даже иногда энергичную поддержку, невольно давя своимъ примѣромъ и на другія вѣдомства, но обрушиваясь на меня гораздо болѣе рѣшительно по военно-морскимъ расходамъ, нежели по собственному вѣдомству. Нужды его вѣдомства и не требовали, впрочемъ, еще немедленныхъ расходовъ, потому что всѣ онѣ были сопряжены съ принятіемъ задуманныхъ имъ преобразованій законодательными плататами, и самъ онъ очень скоро понялъ всю несостоятельность системы условныхъ кредитовъ, когда судьба тѣхъ или иныхъ преобразованій зависѣла прежде всего отъ того, во что выльется будущая Дума, и окажется ли возможною съ нею совмѣстная дѣятельность правительства.

Не разъ Столыпинъ въ шутку говорилъ мнѣ и съ глаза на глазъ и въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, что онъ состоитъ на службѣ по Министерству Финансовъ больше, чѣмъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и я не переставалъ открыто говорить, что безъ его поддержки я просто не вынесъ бы моей работы.

Только въ одномъ вопросѣ чисто принципіальнаго характера мы рѣзко разошлись со Столыпинымъ, и наша размолвка едва не дошла до моей отставки и, несомнѣнно, кончилась бы ею, если бы Столыпинъ самъ, вопреки настояній своихъ сотрудниковъ, не уступилъ въ послѣднюю минуту и не всталъ на путь того соглашенія, которое съ перваго же дня нашего разногласія было предложено мною на виду у всѣхъ, но почти двѣ недѣли держало меня въ полной неизвѣстности того, останусь ли я или уйду, о чемъ никто изъ окружающихъ меня сотрудниковъ по Министерству Финансовъ, однако, и не подозрѣвалъ.

Случилось это въ томъ же декабрѣ 1906 года.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ внесло на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ основныя положенія реформы Губернскаго управленія. Столыпинъ сразу поставилъ этотъ вопросъ на всю его принципіальную высоту и далъ всѣмъ намъ почувствовать, что этотъ вопросъ такъ же близокъ его сердцу, какъ и только

что проведенный имъ по 87-ой статьѣ законъ о выходѣ изъ общины. Этого заявленія было достаточно для того, чтобы среди Министровъ сразу же выяснилось стремленіе отнестись сколько возможно благожелательно къ внесеннымъ предположеніямъ и какъ можно менѣе возбуждать разногласій и споровъ по отдѣльнымъ вопросамъ. На такую же точку зрѣнія сталъ и я и предложилъ моимъ сотрудникамъ при предварительномъ разсмотрѣніи этихъ основныхъ положеній, отбросить все второстепенное и сосредоточить наше вниманіе только на томъ, что не допускаетъ никакихъ компромиссовъ по принципіальнымъ вопросамъ финансовымъ и налоговымъ.

Я примѣнилъ въ данномъ случаѣ также до извѣстной степени мало похвальный оппортунизмъ, заявивъ при началѣ преній, что долженъ былъ бы возражать противъ многихъ основныхъ положеній, но не стану останавливаться на нихъ, дабы не выслушать упрека въ моемъ вмѣшательствѣ въ такую область, въ которой рѣшающій голосъ принадлежитъ, при проведеніи дѣла въ палатахъ, не мнѣ. Столыпинъ просилъ меня тѣмъ не менѣе высказать ему все, что я имѣю сказать, и мы сошлись на томъ, что я передамъ ему лично то, что мнѣ кажется требующимъ исправленія или переработки, и просилъ остановиться всего на одномъ основномъ положеніи, которое входитъ къ тому же цѣликомъ въ область моего вѣдѣнія, и по которому у меня есть совершенно непримиримое отношеніе.

Мы дошли до пресловутой въ то время статьи 20-ой внесенныхъ Столыпинымъ предположеній. Она предусматривала совершенно небывалое въ лѣтописяхъ какого угодно законодательства нововведеніе, а именно «отнесеніе на счетъ казны всѣхъ необходимыхъ расходовъ по земствамъ и городамъ, для которыхъ собственныя средства ихъ оказываются недостаточными». Проектъ Министерства не ставилъ для этого никакихъ предѣловъ и не устанавливалъ никакихъ гарантій, кромѣ чисто административнаго усмотрѣнія, въ формѣ «признанія расходовъ полезными и необходимыми для мѣстной жизни со стороны губернатора, губернскаго совѣта и высшаго центральнаго совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства». Признанные этими административными инстанціями расходы подлежали автоматическому занесенію въ бюджетъ, и предварительной законодательной санкціи по существу не предусматривалось.

Я заявилъ рѣзкое несогласіе съ такимъ небывалымъ принципомъ, привелъ цѣлый рядъ, казалось, неопровержимыхъ дово-

довъ: непосильность такихъ безбрежныхъ расходовъ для казны, односторонность оцѣнки ихъ исключительно административною властью, полное устраненіе Министра Финансовъ отъ оцѣнки расходовъ по существу и даже лишеніе его возможности довести его мнѣніе до Совѣта Министровъ, необходимость считаться въ первую голову съ бюджетнымъ равновѣсіемъ, принципіальную недопустимость лишать законодательныя учрежденія права оцѣнки этихъ расходовъ по существу, когда всѣ государственные расходы подчинены ей, въ предѣлахъ установленныхъ смѣтными правилами и т. д.

Меня поддержалъ въ Совѣтѣ Министровъ, но и то въ довольно слабой степени, одинъ Д. А. Философовъ, смѣнившій В. И. Тимирязева на посту Министра Торговли, всѣ же прочіе Министры, не исключая и Государственнаго Контролера встали на сторону Столыпина, и я очутился въ положеніи почти безвыходномъ — нести вопросъ, притомъ въ такой предварительной стадіи на разрѣшеніе Государя и — несомнѣнно встрѣтиться съ утвержденіемъ Имъ мнѣнія большинства. Столыпинъ былъ возбужденъ до послѣдней степени и поставилъ вопросъ на совершенно непримиримую точку зрѣнія, давая ясно понять всѣмъ, что онъ не откажется отъ принимаемой всѣмъ Совѣтомъ его точки зрѣнія. Я сталъ искать путь возможныхъ соглашеній, сколько-нибудь совмѣстимыхъ съ финансовою точкою зрѣнія, въ ея самой элементарной безспорности. Я предложилъ вовсе исключить этотъ вопросъ изъ проекта о губернской реформѣ и сдѣлать его предметомъ особаго законопроекта, въ которомъ онъ былъ бы связанъ съ пересмотромъ нашей налоговой системы и новымъ распредѣленіемъ расходовъ между государствомъ и мѣстными самоуправленіями, также какъ и съ передачею послѣднимъ нѣкоторыхъ государственныхъ доходовъ и введеніемъ вмѣсто нихъ новыхъ налоговъ. Я указалъ при этомъ на цѣлый планъ уже вполнѣ разработанный Министерствомъ Финансовъ, согласно одобренію Совѣта, со включеніемъ въ него подоходнаго налога, разработка котораго настолько подвинулась, что я внесъ его уже на одобреніе Совѣта. Я предлагалъ въ проектѣ губернской реформы опредѣленно оговорить объ этомъ и высказать всѣ мысли Министерства въ пользу необходимости идти на помощь земствамъ и городамъ въ указываемомъ мною порядкѣ и силился найти самый льготный для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ компромиссъ.

Ничто не помогло. Столыпинъ не шелъ ни на какія соглашенія, и даже усилившаяся поддержка меня Философовымъ, въ виду моего явнаго стремленія найти какой-либо путь къ сближе-

нію, не привела ни къ какому результату. Мы разошлись въ очень тяжеломъ настроеніи, и Столыпинъ сказалъ мнѣ на прощанье, въ не свойственной ему сухой и даже раздраженной формѣ, что онъ переговорилъ съ своими ближайшими сотрудниками, но не видитъ никакой почвы къ соглашенію и предпочитаетъ передать споръ на рѣшеніе высшей власти. Черезъ нѣсколько дней онъ пригласилъ меня къ себѣ и въ гораздо болѣе мягкой формѣ старался уговаривать меня уступить ему въ этомъ вопросѣ и не ставить его въ необходимость безпокоить нашими разногласіями Государя, ибо онъ заранѣе убѣжденъ, что Государь будетъ поставленъ въ крайнее затрудненіе сдѣлать выборъ между нами обоими, такъ рѣзко ставящими споръ на совершенно непримиримую точку зрѣнія. Изъ этой нашей встрѣчи также ничего не вышло, только была снята острота личныхъ отношеній, и Столыпинъ вмѣсто требовательнаго тона перешелъ на совершенно дружескій, сказавши на прощанье: «подумайте только, развѣ я могу сидѣть въ Совѣтѣ безъ Васъ, когда я отъ Васъ имѣю всегда самую дѣятельную и дружескую поддержку во всѣхъ сложныхъ вопросахъ».

Я помню хорошо, что выходя отъ него— это было на Рождественскихъ праздникахъ — я просилъ его сказать мнѣ, было ли какое-либо упрямство или какая-либо предвзятая точка зрѣнія въ моихъ настояніяхъ, и развѣ такъ говоритъ человѣкъ, ищущій ссоръ, препирательствъ и осложненій. На это онъ отвѣтилъ мнѣ: «чѣмъ бы ни кончилось наше разногласіе, я отдаю Вамъ полную справедливость, что ни въ тонѣ Вашихъ возраженій, ни во всей Вашей попыткѣ найти сближеніе между двумя противоположными точками зрѣнія, нельзя было подсмотрѣть ничего иного, кромѣ открытаго и честнаго заявленія того, что составляетъ Ваше убѣжденіе. Отъ этого мнѣ, однако, не легче».

Черезъ два или три дня послѣ этого разговора, ко мнѣ пріѣхали вмѣстѣ Шванебахъ и Кривошеинъ, и оба старались убѣдить меня въ необходимости уступить Столыпину, главнымъ образомъ во имя необходимости сохранить единство кабинета передъ новой Думой. Не стану повторять всего того, что было говорено между нами. Скажу только, что ставя ихъ на мое мѣсто, я спросилъ ихъ, въ какое положеніе стали бы они, если бы въ случаѣ моего ухода, кому либо изъ нихъ пришлось считаться съ рѣшеніемъ Совѣта принятымъ въ томъ смыслѣ, которое они признаютъ правильнымъ. Могли ли бы они защитить такую точку зрѣнія передъ законодательными учрежденіями, и что отвѣтили

бы они, если бы ихъ спросили какъ можетъ Министръ Финансовъ допустить подпись векселя, не зная ни суммы, ни срока платежа. Они отвѣтили оба точно, сговорившись: «ну что за бѣда, про насъ сказали бы, что мы легкомысленны, а за то земскіе люди были бы намъ благодарны, да и разсказъ о султанѣ, великомъ визирѣ и знахарѣ — очень мудрый разсказъ, и имъ всегда полезно руководствоваться въ сложныхъ обстоятельствахъ».

Закончился этотъ инцидентъ тѣмъ, что я не вышелъ въ отставку, разногласіе въ Совѣтѣ сгладилось тѣмъ, что Столыпинъ въ сущности понялъ невозможность настаивать на его мнѣніи, и Совѣтъ принялъ среднее мнѣніе — предоставить административной власти только оцѣнку потребностей, а испрошеніе кредитовъ на ихъ удовлетвореніе подчинить общему порядку разрѣшенія кредитовъ.

Практическаго значенія этотъ вопросъ впрочемъ не имѣлъ, такъ какъ проектъ губернской реформы не былъ внесенъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій до кончины Столыпина, и отношенія наши остались до самой его кончины тѣми же сердечными и дружескими, какими были въ самомъ началѣ, если не считать новаго осложненія, которое возникло между нами уже позже изъ-за Крестьянскаго Банка, — о чемъ рѣчь впереди.

Приблизительно въ то же время — въ половинѣ января 1907 года — въ Совѣтѣ Министровъ произошелъ инцидентъ со мною въ связи съ окончаніемъ выборной компаніи во вторую Государственную Думу.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, сосредоточившее въ своихъ рукахъ все дѣлопроизводство по выборамъ и руководившее ими, какъ это и слѣдовало по закону, дѣлилось время отъ времени съ Совѣтомъ поступавшими къ нему свѣдѣніями объ окончательныхъ результатахъ выборовъ по губерніямъ. Докладъ по этому вопросу происходилъ по Главному управленію по дѣламъ печати, во главѣ котораго стоялъ въ ту пору А. В. Бельгардъ. Его сообщенія носили весьма оптимистическій характеръ и давали Столыпину не разъ поводъ говорить, что онъ имѣетъ надежду, что выборы окажутся гораздо болѣе благопріятными, въ смыслѣ распредѣленія членовъ Думы по политическому ихъ настроенію, нежели это было въ первой Думѣ. Параллельно съ этимъ, ко мнѣ поступили свѣдѣнія по состоявшему въ моемъ вѣдѣніи С.-Петербургскому Телеграфному Агентству, во главѣ котораго находился А. А. Гирсъ и рядомъ съ нимъ, въ составѣ управленія агентствомъ находился и представитель Министерства

Внутреннихъ Дѣлъ, имѣвшій постоянный доступъ ко всѣмъ донесеніямъ, поступавшимъ съ мѣста отъ представительствъ агентства. Этими донесеніями я, разумѣется, постоянно дѣлился съ П. А. Столыпинымъ и всегда получалъ отъ него выраженіе удовольствія, что онъ имѣетъ возможность провѣрять данныя, сообщаемыя его агентами, другими источниками, не зависящими отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и отдѣльныхъ губернаторовъ. Но такъ продолжалось недолго. Вскорѣ между свѣдѣніями Министерства и Телеграфнаго Агентства стали замѣчаться крупныя разногласія въ оцѣнкѣ политической окраски выборовъ, и мнѣ пришлось не разъ въ Совѣтѣ, слушая доклады Бельгарда, указывать на совершенно не согласныя съ ними донесенія представителей Агентства, ссылавшихся на тѣ же источники, изъ которыхъ черпали и губернаторы свои заключенія. Почти каждый разъ Бельгардъ, а за нимъ и Министръ, говорили мнѣ, что мои свѣдѣнія ошибочны и объясняются только неопытностью нашихъ корреспондентовъ. Но когда подошелъ конецъ выборной компаніи и пришлось выслушать общій итогъ выборовъ, съ распредѣленіемъ ихъ по политическимъ групировкамъ, по даннымъ Бельгарда и Телеграфнаго Агентства, то разница получилась такая, что вмѣсто благопріятнаго вывода, я долженъ былъ огласить сводку Агентства самаго мрачнаго свойства, которая оканчивалась общимъ заключеніемъ, что составъ второй Думы не только не лучше первой, но даже долженъ быть признанъ хуже его, какъ по преобладанію трудовиковъ надъ кадетами, такъ и по имѣющимся на мѣстахъ свѣдѣніямъ о характерѣ цѣлаго ряда лицъ, прошедшихъ въ думу. Это разнорѣчіе послужило поводомъ къ весьма бурной сценѣ въ Совѣтѣ, вызванной рѣзкимъ заявленіемъ Бельгарда о некомпетентности Агентства, о полномъ дискредитированіи его служебнаго положенія моею поддержкою Агентства и о невозможности для него продолжать службу на занимаемомъ имъ посту. Столыпинъ всталъ на его сторону, рѣзко нападалъ на Гирса и его безтактность, обратился ко мнѣ съ просьбою замѣнить его другимъ лицомъ въ должности Директора Агентства и закончилъ тѣмъ, что сказалъ, что до этой замѣны онъ не находитъ возможнымъ оставить своего представителя въ составѣ агентства и немедленно предложитъ ему прекратить свое участіе въ его работѣ.

Я не могъ принять предложеннаго мнѣ рѣшенія, и такой неожиданный конфликтъ обѣщалъ разгорѣться въ крупный инцидентъ, если бы мнѣ не пришло въ голову тутъ же сдѣлать предложеніе, которое и вывело насъ изъ неожиданнаго столкновенія.

А именно — я просилъ согласиться на то, чтобы отложить ликвидацію всего вопроса до того момента, когда новая Дума соберется, всего черезъ 2-3 недѣли, и сама подведетъ итоги распредѣленію своего состава на политическія группировки, причемъ я обязуюсь пойти навстрѣчу желаніямъ П. А. Столыпина если скажется, что Гирсъ дѣйствительно допустилъ произвольныя заключенія и не сумѣлъ должнымъ образомъ руководить работою своихъ подчиненныхъ. Противъ такого рѣшенія было трудно возражать. Затѣмъ печальная дѣйствительность очень быстро доказала, что Агентство было совершенно право, Дума оказалась гораздо ниже по своему составу, чѣмъ предполагало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Столыпинъ скоро забылъ объ этомъ инцидентѣ, но за то Бельгардъ долго не могъ простить мнѣ моей защиты Агентства и даже одно время прекратилъ всякія сношенія со мною и съ неохотою отвѣчалъ даже на обычные поклоны при встрѣчѣ. Много лѣтъ спустя, уже въ бѣженствѣ мы снова встрѣтились съ нимъ на церковной работѣ, но и тутъ мнѣ казалось, что у него все еще сохранилась недобрая память о прошломъ столкновеніи со мною, хотя онъ оказался просто введеннымъ въ заблужденіе донесеніемъ губернаторовъ, принявшихъ на слово заключенія ихъ подчиненныхъ.

ГЛАВА IV.

Открытіе второй Думы. — Крайняя правая фракція. — Декларація Правительства и враждебный пріемъ, оказанный ей оппозиціей. — Непрекращающіяся рѣзкія нападки на правительство. — Разсмотрѣніе бюджета. — Моя бюджетная рѣчь, выступленіе Н. Н. Кутлера и мой отвѣтъ на его выпады. — А. П. Извольскій и вопросъ о роспускѣ второй Думы. — Отношеніе П. А. Столыпина и Государя къ вопросамъ о роспускѣ Думы и о новомъ избирательномъ законѣ. — Закрытое засѣданіе 17-го апрѣля по вопросу о контингентѣ новобранцевъ, предрѣшившее роспускъ второй Думы. — Нападки оппозиціи на армію. — Засѣданіе 7-го мая. — Запросы правой фракціи по поводу слуховъ о готовившемся покушеніи на Государя и лѣвой оппозиціи по дѣлу соціалъ-демократической фракціи Думы. — Послѣдняя рѣчь Столыпина во второй Думѣ. — Разсмотрѣніе Совѣтомъ Министровъ дѣла о преданіи суду военно-революціонной организаціи. — Отказъ Думы снять депутатскую неприкосновенность съ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ депутатовъ. — Подписаніе Государемъ указа о роспускѣ второй Думы и новаго избирательнаго закона.

20-го февраля 1907-го года собралась вторая Государственная Дума. Ея открытіе было гораздо проще, нежели открытіе первой. Съ величайшею методичностью совершилъ необходимый обрядъ открытія Товарищъ Председателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ, послѣ краткаго молебна, не сопровождавшагося никакими инцидентами. Правительство было, разумѣется, въ полномъ своемъ составѣ на мѣстѣ, и сидѣвшій рядомъ со мною Баронъ Фредериксъ все обращался ко мнѣ съ вопросомъ, какое впечатлѣніе оставляетъ во мнѣ внѣшній видъ новыхъ законодателей и, въ особенности, что представляетъ собою отдѣльная группа, сплотившаяся на крайнихъ правыхъ скамьяхъ, око-

ло небольшого роста совершенно плѣшиваго, чрезвычайно подвижного человѣка, Пуришкевича, который не могъ буквально ни одной минуты сидѣть спокойно и все перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Впослѣдствіи эта группа дѣйствительно оказалась значительно сплоченною въ своемъ составѣ, и ея выступленія, зачастую не лишенныя мужества и смѣлости въ окружавшей ее обстановкѣ лѣваго большинства, сыграли опредѣленную роль въ той кристаллизаціи крайняго оппозиціоннаго настроенія, которое явилось неоспоримымъ признакомъ всего трехъ съ половиною мѣсячнаго существованія этой Думы.

Какъ и по отношенію къ первой Думѣ, я не стану, конечно, говорить подробно о томъ, что такъ хорошо извѣстно всѣмъ о томъ, что дала эта Дума, и остановлюсь только на томъ, что коснулось лично меня, поставило меня лицомъ къ лицу къ этой Думѣ и заставило пережить первыя, далеко не веселыя, прикосновенія къ нашей конституціонной дѣйствительности.

Всѣ помнятъ, конечно, что начало занятій Думы ознаменовалось весьма печальнымъ происшествіемъ: всего нѣсколько дней спустя послѣ открытія Думы, въ то время когда не было засѣданія въ главномъ залѣ, потолокъ надъ нимъ провалился, очевидно вслѣдствіе недостаточно основательнаго изслѣдованія давно остававшагося необитаемымъ зданія, передъ его приспособленіемъ подъ первую Думу. Пришлось перемѣстить Думу въ зданіе дворянскаго собранія, и на нѣсколько дней всякая работа была пріостановлена. Возбужденіе среди членовъ Думы было очень велико. Одинъ изъ депутатовъ дошелъ даже до того, что съ трибуны намекнулъ на то, что обвалъ потолка былъ умышленный, за что и былъ остановленъ Предсѣдателемъ Головинымъ, правда въ самой робкой формѣ, какъ бы нехотя, и только для того, чтобы избѣгнуть уже готовившихся рѣзкихъ выступленій справа, такъ какъ нужно отдать полную справедливость малочисленной правой группѣ, что она не упускала ни одного случая, чтобы парировать нападенія слѣва, ни мало не смущаясь тѣмъ, что самая малочисленность ея не давала ей никакихъ шансовъ на какой-либо реальный успѣхъ. Нельзя, однако, не сказать, что и самый фактъ существованія смѣлой на реплики и не боявшейся ни криковъ, ни даже угрозъ своихъ противниковъ небольшой горсти людей, если и подзадоривалъ ея противниковъ къ еще большимъ рѣзкостямъ, то, во всякомъ случаѣ, служилъ немалымъ успокоеніемъ намъ, сидѣвшимъ на правительственныхъ скамьяхъ, въ томъ, что мы не совсѣмъ одиноки, и что есть въ этой, вѣчно бурлящей, враждебной залѣ, хотя и немного людей, но готовыхъ бо-

роться противъ моральнаго насилія и ничѣмъ не сдерживаемой враждебности къ намъ, только за то, что мы представляемъ правительство.

Первое прикосновеніе правительства къ новой Думѣ произошло ровно черезъ двѣ недѣли послѣ ея открытія, 16-то марта, когда Столыпинъ прочиталъ правительственную декларацію, тщательно подготовленную правительствомъ и содержавшую въ себѣ цѣлую программу дѣятельности его на ближайшее время. Въ этотъ день всѣмъ намъ невольно приходило на умъ выгодное для даннаго момента сравненіе его съ такимъ же засѣданіемъ 15-го мая 1906 года, когда читалъ въ первой Думѣ свою декларацію И. Л. Горемыкинъ. Такъ же какъ и тогда, сидѣвшій рядомъ со мною Баронъ Фредериксъ спросилъ меня, передъ концомъ деклараціи, какъ будетъ она принята Думою, и все удивлялся, что не слышно привычныхъ для первой Думы криковъ «въ отставку», а когда конецъ деклараціи былъ покрытъ громкими рукоплесканіями справа, онъ сказалъ мнѣ даже «какъ это странно», Вы понимаете, что Дума какъ будто одобряетъ правительство, а между тѣмъ всѣ были убѣждены въ томъ, что будетъ то же самое, какъ и при Горемыкинѣ».

Не долго пришлось, однако, Барону Фредериксу ждать проявленія дѣйствительнаго отношенія Думы къ правительству. Прекрасная манера чтенія деклараціи, отличное ея содержаніе, полное искренней готовности правительства работать съ Думою самымъ дружнымъ образомъ, исчерпывающій перечень того, что уже сдѣлано правительствомъ и намѣчено еще въ ближайшее время, все это не могло и не должно было произвести иного впечатлѣнія какъ самое благопріятное на непредубѣжденнаго слушателя, но не такъ восприняла Дума эту декларацію.

Слѣдомъ за Столыпинымъ вышелъ на каѳедру депутатъ Церетели, сыгравшій потомъ немалую роль въ составѣ Временнаго правительства, и полились тѣ же рѣчи, какія мы привыкли слушать за время первой Думы. Та же ненависть къ правительству, то же огульное осужденіе всего слышаннаго, то же презрѣніе ко всѣмъ намъ и то же неудержимое стремленіе смести власть и сѣсть на ея мѣсто и создать на развалинахъ того, что было до сихъ поръ, что-то новое, свободное отъ сплошного беззаконія, которое отличаетъ всю дѣятельность тѣхъ, къ кому нѣтъ иного отношенія, какъ вражды и желанія свести давно подготовленные счеты. Во время этой рѣчи засѣданіе превратилось въ настоящій митингъ. Правые депутаты прерывали оратора рѣзкими окриками, предсѣдатель то и дѣло останавливалъ ихъ, но не

останавливалъ оскорбительныхъ криковъ слѣва. Церетели смѣнили другіе ораторы съ тѣхъ же лѣвыхъ скамей и только усиливалось раздраженіе, искусственно создаваемое въ пылу дѣланнаго краснорѣчія; правые пытались также выходить на трибуну, но ихъ голоса заглушались криками и обидными возгласами, а самое появленіе ихъ только еще болѣе раздражало залу и готовило новыя, безцѣльныя выступленія. Наконецъ, среди депутатовъ возникло предложеніе прекратить пренія, подавляющее большинство поддержало его, но Столыпинъ, совершенно правильно не захотѣлъ, чтобы послѣднее слово осталось за бунтарскими призывами къ сверженію правительства, а тѣмъ болѣе, у кого-нибудь могла возникнуть мысль о томъ, что правительство струсило и растерялось. Онъ снова вышелъ на трибуну, рискуя снова услышать тѣ же дерзости, которыя такъ часто раздавались по его адресу въ первой Думѣ. Его выступленіе было очень краткое, но дышало такою силою и такимъ сознаніемъ достоинства, что не раздалось ни одного дерзкаго окрика, и я хорошо помню и сейчасъ, какъ зала затихла, и думается мнѣ, что съ этого дня всѣмъ стало ясно, что въ правительствѣ есть воля, и что оно будетъ бороться за свое достоинство и съ нимъ не такъ-то легко справиться. Конецъ этого второго выступленія Столыпина сталъ на самомъ дѣлѣ историческимъ, и многіе помнятъ его вѣроятно и теперь. Онъ сказалъ, заканчивая свою вторую рѣчь, — «всѣ Ваши нападки расчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти, параличъ и воли и мысли, всѣ они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти — «руки вверхъ». На эти слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить тоже только двумя словами — «не запугаете».»

Послѣ этого историческаго дня разомъ опредѣлилась физіономія второй Государственной Думы, какъ и то, чего отъ нея можно ожидать. Прошло снова двѣ недѣли до того, что мнѣ пришлось непосредственно выступить передъ думою и начать ту безконечную цѣпь выступленій, которая началась 20-го марта 1907 года и кончилась только въ январѣ 1914-го года и тянулась такимъ образомъ ровно семь лѣтъ. И теперь, на склонѣ моихъ дней, оглядываясь назадъ, невольно спрашиваешь себя, какъ хватило меня на этотъ трудъ, наряду съ другимъ огромнымъ трудомъ по управленію Министерствомъ, какъ выдержали нервы это напряженіе, и какъ достало силъ и воли довести борьбу до конца, который наступилъ къ тому же не потому, что я стремил-

ся къ нему, а потому, что такъ судили условія отъ меня не зависѣвшія.

Эти двѣ промежуточныя недѣли прошли въ Думѣ въ сплошныхъ нападкахъ на правительство по какимъ угодно поводамъ. То въ запросахъ по всевозможнымъ поводамъ существовавшихъ или вовсе не существовавшихъ незакономѣрныхъ дѣйствій, то въ формѣ безсвязнаго разсмотрѣнія самыхъ разнообразныхъ предположеній, вносившихся отдѣльными членами Государственной Думы, и каждый поводъ былъ хорошъ для одной, исключительной цѣли — дискредитировать правительство, издѣваться надъ его представителями, задавать имъ самые невѣроятные вопросы, выворачивать наизнанку ихъ отвѣты, и все это для того только, чтобы показать, черезъ посредство думской трибуны приниженное будто бы положеніе правительства и смѣлость народнаго представительства въ разоблаченіи часто вовсе не существовавшихъ злоупотребленій власти. Достаточно просто просмотрѣть, чѣмъ занималась Дума за это время, какіе запросы предъявила она къ Правительству, и какъ развивался каждый запросъ въ повторныхъ дебатахъ на одну и ту же тему, чтобы оцѣнить съ полнымъ безпристрастіемъ все невыносимое положеніе самой добросовѣстной власти передъ неудержимою злобою расходившагося, «народнаго представителя», возмнившаго себя уже полновластнымъ хозяиномъ захваченнаго имъ положенія. Такое состояніе не могло держаться долго и должно было разразиться рано или поздно непримиримымъ конфликтомъ между властью и Думою, притомъ совершенно безразлично, по тому или иному поводу. Поводъ былъ просто безразличенъ, потому что неизбѣжность столкновенія не вызвала сомнѣній ни въ комъ, и неизвѣстно было только, сколько времени протянется это невыносимое состояніе и когда именно лопнетъ давно назрѣвшій нарывъ.

20-го марта Дума приступила къ разсмотрѣнію въ порядкѣ направленія, внесеннаго еще въ самый день открытія Думы бюджета на 1907 годъ.

Всѣ отлично сознавали, что никакого разсмотрѣнія по существу не будетъ, что все дѣло ограничится передачею проекта росписи доходовъ и расходовъ на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи, составъ которой былъ уже передъ тѣмъ опредѣленъ, но всѣ отлично понимали также, что, подражая парламентскимъ образцамъ конституціонно управляемыхъ странъ, и у насъ дѣло не обойдется безъ общихъ преній, понимаемыхъ, разумѣется, на

нашъ національный образецъ, какъ прекрасный поводъ наговорить правительству все, что заблагоразсудится и по какому угодно поводу и въ какомъ угодно масштабѣ.

Совѣтъ Министровъ заблаговременно подготовился къ этому торжественному спектаклю. Я просилъ Столыпина посвятить этой подготовкѣ особое засѣданіе, для того, чтобы дать мнѣ совершенно точныя директивы того, чего держаться въ моей вступительной рѣчи и устранить впослѣдствіи всякіе поводы говорить, что я былъ недостаточно объективенъ, или внесъ ту или иную ноту раздраженія въ послѣдующія пренія. Я особенно настаивалъ на этомъ, въ виду неоднократныхъ упоминаній Извольскаго, что намъ не слѣдуетъ раздражать народное представительство и необходимо, напротивъ того, проложить для него путь къ самому благожелательному отношенію между нимъ и царскою властью. Во всю эту пору перваго нашего контакта съ Думою второго созыва нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ держался самымъ настойчивымъ и даже непримиримымъ образомъ того взгляда, что Дума вовсе не такъ плоха, какъ можно думать объ этомъ по совокупности неумѣлыхъ рѣчей въ первые дни ея существованія. Онъ перемѣнилъ свой взглядъ только нѣсколько позже и притомъ безъ всякаго особаго повода со стороны самой Думы и уже тогда, когда ни для кого изъ насъ не было болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что роспускъ Думы просто неизбѣженъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Противъ всякаго моего обычая, я заранѣе написалъ мою рѣчь и представилъ ее Совѣту Министровъ на одобреніе. Въ ней не было ни малѣйшаго задора, и если въ чемъ ее упрекнули нѣкоторые члены Совѣта и въ частности Государственный Контролеръ Шванебахъ, то только въ томъ, что она слишкомъ серьезна для уровня пониманія средней массы народнаго представительства. Столыпинъ, однако, особенно рѣшительно поддержалъ меня, находя, что изъ нея нельзя убавить ни одного слова, и даже предложилъ показать ее Государю, который въ свою очередь сказалъ мнѣ на моемъ докладѣ передъ засѣданіемъ Думы, что все сказанное мною, конечно, совершенно ясно и даже просто, а въ особенности изложено въ крайне выдержанныхъ тонахъ, но, — прибавилъ Онъ — «и все-таки Вы не избѣгнете тѣхъ же выпадовъ противъ Васъ, какими встрѣчаются всѣ представители власти».

Весь составъ правительства былъ налицо въ этотъ день въ Думѣ, кромѣ Министра Двора. Столыпинъ высидѣлъ все засѣ-

данiе, какъ и большинство Министровъ, и всѣ они громко привѣтствовали меня въ павильонѣ при думѣ, послѣ того, какъ мнѣ пришлось въ концѣ засѣданiя отвѣчать первому оратору оппозиции Кутлеру.

Мое объясненiе, излагавшее общiя основанiя бюджета на 1907 годъ и тѣ условiя, въ которыхъ пришлось составить его среди тяжелыхъ условiй нашей внутренней жизни за 1906 годъ, видимо произвело хорошее впечатлѣнiе. Правая группа шумно апплодировала мнѣ, никто не прерывалъ меня во время всей моей рѣчи и послѣ ея окончанiя не раздалось ни одного крика, обычнаго для первой Думы «въ отставку», не было и ни одного обиднаго для меня замѣчанiя и только гробовое молчанiе сопровождало овацiю, сдѣланную мнѣ справа. Зато со всѣхъ скамей, начиная отъ центра и вплоть до крайней лѣвой, шумныя рукоплесканiя встрѣтили появленiе на трибунѣ перваго оратора Н. Н. Кутлера, выставленнаго, очевидно, Думою, чтобы уничтожить меня безпощадною критикою и разомъ парализовать все впечатлѣнiе, которое должно было оставить выступленiе мое, какъ представителя правительства.

Странная судьба этого, въ сущности, не дурного человѣка, перешедшаго такъ недавно изъ рядовъ правительства въ ряды оппозиции, разомъ примкнувшаго къ кадетской партiи, голосами которой онъ и прошелъ въ Думу и сразу же попавшаго въ первые авторитеты по вопросамъ бюджета, финансовъ и экономическихъ знанiй вообще. Онъ безъ всякихъ колебанiй принялъ на себя роль быть изобличителемъ финансовыхъ грѣховъ правительства и, вѣроятно, думалъ и самъ, какъ думали и тѣ, кто послалъ его на бой противъ меня, что лучшаго оппонента нельзя и выставить. Политическая страстность не удержала его отъ особой щекотливости для него выступать именно противъ меня, своего недавняго Начальника, оказывавшаго ему самое дружеское вниманiе, а недостаточная подготовленность его въ дѣлѣ широкаго и глубокаго знанiя бюджета повела къ тому, что онъ допустилъ цѣлый рядъ грубѣйшихъ ошибокъ въ своихъ нападкахъ на правительство и на меня въ частности и подставилъ свои бока подъ мои удары, что не составило для меня даже и большого труда, настолько слабъ и не содержателенъ оказался онъ въ этомъ первомъ своемъ выступленiи противъ правительства, по признанiю какъ его самого, такъ и друзей его по партiи.

Кутлеръ былъ моимъ сотрудникомъ въ теченiе многихъ лѣтъ по Департаменту Окладныхъ Сборовъ. Мнѣ онъ былъ обязанъ всѣми своими повышенiями по службѣ, и ни одно разногласiе

не раздѣляло насъ ни въ ту пору, когда я былъ Товарищемъ Министра Финансовъ, ни въ первое время занятія мною должности Министра, до самой минуты ухода моего изъ Министерства въ октябрѣ 1905 года. Когда онъ долженъ былъ покинуть постъ Министра Земледѣлія изъ-за составленія, по порученію Гр. Витте, законопроекта о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, а я вернулся снова на должность Министра, онъ сталъ пытать счастье попасть на должность члена Правленія Учетно-Ссуднаго Банка, во главѣ котораго находился близкій мнѣ человѣкъ Я. И. Утинъ. Къ этому побуждала его большая его семья и отсутствіе всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ того жалованія по службѣ, котораго онъ только что лишился и вмѣсто котораго онъ получилъ по иниціативѣ Гр. Витте хоть и небывалую въ то время большую пенсію въ 6.000 рублей, далеко имъ не выслуженную, — но на нее одну онъ существовать не могъ. Онъ просилъ меня поддержать его кандидатуру, что я и сдѣлалъ, сказавши Утину, что онъ прекрасный работникъ, честный въ исполненіи своего долга и если и не имѣетъ банковскаго опыта, то, конечно, головою выше большинства тѣхъ людей, которыхъ проводятъ обычно акціонеры въ члены Правленія, когда у нихъ нѣтъ особенно подготовленыхъ кандидатовъ. Моя рекомендація была услышана, Кутлеръ былъ избранъ въ апрѣлѣ 1906 года въ члены правленія Учетнаго банка и горячо благодарилъ меня за то, — какъ онъ сказалъ самъ, что я спасъ его и его семью отъ голодной смерти, потому что «на пенсію въ 6.000 рублей они всѣ могутъ только жить съ протянутою рукою, а Гр. Витте, на котораго я такъ надѣялся, отказалъ помочь мнѣ». Я хорошо понимаю, что сдѣлавшись оппозиціоннымъ политическимъ дѣятелемъ, онъ отнюдь не былъ обязанъ, въ новой для него роли, руководствоваться своими прежними отношеніями, но онъ отлично зналъ не только лично меня, но и весь укладъ правительственной организаціи въ дѣлѣ приготовленія бюджета, — такъ какъ и самъ не разъ долженъ былъ подчиняться ея требованіямъ, которыя всегда были основаны на строгомъ соблюденіи закона и уже, во всякомъ случаѣ, не въ дѣлѣ составленія бюджета можно было искать злоупотребленій или даже покровительства имъ. И тѣмъ не менѣе, онъ не постѣснялся прямо обвинить правительство въ томъ, что изъ смѣты исчезаютъ какія-то суммы, неизвѣстно куда и даже, — подъ громъ апплодисментовъ, — бросилъ въ правительство прямой укоръ, что оно «не постѣснилось, изъ суммъ предназначенныхъ по старымъ законамъ на нужды народнаго образованія, куда-то спрятать (онъ выразился «утя-

нуть», но исправилъ это слово въ стенограммѣ), а можетъ быть поступить и хуже съ суммою въ 96.000 рублей, которая гдѣ-то запуталась и попала неизвѣстно въ чьи карманы».

Я не говорю уже о другихъ его выпадахъ, которые изобличали просто его незнаніе дѣла и обнаружили чрезвычайно малое знакомство съ дѣломъ составленія и исполненія бюджета и разбить которые не стоило никакого труда, но приведенный мною выпадъ затрагивалъ просто достоинство правительственной власти и давалъ поводъ думать, что такой знатокъ дѣла, какъ Кутлеръ, едва вышедшій изъ рядовъ правительственнаго чиновничества, не можетъ не знать всѣхъ тайнъ бюрократіи, и если ужъ онъ говорилъ о прямыхъ злоупотребленіяхъ или даже о прямой кражѣ денегъ, чуть что не среди бѣлаго дня, то куда же идти далѣе! А если присоединить къ этому, что тотъ же оппозиціонный ораторъ, съ такимъ исключительнымъ служебнымъ прошлымъ, какъ Кутлеръ, заявилъ въ своей рѣчи, что Министерство Финансовъ есть лучшее по своему составу вѣдомство и хорошо знаетъ свое дѣло, то выводъ изъ его обнаруженнаго злоупотребленія только одинъ, — что вся правительственная машина полна пороковъ и злоупотребленій и годится только для того, чтобы смести ее съ лица земли. Естественно поэтому, что на мнѣ лежала прямая обязанность поднять брошенную перчатку и отвѣтить моему противнику, не щадя его самолюбія, что я и сдѣлалъ, тѣмъ болѣе, что его рѣчь произвела впечатлѣніе не только на оппозиціонную часть Думы, но даже и на нѣкоторыхъ членовъ правительства. Столыпинъ былъ положительно смущенъ и, наклонившись ко мнѣ, спросилъ меня: «что значитъ это разоблаченіе, и могу ли я опровергнуть его». Я успокоилъ его, что не мы, а Кутлеръ будетъ сконфуженъ потому, что онъ, какъ плохо знакомый вообще съ бюджетомъ, и, въ частности, совершенно не знающій смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія, просто запутался и не зналъ, гдѣ искать пропавшей по его мнѣнію суммы. Такъ и оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ сидѣвшій позади меня, на правительственной скамьѣ, главный бухгалтеръ Министерства Финансовъ, превосходно знавшій всѣ смѣты, передалъ мнѣ листокъ бумаги, на которомъ написалъ только: «украденная правительствомъ сумма въ 96.000 рублей находится въ той же смѣтѣ, только на страницѣ такой-то, въ составѣ суммъ, отчисляемыхъ по закону на пенсіонные вычеты».

Я счелъ, поэтому, моею обязанностью воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ и, не ожидая другихъ рѣчей, просилъ

дать мнѣ слово, чтобы разсѣять впечатлѣніе, оставшееся послѣ Кутлера. Я не судья въ моемъ собственномъ дѣлѣ, но по общему голосу мое возраженіе было не только удачно, но и привело Кутлера въ величайшее смущеніе, онъ просто почернѣлъ, какъ-то осунулся, и не могъ сказать мнѣ потомъ ни одного слова въ оправданіе своихъ выпадовъ, и только отдѣлался однимъ словомъ, что на личные мои выпады, онъ отвѣчать не будетъ, а когда я просто прочиталъ справку главнаго бухгалтера Дементьева и развилъ ея смыслъ, указавши на то, что не къ лицу такому опытному по своей прошлой службѣ лицу, какъ недавній мой сотрудникъ, играть на политическихъ страстяхъ и, срывая апплодисменты слѣва, сообщать данныя, не отвѣчающія дѣйствительности, и совершенно не двусмысленно обвинять правительство просто въ кражѣ, то торжество оппозиціи смѣнилось прямымъ смущеніемъ, и пренія какъ-то утратили всякій интересъ, тѣмъ болѣе, что и на долю Столыпина выпала возможность уличить того же Кутлера въ неправильномъ заявленіи и по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и бросить ему мѣткій упрекъ въ томъ, что нанесенный имъ ударъ «пришелся не по коню, а по оглоблѣ».

Черезъ два дня, 22-го марта, мнѣ пришлось еще разъ выступить въ Думѣ по общимъ преніямъ по бюджету, но остроты уже больше не было, и все дѣло утратило всякій интересъ и закончилось просто передачею бюджета въ особую Комиссію, изъ которой оно такъ и не вернулось до роспуска Думы. Публика, наполнявшая хоры, по общему признанію, вынесла самое выгодное впечатлѣніе отъ выступленій правительства, многіе приходили привѣтствовать меня, а Совѣтъ Министровъ и, въ особенности Столыпинъ, оказали мнѣ просто демонстративный пріемъ, когда мы всѣ собрались въ павильонѣ, послѣ окончанія засѣданія.

Печать также отнеслась сочувственно къ нашимъ выступленіямъ, за исключеніемъ, разумѣется, Рѣчи и Русскихъ Вѣдомостей, которыя прошли мимо всѣхъ неловкостей Кутлера и, главнымъ образомъ, обрушилось на то, что будто бы я придалъ лично-полемическій тонъ всѣмъ преніямъ. Вскорѣ стали назрѣвать другія событія, и они дѣлали вопросъ о неизбѣжности роспуска Думы все болѣе и болѣе очевиднымъ. Собранія Совѣта Министровъ стали болѣе частыми, разсмотрѣніе проекта выборнаго закона сдѣлалось еще болѣе интенсивнымъ.

Именно къ этой порѣ, концу марта, относится небольшой, но весьма характерный эпизодъ, связанный съ именемъ покойнаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Извольскаго.

Всѣ мы давно уже знали, что каждый разъ, когда въ связи

съ тѣми или иными событіями, въ сужденіяхъ Совѣта затрагивался вопросъ о неизбѣжности роспуска Думы, Извольскій также неизбѣжно выскажетъ свои соображенія о нежелательности этого, по соображеніямъ нашей политики, и будетъ настаивать на томъ, что дѣловая работа Думы налаживается, и ея оппозиціонныя выступленія противъ правительства вовсе не такъ уже далеко отходятъ отъ обычной оппозиціи въ европейскихъ парламентахъ. Но тутъ случилось, что послѣ одного изъ засѣданій по запросамъ, Министръ Юстиціи Щегловитовъ опять указалъ въ Совѣтѣ Министровъ на невыносимое положеніе Министровъ въ Думѣ и, не ставя вопроса о роспускѣ, выразился только, что это мученіе кончится только съ роспускомъ, и до того не остается ничего иного какъ терпѣть и ждать. Велико было общее всѣхъ насъ удивленіе, когда Извольскій, безъ всякаго вызова съ чьей-либо стороны, сказалъ, что и онъ начинаетъ понимать всю необходимость роспуска и полагаетъ даже, что невыгодныя отъ того послѣдствія значительно преувеличиваются вообще, такъ какъ онъ только что получилъ сообщеніе отъ нашего посланника въ Португаліи, который подробно доноситъ ему о только что состоявшемся роспускѣ кортесовъ, который произошелъ безъ всякихъ осложненій, и не вызвалъ никакого броженія въ странѣ. Шванебахъ подхватилъ это заявленіе и, дѣлая серьезный видъ, сказалъ: «мы должны быть очень благодарны Александру Петровичу за то, что онъ облегчаетъ нашу трудную задачу, когда она предстанетъ передъ нами, и мы можемъ болѣе смѣло и спокойно принять наше рѣшеніе, такъ какъ примѣръ португальскихъ кортесовъ можетъ для насъ служить большимъ успокоеніемъ». Не знаю, понялъ ли Извольскій всю иронію этихъ словъ, но мы не разъ, говоря между собою объ этомъ вопросѣ, всегда ссылались въ шутку на португальскій примѣръ.

Послѣ 22-го марта я ни разу не былъ болѣе во второй Государственной Думѣ до самаго ея роспуска. Засѣданія ея продолжались, но они носили характеръ какого-то невѣроятнаго сумбура, настолько было ясно, что никакая продуктивная работа была немыслима, да она никого въ Думѣ и не интересовала, а все время уходило на безплодныя попытки правой фракціи бороться противъ явной демагогіи, не прикрываемаго стремленія дискредитировать правительство по всякому поводу — со стороны всѣхъ остальныхъ фракцій, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было, такъ какъ вся Дума представляла собою сплошное революціонное скопище, въ которомъ были вкраплены единицы правыхъ депутатовъ, отлично сознававшихъ всю свою беззащитность даже съ точки

зрѣнія руководства преніями со стороны предсѣдателя Думы Головина. Перечитывая и сейчасъ, много лѣтъ спустя, стенограммы засѣданій Думы, невольно спрашиваешь себя, какъ могла держаться Дума столько мѣсяцевъ, какимъ образомъ ея возмутительныя рѣчи не вызвали тогда открытыхъ революціонныхъ выступленій улицы, и какъ хватило силъ у представителей правительства вынести всѣ тѣ оскорбленія, которыя ежедневно сыпались на ихъ головы.

Текущая работа еще какъ-то тянулась нѣкоторое время, и въ ней участвовало и Министерство Финансовъ, второстепенные проекты котораго разсматривались въ концѣ апрѣля, и даже въ теченіе всего мая мѣсяца, не только въ Финансовой Комиссіи, но и въ Общемъ собраніи, создавая въ послѣднемъ, разумѣется, только поводы ко всевозможнымъ выступленіямъ противъ правительства, несмотря на то, что внесенныя имъ дѣла носили самый безобидный, дѣловой, характеръ и имѣли своимъ предметомъ такіе далекіе отъ какой-либо политической окраски вопросы, какъ напримѣръ, вопросъ о контингентѣ налога съ недвижимыхъ имуществъ и его раскладкѣ, объ обложеніи земель въ Туркестанскомъ краѣ и другія совершенно заурядныя дѣла, требовавшія, однако, неизбѣжно законодательнаго разсмотрѣнія. Почти всѣ эти дѣла касались компетенціи Департамента Окладныхъ сборовъ, во главѣ котораго стоялъ еще такъ недавно Н. Н. Кутлеръ, и по всѣмъ этимъ дѣламъ неизмѣннымъ докладчикомъ или главнымъ оппонентомъ правительству всегда выступалъ Кутлеръ, какъ будто искавшій реабилитаціи своей компетентности въ прямыхъ налогахъ, послѣ постигшей его неудачи по бюджету. И хотя его связывали прекрасныя личныя отношенія съ замѣнявшимъ меня по всѣмъ этимъ дѣламъ въ Думѣ, моимъ Товарищемъ Н. Н. Покровскимъ, недавнимъ его же сотрудникомъ, но всѣ его выступленія носили такой пристрастный, враждебный правительству характеръ, что нужно было величайшее терпѣніе Покровскаго и его природное отвращеніе отъ всякой рѣзкости, чтобы выслушивать всѣ расточаемыя рѣзкости, для которыхъ не было ни малѣйшаго основанія. Большинство этихъ дѣлъ, благодаря этому особенному методу работы, такъ и не дошло до окончательнаго разсмотрѣнія Думою и только немногія изъ нихъ дошли до Государственнаго Совѣта.

Послѣ 22-го марта, вскорѣ наступилъ короткій пасхальный перерывъ, а затѣмъ быстро Дума покатилась подъ гору къ ея неизбѣжному роспуску.

Можно сказать безъ преувеличенія, что послѣ того, что произошло въ Думѣ 17-го апрѣля, а затѣмъ въ засѣданіи 7-го мая, ея дни были уже сочтены, и наступила неизбѣжная агонія, тянувшаяся до 2-го іюня, когда въ поздній ночной часъ, Совѣтъ Министровъ получилъ, въ Елагинскомъ Дворцѣ, подписанный Государемъ указъ о ея роспускѣ и вмѣстѣ съ нимъ и Именной Указъ Сенату съ утвержденными въ исключительномъ порядкѣ, черезъ Совѣтъ Министровъ новыми правилами о выборахъ въ Думу третьяго созыва, вмѣсто правилъ 11-го декабря 1905 года, давшихъ такіе печальные результаты при двукратномъ созывѣ Думы на ихъ основаніи.

Характеристика этихъ двухъ засѣданій, опредѣлившихъ неизбѣжный роспускъ второй Думы, какъ-то мало остановила на себѣ вниманіе широкихъ слоевъ публики, и истинная причина роспуска осталась затемненною какъ предвзятымъ отношеніемъ оппозиціонной печати, такъ и безразличіемъ публики. Первая считала, что правительство безъ нужды противится введенію у насъ настоящаго конституціоннаго строя, чего только и добивается будто бы большинство народнаго представительства, вторая не входила вовсе въ разборъ того, что происходило въ Думѣ и что грозило несомнѣнною новою революціонною вспышкою. Она видѣла только, что Дума находится въ постоянномъ конфликтѣ съ правительствомъ, и отчасти даже недоумѣвала, почему оно такъ долго медлитъ роспускомъ. Эта часть общественнаго мнѣнія мало давала себѣ отчета въ томъ, что повторные роспуски Думы приводятъ неизбѣжно только къ усиленію неудовольствія въ странѣ, и что Столыпинъ немало боролся съ самимъ собою, прежде, нежели онъ рѣшился встать на путь пересмотра избирательнаго закона съ безспорнымъ нарушеніемъ закона о порядкѣ его пересмотра, и сдѣлалъ это исключительно во имя сохраненія идеи народнаго представительства, хотя бы цѣною такого явнаго отступленія отъ закона. И въ этомъ отношеніи положеніе правительства вообще, и въ особенности самого Столыпина, было по истинѣ трагическое. Лично онъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ не только народнаго представительства, но и идеи законности вообще. Все его окруженіе — я не говорю объ окруженіи чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, я его мало зналъ, — влекло его скорѣе къ тому, чтобы еще и еще терпѣть всѣ выходки Думы, и добиваться ея перехода къ нормальной работѣ. Онъ и самъ думалъ, отчасти подъ вліяніемъ своихъ саратовскихъ связей, а отчасти будучи и самъ нечуждъ либеральныхъ принциповъ, что можно сдѣлать многое перемѣною состава правитель-

17*

ства, и въ этихъ видахъ онъ открыто и добросовѣстно шелъ навстрѣчу переговорамъ съ общественными элементами о вступленіи ихъ въ составъ правительства. Но онъ видѣлъ, что у Государя не было къ этому настоящаго сочувствія, да и сами общественные дѣятели проявили слишкомъ много неискренности въ сношеніи съ нимъ, и вовсе не стремились открыто взять на себя тяжесть отвѣтственности и, ставя передъ нимъ, каждый, свои условія, въ сущности вовсе не желали оставлять поля оппозиціонерства, чтобы смѣнить его на мало заманчивую перспективу не справиться съ властью, хотя бы и цѣною широкихъ уступокъ требованіямъ момента. По существу своей натуры Столыпинъ, конечно, любилъ власть, стремился къ ней и не хотѣлъ выпускать ее изъ рукъ. Но это былъ безспорно человѣкъ благородный и честный, и ему было ясно, что на карту поставлено: или сохранить государственный порядокъ такъ, какъ онъ только что установленъ, или встать на наклонную плоскость уступокъ и дойти, можетъ быть, до разрушенія всего государственнаго строя. У него не было выбора и, сознавши эту двойственность, онъ всталъ открыто на путь рѣшительной попытки сохранить народное представительство и разорвать съ тѣми слоями оппозиціоннаго движенія, на которыхъ онъ лично былъ отчасти готовъ построить свой новый планъ. Если онъ и медлилъ принятіемъ этого шага, то только потому, что ему хотѣлось исчерпать всѣ средства, чтобы избѣгнуть конфликта съ законностью и рѣшиться на этотъ шагъ только тогда, когда сама Дума откажется помочь ему въ его стремленіи избѣгнуть новаго конфликта.

Государь смотрѣлъ на этотъ вопросъ проще. Онъ видѣлъ, что дѣло такъ дальше идти не можетъ. Ему говорили объ этомъ со всѣхъ сторонъ, не исключая и членовъ самого правительства. Онъ читалъ большинство возмутительныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ цѣломъ рядѣ засѣданій, а когда онѣ дошли до настоящаго апогея въ вечернемъ засѣданіи 17-го апрѣля и затронули честь и достоинство того, что было всего ближе Его сердцу — нашу армію, по адресу которой депутатъ Зурабовъ произнесъ совершенно недопустимыя сужденія, — у Него не могло быть иного отношенія, какъ недоумѣніе, куда же идти дальше и чего же еще ждать. Это Онъ и высказалъ открыто Столыпину, какъ говорилъ не разъ и мнѣ, и не встрѣтивши со стороны Столыпина какого-либо возраженія по существу, Государь не входилъ вовсе въ разсмотрѣніе детальнаго вопроса о необходимости соблюсти какую-то особенную осторожность при роспускѣ. Его взглядъ былъ до извѣстной степени примитивенъ, но ему нельзя

по справедливости, отказать въ большой логичности. Я хорошо помню, какъ на одномъ изъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ въ промежутокъ между 17-мъ апрѣля и 10-мъ мая, Государь прямо спросилъ меня, чѣмъ объясняю я, что Совѣтъ Министровъ все еще медлитъ представить Ему на утвержденіе указы о роспускѣ Думы и о пересмотрѣ избирательнаго закона, и когда я сталъ разъяснять Ему точку зрѣнія Совѣта о необходимости соблюсти всю допустимую осторожность и принять эту рѣшительную мѣру только въ томъ случаѣ, если Дума не порветъ своей солидарности съ соціалъ-демократическою фракціею и откажется дать разрѣшеніе на преданіе ея суду, — Государь сказалъ мнѣ совершенно просто: «неужели же думаетъ Совѣтъ Министровъ, что Дума такая, какою мы ее знаемъ, найдетъ большинство голосовъ для принятія такого рѣшенія», и когда я отвѣтилъ ему, что Совѣтъ, конечно, увѣренъ въ томъ, что этого не удастся достигнуть, но нужно сдѣлать такъ, чтобы отказъ послѣдовалъ со стороны Думы, и тогда каждому станетъ ясно, что правительству не оставалось ничего иного, какъ допустить крайнюю мѣру во имя спасенія не только своего достоинства, но и устраненія государственной катасрофы, — Государь сказалъ мнѣ на это: «все это прекрасно, но нужно принять необходимую мѣру раньше, чѣмъ она окажется послѣднимъ средствомъ, и, во всякомъ случаѣ, избѣгнуть нареканій намъ никогда не удастся, и слѣдуетъ идти не за тѣми, кто больше кричитъ о незаконности, а самъ готовитъ совершить быть можетъ самую бо̀льшую, а за тѣми, кто пока молчитъ и недоумѣваетъ, почему бездѣйствуетъ правительство и Я самъ».

Я передалъ въ тотъ же день слова Государя Столыпину. П. А. имѣлъ вслѣдъ затѣмъ разговоръ съ Государемъ и увѣрилъ его, что никакихъ колебаній ни съ его стороны, ни со стороны Совѣта Министровъ нѣтъ и не будетъ, что послѣ инцидентовъ въ засѣданіяхъ 7-го и 10-го мая, сношенія его съ Думою о выдачѣ соц.-демократической фракціи ведутся самымъ усиленнымъ темпомъ, что новый избирательный законъ готовъ въ томъ видѣ, какъ онъ уже извѣстенъ Государю, и онъ проситъ, поэтому, оказать ему довѣріе и не обвинять его въ слабости, а тѣмъ болѣе въ попустительствѣ Думѣ. Государь казался совершенно успокоившимся и ни разу болѣе не заговаривалъ со мною послѣ этого дня до самаго моего послѣдняго передъ роспускомъ Думы доклада, который пришелся на 1-ое іюня, то-есть, какъ разъ наканунѣ того историческаго засѣданія Совѣта Министровъ поздно вечеромъ въ субботу 2-го іюня на Елагиномъ островѣ, когда былъ по-

лученъ и указъ о роспускѣ Думы и указъ о новомъ избирательномъ законѣ. Объ этомъ засѣданіи я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Повторяю, что лично я считаю, что роспускъ второй Думы былъ окончательно и безповоротно рѣшенъ еще 18-то апрѣля послѣ закрытаго засѣданія Думы наканунѣ по законопроекту о контингентѣ новобранцевъ набора 1907 года. Все то, что произошло затѣмъ 7-го мая, и въ рядѣ послѣдующихъ засѣданій, было только лишними каплями окончательно переполнившими накопившійся сосудъ долготерпѣнія какъ правительства, такъ и самого Государя.

Вотъ что произошло въ закрытомъ засѣданіи 17-то апрѣля.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ внесло въ Государственную Думу законопроектъ объ опредѣленіи контингента новобранцевъ, подлежащихъ призыву осенью того же года, на пополненіе арміи и флота. Въ засѣданіе Думы прибыли представители всѣхъ трехъ вѣдомствъ — Военнаго, Морского, Внутреннихъ Дѣлъ, съ многочисленнымъ составомъ своихъ сотрудниковъ, на случай какихъ-либо справокъ и разъясненій. Столыпинъ не поѣхалъ лично въ засѣданіе, чтобы не давать повода говорить, что правительство придаетъ дѣлу особое значеніе, хотя изъ доходившихъ до свѣдѣнія Совѣта Министровъ, изъ такъ называемыхъ кулуарныхъ источниковъ, слуховъ нужно было думать, что засѣданіе не пройдетъ гладко, и ожидаются многочисленныя оппозиціонныя выступленія. Столыпинъ говорилъ на это совершенно естественно, что иного ничего нельзя и ожидать, но если ему и всему правительству въ предвидѣніи всякихъ выступленій нужно являться въ Думу въ полномъ своемъ составѣ, то ему предстоитъ просто не выходить вовсе изъ Думы и прекратить всякую дѣятельность по управленію и отдаться исключительно одной Думской, совершенно безплодной работѣ.

Предсѣдательствовалъ лично Предсѣдатель Думы Головинъ. Пренія сразу приняли приподнятый и страстный характеръ. Застрѣльщиками явились кадетскіе депутаты, развивая въ ихъ рѣчахъ обычныя общія мѣста о тяжести воинской повинности для населенія, объ устарѣлости самыхъ основаній отбыванія ея, о наступленіи для Россіи поры мирнаго строительства, допускающаго полную возможность пересмотрѣть эти основанія и начать сокращеніе состава арміи, а пока этого не сдѣлано, нельзя говорить о контингентѣ и продолжать привлекать населеніе къ этой повинности. Послѣ нихъ стали говорить трудовики, постепенно повышая тонъ своихъ рѣчей и обостряя аргументы о тяжести воинской повинности, которая просто разоряетъ страну, отвлекая отъ

производительнаго труда цвѣтъ населенія и развращая его въ казармахъ въ угоду неизвѣстно какимъ именно государственнымъ потребностямъ, но, во всякомъ случаѣ, не отвѣчающимъ интересамъ русскаго народа и т. д.

Представители правительства, по очереди, просили слова, разъясняя въ самой сдержанной формѣ неправильность выслушанныхъ возраженій и невозможность построить на нихъ какуюлибо организацію обороны страны. Они приводили какія предположенія имѣются вообще въ виду для облегченія населенія, а главное, представляли совершенно убѣдительные доводы о томъ, насколько населеніе Россіи менѣе затрогивается воинскою повинностью нежели населеніе большинства странъ, знающихъ институтъ общей воинской повинности.

Сдержанность тона этихъ объясненій вызывала совершенно приличныя одобрительныя замѣчанія съ мѣста депутатовъ правой фракціи, поддерживавшихъ всегда правительство, но съ лѣва и изъ центра стали все болѣе и болѣе рѣзко раздаваться голоса иного характера, которые постепенно переходили въ перебранку и прямыя оскорбленія представителей власти. Предсѣдатель никого не останавливалъ, несмотря на то, что съ права его просили не допускать выходокъ неприличнаго свойства. Очередь дошла до кавказскаго депутата Зурабова, уже и ранѣе составившаго себѣ прочную извѣстность его демагогическими выступленіями по цѣлому ряду запросовъ и даже однажды, послѣ объясненій Столыпина, дававшаго разъясненіе по одному изъ нихъ и собиравшагося, послѣ своего объясненія, покинуть собраніе, какъ часто дѣлали всѣ мы, исполнивши свою обязанность, выкрикнувшаго по адресу Столыпина знаменитую фразу, произнесенную съ свойственнымъ ему рѣзкимъ восточнымъ акцентомъ: «Гаспадинъ Министръ, пажалуйства, пагади, не уходи, я тебя еще ругать буду». Зурабовъ сразу придалъ своей рѣчи небывалый даже для второй Думы тонъ и построилъ ее на сплошныхъ оскорбленіяхъ арміи, уснащая свою рѣчь чуть что не площадною руганью и возводя на правительство не поддающіяся повторенію обвиненія въ развращеніи арміи, въ приготовленіи ея исключительно къ истребленію мирнаго населенія и закончилъ прямымъ призывомъ къ вооруженному возстанію, въ которомъ понявшіе, наконецъ, гнусную роль правительства войска сольются съ раззореннымъ населеніемъ и свергнутъ ненавистное правительство, въ своемъ слѣпомъ заблужденіи не видящее, что войска давно только ждутъ минуты свести свои счеты не съ внѣшнимъ, а съ внутреннимъ врагомъ. Зурабовъ закончилъ подъ громъ руко-

плесканій призывомъ къ отклоненію законопроекта и къ отказу довѣрія правительству, ведущему политику ненависти къ населенію. Говорить о томъ, что происходило во время этой рѣчи въ самой Думѣ, какіе крики негодованія раздавались съ немногочисленныхъ правыхъ скамей, чѣмъ отвѣчали на эти крики единомышленники Зурабова, а ихъ было подавляющее большинство, какимъ возмущеніемъ охвачены были присутствующіе за безразличіе Предсѣдателя, не остановившаго оратора и даже послѣ требованія объ этомъ съ правыхъ скамей, сдѣлавшаго это какъ-то нехотя въ самой деликатной по отношенію къ Зурабову формѣ, несмотря на то, что въ его рѣчи были прямыя оскорбленія по адресу Государя, — повторять все это теперь безцѣльно. Военный Министръ Генералъ Редигеръ вышелъ на трибуну и въ короткой, но самой рѣзкой репликѣ отмѣтилъ всю недопустимость этого выступленія и заявивши о томъ, что онъ считаетъ ниже достоинства правительства отвѣчать на подобную рѣчь, — покинулъ засѣданіе.

Вѣсть о происшедшемъ разнеслась немедленно по городу, хотя засѣданіе было закрытое и публики въ немъ не было. Въ широкихъ кругахъ стало громко раздаваться убѣжденіе въ томъ, что роспускъ сталъ неизбѣженъ. Того же мнѣнія держался и Совѣтъ Министровъ, когда на другой день мы всѣ были собраны Столыпинымъ въ экстренное засѣданіе. Такое же мнѣніе высказалъ и самъ Столыпинъ, но находилъ только невозможнымъ произвести роспускъ Думы безъ того, чтобы одновременно былъ назначенъ созывъ новой и были опубликованы утвержденныя въ порядкѣ Верховнаго управленія, указомъ Государя, новыя правила о производствѣ выборовъ. Разработка этихъ правилъ, однако, еще не была окончена, и у самого Государя оставались нѣкоторыя сомнѣнія по отдѣльнымъ частностямъ, требовавшія еще работы нѣсколькихъ недѣль. Каковы были объясненія Государя съ Столыпинымъ, — происходившія на другой день, — я не знаю, но помню только, что въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, — а собирались мы въ ту пору очень часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, — Столыпинъ сказалъ намъ, что Государь раздѣлилъ его точку зрѣнія и настаиваетъ лишь на томъ, чтобы избирательный законъ былъ представленъ Ему на разсмотрѣніе въ окончательномъ видѣ какъ можно скорѣе, потому, что необходимость роспуска Думы не допускаетъ въ Немъ больше никакихъ сомнѣній.

Мой докладъ у Государя пришелся на пятницу 17-го апрѣля, въ день закрытаго засѣданія Думы, и Государь сказалъ мнѣ

только, что онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій, какъ оно кончится, хотя Онъ не допускаетъ мысли о томъ, что Дума рискнетъ отказать въ утвержденіи контингента новобранцевъ. Такимъ образомъ, я не видѣлъ Государя послѣ этого историческаго засѣданія цѣлую недѣлю. Въ четвергъ, 23-го, въ день именинъ Императрицы, выходъ во дворцѣ былъ немноголюдный и никакихъ особыхъ разговоровъ на эту тему вообще не было, но за то на другой день, 24-го, на моемъ очередномъ докладѣ, Государь прямо встрѣтилъ меня словами: «Я до сихъ поръ не могу опомниться отъ всего то, что мнѣ передано о засѣданіи Думы прошлой пятницы. Куда же дальше идти и чего еще ждать, если недостаточно того, чтобы открыто призывалось населеніе къ бунту, позорилась армія, смѣшивалось съ грязью имя Моихъ предковъ, — и нужны ли еще какія-либо доказательства того, что никакая власть не смѣетъ молчаливо сносить подобныя безобразія, если она не желаетъ, чтобы ее самое смылъ вихрь революціи. Я понимаю Столыпина, который настаиваетъ на томъ, чтобы одновременно съ роспускомъ былъ обнародованъ новый выборный законъ, и готовъ еще выждать нѣсколько дней, но Я сказалъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, что считаю вопросъ о роспускѣ окончательно рѣшеннымъ, болѣе къ нему возвращаться не буду и очень надѣюсь на то, что Меня не заставятъ ждать дольше того, что необходимо для окончанія разработки закона, который, по Моему мнѣнію, тянется слишкомъ долго».

Я отвѣтилъ на это только, что Совѣтъ не имѣетъ и въ своей средѣ никакихъ колебаній, но пытался оправдать кажущуюся медленность разработки выборнаго закона его техническою трудностью и необходимостью предусмотрѣть все, чтобы не допустить повторенія неудачныхъ опытовъ избирательнаго закона 11-го декабря 1905 года.

Прошло однако еще цѣлыхъ пять недѣль прежде, чѣмъ роспускъ Думы сталъ фактомъ, и тѣмъ временемъ произошло еще одно засѣданіе Думы, которое усугубило необходимость роспуска, хотя мнѣ лично казалось, что правительству было выгоднѣе распустить Думу на почвѣ недопустимыхъ ея дѣйствій 17-го апрѣля, нежели ждать еще осложненія, которое произошло на почвѣ инцидента, разыгравшагося въ засѣданіи 7-го мая. Я говорилъ въ этомъ смыслѣ въ Совѣтѣ Министровъ тотчасъ послѣ засѣданія 17-го апрѣля, многіе члены Совѣта были одного со мною мнѣнія,— но окончательная отдѣлка избирательнаго закона все еще тянулась, несмотря на величайшую энергію и искусство, проявленныя Крыжановскимъ, и приходилось поневолѣ ждать, укрѣпляя тѣмъ

самымъ убѣжденіе Думы въ томъ, что ее не распустятъ, и она и дальше можетъ безнаказанно продолжать ея разрушительную работу.

Подошло 7-ое мая. Накануне, 6-го мая, въ день рожденія Государя, былъ выходъ въ Царскомъ Селѣ, къ которому былъ приглашенъ и предсѣдатель Думы Головинъ, державшійся совершенно обособленно отъ всѣхъ и не разговаривавшій ни съ кѣмъ изъ Министровъ, несмотря на то, что многихъ изъ насъ онъ уже зналъ по нашимъ посѣщеніямъ Думы. Среди Министровъ и придворныхъ было, однако, немало разговоровъ по поводу завтрашняго засѣданія Думы, такъ какъ газеты оповѣстили, что въ немъ будетъ предъявленъ запросъ правительству по поводу обнаруженныхъ будто бы покушеній на жизнь Государя, и насъ спрашивали даже, правда ли, что этотъ запросъ былъ такъ сказать спровоцированъ самимъ правительствомъ и чѣмъ это вызвано? Меня спросилъ объ этомъ между прочимъ Оберъ-Гофмаршалъ гр. Бенкендорфъ, которому я совершенно добросовѣстно отвѣтилъ, что не допускаю и мысли о томъ, чтобы запросъ былъ вызванъ самимъ правительствомъ, которое въ немъ и не нуждается, но что всѣ мы знаемъ, что такой запросъ будетъ сдѣланъ, что онъ дастъ мѣсто патріотическимъ выступленіямъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ Думы, что предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ качествѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, рѣшилъ быть лично на засѣданіи, чтобы немедленно дать объясненіе и снять настроеніе тревоги, естественно господствующее среди опредѣленной части Думы, но остальные Министры, вѣроятно, кромѣ одного, Министра Юстиціи, не будутъ присутствовать на засѣданіи. Гр. Бенкендорфъ спросилъ меня, можетъ ли онъ передать Государю содержаніе его бесѣды со мною, на что я, конечно, отвѣтилъ, что предоставляю ему полную свободу располагать моимъ сообщеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно повторяетъ лишь то, что было недавно рѣшено въ Совѣтѣ Министровъ.

И дѣйствительно, когда по городу стали, какъ всегда, съ большимъ опозданіемъ, ходить слухи о томъ, что раскрытъ новый революціонный очагъ, готовящій рядъ террористическихъ дѣйствій, Совѣтъ Министровъ разъяснилъ, что правительству это было извѣстно еще въ половинѣ апрѣля, и что слухи эти относятся еще къ событіямъ, ставшимъ извѣстнымъ и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и прокуратурѣ въ самомъ началѣ года и ликвидированнымъ уже въ концѣ марта арестомъ всѣхъ обнаруженныхъ участниковъ. Столыпинъ сообщилъ намъ всѣ существенныя подробности и не имѣлъ вовсе въ виду дѣлать ихъ пред-

метомъ широкой гласности, но, какъ водится, онѣ просочились въ публику, дошли и до Думы, и отъ имени правой ея фракціи покойный Гр. Бобринскій посѣтилъ Столыпина и предупредилъ его, что фракція готовитъ сдѣлать ему запросъ, имѣя, между прочимъ, въ виду сдѣлать изъ него затѣмъ предметъ патріотическаго выступленія въ Думѣ. У Столыпина не было ни права, ни желанія мѣшать имъ въ этомъ и за нѣсколько дней до 7-го мая ему, кѣмъ намъ стало извѣстно, что такой запросъ будетъ заявленъ именно въ понедѣльникъ, 7-го мая, и, вѣроятно, будетъ тутъ же заслушанъ Думою, если только правительство не воспользуется предоставленнымъ ему по закону мѣсячнымъ срокомъ для дачи своего разъясненія. Столыпинъ обѣщалъ не требовать мѣсячнаго срока, но предварилъ Бобринскаго, что оговоритъ въ своихъ объясненіяхъ, что поднятый ими вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ Дума можетъ дѣлать запросы правительству, и онъ дастъ свое объясненіе только потому, что понимаетъ напряженное состояніе членовъ Думы, желающихъ знать открыто, насколько ихъ тревога справедлива.

Такъ оно и вышло, и даже газеты за день или за два до 7-го мая открыто заявили, что такой запросъ будетъ оглашенъ именно 7-го числа и послужитъ вѣроятно предметомъ объясненія правительства въ тотъ же день.

Хоры Думы въ этотъ день были полны до отказа. Депутаты собрались въ большомъ количествѣ, но когда открылось засѣданіе, всеобщее вниманіе было привлечено тѣмъ, что не только крайнія лѣвыя скамьи были совершенно пусты, но и во всемъ лѣвомъ секторѣ было очень много пустыхъ мѣстъ, а съ началомъ засѣданія и еще многіе депутаты изъ трудовиковъ какъ будто незамѣтно вышли. Демонстративно отсутствовала приблизительно четвертая часть Думы.

Засѣданіе началось буквально такъ, какъ сообщили газеты, очевидно получившія информацію изъ офиціальныхъ думскихъ источниковъ. Головинъ огласилъ поступившее за подписью 30-ти членовъ правой фракціи заявленіе съ просьбою обратиться къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ за разъясненіемъ степени справедливости дошедшихъ до свѣдѣнія подписавшихъ запросъ слуховъ о томъ, что на особу Государя Императора готовилось покушеніе преступною организаціею, спеціально для того, образовавшеюся, причемъ преступленіе это могло быть предотвращено только благодаря вниманію органовъ полиціи и уголовнаго розыска. Поддержать этотъ запросъ подписавшіе его уполномочили Гр. Бобринскаго, который и вышелъ на трибуну и въ сдер-

жанной формѣ, не допуская никакого преувеличенія, кратко развилъ причину запроса, вызваннаго исключительно тревогою охватившею всѣхъ, кому дорога Россія и неразрывно связанная съ ея благополучіемъ священная особа Государя. Онъ просилъ признать запросъ спѣшнымъ и обратиться къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, подѣлиться съ Государственною Думою имѣющимися въ его распоряженіи свѣдѣніями и не ставить своего отвѣта въ зависимость отъ соблюденія формальнаго срока, которому подчинено право Думы на полученіе разъясненій правительствомъ по внесенному запросу.

Столыпинъ поступилъ именно такъ, какъ было обусловлено въ Совѣтѣ. Оговорившись, что внесенный запросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые Дума уполномочена дѣлать правительству, такъ какъ онъ не предусматриваетъ какого-либо злоупотребленія власти или совершеннаго послѣднею нарушенія закона, — онъ заявилъ, что правительство вполнѣ понимаетъ то настроеніе тревоги, которое должно было охватить русскихъ людей при извѣстіи о готовившемся покушеніи на особу Государя, и готовъ поэтому дать отвѣтъ не въ порядкѣ запроса о незакономѣрности дѣйствій власти, а исключительно для успокоенія общественнаго настроенія въ связи съ проникшими слухами. По существу же обращеннаго къ нему вопроса, онъ отвѣтилъ кратко, что свѣдѣнія, проникшія въ печать относятся къ обнаруженному еще въ январѣ мѣсяцѣ сообществу, образовавшемуся съ цѣлью совершенія цѣлаго ряда преступныхъ посягательствъ какъ на Особу Государя Императора, такъ на Великаго Князя Николая Николаевича и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Преступныя намѣренія сообщества были, однако, своевременно предупреждены, и почти весь составъ участниковъ арестованъ.

Объясненія Столыпина встрѣтили громкое одобреніе членовъ Думы правыхъ скамей, оппозиція молчала, такъ какъ главныя ея силы отсутствовали, и съ тѣхъ же правыхъ скамей тутъ же были предложены формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, осуждавшія готовившіяся посягательства, и одна изъ нихъ была принята безъ возраженій. Какъ только баллотировка перехода была окончена, немедленно всѣ отсутствовавшіе изъ засѣданія члены оппозиціи гурьбою демонстративно вернулись въ залу и, по словамъ очевидцевъ, посматривая съ вызывающимъ задоромъ на правыя скамьи, заняли свои мѣста.

Не прошло и получаса послѣ этого, какъ въ числѣ оглашенныхъ въ качествѣ вновь поступившихъ запросовъ правительству оказалось то дѣло, которое и послужило официальнымъ пово-

домъ къ роспуску Думы второго созыва черезъ три недѣли, а именно 3-го іюня 1907 года.

За подписью 31-го члена Государственной Думы поступили одновременно два запроса, относящіеся къ одному и тому же эпизоду, — извѣстному дѣлу такъ называемой соціалъ-демократической фракціи Думы и заключающемуся въ томъ, что за два дня передъ тѣмъ, именно 3-го мая, на Невскомъ проспектѣ, въ квартирѣ депутата Озола произведенъ былъ обыскъ чинами охраннаго отдѣленія и полиціи, а затѣмъ и слѣдственною властью, въ связи съ дошедшими до полиціи свѣдѣніями, что на этой квартирѣ собираются участники особой организаціи, имѣвшей характеръ спеціально военно-революціонной организаціи, поставившей себѣ цѣлью пропаганду въ войскахъ и подготовку военнаго бунта. Въ квартирѣ оказалось нѣсколько членовъ Думы, которые были задержаны до окончанія обыска, имъ было предложено выдать имѣвшіеся при нихъ документы, что нѣкоторые изъ нихъ и исполнили, другіе же отказались исполнить. Никто изъ депутатовъ задержанъ не былъ, какъ только было установлено ихъ депутатское званіе, но постороннія лица были арестованы и заключены подъ стражу.

Подписавшіе запросъ правительству, въ лицѣ Министра Юстиціи, члены Думы считали дѣйствія полиціи не законными, назвали самое проникновеніе въ квартиру депутата «преступнымъ вторженіемъ въ помѣщеніе, имѣвшее свойства неприкосновенности» и требовали спѣшнаго разсмотрѣнія по существу, безъ передачи его въ комиссію и безъ соблюденія законнаго срока для слушанія запросовъ.

Присутствовавшій въ засѣданіи Столыпинъ попросилъ немедленно слова и оговорившись, что онъ не будетъ давать отвѣта по существу, такъ какъ для этого не наступило еще время, поднялъ, однако, брошенную перчатку и, въ качествѣ предварительнаго своего разъясненія, заявилъ, что беретъ подъ свою защиту дѣйствія полиціи, считаетъ ихъ совершенно законными уже потому одному, что Петербургъ находится въ положеніи усиленной охраны, которое даетъ ей права обыска, при наличіи имѣющихся указаній на готовящееся преступленіе, а въ данномъ случаѣ имѣются неопровержимыя свѣдѣнія о существованіи военно-революціонной организаціи, и не его вина, что въ ней участвуютъ члены Государственной Думы, — рѣшительно и съ большимъ мужествомъ заявилъ, что и впередъ будетъ отстаивать законность такихъ дѣйствій полиціи, потому что для него выше необходи-

мости охраны депутатской неприкосновенности — охрана государственной безопасности.

Этимъ своимъ заявленіемъ Столыпинъ безповоротно сталъ на путь неизбѣжности роспуска Думы и этимъ днемъ оффиціально предрѣшился самый роспускъ. Все, что произошло далѣе, было только агоніей Думы и формальною затяжкой акта роспуска, для исполненія еще одной, конечно, совершенно неисполнимой формальности — полученія согласія Думы на снятіе депутатской неприкосновености съ членовъ Думы, входившихъ въ составъ соціалъ-демократической фракціи. На эту мучительную операцію ушло почти три недѣли и только вечеромъ, или точнѣе ночью, съ субботы на воскресенье 3-го іюня послѣдовалъ оффиціальный отказъ Думы, а за нимъ — роспускъ Думы, изданіе въ исключительномъ порядкѣ новаго избирательнаго закона, арестъ большинства членовъ Думы этой фракціи, побѣгъ остальныхъ, въ томъ числѣ и самого Озола, безспорной главы фракціи въ этомъ дѣлѣ, а черезъ 10 лѣтъ, уже въ концѣ 1917 года появленіе весьма многихъ изъ этихъ лицъ уже въ качествѣ видныхъ большевиковъ на разныхъ поприщахъ ихъ славной дѣятельности на пользу гибели Россіи.

Я не пишу подробной исторіи этого процесса, для чего у меня и нѣтъ подъ рукою достаточныхъ матеріаловъ. Къ тому же онъ и не входитъ въ составъ того, чему посвящаются мои записки — моей личной дѣятельности и тому участію въ событіяхъ моего времени, которое принадлежало мнѣ.

Уже много лѣтъ спустя мнѣ пришлось принять нѣкоторое участіе въ ликвидаціи одного изъ эпизодовъ этого дѣла, а именно, въ бытность мою предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, въ 1913 году, о чемъ я и разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Пока же скажу только, что послѣ засѣданія 7-го мая всѣмъ стало до очевидности ясно, что вопросъ роспуска есть только вопросъ немногихъ дней, и вся дѣятельность Думы свелась для нея къ двумъ задачамъ — наговорить какъ можно больше непріятностей правительству и проявить наибольшую демагогію, зная заранѣе, что дни Думы сочтены и, съ другой стороны, тянуть переговоры съ правительствомъ по вопросу о снятіи неприкосновенности съ 50-ти депутатовъ соціалъ-демократической фракціи какъ можно дольше, чтобы возбудить страну и дороже сдать Думу при ея роспускѣ.

Послѣ 7-го мая Столыпинъ еще только одинъ разъ появился въ Думѣ въ связи съ ея дебатами по внесенному ея собственному проекту земельной реформы, построенному на принципѣ

принудительнаго отчужденія земель. Пытаясь образумить Думу и склонить ее встать на сторону правительственнаго проекта, осуществленнаго по закону 7-го ноября 1906 года, самъ онъ и всѣ мы отлично сознавали, что такая попытка обречена на несомнѣнный провалъ, Столыпину удалось только произнести очень красивую рѣчь въ этомъ послѣднемъ, съ его участіемъ, засѣданіи второй Думы и въ этой рѣчи сказать историческія слова: «Вамъ нужны великія потрясенія. Намъ же нужна великая Россія». Эти слова перешли на его памятникъ, открытый при моемъ и всего состава Совѣта Министровъ участіи 1-го сентября 1912 года въ Кіевѣ, спустя годъ послѣ его смертельнаго раненія, но онъ уничтоженъ въ 1917 году большевиками въ Кіевѣ, и забылись эти слова такъ же, какъ забылось многое изъ того, что потеряли мы съ того времени.

Послѣ 7-го мая вся наша дѣятельность просто отошла отъ Думы и перешла въ Совѣтъ Министровъ, который къ тому времени закончилъ избирательный законъ и представилъ его Государю на разсмотрѣніе. На всѣхъ насъ надвинулась иная, столь же острая, забота, которой намъ пришлось отдать много времени, — забота о подготовкѣ дѣла о преданіи суду всей преступной организаціи, обнаруженной послѣ обыска въ квартирѣ депутата Озола, 5-го мая.

Придавая этому дѣлу значеніе того окончательнаго основанія, которымъ должно было опредѣлиться либо продолженіе существованія второй Думы, либо ея роспускъ въ случаѣ отказа снять депутатскую неприкосновенность съ участниковъ обнаруженной организаціи, — Столыпинъ велъ всю разработку обвиненія, съ цѣлью предъявленія его Думѣ, при самомъ близкомъ участіи всего Совѣта. По нѣскольку разъ на недѣлѣ собирались мы сначала въ Зимнемъ дворцѣ въ помѣщеніи, занимаемомъ Столыпинымъ, а затѣмъ, по переѣздѣ его на дачу, въ Елагиномъ дворцѣ, и всѣ частности обнаруженнаго дознаніемъ и слѣдствіемъ матеріала по обвиненію, въ связи съ дѣломъ Озола, каждый разъ докладывались Совѣту лично прокуроромъ петербургской судебной Палаты Камышанскимъ, представлявшимъ, по наиболѣе интереснымъ частямъ слѣдствія необходимые подтвердительные документы. Такимъ образомъ, дѣло это было въ полномъ смыслѣ слова дѣломъ всего Совѣта Министровъ, а вовсе не личнымъ дѣломъ Столыпина и Щегловитова, какъ думали и говорили въ то время многіе, и отвѣтственность за принятіе рѣшенія о преданіи суду обнаруженныхъ участниковъ преступной

группы лежитъ на всемъ составѣ Совѣта Министровъ того времени.

Я хорошо помню, что всѣ главныя основанія къ обвиненію были сведены къ 21-му пункту, а вовсе не къ тому единственному пункту — составленія наказа военной организаціи — который былъ отобранъ на квартирѣ Озола 5-го мая у секретаря организаціи Маріи Шорниковой, оказавшейся, какъ стало извѣстнымъ Совѣт уже потомъ, шесть лѣтъ спустя, агентомъ Департамента Полиціи. — Эта доказывала впослѣдствіи вся революціонная печать для того, чтобы пустить въ ходъ утвержденіе, что все дѣло было просто спровоцировано правительствомъ съ цѣлью найти поводъ къ предъявленію Думѣ требованія снять депутатскую неприкосновенность съ ея членовъ, не совершившихъ никакого преступленія. Требованіе это, разумѣется, не могло быть выполнено Думою и, такимъ образомъ, роспускъ Думы состоялся, по ея словамъ, не потому, что Дума отнеслась покровительственно къ своимъ членамъ, участвовавшимъ въ составленіи преступнаго сообщества, а потому только, что все дѣло было выдумано правительствомъ, для оправданія ничѣмъ не вызваннаго роспуска.

На самомъ дѣлѣ, въ ту пору никто изъ насъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что секретарь военно-революціонной организаціи, — Шорникова, — была агентомъ Департамента Полиціи, Полиціи тщательно скрылъ и отъ него это обстоятельство. Во — и увѣренъ, что и Столыпинъ не зналъ этого, Департаментъ всякомъ случаѣ, — повторяю — этотъ эпизодъ не имѣлъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ, и преступный характеръ организаціи и преслѣдуемыя ею цѣли, также какъ и участіе въ ней членовъ Думы устанавливались цѣлымъ рядомъ другихъ доказательствъ, болѣе чѣмъ достаточныхъ для того, чтобы направить дѣло въ судъ и предъявить Думѣ требованіе о снятіи депутатской неприкосновенности. Шесть лѣтъ спустя все это подтвердилось съ полною наглядностью. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Среди приготовительныхъ мѣръ къ возбужденію дѣла выяснилось между прочимъ, что какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Полиціи, такъ и Министерство Юстиціи встрѣтились съ большимъ затрудненіемъ, какимъ путемъ можно было бы напечатать весь слѣдственный матеріалъ, въ формѣ готоваго обвинительнаго акта, подлежащаго предъявленію Государственной Думѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы до минуты предъявленія его Думы, или даже до внесенія дѣла въ уголовный судъ, рѣшеніе правительства оставалось бы неизвѣстнымъ, и заинтере-

сованныя лица не могли скрыться отъ слѣдствія и суда. Министръ Юстиціи Щегловитовъ открыто заявилъ Совѣту, что не имѣетъ права довѣрять Сенатской типографіи, составъ наборщиковъ которой недостаточно надеженъ. То же самое сказалъ и Столыпинъ по отношенію къ типографіи Правительственнаго Вѣстника. Такое же мнѣніе выразилъ Государственный Секретарь, по отношенію къ Государственной типографіи, откуда незадолго передъ тѣмъ проникли въ оппозиціонные круги Думы печатные матеріалы, не подлежавшіе разглашенію.

Я предложилъ тогда отложить рѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня и дать мнѣ возможность переговорить съ Командиромъ Корпуса Пограничной Стражи, въ управленіи котораго имѣлась хорошо оборудованная типографія, не разъ исполнявшая для меня разныя печатныя работы, не допускавшія огласки, и всегда достигавшая этой цѣли. Мое предложеніе было принято. На другой же день, я получилъ завѣреніе, что обязательство выполнить заказъ съ соблюденіемъ полной секретности можетъ быть принято, и на самомъ дѣлѣ оно было выполнено самымъ безукоризненнымъ образомъ; слѣдственный матеріалъ и проектъ обвинительнаго акта былъ отпечатанъ замѣчательно быстро и никакія сыскныя силы революціонныхъ организацій такъ не дознались и потомъ, гдѣ и кѣмъ было совершено напечатаніе, и не разъ выражали свое недоумѣніе, какимъ образомъ такой важный для всего революціоннаго движенія документъ не попалъ въ ихъ руки, когда къ ихъ услугамъ всегда были печатные матеріалы, въ какихъ бы правительственныхъ типографіяхъ они ни печатались.

Параллельно съ разработкою слѣдственнаго матеріала шли переговоры Столыпина съ Предсѣдателемъ Думы, а этого послѣднято съ совѣтомъ старшинъ и главами партій, кромѣ соціалъ-демократической, — о снятіи неприкосновенности съ членовъ этой партіи. Совѣтъ былъ постоянно освѣдомленъ о ходѣ переговоровъ, и всѣмъ намъ было ясно, что ничего изъ нихъ не выйдетъ и только напрасно тратится время на то, чтобы добиться толка, когда сочувствовала стремленію правительства въ сущности одна правая фракція, не имѣвшая никакого значенія въ Думѣ, а предсѣдатель Думы не имѣлъ въ ней никакого вліянія и, если бы и имѣлъ его, то никогда не употребилъ бы его на пользу исполненія желанія правительства, принадлежа всѣми своими симпатіями къ лѣвому кадетскому крылу и всегда угождая однимъ лѣвымъ требованіямъ.

Столыпинъ назначилъ послѣднимъ срокомъ для полученія отвѣта Думы вечеръ субботы 2-го іюня и созвалъ Совѣтъ Мини-

стровъ на засѣданіе въ Елагинъ Дворецъ къ 9-ти часамъ, безъ присутствія Канцеляріи.

Не успѣли мы собраться, не успѣлъ Столыпинъ передать намъ послѣднія свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, выражая свое убѣжденіе, что изъ нихъ ничего не выйдетъ, какъ его вызвалъ курьеръ, сказавши, что пріѣхали три члена Государственной Думы, — кто именно я не зналъ, да и никто изъ насъ этимъ и не интересовался, будучи убѣжденъ въ томъ, что они привезли отрицательный отвѣтъ.

Долго, безконечно долго, отсутствовалъ Столыпинъ. Мы всѣ ждали его съ напряженнымъ вниманіемъ и по мѣрѣ того, что время тянулось и подошло уже почти къ полуночи, у насъ начало складываться убѣжденіе, что переговоры принимаютъ благопріятный характеръ и договаривающіяся стороны обсуждаютъ вѣроятно условія соглашенія. Въ нашей средѣ пошли даже толки о томъ, какъ выйдетъ правительство изъ этого положенія, если соглашеніе будетъ достигнуто на этомъ вопросѣ, когда у Государя давно сложилось убѣжденіе въ невозможности совмѣстной работы съ этимъ составомъ Думы. Только въ половинѣ перваго ночи вернулся къ намъ Столыпинъ и сказалъ, что «ничего съ этими господами не подѣлаешь». «Они и сами видятъ, что правительство право, что оно уступить не можетъ, что съ такимъ настроеніемъ большинства Думы все равно нѣтъ возможности работать, да никто этого и не хочетъ, а взять на себя рѣшеніе тоже никто не желаетъ. Мы разстались на томъ, что я сказалъ имъ, пусть на себя и пѣняютъ, а намъ отступать нельзя и мы исполнимъ нашъ долгъ. Меня пугаютъ — прибавилъ онъ — возстаніемъ и грандіозными безпорядками, но я заявилъ имъ, что ничего этого не будетъ и думаю, что они и сами того же мнѣнія».

Оставалось узнать, когда же именно произойдетъ роспускъ и какія распоряженія по этому поводу будутъ сдѣланы. Я не зналъ, что указъ о роспускѣ и новый избирательный законъ уже посланы къ Государю въ Петергофъ рано утромъ съ особымъ курьеромъ, и полагалъ, что эти акты нужно только теперь представить туда, доложивши о томъ, что отказъ Думы послѣдовалъ. При представленіи ихъ Государю Столыпинъ въ особомъ докладѣ довелъ до свѣдѣнія Государя, — что онъ не надѣется на успѣшность переговоровъ и проситъ подписать Указы съ тѣмъ, чтобы они не были объявлены въ томъ случаѣ, если Дума подчинится требованію правительства и сниметъ депутатскую неприкосновенность.

Столыпинъ недоумѣвалъ даже почему указовъ такъ долго нѣтъ обратно, такъ какъ они уже давно въ рукахъ Государя. Только въ началѣ второго часа утра изъ Петергофа прибылъ пакетъ отъ Государя съ подписанными бумагами и съ письмомъ собственноручнымъ отъ Него. Я снялъ тутъ же, съ разрѣшенія Столыпина, копію съ письма и очень сожалѣю, что она пропала вмѣстѣ съ большинствомъ моихъ бумагъ, но хорошо помню, почти дословно, его текстъ. Онъ былъ приблизительно слѣдующій: «наконецъ я имѣю Ваше окончательное рѣшеніе. Давно была пора покончить съ этою Думою. Не понимаю какъ можно было терпѣть столько времени и, не получая отъ Васъ къ моему подписанію указовъ, я начиналъ опасаться, что опять произошли колебанія. Слава Богу, что этого не случилось. Я увѣренъ, что все къ лучшему».

Мы остались еще около полутора часовъ, обсуждая всякаго рода частности положенія. Столыпинъ былъ совершенно спокоенъ, увѣренно говорилъ, что вполнѣ убѣжденъ, что порядокъ нигдѣ не будетъ нарушенъ, не будетъ и демонстраціи въ родѣ Выборгскаго воззванія и только озабоченъ тѣмъ, какъ бы удалось заарестовать всѣхъ членовъ Думы, причастныхъ къ революціонной организаціи, которые несомнѣнно попытаются скрыться раньше чѣмъ удастся приступить къ ихъ аресту послѣ опубликованія рано утромъ указа о роспускѣ Думы. Уходя отъ него послѣднимъ, причемъ онъ просилъ меня не формализироваться тѣмъ, что меня проводятъ до моей дачи два жандарма, такъ какъ «мало ли что можетъ случиться», сказалъ онъ, — я спросилъ Столыпина какъ поступилъ бы онъ, если бы Дума формально подчинилась, а Государь, подписавши указы, не разрѣшилъ бы не приводить ихъ въ исполненіе. Его отвѣтъ былъ такой: «этого не могло бы случиться, потому что всего два дня тому назадъ объ этомъ была рѣчь при моемъ личномъ докладѣ, и Государь прямо сказалъ мнѣ, что хорошо понимаетъ, что въ такомъ случаѣ нельзя роспускать Думы и тѣмъ болѣе ставить правительство въ такое неловкое положеніе». Я могъ на это отвѣтить Столыпину только, что въ такомъ случаѣ мнѣ непонятно выраженіе укора Государя всѣмъ намъ за то, что мы медлимъ роспускомъ, зная его настроеніе.

ГЛАВА V.

Успокоеніе, наступившее въ странѣ. — Улучшеніе финансоваго положенія. — Статья Хейдемана. — Удачная самостоятельная операція Министерства Финансовъ для поддержанія русскихъ Фондовъ на Парижской биржѣ — Разработка законопроектовъ для внесенія въ третью Думу. — Подготовка проекта росписи на 1908 г.

Ожиданія Столыпина, что роспускъ Думы не вызоветъ безпорядковъ, совершенно оправдались.

Роспускъ Думы и обнародованіе составленнаго въ исключительномъ порядкѣ новаго избирательнаго закона произошли въ полномъ спокойствіи. Оно рѣшительно нигдѣ нарушено не было. Получилось даже впечатлѣніе, что населеніе было просто довольно тѣмъ, что прекратилось то нервное состояніе, въ которомъ жила страна съ февраля прошлаго года, и каждый можетъ спокойно заняться своимъ дѣломъ.

Тонъ оппозиціонной печати значительно понизился. Гнѣвные окрики Рѣчи, Русскихъ Вѣдомостей, смѣнились ядовитыми критическими замѣчаніями на новыя выборныя правила, и «Дума 3-го іюня или Столыпинская Дума» стала излюбленнымъ предметомъ всѣхъ статей. Призывы бунтарскаго свойства вовсе прекратились, и рядомъ съ быстро загорѣвшеюся новою избирательною кампаніею наступило какое-то давно небывалое спокойствіе въ странѣ.

Для моей личной работы по Министерству Финансовъ оно оказалось черезвычайно благотворнымъ, и я получилъ, въ полномъ смыслѣ слова, возможность отдохнуть въ нормальной работѣ, которой былъ непочатый уголъ, въ особенности потому, что за все время существованія Думы исправленіе внутренняго денежнаго обращенія, все еще испытывавшаго на себѣ послѣдствія глубокаго потрясенія 1905—1906 гг., шло черезвычайно

медленно, а нервное состоянiе внутри страны отражалось большимъ ослабленiемъ и на иностранныхъ рынкахъ, изъ которыхъ особенной слабостью сталъ отличаться Французскiй рынокъ, тяжело переживавшiй къ тому же потрясенiе американскаго рынка въ этомъ году.

Не прошло и мѣсяца послѣ роспуска второй Думы, какъ въ положенiи нашей государственной кассы произошла полная метаморфоза: поступленiе доходовъ стало очень благопрiятнымъ и далеко опережало скромно исчисленные по бюджету доходы. Но въ то же время пришлось пересмотрѣть смѣтныя росписанiя по ежемѣсячнымъ отпускамъ кредитовъ, и мнѣ не оставалось ничего иного, какъ пойти нѣсколько шире въ удовлетворенiи требованiй вѣдомствъ, отчего и мои отношенiя къ моимъ коллегамъ стали гораздо любезнѣе. Изъ Парижа я сталъ также получать лучшiя вѣсти. Подъ влiянiемъ сообщенiй газетныхъ корреспондентовъ о полномъ спокойствiи и порядкѣ въ странѣ, стали больше прислушиваться и къ моей оцѣнкѣ переживаемыхъ событiй, находя, что я не преувеличивалъ, когда постоянно говорилъ, что никакого возстанiя въ духѣ Московскаго, 1905 года, опасаться не слѣдуетъ, потому что правительство теперь иное, чѣмъ тогда, да и новый избирательный законъ изданъ именно для того, чтобы спасти народное представительство, которое было искажено совершенно несоотвѣтствующимъ странѣ, слишкомъ широкимъ избирательнымъ правомъ по декабрьскому закону 1905 года.

Въ этомъ отношенiи большую услугу оказалъ, быть можетъ, самъ того не подозрѣвая, покойный корреспондентъ газеты Матэнъ — Хейдеманъ, посланный своею газетою для выясненiя внутренняго положенiя Россiи. Онъ началъ рядъ своихъ статей въ самомъ невыгодномъ для правительства направленiи. Попавши подъ влiянiе оппозицiонныхъ круговъ распущенной Думы, онъ очень неудачно затронулъ въ одной изъ первыхъ своихъ корреспонденцiй и финансовое положенiе Россiи, предрекая ему самыя мрачныя перспективы, перепутавши при этомъ всѣ подсунутыя ему цифры до полной ихъ неузнаваемости.

Изъ Парижа обратили мое вниманiе на эти статьи, и я телеграфировалъ, что весьма сожалѣю, что такой талантливый корреспондентъ, котораго я знаю еще по 1905 году, не зашелъ къ Министру Финансовъ за болѣе объективнымъ освѣщенiемъ положенiя и рисуетъ его исключительно на основанiи непровѣренныхъ умозаключенiй, оппозицiонно-настроенныхъ, политическихъ группъ.

Я прибавилъ, что самъ его не стану звать, но если онъ будетъ просить о пріемѣ, то получитъ, конечно, свободный доступъ къ точнымъ свѣдѣніямъ о дѣйствительномъ положеніи Финансовъ страны, скрывать которое я не имѣю намѣренія.

Черезъ два дня я получилъ его просьбу о пріемѣ, немедленно принялъ его и снабдилъ цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ данныхъ, свидѣтельствовавшихъ о быстромъ улучшеніи какъ денежнаго обращенія, такъ и поступленія доходовъ послѣ тяжелыхъ пережитыхъ дней.

Къ чести Хейдемана я долженъ сказать, что онъ использовалъ мои свѣдѣнія самымъ добросовѣстнымъ и даже искуснымъ образомъ и закончилъ свою корреспонденцію открытымъ заявленіемъ, что былъ введенъ въ заблужденіе политическими противниками правительства, совершенно односторонне освѣтившими ему весь вопросъ.

Статья Матэнъ произвела большое впечатлѣніе и была первою въ длинномъ рядѣ другихъ статей, не всегда пріятныхъ для нашего правительства въ смыслѣ оцѣнки политическаго положенія Россіи, — хотя и не стѣснявшихся въ приведеніи и положительныхъ фактовъ.

Къ той же порѣ, — приблизительно въ концѣ августа или въ началѣ сентября — относится и еще одинъ эпизодъ, доставившій мнѣ немалое удовольствіе.

Несмотря на успокоеніе въ Россіи, какъ я уже упомянулъ, парижская биржа продолжала быть слабою на русскіе фонды. Мои парижскіе корреспонденты, не перестававшіе, за все время смутнаго періода второй Думы, жаловаться на неблагопріятное положеніе биржи и на вредныя, для русскаго кредита, послѣдствія, въ особенности отъ значительнаго паденія послѣдняго займа 1906 года, не разъ настаивали передо мною уже не на необходимости, какъ это было раньше, поддерживать прессу, для устраненія пессимистическаго настроенія держателей русскихъ Фондовъ, но на прямомъ воздѣйствіи на биржу путемъ покупки синдикатомъ выпущеннаго займа, съ цѣлью подбирать то, что предлагается къ продажѣ слабыми держателями, нерѣдко готовыми продавать облигаціи по какой угодно цѣнѣ, лишь бы только сбыть ихъ съ рукъ. Они требовали, чтобы я далъ синдикату средства на покупку этихъ облигацій, рѣшительно отказываясь отъ затраты своихъ средствъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что вся синдикатская прибыль, будто бы, давно поглощена предшествовавшими ихъ операціями по поддержкѣ займа.

Когда, послѣ роспуска второй Думы, порядокъ въ Россіи нарушенъ не былъ, и я сталъ періодически публиковать благопріятныя свѣдѣнія о поступленіи доходовъ и о выравнивающемся денежномъ обращеніи, не скрывая ихъ и въ моихъ бесѣдахъ съ корреспондентами французскихъ газетъ, особенно многочисленными за эту пору, то настоянія банкировъ о поддержкѣ курса русскихъ бумагъ покупкою ихъ, за счетъ средствъ русскаго Казначейства или Государственнаго Банка, сдѣлались снова особенно настойчивыми.

Я предложилъ парижскимъ банкирамъ устроить то, что впослѣдствіи получило наименованіе «Краснаго Креста», то есть общій счетъ между русскою группою въ Парижѣ и нашимъ Государственнымъ Банкомъ, внести на это опредѣленный капиталъ, пополамъ синдикатомъ и нашимъ Банкомъ и вести эту операцію поддержки курса бумагъ совмѣстными силами, распредѣляя прибыли и убытки на равныхъ внесенному капиталу началахъ.

Парижско-Нидерландскій Банкъ, въ лицѣ г. Нетцлина, отнесся къ моему предложенію сочувственно, но оговорился, что дастъ окончательный отвѣтъ только послѣ совѣщанія съ участниками группы и черезъ день сообщилъ мнѣ, что соглашенія не послѣдовало.

Тогда я рѣшился попробовать сдѣлать то же самое дѣло непосредственно распоряженіемъ Государственнаго Банка, безъ всякаго участія парижскихъ банковъ, давая черезъ Банкъ и Кредитную Канцелярію прямые приказы парижской биржѣ. Совѣтъ Министровъ я не ставилъ въ извѣстность о моемъ предположеніи, чтобы не давать повода ни къ ненужнымъ разговорамъ, ни, тѣмъ болѣе, къ возможнымъ спекулятивнымъ маневрамъ, но переговорилъ подробно со Столыпинымъ и обѣщалъ держать его въ полномъ курсѣ хода этой операціи.

Столыпинъ отнесся къ моему предложенію самымъ сочувственнымъ образомъ, такъ какъ оно совершенно отвѣчало его характеру, склонному къ борьбѣ, во имя достиженія цѣлей, которыя онъ находилъ отвѣчающими нашимъ интересамъ.

Я рѣшилъ затратить на это до 5-ти милліоновъ рублей въ видѣ предѣльной суммы, не затрачивая ее, однако, разомъ, дабы не поднимать искуственно курса нашихъ бумагъ и ведя операцію осторожно на небольшія суммы, смотря по количеству предлагаемыхъ къ продажѣ облигацій различныхъ русскихъ государственныхъ займовъ.

Результаты задуманной мною операціи превзошли самыя смѣлыя мои ожиданія. Конечно, въ этомъ благопріятномъ ре-

зультатѣ главную роль сыграли условія нашей внутренней жизни, та обстановка, въ которой произошелъ роспускъ второй Думы, спокойствіе, съ которымъ встрѣтила его страна, въ высшей степени благопріятный ходъ выборовъ въ третью Думу на основаніи новаго избирательнаго закона, единодушные отзывы всѣхъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ о результатахъ выборовъ въ смыслѣ обезпеченія большинства за умѣренными элементами, далекими отъ борьбы съ правительствомъ и стремленія къ захвату власти, а тѣмъ болѣе къ государственному перевороту. Въ общественномъ мнѣніи на Западѣ Европы быстро укоренилось мнѣніе, что правительство одолѣло смуту, что идея народнаго представительства сохранена и будетъ развиваться безъ ненужныхъ потрясеній и подъ вліяніемъ этого перелома и биржи сразу измѣнили свое отношеніе къ нашему кредиту настолько, что было достаточно пріобрѣсти сравнительно скромное количество бумагъ, выброшенныхъ слабыми держателями, что чувствительно поднять ихъ курсъ настолько, что мнѣ пришлось маневрировать не только въ сторону покупки нашихъ бумагъ, но и въ сторону продажи ихъ, какъ только появился спросъ на нихъ.

Въ данномъ случаѣ оправдалось то, что хорошо извѣстно въ практикѣ биржевого обращенія, а именно, что какъ только бумага, бывшая въ загонѣ, начинаетъ подниматься, тотчасъ же на нее возникаетъ спросъ по повышеннымъ цѣнамъ.

То же самое случилось въ ту пору и съ нашими упавшими передъ тѣмъ, бумагами. Я покупалъ ихъ, — хорошо помню это по отношенію къ 5-ти процентной рентѣ 1906-го года, — по 69-ти, 70-ти за сто, а продавалъ нерѣдко черезъ три—четыре дня за 72—74 процента. Единовременная затрата капитала Государственнаго Банка ни разу не превышала 1—2-хъ милліоновъ рублей, бумаги шли, сравнительно быстро на повышеніе, и я совершенно прекратилъ ихъ покупку въ первой половинѣ 1908-го года, когда курсъ ренты 1906-го года дошелъ почти до выпускной цѣны 87—88% и затѣмъ скоро перешелъ за ту грань. Въ конечномъ результатѣ нашъ Государственный Банкъ получилъ на этой операціи крупный чистый доходъ, превышавшій 1 милліонъ рублей.

Парижскіе банкиры долгое время не любили вспоминать этого дѣла и каждый разъ, когда впослѣдствіи о немъ заходила рѣчь, постоянно ссылались на то, что «побѣдителей не судятъ», элегически прибавляя, что при неудачѣ, нашъ Банкъ могъ бы понести и немалыя потери.

Быстро прошло лѣто 1907-го года, подошли и выборы въ третью Думу, закончившiеся побѣдою умѣренныхъ элементовъ, разумѣется, подъ влiянiемъ особенностей новаго избирательнаго закона, такъ раздражавшаго оппозицiонно настроенную часть общества.

По мѣрѣ того, что Столыпинъ сталъ получать свѣдѣнiя о ходѣ выборной кампанiи по созыву третьей Государственной Думы по новому избирательному закону, во всѣхъ Министерствахъ развернулась, по его настойчивой просьбѣ, поистинѣ кипучая дѣятельность по выработкѣ огромнаго количества законопроектовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Не проходило ни одного засѣданiя, чтобы Столыпинъ не старался внушить всѣмъ намъ настоятельную необходимость внести какъ можно больше представленiй въ новую Думу и устранить заранѣе самую тѣнь упрека въ томъ, что правительство не приготовилось къ большой законодательной работѣ.

Для моего вѣдомства эти настоянiя не имѣли никакого особаго значенiя: отъ первыхъ двухъ Думъ осталось множество нерассмотрѣнныхъ законопроектовъ и, кромѣ того, новыхъ, совершенно подготовленныхъ разработкою, оказалось столько, что представленный мною списокъ всего подлежащаго внесенiю къ открытiю Думы и подготовленнаго для него оказался настолько обширнымъ, что Столыпинъ прекратилъ всякiя настоянiя и все обращался къ другимъ министрамъ съ просьбою не отставать отъ Министерства Финансовъ.

Наступила пора составлять смѣты и проекты росписи, и моя работа пошла, на этотъ разъ, очень гладко. Доходы поступали настолько удовлетворительно, что я имѣлъ возможность меньше ограничивать вѣдомства, да и сами они были настроены на первый годъ очень мирно и не слишкомъ много запрашивали новыхъ кредитовъ. Исключенiе составляло, однако, вѣдомство земледѣлiя, которое никакъ не хотѣло войти въ рамки нормальнаго смѣтнаго порядка, и самые острые споры происходили именно съ нимъ, при постоянной рѣшительной поддержкѣ его Столыпинымъ и притомъ, не столько по существу его разнообразныхъ предложенiй, сколько по невѣроятному количеству, такъ называемыхъ условныхъ кредитовъ, и мнѣ приходилось спорить на каждомъ шагу относительно невозможности заносить въ смѣты то, что не оправдывается дѣйствующимъ закономъ и требуетъ, во всякомъ случаѣ, немалаго срока для проведенiя новаго закона черезъ двѣ инстанцiи. Особенно трудно было мнѣ въ тотъ короткiй промежутокъ

времени, когда Министромъ Земледѣлія былъ Кн. Б. А. Васильчиковъ, а на правахъ Товарища его состоялъ профессоръ Мигулинъ, пріуроченный Министромъ именно къ бюджетной работѣ. Начались было попытки примѣнить къ исчисленію кредитовъ особые пріемы, отличные отъ тѣхъ, которые были издавна усвоены вѣдомствами, но и это осложненіе было, на первыхъ порахъ, сравнительно невелико, и всѣ наши споры оканчивались и мирно и быстро. Это преходящее осложненіе повліяло, однако, быть можетъ, на то, что Кн. Васильчиковъ только короткое время оставался во главѣ вѣдомства.

Зато сама техника составленія и изложенія росписи дала мнѣ на этотъ разъ очень большую работу. Столыпинъ особенно горячо принялъ мое предложеніе составить на этотъ разъ Объяснительную записку къ росписи совершенно иначе, нежели она составлялась ранѣе, а именно — дать въ ней всѣ тѣ разъясненія, которыя могли бы помочь новому составу Думы, если только онъ оправдаетъ наши ожиданія въ смыслѣ готовности работать съ правительствомъ, а не вести осаду на него, какъ дѣлали двѣ первыя Думы, — найти въ объясненіяхъ къ росписи, какъ называлъ Столыпинъ, — учебникъ по бюджетному искусству и цѣлый рядъ такихъ справокъ, который помогъ бы новому составу заранѣе найти отвѣты на всѣ вопросы, затронутые въ оппозиціонныхъ рѣчахъ второй Думы и уяснить ему, что нашъ бюджетный законъ, который мы рѣшились заранѣе энергично отстаивать отъ попытокъ сломать его, вовсе ужъ не такъ плохъ, какъ развиваетъ этотъ вопросъ оппозиціонная печать, и что онъ даетъ народному представительству весьма большой просторъ для продуктивной работы. Мнѣ такая задача дала, конечно, большую лишнюю работу, но она же принесла мнѣ потомъ и огромную пользу, потому что помогла быстро отстранить попытки оппозиціи опорочить нашу точку зрѣнія. Я долженъ при этомъ сказать, что при томъ прекрасномъ личномъ составѣ Министерства, которымъ я былъ окруженъ, и при такихъ выдающихся сотрудникахъ по бюджетному дѣлу, какъ Начальникъ Бухгалтерскаго Отдѣла Департамента Государственнаго Казначейства Дементьевъ, мои Товарищи: Н. Н. Покровскій, С. Ф. Веберъ и І. І. Новицкій и цѣлый рядъ выдающихся старшихъ служащихъ, самое сложное дѣло спорилось у насъ, и не разъ въ засѣданіяхъ Совѣта Столыпинъ съ завистью говорилъ мнѣ: «вотъ, если бы у меня были такіе сотрудники, и я бы такъ же работалъ, какъ работаютъ въ Министерствѣ Финансовъ, но у меня самого нѣтъ такого навыка въ работѣ центральныхъ управленій, да и мои сотрудни-

ки какъ-то не могутъ все еще привыкнуть къ измѣнившимся условіямъ законодательной работы».

По мѣрѣ изготовленія объяснительной записки къ росписи, я представлялъ ее на разсмотрѣніе Совѣта, никакихъ ни отъ кого замѣчаній не получилъ и, заблаговременно, подготовилъ и мою рѣчь въ Думѣ, когда настанетъ пора давать общія, по росписи, объясненія. Столыпину она настолько понравилась, что онъ открыто заявилъ въ Совѣтѣ, что принимаетъ ее какъ учебникъ лично для себя, и ему принадлежала мысль о переводѣ ея на французскій языкъ для того, чтобы иностранная пресса познакомилась съ нашимъ общимъ финансовымъ положеніемъ, которое, по справедливости, показало, ко времени открытія третьей Думы, большое укрѣпленіе, по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было во время созыва первыхъ двухъ Думъ.

Я не судья, конечно, въ моемъ собственномъ дѣлѣ, но, перечитывая уже въ Парижѣ, въ изгнаніи, въ 1929-мъ году мою первую думскую рѣчь, я глубоко переживалъ впечатлѣнія этого отдаленнаго дня, когда впервые, послѣ всѣхъ унизительныхъ испытаній 1906-го и первыхъ дней 1907-го года, привелось почувствовать, что я окруженъ не одними врагами и могу отстаивать, съ надеждою на успѣхъ, тѣ взгляды, которые я считалъ правильными и полезными для государства.

Государь также оставилъ у себя текстъ моего бюджетнаго выступленія и, продержавши его у себя почти двѣ недѣли, вернулъ мнѣ его съ цѣлымъ рядомъ отчеркнутыхъ мѣстъ, повидимому, остановившихъ на себѣ его вниманіе, а наверху написалъ: «Дай Богъ, чтобы новая Государственная Дума спокойно вникла во все это прекрасное изложеніе и оцѣнила какое улучшеніе достигнуто Нами въ такой короткій срокъ, послѣ всѣхъ ниспосланныхъ Намъ испытаній».

Я передалъ этотъ экземпляръ моего предполагаемаго думскаго выступленія въ Департаментъ Государственнаго Казначейства и поручилъ разослать копіи во всѣ Департаменты, съ резолюціею Государя и, конечно, ни одна архивная работа большевиковъ не упомянула о ней, да, вѣроятно, она и не сохранилась среди всеобщаго разрушенія.

Получили мою объяснительную записку къ росписи на 1908 годъ также всѣ газеты безъ всякаго изъятія.

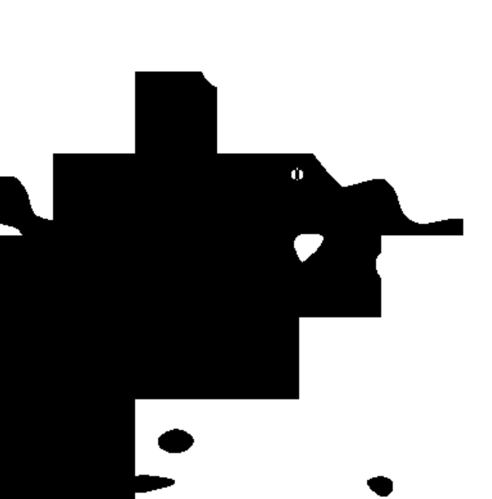
Двѣ газеты удѣлили ей болѣе другихъ вниманія: Новое Время и Рѣчь. Первое отозвалось очень сочувственно какъ объ общемъ финансовомъ положеніи Россіи, такъ и о самомъ способѣ представленія смѣтнаго матеріала народному представительству.

Вторая, напротивъ того, заранѣе выставила весь свой арсеналъ оппозиціоннаго отношенія къ правительству въ этомъ вопросѣ, повторивши еще и еще разъ все тѣ же избитыя положенія о недостаточности правъ русскаго народнаго представительства въ бюджетномъ дѣлѣ и о необходимости добиваться расширенія своихъ правъ, не стѣсняясь идти на открытый конфликтъ съ властью, которая «все позабыла и ничему не научилась».

Черезъ недѣлю послѣ открытія Думы всѣ эти положенія были снова повторены и развиты отъ лицъ оппозиціи главою партіи народной свободы П. Н. Милюковымъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Отъ открытія Государственной Думы третьяго созыва до убійства Столыпина

ГЛАВА I.

Установленіе нормальнаго сотрудничества Думы съ правительствомъ. — Кадетская оппозиція. — Общія пренія по росписи на 1908 г. — Моя бюджетная рѣчь и отвѣтъ на критику П. Н. Милюкова. — Законодательное предположеніе о необходимости расширить бюджетныя права Думы. — Выступленіе М. С. Аджемова и мой отвѣтъ ему. — Предложеніе объ образованіи, въ законодательномъ порядкѣ, комиссіи для обслѣдованія железнодорожнаго хозяйства. — Произнесенныя мною, въ отвѣтъ на выступленіе П. Н. Милюкова, слова: «у насъ, слава Богу, нѣтъ еще парламента». Смыслъ этихъ словъ и вызванные ими инциденты.

20-го ноября 1907-го года открылась Государственная Дума третьяго созыва.

Говорить о томъ, какъ она открылась, какое отношеніе къ власти проявила она, съ перваго же дня, какимъ патріотическимъ чувствомъ повѣяло отъ перваго прикосновенія ея къ исполненію своихъ обязанностей, въ какихъ выраженіяхъ повергла она къ престолу выраженіе одухотворяющаго ее настроенія, и какъ легче вздохнули всѣ мы, оставшіеся у власти, — все это общеизвѣстные факты, и много сказано о нихъ другими въ лучшей обстановкѣ, нежели та, въ которой мнѣ приходится вести мои записи.

Съ этого дня, въ теченіе длинныхъ шести лѣтъ, вся моя работа по должности Министра Финансовъ, а потомъ, съ сентября 1911 года, и въ должности Предсѣдателя Совѣта министровъ, протекала неразрывно въ связи съ Государственною Думою сначала третьяго, а потомъ и четвертаго созыва и, можно сказать, что мой 14-ти часовой трудъ въ сутки столько же протекалъ на трибунѣ Думы, сколько и въ кабинетѣ Министра Финансовъ на Мойкѣ.

Много труда и нервнаго напряженія отдалъ я за это время, немало тяжелыхъ минутъ привелось мнѣ пережить, но немало также и нравственнаго удовлетворенія получилъ я отъ моей работы въ Думѣ и всегда поминаю доброю памятью эту пору моей жизни и моего отвѣтственнаго труда.

У меня нѣтъ возможности дать исчерпывающій пересказъ всего, что пережито за эту пору, и я остановлюсь только на главныхъ моментахъ, удержанныхъ моею памятью, и соединяю съ этими моментами и другія переживанія этого, поистинѣ, Sturm und Drang Periode моей жизни.

Какъ только открылась Дума 20-го ноября, между нею и правительствомъ сразу установились самыя тѣсныя отношенія. Уже въ день открытія выяснилось, что на должность предсѣдателя Думы будетъ выбранъ Н. А. Хомяковъ съ такимъ же единодушіемъ, съ какимъ былъ выбранъ въ первой Думѣ Муромцевъ. Я былъ съ нимъ знакомъ по его должности Директора Департамента Сельскаго Хозяйства въ Министерствѣ Земледѣлія и, тотчасъ послѣ молебна при открытіи Думы, имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, развивая необходимость, какъ можно скорѣе, назначить къ слушанію въ Думѣ проектъ росписи для того, чтобы поскорѣе направить его въ бюджетную Комиссію и сократить мало полезныя, предварительныя общія пренія, которыя, все равно, возобновятся съ бо́льшею силою потомъ, когда бюджетная Комиссія внесетъ свой докладъ, уже послѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ смѣтъ и всей росписи. Онъ тутъ же сказалъ мнѣ, что этотъ вопросъ уже предрѣшенъ въ частныхъ совѣщаніяхъ еще до открытія Думы, и, вѣроятно, общія пренія не займутъ больше одного, двухъ дней и будутъ носить чисто-академическій характеръ. Онъ предупредилъ меня, что моимъ оппонентомъ будетъ, вѣроятно, глава кадетской партіи П. Н. Милюковъ, котораго давно уже, какъ выразился онъ, «натаскиваютъ на рѣзвость и злобность», и прибавилъ, что и самъ Милюковъ отлично понимаетъ, что мало знаетъ этотъ вопросъ, но не можетъ, конечно, отказаться отъ выступленія, въ качествѣ лидера оппозиціи; будетъ, вѣроятно, вполнѣ корректенъ по формѣ, но, разумѣется, станетъ доказывать, что Дума должна имѣть неограниченное право въ пересмотрѣ всякихъ кредитовъ и обрушится на смѣтныя правила, какъ на кандалы, связывающіе народное представительство въ его бюджетной свободѣ.

Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ, съ его обычною, простодушною, но весьма лукавою улыбкою: «Вы этимъ не смущайтесь, —

этотъ номеръ теперь не пройдетъ, и сами кадеты будутъ Васъ ругать только для очистки совѣсти».

День 27-го ноября, назначенный для предварительнаго обсужденія бюджета, носилъ очень торжественный характеръ. Трибуны были полны до отказа. Дипломатическій корпусъ — въ полномъ составѣ, несмотря на то, что для него интересъ дня не могъ быть великъ, такъ какъ никто не ждалъ сенсаціонныхъ проявленій.

Печать появилась въ такомъ количествѣ, что представители газетъ сидѣли буквально на колѣняхъ другъ у друга и не имѣли никакой возможности дѣлать записей, по недостатку мѣста. Весь Совѣтъ Министровъ былъ, разумѣется, въ сборѣ и чуть что не всѣ старшіе чиновники, почти всѣхъ вѣдомствъ, заполнили боковыя мѣста, обычно пустовавшія въ первыхъ двухъ Думахъ.

Когда мы заняли наши мѣста и рядомъ со Столыпинымъ помѣстился, по старшинству, Баронъ Фредериксъ, а я сѣлъ рядомъ съ нимъ, то первый его вопросъ ко мнѣ былъ — увѣренъ ли я, что насъ опять не попросятъ выходить въ отставку? — и съ двухъ сторонъ, отъ Столыпина и отъ меня, послѣдовалъ одинаковый отвѣтъ, что мы получимъ, вѣроятно, совершенно иной пріемъ, къ которому мы совсѣмъ не пріучены. Такъ оно и вышло.

Хотя мое первое обращеніе къ Думѣ было у меня заранѣе написано, но я его не читалъ, а говорилъ почти не заглядывая въ писанный текстъ и только провѣряя по нему отдѣльныя числовыя сопоставленія и выкладки. Это первое мое выступленіе въ Государственной Думѣ III созыва сохранилось въ полномъ объемѣ лишь въ рѣдкомъ теперь изданіи — въ протоколахъ Государственной Думы.

Съ первыхъ же словъ настроеніе въ Думѣ поднялось. Весь правый секторъ и даже больше половины всего зала, то-есть скамьи правыхъ, націоналистовъ и почти всѣ октябристы, стали отмѣчать мои объясненія сначала отдѣльными аплодисментами, потомъ все болѣе и болѣе горячими знаками сочувствія и одобренія.

Оппозиція молчала и почти ни разу не прервала меня и только два-три короткія, неблагопріятныя замѣчанія привели къ моему же успѣху, такъ какъ мои реплики вызывали еще болѣе шумные аплодисменты и двухчасовая моя рѣчь, по общему признанію, была моимъ настоящимъ тріумфомъ. Продолжительныя и оглушительныя рукоплесканія проводили меня съ каѳедры, — какъ говоритъ стенограмма думскаго засѣданія.

Всѣ Министры демонстративно поздравляли меня и на виду у всѣхъ депутатовъ и потомъ въ министерскомъ павильонѣ; многіе депутаты, которыхъ я совсѣмъ не зналъ, подходили ко мнѣ съ привѣтствіемъ и выраженіемъ благодарности, а Столыпинъ обнялъ меня въ павильонѣ, поцѣловалъ и сказалъ барону Фредериксу: «Вы увидите Государя, конечно, сегодня, — доложите Его Величеству, какой тріумфъ выпалъ, и притомъ такъ заслуженно, на долю Министра Финансовъ и насколько измѣнилось все, сравнительно съ тѣмъ, что было такъ недавно. Для насъ, для правительства, это настоящій праздникъ».

Послѣ перерыва небольшую рѣчь произнесъ, не помню теперь, кто изъ октябристовъ, не поскупившись также на извѣстную «оппозиціонность», въ смыслѣ указанія на недостаточность правъ Государственной Думы въ бюджетномъ отношеніи, но въ очень умѣренныхъ тонахъ.

Вниманіе всѣхъ насторожилось, когда на трибуну вышелъ П. Н. Милюковъ и заявилъ, что онъ уполномоченъ отъ конституціонно-демократической фракціи Государственной Думы высказать, какъ смотритъ она на внесенную Правительствомъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, на выслушанныя всѣми съ такимъ выдающимся вниманіемъ объясненія Министра Финансовъ и, въ особенности, на то, въ какія недостойныя народнаго представительства условія поставлена Государственная Дума, такъ называемыми, смѣтными правилами, составленными «господами дѣйствительными тайными совѣтниками» съ единственною цѣлью создать одинъ призракъ бюджетнаго права Государственной Думы, подъ которымъ сохраняется, во всей неприкосновенности, безграничное самовластіе исполнительныхъ органовъ, ничѣмъ не ограничиваемаго, правительства. Его первыя слова были встрѣчены шумными аплодисментами оппозиціи, покрытыми, однако, еще болѣе шумными протестами большинства Думы правой половины и — молчаніемъ лѣваго центра.

Это было мое первое столкновеніе съ оппозиціею въ Думѣ третьяго, а затѣмъ и четвертаго созыва, и оно тянулось непрерывною цѣпью, хотя подчасъ и не въ слишкомъ острой формѣ, во всѣ шесть лѣтъ, до самаго моего оставленія моей активной работы, въ началѣ 1914 года. Мѣнялись только представители партіи народной свободы, но тонъ оппозиціонныхъ рѣчей и самое содержаніе ихъ оставалось неизмѣнно одно и то же — доказывать по всякому подходящему и неподходящему поводу, что правительство дѣйствуетъ неправильно, игнорируетъ народные интересы, ограничиваетъ права народнаго представительства, живетъ инте-

ресами даннаго дня и неспособно подняться на высоту самаго элементарнаго предвидѣнія будущаго, занимаясь исключительно охраною своего собственнаго положенія, отвоеваннаго отъ дѣйствительнаго представительства народа.

Носителемъ кадетскаго вѣроученія, во всѣ шесть лѣтъ, былъ мой безсмѣнный оппонентъ Андрей Ивановичъ Шингаревъ, въ такихъ ужасныхъ условіяхъ погибшій, вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, отъ руки совѣтскихъ агентовъ-матросовъ, ворвавшихся къ нему, больному, въ Маріинскую больницу, куда онъ былъ переведенъ изъ Петропавловской крѣпости. Объ ужасномъ концѣ его жизни я узналъ въ самомъ началѣ 1918 года, въ бытность мою въ Кисловодскѣ, и невольно перенесся тогда мыслью ко всѣмъ его пламеннымъ рѣчамъ въ пользу охраненія народа отъ гнета и злоупотребленій власти, какъ и о томъ, какъ часто онъ отравлялъ мнѣ мое существованіе обычными его пріемами бороться со своимъ противникомъ своеобразными аргументами, далекими отъ существа предмета и разсчитанными на сочувствіе толпы, падкой на обличенія власти, хотя бы и лишенныя справедливости.

Но въ самомъ началѣ третьей Гос. Думы Шингаревъ не считался еще въ кадетской партіи достаточно выросшимъ для принципіальной борьбы съ правительствомъ, и сдѣлать декларативныя заявленія «оппозиціи Его Величества» призванъ былъ самъ глава партіи П. Н. Милюковъ, который и долженъ былъ, такимъ образомъ, сразу же положить грань между правительствомъ и лѣвымъ секторомъ Думы, и эту грань кадетская партія ни разу не придвинула въ сторону правительства за всѣ шесть лѣтъ нашихъ постоянныхъ встрѣчъ въ Таврическомъ дворцѣ. Мы остались, каждый, на нашихъ позиціяхъ, и не было ни одного случая, чтобы слѣдомъ за мною, о чемъ бы я ни говорилъ, не выходилъ на трибуну кто-либо изъ кадетовъ и, большею частью и даже почти всегда, — А. И. Шингаревъ.

На этотъ разъ положеніе П. Н. Милюкова было не изъ легкихъ. Самъ онъ никогда не занимался бюджетомъ, не былъ совершенно подготовленъ къ нападенію на правительство по существу и, со свойственною ему, добросовѣстностью изучилъ то, что ему приготовила партія, заранѣе оповѣстившая, во всеобщее свѣдѣніе, свое исповѣданіе вѣры, черезъ посредство газеты «Рѣчь».

Въ Совѣтѣ Министровъ было все это заранѣе извѣстно, и меня просили, по возможности, отвѣтить Милюкову тутъ же, не перенося преній на другой день, чтобы не дробить впечатлѣнія. Я такъ и поступилъ, тѣмъ болѣе, что возразить Милюкову было

совсѣмъ не трудно, настолько трафаретны были всѣ его мысли и настолько академичны были всѣ его сѣтованія.

По общему впечатлѣнію всѣхъ присутствовавшихъ на засѣданіи и по отголоскамъ печати, разумѣется, кромѣ «Рѣчи», Милюковъ не вплелъ своею бюджетною рѣчью новыхъ лавровъ въ свой политическій вѣнецъ. Этимъ я объясняю отчасти — впрочемъ, можетъ быть, несправедливо — и то, что съ этой поры наши встрѣчи съ нимъ были проникнуты какою-то вѣжливою натянутостью; мы ограничивались всегда изысканно-вѣжливыми поклонами и даже въ эмиграціи характеръ нашихъ далекихъ отношеній мало измѣнился.

Отвѣтивши въ полушутливомъ тонѣ на его нелюбовь къ чину дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, что вызвало дружный хохотъ въ Думѣ, я расположилъ мое возраженіе по двумъ раздѣламъ его оппозиціоннаго выступленія противъ правительства.

Въ первомъ, онъ началъ съ рѣзкаго обвиненія правительства въ нарушеніи правъ народнаго представительства заключеніемъ, именно мною, займа въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1906 года, не выждавши созыва Государственной Думы. Тутъ мое положеніе было просто выигрышнымъ. Не только потому, что заемъ 1906 года не имѣлъ никакого отношенія къ разсматриваемому бюджету на 1908 годъ, но, въ особенности, потому, что примѣръ первыхъ двухъ Думъ былъ налицо у всѣхъ и ясно показалъ, насколько могло правительство получить отъ нихъ разрѣшеніе на заключеніе какого бы то ни было займа. Я воспользовался и тѣмъ, что имѣлъ право впервые сказать открыто въ Думѣ, что именно было сдѣлано нашими представителями общественности въ Парижѣ, въ бытность мою тамъ, въ пору заключенія займа, и какія мѣры были приняты ими, чтобы помѣшать займу. Я не назвалъ ни одного имени, но всѣ отлично понимали, откуда дулъ этотъ вѣтеръ и, послѣ моего выступленія, открыто говорили въ кулуарахъ, что Милюковъ не думалъ вовсе, что я коснусь этого инцидента.

Особенно не удовлетворилъ Милюкова, однако, если судить по его репликѣ, самый прозаическій отвѣтъ мой на вопросъ: могло ли уважающее себя правительство не стремиться къ заключенію, въ 1906 году, займа въ 843 милліона рублей, когда у него къ началу этого года былъ дефицитъ по смѣтамъ на 480.000.000 рублей, да на такую же сумму предстояло оплатить срочныхъ обязательствъ передъ заграничными кредиторами. Я спросилъ моего оппонента, какъ поступилъ бы онъ самъ, если бы находился у власти, и сталъ ли бы онъ ждать передъ опасностью банкрот-

ства государства почти три года, пока послѣдовало бы согласіе нынѣшней Думы на заключеніе займа?

Бурные аплодисменты значительнаго большинства Думы были отвѣтомъ на мое заявленіе.

Послѣ этого пошли варіаціи на избитую уже во второй Думѣ тему о недостаточности бюджетныхъ правъ Думы, приправленныя сначала осторожными, а затѣмъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ вопросовъ объ уточненіи туманнаго заявленія, уже болѣе опредѣленными положеніями о необходимости приступить немедленно къ пересмотру смѣтныхъ правилъ съ примѣненіемъ новаго текста ихъ къ внесенному бюджету. Тутъ также мой оппонентъ не имѣлъ особеннаго успѣха. Вся Дума отлично понимала, что разсматривать бюджетъ необходимо по существующимъ правиламъ, а примѣнять новый порядокъ самовольнаго исключенія, властью Думы, кредитовъ, основанныхъ на ранѣе изданныхъ законахъ (ст. 9-ая смѣтныхъ правилъ), очевидно можно только послѣ того, что новыя правила будутъ установлены. Все это говорилось только для оппозиціи и безъ всякаго расчета на практическое осуществленіе, но въ оппозиціонныхъ кругахъ впечатлѣніе было произведено, свои газеты прославили оратора, осудили меня, какъ рутинера, и главная цѣль была достигнута: рѣчь произнесена, а дѣло не задержалось далѣе перваго дня общихъ преній, и всѣ отлично понимали, что все сведется къ передачѣ смѣтъ и росписи на разсмотрѣніе бюджетной Комиссіи, что только и требовалось.

О второй половинѣ рѣчи Милюкова просто не хочется говорить. Его сотрудники плохо приготовили ему матеріалы для нападенія на меня, самъ онъ съ ними не достаточно справился и былъ блѣденъ и мало содержателенъ, то придирчиво упрекая Министерство Финансовъ въ томъ, что оно исчисляетъ доходы преуменьшенно, то противорѣча себѣ, что доходы внесены преувеличенно. Въ этой части онъ совсѣмъ запутался, попытавшись уличить правительство въ томъ, что оно скрыло дефицитъ, совершивши, какъ онъ сказалъ, «нѣкую манипуляцію» искусственнаго перенесенія въ чрезвычайные расходы 8-ми милліоновъ, которые слѣдовало показать по обыкновенному раздѣлу. Другими словами, что я сдѣлалъ прямую передержку для сокрытія дефицита.

Подъ шумъ и громкія рукоплесканія большей половины Думы, я прочиталъ текстъ закона о распредѣленіи расходовъ между обыкновенными и чрезвычайными и предложилъ самой Думѣ рѣшить кто изъ насъ правъ.

Пересматривая и теперь, много лѣтъ спустя, отчеты этого засѣданія Думы, я могу по совѣсти сказать, что этотъ первый день думской работы — 27-го ноября 1907 года — кончился несомнѣнно побѣдою правительства надъ попыткою возобновить по бюджету оппозиціонный натискъ по примѣру первыхъ двухъ Думъ. Атмосфера была иная. Всѣмъ хотѣлось приняться за работу и выходя изъ зала засѣданій со многими депутатами, всѣ мы чувствовали, что начались иныя времена и можно начать спокойно вести каждому свое дѣло.

Для меня лично этотъ покой оказался, однако, не долговременнымъ.

Уже въ январѣ пришлось встрѣтиться съ новою, не очень, правда ожесточенною, попыткою оппозиціи совершить нападеніе но правительство.

Не успѣла собраться Дума третьяго созыва, не успѣла она внутренно организоваться, какъ уже 10-го ноября, за подписью 40 членовъ внесено было законодательное предположеніе о необходимости пересмотрѣть Высочайше утвержденныя 8-го марта 1906 года, смѣтныя правила, отмѣнить въ нихъ все, что ограничиваетъ права народнаго представительства въ бюджетномъ дѣлѣ, и примѣнить новый порядокъ къ разсмотрѣнію смѣтъ и росписи на 1908 годъ.

Предложеніе это списано было буквально съ такого же предположенія, внесеннаго, отъ имени той же партіи, во вторую Гос. Думу, осталось ею не разсмотрѣннымъ и подъ нимъ поставлены были подписи членовъ той же фракціи въ третьей Думѣ, съ перепечаткою даже и тѣхъ типографскихъ ошибокъ, которыя были замѣчены въ первомъ проектѣ.

Первымъ, подписавшимъ предположеніе, былъ членъ Думы Аджемовъ. Онъ же взялъ на себя и защиту законопроекта или вѣрнѣе, нападеніе на правительство и попытку провести тѣ же оппозиціонныя тенденціи, которыя такъ ярко характеризовали первыя двѣ Думы. Уже много лѣтъ потомъ, въ эмиграціи, въ Парижѣ, вспоминая эту первую свою попытку выступленія противъ правительства, Аджемовъ говорилъ мнѣ, что выступалъ онъ крайне неохотно, не будучи вовсе знакомъ со смѣтнымъ дѣломъ, но не могъ отказаться отъ возложенной на него миссіи, потому что партія потребовала отъ него выступленія, какъ выражался онъ, по чисто стратегическимъ соображеніямъ, не сомнѣваясь въ томъ, что правительство будетъ выступать съ рѣшительнымъ протестомъ, обрушится на него всею своею тяжелою артиллеріею возраженій Министра Финансовъ и тогда на смѣну ему будетъ выдви-

нуть намѣченный партіею главный мой противникъ А. И. Шингаревъ, который спеціально готовится къ этой роли и уже успѣлъ выдержать блестяще экзаменъ на партійныхъ собраніяхъ. Никому изъ правительства Шингаревъ совершенно не былъ извѣстенъ, но до насъ доходили свѣдѣнія изъ думскихъ кулуаровъ, что среди депутатовъ распространяется молва объ немъ, какъ о человѣкѣ очень даровитомъ и чрезвычайно рѣзко настроенномъ противъ правительства. Его былая карьера — земскаго врача Воронежской губерніи не говорила ничего о его финансовыхъ дарованіяхъ, но всѣ воронежскіе депутаты говорили, что въ земскихъ собраніяхъ онъ считался именно спеціалистомъ по смѣтнымъ вопросамъ, ѣдкимъ въ преніяхъ и крайне настойчивымъ въ аргументаціи и проведеніи своихъ взглядовъ, всегда рѣшительно-оппозиціоннаго характера.

Какъ только законопроектъ былъ отпечатанъ и подписанъ, Столыпинъ прислалъ мнѣ его на разсмотрѣніе и, получивши отъ меня словесное разъясненіе, что это тотъ же старый, даже не перелицованный проектъ, внесенный во вторую Думу, онъ внесъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ предварительный вопросъ о томъ, какой тактикѣ слѣдуетъ держаться правительству въ отношеніи къ нему? Слѣдуетъ ли выступить съ рѣшительными возраженіями при первомъ же заслушаніи его въ Думѣ при разрѣшеніи вопроса о направленіи законопроекта, или остаться нейтральнымъ въ этомъ первомъ фазисѣ, выждать разсмотрѣнія его въ комиссіи, куда дѣло будетъ, несомнѣнно, передано, принять въ ней дѣятельное участіе, относясь къ проекту отрицательно и занять ту же непримиримую позицію и при передачѣ заключенія комиссіи въ общее собраніе?

По этому предварительному вопросу разногласій въ Совѣтѣ не было. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Извольскій попытался было высказать мнѣніе, что лучше не мѣшать работѣ Думы и не спорить заранѣе противъ возникшаго предположенія, а ограничиться самымъ общимъ заявленіемъ, что оно чревато большими осложненіями, которыя выяснятся при детальномъ его разсмотрѣніи, но что правительство готово сотрудничать съ Думою, сохраняя, разумѣется, полную свободу дѣйствій при разработкѣ внесеннаго предположенія. Онъ скоро, однако, отказался отъ высказаннаго мнѣнія подъ напоромъ единодушнаго взгляда всего правительства о крайней опасности внесеннаго проекта съ правительственной точки зрѣнія и полной невозможности не высказать сразу же, съ самаго перваго момента, категорическаго взгляда на него, какъ на неприкрытую даже попытку меньшинства втравить

большинство Думы въ чисто-оппозиціонную затѣю, имѣющую своею единственною задачею затруднить дѣятельность правительства въ ту пору, когда несомнѣнное большинство членовъ Думы и не помышляетъ о принципіальной оппозиціи. Мы всѣ были единомышленны въ томъ, что на насъ лежитъ долгъ открыто выяснить Думѣ всю опасность поднятой затѣи, хотя бы для того, чтобы потомъ не было упрека, что мы нарочно молчимъ передъ новымъ составомъ представительства и скрываемъ отъ него наши взгляды. На меня было возложено сразиться съ оппозиціею въ первомъ же засѣданіи, какъ только дѣло будетъ поставлено на повѣстку «по направленію» и изложить *всѣ принципіальныя возраженія* противъ внесеннаго предположенія, въ надеждѣ,что въ такомъ случаѣ есть много шансовъ на то, что дѣло застрянетъ въ Комиссіи, и Дума не станетъ вовсе торопиться его разсмотрѣніемъ.

Такъ оно и вышло. Дѣло было назначено къ слушанію на 12 января 1908 года, заняло два засѣданія и окончилось простою передачею въ Бюджетную Комиссію, въ которой пролежало очень долго, гораздо позже вышло изъ нея въ Общее Собраніе съ полнымъ разногласіемъ съ правительствомъ и до самаго моего ухода въ концѣ января 1914 года, не претворилось въ силу закона, такъ какъ, хотя Дума и выработала свой проектъ, но онъ не былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Такимъ образомъ, до самаго разрушенія всего нашего законодательнаго аппарата въ 1917 году, мы существовали съ тѣми самыми смѣтными правилами 1906 года, которыя казались такимъ бѣльмомъ въ глазу для оппозиціи всѣхъ Думъ четырехъ созывовъ.

Эти два засѣданія 12-го и 15-го января 1908 года были настолько характерны по существу, что о нихъ стоитъ сохранить нѣкоторый слѣдъ въ воспоминаніяхъ о такомъ, далекомъ теперь, прошломъ. Они показали съ полной очевидностью, что тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, было не заблужденіе авторовъ, не добросовѣстная ихъ попытка внести коренное улучшеніе въ наше законодательство, а простое желаніе ограничить власть правительства въ самомъ чувствительномъ для него дѣлѣ — въ разсмотрѣніи и исполненіи бюджета и внести простое и ясное средство борьбы съ властью во имя принциповъ той же первой Думы — «власть исполнительная да подчинится власти законодательной».

Аджемовъ, подготовленный его друзьями, вѣроятно, не безъ участіи Н. Н. Кутлера, не попавшаго въ третью Думу, но сохранившаго чрезвычайно рѣзкое отношеніе къ правительству за свой

неуспѣхъ во второй Думѣ, и, во всякомъ случаѣ, съ полнымъ послушаніемъ принявшій всю подготовительную работу, исполненную для него Шингаревымъ, началъ свою рѣчь съ того, что авторитетно заявилъ, что у насъ нѣтъ никакихъ смѣтныхъ правилъ, которыми могла бы и должна была бы руководствоваться Государственная Дума въ своей бюджетной работѣ, такъ какъ тѣ правила, которыми предлагаетъ руководствоваться правительство, были составлены для Думы «Булыгинской», то-есть законосовѣщательной, а не для Думы законодательной, которая не должна быть стѣсняема никакими путами и искусственно составленными перегородками, необходимыми только для правительственнаго самовластія.

Онъ перешелъ затѣмъ къ излюбленной кадетской темѣ о томъ, что большая часть всего бюджета забронирована отъ воздѣйствія Думы, и свобода ея дѣятельности проявляется только надъ ничтожною частью всего бюджета, достигшаго на этотъ годъ цифры въ два съ половиною мильярда рублей.

Далѣе онъ съ еще большимъ авторитетомъ въ тонѣ доказывалъ, что смѣтныя правила должны быть пересмотрѣны въ корнѣ съ удаленіемъ изъ нихъ всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ свободу дѣйствій народнаго представительства въ отношеніи исключенія изъ бюджета, въ порядкѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ смѣтъ, всѣхъ безъ изъятія расходовъ, которые признаются имъ не отвѣчающими пользамъ и нуждамъ народа, на какихъ бы ранѣе изданныхъ законахъ эти расходы не были основаны. Онъ проводилъ, говоря по просту, чисто революціонный, по отношенію къ дѣйствовавшему у насъ государственному строю, принципъ безграничности бюджетныхъ полномочій Думы въ пересмотрѣ смѣтъ и государственной росписи, не стѣсняясь никакими соображеніями.

На мою долю выпалъ неблагодарный трудъ. Два дня — 12-го и 15-го января я просто не выходилъ изъ Думы и не имѣлъ даже времени вернуться домой для завтрака. Это была первая встрѣча моя съ кадетскою оппозиціею въ Думѣ 3-го созыва.

Въ эти два историческіе дня много было высказано съ той и другой стороны, что было бы очень полезно сохранить для потомства на самомъ дѣлѣ, чтобы, когда-нибудь, правдивый, незаинтересованний изслѣдователь сказалъ на чьей сторонѣ была правда, и кто просто тратилъ свои силы въ попыткѣ связать правительство по рукамъ и по ногамъ.

Въ вопросѣ о недостаткѣ объема правъ Государственной Ду

мы въ разсмотрѣніи бюджета оппозиція договорилась просто, что называется, до геркулесовыхъ столбовъ.

На ея основной тезисъ, что смѣтныя правила 8-го марта, лишили Думу всякаго права измѣнить бюджетъ въ большей его части, я представилъ расчетъ, напечатанный, въ предвидѣніи этого аргумента, въ самой объяснительной запискѣ къ росписи, по которому изъ двухъ съ половиною мильярдовъ всей росписи болѣе 60% всѣхъ кредитовъ находятся въ полномъ и ничѣмъ не стѣсненномъ разсмотрѣніи народнаго представительства. А если къ этой суммѣ прибавить 400 милліоновъ кредита на оплату государственнаго долга, который и не можетъ быть сокращенъ, потому что онъ исчисленъ по даннымъ недопускающимъ никакого сокращенія, пока государство стоитъ на неприкосновенности своихъ международныхъ обязательствъ, а затѣмъ прибавить къ этому дѣйствительно забронированный, но только на одинъ послѣдній 1908-ой годъ, кредитъ около 200 милліоновъ предѣльнаго бюджета Военнаго Министерства, поступающій съ слѣдующаго года въ свободное обсужденіе законодательныхъ палатъ — то на повѣрку остаются забронированными смѣтными правилами какіе-нибудь 400 милліоновъ рублей, то-есть лишь одна шестая часть бюджета, да и то забронирована она только въ томъ смыслѣ, что нельзя исключить кредитъ, не затрогивая самаго закона.

Для всѣхъ было, однако, ясно, что дѣло сводится къ внесенію полной анархіи въ государственный организмъ, и къ чести Думы 3-го созыва нужно сказать, что оппозиціи было въ эту пору не легко: мои рѣзкія возраженія встрѣчались такими громкими знаками одобренія, что моральная побѣда была очевидно на сторонѣ правительства по всѣмъ основнымъ предметамъ нашего непримиримаго съ нею столкновенія. Созналась въ этомъ и сама оппозиція, не поскупившись, конечно, на рѣзкія обличительныя статьи въ своей прессѣ, въ которой приняли участіе и нѣкоторыя научныя кадетскія силы того времени, вѣроятно не разъ пожалѣвшія потомъ о высказанныхъ ими взглядахъ, когда много лѣтъ спустя имъ пришлось самимъ очутиться на сторонѣ правительства, — правда, на короткое время. Я имѣю въ виду хотя бы профессора Фридмана.

Въ этихъ двухдневныхъ преніяхъ наибольшій интересъ съ точки зрѣнія аргументовъ оппозиціи представляла, безспорно, статья 9-ая смѣтныхъ правилъ, противъ которой, казалось бы, не должно было быть какихъ-либо споровъ, если бы въ методахъ борьбы противъ правительства существовала бы необходимая справедливость. Эта статья, составлявшая весь центръ тяжести

придирокъ къ дѣйствіямъ правительства, въ существѣ своемъ была совершенно понятна и даже неизбѣжна при всякомъ режимѣ. Она примѣняется одинаково во всѣхъ странахъ съ окрѣпшимъ даже парламентскимъ строемъ и нигдѣ никому не приходило въ голову строить на ней главный планъ нападенія на правительство. У насъ эта статья къ тому же только повторяетъ въ смѣтномъ дѣлѣ тотъ самый принципъ, который закрѣпленъ былъ въ нашихъ основныхъ законахъ, какъ извѣстно, по самому учрежденію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта недоступныхъ воздѣйствію законодательныхъ учрежденіи безъ особаго на то полномочія Верховной власти.

Въ основныхъ законахъ содержится статья 94-ая, изложенная въ редакціи не дающей мѣста къ какому-либо сомнѣнію:

«Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силой закона, посему, доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ постановленіемъ основныхъ законовъ, статья 9-ая смѣтныхъ правилъ говоритъ съ почти буквальной точностью: «Если какой-либо расходъ основанъ на законѣ, нужно сначала измѣнить законъ, и тогда только падаетъ и установленный имъ расходъ».

Помимо того и здравый смыслъ съ очевидностью говоритъ, что нельзя въ порядкѣ простого разсмотрѣнія смѣтъ исключать произвольно какіе-либо расходы, обезпеченные спеціально изданнымъ для нихъ закономъ, и вводить, такимъ образомъ, полнѣйшій хаосъ въ государственный организмъ, лишая его тѣхъ его органовъ, которые могутъ быть даже неудовлетворительны, но незамѣнены лучшими, на что требуется и время и внимательный предварительный трудъ, тогда какъ на исключеніе расхода изъ смѣты достаточно случайнаго большинства присутствующихъ членовъ законодательной палаты и государство можетъ быть однимъ неосторожнымъ постановленіемъ лишено любого органа власти.

Но въ нашемъ молодомъ законодательномъ организмѣ, или точнѣе въ одной изъ группъ, поставившихъ себѣ задачею бороться съ правительствомъ во что бы то ни стало, эта очевидность не помѣшала развиться самымъ страстнымъ спорамъ. Мнѣ пришлось три раза выступать съ элементарными доказательствами этой простой истины, прежде нежели съ правыхъ скамей Думы раздалось энергичное требованіе прекратить безполезный споръ.

Конецъ этихъ двухъ памятныхъ дней, стоившихъ мнѣ изряднаго напряженія силъ, вполнѣ оправдалъ мои усилія. Зако-

нодательное предположеніе 40 членовъ было просто передано въ бюджетную Комиссію и покоилось въ ней почти до самаго конца полномочій Думы третьяго созыва, то-есть болѣе четырехъ лѣтъ.

Началась болѣе спокойная смѣтная работа въ бюджетной Комиссіи. Мнѣ пришлось провести въ этой работѣ многіе и многіе дни, вплоть до мая мѣсяца, когда разсмотрѣнный въ Комиссіи бюджетъ поступилъ въ Общее Собраніе и начались опять жаркія схватки мои съ Шингаревымъ и нѣкоторыми другими представителями борьбы со мною — о чемъ рѣчь впереди.

Въ началѣ апрѣля, незадолго до разъѣзда членовъ Думы на пасхальный вакантъ, до свѣдѣнія правительства дошло, что по смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія Дума готовитъ правительству нѣкоторый сюрпризъ.

Въ подкомиссіи бюджетной Комиссіи, разсматривавшей смѣту Министерства Путей Сообщенія, собрались въ большомъ числѣ представители оппозиціоннаго направленія, возглавляемые виднымъ молодымъ кадетомъ, считавшимъ себя большимъ спеціалистомъ по всѣмъ вопросамъ желѣзнодорожнаго дѣла, очевидно потому, что самъ онъ окончилъ институтъ путей сообщенія и состоялъ приватъ-доцентомъ Томскаго Политехническаго института.

Это былъ Некрасовъ, сыгравшій потомъ, въ началѣ переворота въ мартѣ 1917 года, видную роль, въ качествѣ перваго комиссара по вѣдомству путей сообщенія и ему, именно, принадлежала заслуга внесенія въ желѣзнодорожную среду первыхъ проявленій величайшей демагогіи и разложенія, которыя опредѣлили всю дѣятельность этого вѣдомства въ первый періодъ революціи, до большевисткаго переворота.

Въ подкомиссіи, а затѣмъ и въ самой бюджетной комиссіи были, разумѣется, и другіе знатоки желѣзнодорожнаго дѣла, какъ Марковъ І-й, вліяніе которыхъ было значительно слабѣе, но и они были далеко не прочь показать правительству превосходство своихъ знаній надъ министерскими спеціалистами и попытаться проявить свое вліяніе при первомъ соприкосновеніи законодательныхъ учрежденій съ такою важною отраслью казеннаго и даже частнаго, но сильно зависѣвшаго отъ государственной власти, хозяйства. Къ тому же и положеніе нашего желѣзнодорожнаго дѣла было, въ ту пору, на самомъ дѣлѣ не блестящее. Правда, что главная причина тому, коренилась въ послѣдствіяхъ несчастной войны, въ разстройствѣ транспорта отъ революціонныхъ условій 1905—1906 года, которыя не могли быть, разумѣется, исправлены въ такой короткій срокъ, который протекъ съ той поры

до приступа къ нормальной работѣ новаго законодательнаго аппарата. Да и финансовое наше положеніе послѣ войны не могло дать всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя были необходимы для того, чтобы упорядочить все дѣло, и требовались годы времени и постепенное, планомѣрное исправленіе недостатковъ прошлаго. Для Государственной Думы и, въ особенности, для оппозиціонныхъ ея элементовъ пища для критики была чрезвычайно обильная и поводы для обвиненія правительства въ неумѣніи вести дѣло были слишкомъ разнообразны и даже благодарны.

Въ добавокъ и высшій составъ Министерства Путей Сообщенія въ лицѣ Министра, военнаго инженера Шауфусъ-фонъ-Шафхаузена мало соотвѣтствовалъ новымъ условіямъ законодательной работы. Совершенно неприготовленный къ защитѣ интересовъ своего вѣдомства въ публичныхъ засѣданіяхъ съ множествомъ оппонентовъ говорящихъ и часто нападавшихъ на представителей правительства довольно безцеремоннымъ образомъ, плохо владѣвшій рѣчью, терявшійся при всякомъ рѣзкомъ нападеніи и отвѣчавшій на него съ нескрываемымъ раздраженіемъ, Н. К. Шауфусъ былъ чрезвычайно смущенъ, когда Столыпинъ заявилъ намъ всѣмъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ, что до его свѣдѣнія дошло, что бюджетная комиссія рѣшила внести въ Общее Собраніе Думы, въ качествѣ своего заключенія по смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія, по раздѣлу казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, требованіе о назначеніи особой комиссіи изъ среды членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, для разслѣдованія положенія нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, съ предоставленіемъ ей широкихъ полномочій въ смыслѣ осмотра дорогъ на мѣстѣ, требованія разъясненій отъ всего персонала и даже контроля за расходованіемъ средствъ, отпускаемыхъ по смѣтѣ.

Еще до сообщенія такого предположенія, на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, въ видѣ слуха о готовящемся заключеніи, весьма сочувственно, будто бы, встрѣченнымъ чуть что не подавляющимъ большинствомъ всей Государственной Думы, тотъ же вопросъ о необходимости выяснить причины убыточности казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, требовавшихъ все большихъ и большихъ приплатъ казны по гарантіи облигаціонныхъ капиталовъ, составлялъ предметъ неоднократныхъ обсужденій въ теченіе зимы въ средѣ Совѣта Министровъ по инициативѣ самого вѣдомства Путей Сообщенія, къ которому рѣшительно примыкали и Министръ Финансовъ и Государственный Контролеръ, и всѣ мы были солидарны въ томъ, что то, что имѣлось въ виду еще въ

1903 году, для чего была образована особая высшая комиссія подъ предсѣдательствомъ Товарища Государственнаго Контролера Иващенкова, но что не привело къ практическому результату изъ-за войны и смуты, должно быть возобновлено снова въ настоящую минуту. Былъ даже сдѣланъ выборъ предсѣдателя такой комиссіи въ лицѣ недавняго Товарища Министра Путей Сообщенія, перешедшаго въ Государственный Совѣтъ, Генерала Н. П. Петрова, пользовавшагося прекрасною технической репутаціею и очень большимъ моральнымъ положеніемъ въ вѣдомствѣ. Разработанъ былъ также, въ главныхъ чертахъ, и проектъ учрежденія такой комиссіи, причемъ само вѣдомство и въ особенности Государственный Контролеръ рѣшительно настаивали на томъ, чтобы въ составъ такой комиссіи были непремѣнно приглашены по иниціативѣ правительства, и члены законодательныхъ учрежденій, обладающіе спеціальными знаніями въ области желѣзнодорожнаго дѣла.

Поэтому, когда до Совѣта Министровъ дошелъ слухъ о готовящемся предположеніи бюджетной Комиссіи, Столыпинъ предложилъ высказаться о томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ этому предложенію и насколько согласуется оно съ одобреннымъ уже Совѣтомъ предположеніемъ объ изслѣдованіи желѣзнодорожнаго дѣла черезъ правительственную комиссію. Его личное первое впечатлѣніе носило скорѣе характеръ довольно благожелательный для думскаго проекта. Онъ заявилъ намъ, однако, что не имѣетъ еще своего рѣшительнаго мнѣнія и предпочитаетъ высказаться послѣднимъ.

Наши пренія были не продолжительны и совершенно согласны между всѣми членами Совѣта, за исключеніемъ, какъ всегда, Министра Иностранныхъ Дѣлъ Извольскаго, не видѣвшаго никакого неудобства въ допущеніи и думской комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла одновременно съ правительственной. Всѣ мы были одного мнѣнія, что допускать учрежденіе думской комиссіи мы не имѣемъ никакого права по самому учрежденію Думы. Послѣдняя имѣетъ неотъемлемое право образовывать комиссіи для своей внутренней работы, но обслѣдованіе на мѣстахъ, съ опросомъ должностныхъ лицъ, контроль за расходованіемъ кредитовъ и т. п. — есть безспорное нарушеніе предѣловъ власти, которое неизбѣжно поведетъ только къ дальнѣйшему захвату полномочій, не предоставленныхъ ей учрежденіемъ Думы, и вызоветъ также неизбѣжное столкновеніе и съ Государственнымъ Совѣтомъ, который едва ли встанетъ на иную точку зрѣнія, какъ на признаніе такой организаціи невытекающею изъ закона

и, въ такомъ случаѣ, положеніе правительства, согласившагося на нее, окажется совершенно недопустимымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, охрана неприкосновенности закона будетъ исходить не отъ правительства, а отъ верхней палаты, что создаетъ и ложное положеніе для правительства передъ верховною властью.

Послѣ всѣхъ соображеній, высказанныхъ въ этомъ направленіи, въ которыхъ равное участіе приняли, какъ Министръ Юстиціи Щегловитовъ, особенно настойчиво доказывавшій недопустимость какого-либо компромисса, для исполненія желанія Думы, такъ и прочіе Министры, не исключая и меня, развивавшаго ту же точку зрѣнія, — Столыпинъ безъ колебанія присоединился къ намъ, а Извольскій уже и раньше отступилъ отъ своего взгляда, заявивши, что онъ смотрѣлъ не на букву нашего закона, а больше на образцы конституцій другихъ государствъ, къ которымъ, несомнѣнно, со временемъ присоединимся и мы. Совѣтъ единогласно рѣшилъ возражать въ Общемъ Собраніи Думы противъ заключенія бюджетной комиссіи. По моему предложенію, Совѣтъ рѣшилъ довести о принятомъ рѣшеніи до свѣдѣнія Государя, не составляя объ этомъ особаго журнала, какъ предложилъ я, чтобы не вводить въ обычай безпокоить Государя принимаемыми Совѣтомъ рѣшеніями въ формѣ предварительныхъ постановленій, основанныхъ на заключеніяхъ Думы, не ставшихъ еще офиціально заявленными, но въ то же время довести до Его свѣдѣнія о существенной важности возникшаго предположенія и объ отношеніи къ нему правительства.

Недѣлю спустя, въ слѣдующемъ засѣданіи, Столыпинъ передалъ намъ, что онъ подробно ознакомилъ Государя съ принятымъ Совѣтомъ рѣшеніемъ. Государь особенно внимательно выслушалъ всѣ доводы и сказалъ ему, что вполнѣ раздѣляетъ наше заключеніе и очень радъ тому, что мы заранѣе разъяснили ему этотъ вопросъ, который, разумѣется, не остался бы единичною попыткою расширить права Думы, чего слѣдуетъ вообще избѣгать, такъ какъ не компромиссами и уступками создается устойчивое положеніе въ странѣ. У Столыпина осталось даже впечатлѣніе, что Государь былъ уже извѣщенъ съ чей-то стороны о думскомъ предположеніи и ему, видимо, было пріятно узнать, что такой же взглядъ вынесенъ и правительствомъ.

Тутъ же Генералъ Шауфусъ обратился къ Столыпину съ просьбой освободить его отъ заявленія въ Думѣ о взглядѣ правительства, такъ какъ онъ убѣдился въ своей полной неспособности убѣждать Думу въ сложныхъ и спорныхъ дѣлахъ и просилъ поручить эту обязанность мнѣ, сказавши, что «дѣло каса-

ется сметы, и никто лучше меня не справится съ этимъ вопросомъ».

Столыпинъ попробовалъ было убѣждать его не настаивать на своемъ отказѣ, но Шауфусъ оставался непреклоненъ и даже сказалъ «неужели же и сами Вы, Петръ Аркадіевичъ, не видите, что Вамъ нуженъ другой сотрудникъ по вѣдомству путей сообщенія». Чтобы положить конецъ довольно тягостному положенію, Столыпинъ спросилъ меня, принимаю ли я на себя «чужое» дѣло и, получивши мое согласіе, закончилъ наши пренія.

Я былъ далекъ въ эту минуту отъ мысли, что этому, казалось, простому и ясному вопросу было суждено разгорѣться до крупнаго инцидента и остаться особенно неблагопріятнымъ привѣскомъ къ моей личности на долгіе годы, съ отраженіемъ его много лѣтъ спустя, даже въ эмиграціи, какъ доказательство моего особенно неблагопріятнаго отношенія къ идеѣ народнаго представительства, чего, на самомъ дѣлѣ, у меня никогда не было.

Настало 24-ое апрѣля. Дума приступила къ разсмотрѣнію заключенія бюджетной комиссіи по смѣтѣ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Изложенное въ формѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ предложеніе это было облечено въ крайне неудачную и очень туманную форму, не дававшую даже яснаго представленія о томъ, какую именно Комиссію желала бы образовать Государственная Дума, каковы должны быть, по мысли авторовъ, предѣлы ея полномочій, какой составъ ея отвѣчалъ бы всего болѣе думскимъ пожеланіямъ. Поэтому пренія открылись цѣлымъ рядомъ соображеній, высказанныхъ по существу вопроса о дефицитности нашего желѣзнодорожнаго дѣла, въ особенности на казенной рельсовой сѣти, и цѣлый рядъ ораторовъ сталъ разсматривать этотъ вопросъ, каждый со своей точки зрѣнія, внося самыя разнообразныя обоснованія этой убыточности и предлагая столь же разнообразные способы уврачеванія ихъ. Не остались внѣ обсужденія и соображенія о желательномъ составѣ Комиссіи, и нѣсколько ораторовъ прямо указывали на необходимость привлечь къ этому дѣлу членовъ законодательныхъ палатъ, свѣдущихъ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, но по вопросу о способѣ образованія Комиссіи и предѣлахъ ея правъ и полномочій, какъ-то всѣ ходили, что называется, кругомъ да около, не выражая ясно своего мнѣнія до той минуты, какъ П. Н. Милюковъ, не прося даже слова, а съ своего мѣста, рѣзко отчеканивая каждое изъ сказанныхъ имъ не-

многихъ словъ, сказалъ: «я постараюсь яснѣе опредѣлить наше желаніе, — мы считаемъ необходимымъ образомъ парламѐнтскую (съ удареніемъ на буквѣ «е») Комиссію по разслѣдованію причинъ убыточности нашего казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства, которая одна въ состояніи выполнить съ успѣхомъ это сложное дѣло». Вся лѣвая половина покрыла слова Милюкова громкими рукоплесканіями. Съ правыхъ скамей начали слышаться неодобрительные возгласы, и отдѣльные депутаты съ любопытствомъ поглядывали на меня, сидѣвшаго въ одиночествѣ на министерскихъ мѣстахъ. Изъ ихъ среды попросилъ слова членъ Думы Графъ Бобринскій 2-ой. Онъ поднялся на каѳедру и обратился ко мнѣ со словами прямого вызова о томъ, «какъ относится ко всѣмъ высказаннымъ предположеніямъ Правительство, находитъ ли оно желательнымъ и возможнымъ образовать такую комиссію, съ какими правами и въ какомъ именно порядкѣ», объяснивши при этомъ, что для многихъ членовъ Государственной Думы далеко не безразлично будетъ ли протекать поднятый вопросъ въ полномъ согласіи между правительствомъ и законодательными палатами, или же встрѣтитъ онъ какія-либо осложненія въ порядкѣ своего осуществленія?

О такомъ запросѣ я не былъ предупрежденъ и даже о немъ не было слышно ничего и изъ думскихъ кулуаровъ, сужденія которыхъ всегда доходили до свѣдѣнія правительства даже по дѣламъ, гораздо менѣе важнымъ.

Былъ ли предупрежденъ объ этомъ лично Столыпинъ, къ которому въ ту пору часто заглядывали многіе депутаты, именно изъ правой половины Думы, я также не знаю и могу только удостовѣрить, что до меня не доходило никакого слуха о состоявшемся сговорѣ между правыми и П. А. Столыпинымъ, о чемъ потомъ ходили упорные слухи. Я думаю, что и надобности въ этомъ никакой не было, потому что и безъ такого вызова, я выступилъ бы съ заявленіемъ объ отношеніи правительства къ возникшему предположенію, какъ это и было рѣшено Совѣтомъ. Я выжидалъ только наиболѣе подходящаго момента, чтобы просить слова, когда достаточно выяснится неопредѣленная позиція самой Думы, очевидно не успѣвшей договориться въ своей средѣ или не желавшей создавать какого-либо конфликта съ правительствомъ. Во всякомъ случаѣ, я въ точности заявляю, что между мною и Бобринскимъ никакого сговора не было, и что версія, быстро распространившаяся въ Думѣ послѣ возникшаго личнаго со мною инцидента о томъ, что я былъ, какъ говорится, спровоцированъ

правыми, по моему личному желанію, для того, чтобы занять моимъ заявленіемъ выгодную для себя позицію въ Царскомъ Селѣ, — совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Весь инцидентъ возникъ исключительно изъ словъ Милюкова о томъ, что инициаторы предложенія имѣютъ въ виду *«парламѐнтскую»* слѣдственную Комиссію съ широкими правами разслѣдованія, и на это заявленіе, единственно, къ которому приложимо наименованіе «провокаціоннаго», я не могъ не отвѣтить и, если отвѣтилъ, вставивши въ мои слова приставку, что «у насъ, слава Богу, нѣтъ еще парламента», то вся моя вина заключается только въ томъ, что я помѣстилъ въ мою реплику эти два слова «слава Богу», справедливыя по существу не только для того времени, но и для гораздо болѣе поздняго, и о которыхъ я нимало не сожалѣю, какъ не сожалѣлъ и тогда. Но положительно и открыто я утверждаю, что я не имѣлъ и въ мысляхъ моихъ понравиться ими кому бы то ни было. Много несправедливыхъ толковъ было потомъ по поводу моихъ словъ. Часто, и многіе годы спустя, слышалъ я осужденіе меня за сказанныя слова, но никто не потрудился толкомъ отдать себѣ отчетъ въ нихъ и даже не вчитался въ мою рѣчь, а тѣ немногіе, которые потомъ, много лѣтъ спустя, дали себѣ трудъ прочитать то, что я сказалъ въ ту пору, не могли не сказать, что по существу, я былъ совершенно правъ, да и самъ Милюковъ отлично сознавалъ, что его слова были истинною причиною моей отповѣди и были сказаны имъ, несомнѣнно, съ прямою цѣлью вызвать меня на реплику ему.

Каждый, кому когда-либо попадетъ на глаза стенограмма этого засѣданія, дастъ себѣ отчетъ въ томъ, могъ ли Министръ Царскаго правительства не отвѣтить моими словами на заявленіе Милюкова, когда передъ его глазами находился текстъ учрежденія Государственной Думы, а наскоки оппозиціи на правительство и захватъ власти еще такъ недавно составляли всю сущность стремленій народнаго представительства первыхъ двухъ Думъ.

Произнесенныя мною слова вызвали бурю аплодисментовъ на правыхъ скамьяхъ Думы и свистъ на лѣвыхъ. Такъ отмѣчено это засѣданіе въ думскомъ протоколѣ. На самомъ дѣлѣ этотъ свистъ былъ довольно-таки безобиденъ и даже, послѣ окончанія засѣданія, мнѣ пришлось бесѣдовать съ окружившими меня депутатами, среди которыхъ былъ и А. И. Шингаревъ, и мы совершенно спокойно обмѣнивались взглядами на происшедшее разномысліе, причемъ правые шумно поддерживали меня и тутъ, а Шингаревъ совершенно спокойно сказалъ, что «конституціонно

Вы совершенно правы, такъ какъ несомнѣнно, законъ не даетъ Думѣ права организовывать «слѣдственныя или анкетныя» комиссіи, но что самому правительству было бы выгоднѣе пойти на расширеніе дарованныхъ Думѣ правъ, о чемъ мы снова продолжали очень мирно обмѣниваться взглядами, не предвѣщавшими никакой бури. Никто изъ нихъ не подчеркнулъ моихъ неудачныхъ, быть можетъ словъ «слава Богу и т. д.».

Буря совершенно неожиданно возникла въ слѣдующемъ засѣданіи 25-го апрѣля и притомъ въ моемъ отсутствіи. Читался протоколъ вчерашняго засѣданія. Депутатовъ почти не было на мѣстахъ. Совершенно незамѣтный, до того времени, членъ Думы отъ Псковской губерніи Ткачевъ сталъ настаивать на непремѣнномъ включеніи въ протоколъ словъ «въ законодательномъ порядкѣ» по поводу самого образованія анкетной комиссіи, чего не было включено въ резолюцію по предложенію президіума, дабы не создавать конфликта съ правительствомъ. Другой депутатъ Графъ Уваровъ попросилъ слова, чтобы отвѣтить мнѣ на мою реплику.

Предсѣдатель Хомяковъ, желая очевидно потушить инцидентъ, тотчасъ послѣ заявленія Ткачева и не давая слова Гр. Уварову, произнесъ весьма нескладную короткую рѣчь такого содержанія (записываю ее по стенограммѣ): «Господа, я васъ покорно прошу держаться вопроса, именно — выпускать или не выпускать изъ предложенной формулы перехода слова въ «законодательномъ порядкѣ». Я считаю это своимъ долгомъ потому, что мы не можемъ ставить какъ отдѣльный вопросъ обсужденіе неудачно сказанныхъ кѣмъ бы то ни было словъ. Какъ предсѣдатель я не имѣлъ никакой возможности остановить Министра Финансовъ, когда онъ сказалъ свое неудачное выраженіе; я не имѣлъ возможности и не имѣлъ даже права, но я считаю, что я имѣю возможность, имѣю и обязанность не допускать обсужденія этихъ словъ въ дальнѣйшемъ. Поэтому прошу покорнѣйше держаться предѣловъ вопроса». Вотъ и все.

О такомъ выступленіи Предсѣдателя Государственной Думы я ничего не зналъ, и даже обычный информаторъ думскихъ инцидентовъ Куманинъ ничего не сказалъ мнѣ по телефону; вѣроятно и самъ онъ узналъ объ этомъ только позже. Но послѣ завтрака, около трехъ часовъ, въ то время, когда я принималъ обычные доклады по Министерству, ко мнѣ позвонилъ по телефону П. А. Столыпинъ и спросилъ, знаю ли я что произошло утромъ въ Думѣ и «какъ отличился», сказалъ онъ, «нашъ ми-

20*

лѣйшій Хомяковъ?» Я отвѣтилъ полнымъ невѣдѣніемъ. Онъ прочиталъ мнѣ тогда стенограмму Думы и спросилъ не могу ли придти къ нему, когда освобожусь отъ работы, прибавивши, что «оставить этого дѣла такъ невозможно, а то и въ этой Думѣ насъ попытаются осѣдлать».

Въ шестомъ часу вечера я пришелъ въ Зимній Дворецъ и засталъ Столыпина въ большомъ волненіи. Оказалось, что онъ успѣлъ уже переговорить по телефону съ Хомяковымъ и послѣдній успѣлъ даже побывать у него до моего прихода. На замѣчаніе Столыпина, что его выступленіе крайне удивило его и ставитъ передъ нимъ даже вопросъ о томъ, какъ быть Министрамъ, если Предсѣдатели Думы начнутъ награждать Министровъ различными эпитетами за произносимыя ими рѣчи, вмѣсто того чтобы предоставить Думѣ въ лицѣ ея членовъ возражать имъ по существу, и будутъ это дѣлать еще въ присутствіи Министровъ? Онъ сказалъ даже, что передъ нимъ стоитъ даже вопросъ о томъ, согласится ли Министръ Финансовъ являться въ Думу послѣ такого инцидента, а если онъ не согласится, то онъ, Столыпинъ, отнюдь не станетъ уговаривать его, вполнѣ понимая, что и самъ онъ поступилъ бы точно такъ же, и тогда встанетъ во весь ростъ вопросъ о такомъ конфликтѣ между Думою и правительствомъ, который просто не знаешь какъ разрѣшить.

По словамъ Столыпина, Хомяковъ просто не понялъ своего поступка и думалъ, что онъ поступилъ даже чрезвычайно умно, потушивши приподнятое настроеніе въ Думѣ, не давши говорить депутатамъ на скользкую тему и предложивши простой выходъ изъ возникшаго инцидента. Ему и въ голову не приходило обидѣть меня, тѣмъ болѣе, что со мною его связываютъ наилучшія отношенія и «если бы, сказалъ онъ, В. Н. подалъ въ отставку изъ за этого его неосторожнаго шага, то я и самъ тотчасъ же уйду изъ предсѣдателей».

Столыпинъ сначала не передалъ мнѣ всей его бесѣды съ Хомяковымъ и только послѣ передалъ мнѣ всѣ подробности. Онъ сказалъ мнѣ, что эта бесѣда была не очень гладкая, настолько что Хомяковъ, по его словамъ, самъ предложилъ ему покончить этотъ вопросъ не вмѣшивая въ него меня, и именно тѣмъ, что завтра же заявитъ въ Думѣ открыто, что обдумавши свои слова, сказанныя вчера, онъ беретъ ихъ назадъ, потому что считаетъ, что поступилъ неправильно, охарактеризовавши эпитетомъ «неудачныя» слова Министра.

«Вѣдь такъ, пожалуй, сказалъ онъ, по моимъ стопамъ члены Думы начнутъ подносить въ своей критикѣ и почище эпитеты, въ родѣ глупыя, пошлыя и такъ далѣе, а кто же запретитъ Министрамъ отвѣтить на нихъ и въ еще болѣе повышенномъ тонѣ, до верхняго до діеза и тогда, дѣйствительно, придется святыхъ выносить изъ залы».

Столыпинъ предложилъ Хомякову обождать свиданія его со мною и обѣщалъ передать по телефону на чемъ мы остановимся, сказавши отъ себя, что, во всякомъ случаѣ, нельзя доводить этого дѣла до Государя, что будетъ неизбѣжно, если не найдется возможности потушить разгорѣвшійся пожаръ.

Мнѣ, конечно, все это было въ высшей степени непріятно. Я началъ съ того, что сказалъ, что считаю единственно, съ моей стороны, ошибкою привѣсокъ словъ «славу Богу», потому что нахожу слова «у насъ нѣтъ парламента» совершенно правильными, ибо право назначать слѣдственныя Комиссіи, производить разслѣдованія на мѣстахъ, контролировать порядокъ исполнительныхъ дѣйствій и т. д. не предусмотрѣно нашими основными законами и не входитъ въ кругъ прерогативъ нашей Думы, какъ органа исключительно законодательнаго, а отнюдь не управленія. У насъ введенъ, дѣйствительно, конституціонный образъ правленія, но парламентаризма у насъ еще нѣтъ, и далѣе запроса правительству о незакономѣрности органовъ управленія Дума и Государственный Совѣтъ идти не могутъ. Остается лишь вопросъ о словахъ «славу Богу» и если, произнеся ихъ, я оказался недостаточно сдержаннымъ, тактичнымъ и возбудилъ страсти, то можно попытаться найти какую-либо безобидную форму компромисса, хотя лично я настолько не дорожу моимъ положеніемъ, что заранѣе готовъ предложить ему, какъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, располагать мною для любого жертвоприношенія, если только оно укрѣпитъ положеніе правительства и дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокоеніе напрасно поднявшимся страстямъ. Я закончилъ мой отвѣтъ тѣмъ, что я не придаю никакого значенія инциденту и болѣе всего желаю окончить его безъ всякаго обостренія. Столыпинъ всталъ на совершенно непримиримую точку. Онъ заявилъ мнѣ, что не видитъ никакой безтактности въ словахъ «у насъ, славу Богу, нѣтъ парламента», такъ какъ въ нихъ онъ видитъ святую истину и считаетъ, что прямой долгъ правительства — бороться противъ всякаго расширенія, захватнымъ порядкамъ, Думою новыхъ правъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, и думаетъ даже, что, если бы я не остановилъ попытки кадетовъ къ такому захвату, то на меня, какъ единствен-

наго присутствовавшаго Министра, посыпался бы рядъ справедливыхъ обвиненій съ трехъ сторонъ: съ правой половины самой Думы, несомнѣнно, — со стороны всего Государственнаго Совѣта, который воспользовался бы моимъ молчаніемъ и даже черезмѣрною моею мягкостью возраженій для обвиненія правительства въ слабости тамъ, гдѣ ей не должно было быть мѣста и, наконецъ, вѣроятно, со стороны и Государя, котораго мы должны ограждать отъ такихъ захватовъ и не переносить на него такихъ инцидентовъ, которые служили бы только поводомъ къ новымъ осложненіямъ. Онъ прибавилъ, что ни въ чемъ не можетъ меня упрекнуть, считаетъ мои дѣйствія совершенно правильными и убѣжденъ, что въ самой Думѣ огромное большинство благоразумныхъ людей отлично понимаетъ неправильность дѣйствій Хомякова, руководившагося, конечно, наилучшими побужденіями, но допустившаго прямую безтактность. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы на такой неблагопріятной для престижа Думы почвѣ разгорѣлся конфликтъ именно со мною, успѣвшимъ уже завоевать себѣ большія симпатіи въ Думѣ и проявляющимъ каждый день полнѣйшую готовность работать съ Думою самымъ согласнымъ образомъ. «Хомяковъ заварилъ кашу, пусть онъ же и расхлебываетъ ее» закончилъ Столыпинъ и просилъ меня не осложнять создавшагося положенія какими-либо моими заявленіями и предоставить дѣло его естественному теченію.

На этомъ мы разстались съ нимъ, и я въ этотъ вечеръ, подъ самыми разнообразными предлогами, отклонилъ цѣлый рядъ телефонныхъ звонковъ со стороны, по крайней мѣрѣ, пяти или шести членовъ Думы, просившихъ принять ихъ по спѣшному дѣлу.

Около 11-ти часовъ вечера Столыпинъ снова позвонилъ ко мнѣ и передалъ, что отъ него не выходили во весь вечеръ безчисленные представители думскихъ фракцій, отъ крайнихъ правыхъ, до лѣвыхъ октябристовъ, и всѣ въ одинъ голосъ осуждали Хомякова и просили потушить инцидентъ тѣми или иными способами, говоря, что они не допускаютъ и мысли, чтобы я могъ уйти и совершенно увѣрены въ томъ, что Государь ни въ какомъ случаѣ не допуститъ моей отставки, если бы я поставилъ вопросъ ребромъ и тогда бы всталъ на очередь вопросъ объ отставкѣ Хомякова, что тоже было бы невыгодно и для правительства, въ особенности при самомъ началѣ думской работы. Столыпинъ отвѣтилъ всѣмъ имъ, что я ему не говорилъ ни одного слова объ отставкѣ, и онъ, какъ и я, мы ожидаемъ, что предприметъ самъ

Предсѣдатель Государственной Думы, создавшій поводъ къ такому столкновенію.

Инцидентъ разрѣшился на слѣдующій день къ общему удовольствію точнымъ выполненіемъ Хомяковымъ даннаго имъ Столыпину обѣщанія.

Открывая утреннее засѣданіе 26-го числа, Н. А. Хомяковъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе, принятое громомъ рукоплесканій чуть что не всей Думы, кромѣ крайняго лѣваго сектора. Цитирую его по стенограммѣ, чтобы отдать честь покойному Предсѣдателю Думы, съ которымъ мы сохранили до самой революціи самыя дружескія отношенія, хотя и въ этихъ его словахъ не было, конечно, недостатка въ двухсмысленности.

«Господа, во вчерашнемъ засѣданіи, при обсужденіи вопроса о смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія, я, съ своей стороны, остановилъ послѣ рѣчи Гр. Уварова, дальнѣйшія пренія или, лучше сказать, дальнѣйшія рѣчи по словамъ, которыя были сказаны въ предыдущемъ засѣданіи г. Министромъ Финансовъ. При этомъ я квалифицировалъ, — сдѣлалъ оцѣнку его словъ. Я считаю, что Государственная Дума не имѣетъ права обсуждать дѣятельность ея Предсѣдателя, но думаю, что Предсѣдатель, если онъ усматриваетъ въ своихъ дѣйствіяхъ какое-нибудь нарушеніе, тѣмъ болѣе могущее повлечь за собою что-либо нехорошее по отношенію къ Думѣ или къ кому-либо изъ ея членовъ, обязанъ объяснить свои дѣйствія передъ избравшей его Думою. Я вполнѣ сознаю, что поступилъ некорректно въ смыслѣ формальномъ по отношенію къ Министру, рѣчь котораго я квалифицировалъ, не корректно по отношенію къ членамъ Государственной Думы, не допустивъ ихъ обсуждать слова Министра послѣ рѣчи Гр. Уварова, когда они могли желать высказать свое мнѣніе.

Я признаю, что въ данномъ случаѣ я поступилъ некорректно, но, господа, я долженъ сказать, что, кромѣ наказа, кромѣ письменныхъ регламентовъ, я знаю еще другой регламентъ, — это моя совѣсть. Я считаю, что если предо мною въ Государственной Думѣ, отъ кого бы то ни было, будь то отъ правительства или будь то отъ кого-либо изъ членовъ Государственной Думы, падетъ искра, отъ которой можетъ вспыхнуть пожаръ, я считаю своимъ долгомъ, вопреки регламенту, эту искру потушить. Если мнѣ удалось это сдѣлать, то я не буду объ этомъ забывать и до послѣднихъ дней моей жизни буду вспоминать объ этомъ съ удовольствіемъ, а не съ раскаяніемъ».

На этомъ все дѣло и кончилось. Я не принималъ въ ликвидаціи его никакого участія и ни съ кѣмъ, кромѣ П. А. Столыпи-

на, никакихъ объясненій не велъ. Въ Совѣтѣ Министровъ, искренно или не искренно, меня не только никто не осуждалъ, но всѣ говорили въ одинъ голосъ, что я былъ глубоко правъ по существу, хотя я совершенно увѣренъ, что за моею спиною говорили совершенно иное. Государя я видѣлъ только недѣлю спустя послѣ этого событія. Онъ говорилъ объ этомъ въ совершенно шутливомъ тонѣ, осуждая Хомякова и вполнѣ, видимо, одобряя меня за прямое заявленіе протеста противъ явной попытки, со стороны оппозиціи, продѣлать и въ Думѣ третьяго созыва то, что происходило каждый Божій день въ первыхъ двухъ Думахъ. Былъ ли Государь на самомъ дѣлѣ доволенъ моимъ выступленіемъ или отнесся къ нему безразлично, — это трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго неудовольствія мнѣ Онъ не выразилъ, ни непосредственно послѣ этого инцидента, ни когда-либо впослѣдствіи, до самаго моего ухода. Досужіе истолкователи нашихъ внутреннихъ событій сочинили, однако, вскорѣ, что я сдѣлалъ мое сенсаціонное заявленіе чуть ли не по прямому приказу Государя, или, во всякомъ случаѣ, зная, что этимъ я Ему угожу, но все это лишено всякаго смысла, потому что самъ по себѣ инцидентъ, — если называть имъ мое заявленіе — былъ вызванъ исключительно выступленіемъ Милюкова, который демонстративно и въ несомнѣнно искусственно приподнятомъ тонѣ почти закричалъ: « Мы требуемъ парламентской слѣдственной комиссіи», на что я и сдѣлалъ мое возраженіе.

У Хомякова не осталось отъ этого инцидента, повидимому, тоже никакого недружелюбнаго ко мнѣ осадка. Мы не видѣлись съ нимъ послѣ 24-го апрѣля вплоть до 7-го мая, когда поѣхали вмѣстѣ въ Царское Село, въ день рожденія Императрицы Александры Θеодоровны, и онъ, самымъ благодушнымъ образомъ, шутилъ надъ нашимъ «турниромъ великодушія», какъ назвалъ онъ свои два выступленія въ Думѣ. Да и въ самой Думѣ все очень скоро улеглось, и долгое время никто не напоминалъ мнѣ о происшедшемъ, и уже гораздо позже стали возвращаться, въ репликахъ мнѣ, мои обычные противники, къ моему выраженію, спрашивая меня язвительно о томъ, есть ли у насъ парламентъ или нѣтъ.

ГЛАВА II.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ смѣтъ на 1908 г. — Предсѣдатель бюджетной комиссіи проф. Алексѣенко. — Мои оппоненты: слѣва и справа. — Взаимоотношенія отдѣльныхъ группъ въ Государственномъ Совѣтѣ. — Законопроектъ о постройкѣ Амурской желѣзной дороги. — Экономическое и стратегическое значеніе дороги. — Принятіе законопроекта Думой и Государственнымъ Совѣтомъ при непримиримой оппозиціи гр. Витте. — Моя поѣздка въ Гомбургъ. — Свиданіе съ Нетцлиномъ. — Смерть дочери Плеске.

Весь май и половина іюня, до 18-го числа, ушли на очень тягостную для меня работу по разсмотрѣнію заключеній бюджетной комиссіи по отдѣльнымъ смѣтамъ Министерства Финансовъ. Этой работѣ предшествовала не менѣе утомительная, но за то гораздо болѣе продуктивная работа въ бюджетной Комиссіи. Въ ней не было длинныхъ рѣчей, не присутствовала публика, не велось пристрастной кампаніи въ печати, все еще не уставшей, въ извѣстной ея части, вести борьбу съ правительствомъ, невзирая на то, что побѣда всегда оставалась за послѣднимъ, и работа имѣла характеръ чисто дѣловой. Часто даже и нападокъ на правительство почти не было, а съ внѣшней стороны всѣ держались чрезвычайно корректно и даже предупредительно лично въ отношеніи меня, а Предсѣдатель бюджетной комиссіи Алексѣенко, считавшій себя большимъ знатокомъ бюджета и финансовой науки, — всегда былъ утонченно вѣжливъ со мною. Мы расходились послѣ нашихъ многочисленныхъ совмѣстныхъ занятій въ самомъ благодушномъ настроеніи, и почти никогда не оставалось между нами несоглашенныхъ противорѣчій. Это не мѣшало, однако, потомъ, при изложеніи докладовъ, оставлять мѣсто многимъ несогласіямъ и вносить въ общее собраніе Думы немалое количество подводныхъ камней, очевидно, для того, чтобы дать

отдѣльнымъ докладчикамъ проявить ихъ критическое отношеніе, правда, не всегда съ большимъ для нихъ конечнымъ успѣхомъ.

Такимъ отношеніемъ къ дѣлу и лично ко мнѣ отличались, конечно, по преимуществу, депутаты съ лѣвыхъ скамей, и въ числѣ ихъ всегда былъ, разумѣется, мой присяжный оппонентъ, дѣлавшій, такъ сказать, на мнѣ свою политическую карьеру въ кадетской партіи и въ Думѣ третьяго созыва, какъ пытался онъ выдвигаться и раньше, еще въ своей земской дѣятельности, въ Воронежской губерніи, — Шингаревъ. Къ нему присоединялся очень часто другой кадетъ, гордо носившій званіе «профессора», хотя онъ былъ только начинающимъ приватъ-доцентомъ Томскаго технологическаго Института,—Некрасовъ. Я упомянулъ уже, что ему принадлежитъ, несомнѣнно, главная заслуга въ развращеніи желѣзнодорожныхъ служащихъ и разрушеніи служебной дисциплины среди нихъ въ началѣ февральской революціи. По думской работѣ онъ спеціализировался на критикѣ смѣты по расходамъ на приплаты по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, и въ эту критику онъ вносилъ всегда, при совершенно приличной внѣшней формѣ, самую безудержную демагогію и неприкрашенное извращеніе истины, расчитанное только на то, чтобы черезъ печать и собиравшуюся всегда послушать его публику дискредитировать правительство. Его мало смущало то, что въ думскомъ голосованіи онъ всегда оставался въ меньшинствѣ, что всѣ его предложенія, а иногда и праздная критика, не сопровождавшаяся никакимъ реальнымъ предложеніемъ о сокращеніи расходовъ, оставались безъ всякаго результата, и правительство выходило всегда съ полною моральною и фактическою побѣдою. Его это нисколько не смущало, потому что каждый разъ послѣ его выступленія газета «Рѣчь», на другой день, посвящала ему хвалебную статью, расписывая въ какое трудное положеніе было поставлено вчера правительство и насколько одно лишь дружное голосованіе, заранѣе обезпеченнаго, большинства, вывело его изъ такого положенія. Прилагалъ время отъ времени свою руку къ «раздѣлыванію правительства подъ орѣхъ»—какъ говорили въ кулуарахъ Думы,—и упомянутый мною раньше депутатъ Аджемовъ, адвокатъ по профессіи, несомнѣнно способный и даровитый человѣкъ, выступавшій, однако, не по какому-либо опредѣленному вопросу, болѣе или менѣе ему извѣстному, а, главнымъ образомъ, тогда, когда его выдвигала партія высказать нѣсколько оппозиціонныхъ мыслей, а обычные ораторы отъ партіи уже исчерпали ранѣе арсеналъ ихъ нападокъ. Онъ выходилъ на кафедру и говорилъ гладко, непріятно для привительства, но содержаніе его

рѣчей отличалось такою неопредѣленностью, что возражать ему иногда просто не было нужды, и небольшія реплики оказывались достаточными для ликвидаціи его выступленія. Къ чести его, если только въ этомъ есть большая честь, нужно сказать, что онъ никогда не смущался отъ того, что ему приходилось выслушивать лишь непріятныя возраженія, и онъ вполнѣ хладнокровно говорилъ мнѣ открыто, при встрѣчѣ, что онъ «не спеціалистъ по смѣтнымъ и финансовымъ вопросамъ» и выступалъ только потому, что «ему было предложено покуражиться надъ правительствомъ».

Но и съ правой стороны, въ бюджетныхъ преніяхъ былъ одинъ спеціалистъ, который также хотѣлъ дѣлать свою карьеру на оппозиціи правительству вообще и Министру Финансовъ въ частности, но, къ сожалѣнію, для него, не только въ этомъ не успѣлъ, но даже быстро утратилъ и свое положеніе въ думскихъ кругахъ, которое одно время онъ было завоевалъ обѣщаніями принести Думѣ свой технической опытъ по раскрытію «вопіющей дезорганизаціи всего провинціальнаго аппарата Финансоваго Вѣдомства». Это былъ недавній податной инспекторъ и начальникъ отдѣленія Рязанской Казенной Палаты — Еропкинъ.

Мои сотрудники по двумъ Департаментамъ — Государственнаго Казначейства и Окладныхъ сборовъ, — ближе всего стоявшіе къ личному составу Казенныхъ Палатъ, дали мнѣ о Еропкинѣ интересныя свѣдѣнія, какъ о посредственномъ податномъ инспекторѣ, не обладавшемъ никакою инициативою, но аккуратно отбывавшимъ всѣ формальности и, въ особенности, безупречномъ въ исполненіи всѣхъ канцелярскихъ обязанностей. Онъ домогался, сравнительно долгое время, перемѣщенія на должность Начальника Отдѣленія Казенной Палаты, ссылаясь на то, что, по состоянію здоровья, ему затруднительно совершать объѣзды по сравнительно большому району, съ плохимъ обслуживаніемъ его желѣзною дорогою. Это повышеніе ему было предоставлено. Вскорѣ онъ женился на состоятельной особѣ и былъ выбранъ въ члены Государственной Думы, предварительно примкнувши къ новой, въ ту пору, партіи 17-го октября, которая, въ Рязанской губерніи, сформировалась въ довольно крѣпкую организацію и провела на выборахъ почти весь составъ Думы отъ губерніи.

Мы свидѣлись съ Еропкинымъ впервые въ засѣданіи бюджетной комиссіи по разсмотрѣнію смѣты Департамента Государственнаго Казначейства уже въ началѣ 1908 года. Еропкинъ былъ назначенъ докладчикомъ по ней, сохраняя обязанности Секретаря бюджетной Комиссіи. Открылось засѣданіе Комиссіи

заявленіемъ мнѣ Предсѣдателемъ ея благодарности за то, что я доставилъ всѣ нобходимыя справки и разъясненія, которыя значительно облегчили работу Комиссіи, и все засѣданіе, затянувшееся до поздняго часа, носило совершенно мирный и даже дружественный характеръ.

Черезъ нѣсколько дней Директоръ Департамента Казначейства получилъ и показалъ мнѣ заготовленный печатный докладъ по смѣтѣ, присланный ему Секретаремъ Еропкинымъ, который былъ также совершенно корректенъ и не содержалъ въ себѣ рѣшительно ничего, о чемъ не было рѣчи въ засѣданіи.

Не мало было мое удивленіе, когда, открывши засѣданіе, Предсѣдатель Думы Хомяковъ предоставилъ слово докладчику смѣты Еропкину и тотъ, доложивши вкратцѣ заключеніе Комиссіи, заявилъ, что онъ имѣетъ сдѣлать рядъ заявленій отъ себя, какъ докладчика и члена Комиссіи, и произнесъ, въ самомъ приподнятомъ настроеніи, цѣлую рѣчь чисто обличительнаго свойства, далеко выходящую за предѣлы послѣдующихъ «оппозиціонныхъ» рѣчей Шингарева.

Повторять здѣсь, много лѣтъ спустя все, что онъ наговорилъ, и какъ это онъ говорилъ, просто нѣтъ охоты, настолько это было несправедливо, а подчасъ мелочно и ненужно, что даже съ лѣвыхъ скамей ему не было оказано особеннаго одобренія и, послѣ его рѣчи, въ такъ называемыхъ кулуарахъ не было, кажется, никого, кто бы не почувствовалъ неловкости отъ выслушаннаго. Мнѣ пришлось возражать Еропкину въ атмосферѣ вполнѣ для меня благопріятной и неоднократныя одобренія аплодисментами раздавались по моему адресу не только съ правыхъ скамей, но и изъ центра, со скамей занятыхъ октябристами, къ составу которыхъ принадлежалъ своеобразный и мало удачливый докладчикъ.

Ни одно изъ предложеній Еропкина не было принято Думою. Но полученный имъ урокъ не принесъ ему никакой пользы. Подошло разсмотрѣніе 19 іюня Общимъ Собраніемъ Думы заключительнаго доклада Бюджетной Комиссіи по всей росписи доходовъ и расходовъ на 1908 годъ. Объясненія отъ имени Комиссіи представилъ Алексѣенко и представилъ ихъ въ самой благожелательной и корректной формѣ. Это былъ еще медовый мѣсяцъ нашей совмѣстной работы. Ничто не омрачало еще того согласія, которое царило въ нашихъ отношеніяхъ. Не было еще ни возникшаго гораздо позже обостренія между мною и партіею націоналистовъ; не было и рѣзкаго разногласія между мною и, близкими Алексѣенко, людьми въ вопросѣ о желѣзнодорожномъ

строительствѣ; не было, наконецъ, и симптомовъ неудовольствія мною на верху, которое, разумѣется, расцѣнивалось непосредственно и отношеніемъ ко мнѣ со стороны опредѣленныхъ круговъ Думы, чутко прислушивавшихся къ біенію пульса моего положенія въ окруженіи Государя.

Всѣмъ казалось, что пренія будутъ носить чисто дѣловой характеръ и сосредоточатся исключительно около предложенныхъ Бюджетною Комиссіею небольшихъ измѣненій по отдѣльнымъ статьямъ росписи.

Конечно, не обошлось безъ выступленія Шингарева въ его обычной формѣ, отвѣчающей, обычнымъ же пріемамъ критики того, что дѣлаетъ правительство, но и оно было сдѣлано въ совершенно приличной формѣ и могло быть опровергнуто мною безъ особаго труда.

Но Еропкинъ не могъ, очевидно, простить мнѣ своего пораженія по смѣтѣ Департамента Государственнаго Казначейства. Онъ не воспользовался представлявшимся для него случаемъ промолчать и выступилъ съ длинною, рѣзкою и даже страстною рѣчью, предупредивши, что говоритъ не отъ имени бюджетной Комиссіи, а отъ своего имени. Рѣчь его сводилась къ совершенно неприличному для недавняго чиновника Министерства Финансовъ и для Секретаря бюджетной Комиссіи, подписавшаго, въ сущности, хвалебное заключеніе Комиссіи о проектѣ росписи доходовъ и расходовъ, огульному осужденію всего нашего финансоваго строя и управленія, отсутствію у Министра Финансовъ элементарнаго плана, безсистемной жизни изо дня въ день, его предвзятаго и даже несправедливаго отношенія къ народному представительству и величайшей опасности оставлять дѣло и дальше въ томъ хаотическимъ состояніи, въ которомъ оно теперь находится.

Совершенно понятно, что оставлять такую своеобразную рѣчь безъ отвѣта я не имѣлъ никакого права, несмотря на то, что она не произвела, послѣ рѣчи Алексѣенко, никакого впечатлѣнія. Въ перерывѣ послѣ выступленія Еропкина я переговорилъ съ Предсѣдателемъ Думы Хомяковымъ и Алексѣенко, и оба они, въ одинъ голосъ, согласились со мною, что мнѣ необходимо отвѣчать, хотя ни тотъ, ни другой не придавали выпадамъ Еропкина ни малѣйшаго значенія. Отношеніе ихъ къ этимъ вопросамъ было несовсѣмъ одинаковое. Хомяковъ, при свойственномъ ему внѣшнемъ добродушіи и внутренней лукавости, просто сказалъ — «конечно Вамъ нельзя молчать, а то Еропкинъ станетъ увѣрять, кому не лѣнь его слушать, что онъ совершенно уничтожилъ

Министра Финансовъ». Алексѣенко былъ задѣтъ за живое тѣмъ, что онъ сказалъ только хорошее про роспись, а кто-то изъ состава Комиссіи не призналъ его авторитета и сказалъ совершенно противное.

Четыре года спустя, когда противъ меня поднялась во весь ростъ интрига, Михаилъ Мартыновичъ, вѣроятно, поблагодарилъ бы Еропкина за то, что онъ наговорилъ на этотъ разъ.

Меня рѣчь Еропкина, въ сущности говоря, не возмутила, а мнѣ просто было досадно, что человѣкъ говоритъ съ величайшимъ апломбомъ то, чего онъ просто не понимаетъ или чему и самъ не вѣритъ. Я избралъ полушутливый, полусерьезный тонъ и, повидимому, имѣлъ несомнѣнный успѣхъ даже среди центра Государственной Думы, къ составу котораго принадлежалъ мой противникъ. На этомъ моемъ выступленіи собственно и закончились общія пренія по бюджету; думская стенограмма отмѣчаетъ послѣ него сакраментальныя слова — «продолжительныя рукоплесканія справа и въ центрѣ; возгласы браво».

Я не передаю здѣсь болѣе подробно содержаніе моихъ бюджетныхъ выступленій, такъ какъ въ послѣдующемъ изложеніи я дамъ опредѣленіе той общей экономической и финансовой политики, какую я проводилъ и защищалъ передъ Думою отъ имени Правительства. Я постараюсь одновременно показать какіе результаты примѣненіе этой политики дало въ области Государственныхъ Финансовъ и въ экономической жизни Россіи.

Параллельно съ засѣданіями Государственной Думы, отнявшими у меня столько времени и настолько натянувшими всю мою нервную систему, что подчасъ я спрашивалъ себя хватитъ ли у меня силъ довести дѣло до конца и дождаться роспуска Думы на лѣтній вакантъ, — проходили и засѣданія Государственнаго Совѣта. Приходилось нерѣдко въ одинъ и тотъ же день бывать и тамъ и тутъ, но участіе въ работѣ Совѣта было почти сплошнымъ отдыхомъ по сравненію съ тою нервною атмосферою, которая все-таки была свойственна думской работѣ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ сразу завелась дѣйствительно дѣловая работа. Почти не было на меня какихъ-либо нападеній; не было до самаго конца моего участія въ работѣ правительства и никакой предвзятости, и только изрѣдка проявлялись, вызывавшія у меня сначала нѣкоторое недоумѣніе и мало понятныя замѣчанія по существу со стороны моихъ бывшихъ сотрудниковъ по Министерству Финансовъ, въ лицѣ А. П. Никольскаго, всегда касавшіяся мелочей и не приводившія ни къ какимъ результатамъ, послѣ всегда корректныхъ поясненій предсѣдателя Финан-

совой комиссіи Совѣта М. Д. Дмитріева, котораго я засталъ при моемъ назначеніи Министромъ Финансовъ въ 1904 году на должности Директора Департамента Государственнаго Казначейства и съ которымъ сохранилъ самыя добрыя отношенія до самой его кончины.

Впослѣдствіи эти булавочные уколы становились все болѣе и болѣе частыми, по мѣрѣ того, что стало вырисовываться недружелюбное ко мнѣ отношеніе Гр. Витте, а затѣмъ, подъ конецъ моего Министерства, уже положительно враждебное ко мнѣ отношеніе со стороны правой группы, руководимой П. Н. Дурново, лично, тѣмъ не менѣе, выражавшаго ко мнѣ крайне внимательное отношеніе.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ активной работы Государственнаго Совѣта, послѣ конца 1907 года, мое положеніе въ Совѣтѣ выяснилось въ совершенно опредѣленной формѣ.

Вся Финансовая Комиссія, съ Дмитріевымъ во главѣ, была всегда рѣшительно единомышленна со мною и оказывала мнѣ всякое вниманіе, доходившее до того, что меня всегда предваряли о томъ, съ какой стороны и въ какомъ смыслѣ я долженъ ждать тѣхъ или иныхъ замѣчаній. Такъ [illegible]мая академическая группа, составлявшая крайнее лѣвое крыло Государственнаго Совѣта, почти не дѣлала никакихъ замѣчаній, а если и дѣлала, то всегда въ крайне умѣренной и предупредительной формѣ. Многочисленная группа центра была всегда настроена крайне благопріятно ко мнѣ и неуклонно шла за предсѣдателемъ Комиссіи Дмитріевымъ, принадлежавшимъ къ этой группѣ. Только изрѣдка, и то по отдѣльнымъ вопросамъ, близко затрагивавшимъ непосредственно интересы торговаго класса, поднимала свой голосъ вошедшая въ составъ того же центра группа представителей промышленности, почти всегда выпуская своими ораторами либо Г. А. Крестовникова, либо Триполитова. Но въ ея нападкахъ я почти всегда одерживалъ верхъ, получая поддержку почти по всѣмъ вопросамъ со стороны подавляющаго большинства.

Группа умѣренно правыхъ или Нейдгардцевъ наружно была также всегда благожелательно настроена, но отъ нея всегда вѣяло холодкомъ, потомъ перешедшимъ въ болѣе неблагопріятное настроеніе, когда обнаружилось, впослѣдствіи, совершенно враждебное ко мнѣ отношеніе сектора націоналистовъ въ Государственной Думѣ, противопоставлявшаго меня почему-то Столыпину, несмотря на то, что между нами, до самой его смерти, были самыя дружескія отношенія, изрѣдка лишь нарушавшіяся принципіальными несогласіями, правда, весьма рѣдкими и не принимавшими,

кромѣ вопроса о Крестьянскомъ Банкѣ, никогда рѣзкихъ проявленій.

Подъ конецъ моей отвѣтственной работы эта группа подъ вліяніемъ Новаго Времени, покойнаго С. В. Рухлаго и самого Д. Б. Нейдгарда, соединилась съ правымъ секторомъ Государственнаго Совѣта и вела противъ меня глухую борьбу, не проявляя, однако, въ засѣданіяхъ открытаго сопротивленія, для котораго вся атмосфера Государственнаго Совѣта, къ тому же, была совершенно неблагопріятна.

При такомъ взаимоотношеніи отдѣльныхъ группъ ко мнѣ лично и къ Министерству Финансовъ вообще работа Государственнаго Совѣта была просто отдыхомъ послѣ напряженныхъ засѣданій Думы, и я могъ бы даже пройти мимо этой страницы моей дѣятельности и сказать только слово моей благодарности подавляющему большинству членовъ Государственнаго Совѣта за то вниманіе, которое они мнѣ оказывали, и за то, насколько они облегчали мой трудъ того времени. Со многими изъ нихъ мы пережили вмѣстѣ прежнія условія нашей жизни. Со многими вмѣстѣ служили въ годы моей и ихъ молодости. Немало было и личныхъ моихъ друзей, о которыхъ хочется упомянуть словомъ искренняго воспоминанія о лучшихъ годахъ моей жизни. Никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, когда я пишу эти страницы моихъ воспоминаній, а ихъ образы все еще ясно живутъ въ моей памяти. Назову хотя бы только тѣхъ, кто мнѣ остался наиболѣе дорогимъ изъ этой далекой теперь поры моей жизни: баронъ Ю. А. Икскуль, Н. Е. Шмеманъ, М. Д. Дмитріевъ, Н. С. Таганцевъ, П. М. Романовъ и цѣлый рядъ почтеннѣйшихъ, бывшихъ членовъ Государственнаго Совѣта дореформеннаго состава, которые знали меня еще молодымъ Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта, потомъ Государственнымъ Секретаремъ. Всѣ они шли ко мнѣ навстрѣчу какъ къ близкому, почти родному человѣку, и не было дня, чтобы, приходя къ нимъ въ засѣданіе ли Комиссіи, или Общаго Собранія, я не видѣлъ ихъ привѣта и ласки, и они не отмѣтили словомъ одобренія каждое удачное мое выступленіе въ Думѣ и въ ихъ средѣ.

Держались въ сторонѣ отъ меня, и притомъ въ совершенно замѣтной формѣ, только немногіе и въ числѣ ихъ всегда былъ Гр. Витте, сначала вполнѣ корректный и даже благожелательный въ его открытыхъ выступленіяхъ, а потомъ молчаливый и подъ конецъ явно враждебно настроенный, А. Ф. Кони, мой бывшій начальникъ по раннему періоду моей службы въ Министерствѣ Юстиціи, бывшій мой подчиненный по Министерству Финансовъ.

А. П. Никольскій и Профессоръ Пихно, съ которымъ, въ началѣ 1904 года, меня свелъ Гр. Витте, но съ которымъ мы какъ-то сразу разошлись еще въ дореформенномъ Совѣтѣ. Всѣ они держались также внѣ этой общей близости ко мнѣ.

Я упоминаю объ этой отчужденности въ особенности потому, что она рѣзко проявилась въ первый же годъ дѣятельности Государственнаго Совѣта, послѣ созыва третьей Думы, и ея проявленіе относится именно къ той порѣ, о которой я дѣлаю сейчасъ мои записи. Она особенно характерна именно потому, что проявилась въ связи съ однимъ изъ первыхъ дѣлъ, которыя пришли въ Государственный Совѣтъ изъ новой Государственной Думы, и по которому впервые выступилъ противъ Думы и, въ частности, противъ моего къ этому дѣлу отношенія — Гр. Витте.

Въ самомъ началѣ 1908 года Дума разсмотрѣла представленіе Министерства Путей Сообщенія о приступѣ къ сооруженію Амурской желѣзной дороги.

Лично Столыпинъ и весь Совѣтъ Министровъ, не исключая меня, отнесся къ этому представленію какъ дѣлу величайшей государственной важности. У всѣхъ на памяти была еще только что изжитая по ея послѣдствіямъ русско японская война. Всѣ помнили хорошо, какую службу сослужила, во время этой войны, Восточно-Китайская желѣзная дорога; всѣмъ было до очевидности ясно, что при новомъ столкновеніи съ Японіей или Китаемъ эта дорога оказалась бы подъ несомнѣннымъ ударомъ нашего противника, который оказался бы гораздо болѣе подготовленнымъ къ разрушенію ея, нежели оказалась въ 1904 году Японія. Понимали мы всѣ эту опасность и по той настойчивости, которую проявила Японія въ 1906 году въ переговорахъ о рыбныхъ промыслахъ въ нашихъ водахъ Уссурійскаго края. Засыпалъ правительство и Думу своими телеграммами и Приамурскій Генералъ-Губернаторъ Унтербергеръ, настаивая въ чисто паническомъ тонѣ о томъ, что война съ Японіей неизбѣжна въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Для насъ всѣхъ очевидна была необходимость постройки Амурской дороги и съ точки зрѣнія положительныхъ соображеній, свободныхъ отъ угрозы нашему положенію на Дальнемъ Востокѣ.

Еще со времени постройки Сибирской желѣзной дороги вопросъ о необходимости сооруженія такой же дороги по лѣвому берегу Амура не сходилъ со страницъ нашей печати. Обширный районъ, богатый пригодными для сельско-хозяйственной культуры землями, безспорное богатство золотомъ и другими металлами всего Зейскаго района, желательность направленія туда русской

колонизаціи и, наконецъ, свободная отъ всякихъ опасеній данной минуты, необходимость связать рельсами нашъ Уссурійскій край съ Восточною Сибирью и всею Россіею, совершенно независимо отъ Восточно-Китайской дороги, которая въ 1936 году могла быть выкуплена Китаемъ, а по окончаніи срока концессіи поступала безвозмездно въ его обладаніе, — все это дѣлало вопросъ о неизбѣжности постройки этой дороги только вопросомъ времени.

Такъ посмотрѣла на дѣло и Государственная Дума. Она быстро разсмотрѣла правительственный законопроектъ, исправила въ немъ только начальный пунктъ примыканія дороги къ Забайкальской дорогѣ, постановила разобрать отчасти уже выстроенную вѣтку отъ Нерчинскаго завода и избрала вмѣсто этого пункта соединенія — станцію Куэнга и передала въ Совѣтъ свое заключеніе объ отпускѣ суммъ на производство окончательныхъ изысканій и къ приступу къ окончательному же сооруженію выясненной головной части, что предрѣшало, разумѣется, постройку всей дороги.

Государь, всегда принимавшій особенный интересъ во всемъ, что касалось Сибирской желѣзной дороги, и считавшій вопросъ, какъ бы своимъ личнымъ дѣломъ, съ тѣхъ поръ, какъ, будучи Наслѣдникомъ престола, онъ произвелъ закладку послѣдняго участка дороги, выходившаго къ Владивостоку, не разъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ и со Столыпинымъ и со мною. Онъ всегда горячо отстаивалъ необходимость постройки сплошной желѣзнодорожной линіи, идущей по русской землѣ, постоянно повторяя, что Онъ увѣренъ въ томъ, что Китай воспользуется первою возможностью, чтобы выкупить дорогу, и мы останемся тогда въ полной разобщенности нашей дальневосточной окраины отъ центра государства.

И когда я заявилъ ему, что я совершенно раздѣляю эту точку зрѣнія и никогда не возражалъ Министерству Путей Сообщенія въ его настояніяхъ по этому предмету и хотѣлъ бы только, чтобы постройка была начата послѣ тщательно составленнаго плана и производства самыхъ подробныхъ изысканій, чтобы избѣжать такихъ ошибокъ, какія оказались съ выборомъ головного участка, то онъ сказалъ мнѣ, что это Его совершенно успокаиваетъ, и прибавилъ, что Ему уже извѣстно, что между мною и Министромъ Путей Сообщенія нѣтъ никакого спора.

Какъ только исправленный Думою законопроектъ дошелъ до Государственнаго Совѣта, ко мнѣ заѣхалъ Гр. Витте и спросилъ меня, сочувствую ли я этому дѣлу и буду ли отстаивать его при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ. Я выяснилъ ему

мою точку зрѣнія съ полною откровенностью, не зная совершенно того, какъ смотритъ онъ на дѣло. Витте ушелъ отъ меня очень скоро, сказавши, что онъ думаетъ даже, что вопросъ о постройкѣ Амурской дороги можетъ вызвать дипломатическій конфликтъ, и крайне удивленъ, что противъ него не возражаетъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, такъ какъ ему въ точности извѣстно, что Японскій посланникъ Баронъ Мотоно крайне озабоченъ этимъ вопросомъ и не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія.

Не подозрѣвая вовсе, что Гр. Витте займетъ въ этомъ дѣлѣ непримиримую позицію, я разсказалъ ему, что съ 1906 года я поддерживаю очень близкія отношенія съ Японскимъ посломъ и еще недавно имѣлъ съ нимъ бесѣду по этому вопросу, такъ какъ Бар. Мотоно очень часто посѣщаетъ меня и откровенно, насколько это доступно японцу, разспрашиваетъ меня о самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ, относящихся до Дальняго Востока, всегда говоря, что считаетъ меня по нимъ гораздо болѣе освѣдомленнымъ, нежели Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ частности о нашемъ рѣшеніи приступить къ постройкѣ Амурской дороги, онъ выразился даже, что эта мѣра должна была быть нами давно осуществлена, и онъ даже не понимаетъ, почему мы не приступили къ ней тотчасъ послѣ Портсмутскаго мира, такъ какъ у Японіи осталось впечатлѣніе, что самъ Гр. Витте предусматривалъ необходимость этой постройки.

На это послѣднее замѣчаніе онъ промолчалъ и болѣе къ этому вопросу не возвращался до самого дня разсмотрѣнія этого дѣла въ Финансовой комиссіи Совѣта.

Я хорошо помню подробности этого засѣданія. Въ ту пору новая пристройка къ зданію Маріинскаго дворца для зала общихъ собраній не была еще окончена, и финансовая комиссія собралась въ залѣ Комитета Министровъ. Кромѣ членовъ Государственнаго Совѣта, входящихъ въ составъ Комиссіи, собралось множество другихъ членовъ, не имѣвшихъ права участвовать въ преніяхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти двѣ трети всего состава Совѣта заполнили залу, и пренія носили довольно безпорядочный характеръ.

Какъ только предсѣдатель М. Д. Дмитріевъ огласилъ предметъ обсужденія, Гр. Витте попросилъ слова и, по свойственной ему привычкѣ, сначала вяло и нескладно, а потомъ, постепенно повышая тонъ, сталъ самымъ рѣзкимъ образомъ возражать противъ проекта, находя его не только неразработаннымъ, но и совершенно ненужнымъ, непосильнымъ для казны и способнымъ отвлечь вниманіе Россіи отъ другихъ, болѣе нужныхъ желѣзно-

дорожныхъ сооруженій и различныхъ насущныхъ задачъ, каковы — усиленіе нашей арміи послѣ разгрома ея въ Манчжуріи, и даже чрезвычайно опаснымъ для насъ, потому что Китай и Японія неизбѣжно увидятъ въ этомъ предпріятіи новую угрозу ихъ положенію.

Постепенно разгорячаясь, онъ обратился въ мою сторону съ прямымъ вызовомъ и притомъ въ самой рѣзкой формѣ, говоря, что теперь стало гораздо труднѣе защищать интересы казны, когда и Министръ Финансовъ вмѣсто того, чтобы возражать противъ явно непосильныхъ для государства расходовъ, разрѣшаемыхъ съ небывалою легкостью, безъ всякой провѣрки какихъ бы то ни было расчетовъ, идетъ навстрѣчу случайному настроенію Государственной Думы, вмѣсто того, чтобы возстать всею силою своего авторитета противъ совершенно ненужныхъ тратъ. Для смягченія своего рѣзкаго выступленія онъ оговорился, что ему неизвѣстно, конечно, пытался ли Министръ Финансовъ бороться, хотя бы въ Совѣтѣ Министровъ, и что онъ готовъ даже допустить, что онъ это сдѣлалъ, но тѣмъ больше отвѣтственности лежитъ на всемъ правительствѣ, что оно заставляетъ его идти навстрѣчу такихъ экспериментовъ и не имѣетъ достаточно силы бороться съ народнымъ представительствомъ, которое необходимо воспитывать въ духѣ бережливости, а этого у насъ не дѣлается, и результаты такой политики могутъ быть только гибельные. Онъ перешелъ затѣмъ къ критикѣ самаго проекта по существу и тутъ наговорилъ массу всевозможныхъ соображеній самаго неожиданнаго свойства, доказывавшихъ, прежде всего, что онъ просто не вчитался въ законопроэктъ, совсѣмъ не ознакомился съ докладомъ Государственной Думы и этимъ только облегчилъ задачу правительства по защитѣ проекта.

Во время длинной рѣчи Гр. Витте ко мнѣ подошелъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ, вообще недолюбливавшій его, и попросилъ меня отвѣтить на всѣ нападки, такъ какъ Министръ Путей Сообщенія «вообще крайне слабъ въ полемикѣ». Успокоивши Акимова, что я, разумѣется, отвѣчу за все, такъ какъ я не только не былъ принужденъ Совѣтомъ Министровъ подчиниться его желанію, но убѣжденно считаю необходимымъ скорѣйшее осуществленіе Амурской дороги и даже увѣренъ, что большинство Финансовой комиссіи не пойдетъ за Гр. Витте, въ чемъ я убѣдился изъ частной бесѣды съ многими вліятельными членами Комиссіи, не только изъ центра, но даже и изъ правой группы, имѣвшей даже численный перевѣсъ въ ея составѣ.

Такъ оно и вышло. Изъ членовъ Комиссіи присоединились

къ Гр. Витте открыто и высказали свои соображенія, но чрезвычайно слабыя по содержанію, только Романовъ, Пихно и Никольскій, а въ голосованіи еще прибавилось 7 голосовъ (я не могу теперь назвать ихъ поименно) итого, всего 10 человѣкъ, тогда какъ большинство 20-ти голосовъ цѣликомъ раздѣлило думскій проектъ. Въ общемъ собраніи произошло полное повтореніе того же. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ заключеніе Комиссіи было принято. Гр. Витте пытался было снова говорить, но былъ гораздо болѣе сдержанъ, нежели въ Комиссіи, въ которой онъ даже не имѣлъ права участвовать, и только повторилъ сущность своихъ возраженій, удаливши изъ нихъ все то, что было имъ приведено тогда неправильно и односторонне. Онъ прибавилъ при этомъ, что говорить только для успокоенія своей совѣсти, дабы остался слѣдъ того, что онъ предостерегалъ отъ величайшей ошибки, но его не послушали и встали на ложный путь, потому что для него совершенно очевидно, что при согласіи правительства съ Государственною Думою и при проявленномъ отношеніи большинства Финансовой Комиссіи и Государственнаго Совѣта, судьба законопроекта предрѣшена.

Я не припоминаю теперь, каково было голосованіе въ Совѣтѣ, но думаю, что къ 10 голосамъ въ Комиссіи прибавилось очень немного.

Это была моя первая встрѣча съ Гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ въ періодъ Думы третьяго созыва, и на долгій срокъ наступило перемиріе, которое и тянулось почти сплошь до конца 1912 года, когда наши отношенія стали принимать снова непріятный оттѣнокъ, чтобы перейти затѣмъ съ осени 1913 года въ явно враждебную, съ его стороны, форму.

Къ концу іюня вся законодательная работа замерла. Обѣ палаты разошлись на лѣтній вакантъ, и я могъ до второй половины іюля заняться текущею работою и подготовкою бюджета на 1909 годъ.

Мои товарищи по Совѣту Министровъ и въ особенности Столыпинъ видѣли, что я былъ совершенно издерганъ; никто не мѣшалъ мнѣ подумать объ отдыхѣ. Какъ и въ прошломъ году у меня возобновились признаки нервной экземы, и я сталъ собираться снова въ Гомбургъ, который, годъ тому назадъ, принесъ мнѣ величайшую пользу.

Государь настойчиво совѣтовалъ мнѣ это сдѣлать и не разъ на докладахъ говорилъ мнѣ, что Онъ просто не понимаетъ, какъ я могу выносить всю эту напряженную работу безъ всякой передышки. Мои товарищи по Совѣту Министровъ обѣщали мнѣ

облегчить мой трудъ по сведенію росписи, тѣмъ болѣе, что находили возможнымъ не слишкомъ увеличивать ихъ требованія противъ только что утвержденной росписи, а я поспѣшилъ намѣтить, съ моими сотрудниками, главныя вѣхи новой росписи и, въ концѣ іюля выѣхалъ въ Гомбургъ, одинъ, условившись съ женою, что въ половинѣ августа она пріѣдетъ ко мнѣ туда, чтобы вмѣстѣ поѣхать въ Парижъ для нашей общей экипировки на зиму.

Три недѣли, проведенныя въ этомъ году въ Гомбургѣ, были самымъ пріятнымъ для меня отдыхомъ. Рядомъ, въ Наугеймѣ лечился мой братъ Василій Николаевичъ, съ которымъ мы видѣлись почти ежедневно. Въ самомъ Гомбургѣ я нашелъ всю семью Барона А. Ю. Икскуль-фонъ-Гильденбанда, А. Д. Зиновьева и цѣлый рядъ знакомыхъ, менѣе близкихъ мнѣ. Потомъ туда же пріѣхала Княгиня Кантакузина, съ которою мы завтракали и ужинали въ одномъ и томъ же ресторанѣ. Я нанялъ во Франкфуртѣ на всѣ три недѣли автомобиль, въ которомъ много ѣздилъ по окрестностямъ и, съ этой поры, я особенно сблизился съ семьею Икскуль и имъ самимъ, и наши отношенія не прерывались до самой его кончины уже въ періодъ революціи, въ августѣ 1918 года, когда и надъ моей головою нависла большевистская гроза, вынудившая насъ съ женою покинуть навсегда родину въ началѣ ноября того же года.

За эту пору беззаботнаго моего отдыха въ Гомбургѣ мнѣ пришлось принять пріѣхавшаго ко мнѣ предсѣдателя Правленія Парижско-Нидерландскаго Банка Нетцлина, съ которымъ мы тутъ же довольно легко уговорились о главныхъ основаніяхъ заключенія въ началѣ 1909 года консолидированнаго русскаго займа для погашенія выпущеннаго во время Русско-Японской войны, въ мартѣ 1904 года, краткосрочнаго займа въ формѣ пятилѣтнихъ обязательствъ государственнаго казначейства. Дальше я привожу въ своемъ мѣстѣ нѣкоторыя подробности этого дѣла.

Среди этихъ благопріятныхъ условій моего Гомбургскаго отдыха мнѣ пришлось испытать и одно тяжелое впечатлѣніе.

Еще передъ отъѣздомъ моимъ въ отпускъ я обѣщалъ вдовѣ моего покойнаго друга и лицейскаго товарища Э. Д. Плеске навѣстить неподалеку отъ Гомбурга, въ санаторіи Вэра-Вальдъ, на границѣ Баденскаго герцогства и Швейцаріи, ея больную дочь, заболѣвшую чахоткою еще четыре года тому назадъ, когда умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ ея отецъ (объ этомъ я говорилъ выше), уходу за которымъ она беззавѣтно отдала всю свою молодую жизнь. Эту прекрасную дѣвушку, почти погодку моей до-

чери, я любилъ самымъ нѣжнымъ образомъ и никогда не скрывалъ того, что я былъ привязанъ къ ней. Она безнадежно угасала послѣ кончины ея отца въ апрѣлѣ 1904 года, и всѣ попытки спасти ее оставались безполезными. Ее отправили, вмѣстѣ съ ея крестной матерью и теткою, А. И. Кабатъ, бывшею для нея собственно второю матерью, въ санаторію около Сантъ-Блазіена. Врачи подавали полную надежду на исцѣлѣніе, ссылаясь на ея возрастъ — ей было 27 лѣтъ и на всевозможные анализы, предварительно высланные мѣстному врачу. Мнѣ суждено было испытать въ этой санаторіи одно изъ самыхъ тягостныхъ впечатлѣній, которыя только мнѣ привелось пережить до того времени.

Пріѣхалъ я въ санаторію рано утромъ, нарочно переночевавши въ Фрейбургѣ и, не заходя ни къ больной, ни къ А. И. Кабатъ, направился прямо къ доктору, котораго предварилъ о моемъ пріѣздѣ по телеграфу. Отъ него я получилъ сравнительно очень благопріятныя свѣдѣнія: температура держалась на одномъ, сравнительно, невысокомъ уровнѣ, вѣсъ не убавлялся, кашля почти не было, аппетитъ былъ недурный, и общій выводъ врача сводился къ тому, что онъ разсчитывалъ на полное выздоровленіе, если только удастся убѣдить больную провести всю зиму и весну въ санаторіи. Докторъ выразилъ даже полное удовольствіе моему пріѣзду, надѣясь на то, что это измѣнитъ настроеніе больной, которымъ докторъ, какъ онъ не скрывалъ, былъ очень недоволенъ.

Я не обратилъ вниманія на его послѣднія слова, зная хорошо трудный и самостоятельный характеръ моей бѣдной Нинуши, всегда замкнуто переживавшей свои думы и не дѣлившейся ими съ самыми близкими ей людьми. Да ихъ и не было у нея. Мало кто изъ насъ зналъ ее. Какая-то особая тайна лежала надъ нею. Всегда молчаливая, никогда не участвовавшая ни въ одномъ веселомъ разговорѣ, нелюбившая ни свѣта, ни выѣздовъ и всегда болѣзненно относившаяся ко всякому проявленію вниманія къ ней, она, послѣ болѣзни и кончины отца, еще болѣе, если только это было возможно, ушла въ себя и отошла отъ всѣхъ, кто окружалъ ихъ, всегда полный людей, гостепріимный домъ. Какъ часто, бывало, я приходилъ къ ней, въ ея комнату, всегда я заставалъ ее одинокою, за чтеніемъ или за работою, и никогда мои самыя нѣжныя и участливыя попытки подойти къ ней поближе, вызвать на откровенность, показать ей ласку, привязанность и желаніе узнать причины ея неподдѣльной грусти не приводили ни къ чему. Только какъ-то разъ, засидѣвшись у нея долѣе обыкновеннаго, когда я сталъ говорить ей о томъ, какъ нѣжно я

люблю ее и какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобы она допустила меня въ ея думы и попробовала разобраться со мною въ ихъ сложномъ калейдоскопѣ, — она взяла меня за руку и сказала мнѣ: «мнѣ еще папа всегда говорилъ, что Вы меня нѣжно любите, и что я могу всегда сказать Вамъ все, что тяготитъ меня, и повѣрить все, что глубоко тревожитъ меня, да я и сама это вижу и понимаю, но мнѣ нечего сказать Вамъ, да я и отцу моему почти ничего не говорила, а теперь у меня нѣтъ больше смысла жизни, и я хочу только одного — скорѣе уйти изъ жизни, настолько она пуста и безразлична мнѣ. Мнѣ кажется, что я и сама никого болѣе не люблю».

Что творилось въ душѣ этой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушки, — кто можетъ сказать! Одно несомнѣнно, что въ ней таилось глубочайшее разочарованіе, которое наложило особую складку на все ея существованіе и безспорно ускорило роковую развязку.

Прямо отъ доктора я прошелъ къ А. И. Кабатъ и тутъ разомъ встала передо мною вся драматическая картина, которая только подтвердила все, что давно казалось мнѣ неизбѣжнымъ. Анастасія Ильинична сказала мнѣ просто: «Докторъ ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, а мнѣ ясно, какъ станетъ ясно и Вамъ сейчасъ, что Нина просто умираетъ или даже больше — сознательно убиваетъ себя».

Оказалось, что между больною и ея, еще такъ недавно, любимою теткою, установилась прямая вражда. Живя въ двухъ смежныхъ комнатахъ, онѣ не видятся и не разговариваютъ. Всѣ сношенія идутъ черезъ сестру милосердія, и Нина находится въ такомъ настроеніи, что малѣйшее замѣчаніе, всякій разспросъ приводятъ ее въ величайшее раздраженіе и могутъ, при всякомъ настояніи, довести ее до всевозможныхъ эксцессовъ. Былъ недавно случай, что услышавши въ комнатѣ больной шорохъ, ея тетя вошла незамѣтно и нашла ее вышедшею на балконъ въ одномъ бѣльѣ, съ очевидною цѣлью ухудшить свое состояніе. Передъ тѣмъ, утромъ, ссылаясь на головную боль, она попросила мѣшокъ со льдомъ, но лишь только сидѣлка, положивши его на голову, вышла изъ комнаты, она перемѣстила его себѣ на грудь и къ вечеру пароксизмъ температуры поставилъ доктора въ полное недоумѣніе, пока А. И. не высказала ему своей догадки. Всѣ мои попытки сблизить больную съ ея теткою, показать ей какъ любитъ она ее и какъ страдаетъ отъ установившихся тяжелыхъ отношеній, не привели рѣшительно ни къ чему. На всѣ мои доводы она долго молчала, а затѣмъ, взявши мою руку и глядя на меня гла-

зами, полными слезъ, сказала мнѣ только: «В. Н. вѣдь я знаю, что Вы меня любите, потому, что съ первыхъ лѣтъ моей жизни я всегда видѣла Васъ около себя, и Ваша ласка ко мнѣ извѣстна была всѣмъ у насъ въ домѣ. Сдѣлайте мнѣ величайшее одолженіе, я никогда Васъ ни о чемъ не просила и Вы не откажете мнѣ, — устройте такъ, чтобы тетя уѣхала. Она мнѣ ни въ чемъ помочь не можетъ, а знать, что она живетъ изъ за меня и мучается здѣсь — мнѣ просто невыносимо».

Всѣ мои уговоры ни къ чему не привели. Я видѣлъ, что дальнѣйшіе разговоры на эту тему безполезны, и я обѣщалъ только сдѣлать такъ, чтобы ея мать пріѣхала къ ней, и тогда тетя можетъ замѣнить ее дома.

«Только не это!» почти закричала она. «Я не хочу, чтобы мама видѣла меня такою, вѣдь мнѣ осталось недолго жить, и я съ радостью думаю только о томъ, какъ я перестану страдать. Неужели же мамѣ мало всего, что она уже вынесла!»

Послѣ новой бесѣды съ Анастасіей Ильиничной я опять пришелъ къ Нинѣ. Она дремала, открыла глаза, долго посмотрѣла на меня и когда я подошелъ, обнялъ ее и приласкалъ, она безъ всякаго раздраженія сказала мнѣ: «ну теперь Вамъ пора ѣхать, а мнѣ хочется спать; я рада, что видѣла Васъ и хочу Вамъ сказать только, что я буду теперь думать о Васъ, а сейчасъ я вспомнила, какъ я маленькой дѣвочкой сидѣла у Васъ на плечѣ. Вы не говорите только мамѣ, что у насъ нехорошо съ тетей Настей. Пусть никто объ этомъ не знаетъ, а то всѣмъ будетъ еще тяжелѣе. Крѣпко поцѣлуйте отъ меня особенно мою милую Аню (ея младшую сестру)».

На этомъ мы разстались и больше мнѣ не привелось уже ее видѣть. Нѣсколько времени спустя, въ началѣ осени она скончалась тихо, съ улыбкою на лицѣ. Анастасія Ильинична разсказывала мнѣ потомъ, что утромъ она позвала ее черезъ сидѣлку, и когда она пришла, а сидѣлка вышла изъ комнаты, она подозвала ее близко къ себѣ и сказала ей, казалось, окрѣпшимъ голосомъ: «тетя, милая, мнѣ сейчасъ такъ хорошо, что я желаю только одного, чтобы ты не сердилась на меня; я такъ мучила тебя и сама не знаю за что и почему. Вѣдь я тебя всегда любила и этого больше не будетъ, не вызывай сюда маму, мы съ тобою будемъ хорошо жить».

Черезъ короткій промежутокъ времени она перестала кашлять, затихла и, когда А. И. встала съ кресла и подошла къ кровати, она была уже въ иной жизни.

Не знаю почему, записывая мои воспоминанія этой поры, почти 23 года спустя, я остановился такъ подробно на этомъ моментѣ моей жизни. Какъ живая встаетъ Нинуша Плеске передо мною, а съ нею проходитъ вереницею длинный рядъ свѣтлыхъ воспоминаній о моемъ далекомъ прошломъ, связанномъ съ ея семьею. Оно тянется еще съ лицейскихъ лѣтъ, съ первой встрѣчи съ семью Сафоновыхъ и Плеске въ пріемномъ залѣ Лицея, и обрывается оно на нашемъ отъѣздѣ съ женою изъ Кисловодска 16 мая 1918 года. Теперь отъ всей этой семьи остались въ живыхъ только двѣ старушки, Марья Ильинична Плеске и ея сестра Анастасія Ильинична Кабатъ*), — коротающія ихъ вѣкъ въ томъ же Кисловодскѣ, въ самой унизительной нищенской обстановкѣ. Онѣ похоронили всѣхъ, кто былъ молодъ и счастливъ вмѣстѣ со мною и о комъ я храню навсегда благодарную память, какъ о людяхъ, которые дали мнѣ столько ласки съ перваго дня моей одинокой молодости и съ такою любовью дѣлили всѣ мои жизненные успѣхи. Мнѣ не хочется писать о длинномъ синодикѣ, связанномъ съ этою прекрасною семьею, а хочется только помянуть словомъ сердечной признательности всѣхъ, кто меня любилъ какъ родного и кто скрасилъ многіе годы моей жизни. Вѣчная имъ всѣмъ память!

---

*) За время, что мои Воспоминанія приготовлялись къ печати, не стало и А. И. Кабатъ, и осталась въ живыхъ одинокая, пережившая всѣхъ своихъ дѣтей и всю свою семью М. И. Плеске.

ГЛАВА III.

Возвращеніе въ Петербургъ. — А. П. Извольскій и присоединеніе Австріей Босніи и Герцеговины. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на Государя и на Совѣтъ Министровъ. — Инциденты, вызванные принятіемъ Думой, при вотированіи кредита на Морской Генеральный Штабъ, самаго проекта учрежденія Штаба. — Спокойная и дружная работа бюджетной комиссіи. Заключеніе во Франціи 4½% консолидаціоннаго займа.—Думскія пренія по бюджету на 1909 годъ. Докладъ Алексѣенко, обвинительная рѣчь Шингарева и мой отвѣтъ ему. Неуспѣхъ непрекращавшихся враждебныхъ выпадовъ оппозиціи. — Инцидентъ по вопросу о направленіи дѣлъ о частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ.

Я вернулся изъ заграничной моей поѣздки къ 1-му сентября и съ первыхъ же дней закипѣла обычная работа, значительно подвинувшаяся за время моего отсутствія.

Мои коллеги по Совѣту Министровъ сдержали данное ими обѣщаніе. Я засталъ сравнительно мирное настроеніе въ смыслѣ обычныхъ смѣтныхъ треній. Разногласій между Министерствами было сравнительно не такъ много, и все предвѣщало нормальное теченіе дѣлъ въ Совѣтѣ по смѣтнымъ вопросамъ.

Столыпина я засталъ въ очень ровномъ настроеніи и все предвѣщало довольно благополучное вступленіе въ пору обычныхъ осеннихъ занятій. Но такое благополучіе продолжалось недолго.

Прошло всего не болѣе двухъ недѣль, какъ послѣ чуть ли не перваго засѣданія Совѣта Министровъ со времени моего возвращенія, П. А. Столыпинъ попросилъ меня не уѣзжать, и когда всѣ разошлись, онъ показалъ мнѣ переданную ему Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати вырѣзку изъ Вѣнскихъ газетъ, сообщавшую въ видѣ слуха, что во время пребыванія въ имѣніи

гр. Бертгольда, Австрійскаго посла въ Петербургѣ — австрійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Эренталя и нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ А. П. Извольскаго состоялось принципіальное соглашеніе относительно окончательнаго присоединенія (аннексіи) къ Австро-Венгерской Имперіи двухъ бывшихъ Турецкихъ областей — Босніи и Герцоговины, переданныхъ по Берлинскому трактату 1878 года во временное управленіе монархіи. Окончательная судьба этихъ провинцій Берлинскимъ трактатомъ 1878 г. не только не была предрѣшена, но даже въ договорѣ не содержалось объ этомъ никакихъ намековъ. Для всѣхъ было очевидно, что судьба ихъ не могла быть рѣшена иначе, какъ въ такомъ же порядкѣ обще-европейскаго соглашенія, какимъ представлялся и самъ Берлинскій трактатъ.

Столыпинъ сказалъ мнѣ при этомъ, что онъ спросилъ уже сегодня утромъ Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ Чарыкова, управляющаго, за отъѣздомъ Извольскаго въ отпускъ, этимъ Министерствомъ, что ему извѣстно по этому поводу, и тотъ отозвался, что Извольскій не оставилъ ему никакихъ указаній передъ своимъ отъѣздомъ, ничего не писалъ съ дороги и никакихъ сообщеній о своемъ пребываніи въ Бухлау ему не присылалъ, но, несомнѣнно, былъ въ этомъ имѣніи и провелъ тамъ довольно долгое время.

Чарыковъ прибавилъ, что вообще въ Министерствѣ никакой подготовки по этому вопросу передъ выѣздомъ Извольскаго изъ Петербурга дѣлаемо не было, какъ не было представляемо Государю никакихъ записокъ или меморій, которыя обычно составляются всегда, когда Министръ имѣетъ въ виду доложить Государю какой-либо принципіальный вопросъ, а тѣмъ болѣе испросить опредѣленныхъ Его указаній. Подъ конецъ своего отвѣта, по словамъ Столыпина, Чарыковъ, какъ бы вскользь сказалъ ему, что вѣроятно газетная замѣтка повторяетъ какой-либо слухъ, заимствованный изъ прежняго времени и неоднократныхъ разговоровъ Извольскаго съ Эренталемъ, еще въ бытность послѣдняго посломъ въ Петербургѣ, на излюбленную комбинацію Извольскаго о желательности соединить наше согласіе на аннексію Австріей Босніи и Герцоговины, — отъ чего намъ, все равно рано или поздно, не уйти, да мы въ этомъ, по его мнѣнію, и мало заинтересованы, — съ полученіемъ согласія Австріи на принципіальную поддержку насъ въ давнемъ предположеніи Извольскаго добиться этимъ дешевымъ для насъ путемъ открытія для насъ проливовъ, на что онъ очень надѣется, если только мы заручимся со-

гласіемъ Австріи и этимъ путемъ нейтрализуемъ отношеніе Германіи.

Я отвѣтилъ Столыпину также полнымъ моимъ невѣдѣніемъ, удостовѣривъ его, что Извольскій никогда ни по одному европейскому вопросу не совѣтовался со мною и даже нерѣдко на мои къ нему обращенія всегда отговаривался, что онъ имѣетъ указанія Государя вообще не вводить Совѣтъ Министровъ въ дѣла дипломатическаго вѣдомства, такъ какъ они находятся исключительно въ рукахъ самого Государя и его, какъ докладчика Государя по всѣмъ вопросамъ нашей внѣшней политики. Исключеніе изъ этого правила допускалось имъ только для дѣлъ, касающихся Китая, Японіи и Персіи, по которымъ, еще со времени Графа Витте и Гр. Ламсдорфа, установилось, что всѣ существенные вопросы проходятъ при постоянномъ участіи Министра Финансовъ, въ силу того, что Китайская Восточная желѣзная дорога находится въ его вѣдѣніи, въ Персіи имѣетъ огромное значеніе Учетно-Ссудный Банкъ, а въ отношеніи Японіи Извольскій часто въ шутку говорилъ, что онъ былъ бы радъ вообще передать мнѣ весь Японскій отдѣлъ его Министерства.

Мы разошлись послѣ этого разговора на томъ, что Столыпинъ обѣщалъ мнѣ на ближайшемъ его всеподданнѣйшемъ докладѣ у Государя, собиравшагося уѣхать въ Крымъ, узнать былъ ли затронутъ этотъ вопросъ при отъѣздѣ Извольскаго въ отпускъ.

Столыпинъ не сказалъ мнѣ, что онъ получилъ извѣщеніе, подтверждающее вѣнское сообщеніе и изъ нашего Новаго Времени, съ которымъ онъ поддерживалъ близкія отношенія черезъ своего брата А. А. Столыпина, какъ не сказалъ мнѣ и о томъ, что ему стоило большого труда уговорить газету не писать еще ничего по этому поводу и не поднимать кампаніи противъ Извольскаго, по крайней мѣрѣ, пока ему не удастся узнать отношенія Государя къ этому инциденту.

На утро Чарыковъ пришелъ ко мнѣ, какъ къ своему лицейскому товарищу, и сказалъ, что его положеніе чрезвычайно щекотливое, такъ какъ онъ не знаетъ въ точности, гдѣ находится сейчасъ Извольскій, несомнѣнно, выѣхавшій уже изъ Бухлау, но что онъ думаетъ, что слухъ этотъ совершенно справедливъ, и непріятность его не столько прискорбна для насъ по существу, сколько по совершенной ненадобности именно намъ облегчать положеніе Австріи, несомнѣнно давно рѣшившейся аннектировать эти провинціи, но не намъ же, естественнымъ покровителямъ славянскихъ народностей, протягивать руку Габсбургскому Дому

въ достиженіи его мечтаній, которыя, во всякомъ случаѣ, будутъ восприняты болѣзненно славянскимъ міромъ, и на нашу голову посыплются обвиненія въ какой-то закулисной интригѣ, совершенно ненужной для насъ. Самъ онъ, кромѣ того, еще и твердо убѣжденъ и въ томъ, что этимъ шагомъ мы не приближаемся ни на іоту къ разрѣшенію вопроса о проливахъ. Извольскій, по его словамъ, постоянно возвращается къ его излюбленной комбинаціи и вѣритъ въ то, что онъ проведетъ Эренталя и сдѣлаетъ великое русское дѣло, не поступаясь никакими нашими интересами, такъ какъ никто не вѣритъ въ то, что когда-либо Берлинскій договоръ будетъ пересмотрѣнъ, и вопросъ о Босніи и Герцоговинѣ получитъ иное рѣшеніе, нежели то, временное, которое было принято въ 1878 году.

Онъ прибавилъ, что Суворинъ рветъ и мечетъ по поводу самовольства Австріи и не хочетъ допускать и мысли о томъ, что мы сыграли тутъ такую странную роль безъ всякой въ томъ надобности, а когда станетъ ясно, что Извольскій попался на Эренталевскую удочку, то онъ не сомнѣвается, что положеніе нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ будетъ весьма незавидное и въ глазахъ всей Европы. Уходя отъ меня Чарыковъ сказалъ мнѣ вскользь, что онъ считаетъ свое положеніе невыносимымъ и очень надѣется на то, что ему скоро удастся покинуть свой незавидный постъ, такъ какъ Извольскій докладывалъ уже Государю о его просьбѣ назначить его на мѣсто посла въ Константинополѣ, вакансія котораго должна очень скоро освободиться. Такъ оно и случилось.

Нѣсколько времени спустя Извольскій очень искусно убилъ однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: исполнилъ желаніе своего однокурсника по Лицею, Чарыкова, и доставилъ большое удовольствіе Столыпину, предложивши его другу и шурину Сазонову, давно уже тяготившемуся своимъ бездѣйствіемъ на посту русскаго посланника при папскомъ престолѣ, должность Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ, которую онъ принялъ съ большимъ восторгомъ.

Два года спустя этотъ шахматный ходъ очень помогъ самому Извольскому получить мѣсто Россійскаго посла въ Парижѣ, чего онъ давно добивался и, наконецъ, успѣлъ въ своихъ мечтаніяхъ, найдя поддержку въ Столыпинѣ, но, предварительно, подготовивъ почву къ тому, чтобы преемникомъ его на министерскомъ креслѣ былъ ни кто иной, какъ тотъ же Сазоновъ.

Два дня спустя П. А. Столыпинъ снова позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что онъ имѣлъ длинный разговоръ съ Государ-

ремъ и узналъ отъ Него, что никакихъ полномочій Онъ Извольскому не давалъ, да тотъ ихъ и не спрашивалъ. По существу же дѣла, у Столыпина осталось совершенно опредѣленное впечатлѣніе, что Государь глубоко возмущенъ этимъ инцидентомъ и прямо сказалъ Столыпину, что Ему просто не хочется вѣрить, чтобы Извольскій могъ сыграть такую недопустимую роль, которою онъ поставилъ и себя и Государя въ совершенно безвыходное положеніе, такъ какъ, если даже оправдается версія, что онъ обусловилъ наше согласіе содѣйствіемъ намъ Австріи въ разрѣшеніи въ нашу пользу вопроса о проливахъ, то все же мы останемся въ самомъ невыгодномъ для насъ положеніи: всякій просто скажетъ, что мы помогли Австріи вытащить каштаны изъ печки безъ всякой для насъ пользы, такъ какъ для всѣхъ ясно, что никакой реальной помощи мы отъ Австріи не получимъ, да и не отъ нея зависитъ разрѣшеніе такого «міроваго вопроса». Столыпинъ сказалъ мнѣ, что Государь два раза отмѣтилъ, что Ему, въ особенности, *противно,* что всякій скажетъ, что русскій Министръ получилъ отъ своего Государя полномочіе, безъ всякой надобности, обѣщать нашу помощь Австріи въ присоединеніи Босніи и Герцоговины, когда это дѣло всѣхъ подписавшихъ Берлинскій трактатъ, и мы должны быть послѣдними, кто могъ бы брать на себя какое-либо рѣшающее участіе въ такомъ дѣлѣ. У Столыпина осталось убѣжденіе, что дѣло не кончится просто, и что единственное достойное для насъ рѣшеніе было бы — уволить Извольскаго отъ должности Министра и открыто заявить, что онъ дѣйствовалъ безъ всякихъ полномочій своего правительства, и что весь вопросъ долженъ быть возвращенъ на его естественную дорогу — предложенія Австріи обратиться къ державамъ, подписавшимъ трактатъ.

Эта мысль, видимо, успокоила Столыпина, и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ разрѣшится дѣло съ возвращеніемъ Извольскаго.

Со мною Государь не затрагивалъ этого вопроса. Вскорѣ Онъ уѣхалъ въ Крымъ. Въ концѣ мѣсяца былъ опубликованъ Австріею актъ о присоединеніи ею Босніи и Герцоговины. Извольскій вернулся въ самыхъ послѣднихъ числахъ нашего сентября и лично со мною никакихъ разговоровъ не велъ. Въ чемъ заключалась его бесѣда со Столыпинымъ и даже происходилъ ли между ними личный обмѣнъ взглядовъ — я не знаю, но думаю, что никакихъ бесѣдъ съ Извольскимъ Столыпинъ не велъ, по крайней мѣрѣ въ первомъ же засѣданіи Совѣта Министровъ при участія Извольскаго. Столыпинъ, окончивши всѣ текущія дѣла

и удаливши чиновъ Канцеляріи, обратился къ Извольскому съ просьбою, разсказать, что именно происходило въ Бухлау, во время свиданія его съ Графомъ Эренталемъ и насколько справедливы распространившіеся слухи о томъ, что онъ выразилъ отъ имени русскаго правительства согласіе на присоединеніе Австріею двухъ славянскихъ провинцій безъ согласія на то всѣхъ державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ.

Извольскій заявилъ категорически, что онъ имѣетъ совершенно опредѣленныя указанія Его Величества, не обсуждать въ Совѣтѣ вопросовъ внѣшней политики и не имѣетъ поэтому возможности дать какія-либо разъясненія безъ полученія на то особаго соизволенія Государя, какъ Верховнаго и исключительнаго руководителя всей нашей внѣшней политики.

Столыпинъ покраснѣлъ, замолчалъ, и мы всѣ разошлись въ большомъ смущеніи, ясно видя, что Извольскій попалъ въ самое невыгодное положеніе и не желаетъ только раскрывать его передъ нами всѣми. Въ откровенной нашей бесѣдѣ потомъ мы говорили, что Извольскій долженъ уйти, и ждали только, когда именно и въ какой обстановкѣ это произойдетъ.

На самомъ дѣлѣ это случилось гораздо позже, болѣе года спустя и вовсе не въ порядкѣ возмездія за недопустимый шагъ, предпринятый имъ безъ вѣдома и разрѣшенія Государя, а только въ порядкѣ осуществленія Извольскимъ своей давнишней мечты — попасть посломъ въ Парижъ, на мѣсто достойнѣйшаго А. И. Нелидова, для чего онъ воспользовался его нездоровьемъ и случайнымъ его заявленіемъ о томъ, что онъ усталъ и затрудненъ поддерживать свое положеніе послѣ кончины жены. Серьезно объ увольненіи онъ не думалъ и былъ даже озадаченъ, когда Извольскій сообщилъ ему о назначеніи его членомъ Государственнаго Совѣта.

На этомъ и покончился весь этотъ печальный эпизодъ, изъ котораго Извольскій сумѣлъ выйти безъ всякаго для себя ущерба, кромѣ моральнаго урона, такъ какъ истина, конечно, стала общеизвѣстнымъ фактомъ, и для всѣхъ было очевидно, что за гостепріимными бесѣдами въ Бухлау Извольскій разыгралъ эпизодъ изъ басни Крылова — Ворона и лисица.

Нѣсколько времени спустя, послѣ описанныхъ событій, въ самомъ началѣ осенней сессіи Гоударственной Думы 1908 года, и притомъ совершенно неожиданно для меня, произошелъ инцидентъ, къ которому все правительство отнеслось сначала совершенно спокойно и даже безразлично, не предполагая, что изъ него

можетъ возникнуть какое бы то ни было осложненіе. Случилось, однако, на самомъ дѣлѣ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ сущности, небольшой вопросъ, скорѣе процессуальнаго порядка, къ тому же возникшій по недоумѣнію второстепенныхъ представителей правительственной власти, могъ разгорѣться до значительныхъ размѣровъ и создать поводъ къ далеко не второстепенному осложненію.

Въ серединѣ 1908 года на должность Морского Министра былъ назначенъ адмиралъ И. К. Григоровичъ, занимавшій передъ тѣмъ нѣкоторое время должность Товарища Морского Министра.

Между нимъ и мною существовали самыя добрыя отношенія. Ни по одному изъ крупныхъ вопросовъ возстановленія нашего флота, послѣ его разгрома въ 1905 году, у насъ никогда не возникало никакихъ недоразумѣній. Онъ не требовалъ лишнихъ ассигнованій и каждый разъ подкрѣплялъ свои требованія самыми солидными данными. Во всѣхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, при участіи чиновъ Министерства Финансовъ и Государственнаго Контроля, всѣ дѣла проходили безъ всякихъ споровъ и осложненій; возникавшія разногласія почти ни разу не облекались въ форму несоглашенныхъ мнѣній, требовавшихъ рѣшенія Совѣта Министровъ, а подвергались частному пересмотру между нами, и я положительно не помню ни одного случая, чтобы Совѣту приходилось играть всегда непріятную роль арбитра между спорящими вѣдомствами. Здѣсь была прямая противоположность тому, что происходило по Военному вѣдомству, по которому не было ни одного засѣданія, чтобы не приходилось разрѣшать самыя непріятныя несогласія, всегда облекаемыя Военнымъ Министромъ въ самую обостренную форму, въ особенности, когда защита интересовъ вѣдомства осуществлялась самимъ Министромъ, а не его Товарищемъ — Генераломъ Поливановымъ.

Въ Государственной Думѣ положеніе Морского вѣдомства было также привиллегированное. Адмиралъ Григоровичъ окружилъ себя цѣлою плеядою сотрудниковъ, преимущественно изъ числа молодыхъ офицеровъ, — въ числѣ ихъ былъ и Капитанъ I-го ранга Колчакъ, — которые быстро завоевали себѣ и вѣдомству исключительно благопріятное положеніе въ Думѣ отличною разработкою всѣхъ вносимыхъ въ Думу вопросовъ, умѣлою защитою ихъ передъ думскою комиссіей и проявленною ими быстрою приспособленностью къ настроеніямъ Думы и наиболѣе видныхъ представителей ея въ Комиссіи государственной обороны. Всѣ дѣла морского вѣдомства проходили необычайно гладко.

Въ числѣ представленій, внесенныхъ этимъ вѣдомствомъ въ концѣ 1908 года, былъ, между прочимъ, вопросъ небольшого объема, но особенно итересовавшій Государя — о кредитѣ на содержаніе вновь намѣченнаго къ образованію Морского Генеральнаго Штаба.

Въ Совѣтѣ Министровъ проектъ этотъ прошелъ безъ всякихъ преній, какъ не вызвавшій никакихъ замѣчаній со стороны финансовыхъ вѣдомствъ и представленный къ тому же съ точнымъ соблюденіемъ требованія 96 статьи основныхъ законовъ, по которой въ законодательномъ порядкѣ испрашиваются лишь кредиты на содержаніе вновь образуемыхъ учрежденій, самыя же учрежденія и ихъ устройство отнесены къ прерогативамъ Верховной власти.

Морское Министерство такъ и поступило. Оно просило Государственную Думу согласиться на отпускъ сравнительно весьма скромнаго кредита, кажется въ суммѣ 74.000 рублей, объяснило все проектированное устройство Генеральнаго Штаба и, въ заключительномъ пунктѣ своего проекта, просило только объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства исчисленнаго кредита. Оно приложило схему новой организаціи къ своему проекту въ видѣ проекта штатнаго росписанія должностей лишь для свѣдѣнія Думы.

Въ Думѣ проектъ не вызвалъ также никакихъ возраженій, но комиссія обороны, а затѣмъ и бюджетная комиссія, не помѣщая въ своихъ сужденіяхъ никакихъ соображеній, закрѣпили свое благопріятное отношеніе утвержденіемъ не только размѣра кредита, но и самаго проекта штата Генеральнаго Штаба и постановили передать дѣло въ такомъ видѣ въ Государственный Совѣтъ, куда оно и поступило автоматически.

Остановился ли на неправильности этого оттѣнка Морской Министръ, доложили ли ему его сотрудники о послѣдовавшемъ неправильномъ и несогласномъ со статьею 96 основныхъ законовъ рѣшеніи Думы или же они, по неопытности въ тонкостяхъ законодательной техники и стремившіеся лишь къ тому, чтобы необходимое для вѣдомства дѣло получило скорѣйшее осуществленіе,—не придали этому оттѣнку того значенія, который онъ собою представлялъ, — я этого не знаю. Говорю только совершенно опредѣленно, что въ Совѣтѣ Миистровъ никакой рѣчи объ этомъ не было, какъ несомнѣнно не дошелъ этотъ вопросъ и до свѣдѣнія Столыпина, который не скрылъ бы его отъ меня, какъ не скрывалъ онъ никогда всякаго рода недоразумѣній по военнымъ

и морскимъ кредитамъ, такъ какъ онъ отлично зналъ, какое значеніе придавалъ имъ Государь.

Дошелъ этотъ вопросъ до свѣдѣнія Столыпина и Совѣта Министровъ только уже въ началѣ 1909 года, по возобновленіи въ Государственномъ Совѣтѣ занятій послѣ Рождественскаго перерыва, когда принятый Думою законопроектъ поступилъ на разсмотрѣніе Финансовой Комиссіи Совѣта. Въ первомъ же засѣданіи послѣдней представители правой группы, черезъ посредство лидера группы П. Н. Дурново, который, въ качествѣ бывшаго, въ его молодые годы, морского офицера, относился съ особымъ вниманіемъ къ дѣламъ Морского вѣдомства и считалъ себя спеціалистомъ по нимъ, — заявили, что постановленіе Государственной Думы незаконно, такъ какъ оно нарушаетъ прерогативы Верховной власти, присваивая Думѣ право утвержденія властью законодательной палаты организаціонной мѣры по управленію флотомъ, тогда какъ, въ силу статьи 96-ой, это принадлежитъ исключительно Верховной власти.

Правота была, несомнѣнно, съ точки зрѣнія закона, на сторонѣ сдѣланнаго заявленія и возражать противъ него по существу не было никакихъ основаній.

Большинство Финансовой Комиссіи встало, однако, на точку зрѣнія взаимныхъ отношеній двухъ палатъ, протекавшихъ въ эту пору чрезвычайно согласно, и стало искать какого-либо компромисса, который устранилъ бы конфликтъ между Совѣтомъ и Думою. Его оказалось, однако, невозможнымъ найти. Напрасно старался Морской Министръ склонить Думу, въ порядкѣ частныхъ переговоровъ, пойти на соглашеніе и видоизмѣнить текстъ ея постановленія, ограничившись лишь ассигнованіемъ кредита. Она отказалась наотрѣзъ отъ всякаго компромисса, такъ какъ большинство членовъ въ обѣихъ комиссіяхъ — бюджетной и государственной обороны, отвергло предложенное соглашеніе, не скрывши того, что оно не сочувствуетъ и самой статьѣ 96-ой основныхъ законовъ, какъ стѣсняющей права Государственной Думы. Было очевидно, что и въ Общемъ Собраніи Думы сложится такое же отрицательное большинство.

Послѣ длинныхъ и мучительныхъ переговоровъ, въ которыхъ самое дѣятельное участіе принадлежало лично Морскому Министру, сознававшему, что вина въ недосмотрѣ лежитъ всецѣло на его вѣдомствѣ, Комиссія Государственнаго Совѣта остановилась на компромиссѣ иного свойства. По большинству голосовъ, противъ представителей правой фракціи, она склонилась къ тому, чтобы утвердить заключеніе Думы, но привести въ моти-

22*

вахъ мысль о недопустимости въ будущемъ такихъ нарушеній закона, приведя тому подробное основаніе, и рекомендовало Морскому Министерству ближе держаться въ своихъ представленіяхъ текста статьи основныхъ законовъ.

Столыпинъ былъ, безъ сомнѣнія, на сторонѣ такого рѣшенія Финансовой Комиссіи Совѣта, хотя въ засѣданіи ея не присутствовалъ. Лично я ни въ одномъ изъ засѣданій Комиссіи не былъ и вообще, никакого участія въ переговорахъ между Думою и Совѣтомъ не принималъ.

Въ двухъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, въ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался по предложенію Столыпина, всѣ мы были того мнѣнія, что постановленіе Думы, безспорно, несогласно съ нашими основными законами, но что крайне нежелательно вообще создавать конфликтъ между двумя палатами и, съ этой цѣлью не слѣдуетъ щадить никакихъ усилій, чтобы найти компромиссное рѣшеніе уже по одному тому, что всякое столкновеніе будетъ только на руку думской оппозиціи и осложнитъ положеніе въ Думѣ Морского же Министерства.

На случай, если бы не удалось достигнуть соглашенія, Столыпинъ заявилъ, что онъ предполагаетъ самъ выступить въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта съ цѣлью поддержать заключеніе Финансовой Комиссіи и выскажетъ и отъ себя о необходимости оберегать неприкосновенность основныхъ законовъ и придать настоящему дѣлу характеръ единичнаго отступленія отъ послѣднихъ, допустимаго исключительно въ виду совершенной неотложности созданія новаго органа, столь необходимаго для организаціи нашего флота.

По сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, сказалъ онъ, слѣдуетъ ожидать, что въ Общемъ Собраніи составится такое же большинство въ пользу этого рѣшенія, какое выяснилось уже въ засѣданіи Финансовой Комиссіи. При этомъ, Государственный Контролеръ Харитоновъ выразилъ мысль о томъ, что было бы очень важно доложить все это дѣло и его возможный исходъ непосредственно Государю и притомъ до разсмотрѣнія его въ Общемъ Собраніи Совѣта, такъ какъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что оно станетъ извѣстнымъ Ему тѣмъ или инымъ путемъ.

Докладывалъ ли Столыпинъ этотъ вопросъ Государю, я не знаю, но въ Совѣтѣ Министровъ объ этомъ не было больше никакой рѣчи до самаго разсмотрѣнія его въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Всѣ описанныя осложненія заняли много времени и только въ апрѣлѣ, уже послѣ Пасхи, этотъ вопросъ дошелъ до разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта.

Въ это время Столыпинъ заболѣлъ довольно тяжелою формою гриппа, и опасались даже воспаленія легкихъ.

За два дня до слушанія дѣла онъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ меня, не соглашусь ли я замѣнить его въ засѣданіи Совѣта, такъ какъ врачи рѣшительно не допускаютъ возможности выѣхать изъ дома. Онъ прибавилъ, что ему это настолько тягостно, что онъ рѣшилъ, въ случаѣ моего отказа, который онъ совершенно понимаетъ, потому что учитываетъ всѣ непріятныя послѣдствія при какомъ бы то ни было рѣшеніи дѣла, — онъ нарушитъ запретъ врачей и поѣдетъ на засѣданіе. Онъ лежалъ еще въ постели.

Столыпинъ показалъ мнѣ даже краткій черновой набросокъ того выступленія, которое онъ рѣшилъ сдѣлать, если бы ему пришлось участвовать въ разсмотрѣніи дѣла.

Я, разумѣется, согласился, вовсе не подозрѣвая того, что могло произойти, взялъ набросокъ, сдѣланный рукой Столыпина и сказалъ ему только, что ни онъ, ни Морской Министръ не должны быть въ претензіи на меня, если дѣло провалится, и Общее Собраніе постановитъ иное рѣшеніе, нежели Государственная Дума, такъ какъ въ это время было уже въ точности извѣстно, что въ согласительной комиссіи Дума не отступится отъ своего рѣшенія, и въ такомъ случаѣ весь вопросъ провалится, и учрежденіе новаго Генеральнаго Морского Штаба будетъ отложено на неопредѣленное время.

На этомъ мы разстались, и я обѣщалъ Столыпину, тотчасъ послѣ голосованія, заѣхать къ нему и сказать, чѣмъ дѣло закончится.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта повторилось въ точности все то, что происходило въ Финансовой Комиссіи. Морской Министръ отстаивалъ свой проектъ по существу и открыто заявилъ, что ему очень прискорбно, что по его ошибкѣ произошло неправильное рѣшеніе въ Государственной Думѣ, и просилъ Совѣтъ вывести его изъ труднаго положенія, не задерживая своимъ отрицательнымъ отношеніемъ, — хотя бы и при допущенной несомнѣнной ошибкѣ, — столь необходимаго, для нашего флота, органа какъ намѣченный Генеральный Штабъ.

Его поддержалъ Предсѣдатель Финансовой Комиссіи Дмитріевъ, также отмѣтившій несогласованность со статьею 96 основныхъ законовъ.

Отъ имени оппозиціи законопроекту произнесъ очень рѣзкую рѣчь П. Н. Дурново, поддерживая проэктированную мѣру по существу, но не обинуясь заявивши, что рѣшеніемъ Думы нарушаются прерогативы Монарха, и что ими поступаться мы не имѣемъ никакого права, по какимъ бы побужденіямъ ни старались мы раздѣлить неправильное и опасное рѣшеніе Государственной Думы, принятое несомнѣнно совершенно сознательно. По его заключительному заявленію, становясь на сторону Думы, мы создадимъ прецедентъ, отъ котораго мы не освободимся никогда, и, вѣроятно, весьма скоро пожалѣемъ о нашей недопустимой уступчивости.

Въ моемъ выступленіи я прямо оговорился, что дѣлаю это исключительно въ виду болѣзни Предсѣдателя Совѣта Министровъ, которому одному принадлежитъ право говорить отъ имени правительства. Я воспользовался частью его наброска и прибавилъ отъ себя очень немногое, подтверждая точку зрѣнія Финансовой Комиссіи, и остановился на отраженіи главнаго аргумента Дурново — созданія опаснаго прецедента, доказывая, что въ дѣлахъ законодательства не можетъ быть прецедента тамъ, гдѣ есть сознаваемое всѣми отступленіе отъ одной изъ статей Основныхъ законовъ и еще болѣе категорическое заявленіе самого вѣдомства, допустившаго невольную ошибку, о томъ, что оно воздержаться отъ повторенія ея въ будущемъ.

За исключеніемъ рѣзкаго тона рѣчи Дурново, все засѣданіе носило скорѣе вялый характеръ, потому что всѣ сознавали, что новаго ничего сказать нельзя и всѣ желали одного — скорѣе положить голосованіемъ конецъ слишкомъ затянувшемуся кризису.

Результатъ голосованія превзошелъ всѣ ожиданія. Противъ законопроекта голосовали одни правые, да и то не всѣ и лишь небольшая часть, такъ называемыхъ Нейдгардцевъ, большинство же въ пользу принятія Думской редакціи оказалось весьма внушительнымъ.

Законопроектъ, какъ прошедшій всѣ тѣснины, былъ немедленно представленъ Государю, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Долго онъ, однако, не возвращался, и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ даже освѣдомлялся о его судьбѣ. Государь далъ ему уклончивый отвѣтъ.

Столыпинъ началъ поправляться и, послѣ перваго выѣзда, поѣхалъ въ Царское Село, предупредивъ меня по телефону, что тотчасъ по возвращеніи скажетъ мнѣ о результатѣ его свиданія съ Государемъ, такъ какъ и его тяготила эта неизвѣстность.

Довольно поздно, въ тотъ же день, онъ сказалъ мнѣ по те-

лефону же, что очень усталъ отъ поѣздки, что Государь былъ съ нимъ исключительно милостивъ, но на вопросъ его о судьбѣ дѣла о Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, сказалъ ему, что Онъ не принялъ еще окончательнаго рѣшенія и отложилъ его до свиданія съ нимъ, потому что это дѣло Его очень безпокоитъ, и Онъ все еще не знаетъ, на чемъ остановиться.

Столыпинъ передалъ мнѣ, что разговоръ продолжался болѣе получаса, и онъ снова развилъ Государю свою точку зрѣнія, вполнѣ совпадающую съ мнѣніемъ большинства Государственнаго Совѣта, и старался разсѣять опасенія относительно прецедента и покушенія на ограниченіе прерогативъ Монарха. По словамъ Столыпина, Государь сказалъ ему, что онъ читалъ всю мою рѣчь, нашелъ ее весьма умѣренною и даже построенною очень искусно и прибавилъ только, что «все же статья 96-ая нарушена, хотя, разумѣется, не слѣдуетъ преувеличивать опасности такого нарушенія».

У Столыпина сложилось убѣжденіе, что Государь подумаетъ еще нѣкоторое время и кончитъ тѣмъ, что утвердитъ законопроектъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее Его слово было: «Эту Государственную Думу нельзя упрекать въ попыткѣ захватить власть и съ нею ссориться нѣтъ никакой надобности».

Прошло еще нѣсколько дней. Подъ вечеръ 25-го апрѣля Столыпинъ позвонилъ ко мнѣ по телефону и спросилъ, не могу ли я вечеромъ пріѣхать къ нему.

Когда мы остались одни въ его кабинетѣ, онъ протянулъ мнѣ собственноручное письмо отъ Государя, помѣченное: Царское Село, 25 апрѣля 1909. Вотъ его копія, которую я тутъ же снялъ съ разрѣшенія Столыпина, и она сохранилась у меня въ томъ видѣ, какъ я списалъ ее въ этотъ вечеръ.

Петръ Аркадьевичъ.

Послѣ моего послѣдняго разговора съ Вами я постоянно думалъ о вопросѣ о штатахъ Морск. Генер. Штаба.

Нынѣ, взвѣсивъ все, я рѣшился окончательно представленный мнѣ законопроектъ не утверждать. Потребный расходъ на штаты отнести на 10-ти мил. кредитъ.

О довѣріи или недовѣріи рѣчи быть не можетъ. Такова моя воля.

Помните, что мы живемъ въ Россіи, а не заграницей или въ Финляндіи (Сенатъ), и потому *я не допускаю и мысли о чьей-*

либо отставкѣ *). Конечно, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ объ этомъ будутъ говорить, но истерическіе крики скоро улягутся. Поручаю Вамъ выработать съ Военнымъ и Морскимъ Министрами, въ мѣсячный срокъ, необходимыя правила, которыя установили бы точно неясность современнаго разсмотрѣнія военныхъ и морскихъ законопроектовъ.

Предупреждаю, что я категорически отвергаю впередъ вашу или кого-либо другого просьбу объ увольненіи отъ должности.

Уважающій Васъ Николай.

Когда я прочиталъ это письмо, я спросилъ Столыпина, заходила ли при послѣднемъ свиданіи его съ Государемъ рѣчь объ его отставкѣ и вообще можно ли было заключить, что этотъ вопросъ былъ затронутъ хотя бы въ самой отдаленной формѣ?

Я получилъ категорическій отвѣтъ, что весь обмѣнъ взглядовъ происходилъ въ направленіи, ничего общаго не имѣвшемъ съ отставкою не только его самого, но кого-либо другого, напримѣръ Морского Министра, не говоря уже обо мнѣ, такъ какъ Государь отлично зналъ, что только его болѣзнь вызвала мое появленіе въ Государственномъ Совѣтѣ, да и самъ онъ не разъ выразился, что я снова выручилъ его изъ труднаго положенія, вызваннаго его болѣзнью. Онъ не можетъ, сказалъ Столыпинъ, отвергать, что при докладѣ своемъ Морской Министръ Григоровичъ могъ не сказать, что его вина въ этомъ дѣлѣ несомнѣнна, и, какъ человѣкъ прямой и не боящійся отвѣтственности, онъ вѣроятно сказалъ Государю, что готовъ просить Его объ увольненіи его отъ службы, такъ какъ несомнѣнно на немъ лежитъ отвѣтственность за это дѣло.

По крайней мѣрѣ, въ бесѣдѣ съ нимъ, Столыпинымъ, Григоровичъ не разъ заводилъ объ этомъ рѣчь, и каждый разъ Столыпинъ уговаривалъ его и не думать объ этомъ. По отношенію къ себѣ самому онъ думаетъ, что Государь могъ понять, что Столыпинъ связываетъ свою судьбу съ этимъ дѣломъ, хотя онъ и не заикался о своей отставкѣ, — только изъ той фразы, которую онъ сказалъ въ разговорѣ, когда упомянулъ, что положеніе правительства въ этомъ вопросѣ очень щекотливое, потому что несомнѣнно, представленіе Морскимъ Министромъ проекта штата въ Думу было ошибкою, а съ утвержденіемъ расхода по представленному штату обѣими палатами и неутвержденіемъ законопроекта Государемъ, отвѣтственность перелагается на Особу Го-

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

сударя, чего вообще нельзя допускать и слѣдуетъ переложить отвѣтственность на правительство.

Но это былъ простой обмѣнъ мнѣній, который вовсе не имѣлъ характера просьбы кѣмъ-либо о своей отставкѣ и ему просто непонятно, что именно вызвало написанное ему письмо. Онъ прибавилъ: «послѣ такого письма мнѣ, конечно, слѣдовало бы подать просьбу объ отставкѣ, но я этого не сдѣлаю, потому что не хочу огорчать Государя изъ-за минутнаго Его раздраженія, вызваннаго, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ постороннихъ людей».

На этомъ наша бесѣда и кончилась. Я ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, что вопросъ могъ идти формально и обо мнѣ; я сказалъ только, что я не предполагаю возобновлять его при моемъ докладѣ, потому что, очевидно, вопросъ шелъ не обо мнѣ.

Такъ это на самомъ дѣлѣ и кончилось. Никто въ отставку не подавалъ и скоро все забылось.

Конецъ 1908 года выдался для меня особенно горячій. Къ большой текущей работѣ и безъ того настолько поглащавшей все мое время, что я едва успѣвалъ справляться съ тѣмъ, что предъявляли запросы каждаго даннаго дня, прибавилась чрезвычайно упорная работа въ думскихъ комиссіяхъ и, въ частности, въ бюджетной, которая съ первыхъ же дней ноября отнимала отъ меня почти цѣликомъ иногда по три дня въ недѣлю, а сверхъ того подошла и совершенно экстренная работа по подготовкѣ и заключенію, въ самомъ началѣ 1909 года, займа на Парижскомъ рынкѣ, для конверсіи въ долгосрочный заемъ военнаго займа 1904 года.

Работа въ думской бюджетной Комиссіи протекала и въ этомъ году въ совершенно спокойной и даже вполнѣ дружелюбной атмосферѣ.

Большинство Думы, въ составѣ правой фракціи, группы націоналистовъ, почти всѣ октябристы, да и значительная часть прогрессистовъ было настроено самымъ благодушнымъ образомъ къ правительству и старалось наперерывъ показать свою полную готовность работать дружно и даже идти навстрѣчу его пожеланіямъ. Тонъ такого отношенія заданъ былъ, главнымъ образомъ, предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Столыпинымъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ внесъ свой проектъ о земельной реформѣ въ соотвѣтствіи съ проведеннымъ имъ по 87-ой статьѣ извѣстнымъ закономъ 7 ноября, — разработанный при самомъ тѣсномъ согласованіи его съ взглядами Государственной Думы. Всѣмъ Министрамъ предложено было имъ — какъ можно чаще

являться въ Думу при разсмотрѣніи въ ея комиссіяхъ внесенныхъ законопроектовъ и, въ числѣ Министровъ, мнѣ пришлось первому осуществлять на практикѣ этотъ пріемъ тѣснаго сближенія съ Думскою работаю.

Кромѣ земельной и бюджетной комиссіи, всѣ остальныя какъ-то вяло принимались вначалѣ за работу, но за то бюджетная показала съ первыхъ же дней самую кипучую дѣятельность. Она засыпала всѣ вѣдомства массою запросовъ о разъясненіи отдѣльныхъ смѣтныхъ назначеній, и всѣ мы старались наперерывъ исполнить желанія нашего предсѣдателя, не только не затрудняя отдѣльныхъ комиссій въ исполненіи ихъ желаній, но даже буквально отрывая на время массу служащихъ для исполненія предъявленныхъ намъ требованій, несмотря на то, что многія были просто совершенно ненужны и даже не вытекали изъ дѣйствительныхъ потребностей смѣтной работы. Самыя засѣданія комиссій вообще и бюджетной въ особенности носили въ этомъ году какой-то особенно дружественный тонъ.

Начались онѣ съ того, что Предсѣдатель этой послѣдней комиссіи обратился ко мнѣ съ настоящею привѣтственною рѣчью, высказавши, безъ всякихъ обиняковъ, что внесенный мною бюджетъ и въ особенности объяснительная къ нему записка, представляютъ собою замѣчательный трудъ, который долженъ облегчить Государственной Думѣ ея сложную работу, а проявленная всѣми вѣдомствами готовность снабжать ее всѣми необходимыми данными превосходитъ всѣ самыя смѣлыя ея ожиданія и открываетъ самую широкую возможность дружной, совмѣстной работы. Рядъ членовъ бюджетной комиссіи открыто присоединился къ нему и прибавилъ отъ себя выраженія ихъ благодарности за такое отношеніе. Оппозиція, разумѣется, молчала, но никакого открытаго возраженія не сдѣлала, и только по формѣ дѣлаемыхъ ею и ея безсмѣннымъ представителемъ Шингаревымъ вопросовъ можно было догадаться съ какою цѣлью дѣлаются эти вопросы и какое использованіе будетъ ими сдѣлано въ открытыхъ засѣданіяхъ Думы. Я не припомню, однако, ни одного сдѣланнаго мнѣ запроса, по которому не было дано мною или моими сотрудниками исчерпывающаго отвѣта, не оставлявшаго мѣста самому ничтожному недоразумѣнію. Скажу даже, что я не припоминаю ни одного засѣданія, которое не кончалось бы тѣмъ или инымъ выраженіемъ М. М. Алексѣенко его благодарности мнѣ и моему вѣдомству за оказываемую помощь Думѣ въ ея работѣ. Такой же характеръ носили и комиссіонные протоколы по отдѣльнымъ смѣтамъ, которые всѣ воспроизводили, въ самой корректной

формѣ, всѣ сдѣланные запросы и полученныя на нихъ разъясненія и сводили заключенія комиссіи почти всегда къ положеніямъ, принимаемымъ правительствомъ, или къ самымъ второстепеннымъ разногласіямъ, про которыя Алексѣенко всегда говорилъ: «нужно же оставить хоть небольшой слѣдъ тому, что мы не всегда подчиняемся правительству».

Въ конечномъ результатѣ, проектъ росписи и заключеніе по нему Бюджетной Комиссіи вылилось въ такую благожелательную для правительства форму, что оставалось только ждать дня разсмотрѣнія его Общимъ Собраніемъ Думы, и въ Совѣтѣ Министровъ не разъ говорилось, что въ этотъ день я буду несомнѣннымъ «бенефиціантомъ» и въ шутку спрашивали меня, не извѣстно ли мнѣ какому цвѣточному магазину заказанъ вѣнокъ, который будетъ возложенъ на мою голову?

Меня эта двухмѣсячная работа въ Думской комиссіи, разумѣется, утомила до крайности, такъ какъ мнѣ приходилось иногда просиживать въ ней буквально цѣлый день съ перерывомъ только для завтрака, но зато морально я былъ глубоко удовлетворенъ и все говорилъ предсѣдателю комиссіи, что единственное мое желаніе заключается въ томъ, чтобы такой же дружелюбный тонъ поддерживался и въ Общемъ Собраніи. На это мое пожеланіе онъ замѣтилъ мнѣ какъ-то разъ, когда мы вмѣстѣ вышли изъ затянувшагося засѣданія, что такого благополучія ждать нельзя потому, что «для печати и для публики нельзя же все хвалить правительство, а нужно когда-нибудь сказать, что оно все-таки никуда не годится, хотя голосовать все-таки нужно съ нимъ».

Такъ оно потомъ и случилось.

Переговоры мои о заключеніи займа также не дали мнѣ большого труда и кончились сравнительно быстро и вполнѣ благополучно, хотя потомъ не мало крови было испорчено безполезными преніями въ Думѣ, когда, и по этому поводу, пришлось все-таки встрѣтиться съ совершенно безполезною и глубоко несправедливою критикою оппозиціи въ лицѣ того же Шингарева, который, очевидно, — не тѣмъ будь помянутъ покойный, — не могъ пропустить ни одного повода, чтобы не наговорить множество непріятныхъ сужденій, въ которыя и самъ онъ чаще всего не вѣрилъ, но не могъ противостоять усвоенной его партіею повадкѣ критиковать и осуждать правительство въ самыхъ правильныхъ, и даже неизбѣжныхъ, его мѣропріятіяхъ.

Начало переговоровъ о заключеніи займа, для консолидаціи выпущенныхъ въ 1904 году обязательствъ государственнаго каз-

начейства на парижскомъ рынкѣ, положено было мною словесно въ моей встрѣчѣ съ главою русской группы банкировъ — Нетцлинымъ въ Гомбургѣ въ августѣ 1908 года. Объ этомъ я сказалъ уже вскользь въ своемъ мѣстѣ. Подробности этого дѣла заключались въ слѣдующемъ. Списавшись съ нимъ еще до моего выѣзда въ этомъ году въ отпускъ, я предложилъ ему нашу встрѣчу въ Гомбургѣ и намѣтилъ ему въ письмѣ основныя мои мысли по этому поводу, заключавшіяся въ томъ, что заемъ долженъ быть долгосрочный, 4½ процентнаго типа, на сумму, покрывающую въ его чистой выручкѣ всю сумму погашаемыхъ боновъ. Я оговорилъ тутъ же, что усердно прошу его до выѣзда на свиданіе со мною переговорить съ его коллегами, главнымъ образомъ, по двумъ вопросамъ — о выпускной цѣнѣ займа и о размѣрѣ комиссіи по выпуску. Я предупредилъ его при этомъ, что положеніе Россіи теперь иное, чѣмъ въ 1906 году, и что я дружески прошу его не ставить меня въ трудное положеніе невыгодными условіями, такъ какъ я не могу принять ихъ, какъ съ точки зрѣнія русскаго общественнаго мнѣнія, которое не примирится съ тяжелыми условіями консолидаціоннаго займа, при значительно окрѣпшемъ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Россіи, да и я самъ не пойду на невыгодныя условія. Мнѣ очень жаль, что и это письмо, если оно сохранилось въ архивѣ Министерства Финансовъ и попало въ руки большевиковъ, не опубликовано ими, т. к. оно показало бы, что представители русскаго правительства отстаивали интересы государства, а не предавали ихъ, какъ принято говорить объ этомъ по отношенію ко всему нашему прошлому.

Отношеніе Нетцлина къ поставленнымъ мною вопросамъ при свиданіи со мною было въ общемъ самое благопріятное. Онъ сказалъ мнѣ, что русская группа даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что кредитъ Россіи окрѣпъ, что правительство сумѣло внести порядокъ въ управленіе, и между нимъ и народнымъ представительствомъ установились совершенно нормальныя отношенія. Финансовое положеніе страны настолько окрѣпло, что правительство можетъ просто рискнуть оплатить обязательства 1904 года наличнымъ запасомъ золота, если бы оно встрѣтило затрудненія къ заключенію займа. А главное, по его мнѣнію, это то, что въ данномъ случаѣ вся выручка отъ займа остается полностью во Франціи и пойдетъ въ распоряженіе тѣхъ же главныхъ банковъ русской группы, которые заключатъ и новый заемъ, потому что боны 1904 года размѣщены, главнымъ образомъ, въ ихъ кассахъ и лишь малая часть проникла въ публику. Нетцлинъ увѣрилъ меня, что согласіе Французскаго правитель-

ства совершенно обезпечено, о чемъ группа имѣетъ даже опредѣленное заявленіе, и онъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что я не встрѣчу съ ея стороны никакихъ затрудненій и могу даже дать ему полномочія войти въ соглашеніе съ его коллегами и сообщить мнѣ ихъ рѣшеніе. Я такъ и поступилъ. Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ я доложилъ весь вопросъ Совѣту Министровъ, получилъ разрѣшеніе представить его на предварительное одобреніе Государя, извѣстилъ объ этомъ Нетцлина и въ теченіе октября и ноября всѣ условія были соглашены письмами, безъ вызова банкировъ въ Петербургъ, и въ январѣ заемъ былъ заключенъ безъ внесенія принципіальнаго вопроса въ Думу и Государственный Совѣтъ, такъ какъ онъ имѣлъ характеръ конверсіонный и могъ быть по закону совершенъ въ порядкѣ Верховнаго управленія.

Впослѣдствіи, при разсмотрѣніи росписи на 1909 годъ, въ Думѣ оппозиція пыталась доказывать незакономѣрность распоряженія правительства, но должна была сойти со своей точки зрѣнія и даже доказательства ея, что заемъ былъ заключенъ на невыгодныхъ условіяхъ, не имѣли никакого успѣха, и подавляющее большинство Думы встрѣтило шумными одобреніями мои доказательства о выгодности условій займа и несомнѣнномъ упроченіи русскаго кредита, а не его паденія, какъ силился доказать Шингаревъ, впрочемъ, и самъ не вѣря своимъ нападкамъ на меня. По крайней мѣрѣ, когда послѣ разсмотрѣнія росписи я имѣлъ случай подойти къ нему и спросить его въ кругу немногихъ членовъ Государственной Думы, дѣйствительно ли онъ считаетъ, что можно было выговорить лучшія условія, онъ сказалъ, не обинуясь, что ему неизвѣстенъ механизмъ совершенія займовъ на внѣшнемъ рынкѣ, но пожалуй, что при существующихъ условіяхъ, трудно было добиться лучшаго и, конечно, хорошо, что правительство не рѣшилось на оплату боновъ изъ золотого запаса, который пригодится на другое. Присутствовавшіе при разговорѣ нѣкоторые члены Думы и въ частности покойный Мотовиловъ — я хорошо помню его реплику — не обинуясь сказалъ мнѣ, что я дѣлаю большую ошибку, предполагая, что члены Думы думаютъ то, что говорятъ, такъ какъ многое говорится для совершенно постороннихъ цѣлей. Шингаревъ на это только засмѣялся и отвѣтилъ мнѣ: «ну что же, — Вы побѣдили и лучше больше объ этомъ не говорить — до другого раза».

Такимъ образомъ 1909 годъ начался для меня при весьма благопріятной обстановкѣ и не предвѣщалъ никакихъ осложне-

нiй въ той нервной работѣ, которую представляло собою прохожденіе бюджета черезъ Общее Собраніе Государственной Думы. Бюджетныя пренія начались 16-то февраля и тянулись до самаго конца мая, совершенно разочаровавши меня въ моихъ ожиданіяхъ благополучнаго и мирнаго ихъ разрѣшенія.

Начались пренія съ доклада Предсѣдателя бюджетной комиссіи Алексѣенко, который и на этотъ разъ сохранилъ тотъ же благожелательный тонъ, который былъ усвоенъ имъ при разсмотрѣніи росписи на 1908 годъ. У меня и сейчасъ лежитъ подъ руками его докладъ. Это былъ сплошной хвалебный гимнъ правительству и лично мнѣ за внесенную роспись. Во всемъ его докладѣ, длившемся почти два часа, не было сдѣлано ни одного принципіальнаго вопроса, ни одного сколько-нибудь существеннаго замѣчанія и цѣлый рядъ совершенно недвусмысленныхъ похвалъ по моему адресу за ясность изложенія, за исчерпывающую полноту оправдательнаго матерьяла. Только подъ конецъ, да и то скорѣе для приданія себѣ особой эрудиціи и поученія своей аудиторіи, онъ высказалъ нѣсколько пожеланій для будущаго, да и то почти въ буквальномъ повтореніи заключительной части моей объяснительной записки.

Но дальше пошло иное. Послѣ Алексѣенки говорилъ, какъ и слѣдовало ожидать, Шингаревъ, и его докладъ былъ просто возмутителенъ. Онъ не коснулся ни одного изъ многочисленныхъ вопросовъ, которые были затронуты имъ въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи, освѣщены въ ея протоколахъ, такъ сказать ликвидированы принятыми рѣшеніями, подписанными самимъ Шингаревымъ, и разобраны детальнымъ образомъ Предсѣдателемъ бюджетной комиссіи. Вмѣсто всего этого Шингаревъ представилъ, какъ и въ прошломъ году, сплошной обвинительный актъ противъ правительства, опорочивалъ всѣ его заключенія, принятыя бюджетною комиссіею и оттѣненныя Предсѣдателемъ ея какъ несомнѣнная заслуга правительства въ дѣлѣ оздоровленія финансовъ и какъ доказательство его готовности дружно работать съ народнымъ представительствомъ и всѣ его соображенія переплетены были съ цѣлымъ рядомъ личныхъ выпадовъ противъ меня. Послѣ него говорило еще нѣсколько совершенно безцвѣтныхъ депутатовъ, мало или совсѣмъ не смыслившихъ ничего въ росписи, и мнѣ хотѣлось дать выговориться еще большему количеству охотниковъ до оппозиціонной болтовни и уже потомъ выступить съ моими возраженіями. Но присутствовавшій на засѣданіи Столыпинъ, переговорившій въ перерывѣ съ Предсѣдателемъ Думы, нашелъ, что нельзя оставлять возмутительныхъ вы-

падовъ Шингарева безъ немедленной отповѣди и просилъ меня выступить тотчасъ послѣ перерыва для завтрака.

Къ сожалѣнію, въ ту пору, когда я записываю эти воспоминанія изъ былого, мнѣ не съ кѣмъ обмѣняться впечатлѣніями и не у кого спросить какъ относились мои слушатели къ тому, что было сказано, и какая оцѣнка осталась у тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ моей борьбы и моихъ усилій отстаивать достоинство правительственной власти, какъ и попытокъ моихъ поставить правду на мѣсто проявленій политической страстности. Мнѣ приходится только справляться со своею собственною совѣстью и искать у нея справедливой оцѣнки того, что дѣлалъ я и говорилъ въ ту пору. И этотъ неумолимый свидѣтель говоритъ мнѣ, что поле сраженія оставалось во всѣхъ случаяхъ за мною, и мои противники уходили, если и не убѣдившись въ проигрышѣ избранной ими недоброй партіи, то добившись относительнаго успѣха только у своихъ единомышленниковъ, не отвоевавши отъ меня, какъ органа правительства, ни одной изъ намѣченныхъ ими позицій.

Доказательствомъ этому служили не только принятыя рѣшенія, но и шумныя проявленія одобренія со стороны подавляющаго большинства Думы, не зараженной партійною страстностью и, что всего убѣдительнѣе — безспорное проявленіе довѣрія ко мнѣ со стороны значительнаго большинства думскихъ круговъ.

Помогало мнѣ разумѣется и то, что я вообще былъ сильнѣе моихъ противниковъ, обладавшихъ, несомнѣнно, недюжинными дарованіями, въ особенности Шингаревъ, — но не въ смыслѣ положительныхъ знаній бюджетнаго дѣла и многихъ отраслей государственной жизни. Въ подавляющемъ большинствѣ, мои оппоненты были людьми чрезвычайно поверхностно освѣдомленными въ этихъ вопросахъ. Они отдавали мнѣ открыто должное въ томъ, что меня нельзя застать врасплохъ или не вооруженнымъ всѣми свѣдѣніями, даже по другимъ вѣдомствамъ.

Покойный Столыпинъ не разъ спрашивалъ меня, какимъ образомъ имѣю я готовый отвѣтъ на каждый вопросъ, иногда совершенно неожиданный, и я всегда отвѣчалъ ему однимъ доводомъ — что я не даромъ провелъ 6 лѣтъ на должности Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта по смѣтной части, столько же лѣтъ въ должности Товарища Министра Финансовъ, при Министрѣ, мало входившемъ въ вопросы текущей государственной жизни и представлявшемъ мнѣ большую свободу дѣйствій. Мнѣ приходилось быть въ курсѣ каждаго, сколько-нибудь существеннаго вопроса не меньше, нежели мои сотрудники и доклад-

чики, прекрасно, однако, ознакомленные со всѣми дѣлами ихъ спеціальности.

Когда я вернулся вмѣстѣ со Столыпинымъ въ Министерскій павильонъ послѣ моей двухчасовой реплики Шингареву, онъ и присутствовавшіе нѣкоторые Министры снова сдѣлали мнѣ положительную овацію, которая повторилась потомъ и въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, когда Столыпинъ передалъ свои впечатлѣнія отъ думскаго засѣданія.

Во время почти четырехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ тянулась бюджетная работа, съ февраля до второй половины мая, къ чисто смѣтной работѣ примѣшались, и въ этомъ году, всевозможныя нападенія, которыя оппозиція силилась направить на правительство, просто придираясь къ той или другой смѣтной статьѣ, — исключительно съ тою цѣлью, чтобы наговорить правительству очередныхъ непріятностей на ту или другую, излюбленную оппозиціей, тему по преимуществу экономическаго характера, какъ наиболѣе удобную для произнесенія непріятныхъ правительству рѣчей, безъ необходимости имѣть фактическіе поводы для такихъ выступленій.

Естественно поэтому, что «огрызаться» по всѣмъ этимъ вопросамъ приходилось опять же мнѣ и бывало, что нѣсколько дней подрядъ я просто не выходилъ изъ засѣданій Думы, отвѣчая на пристрастныя нападенія отдѣльныхъ оппозиціонныхъ ораторовъ. Среди нихъ всегда игралъ выдающуюся роль тотъ же покойный Шингаревъ, который спеціализировался вообще на вѣдомствѣ финансовъ и сталъ, такъ сказать, присяжнымъ отрицателемъ всякаго рода полезной дѣятельности именно этого вѣдомства.

Его энергія была поистинѣ изумительна. Неуспѣхи его выступленій его вовсе не обезкураживали. Почти всегда онъ оставался въ непріятномъ положеніи человѣка, усилія котораго не приводили ни къ чему, но такъ какъ на слѣдующій день газета Рѣчь хвалила его и осуждала меня, то цѣль его оказалась достигнутою и онъ, съ новой энергіей, принимался за меня, и наши шпаги неизмѣнно скрещивались чуть что не въ каждомъ засѣданіи. Излюбленною темою для нападокъ оппозиціи всегда была смѣта Особенной Канцеляріи, по кредитной части, къ которой можно было съ большимъ или меньшимъ основаніемъ пріурочить нападки на дѣятельность Крестьянскаго Банка и еще болѣе — Иностраннаго Отдѣленія Канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы изъять изъ непосредственныхъ рукъ Министра Финансовъ такое орудіе, какъ покупка валюты, необходимой тому же Министру.

Затѣмъ, излюбленною темою служила также смѣта Департамента Желѣзнодорожныхъ Дѣлъ, какъ поводъ домогаться передачи тарифнаго дѣла въ руки законодательныхъ учрежденій, или ограничивать дѣятельность правительства въ вопросахъ частнаго строительства желѣзныхъ дорогъ или, наконецъ, критиковать того же Министра Финансовъ въ его дѣятельности по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, состоявшей въ его вѣдѣніи.

Мнѣ приходилось, въ прямомъ смыслѣ слова, защищаться по всѣмъ фронтамъ, и моя задача была не очень-таки благодарная, потому что оппозиція очевидно разсчитывала либо на то, что я не отобьюсь отъ ея нападокъ, либо просто не вынесу этого каторжнаго труда. Мнѣ очень жаль, что я не могу привести здѣсь наиболѣе существенныхъ выдержекъ изъ произнесенныхъ мною въ этомъ году рѣчей. Но ихъ было такъ много, что одни копіи полученныхъ мною наиболѣе крупныхъ изъ нихъ занимаютъ много сотенъ страницъ убористой печати, и онѣ заняли бы слишкомъ много мѣста.

Одно, и только одно, я могу сказать, что, несмотря на то, что прошло столько лѣтъ съ той поры, перечитывая мои рѣчи, я испытывалъ большое чувство удовлетворенія отъ того, что мои противники ничего не выиграли ихъ систематическими и предвзятыми нападеніями на правительство, и что послѣднее, въ моемъ лицѣ, вышло съ честью изъ этого боя.

Рѣшенія Думы были всегда на моей сторонѣ, мои противники не могли занести на ихъ счетъ ни одной реальной побѣды, а тѣ выраженія благодарности, которыя я получалъ непосредственно или много времени спустя отъ моихъ подчиненныхъ, которыхъ я защищалъ каждый разъ, когда ихъ опорачивала оппозиція, не имѣя на то никакого повода и основанія, — служили для меня лучшею наградою за понесенный тяжелый трудъ и способствовали болѣе, нежели что либо иное, той связи вѣдомства со мною, которая отличала всѣ десять лѣтъ моей работы на моемъ трудномъ, но и благодарномъ посту.

Въ эту Думскую бюджетную работу начала 1909 года снова и опять вдвинулась попытка оппозиціи, не знаю уже въ который разъ начиная съ 1907 года, вернуться въ формѣ запросовъ о незакономѣрности дѣйствій моихъ и Министра Путей Сообщенія въ направленіи дѣлъ о частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ.

Ни мало не смущаясь совершенно яснымъ закономъ о порядкѣ направленія этихъ дѣлъ черезъ второй Департаментъ Государственнаго Совѣта, оппозиція, идя по стопамъ Думы второго

созыва, и въ 1909 году такъ же, какъ и въ 1907-омъ, снова подняла тотъ же вопросъ, прибѣгнувъ къ тѣмъ же пріемамъ, къ какимъ пыталась было прибѣгнуть Дума 2-го созыва. Ее нисколько не смущало то, что составъ Думы 3-го созыва былъ уже не тотъ и на него не было возможности опереться. Тѣ же лица выступили съ тѣмъ же арсеналомъ средствъ въ промежутокъ смѣтной работы и — остались при томъ же неуспѣхѣ, какъ и ихъ предшественники, и не добились успѣха въ ихъ попыткѣ пересмотрѣть изданный законъ въ порядкѣ думской инициативы, несмотря на всѣ усилія подбить большинство Думы признать дѣйствія правительства незакономѣрными. Они потерпѣли въ этомъ отношеніи снова полное пораженіе, которое не ослабило ихъ энергіи до самого конца работъ Думы 3-го созыва.

Въ эту пору оппозиція пошла, однако, даже дальше попытокъ Думы 2-го созыва въ обвиненіи правительства въ его неуваженіи къ народному представительству и избрала для этого совершенно неожиданный пріемъ.

Въ числѣ законовъ, опредѣлившихъ порядокъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства, одинъ изъ законовъ — журналъ засѣданія по этому вопросу подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя — не былъ опубликованъ и приведенъ только въ цитатахъ подъ закономъ о подвѣдомственности этихъ дѣлъ второму Департаменту Государственнаго Совѣта. Въ своихъ возраженіяхъ на мои объясненія Шингаревъ и Некрасовъ заявили, что имъ этотъ журналъ неизвѣстенъ, и они не считаютъ себя въ правѣ руководствоваться имъ, а ссылка подъ текстомъ закона можетъ быть истолкована и не правильно. Тогда Предсѣдатель бюджетной Комиссіи Алексѣенко и предсѣдатель Думы Хомяковъ обратился ко мнѣ съ просьбою доставить текстъ этого журнала для его ознакомленія въ бюджетную комиссію, обѣщая не предавать его гласности.

Я передалъ объ этомъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ Столыпину, который нашелъ эту просьбу совершенно справедливою и просилъ меня доложить объ этомъ Государю. Разрѣшеніе, разумѣется, было дано. Государь даже замѣтилъ, что Онъ не видитъ никакого затрудненія опубликовать журналъ черезъ Сенатъ; я отвезъ завѣренную мною копію Предсѣдателю Думы, который меня горячо благодарилъ, сказавши, что теперь всякія сомнѣнія должны отпасть.

Каково же было мое удивленіе, когда въ слѣдующемъ открытомъ засѣданіи Общаго Собранія Думы Шингаревъ и Некрасовъ въ одинъ голосъ обвинили меня въ попыткѣ произвести насиліе

надъ Думою предъявленіемъ отдѣльнаго акта никому неизвѣстнаго и совершенно не отвѣчающаго достоинству Думы. Лѣвыя скамьи бурно поддержали моихъ обличителей, ни Алексѣенко, ни Хомяковъ не выступили съ разъясненіями, и мнѣ пришлось снова взять на себя роль разрушенія сочиненной легенды и получить опять открытое одобреніе внушительнаго большинства Думы.

Въ какой степени были не правы мои оппоненты и насколько предвзяты были ихъ придирки, направленныя исключительно на то, чтобы еще и еще разъ попытаться вырвать изъ рукъ правительства все дѣло частнаго желѣзнодорожнаго строительства и подчинить его вліянію законодательныхъ учрежденій, — всего лучше можетъ пояснить текстъ произнесенной мною рѣчи въ засѣданіи 25-го февраля 1909 года. Любопытно именно то, что думская оппозиція отлично понимала и сама, что всѣ дѣйствія правительства были проникнуты самою неоспоримою законностью, и что передъ нею лежалъ только одинъ законный путь, — не обвиняя никого въ нарушеніи закона, добиваться разсмотрѣнія всего дѣла по существу въ законодательномъ порядкѣ и настаивать на изданіи новаго закона, въ отмѣну изданнаго въ 1906 году, съ которымъ можно было соглашаться или не соглашаться, но отрицать его ясный смыслъ и доказывать, что правительство не имѣло права направлять дѣла частнаго желѣзнодорожнаго строительства во Второй Департаментъ Государственнаго Совѣта было явнымъ отрицаніемъ очевиднаго закона.

Такъ какъ и во многихъ другихъ случаяхъ цѣль оправдывала средства и для достиженія намѣченной цѣли — ограниченія объема власти правительства — всѣ способы были хороши, хотя была очевидна и для самихъ авторовъ вся безнадежность обоихъ запросовъ. Не могли они не понимать, что даже при полученіи требуемаго закономъ большинства двухъ третей голосовъ для переноса дѣла о незаконныхъ дѣйствіяхъ правительства на разрѣшеніе Государя, они не могли разсчитывать ни на какой успѣхъ, такъ какъ правительство дѣлало только то, что выработано было подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого Государя, но важна была не практическая цѣль, а одно желаніе создать неблагопріятную атмосферу для правительства, хотя бы цѣною очевидной передержки совершенно яснаго закона.

Когда же стало ясно для всего состава Думы, что удержаться на обвиненіи правительства въ незакономѣрности его дѣйствій нельзя и для признанія его не соберется и простого большинства голосовъ, то авторамъ запросовъ не оставалось ничего иного, какъ

выиграть въ глазахъ оппозиціонныхъ круговъ и враждебно настроенной печати, выкинувши флагъ стѣсненія свободы сужденій Думы предъявленіемъ недопустимаго аргумента — давить на Думу авторитетомъ Верховной власти. Оппозиція явилась какъ будто бы защитницею достоинства послѣдней отъ всякаго вмѣшательства ея въ пренія законодательной палаты. Въ моемъ лицѣ правительство оказывалось виновнымъ въ вовлеченіи Государя въ споръ между Думою и правительствомъ.

Государь отлично понялъ всю соль этого неискренняго пріема. Когда послѣ указаннаго засѣданія Думы я пришелъ къ Нему съ очереднымъ моимъ докладомъ, Онъ показалъ мнѣ отложенный Имъ номеръ Новаго Времени, съ подробнымъ изложеніемъ преній, и сказалъ мнѣ просто: «Какъ не стыдно прибѣгать къ такому неумѣстному пріему. Вѣдь самъ предсѣдатель Думы просилъ меня оказать имъ вниманіе—познакомиться съ тѣмъ, что не было опубликовано. Я охотно пошелъ навстрѣчу ихъ просьбы, хотя имѣлъ несомнѣнное право отказать, но не сдѣлалъ этого, дабы не давать повода обвинять не то Меня, не то правительство въ ненужномъ отказѣ, а теперь Васъ же обвиняютъ въ учиненіи насилія надъ Думою, какъ будто показать подлинный текстъ обязательнаго и для правительства и для самой Думы закона — значитъ давить на чью-то совѣсть».

Вскорѣ послѣ этого засѣданія Думы мнѣ снова пришлось встрѣтиться съ моими противниками въ кулуарахъ Таврическаго Дворца и затронуть въ частной бесѣдѣ этотъ щекотливый вопросъ передъ Предсѣдателемъ Думы Хомяковымъ, котораго я спросилъ не предполагаетъ ли онъ, при своемъ очередномъ докладѣ у Государя, разъяснить Ему, что правительство вело себя болѣе, чѣмъ корректно, доложивши Думѣ только то, о чемъ она сама просила Его черезъ посредство своего предсѣдателя, такъ какъ мнѣ положительно непріятно, что меня обвиняютъ въ томъ, что я ввелъ Государя и Его авторитетъ въ думскія пренія, и я конечно уже впредь буду осторожнѣе и устранюсь отъ такой неблагодарной роли.

Хомяковъ отвѣтилъ мнѣ съ его обычными шутками и остроуміемъ: «ну что объ этомъ поднимать лишній разговоръ, когда и Вы отлично знаете, что Вы правы, и Государь не менѣе Васъ убѣжденъ въ этомъ, да и всѣ Ваши противники также понимаютъ, что имъ не слѣдовало говорить многаго изъ того, что было сказано, но въ этомъ большой бѣды нѣтъ».

Любопытно, однако, что и послѣ такого торжественнаго провала внесеннаго запроса правительству еще долго тотъ же вопросъ поднимался въ Думѣ по самымъ разнообразнымъ поводамъ и безъ всякой положительной цѣли, если не считать такою просто желанія наговорить правительству опять все тѣ же, покрываемыя аплодисментами рѣчи объ ограниченіи власти законодательныхъ палатъ и о захватѣ правительствомъ непринадлежащихъ ему полномочій.

ГЛАВА IV.

Моя поѣздка на Дальній Востокъ. Причины ее вызвавшія. Разногласія съ Сухомлиновымъ по вопросу объ отношеніи къ намъ Японіи и о кредитахъ на укрѣпленіе Владивостока. Аудіенція японскаго посла барона Мотоно у Государя. Данное мнѣ Высочайшее порученіе поѣздки на Дальній Востокъ для выясненія положенія. — Отъѣздъ и остановка въ Москвѣ. Прибытіе на ст. «Манчжурія» и полученіе извѣстія о предстоящей встрѣчѣ съ княземъ Ито. Организація встрѣчи. — Прибытіе князя Ито въ Харбинъ и мое свиданіе съ нимъ. Убійство князя Ито. — Пребываніе мое во Владивостокѣ. Беззащитность крѣпости, вслѣдствіе неиспользованія отпущенныхъ кредитовъ. Возвращеніе въ Харбинъ. Разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся дороги. Положеніе Китая. — Мой Всеподданнѣйшій отчетъ о поѣздкѣ и резолюціи на немъ Государя. Поѣздка Сухомлинова на Дальній Востокъ и направленный противъ меня отчетъ о ней.

Среди описанной выше кипучей работы въ Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ въ первую половину 1909 года, — какъ-то совершенно незамѣтно, въ текущей моей работѣ по Министерству Финансовъ, возникъ вопросъ, котораго я всего меньше желалъ, чтобы онъ появлялся и вовлекъ меня въ совершенно неожиданное осложненіе.

Незадолго до этой поры, среди главныхъ представителей правительственной власти, появилась новая фигура Военнаго Министра Сухомлинова, неожиданно назначеннаго съ поста Командующаго Войсками Кіевскаго Военнаго Округа и Генералъ-Губернатора Юго-Западнаго Края, — сначала Начальникомъ Генеральнаго Штаба, а затѣмъ вскорѣ и Военнымъ Министромъ.

Мои первыя сношенія съ нимъ носили чрезвычайно симпатичный характеръ. Мы встрѣтились впервые въ Совѣтѣ государственной обороны, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя

Николая Николаевича еще въ 1906 году и, по какой-то странной случайности, въ спорномъ вопросѣ, поднятомъ Генераломъ Редигеромъ о необходимости отказаться отъ укрѣпленія Владивостока, по невозможности защитить его противъ возможнаго нападенія со стороны Японіи и, взамѣнъ его — организовать нашу сухопутную оборону Дальняго Востока около Никольска Уссурійскаго, мой голосъ принадлежалъ, какъ и голоса Столыпина и Министра Иностранныхъ Дѣлъ, къ числу тѣхъ, кто рѣшительно возставалъ противъ этой мысли. Былъ ли я болѣе знакомъ съ вопросомъ, занимаясь много нашими дѣлами на Дальнемъ Востокѣ въ связи со всѣмъ, что мнѣ пришлось пережить въ самомъ началѣ моего занятія поста Министра Финансовъ въ 1904 году, и во все время Русско-Японской войны, показались ли мои аргументы болѣе сильными, нежели соображенія, высказанныя въ томъ же смыслѣ другими членами Совѣта обороны, но Великій Князь приказалъ изложить ихъ въ журналѣ особенно подробно и даже просилъ Государя остановить на нихъ Его особое вниманіе. Сухомлиновъ демонстративно поддержалъ меня и высказалъ это, хотя и въ очень мягкой формѣ, но съ совершенно несвойственной ему ясностью и опредѣлительностью. Я думаю даже, что онъ говорилъ въ томъ смыслѣ и Государю отъ себя, какъ вообще онъ имѣлъ потомъ привычку занимать и впослѣдствіи вниманіе Государя всѣмъ, что происходило при его участіи во всякаго рода Коммисіяхъ и Совѣщаніяхъ. При этомъ онъ всегда выставлялъ свою роль, какъ имѣвшую рѣшающее значеніе въ дѣлѣ.

Послѣ засѣданія Совѣта обороны, происходившаго въ домѣ Великаго Князя на Большой Итальянской, онъ проводилъ меня домой, несмотря на поздній часъ ночи, долго разговаривалъ со мною на разнообразныя темы и на слѣдующій день пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ и снова разсыпался во всякаго рода комплиментахъ по поводу моего вчерашняго выступленія въ Совѣтѣ обороны въ пользу, какъ онъ выражался, «спасенія нашего бѣднаго Владивостока отъ грозившей ему опасности отъ узкаго и непонятнаго взгляда Военнаго Министра».

Я думаю, что роль, сыгранная Генераломъ Редигеромъ въ этомъ вопросѣ, послужила даже послѣднею каплею неудовольствія на него Государя, хотя главная причина заключалась, несомнѣнно, въ другомъ, — въ чемъ Генералъ Редигеръ былъ совершенно правъ, а именно въ отрицательномъ его отношеніи къ раздѣленію Военнаго Министерства на двѣ, совершенно самостоятельныя части — на собственно Военное Министерство и на независящее отъ него Главное Управленіе Генеральнаго Штаба. Ре-

дигеръ не скрывалъ этого, говорилъ Государю не обинуясь, вызывая этимъ Его неудовольствіе, и долженъ былъ уйти. Его смѣнилъ Генералъ Сухомлиновъ и быстро сумѣлъ своею вкрадчивостью и кажущимся добродушіемъ склонить Государя на возвращеніе къ старому порядку, чего онъ давно добивался, еще въ бытность его Начальникомъ Генеральнаго Штаба.

Съ назначеніемъ Генерала Сухомлинова Военнымъ Министромъ и появленіемъ его въ Совѣтѣ Министровъ для защиты текущихъ дѣлъ своего вѣдомства наши отношенія быстро приняли совершенно иной и даже прямо враждебный характеръ.

Ему приходилось сразу же войти въ конфликтъ, главнымъ образомъ со мною, какъ Министромъ Финансовъ, и нашему расхожденію по текущимъ дѣламъ послѣ первыхъ же расхожденій во взглядахъ на размѣры кредитовъ, испрашиваемыхъ его вѣдомствомъ всегда въ преувеличенныхъ размѣрахъ и очень часто съ крайне плохимъ обоснованіемъ, онъ придалъ чрезвычайно острый характеръ.

Наши споры приняли даже явно личный характеръ и, что еще хуже, перешли на судъ Государя раньше, чѣмъ журналы Совѣта дошли до Него. Объ этомъ тотчасъ же узналъ Столыпинъ, которому Государь сталъ говорить о томъ, что ему крайне непріятны разнорѣчія въ Совѣтѣ Министровъ, и что Онъ очень желалъ бы устранить ихъ и будетъ говорить со мною при первой возможности.

Столыпинъ былъ крайне возмущенъ такимъ отношеніемъ Сухомлинова, разъяснилъ Государю, что всѣ Министры совершенно самостоятельны въ Совѣтѣ, что роль послѣдняго заключается именно въ томъ, чтобы сглаживать несогласія между вѣдомствами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эти несогласія остаются, они всегда идутъ на разрѣшеніе Государя, которому одному и принадлежитъ окончательное направленіе спорнаго вопроса. Онъ прибавилъ, что дѣла вносятся Военнымъ Министерствомъ въ Совѣтъ Министровъ часто въ такомъ плохомъ видѣ, что самъ Военный Министръ отказывается отъ своихъ разсчетовъ и присоединяется къ Министру Финансовъ и Государственному Контролеру, которые всегда подкрѣплены значительно болѣе вѣскими данными, нежели тѣ, на которыя опирается Военное Вѣдомство. Онъ указывалъ при этомъ Государю, что Генералъ Сухомлиновъ начинаетъ даже прибѣгать къ совершенно небывалому пріему — соглашается въ Совѣтѣ, а когда ему посылаютъ, составленный согласно и его мнѣнію, журналъ, онъ пишетъ на него возраженія и

дѣло слушается два и три раза, внося немалое недоумѣніе въ среду Министровъ.

Со мною Государь заговаривалъ объ этомъ сначала только вскользь, не выражая ни малѣйшаго неудовольствія и, на мое замѣчаніе, что ни съ кѣмъ изъ прочихъ Министровъ не возникаетъ въ Совѣтѣ Министровъ тѣхъ треній, которыя стали повторяться съ первыхъ же дней назначенія Генерала Сухомлинова, Государь въ полушутливой формѣ сказалъ мнѣ, что это объясняется неопытностью Генерала и, вѣроятно, постепенно сгладится, по мѣрѣ пріобрѣтенія имъ большаго опыта, тѣмъ болѣе, что «онъ человѣкъ очень способный, быстро осваивается съ новыми положеніями, а, можетъ быть, только излишне усердствуетъ на первыхъ порахъ».

Но въ первой половинѣ 1909 года столкновенія съ Генераломъ Сухомлиновымъ стали принимать у меня особенно острый характеръ въ связи съ участившимися къ тому времени настояніями Приамурскаго Генералъ-Губернатора Унтербергера объ угрожающемъ положеніи дѣлъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, въ связи съ, будто бы, замышляемымъ Японіею новымъ нападеніемъ на насъ, въ виду нашей полной неподготовленности къ оборонѣ на Владивостокскомъ фронтѣ. Телеграммы Генерала Унтербергера приходили въ очень большомъ количествѣ, какъ къ Военному Министру, такъ и къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ и къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Долгое время лично я не получалъ отъ Генерала никакихъ свѣдѣній, несмотря на то, что у меня съ нимъ были давнія хорошія личныя отношенія. Копіи всѣхъ телеграммъ, поступавшихъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, всегда доставлялись этимъ вѣдомствомъ мнѣ, по старому порядку, заведенному еще при Гр. Витте, въ виду особеннаго положенія, которое занимало Министерство Финансовъ въ дѣлахъ Китайской Восточной желѣзной дороги. Я упоминалъ объ этомъ уже раньше.

На Столыпина эти телеграммы производили очень сильное впечатлѣніе, и послѣ полученія каждой новой депеши онъ неизмѣнно просилъ Извольскаго и меня къ себѣ и съ большою тревогою спрашивалъ, что это обозначаетъ и какія принимаются у насъ мѣры для предупрежденія надвигающейся новой грозы. Каждый разъ мы оба давали ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, указывая на то, что ничего оправдывающаго паническое отношеніе Генерала Унтербергера мы не знаемъ и никакихъ указаній отъ нашихъ агентовъ не имѣемъ. Извольскій ссылался при этомъ и на его отношенія съ Японскимъ посломъ Барономъ Мотоно, съ

которымъ и у меня были даже еще болѣе близкія отношенія, нежели у него, потому что съ самаго своего прибытія въ Петербургъ въ 1906 году, Мотоно особенно сблизился со мною и поддерживалъ, казалось, вполнѣ откровенныя отношенія, дѣлясь со мною всѣми свѣдѣніями, которыя имѣли для насъ какую-либо цѣну. И Извольскій и Столыпинъ знали объ этомъ, да и я не видѣлъ какихъ-либо основаній скрывать объ этомъ не только отъ нихъ, но даже и отъ самого Государя, который всегда шутливо говорилъ мнѣ: «А Вы не боитесь, что Александръ Петровичъ приревнуетъ Васъ и скажетъ, что Вы хотите занять его мѣсто?»

Вся эта тревога шла мало замѣтнымъ ходомъ, пока въ нее не вмѣшался Военный Министръ.

На одномъ изъ моихъ очередныхъ докладовъ, какъ-то весною, Государь показалъ мнѣ всеподданнѣйшій докладъ Военнаго Министра, который начинался простымъ изложеніемъ содержанія многочисленныхъ депешъ Генерала Унтербергера, а заканчивался совершенно неожиданнымъ для меня заключеніемъ. Генералъ Сухомлиновъ заявлялъ Государю, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Приамурскаго Генералъ-Губернатора о крайне опасномъ и даже безнадежномъ положеніи нашей обороны на Тихомъ океанѣ и считаетъ своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ высказать, съ полною откровенностью, что все это происходитъ исключительно отъ того, что онъ не можетъ добиться полученія согласія Министра Финансовъ на отпускъ самыхъ необходимыхъ средствъ для улучшенія оборонительныхъ сооруженій Владивостока.

Для меня такое заявленіе, впервые встрѣтившееся въ моихъ сношеніяхъ съ Военнымъ Министромъ, было, разумѣется, до крайности непріятно. Не припоминая ни одного случая, чтобы я возражалъ противъ ассигнованія средствъ на укрѣпленіе Владивостока, я просилъ Государя дать мнѣ возможность освѣтить этотъ вопросъ справками въ дѣлахъ, но сказалъ при этомъ, что я убѣжденъ, что Генералъ Сухомлиновъ сдѣлалъ неточное сообщеніе, такъ какъ моя, въ общемъ, хорошая память рѣшительно не удерживаетъ ни одного разногласія съ Военнымъ Министромъ по Владивостоку и при этомъ мнѣ совершенно непонятно, какимъ образомъ могу я мѣшать ему въ испрошеніи кредитовъ на укрѣпленіе Владивостока, когда мнѣ же принадлежала энергичная защита его въ Совѣтѣ обороны два съ небольшимъ года тому назадъ, когда само Военное Министерство предполагало упразднить эту крѣпость. Я напомнилъ Государю, что мое мнѣніе было подробно приведено въ журналѣ, который и былъ утвержденъ Го-

сударемъ въ смыслѣ того мнѣнія большинства, къ которому принадлежалъ и мой голосъ. Государь, конечно, припомнилъ этотъ эпизодъ, подробно остановился даже на этомъ вопросѣ, сказавши, что Онъ имѣлъ тогда особый разговоръ и съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и съ Генераломъ Редигеромъ и выразилъ послѣднему, что Онъ рѣшительно съ нимъ несогласенъ. Онъ очень охотно согласился на то, чтобы отложить мой докладъ по этому вопросу до моего слѣдующаго доклада, когда у меня будутъ подъ рукою всѣ свѣдѣнія. По существу же вопроса Онъ былъ совершенно спокоенъ и даже замѣтилъ, что Приамурскій Генералъ-Губернаторъ слишкомъ далекъ отъ хорошихъ источниковъ политическаго свойства и, по всѣмъ вѣроятіямъ, придаетъ вѣру всякаго рода росказнямъ, не имѣя даже навыка въ оцѣнкѣ того, что дѣлается ему доступнымъ.

На меня этотъ эпизодъ не произвелъ сначала никакого впечатлѣнія, такъ какъ это былъ первый случай, чтобы Военный Министръ представлялъ Государю и притомъ безъ всякой надобности невѣрныя свѣдѣнія, и я приписалъ это его малой опытности и той легкости, съ которою онъ подписывалъ все, что ему подносили его сотрудники, не вдаваясь въ то, какія послѣдствія могли изъ этого возникнуть.

Тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Петергофа я вызвалъ Директора Департамента Государственнаго Казначейства и Вице-Директора Кузьминскаго, въ рукахъ котораго были всѣ дѣла Военнаго Министерства, и изъ ихъ короткаго доклада увидѣлъ, что Военный Министръ просто сказалъ Государю неправду.

.Оказалось, что во всѣ три года, послѣ заключенія мира съ Японіею, Министерство Финансовъ не предложило ни одного сокращенія въ кредитахъ на Владивостокъ.

Всѣ требованія Военнаго Министерства прошли въ Совѣщаніи такъ, какъ они были заявлены вѣдомствомъ. Совѣтъ Министровъ также не сдѣлалъ ни одного сокращенія, несмотря на то, что Государственный Контроль предлагалъ нѣсколько уменьшить ассигнованіе на 1908 годъ, ссылаясь на то, что изъ кредитовъ 1906 и 1907 года не израсходовано ничего. Также и на 1909 годъ кредитъ занесенъ безъ малѣйшей урѣзки, несмотря на то, что снова Государственный Контролеръ представилъ справку, что въ Казначействѣ лежитъ вся сумма въ нѣсколько милліоновъ рублей нетронутою, и мѣстный представитель фактическаго контроля донесъ ему, что на мѣстѣ идутъ все еще споры по самымъ основнымъ вопросамъ о выборѣ мѣстъ подъ оборонительныя сооруженія и изъ Главнаго и Артиллерійскаго Управленій все еще не воз-

вращены утвержденными — основные проекты техническаго свойства.

Въ журналѣ Совѣта Министровъ оказалось даже мотивированное постановленіе объ оставленіи кредита безъ измѣненія только потому, что Генералъ Сухомлиновъ заявилъ, что все это теперь уже утверждено, и работа идетъ полнымъ ходомъ. Я взялъ письменную справку съ изложеніемъ описаннаго и пошелъ къ Столыпину, чтобы предупредить о случившемся.

Столыпинъ, уже не разъ встрѣчавшійся съ такими же пріемами Военнаго Министра, даже по отношенію къ Совѣту Министровъ, былъ глубоко возмущенъ и хотѣлъ лично доложить обо всемъ Государю, прося Его положить конецъ недобросовѣстнымъ и недопустимымъ въ отношеніи самого Государя дѣйствіямъ Сухомлинова.

Я просилъ его не дѣлать этого и предоставить мнѣ лично разъяснить все дѣло съ документами въ рукахъ, при моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, устранивъ, такимъ образомъ, возможность новой жалобы на то, что я жалуюсь Совѣту Министровъ, вмѣсто того, чтобы ликвидировать все дѣло, возникшее изъ доклада Сухомлинова Государю, непосредственнымъ разъясненіемъ дѣла только Государю.

Столыпинъ согласился со мною, но дѣло приняло совершенно иной оборотъ по винѣ самого Сухомлинова.

На ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, когда были пройдены всѣ очередныя дѣла, Столыпинъ отпустилъ чиновъ Канцеляріи и попросилъ всѣхъ Министровъ остаться въ засѣданіи. Онъ сообщилъ намъ всѣмъ, что къ нему опять поступила телеграмма Приамурскаго Генералъ-Губернатора о томъ, что его не оставляютъ сообщенія разныхъ его агентовъ — онъ не указалъ какихъ именно — о томъ, что Японія продолжаетъ рѣшительно и не скрывая готовиться къ новому нападенію на нашу дальневосточную окраину, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ передъ Государемъ и родиною снять съ себя отвѣтственность и доносить объ этомъ еще разъ до свѣдѣнія главы правительства, предваривъ объ этомъ и Государя.

Министру Иностранныхъ Дѣлъ, Военному и Морскому Министрамъ и мнѣ предложено было высказать, что знаемъ мы отъ нашихъ представителей по этому давно нервирующему всѣхъ насъ вопросу.

Первымъ говорилъ Извольскій. Въ очень рѣзкой формѣ онъ обозвалъ телеграммы Унтербергера только безцѣльно распространяющими панику, способными осложнить наши прекрасно нала-

живающіяся отношенія съ Японіею, послѣ того, что въ 1907 и 1908 году мы успѣли заключить рядъ конвенцій о рыбномъ промыслѣ въ водахъ нашего Дальняго Востока, и что Японскій посолъ уже знаетъ о депешахъ Унтербергера и выражалъ ему открыто свое удивленіе по этому поводу. Онъ добавилъ, что отъ нашихъ пословъ въ Китаѣ и Японіи онъ постоянно получаетъ одни успокоительныя свѣдѣнія, которымъ не можетъ не придавать безусловной вѣры уже по тому одному, что при подозрительности Китая по отношенію къ Японіи, мы имѣемъ въ лицѣ его вѣрнаго пособника въ наблюденіи за всею дѣятельностью Японіи.

Морской Министръ подтвердилъ всѣ слова Извольскаго, добавивъ, что отъ нашихъ морскихъ представителей онъ имѣетъ также самыя успокоительныя свѣдѣнія о прекрасномъ къ намъ отношеніи нашего недавняго противника, не въ силу какого-то коварства его или желанія усыпить наше вниманіе, а просто потому, что самъ онъ нуждается въ мирѣ и далекъ отъ всякихъ воинственныхъ помысловъ, хорошо понимая, что при новомъ столкновеніи съ нами, онъ не только встрѣтится съ недружелюбнымъ отношеніемъ къ нему Америки, справедливо считающей, что Портсмутскій договоръ есть дѣло ея рукъ, но и не получитъ той денежной помощи отъ Англіи, которая одна дала ему возможность вести войну съ нами.

Военный Министръ былъ, по обыкновенію, немногословенъ, такъ какъ ни по одному вопросу, онъ никогда не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія или выражалъ его въ такой формѣ, которая затемняла его истинный смыслъ и всегда давала ему возможность извернуться, если бы ему пришлось убѣдиться въ допущенной имъ неправильности. Онъ сказалъ только, что у него нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній помимо тѣхъ, которыя сообщаетъ и ему Генералъ Унтербергеръ и къ которымъ, какъ идущимъ съ мѣста, необходимо прислушиваться, хотя и ему кажется, что неминуемой опасности, для ближайшаго времени, нѣтъ. «Нужно только», сказалъ онъ: «соблюдать русскую пословицу — береженаго и Богъ бережетъ», а въ этомъ отношеніи мы очень отстали въ нашей оборонѣ на Дальнемъ Востокѣ и не отпускаемъ нужныхъ средствъ на укрѣпленіе Владивостока, которое находится въ самомъ плохомъ положеніи только по той причинѣ, что мы не отпускаемъ нужныхъ кредитовъ». — «Объ этомъ, сказалъ онъ, я недавно доложилъ Его Величеству въ отвѣтъ на Его вопросъ мнѣ, какъ я смотрю на тревогу, поднятую Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ».

Мнѣ пришлось высказать мою точку зрѣнія съ полною откровенностью, такъ какъ Столыпинъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я впервые слышу, что Министерство Финансовъ такъ отрицательно относится къ судьбѣ нашего главнаго оплота на Тихомъ океанѣ и до сихъ поръ до Совѣта Министровъ не доходило никакихъ разногласій по такому вопросу, несмотря на то, что бываютъ у насъ засѣданія, которыя цѣликомъ посвящаются разрѣшенію самыхъ мелкихъ споровъ».

Оговорившись кратко, что въ вопросѣ по существу, я цѣликомъ раздѣляю точку зрѣнія Министра Иностранныхъ Дѣлъ и могъ бы привести весьма любопытную мою бесѣду съ Японскимъ посломъ, даже показавшимъ мнѣ на-дняхъ переводъ полученныхъ имъ депешъ отъ своего правительства, поручающаго ему выяснить нашему правительству и, если даже нужно, испросить аудіенцію у Государя, чтобы завѣрить Его о совершенно непонятномъ настроеніи нашего Начальника Приамурскаго края. Я доложилъ Совѣту весь инцидентъ, ставшій мнѣ извѣстнымъ лично отъ Государя, и привелъ всѣ данныя, указывающія на полнѣйшую несправедливость того, что доложилъ Военный Министръ Государю, обвинивши меня въ томъ, въ чемъ я неповиненъ ни душою, ни тѣломъ, и переложивши на меня вину своего собственнаго вѣдомства, которое до сихъ поръ не подвинуло самыхъ начальныхъ вопросовъ, безъ которыхъ нельзя и приступить къ дѣлу. Я огласилъ наличную цифру неизрасходованнаго кредита, который лежитъ безъ употребленія уже третій годъ, а виновника такого порядка Военный Министръ ищетъ не у себя въ вѣдомствѣ, а въ тѣхъ двухъ вѣдомствахъ, Государственномъ Контролѣ и Министерствѣ Финансовъ, которыя виноваты только въ томъ, что не возражали противъ новыхъ ассигнацій, когда и со старыми не умѣютъ справляться.

Меня горячо поддержалъ Государственный Контролеръ, и засѣданіе окончилось въ тягостномъ молчаніи, которое прервано было обращеніемъ ко мнѣ Столыпина словами: «Мы не будемъ составлять журнала настоящему нашему собранію, но я прошу Васъ, Владиміръ Николаевичъ, доложить Его Величеству все, что Вы намъ объяснили, и дать мнѣ Вашу письменную справку для того, чтобы я имѣлъ также возможность сказать Государю все, чему я былъ свидѣтелемъ сегодня и что меня такъ глубоко взволновало».

Я предложилъ Генералу Сухомлинову прислать эту справку и ему, на что онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поблагодарилъ меня, прибавивши: «Вѣроятно какой-нибудь молодой и неопыт-

ный полковникъ Генеральнаго Штаба просмотрѣлъ не все дѣло». На это мы всѣ только переглянулись и молча разошлись.

На той же недѣлѣ въ пятницу я представилъ Государю подробный докладъ по поводу неправильнаго заявленія Военнаго Министра. Онъ при мнѣ же прочиталъ его и оставилъ его у себя, сказавши: «Я передамъ Военному Министру, что нельзя сваливать вину со своей головы на чужую. Меня все это дѣло просто волнуетъ не потому, что Я придаю значеніе телеграммамъ Унтербергера — Я и самъ увѣренъ, что намъ ничто не угрожаетъ со стороны Японіи, — но потому, что мы такъ медленно и плохо работаемъ и все ищемъ свалить отвѣтственность на другихъ».

Прошло съ этой поры около мѣсяца. Государь собирался уѣхать на Его любимый отдыхъ въ шхеры передъ готовившимся осенью путешествіемъ Его въ Италію для свиданія съ Королемъ въ Ракониджи, и просилъ меня, на одномъ изъ моихъ докладовъ, подготовить все, что потребуетъ Его рѣшенія до Его выѣзда, такъ какъ Онъ хотѣлъ бы отдохнуть нѣкоторое время отъ всякихъ пріемовъ.

Дѣлъ у меня накопилось очень много, въ особенности въ связи съ начавшеюся уже подготовкою работъ по составленію государственной росписи на 1910 годъ.

Особенно много вопросовъ было у меня въ связи съ выяснившимся уже къ тому времени крупными разногласіями съ Военнымъ Министромъ, по которымъ Государь выразилъ мнѣ свое желаніе получить отъ меня объясненія до внесенія ихъ въ Совѣтъ Министровъ.

Мнѣ пришлось захватить съ собою большое количество всякаго рода матерьяловъ, сведенныхъ въ обширный докладъ.

Объ этомъ я доложилъ Государю тотчасъ же, какъ мы сѣли за Его столъ у окна съ видомъ на море и на Кронштадтъ. Не давши мнѣ еще возможности приступить къ докладу, который затянулся на этотъ разъ почти на два часа, Государь сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «Готовясь къ отъѣзду на отдыхъ, Я много и не разъ думалъ о томъ, что произошло въ Совѣтѣ Министровъ въ связи съ телеграммами Генерала Унтербергера. Меня не столько безпокоитъ то, о чемъ онъ доноситъ мнѣ, потому что Я раздѣляю мнѣніе и Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Ваше о томъ, что этотъ почтенный Генералъ находится въ состояніи паники и не разбирается въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя приносятъ ему всякіе случайные информаторы, тѣмъ болѣе, что на мои настойчивые вопросы о томъ, чтобы онъ указалъ изъ какихъ источниковъ почерпаетъ онъ ихъ, Я полу-

чилъ одни общія мѣста о томъ, что эти источники вполнѣ надежные. Гораздо болѣе тревожитъ меня то, что выяснилось о положеніи работъ по укрѣпленію Владивостока. Я видѣлъ надняхъ Японскаго посла барона Мотоно, который впервые за три года просилъ у меня особой аудіенціи и пробылъ у Меня почти полтора часа.

Его разговоръ произвелъ на Меня самое сильное впечатлѣніе, потому что онъ говорилъ со Мною такимъ тономъ, какимъ не можетъ говорить человѣкъ, желающій скрыть свои истинныя мысли.

Между прочимъ, какъ бы вскользь, послѣ очень подробнаго объясненія о томъ, что Японія вообще не думаетъ ни о какомъ новомъ нападеніи на насъ, потому что это было бы просто бѣдствіемъ для нея самой, да она и не имѣетъ никакого повода быть чѣмъ-либо неудовлетворенною, онъ сказалъ Мнѣ почти буквально то, что Я прочиталъ въ журналѣ Совѣта Министровъ, въ изложеніи Вашего взгляда.

Тотчасъ послѣ ухода Барона Мотоно, Я пошелъ къ Императрицѣ, разсказалъ Ей весь разговоръ съ Японскимъ посломъ и записалъ ту его часть, которая Меня особенно поразила».

При этихъ словахъ, Государь вынулъ изъ ящика Своего письменнаго стола почтовый листъ бумаги и прочиталъ мнѣ изъ него слѣдующія слова: «Японскій посолъ сказалъ мнѣ сегодня (числа я не видѣлъ) буквально слѣдующее: если бы мы (т.е. Японія) думали нападать на Россію, то почему же мы этого не сдѣлали до сихъ поръ, когда вся морская граница, считая Вашу крѣпость Владивостокъ, совершенно беззащитна, и мы прекрасно освѣдомлены, что Вы не начали еще самыхъ основныхъ работъ, и даже Ваши техники продолжаютъ спорить между собою, гдѣ именно нужно поставить оборонительныя сооруженія. Ваше Величество имѣете полную возможность даже вовсе не строить укрѣпленій, настолько Японія и не помышляетъ о какихъ бы то ни было агрессивныхъ дѣйствіяхъ, и вся цѣль моей аудіенціи заключается только въ томъ, чтобы доложить Вашему Величеству, словомъ моей личной чести, что мы освѣдомлены о тѣхъ тревожныхъ донесеніяхъ, которыя получаются Вами съ мѣста, но онѣ рѣшительно ни на чемъ не основаны и только напрасно безпокоятъ Васъ и вселяютъ недовѣріе къ намъ, когда мы желали бы только одного — закрѣпить наши взаимныя отношенія самымъ тѣснымъ и искреннимъ сближеніемъ».

Прочитавши эту запись, Государь сказалъ: «Меня не удивляетъ вовсе стремленіе Японскаго посла убѣдить насъ въ миро-

любіи его правительства, — это его прямая обязанность, но Меня просто поразило, до какой степени освѣдомлена Японія о положеніи Владивостока, что посолъ говоритъ тѣми же словами, что и Вы въ Совѣтѣ Министровъ. Очевидно, что это сущая правда и лучшаго аргумента въ опроверженіе тревожныхъ телеграммъ Унтербергера нельзя было представить. Но зачѣмъ же Военный Министръ говоритъ постоянно, что работы по Владивостоку не идутъ только отъ недостатка денегъ и къ чему же отпускать деньги, когда мы не знаемъ даже гдѣ строить и что̀ именно. Это просто ужасно, что мы не умѣемъ ничего дѣлать во время и только вводимъ всякія тренія, вмѣсто того, чтобы быстро работать».

«Меня это такъ волнуетъ, что я остановился на мысли просить Васъ съѣздить на Дальній Востокъ, повидать Генерала Унтерберга, сообщить ему все, что Вы такъ хорошо знаете, постараться освѣтить чѣмъ именно руководится онъ, забрасывая Меня такими тревожными телеграммами, и выяснить въ его присутствіи, во Владивостокѣ, разспросомъ старшихъ начальниковъ по управленію крѣпостью, въ чемъ же главная причина того, что работы не двигаются, когда деньги на нихъ ассигнованы».

«Я подумалъ даже, что у Васъ прекрасный, для такой поѣздки, поводъ. Вы положили столько труда на Китайскую Восточную дорогу, до Меня доходятъ такіе единодушные отзывы о прекрасномъ ея состояніи, что Вамъ, какъ главному дѣятелю, просто необходимо повидать дорогу своими глазами и передать всѣмъ труженикамъ Мою благодарность за ихъ прекрасную работу на далекой окраинѣ. Никто не удивится Вашей поѣздкѣ; для всякихъ пересудъ и неумѣстныхъ предположеній не будетъ никакого мѣста, да и Вы сами будете болѣе освѣдомлены обо всемъ, что нужно Намъ знать не по бумагамъ, а по непосредственному впечатлѣнію. Мнѣ же будетъ очень дорого Ваше мнѣніе, и Я буду знать на чемъ Мнѣ остановиться, когда опять поднимутся всякіе споры и несогласія».

Я спросилъ Государя, говорилъ ли Онъ о своемъ предположеніи съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ или поручаетъ это сдѣлать мнѣ? Онъ отвѣтилъ мнѣ на это, что П. А. Столыпинъ былъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Онъ обмѣнялся взглядомъ, и очень радъ тому, что встрѣтилъ въ немъ величайшее сочувствіе къ Его мысли. Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ только подчиниться желанію Государя, которое было для меня совершенно неожиданнымъ, хотя я давно думалъ о такой поѣздкѣ, но не давалъ хода моей мысли просто потому, что время было настолько заполнено срочною работою,

что думать объ отъѣздѣ хотя бы на 6—7 недѣль не было просто возможности.

Вопросъ былъ тутъ же рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и я просилъ Государя начать мои приготовленія, мотивируя ихъ исключительно надобностью посѣщенія дороги, не затрагивая вовсе вопроса о Владивостокѣ и не входя ни въ какіе переговоры съ Военнымъ Министерствомъ, во избѣжаніе ненужныхъ треній, тѣмъ болѣе, что перепиской въ Министерствѣ Финансовъ выясняется все положеніе дѣлъ до мельчайшихъ подробностей.

Государь отнесся очень сочувственно къ моему предположенію, обѣщалъ даже вовсе не говорить съ Военнымъ Министромъ о положеніи работъ по Владивостоку, въ связи съ моею поѣздкою на Китайскую Восточную дорогу, и разрѣшилъ мнѣ готовиться къ отъѣзду въ самомъ концѣ сентября или началѣ октября, закончивши всю бюджетную работу.

Прямо отъ Государя я заѣхалъ къ Столыпину, который подтвердилъ мнѣ, что мысль о моей поѣздкѣ на Дальній Востокъ принадлежала лично Государю, что онъ считаетъ ее очень счастливою и даже совершенно необходимою, радуется тому, что она будетъ такъ скоро осуществлена, и замѣтилъ, смѣясь, что мое появленіе во Владивостокѣ и разговоры съ комендантомъ крѣпости и строителями будутъ сочтены за самозванное появленіе, но что этого смущаться нечего, потому что все будетъ покрыто и личною волею Государя и присутствіемъ Генералъ-Губернатора.

Я забылъ еще упомянуть, что Государь сказалъ мнѣ прощаясь, послѣ доклада, что Онъ увидитъ меня еще передъ моимъ отъѣздомъ на Востокъ, такъ какъ Его поѣздка въ Италію состоится, вѣроятно, не ранѣе самаго конца сентября, и будетъ еще не мало времени до того, послѣ Его возвращенія въ Петергофъ или Царское Село.

Началась спѣшная работа по бюджету и такая же — по приготовленію къ отъѣзду. Изъ Харбина вытребованъ былъ прекрасный вагонъ Китайской восточной желѣзной дороги, подобранъ былъ небольшой составъ моихъ спутниковъ изъ Директора моей Канцеляріи Е. Д. Львова, Предсѣдателя Китайской дороги А. Н. Вентцеля, управляющаго контролемъ дороги Жадвойна и Секретаря Правленія.

За нѣсколько дней до моего выѣзда долженъ былъ выѣхать Командиръ Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи Генералъ Н. А. Пыхачевъ, и по особой программѣ отобранъ былъ весь матерьялъ, который нужно было имѣть подъ руками при этой по-

ѣздкѣ, по всѣмъ вопросамъ дороги и по дѣламъ Дальняго Востока.

Въ первыхъ числахъ октября, не то 2-го, не то 4-го, мы выѣхали съ остановкою въ Москвѣ, по просьбѣ Биржевого Комитета, который хотѣлъ высказать мнѣ свои пожеланія въ связи съ отмѣною порто-франко на нашей Восточной границѣ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что съ Москвы началась та особая атмосфера вниманія ко мнѣ, которая сопровождала меня до самаго моего возвращенія домой.

Я не былъ еще въ Москвѣ съ самаго моего назначенія на должность Министра Финансовъ и объ этомъ мнѣ не разъ говорили съ извѣстною горечью какъ прежній Предсѣдатель Биржевого Комитета Найденовъ, такъ и преемникъ его —Крестовниковъ. Они отлично знали, конечно, что мнѣ было не до посѣщеній Москвы, какъ въ первый періодъ моего министерства во время русско-японской войны, какъ и во всю пору второго періода, съ апрѣля 1906 года. Уклоняться отъ остановки въ Москвѣ, на этотъ разъ съ утра до вечера, мнѣ не было, конечно, никакой причины, и я охотно принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе, тѣмъ болѣе, что и независимо отъ моей поѣздки на Дальній Востокъ, въ Министерствѣ Финансовъ былъ уже оконченъ разработкою вопросъ о тарифныхъ льготахъ по доставкѣ русскихъ товаровъ въ Харбинъ, гдѣ московское купечество успѣло уже построить особый павильонъ для торговли нашею мануфактурою, съ цѣлью конкуренціи японской мануфактурѣ.

Его инищіативѣ принадлежала мысль о желательности установить двоякого рода тарифныя ставки — пониженныя противъ обычныхъ, для перевозки, малою скоростью, въ обыкновенныхъ товарныхъ поѣздахъ, но съ извѣстнымъ преимуществомъ, въ смыслѣ большей скорости перевозки, и особыя, хотя и болѣе повышенныя ставки, для перевозки опредѣленныхъ количествъ мануфактуры въ пассажирскихъ поѣздахъ. На этой мѣрѣ особенно настаивало московское купечество, потому что ему не хотѣлось завозить большого количества товаровъ въ Манчжурію ранѣе, нежели оно убѣдится въ томъ, что этотъ рынокъ представляетъ хорошій интересъ для сбыта нашей мануфактуры какъ въ сѣверномъ Китаѣ, такъ и въ нашемъ Приамурьѣ.

Моя первая встрѣча съ Москвою прошла необычайно гладко. Обмѣнъ любезностей былъ самый сердечный. Дѣловая часть собранія въ весьма многолюдномъ залѣ Биржевого Комитета, хотя и заняла много времени, потому что рѣчей и привѣтствій было

24*

мнѣ произнесено очень много и притомъ безъ всякихъ политическихъ намековъ, а скорѣе въ самомъ приподнятомъ настроеніи констатированія значительно окрѣпшаго нашего кредита и широкой готовности со стороны и Государственнаго и частныхъ банковъ идти навстрѣчу нуждамъ промышленности. Объясненіе мое о проектированномъ Министерствомъ облегченіи перевозки нѣкоторыхъ товаровъ въ Манчжурію и во Владивостокъ встрѣчено было просто шумными аплодисментами и просьбою привести его, какъ можно скорѣе, въ исполненіе. Мы разошлись почти въ пять часовъ въ самомъ дружескомъ настроеніи съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться у старика Найденова за обѣдомъ въ ограниченномъ составѣ, такъ какъ я долженъ былъ сразу съ обѣда ѣхать на поѣздъ. Въ короткій промежутокъ времени я едва успѣлъ побывать у брата Василія Николаевича и пріѣхать на поѣздъ къ самому его отходу.

Весь путь мой до станціи «Манчжурія» былъ для меня самымъ пріятнымъ отдыхомъ послѣ утомленія, связаннаго съ напряженною работою передъ отъѣздомъ. Я почти не выходилъ изъ моего вагона на станціяхъ, настолько было непріятно принимать на каждой остановкѣ представителей всякихъ вѣдомствъ, являвшихся ко мнѣ съ обычнымъ церемоніаломъ. Я предпочиталъ принимать ихъ у себя въ вагонѣ и только очень рѣдко выходилъ въ такъ называемыя парадныя комнаты вокзаловъ, если оказывалось, что число представляющихся превышало способность моего вагона принять ихъ.

Истиннымъ удовольствіемъ для меня было, если какой-либо большой городъ на пути приходился либо на слишкомъ ранній, либо на слишкомъ поздній часъ дня. Я спѣшилъ въ этихъ случаяхъ заблаговременно, по телеграфу, просить губернаторовъ не безпокоиться, но бывали случаи, что это не помогало и въ отвѣтъ приходилось получать телеграмму, что начальникъ губерніи встрѣчалъ необходимость, тѣмъ не менѣе, безпокоить просьбою принять его и начальниковъ учрежденій Финансоваго вѣдомства, и мнѣ и моему Секретарю не оставалось ничего иного, какъ подчиниться этому желанію. Въ Иркутскѣ, напримѣръ, моя встрѣча съ Генералъ-Губернаторомъ и цѣлымъ рядомъ должностныхъ лицъ произошла въ три часа ночи.

Со станціи «Манчжурія» я вступилъ на территорію Китайской Восточной дороги; пришлось оставить сибирскій экспрессъ и перейти въ экстренный поѣздъ, спеціально снаряженный для меня и для всего состава моихъ спутниковъ, а также для встрѣтившихъ меня старшихъ чиновъ дороги, съ Генераломъ Хорва-

томъ во главѣ. На этой же станціи я нашелъ опередившаго меня нѣсколькими днями Командира Корпуса Пограничной Стражи Генерала Н. А. Пыхачева, съ которымъ я былъ давно связанъ самою тѣсною дружбою. Отъ него же я узналъ, что меня ждетъ въ Харбинѣ величайшій сюрпризъ, подтвержденный тутъ же Генераломъ Хорватомъ, который показалъ мнѣ только что полученную имъ отъ его помощника по гражданской части, Генерала Аѳанасьева, телеграмму: «выѣзжаю для встрѣчи Князя завтра. Прибытіе въ Харбинъ предполагается во вторникъ, 9 часовъ утра».

Чтобы пояснить эту неожиданную и, по первому впечатлѣнію, не понятную телеграмму, нужно сказать, что съ минуты рѣшенія Государемъ вопроса о моей поѣздкѣ на Китайскую дорогу и во Владивостокъ, мои приготовленія къ отъѣзду дѣлались совершенно открыто, за исключеніемъ того, что касалось собственно Владивостока и моихъ несогласій съ Военнымъ Министромъ. Объ этомъ говорилось открыто въ Министерствѣ, знали это и другія вѣдомства, потому что я просилъ всѣхъ ускорить смѣтную работу.

Какъ-то еще въ концѣ лѣта ко мнѣ заѣхалъ на мою дачу, на Елагиномъ островѣ, японскій посолъ баронъ Мотоно и спросилъ меня безъ всякихъ дипломатическихъ подходовъ, не думаю ли я проѣхать въ Японію, причемъ онъ прибавилъ, что ему въ точности извѣстно, что его правительство было бы этому очень радо и, если только я подамъ ему надежду на возможность такой поѣздки моей, хотя бы на самый короткій срокъ, то онъ заявляетъ мнѣ совершенно открыто, что я получу приглашеніе его правительства въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, потому что никто въ Японіи не игнорируетъ какую дѣятельную роль я принималъ и принимаю въ разрѣшеніи всѣхъ острыхъ вопросовъ между обѣими странами послѣ 1905 года, и какъ много обязана Японія мнѣ въ томъ прекрасномъ положеніи, которымъ пользуется въ Россіи лично онъ, Мотоно. Онъ сказалъ мнѣ, что я не могу себѣ и представить, какую встрѣчу найду я въ Японіи и насколько мнѣ будетъ отрадно видѣть не только со стороны правительства, но и со стороны народа, какъ умѣютъ въ Японіи почитать тѣхъ, кто, работая въ пользу своей родины, открыто признаетъ интересы и другой страны и не вѣритъ всѣмъ несправедливымъ слухамъ, способнымъ только породить взаимное недовѣріе.

Какъ всегда предпочитая говорить правду и не затемнять ее ненужными фразами, я объяснилъ барону Мотоно, что для меня

было бы большою радостью исполнить желаніе японскаго правительства и доставить себѣ то удовольствіе, которое давно составляло для меня предметъ мечтаній. Я никогда не былъ на Дальнемъ Востокѣ, но онъ всегда манилъ меня къ себѣ. Настоящій случай, вѣроятно, единственный, когда бы я могъ осуществить эту мечту въ такихъ исключительныхъ условіяхъ. Но я не вижу никакой возможности исполнить это. Я долженъ быть обратно дома не позже самаго начала ноября, когда открывается сессія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Моя дѣловая поѣздка по русской восточной окраинѣ, опредѣленная въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ съ едва достаточнымъ количествомъ времени для выполненія самаго необходимаго, не даетъ мнѣ никакой возможности сокращенія, — что я и подтвердилъ бар. Мотоно, показавши ему весь мой маршрутъ, который самъ онъ призналъ составленнымъ, что называется, въ обрѣзъ и прибавилъ, что меньше двухъ или даже трехъ недѣль на Японію положить, конечно, нельзя.

Я думалъ было, что на этомъ наша бесѣда и окончится, и собирался было перейти къ другимъ темамъ нашего разговора, какъ Мотоно, прервавши меня, спросилъ: «а какъ отеслись бы Вы къ моей мысли переговорить еще разъ объ этомъ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и попросить его доложить Государю желаніе нашего правительства видѣть Вашего Министра Финансовъ въ гостяхъ у себя, чтобы выразить ему всю нашу признательность за его справедливое къ намъ отношеніе. Я не хочу дѣлать что-либо безъ Вашего согласія и не знаю хорошо, каковы Ваши отношенія къ Извольскому, который всегда говоритъ о Васъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія».

Я просилъ барона Мотоно не предпринимать ничего для того, чтобы вызвать разрѣшеніе или даже прямое повелѣніе Государя на мою поѣздку въ Японію. Я привелъ ему два основанія. Во-первыхъ то, что я фактически не имѣю возможности запоздать моимъ возвращеніемъ домой, не вызвавши существенныхъ неудобствъ въ ходѣ моей текущей работы, тѣмъ болѣе, что я далеко не увѣренъ въ отношеніи Извольскаго къ этой мысли, такъ какъ онъ необычайно щекотливо охраняетъ свои права, какъ единственнаго докладчика у Государя по вопросамъ внѣшней политики, и легко можетъ просто подумать, что я самъ далъ барону Мотоно мысль о желательности моего заѣзда въ Японію, а это могло бы даже скомпрометировать меня въ глазахъ Государя. Я привелъ, во-вторыхъ, что далеко не увѣренъ въ томъ, какъ отнеслась бы наша печать къ моему визиту и не раздула ли бы она

его въ смыслѣ моего вмѣшательства въ дѣла внѣшней политики, на что уже были намеки въ Новомъ Времени по поводу моего участія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Китая, Японіи и Персіи. Мотоно хорошо зналъ объ этомъ, потому что мы не разъ говорили съ нимъ о нашей печати и трудностяхъ вообще испытываемыхъ русскимъ правительствомъ, у котораго нѣтъ достаточно независимаго органа, сколько-нибудь вліятельнаго, чтобы проводить его взгляды, а такая газета, какъ Суворинское Новое Время — гораздо болѣе враждебна къ нѣкоторымъ Министрамъ, нежели самыя оппозиціонныя газеты. Я умышленно не затронулъ Гражданина, чтобы не давать повода расширять программу нашей бесѣды, зная отлично, что Мотоно прекрасно обо всемъ освѣдомленъ и даже не разъ говорилъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что ему просто непонятно, какъ можетъ газета, похваляющаяся своею преданностью Монарху, писать про Его Министровъ то, что можно читать каждый четвергъ на ея столбцахъ.

Но чего я не сказалъ японскому послу и что составляло главную причину моего нежеланія, чтобы до Государя прямо или косвенно дошелъ вопросъ о моей поѣздкѣ въ Японію, это то, что самъ Государь, возбудившій вопросъ о моей поѣздкѣ на Дальній Востокъ и не обмолвившійся ни однимъ словомъ о томъ, что было бы полезно для меня побывать въ Японіи, когда Онъ велъ подробную бесѣду объ этомъ и съ Столыпинымъ и съ Извольскимъ и, выражая имъ обоимъ Свое удовольствіе по этому поводу, очевидно не думалъ вовсе о расширеніи объема моей поѣздки. Если бы вопросъ объ этомъ дошелъ уже по другой линіи до Его свѣдѣнія, то, независимо отъ того, что и Государь могъ бы подумать, что инициатива этого принадлежала мнѣ, — но въ случаѣ несочувствія Его такому предложенію, несомнѣнно, могло бы просочиться и дойти до свѣдѣнія Японскаго правительства, что именно Онъ этого не желаетъ, и тогда вмѣсто пользы произошелъ бы только одинъ и притомъ немалый вредъ.

Наша бесѣда съ Мотоно закончилась искреннимъ его сожалѣніемъ о томъ, что то, что ему представляется такимъ хорошимъ, не осуществится, и онъ сказалъ даже мнѣ, что считаетъ себя отчасти виновнымъ въ такомъ неблагопріятномъ оборотѣ дѣла, такъ какъ ему слѣдовало просто доложить своему правительству уже давно, что моя поѣздка рѣшена, и вызвать его на официальное приглашеніе меня, потому что онъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ Государь не захотѣлъ бы сдѣлать непріятности его правительству, и все получило бы самое счастливое направленіе,

къ общей пользѣ, не вводя меня ни въ какое щекотливое положеніе, которое дѣйствительно имѣетъ мѣсто сейчасъ.

Не разъ, послѣ этой бесѣды мы видѣлись еще съ барономъ Мотоно, а передъ самымъ моимъ отъѣздомъ онъ пригласилъ меня съ женою на обѣдъ и открыто говорилъ за столомъ, какъ ему жаль, что у меня такъ мало времени, и что я не могу сдѣлать визита Японіи, которая была бы счастлива принять меня. Я отвѣтилъ ему шутливо, что съ величайшею радостью поѣду другой разъ, вмѣстѣ съ нимъ, и прошу только заблаговременно предупредить меня о нашей съ нимъ поѣздкѣ.

При всемъ этомъ длинномъ обмѣнѣ мнѣній, какъ и при неоднократныхъ нашихъ послѣдующихъ встрѣчахъ Бар. Мотоно ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ на то, что мнѣ предстоитъ встрѣтиться въ Харбинѣ съ тѣмъ изъ японскихъ сановниковъ, который предприметъ поѣздку только для того, чтобы повидать меня. Зналъ ли онъ объ этомъ или и для него эта поѣздка была полнымъ сюрпризомъ — я не знаю и думаю даже, что она была рѣшена безъ его вѣдома, какъ результатъ того, что Японское правительство дѣйствительно желало меня видѣть и, убѣдившись въ томъ, что мой пріѣздъ не состоится, рѣшилось просить наиболѣе уважаемаго изъ своихъ сановниковъ — пріѣхать въ Харбинъ. Какія цѣли преслѣдовало въ этомъ случаѣ Японское правительство — осталось тайною, которую унесъ въ могилу Князь Ито, погибшій отъ руки убійцы, въ самую минуту своего пріѣзда въ этотъ городъ.

О предстоящемъ пріѣздѣ Князя Ито никто въ Петербургѣ ничего не зналъ, и Генералъ Хорватъ получилъ объ этомъ увѣдомленіе на словахъ отъ Японскаго консула Каваками въ день своего выѣзда изъ Харбина навстрѣчу мнѣ, на станцію Манчжурія.

Предъявленная мнѣ объ этомъ телеграмма на этой станціи крайне смутила меня, потому что я рѣшительно не могъ себѣ представить, чтобы для простого визита мнѣ — такой заслуженный и престарѣлый сановникъ, незадолго передъ тѣмъ сдавшій должность Генералъ-Губернатора Кореи, могъ бы предпринять такое, сравнительно далекое путешествіе.

Всѣ догадки мои въ пути были совершенно безполезны, и я просилъ только Генерала Хорвата, чтобы онъ заблаговременно принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы путешествіе Князя Ито по нашей дорогѣ было обставлено всѣми необходимыми удобствами и всѣмъ доступнымъ намъ почетомъ, до выставленія почетныхъ карауловъ на всѣхъ пунктахъ остановокъ, отъ частей Заамурскаго округа пограничной стражи и желѣзнодорожной бригады.

Я просилъ также заранѣе принять мѣры къ тому, чтобы во все время своего пребыванія въ Харбинѣ Князь Ито оставался въ нашемъ вагонѣ, съ постановкою его рядомъ съ моимъ вагономъ, и составить впередъ расписаніе на время пребыванія его у насъ, войдя теперь же въ соглашеніе съ японскимъ консуломъ въ Харбинѣ и прося его протелеграфировать Князю, какъ только все будетъ установлено.

Въ тотъ же вечеръ, съ одной изъ ближайшихъ станцій послѣ Манчжуріи, была отправлена подробная телеграмма; на утро полученъ отъ консула Каваками отвѣтъ съ полнымъ одобреніемъ того, что ему было предложено, и съ обѣщаніемъ въ тотъ же день передать выработанный планъ на одобреніе Князя Ито, какъ только онъ прибудетъ на пограничную съ нами станцію Куанчен-дзы (Чан-чунъ). Во все время этихъ обсужденій, меня не оставляла мысль, что незадолго до нашей войны съ Японіей Князь Ито пріѣхалъ въ Петербургъ и велъ въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ переговоры самаго опредѣленнаго характера — о тѣсномъ между нами сближеніи, которое тогда не состоялось, и прямо отъ насъ онъ проѣхалъ въ Англію и тамъ было заложено основаніе союза между Англіею и Японіею, сыгравшаго такую роковую для насъ роль въ 1904—1905 гг.

Объ этомъ много разъ я слышалъ отъ Гр. Витте въ первый періодъ войны, когда наши отношенія съ нимъ казались мнѣ такими дружескими и искренними, но въ чемъ именно заключались предложенія Японіи, сдѣланныя намъ черезъ Князя Ито, я никогда не могъ узнать отъ Витте и насколько его разсказъ отвѣчалъ дѣйствительности. — я также не зналъ, хотя мнѣ всегда было странно, какимъ образомъ могло въ ту пору Министерство Иностранныхъ Дѣлъ вести самостоятельные переговоры съ кѣмъ бы то ни было, когда тѣснѣйшая дружба Гр. Витте съ Графомъ Ламсдорфомъ составляла въ ту пору общеизвѣстный фактъ и едва ли могъ Графъ Ламсдорфъ отклонить какое бы то ни было предложеніе Князя Ито, не посовѣтовавшись съ Витте.

Вся дорога отъ границы Манчжуріи до Харбина составляла для меня непрерывную смѣну самыхъ отрадныхъ впечатлѣній. На каждой станціи мы стояли подолгу, если было что посмотрѣть, а было многое, что радовало взоръ и давало глубокое удовлетвореніе тому, какимъ бодрымъ ключемъ развивалась жизнь въ русскихъ поселкахъ при сколько-нибудь значительныхъ желѣзнодорожныхъ центрахъ.

Населеніе встрѣчало меня хлѣбомъ-солью и наперерывъ про-

силю посѣтить дома и школы. Всюду было видно неподдѣльное благосостоянiе, и нигдѣ я не видѣлъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-либо взаимной отчужденности нашего и китайскаго населенiя. Китайскихъ властей, кромѣ города Цицикара, почти не было замѣтно, а тамъ, гдѣ они являлись ко мнѣ, я видѣлъ также только спокойное настроенiе и ни одной жалобы, ни одного неудовольствiя не было заявлено мнѣ, несмотря на всѣ мои разспросы и на предложенiе сказать все, что только не ладится въ повседневной жизни.

Особенную отраду доставили мнѣ наши войсковыя части. Если бы кто-нибудь раньше сказалъ мнѣ какъ размѣщены части заамурскаго округа пограничной стражи или показалъ одни фотографическiе снимки, въ особенности съ казармъ желѣзнодорожной бригады — я не повѣрилъ бы или сказалъ бы себѣ, что это сдѣлано просто на показъ и взято съ какого-нибудь случайнаго зданiя.

Но когда пришлось встрѣтиться на каждой станцiи съ такимъ размѣщенiемъ бригады, посѣтить десятки такихъ казармъ, которыя по внутреннимъ условiямъ размѣщенiя нижнихъ чиновъ бригады, я не говорю уже объ офицерскомъ составѣ, — напоминали мнѣ почти роскошные дортуары, куда лучше тѣхъ, которыми хвалился Пажескiй Корпусъ, Лицей и Училище Правовѣдѣнiя въ самое послѣднее время, мнѣ хотѣлось одного — чтобы обличавшiе меня члены оппозицiи въ Государственной Думѣ пережили то отрадное чувство, которое я испыталъ при видѣ всего, что показали мнѣ.

Мнѣ невольно захотѣлось, чтобы китайскiя власти заглянули въ наши казармы и получили то впечатлѣнiе, которое дало мнѣ столько радости и даже гордости.

Я передалъ объ этомъ моимъ спутникамъ и попросилъ ихъ на ближайшей большой остановкѣ предложить встрѣчавшимъ меня китайскимъ властямъ обойти казармы вмѣстѣ со мною. Они долго совѣщались между собою, потомъ какъ будто долго не рѣшались, о чемъ-то тихонько поговорили съ Генераломъ Хорватомъ, пользовавшимся у нихъ, видимо, полнымъ довѣрiемъ, и черезъ переводчика передали мнѣ, что они не хотятъ отказать мнѣ, но просятъ меня только подтвердить Дао-Таю (Генералъ-Губернатору провинцiи), если только онъ меня спроситъ, что они исполнили только мое желанiе, потому что имъ не разрѣшено посѣщать наши казармы.

Генералъ Хорватъ сказалъ мнѣ, что во время обхода мною казармъ и разговоровъ съ нижними чинами сопровождавшiй

насъ китайскій начальникъ все спрашивалъ его, не пожелаю ли я посѣтить китайскія казармы гдѣ-либо, и все увѣрялъ его, что при всемъ его желаніи, онъ не можетъ этого разрѣшить мнѣ, такъ какъ будетъ немедленно уволенъ за это отъ службы.

Части Заамурскаго Округа, не принадлежащія къ составу желѣзнодорожной бригады, оказались размѣщенными нѣсколько хуже, хотя, въ большинствѣ казармъ, онѣ были обставлены значительно лучше, чѣмъ многія гвардейскія части въ Петербургѣ. Не было въ нихъ и того внѣшняго уюта, которымъ отличались желѣзнодорожныя роты и менѣе роскошно обставлены учебныя ихъ команды. Были, правда, еще и остатки прежняго размѣщенія въ землянкахъ, но только въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то кредиты на нихъ были уже отпущены, а къ моменту моего увольненія въ началѣ 1914 г. и эти остатки прежняго положенія отошли въ область воспоминаній, и Командиръ Округа, Генералъ Чичаговъ просилъ даже моего разрѣшенія сохранить самую плохую изъ этихъ землянокъ на память о прошломъ (безъ размѣщенія въ ней людей), постоянно поддерживая ее въ томъ видѣ, въ какомъ оставитъ ее та часть, которая послѣднею уйдетъ въ новыя помѣщенія.

Время въ дорогѣ шло съ какою-то сказочною быстротою. Нашъ маршрутъ движенія экстреннаго поѣзда составленъ былъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы не оставить безъ посѣщенія и подробнаго осмотра ни одного изъ сколько-нибудь значительныхъ поселковъ при станціяхъ, ни одной воинской части, ни одного интереснаго техническаго сооруженія.

Часто поѣздъ останавливался ночью, чтобы только не пропустить ничего интереснаго впереди, а тѣ пункты, которые приходились на темное время, были назначены для посѣщенія, на обратномъ пути, днемъ.

Такимъ образомъ, я могу сказать, что я видѣлъ всю дорогу, видѣлъ все, что было нужно знать, и не оставилъ ни одной части безъ посѣщенія и безъ передачи каждой того, что поручилъ мнѣ Государь передать ей за ея службу во время войны.

Особенно отрадно протекали наши общіе завтраки и обѣды въ поставленномъ въ нашемъ поѣздѣ вагонѣ-ресторанѣ. Неизбѣжная сдержанность вначалѣ скоро смѣнилась самою непринужденною простотою отношеній, и полились безконечные разсказы о пережитомъ времени и о томъ, какую моральную поддержку получилъ округъ отъ меня во всѣ острые моменты войны, когда, порою, никто на мѣстѣ не зналъ, чѣмъ кончится то или другое столкновеніе съ отдѣльными воинскими начальниками.

Мои спутники не скупились на передачу того, что переживали они вмѣстѣ со мною, отстаивая округъ отъ всякаго рода навѣтовъ, а иногда, съ моего разрѣшенія, А. Н. Вентцель прочитывалъ наиболѣе интересныя бумаги военнаго времени и извлекалъ изъ захваченнаго имъ съ собою архива цѣлыя страницы моихъ рѣчей въ Государственной Думѣ, сказанныхъ въ защиту Китайской Восточной дороги, при нападкахъ со стороны обычныхъ моихъ оппонентовъ. Такія извлеченія были прямымъ откровеніемъ для для моихъ слушателей. Только изъ этихъ застольныхъ передачъ они узнавали о томъ, какой трудъ несу я въ ихъ интересахъ, и въ особенности бывало трогательно слышать отзывы на такія «новинки» отъ рядовыхъ офицеровъ, попадавшихъ на наши завтраки либо обѣды съ тѣхъ или иныхъ станцій. Они не читали, вѣроятно, ни одной думской стенограммы и не имѣли понятія о томъ, что говорилась даже въ Думѣ 3-го созыва, съ какою клеветою подчасъ приходилось мнѣ имѣть дѣло, и какой трудъ выносилъ я, защищая ихъ правое дѣло передъ народными представителями, нападавшими либо на ни въ чемъ неповинныхъ «манчжурцевъ» либо обвинявшихъ правительство въ томъ, что оно зря тратитъ «народное достояніе». Помню такой случай.

Генералъ Чичаговъ просилъ моего разрѣшенія пригласить къ позднему обѣду одного командира баталіона, занимавшаго, вотъ уже четвертый годъ, одну изъ самыхъ трудныхъ и неудобныхъ позицій въ смыслѣ охраны дороги отъ возможныхъ нападеній и дурного состоянія расположенія его баталіона. При немъ пришлось прочитать только что выдержанную мною стычку, весною, по смѣтѣ, связанной съ исчисленіемъ кредитовъ на содержаніе дороги. Сначала былъ прочитанъ списокъ рѣчи Некрасова съ его сдержанными по формѣ, но обидными по содержанію, инсинуанціями о дѣятельности «манчжурцевъ».

Не слыхавшій ничего подобнаго Полковникъ, едва сидѣлъ на мѣстѣ. Потъ скоплялся каплями на его лицѣ, и онъ все прерывалъ чтеніе словами: «да какъ же это такъ? Кто же допускаетъ, чтобы насъ оскорбляли, и какъ же никто не поднялъ голоса въ нашу защиту? Вѣдь военнымъ людямъ нужно драться и защищать свою честь».

Генералъ Чичаговъ все успокаивалъ его словами: «подождите, Полковникъ, дайте дочитать до конца, а потомъ Вы услышите и защиту Васъ и насъ всѣхъ».

Когда была прочитана моя отвѣтная рѣчь, полковникъ просіялъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ только, не скрывая слезъ: «Ваше Высокопревосходительство, а Его Величество знаетъ, что Вы сказали? У него была Ваша рѣчь? И я могу получить у Васъ

эту рѣчь, чтобы прочитать ее моимъ людямъ? Они должны знать какіе это «манчжурцы» и какъ Царскій министръ защитилъ насъ».

Въ отвѣтъ, его начальникъ, командиръ округа, передалъ ему мой приказъ, при вступленіи моемъ на территорію желѣзной дороги, охраняемую Заамурскимъ округомъ, который не дошелъ еще до Полковника. Онъ громко прочиталъ его, перекрестился и сѣлъ на свое мѣсто, сказавши только: «ну теперь я никакихъ думскихъ рѣчей читать больше не стану, а роздамъ всѣмъ людямъ этотъ приказъ Шефа и царское спасибо намъ за Манчжурскую службу».

Въ Харбинъ я пріѣхалъ въ воскресенье, 11-го октября. Былъ чудный, яркій, солнечный, слетка морозный день. Желѣзнодорожный вокзалъ былъ заполненъ народомъ. Огромная толпа стояла за вокзаломъ, потому что допускъ на перронъ, во избѣжаніе толкотни, былъ допущенъ только по билетамъ.

На первомъ мѣстѣ, въ числѣ представлявшихся мнѣ, находились два китайскіе Дао-Тоя Гиринской и Хейлутзянской провинцій. Привѣтственную рѣчь на китайскомъ языкѣ, тотчасъ же переведенную на очень хорошій русскій языкъ, произнесъ первый изъ этихъ двухъ сановниковъ; въ составъ территоріи, ему подвѣдомственной, входилъ и г. Харбинъ. Его коллега, по имени Ли, отлично владѣвшій русскимъ языкомъ, не хотѣлъ взять на себя роли представителя китайской власти (по объясненію Ген. Хорвата), по чисто политическимъ соображеніямъ, потому что онъ относился вообще отрицательно къ русскимъ и не пропускалъ случая, чтобы чинить дорогѣ всевозможныя непріятности, и велъ прямую интригу противъ насъ, всяческими путями, наставляя Германскаго и Американскаго консуловъ противъ насъ. Отъ послѣднихъ исходили всѣ затрудненія, которыя мы испытывали въ ту пору, въ частности въ дѣлѣ организаціи городского управленія г. Харбина.

Сущность рѣчи Гиринскаго Генералъ-Губернатора сводилась къ тому, что исполняя повелѣніе своего повелителя, его Величества Богдыхана и его правительства, онъ привѣтствуетъ, въ моемъ лицѣ, представителя могущественнѣйшаго сосѣда Китайской Имперіи — Россійскаго Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, того русскаго сановника, которому Государь Императоръ Россіи поручилъ быть главнымъ Начальникомъ всей территоріи Китайской Восточной жел. дороги, которую Его Величество Богдыханъ призналъ возможнымъ, для пользы своего народа, передать временно въ управленіе россійской власти. Будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ мудраго исполненія всѣми русскими учрежденіями тѣхъ

обязанностей, которыя они приняли на себя по уполномочію Китайскаго правительства, — онъ, Генералъ-Губернаторъ, свидѣтельствуетъ мнѣ о томъ, что русская власть дѣйствуетъ во всемъ, согласно съ заключеннымъ договоромъ, одинаково ограждая права, какъ русскаго, такъ и китайскаго населенія въ полосѣ дороги и вноситъ всюду порядокъ, благосостояніе и справедливость. Онъ проситъ меня засвидѣтельствовать это моему Повелителю и выражаетъ свою надежду, что такъ будетъ продолжаться и впредь и, со своей стороны, завѣряетъ высокое русское правительство въ томъ, что онъ никогда не перестанетъ идти навстрѣчу справедливыхъ желаній его, если бы только для этого потребовалась помощь и защита дороги отъ какихъ бы то ни было несправедливостей».

Я отвѣтилъ ему тутъ же, въ такихъ же любезныхъ выраженіяхъ, сказавши, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что моему повелителю, Государю Императору, будетъ особенно отрадно узнать такую оцѣнку трудовъ подвѣдомственныхъ Ему, чрезъ меня, русскихъ желѣзнодорожныхъ организацій. Я добавилъ, что я счастливъ тому, что имѣлъ личную возможность убѣдиться, насколько успѣлъ въ короткое время развиться и укрѣпиться въ своемъ благосостояніи обширный край, прорѣзанный желѣзною дорогою, какъ отрадно мнѣ было видѣть несомнѣнныя доказательства проявленія мирной и дружной жизни русскаго населенія въ полосѣ дороги съ китайскимъ населеніемъ, какъ трогательно было мнѣ видѣть русскихъ дѣтей, посѣщавшихъ вмѣстѣ съ китайскими дѣтьми русскую школу въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Подъ конецъ я принесъ лично Генералъ-Губернатору мою благодарность за его любезное и справедливое отношеніе ко всему русскому управленію, подчеркнувши особенно, что отъ начальника дороги я уже успѣлъ неоднократно выслушать, что съ его личной стороны мы встрѣчаемъ только справедливость и самое широкое проявленіе готовности идти намъ навстрѣчу въ нашихъ начинаніяхъ и желали бы только одного — чтобы вездѣ высшая на мѣстахъ китайская власть руководствовалась тѣми же началами.

По мѣрѣ моего отвѣта всѣ участники этого представленія все больше и больше складывали свои руки на груди и вдыхали въ себя воздухъ, въ знакъ удовольствія и почета ко мнѣ, а когда я выразилъ мое желаніе, тотчасъ послѣ окончанія пріема, пріѣхать къ нимъ съ отвѣтнымъ визитомъ, тотъ же Дао-Тай просилъ отъ своего имени и имени своего коллеги назначить имъ другой день, чтобы они могли встрѣтить меня съ должнымъ почетомъ, соотвѣтственно моему высокому положенію и тому уваженію, которое они питаютъ къ представляе-

мой мною особѣ русскаго Государя Императора». Стоявшій рядомъ съ китайцами составъ иностранныхъ консуловъ не блисталъ многолюдствомъ. Отъ имени всѣхъ консуловъ меня привѣтствовалъ японскій консулъ Кавакамп, который заявилъ, что германскій консулъ не могъ прибыть по болѣзни и будетъ счастливъ представиться, какъ только позволитъ его здоровье. Американскаго консула не было на мѣстѣ, потому что онъ выѣхалъ въ Пекинъ на совѣщаніе со своимъ посланникомъ еще до того, что сталъ извѣстенъ въ точности день моего пріѣзда. Съ французскимъ консуломъ, только недавно прибывшимъ въ Харбинъ и откровенно заявившимъ, что онъ не успѣлъ ознакомиться съ положеніемъ на мѣстѣ,мой разговоръ былъ очень коротокъ.Онъ поспѣшилъ заявить мнѣ, что, исполняя указанія своего правительства, онъ заранѣе отдаетъ себя всецѣло въ мое распоряженіе, такъ какъ успѣлъ уже вынести общее впечатлѣніе, что съ управленіемъ дороги не можетъ быть никакихъ осложненій, настолько оно широко смотритъ на свои задачи. Другихъ консуловъ въ то время еще не было въ Харбинѣ.

Мнѣ было особенно жаль не видѣться съ германскимъ консуломъ, потому что онъ, видимо, просто избѣгалъ встрѣчи, а на самомъ дѣлѣ именно съ нимъ и всегда идущимъ съ нимъ рука объ руку американскимъ консуломъ у желѣзной дороги были самыя острыя отношенія, осложнявшія и безъ того сложный вопросъ объ организаціи городского общественнаго управленія, который и послѣ того доставилъ мнѣ не мало хлопотъ, да кажется такъ и не былъ окончательно разрѣшенъ до наступившихъ потомъ событій революціоннаго времени.

Несмотря на всѣ мои попытки, я такъ и не видѣлся съ германскимъ консуломъ, о чемъ, впрочемъ, меня даже предупредилъ и японскій консулъ, сказавши въ присутствіи Генерала Хорвата съ улыбкою, что онъ «настолько боленъ», что едва ли выздоровѣетъ до моего отъѣзда.

Вся церемонія съ представленіями затянулась необычайно долго, и только часа два спустя я могъ покончить ее и отправиться въ церковь на торжественный молебенъ.

Весь длинный путь отъ вокзала до Николаевскаго собора (въ сущности небольшой, но хорошо украшенной внутри церкви)былъ занятъ сплошною толпою народа, видимо, непривыкшаго къ подобнаго рода зрѣлищамъ. Войска Харбинскаго гарнизона изъ пограничной стражи и желѣзнодорожной бригады, стояли шпалерами по обѣимъ сторонамъ, встрѣчая меня вездѣ маршемъ пограничной стражи. Духовенство всѣхъ православныхъ церквей

Харбина служило молебенъ, а царское многолѣтіе послѣ окончанія его сопровождалось звуками народнаго гимна, сыграннаго хоромъ трубачей, выстроенныхъ у самой церкви, и окончаніе гимна было покрыто громовымъ «ура» огромной толпы, подошедшей къ церкви, и сопровождало меня до самаго вокзала, куда я вернулся въ свой вагонъ на самое короткое время, чтобы снова выѣхать въ городъ для отвѣтныхъ визитовъ консуламъ и всѣмъ высшимъ начальствующимъ лицамъ въ Харбинѣ. Сравнительно долго я задержался только у японскаго консула, который сообщилъ мнѣ все, что онъ зналъ о пріѣздѣ Князя Ито и о томъ, что сдѣлано имъ для встрѣчи и размѣщенія во время пребыванія его въ Харбинѣ.

О встрѣчѣ Князя онъ сказалъ мнѣ только, что рѣшительно все согласовано имъ съ Генераломъ Хорватомъ, который оказалъ ему величайшую помощь въ этомъ дѣлѣ, настолько, что онъ не считаетъ нужнымъ безпокоить меня чѣмъ бы то ни было, такъ какъ за три дня съ полученнаго имъ извѣщенія о времени прибытія Князя Ито онъ успѣлъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія во всемъ, что касается пріема Князя японской колоніей, а въ отношеніи пріема русскихъ депутацій Генералъ Хорватъ обѣщалъ, что будетъ соблюденъ тотъ же порядокъ, который только-что былъ примѣненъ по отношенію къ встрѣчѣ меня и далъ такой блестящій и образцовый результатъ.

Консулъ былъ озабоченъ только неизвѣстностью, согласится ли Князь оставаться въ желѣзнодорожномъ вагонѣ или предпочтетъ помѣститься въ гостиницѣ, такъ какъ его личная квартира недостаточно для того удобна, но что онъ, на всякій случай, приготовился выѣхать съ женою въ гостиницу, чтобы предоставить Князю занять все его помѣщеніе. Я совѣтовалъ ему поддержать мое предложеніе, оставаться въ вагонѣ, сказавши, что все уже приготовлено къ тому, чтобы вагонъ Князя Ито былъ поставленъ рядомъ съ моимъ, и даже будетъ обезпечено внутреннее между ними сообщеніе, чтобы избавить Князя отъ необходимости выходить наружу при наступившемъ холодномъ времени.

Вернулся я къ себѣ изъ объѣзда почти всего сильно растянувшагося города только послѣ пяти часовъ и былъ настолько утомленъ, что отказался отъ обѣда и просидѣлъ одинъ до восьми часовъ, когда долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ Генералъ Хорватъ со своими старшими сотрудниками, чтобы условиться обо всѣхъ подробностяхъ пріема Князя Ито, составить расписаніе обѣдовъ и завтраковъ для него при участіи разныхъ представителей китайской и нашей администраціи и передать его консулу Каваками

для представленія на цензуру Князю, послѣ того, что выяснится время его пребыванія въ Харбинѣ и личныя его, въ этомъ отношеніи, желанія.

Генералъ Хорватъ передалъ мнѣ, что онъ полагаетъ самымъ правильнымъ принять для представленія Князю Ито китайскихъ властей, которыя уже заявили ему о непремѣнномъ ихъ желаніи встрѣтить его, какъ какъ они встрѣтили меня, а также всѣхъ представителей русскихъ учрежденій и городского общественнаго управленія—всѣ тѣ распоряженія, которыя были выработаны для встрѣчи меня и вполнѣ удались. Онъ разослалъ даже всѣмъ приглашеннымъ такія же именныя приглашенія, какія были разосланы для меня, и тѣ же офицеры гарнизона, которые принимали прибывающихъ по приглашеніямъ, повторятъ ту же обязанность и для этого дня. Онъ думаетъ, однако, что число лицъ будетъ меньше, хотя всѣ любятъ зрѣлища, потому что вторникъ — день рабочій и въ особенности изъ многочисленныхъ городскихъ представителей немалое количество не сможетъ пріѣхать.

Но въ отношеніи японской колоніи онъ думалъ сначала просить консула дать ему списокъ лицъ, которыхъ онъ считалъ бы нужнымъ пригласить на встрѣчу, съ тѣмъ, чтобы и эти приглашенія были разосланы отъ желѣзной дороги, съ тѣмъ только, чтобы консулъ взялъ на себя и на избранныхъ имъ лицъ провѣрку и надзоръ за прибывающими. Съ такою мѣрою, однако, консулъ не согласился.

Онъ думаетъ, что наплывъ желающихъ изъ японской колоніи видѣть самаго извѣстнаго изъ японскихъ государственныхъ людей будетъ такъ великъ, что разослать именныя приглашенія будетъ просто невозможно, безъ опасенія обидѣть многихъ желающихъ и притомъ самыхъ почтенныхъ людей. Если бы Хорватъ даже настаивалъ на этомъ, то ему пришлось бы протестовать противъ такой мѣры, потому что она вызвала бы только безконечныя жалобы, которыя обрушились бы на него и могли бы дойти и до Правительства и вызвали бы неудовольствіе на то, что онъ не сумѣлъ оградить интересовъ японской колоніи въ такомъ исключительномъ случаѣ, какъ возможность выразить дань уваженія своему знаменитому гражданину, впервые посѣщающему Манчжурію, гдѣ число японцевъ такъ велико. Онъ предложилъ взамѣнъ того вовсе не разсылать никакихъ приглашеній для японской колоніи, а предоставить ему, какъ консулу, допустить на перронъ жел. дороги всѣхъ лично ему или его сотрудникамъ извѣстныхъ японцевъ, — подъ его личною отвѣтственностью и от-

вести для размѣщенія колоніи особое мѣсто, достаточно обширное и совершенно отдѣльное отъ русскихъ депутацій, съ тѣмъ, чтобы сначала были приняты всѣ русскія депутаціи, конечно, послѣ китайскихъ офиціальныхъ лицъ, а затѣмъ, Князь Ито былъ бы принятъ имъ, консуломъ Каваками, какъ бы на японской территоріи. Онъ предложилъ даже избранное имъ наиболѣе для того удобное мѣсто, а именно — въ концѣ перрона, передъ тѣмъ мѣстомъ, у котораго будетъ поставленъ мой вагонъ, съ тѣмъ, сказалъ онъ, чтобы послѣ окончанія всего пріема Князь Ито могъ бы пройти прямо въ мой вагонъ для посѣщенія меня, какъ бы съ отвѣтнымъ визитомъ на мое посѣщеніе тотчасъ по его прибытіи въ Харбинъ.

Генералу Хорвату все предложеніе показалось настолько правильнымъ и логичнымъ, что онъ принялъ его безъ всякихъ оговорокъ, обѣщалъ сегодня же доложить мнѣ и не сомнѣвается и въ моемъ согласіи. Онъ просилъ только консула, для порядка, написать ему объ этомъ, въ отвѣтъ на полученное имъ уже отъ него письмо съ просьбою объ именномъ спискѣ, что тотъ тотчасъ же и исполнилъ, и письмо это находится у него въ дѣлѣ.

Я нарочно останавливаюсь такъ подробно на этомъ вопросѣ, потому что послѣдующія событія болѣе, чѣмъ достаточно, оправдываютъ такое подробное изложеніе.

Весь слѣдующій день ушелъ у меня на продолженіе разъѣздовъ днемъ отъ 4—7 часовъ и на длиннѣйшее утреннее засѣданіе въ управленіи Китайской Восточной дороги, для направленія цѣлаго ряда дѣлъ большого калибра. Я опасался, что пребываніе Князя Ито отниметъ у меня немало времени, и спѣшилъ сдѣлать до него все, что было возможно.

Вечеромъ я настолько усталъ, что отказался отъ всѣхъ сдѣланныхъ мнѣ приглашеній и остался у себя въ вагонѣ вдвоемъ съ Е. Д. Львовымъ, набрасывая замѣтки обо всемъ, что осталось въ видѣ впечатлѣній отъ послѣднихъ дней. Въ вагонѣ же мы и обѣдали вдвоемъ.

Передъ тѣмъ, чтобы лечь спать передъ утомительнымъ завтрашнимъ днемъ, я пригласилъ Е. Д. Львова выйти на вокзалъ, подышать морознымъ воздухомъ и полюбоваться чудеснымъ луннымъ освѣщеніемъ. Ночь была, дѣйствительно, удивительная. Было около 10 градусовъ мороза, но тихо и совершенно безвѣтренно.

Мы болѣе часа гуляли по вокзалу, со всѣхъ сторонъ окруженному высокимъ заборомъ и станціонными зданіями. Не было ни души кругомъ насъ, если не считать двухъ часовыхъ у моего

вагона, отъ которыхъ пограничное начальство никакъ не соглашалось освободить меня, несмотря на всѣ мои просьбы.

Во время нашей прогулки мы остановились, между прочимъ, передъ окнами залы 3-го класса, которая и ночью была ярко освѣщена ацетиленовыми фонарями сверху потолка. Было свѣтло, какъ днемъ, столы и стулья были составлены къ серединѣ залы, полъ чисто вымытъ, и мы даже посмѣялись, что слѣдовало бы пригласить завѣдующаго контролемъ дороги, постоянно упрекающаго дорогу въ большихъ расходахъ по содержанію зданій въ чистотѣ, чтобъ онъ могъ сдѣлать, и притомъ не безъ основанія свои контрольныя замѣчанія. Это ничтожное съ вида обстоятельство сыграло на слѣдующій день свою и притомъ немалую роль.

Утромъ 13-го октября я всталъ очень рано. Ожидалось прибытіе поѣзда съ Княземъ Ито ровно въ 9 часовъ.

Съ 7-ми ч. вокзалъ сталъ заполняться публикою. Весь уголъ около моего вагона буквально кишѣлъ японцами, которыхъ размѣщали чины консульства. Консулъ Каваками подошелъ ко мнѣ и еще разъ благодарилъ меня за то, что я согласился съ его предложеніемъ относительно пріема Князю Ито японскою колоніею.

За калиткою, ведущую съ перрона въ городъ, стояла густая толпа японцевъ, изъ которой чины консульства, повидимому, съ большимъ вниманіемъ выпускали группами и по одиночкѣ людей на вокзалъ, указывая имъ мѣсто, гдѣ каждый долженъ встать. Порядокъ казался мнѣ образцовымъ. Поговоривши съ консуломъ и не желая мѣшать ему, я пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ остановиться вагонъ Князя Ито, поговорилъ черезъ переводчика съ китайскими Дао-Таями, которые тутъ же просили меня назначить день для посѣщенія ихъ мною, причемъ Ли на этотъ разъ перешелъ самъ на русскій языкъ и спросилъ меня не предпочитаю ли я отложить мой визитъ до отъѣзда Князя Ито, такъ какъ, несомнѣнно, я буду очень занятъ во время его пребыванія въ Харбинѣ, и мы тутъ же условились, что я сообщу имъ черезъ Ген. Хорвата, какъ только выясню сегодня же, всѣ вопросы, связанные съ пріѣздомъ японскаго гостя. Затѣмъ мы условились о самой процедурѣ представленія въ томъ смыслѣ, что я буду просить Князя Ито принять, прежде всего, почетный караулъ, какъ только онъ переговоритъ съ китайскими сановниками и приметъ Ген. Хорвата, командира Корпуса пограничной стражи и Начальника Заамурскаго Округа, Генерала Чичагова, и уже послѣ принятія почетнаго караула начнется пріемъ имъ всѣхъ представляющихся.

25*

Ровно въ 9 часовъ, какъ было назначено по расписанію, подошелъ поѣздъ. Какъ только онъ остановился, я вошелъ въ салонный вагонъ, въ которомъ, стоя у стола, ждалъ меня Князь Ито и обратился ко мнѣ со словами привѣта, тотчасъ же переведенными мнѣ на хорошій французскій языкъ однимъ изъ спутниковъ, Танака, занимавшимъ потомъ должность Начальника Южно-Манчжурской жел. дороги. Онъ сказалъ мнѣ, что когда въ Японіи стало извѣстно, что я предполагаю прибыть въ Манчжурію для осмотра Китайской Восточной дороги, состоящей подъ моимъ административнымъ надзоромъ, въ Японіи возникла надежда на то, что я продолжу мое путешествіе до Японіи и войду въ личное соприкосновеніе со страною, которая понимаетъ какъ важно для нея самое искреннее сближеніе съ Россіею, съ которою не должно быть болѣе никакихъ недоразумѣній въ будущемъ. Правительство его страны радовалось возможности принять меня и выразить въ моемъ лицѣ не только свои чувства къ великой странѣ, но и показать, насколько она цѣнитъ то чувство справедливости и даже государственной мудрости, которое я проявляю во всѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходится разрѣшать вопросы, близко затрагивающіе интересы обѣихъ странъ. Поэтому, когда къ великому огорченію правительства выяснилось, что неотложныя дѣла моего вѣдомства и та сложная работа, которая лежитъ на мнѣ, лишаютъ меня возможности пойти навстрѣчу этого желанія, — у правительства Его Величества Микадо возникла мысль привѣтствовать меня хотя бы на территоріи Манчжуріи, гдѣ наши интересы соприкасаются такъ тѣсно, и онъ, Князь Ито, былъ счастливъ, несмотря на его годы и плохое состояніе здоровья, принять это порученіе и имѣть удовольствіе войти въ непосредственное сношеніе съ русскимъ сановникомъ, котораго знаетъ Японія и высоко цѣнитъ его за его дѣятельность на пользу своей родины.

Я отвѣтилъ Князю Ито, что я глубоко смущенъ тою высокою оцѣнкою моихъ трудовъ, которую я только-что выслушалъ изъ устъ сановника, снискавшаго себѣ совершенно исключительное уваженіе далеко за предѣлами своей страны. Мнѣ принадлежитъ, сказалъ я, исключительно-исполнительная роль въ предѣлахъ того вѣдомства, во главѣ котораго я поставленъ милостью и довѣріемъ моего Государя, и все, что я дѣлаю, все направленіе сложныхъ дѣлъ моего обширнаго вѣдомства, я дѣлаю исключительно выполняя предуказанія и волю моего Государя, и безъ его рѣшенія я не былъ бы въ состояніи осуществить ни одного изъ тѣхъ начинаній, въ которыхъ судьбѣ было угодно дать мнѣ возможность участвовать. Я могу поэтому, по глубокому моему

убѣжденію, завѣрить его, что я сочту своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія моего Императора каждое слово, выслушанное мною, и отнесу его къ той справедливости и присущему Его Величеству стремленію разрѣшать всѣ вопросы, затрагивающіе жизненные интересы его страны, руководствуясь такою же справедливостью и по отношенію къ тѣмъ странамъ, съ которыми Россія желаетъ жить въ мирѣ и согласіи.

По мѣрѣ перевода моего отвѣта, приводимаго здѣсь лишь въ видѣ сжатаго конспекта, но записаннаго мною потомъ по горячимъ слѣдамъ, Князь Ито все время дѣлалъ знаки головою и какими-то гортанными, совершенно непередаваемыми звуками, видимо, выражалъ свое удовольствіе. Когда же я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ, смотря упорно въ мои глаза, буквально слѣдующее:

«Я уже старый человѣкъ и привыкъ много думать раньше, чѣмъ выражать мои мысли. Я надѣюсь, что мы будемъ обо многомъ говорить съ Вами, а пока скажу Вамъ только еще разъ, что я счастливъ встрѣтиться съ Вами потому, что мнѣ кажется, что Вы выражаете свои мысли очень открыто и по Вашему убѣжденію, у меня тоже нѣтъ никакой причины не быть съ Вами искреннимъ, и я увѣренъ заранѣе, что Вы не услышите отъ меня ничего, что могло бы быть непріятно Вашему Государю или не полезно для Вашей великой страны, которой я желаю самаго счастливаго будущаго и увѣренъ, что она никогда болѣе не встрѣтитъ Японіи противъ себя».

Присутствовавшій при началѣ нашей встрѣчи консулъ Кавакама говорилъ мнѣ уже нѣсколько дней спустя, когда Князя Ито не было болѣе въ живыхъ, что онъ сказалъ присутствовавшимъ при нашемъ первомъ и послѣднемъ разговорѣ, прося ихъ не переводить его словъ, что онъ испытываетъ такую радость отъ перваго впечатлѣнія, что у него совсѣмъ легко на душѣ и ему хотѣлось бы, чтобы и я испытывалъ такое же чувство.

Съ внѣшней стороны Князь Ито произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе: маленькаго роста съ нѣсколько чрезмѣрно большою головою, онъ имѣлъ уже усталый видъ, но глаза его свѣтились яркимъ свѣтомъ и точно пронизывали собесѣдника, а некрасивое, нѣсколько калмыцкаго типа лицо было ласково и привѣтливо и невольно располагало къ себѣ.

Окончивши обмѣнъ привѣтствіями, я просилъ разрѣшенія Князя Ито представить ему сначала только трехъ начальствующихъ лицъ по управленію желѣзною дорогою и моихъ немногихъ спутниковъ, потомъ разрѣшить представить ему почетный кара-

улъ отъ войскъ, охраняющихъ желѣзную дорогу, какъ постоянный обычай, соблюдаемый всегда въ Россіи — оказывать воинскія почести особенно чествуемымъ лицамъ, а затѣмъ представить ему, по группамъ, всѣ учрежденія, находящіяся въ вѣдѣніи Общества Китайской Восточной дороги и, подъ конецъ уже, передать его въ руки японскаго консула, который представитъ ему всю многочисленную японскую колонію, послѣ чего я буду ждать его у своего вагона съ просьбою зайти ко мнѣ для полученія его согласія на предположенное распредѣленіе его времени или для выслушанія его желаній, которыя, разумѣется, тотчасъ же будутъ приняты мною.

На всѣ мои предложенія онъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ и просилъ перевести, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ и только для свиданія со мною и отдаетъ себя въ мое полное распоряженіе.

Мы вышли изъ вагона. Тутъ же я представилъ ему Ген. Хорвата, котораго онъ горячо благодарилъ за прекрасное передвиженіе по желѣзной дорогѣ и за всѣ предоставленныя ему удобства. Потомъ я представилъ Генераловъ Пыхачева и Чичагова и просилъ занять мѣсто для принятія почетнаго караула, отводя ему первое мѣсто, несмотря на то, что онъ все настаивалъ на томъ, чтобы я его занялъ, и мы кончили тѣмъ, что стали рядомъ.

Быстро прошла знаменитая по своей выправкѣ и подбору людей 19-ая рота Заамурскаго Округа пограничной стражи, и потянулась затѣмъ довольно продолжительная и утомительная церемонія представленія отдѣльныхъ группъ и учрежденій.

Начальствующія лица называли поименно представляющихся, каждому Князь Ито подавалъ руку; послѣдними стояли православные священники, непремѣнно желавшіе участвовать въ пріемѣ.

Когда кончилось на нихъ представленіе, Князю Ито надлежало перейти къ японской колоніи, стоявшей совершенно отдѣльно съ небольшимъ перерывомъ отъ русскихъ группировокъ.

Прежде, чѣмъ отойти въ сторону, я обратился къ Князю со словами: «Позвольте мнѣ передать Васъ въ руки Вашего консула, который представитъ Вамъ Вашу національную колонію въ Харбинѣ, самую многочисленную послѣ русскихъ и китайскихъ подданныхъ. Вы вступаете, такимъ образомъ, на Вашу территорію, и мы уступаемъ Вамъ всѣ наши права». Съ тою же кроткою улыбкою Князь Ито горячо и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Я собирался было отойти въ сторону, чтобы дать ему болѣе свободное мѣсто пройти къ своимъ соотечественникамъ, какъ въ

эту самую минуту, около меня, раздалось нѣсколько — три или четыре — глухихъ ударовъ, какъ бы хлопушки, и Князь Ито сталъ падать прямо на меня. Я не успѣлъ поддержать его вполнѣ, и онъ упалъ бы на полъ, если бы не подбѣжалъ слѣдовавшій за мною по пятамъ мой курьеръ Карасевъ, который поддержалъ его вмѣстѣ со мною. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, толпа ринулась въ сторону стрѣлявшаго, адъютантъ Генерала Пыхачева, Ротмистръ Титковъ, сбилъ его съ ногъ и сдалъ чинамъ жандармскаго полицейскаго надзора дороги. Многіе побѣжали черезъ рельсы дороги, прочь отъ мѣста катастрофы, и въ числѣ ихъ, я видѣлъ какъ бѣжали, оба китайскіе Генералъ-Губернатора, подобравшіе длинную свою одежду.

Мы подняли на руки Князя Ито, я взялъ его подъ плечи, Карасевъ за ноги, подошло еще нѣсколько человѣкъ, бережно поддержавшихъ кто вмѣстѣ со мною за плечи, кто за средину тѣла, и мы понесли его къ его вагону, изъ котораго, менѣе чѣмъ за часъ передъ тѣмъ, онъ вышелъ веселый и улыбающійся.

Когда мы вынесли его въ салонъ и положили на диванъ, я подложилъ подъ его голову кожаную подушку и потребовалъ доктора. Князь лежалъ безъ всякаго движенія и медленно, едва замѣтно, дышалъ. Казалось, что онъ уже умеръ, хотя дыханіе было еще слегка замѣтно.

Съ другого конца вагона внесли туда же раненаго въ ногу одного изъ его спутниковъ — Танаку и мнѣ сказали, что раненъ тяжело въ ногу и консулъ Каваками и еще одинъ японскій чиновникъ изъ свиты Князя Ито.

Вошелъ докторъ, осмотрѣлъ раны и сказалъ, что по первому впечатлѣнію положеніе безнадежно, такъ какъ двѣ раны нанесены въ полость сердца и пульса почти не слышно. Кто-то изъ прибывшихъ съ Княземъ Ито обратился ко мнѣ съ просьбою, оставить раненаго среди его спутниковъ, которые уже пригласили японскаго врача. Я вышелъ изъ вагона, послалъ справиться о положеніи консула, отвезеннаго въ желѣзнодорожную больницу у самаго вокзала, и сталъ, вмѣстѣ съ начальствомъ дороги и моими спутниками, ждать прибытія японскаго врача и его рѣшенія.

Безконечно долго тянулось время, хотя прошло не болѣе всего 15—20 минутъ, говорить ни съ кѣмъ не хотѣлось, каждый думалъ свою думу. Пришли мнѣ доложить, что преступникъ арестованъ и содержится подъ усиленнымъ карауломъ въ помѣщеніи жандармскаго надзора на самомъ вокзалѣ, что допросъ его слѣдователемъ и прокуроромъ окружнаго суда уже начатъ, и

онъ назвалъ свое имя, заявивши, что онъ корецъ, убилъ Князя Ито совершенно сознательно, потому что, по его распоряженію, какъ бывшаго Генералъ-Губернатора Кореи, неправильно были осуждены и казнены члены его семьи.

Вскорѣ изъ вагона вышелъ кто-то изъ японскихъ спутниковъ и сказалъ, что Князь скончался. Я вошелъ въ вагонъ, другихъ никого просили не входить. Тѣло Князя было положено на раздвинутый обѣденный столъ. Подъ головою лежала положенная мною кожаная подушка. Тѣло лежало одѣтое въ темнокоричневый шелковый халатъ. Выраженіе лица было совершенно спокойное и не носило слѣдовъ страданія. Нѣсколько человѣкъ японцевъ стояло молча въ углу салона въ согнутомъ положеніи и при моемъ входѣ какъ-то еще ниже склонились.

Поклонившись праху, я вышелъ изъ вагона и пошелъ къ себѣ въ вагонъ, прося зайти туда прокурора окружнаго суда, какъ только онъ освободится. Не успѣлъ я дойти до конца платформы, гдѣ стоялъ мой вагонъ, какъ меня догналъ, не помню хорошенько кто именно, кажется Е. Д. Львовъ, и сказалъ, что раненый старшій спутникъ Князя Ито — Танака проситъ меня войти къ нему, такъ какъ у него есть ко мнѣ большая просьба.

Я нашелъ его въ одномъ изъ отдѣленій того вагона, въ которомъ лежало тѣло Князя Ито. Нога его была перевязана, и рана найдена докторомъ серьезною, но неугрожающей жизни, хотя и требующей продолжительнаго леченія. О самомъ происшествіи онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но обратился ко мнѣ съ вопросомъ: когда можетъ быть увезено тѣло Князя, такъ какъ ему кажется, что наилучшимъ рѣшеніемъ было бы немедленно отправить его въ предѣлы японскаго участка жел. дороги, гдѣ правильнѣе ждать распоряженій о возвращеніи его домой. Не наводя никакихъ справокъ, я отвѣтилъ ему, что тѣло можетъ быть увезено, когда имъ угодно, потому что мы не имѣемъ никакого права задерживать его при ясности всего, что произошло, и сознаніи преступника, а для приготовленія поѣзда требуется очень немного времени.

Ген. Хорватъ, находившійся тутъ же, поддержалъ мои слова и предложилъ назначить экстренный поѣздъ черезъ часъ. Прокуроръ окружнаго суда и судебный слѣдователь также не встрѣтили никакихъ возраженій и просили только сообщить подробности осмотра тѣла японскимъ и нашимъ врачемъ, которые были между собою совершенно согласны. Я съѣздилъ въ магазинъ Чурина, выбралъ лучшій, который оказался тамъ, металлическій вѣнокъ съ фарфоровыми цвѣтами весьма неважнаго вкуса

и достоинства и ровно въ половинѣ 12-го утра, въ сопровожденіи того же Генерала Аѳанасьева, который привезъ покойнаго Князя Ито, тѣло его покинуло Харбинъ.

Не успѣлъ скрыться экстренный поѣздъ изъ вида, какъ Генералъ Хорватъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ, что три корреспондента японскихъ газетъ, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Княземъ Ито, не выѣхали изъ Харбина и настойчиво не только просятъ, но даже требуютъ свиданія со мною, такъ какъ они должны немедленно послать депеши обо всемъ случившемся въ Токіо.

Изъ окна вагона я видѣлъ ихъ у самого вагона чуть ли не насильно стремящихся войти ко мнѣ, но ихъ не пускала стража. Я надѣлъ пальто, вышелъ изъ вагона, направляясь въ больницу справиться о состояніи ранъ консула Каваками и подошелъ къ нимъ, чтобы сказать (они плохо говорили по-русски и лучше по-французски), что я приму ихъ тотчасъ по возвращеніи изъ больницы послѣ посѣщенія ихъ консула, и когда они въ весьма неприличной и даже рѣзкой формѣ заявили мнѣ, что печать не можетъ ждать, пока я рѣшусь ихъ принять, я отвѣтилъ имъ, также повысивши голосъ, что они здѣсь не хозяева, что я и безъ того оказываю имъ исключительное вниманіе, обѣщая принять ихъ тотчасъ послѣ посѣщенія ихъ консула, и прошу ихъ, во всякомъ случаѣ, измѣнить ихъ тонъ разговора со мною.

У воротъ желѣзнодорожной больницы меня встрѣтила жена консула, принесла мнѣ на плохомъ англійскомъ языкѣ благодарность и за мое желаніе навѣстть ея мужа и за тотъ прекрасный уходъ, которымъ онъ окруженъ въ больницѣ, и мы вмѣстѣ съ ней вошли въ палату, гдѣ лежалъ Каваками.

Не удаляя жены, онъ сказалъ мнѣ, что единственное, что составляетъ предметъ его величайшаго горя, это то, что онъ не убитъ вмѣстѣ съ Княземъ Ито, потому что это страшное, для Японіи, несчастіе случилось исключительно по его винѣ. И тутъ же онъ повторилъ съ буквальною точностью все, что я зналъ еще наканунѣ отъ Генерала Хорвата, относительно его настояній объ организаціи пріема и происшедшей объ этомъ перепискѣ. Онъ передалъ мнѣ еще рядъ второстепенныхъ подробностей, устанавливающихъ съ полной несомнѣнностью, отсутствіе самой отдаленной отвѣтственности желѣзнодорожной администраціи въ этомъ прискорбномъ происшествіи и прибавилъ, что еще сегодня, если только врачи ему позволятъ, онъ составитъ въ этомъ смыслѣ донесеніе своему правительству и передастъ копію Генералу Хорвату.

Я передалъ ему тутъ же, какое нападеніе повели на меня

представители японской печати, насколько они были непозволительно невѣжливы и даже грубы и предупредилъ его, что, если они сохранятъ тотъ же тонъ и при предстоящей нашей бесѣдѣ съ ними, то я попрошу ихъ удалиться изъ моего вагона.

Каваками, безъ всякаго моего заявленія, выразилъ намѣреніе пригласить ихъ къ себѣ, какъ только врачи разрѣшатъ ему принять ихъ, и повторить имъ все, что говорилъ мнѣ, и даже покажетъ имъ свое донесеніе Министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

Успокоивши его, какъ я только могъ это сдѣлать, я вернулся на вокзалъ и нашелъ у вагона тѣхъ же корреспондентовъ, которыхъ окружала толпа японцевъ, и ихъ, не безъ труда, оттѣсняла отъ моего вагона желѣзнодорожная полиція. Слѣдомъ за мною эти назойливые господа вошли въ мой вагонъ. Я предложилъ имъ выждать, пока я напишу три телеграммы въ Петербургъ: Министру Иностранныхъ Дѣлъ для передачи по мѣсту его нахожденія, такъ какъ я не зналъ, гдѣ находится въ настоящую минуту Государь, котораго онъ сопровождалъ въ Его поѣздкѣ въ Италію, Предсѣдателю Совѣта Министровъ Столыпину и моей женѣ. И тутъ не обошлось безъ столкновенія, такъ какъ газетные корреспонденты продолжали настаивать на томъ, чтобы я немедленно выслушалъ ихъ вопросы и далъ на нихъ имъ разъясненія, а не заставлялъ ихъ еще ждать, пока я не окончу мои занятія.

Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ сказать имъ, что отъ нихъ зависитъ либо обождать, либо придти ко мнѣ въ другой часъ по моему назначенію. Они подчинились, дали мнѣ возможность набросать срочныя телеграммы, добавить къ нимъ еще депешу нашему послу въ Японіи и начать бесѣду съ этими назойливыми представителями печати.

Не стоитъ приводить всѣхъ разговоровъ съ ними. Они начались съ прямого обвиненія русской власти въ полномъ бездѣйствіи, которымъ только и можно объяснить происшедшее несчастіе.

Одинъ изъ корреспондентовъ дошелъ даже до того, что высказалъ, что Японія сумѣла бы оградить мою безопасность, если бы вмѣсто Ито, оказавшаго мнѣ великую честь прибытіемъ своимъ для свиданія со мною, я самъ, какъ болѣе молодой, чѣмъ онъ предпочелъ бы посѣтить Японію, а вотъ теперь высшій сановникъ Японіи, искавшій встрѣчи съ русскимъ Министромъ, убитъ только потому, что отвѣчающая за порядокъ на желѣзной дорогѣ русская власть не сумѣла или даже не захотѣла беречь его.

Опасаясь, что разговоры въ этомъ тонѣ могутъ дойти до очень непріятныхъ размѣровъ, я рѣзко оборвалъ его, предложивши ему прекратить подобныя недопустимыя обвиненія, которыхъ я не намѣренъ выслушивать, потому что онѣ оскорбительны для русской власти и основаны только на томъ, что представители печати, ничего не зная, даютъ мѣсто вполнѣ понятному чувству испытываемаго ими горя и ищутъ виновника тамъ, гдѣ они его не найдутъ, не потрудились даже обратиться къ своему консулу, который вѣроятно не меньшій японскій патріотъ, нежели они, но разница съ нимъ только одна — та, что онъ честный человѣкъ и не постѣснился подтвердить мнѣ то, что онъ сегодня же пишетъ своему правительству, излагая ему, что русская желѣзнодорожная власть неповинна во всемъ случившемся, потому что онъ, консулъ, принялъ на себя всю отвѣтственность за пріемъ Князя Ито и даже письменно просилъ передать ему лично всю власть по организаціи пріема. То же самое онъ только-что подтвердилъ мнѣ лично и обѣщалъ даже передать копію своего донесенія своему начальству, ставя открыто на карту всю свою службу и не подражая гг. представителямъ печати, которые, не рискуя ничѣмъ, оскорбляютъ русскую власть, сами не располагая никакими свѣдѣніями о дѣйствительной обстановкѣ, при которой палъ жертвою преступленія ихъ заслуженный государственный дѣятель.

Присутствовавшіе при нашемъ разговорѣ два другихъ представителя печати сказали ихъ собрату что-то кратко по-японски, — онъ смолкъ, и они, уже въ совершенно вѣжливой формѣ обратились ко мнѣ съ просьбою разсказать имъ какъ былъ организованъ пріемъ японской колоніи и почему не были приняты необходимыя мѣры предосторожности.

Я передалъ имъ все, что изложено выше, и закончилъ тѣмъ, что я понимаю ихъ волненіе и совѣтую имъ послать пока предварительное донесеніе въ Токіо, съ изложеніемъ моей версіи, но сказать въ этомъ донесеніи, что они провѣрятъ мое объясненіе черезъ консула Каваками, котораго увидятъ какъ только разрѣшатъ имъ это пользующіе его врачи.

Между ними началась длинная перебранка по-японски, и они нѣкоторое время спустя покинули меня, заявивши, что рѣшили поступить именно такъ, какъ я имъ совѣтую, и одинъ изъ нихъ извинился даже за допущенныя рѣзкости, прося меня понять, подъ вліяніемъ какого волненія были онѣ высказаны.

Не успѣли выйти отъ меня эти корреспонденты, какъ ко мнѣ пришелъ Товарищъ прокурора, присутствовавшій при допросѣ

преступника, и передалъ, что послѣдній, на вопросъ слѣдователя и прокурора, когда и откуда онъ прибылъ въ Харбинъ, — отвѣтилъ, что онъ прибылъ изъ Владивостока, наканунѣ преступленія, на вопросъ гдѣ онъ провелъ ночь и какъ попалъ на вокзалъ къ моменту прибытія Князя Ито, — пояснилъ, что ночь онъ провелъ на вокзалѣ же, въ залѣ третьяго класса, и вошелъ совершенно свободно на перронъ, смѣшавшись съ толпою японцевъ, входившихъ черезъ особую дверь безъ всякой провѣрки документовъ, причемъ никто даже не спросилъ его кто онъ такой.

Выслушавши такое заявленіе, я сказалъ товарищу прокурора, что прошу его предложить прокурору, не найдетъ ли онъ полезнымъ для дѣла спросить меня и моего Директора Канцеляріи Е. Д. Львова, въ качествѣ свидѣтелей, такъ какъ самый фактъ проведенной преступникомъ ночи на вокзалѣ былъ бы неблагопріятенъ для нашей желѣзной дороги, если бы онъ былъ вѣренъ, а между тѣмъ, мы оба можемъ показать подъ присягою то, что было нами замѣчено наканунѣ, а именно, что въ залѣ третьяго класса не было ни одной души ночью, и слѣдовательно все показаніе преступника падаетъ, какъ вѣроятно невѣрно и заявленіе его о томъ, что онъ прибылъ накануне изъ Владивостока.

Ушли японцы, ушелъ и товарищъ прокурора, и я сталъ ждать отвѣта на сдѣланное мною предложеніе.

Всего нѣсколько минутъ спустя тотъ же товарищъ прокурора вернулся ко мнѣ и передалъ мнѣ просьбу прокурора дать мое показаніе, такъ какъ оно не только очень важно для отвѣтственности желѣзной дороги, но имѣетъ и существенное значеніе для слѣдствія. Онъ прибавилъ, что допросъ Е. Д. Львова будетъ зависѣть отъ моего показанія и отъ отвѣта на него преступника.

Я тотчасъ же пошелъ на вокзалъ въ помѣщеніе Жандармскаго Управленія дороги, гдѣ происходилъ допросъ преступника. Послѣдній стоялъ въ углу комнаты, по обѣимъ сторонамъ его стояли часовые отъ полицейскаго надзора города Харбина. Прокурорь обратился къ нему съ заявленіемъ о томъ, что по поводу его заявленія, что онъ провелъ ночь на вокзалѣ, имѣется свидѣтель, который желаетъ дать показаніе, что это заявленіе не вѣрно.

Преступникъ отнесся къ этому вопросу, переведенному на корейскій языкъ, совершенно безучастно. Лично на меня онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе: молодой, даже красивый, стройный, хорошаго роста, совершенно не похожій на японца, съ почти бѣлымъ лицомъ и настолько отличавшійся отъ обще-япон-

скаго типа, что одинъ внимательный наружный осмотръ его при пропускѣ, если бы онъ былъ произведенъ приставленными къ пропуску консуломъ людьми, не могъ бы не остановить на немъ своего вниманія. Меня просили, дать мое показаніе медленно, дабы оно могло быть, фраза за фразою, переведено на корейскій языкъ. Я такъ и сдѣлалъ, разсказавши все то, что уже выше мною описано. Когда я кончилъ, слѣдователь спросилъ преступника, что можетъ онъ сказать по поводу выслушаннаго показанія и понялъ ли онъ его. Онъ отвѣтилъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «я все понялъ и ничего не могу возразить. Я не знаю свидѣтеля и нигдѣ его никогда не видѣлъ, но могу только сказать, что онъ показалъ одну правду. Я не провелъ послѣднюю ночь на вокзалѣ и пріѣхалъ въ Харбинъ не вчера, а когда именно и откуда — я не скажу, какъ не скажу и того, гдѣ я провелъ мое время въ Харбинѣ, ожидая пріѣзда Ито. Мнѣ никто не помогалъ, я одинъ рѣшился убить его, и одинъ я долженъ отвѣтить за то, что я сдѣлалъ».

На этомъ кончился мой допросъ и я просилъ прокурора разрѣшить мнѣ не дѣлать тайны изъ отвѣта преступника и моего показанія, если бы меня стали спрашивать корреспонденты японскихъ газетъ, проявляющіе столько нервной раздражительности.

Остатокъ дня 13-го октября и весь слѣдующій день прошли сравнительно спокойно. Никто изъ газетныхъ представителей не посѣтилъ меня, и я сталъ постепенно возвращаться къ ожидавшимъ моего разсмотрѣнія дѣламъ и успѣлъ даже посѣтить вмѣстѣ съ Ген. Хорватомъ Генералъ-Губернатора Ли, который избѣгалъ говорить о какихъ бы то ни было дѣловыхъ вопросахъ, опасаясь сказать что-нибудь лишнее, и только одна фраза, произнесенная какъ бы невзначай, указывала на то, что и до него дошелъ шумъ, поднятый корреспондентами японскихъ газетъ, а можетъ быть, эти господа, прекрасно освѣдомленные о его настроеніи въ отношеніи Китайской Восточной желѣзной дороги и всему русскому, успѣли посѣтить его съ цѣлью получить отъ него что-либо полезное для ихъ кампаніи противъ дороги и меня. Онъ сказалъ мнѣ, выражая сочувствіе тому, что я не пострадалъ въ этомъ печальномъ событіи, которое легко могло быть направлено противъ меня, и какъ хорошо, что нельзя ни въ чемъ обвинить дорогу, такъ какъ всѣмъ прекрасно извѣстно, что японскій консулъ именно просилъ ее предоставить ему полную власть въ организаціи пріема Князя Ито». Я воспользовался этимъ проявленіемъ любезности, чтобы сказать ему, въ надеждѣ что онъ передастъ мои слова японцамъ, — «да, это совершенно вѣрно, но это

не мѣшаетъ корреспондентамъ японскихъ газетъ быть чрезвычайно грубыми по отношенію ко мнѣ и открыто обвинять Генерала Хорвата въ томъ, что во всемъ случившемся мы виновны, а что Князь Ито убитъ корейцемъ на территоріи желѣзной дороги по нашей небрежности или чуть ли даже не по нашему умыслу».

Я прибавилъ, что они скоро убѣдятся насколько они вели себя неприлично, и что такое ихъ отношеніе не оправдывается вовсе испытаннымъ ими потрясеніемъ. Я имѣю много основаній думать, что мои слова были переданы корреспондентамъ, потому что и Ген. Хорватъ говорилъ потомъ, что около Ли сосредоточивались всегда пересуды неблагопріятные для желѣзной дороги.

За эти два дня я все поджидалъ отвѣта на мои телеграммы какъ изъ Петербурга отъ жены и отъ Столыпина, такъ въ особенности изъ Токіо отъ нашего посла.

Депеши отъ жены и отъ Столыпина пришли только поздно вечеромъ 14-го числа, и я успѣлъ еще послать имъ успокоительныя извѣстія въ тотъ же день, но изъ Токіо не было рѣшительно ничего, и я не зналъ вообще какъ отнеслось общественное мнѣніе Японіи къ печальному событію 13-го октября и недоумѣвалъ почему и посолъ не откликнулся на мою телеграмму, несмотря на то, что въ ней содержалась просьба извѣстить меня о томъ какъ восприняло это событіе правительство.

Только на слѣдующій день, передъ самымъ моимъ выѣздомъ изъ Харбина, для встрѣчи съ Приамурскимъ Генералъ-Губернаторомъ Унтербергеромъ, на станціи Пограничной, для совмѣстной поѣздки далѣе въ Хабаровскъ, я получилъ первые отголоски на мою телеграмму въ Токіо.

Посолъ извѣщалъ меня шифромъ, что онъ получилъ мою депешу съ большимъ опозданіемъ, очевидно вслѣдствіе того, что она была задержана на японскомъ телеграфѣ, что первыя извѣстія объ убійствѣ Князя Ито не сопровождались никакими комментаріями, и тонъ газетъ былъ особенно сдержанъ, хотя въ немъ можно было подсмотрѣть скорѣе недоумѣніе, какъ могло произойти такое несчастіе на территоріи государства, располагающаго всею полнотою власти въ полосѣ отчужденія дороги, и очевидно, что къ Китаю не можетъ быть предъявлено никакихъ обвиненій. Ясно было поэтому, что на насъ тяготѣетъ такое обвиненіе, и оно не высказывается открыто только въ ожиданіи болѣе подробныхъ свѣдѣній. Посолъ прибавлялъ, что «сегодня тонъ газетъ совершенно иной, очевидно, что правительство получило какіе-то сообщенія изъ Харбина, насъ не только ни въ чемъ болѣе не обвиняютъ, но лично мнѣ посвящено много прочув-

стованныхъ словъ и самое сердечное выраженіе благодарности за трогательное вниманіе, оказаное Князю Ито въ минуту покушенія, и за то, какъ внимательно отнеслась къ нему дорога съ первой минуты прибытія его на ея территорію».

Посолъ прибавлялъ еще, что все скрытое раздраженіе первой минуты смѣнилось самымъ искреннимъ сожалѣніемъ о случившемся и выраженіемъ надежды на то, что это печальное событіе послужитъ только къ сближенію двухъ странъ, уже и теперь не оставляющему желать лучшаго.

Въ этотъ день передъ моимъ временнымъ отъѣздомъ изъ Харбина я почти не былъ на вокзалѣ и провелъ много часовъ въ управленіи жел. дороги и въ засѣданіи городского совѣта.

Когда я пріѣхалъ, чтобы приготовиться къ отъѣзду, мнѣ сказалъ Е. Д. Львовъ, что корреспонденты японскихъ газетъ много разъ пріѣзжали на вокзалъ, чтобы видѣться со мною, и просили непремѣнно принять ихъ передъ моимъ выѣздомъ въ Хабаровскъ и вѣроятно находятся на вокзалѣ, не желая пропустить меня.

Не успѣлъ онъ мнѣ передать этого, какъ они явились снова втроемъ и прямо вошли въ мой вагонъ. Внѣшній видъ ихъ былъ неузнаваемымъ. Недавнее высокомѣріе смѣнилось низкопоклонствомъ, и они, не выбирая выраженія, просили меня простить имъ ихъ «непозволительное» поведеніе, о которомъ они глубоко сожалѣютъ и сами, потому что знаютъ какъ несправедливы были ихъ попытки обвинить русскую администрацію въ небрежности къ своему гостю. Они заявили мнѣ, что видѣли консула Каваками, который далъ имъ всѣ разъясненія, переданныя ими уже въ ихъ газеты, и съ полнымъ благородствомъ взялъ на себя всю вину, которой на самомъ дѣлѣ и не было, такъ какъ подобное несчастіе могло произойти при какихъ угодно условіяхъ.

На этомъ весь инцидентъ былъ исчерпанъ, тѣмъ болѣе, что Харбинскія газеты опубликовали уже въ вечернемъ ихъ выпускѣ тождественное ихъ заявленіе.

Генералъ Унтербергеръ встрѣтилъ меня на Пограничной въ состояніи, близкомъ къ паникѣ. Послѣ принятія почетнаго караула, какъ только мы остались вдвоемъ въ моемъ вагонѣ, онъ сказалъ мнѣ, что не сомнѣвался ни на минуту, что случившееся событіе только ускоритъ развязку, и не пройдетъ и нѣсколькихъ дней, какъ мы узнаемъ о нападеніи Японіи на насъ.

Говорить о томъ, какихъ усилій стоило мнѣ, чтобы привести его въ болѣе спокойное настроеніе, — просто не стоитъ, и я думаю, что при всемъ кажущемся успокоеніи, онъ продолжалъ

мнѣ въ душѣ не вѣрить и все твердилъ объ одномъ: «Вы должны убѣдиться сами въ нашей беззащитности и доложить о ней Государю». Зачѣмъ онъ настаивалъ о моемъ прибытіи въ Хабаровскъ, къ чему показывалъ онъ мнѣ свою Амурскую Флотилію, пригодную развѣ только для борьбы съ Китаемъ, но не имѣющую ни малѣйшаго значенія въ отношеніи отраженія нападенія Японіи, зачѣмъ потребовалъ онъ, чтобы я совершилъ вмѣстѣ съ нимъ переходъ на Аскольдѣ изъ Владивостока въ Новокіевское селеніе, какъ избранное имъ новое мѣсто укрѣпленія нашего побережья, — остается мнѣ совершенно непонятнымъ до сихъ поръ. Пользы отъ этихъ экскурсій я никакой не извлекъ, время потерялъ, и отнялъ не мало дней отъ пребыванія въ Харбинѣ, заставляя потомъ и себя и всѣхъ отнимать ночные часы для работы.

Но я могу сказать по совѣсти, что на Владивостокъ я далъ все время, которое было необходимо для выясненія какъ самому себѣ, такъ и генералу Унтербергеру неправильности его телеграммъ съ обвиненіями Министерства Финансовъ въ непредставленіи нужныхъ кредитовъ на оборону этого лучшаго нашего спорнаго пункта на Тихомъ океанѣ, представляющаго, своими естественными условіями, всѣ удобства сдѣлать его труднымъ для захвата. Впрочемъ, къ чести Генерала Унтербергера нужно сказать, что онъ руководствовался почти исключительно тѣми отвѣтами, которые ему давало Военное Министерство на его настоянія, и не далъ себѣ труда провѣрить на мѣстѣ неправильность ихъ.

За то мнѣ, прибывшему со всѣми данными о размѣрахъ кредитовъ, не использованныхъ Военнымъ Министерствомъ, не стоило большого труда разъяснить ему на мѣстѣ же истинное положеніе вещей, и какъ человѣкъ честный, хотя и ограниченный, онъ быстро перешелъ изъ моихъ обвинителей — въ самаго ревностного защитника моего передъ Военнымъ Министерствомъ, когда послѣдній, тотчасъ по моемъ возвращеніи и представленіи Государю отчета въ поѣздкѣ, возобновилъ свою пѣсню о вѣчныхъ затрудненіяхъ, чинимыхъ мною.

Съ разрѣшенія Генералъ-Губернатора, его военные подчиненные открыли мнѣ все безнадежное положеніе крѣпости и всю ея беззащитность, вытекавшую изъ того, что всѣ ихъ представленія годами лежали безъ движенія въ Военномъ Министерствѣ. Дѣло доходило до прямого анекдота и было просто смѣшно, если бы не было на самомъ дѣлѣ грустно, какъ одинъ изъ образчиковъ того особаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, которыми отличался Военный Министръ Сухомлиновъ.

Послѣ цѣлаго ряда сношеній съ управленіемъ Владивосток-

ской крѣпости, Главное Инженерное Управленіе намѣтило общій планъ обороны крѣпости и поручило детальную его разработку инженерной части крѣпости. Послѣдняя составила детальный планъ и послала его въ Петербургъ. Долго лежалъ этотъ планъ безъ всякаго отвѣта и ни смѣты, ни детали плана не были даже затребованы.

Въ одинъ прекрасный день Комендантъ крѣпости получаетъ шифрованную телеграмму Военнаго Министра такого содержанія:

«Государь Императоръ лично интересуется знать, когда будетъ закончено сооруженіе оборонительной линіи № такой-то и въ частности высоты № 270».

Изумленію въ управленіи крѣпости не было конца, потому что не только сооруженіе этой линіи не было начато, а слѣдовательно и вопросъ о срокѣ окончанія становился непонятнымъ, но самое существованіе этой оборонительной линіи было подъ сомнѣніемъ, такъ какъ взглядъ на нее строителя крѣпости Генерала Жигалковскаго не раздѣлялся Комендантомъ и вызывалъ большіе споры въ Главномъ Инженерномъ Управленіи, да и самъ Генералъ-Губернаторъ Унтербергеръ, по спеціальности военный инженеръ, далеко не былъ вполнѣ убѣжденъ въ пользѣ именно этой линіи и въ частности высоты № 270.

Меня свозили даже взглянуть на эту спорную высоту, которой Ген. Жигалковскій придавалъ значеніе первостепенной важности, какъ пунктъ, дававшій наибольшій просторъ обстрѣла, но изъ моей экскурсіи ничего не вышло. Мы попали въ такой туманъ, даже не доѣхавши до высоты № 270, что пришлось спуститься внизъ, не вынеся никакого впечатлѣнія.

Уже послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, я имѣлъ случай говорить объ этомъ инцидентѣ съ помощникомъ Военнаго Министра Поливановымъ, который сказалъ мнѣ, что онъ хорошо знаетъ весь спорный вопросъ, вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Ген. Жигалковскаго, но въ Главномъ Инженерномъ Управленіи держатся совершенно иного взгляда, и вѣроятно дѣло потребуетъ особаго изслѣдованія на мѣстѣ раньше, чѣмъ будетъ принято какое-либо рѣшеніе.

Чѣмъ кончился этотъ вопросъ, я такъ и не узналъ до самаго моего ухода изъ Министерства, пять лѣтъ спустя.

Польза отъ пребыванія моего во Владивостокѣ была, однако, немалая. Я оставилъ въ рукахъ Ген. Унтербергера точный перечень кредитовъ, открытыхъ на Владивостокъ и не израсходованныхъ на мѣстѣ. Въ обмѣнъ я получилъ отъ крѣпостного

управленія любопытное извлеченіе о перепискѣ его съ Петербургомъ и самый краснорѣчивый перечень тѣхъ вопросовъ, по которымъ или не было получено никакого отвѣта въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или получались указанія, сводившіяся къ пересмотру ранѣе рѣшенныхъ дѣлъ и предложенію разработать тѣ же вопросы въ совершенно новомъ направленіи. Инженерное управленіе бросало сдѣланную работу, принималось за новую и опять получалась только невѣроятная волокита.

Передавая мнѣ эти справки въ присутствіи Коменданта и Ген.-Губернатора, Генералъ Жигалковскій совершенно открыто заявилъ, что ни онъ, никто изъ его сотрудниковъ совершенно не вѣритъ тому, что когда-либо начнутся настоящія работы, и что правъ былъ въ сущности Ген. Редигеръ, предлагавшій еще въ 1905 или 1906 году, — просто упразднить Владивостокскую крѣпость, потому что, какъ онъ, такъ и все мѣстное Управленіе инженерною частью крѣпости только даромъ получаетъ жалованье и занимается всѣмъ надоѣвшею безплодною перепиской, въ пользу которой никто не вѣритъ.

Все это я изложилъ въ моемъ отчетѣ, представленномъ Государю, смягчивъ только краски, но не скрывъ отъ Него ничего изъ вынесенныхъ впечатлѣній.

Вернувшись въ Харбинъ подъ самымъ грустнымъ впечатлѣніемъ, я могъ только успокоить Ген. Унтербергера тѣмъ, что его опасенія относительно близкаго нападенія на насъ Японіи не отвѣчаютъ дѣйствительности, какъ и виновность Министерства Финансовъ въ создавшемся положеніи. Къ чести Ген. Унтербергера я долженъ сказать, что его паническія телеграммы съ тѣхъ поръ совершенно прекратились, какъ перестал онъ въ своихъ донесеніяхъ Государю ссылаться на безнадежное состояніе Владивостокской крѣпости по не-ассигнованію необходимыхъ кредитовъ.

Мнѣ же лично, при нашемъ разставаніи на Пограничной, онъ сказалъ прямо, что не понимаетъ какъ можно быть настолько недобросовѣстнымъ, какъ, выяснилось теперь, было Военное Министерство, или въ сущности — Военный Министръ.

Описанію положенія Владивостокской крѣпости я посвятилъ особую, конфиденціальную часть моего общаго доклада и не сообщилъ ее никому, кромѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, о чемъ и доложилъ Государю, представляя Ему оба мои доклада.

Возвращеніе мое въ Харбинъ изъ поѣздки въ Хабаровскъ и Владивостокъ доставило мнѣ рядъ благопріятныхъ впечатлѣній въ связи съ послѣдствіемъ убійства Князя Ито. Харбинскія

газеты были полны самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ ими изъ прибывшихъ японскихъ газетъ. Всѣ онѣ въ одинъ голосъ говорили о томъ, что какъ въ правительствѣ, такъ и въ общественномъ мнѣніи Японіи не осталось и слѣда сколько нибудь неблагопріятнаго впечатлѣнія отъ дѣйствій русской власти въ моментъ печальнаго событія. Газеты наперерывъ оправдывали дѣйствія желѣзнодорожнаго начальства и слагали съ него всякую отвѣтственность за случившееся, открыто говоря, что дорога не могла не предоставить японскому консулу всей свободы дѣйствій, коль скоро онъ самъ просилъ объ этомъ и принималъ на себя всю полноту отвѣтственности. Были даже и такія сужденія, что каждый японецъ, который заявилъ бы о своемъ желаніи представиться своему сановнику въ минуту его прибытія и не получилъ бы почему-либо на то разрѣшенія желѣзнодорожной власти, имѣлъ бы право жаловаться на стѣсненія, и русское управленіе дорогою не избѣжало бы самыхъ непріятныхъ послѣдствій за сдѣланныя имъ распоряженія, хотя бы онѣ были внушены самыми лучшими побужденіями.

Нашъ посолъ въ Токіо прислалъ мнѣ телеграмму, передавая соболѣзнованія японскаго правительства по случаю печальнаго событія и передавалъ лично мнѣ самую искреннюю его благодарность за оказанное мною вниманіе покойному Князю Ито, прося меня передать ее всей русской администраціи, проявившей столько трогательнаго вниманія въ критическую минуту.

Это демонстративное вниманіе ко мнѣ проявилось затѣмъ нѣсколько дней спустя, еще до выѣзда моего изъ Харбина, особенно рельефно по поводу похоронъ Князя Ито.

По личному распоряженію Императора установленъ былъ особый торжественный церемоніалъ погребенія Князя Ито и однимъ изъ пунктовъ его было указано, въ виду огромнаго количества вѣнковъ и всякаго рода эмблемъ, возложенныхъ на гробъ умершаго, — допустить до внесенія въ мѣсто погребенія только три вѣнка — отъ Императора, отъ вдовы Князя Ито и тотъ, который былъ возложенъ мною въ минуту его кончины. Такимъ образомъ, скромный вѣнокъ, найденный мною въ магазинѣ Чурина, остался на могилѣ убитаго и хранится на ней, вѣроятно, и сейчасъ.

Газеты, кромѣ того, въ цѣломъ рядѣ статей возвращались все къ тому же вопросу о томъ, какъ отрадно было бы свиданіе двухъ сановниковъ, если бы оно могло быть доведено до дружеской бесѣды между ними, потому что Князь Ито, исполняя волю

своего Императора, имѣлъ въ виду только еще болѣе сблизить взаимные интересы двухъ народовъ въ цѣляхъ устраненія всякой неясности въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Тѣ же самыя мысли повторилъ мнѣ потомъ, тотчасъ по моемъ возвращеніи японскій посолъ баронъ Мотоно, когда я пріѣхалъ къ нему, опередивъ его моимъ визитомъ.

Всѣ послѣдующіе дни до выѣзда моего изъ Харбина въ обратный путь ушли на безпрерывную работу по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, касавшимся дороги и ея предпріятій.

Я не говорю вовсе о томъ, насколько моя задача была облегчена тѣмъ особымъ вниманіемъ и помощью, которую я встрѣтилъ отъ всѣхъ, безъ всякаго исключенія, лицъ и учрежденій, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ эту пору. Каждый не зналъ чѣмъ проявить мнѣ свое вниманіе, — видимо у всѣхъ сохранилось въ памяти то отношеніе, которое я проявилъ въ пору войны и не разъ, при довольно острыхъ разногласіяхъ, въ особенности въ Городскомъ Совѣтѣ, точка зрѣнія дороги получала свое осуществленіе только потому, что мой авторитетъ всегда былъ на сторонѣ дороги, правда, проводившей справедливую и легко защищаемую политику.

Но еще полезнѣе для меня была открытая возможность знакомиться съ самымъ интереснымъ для меня и всего менѣе яснымъ вопросомъ о томъ каково было въ ту пору положеніе Китая, и насколько мы могли быть спокойны за то исключительное положеніе, которое занимала Россія съ точки зрѣнія ея концессіи въ Манчжуріи. Сношеніе съ самыми разнообразными людьми, какъ во Владивостокѣ, такъ и еще болѣе того въ Харбинѣ, не оставляло для меня мѣста какому-либо сомнѣнію въ томъ, что китайская власть слаба до послѣдней степени и совершенно неспособна ни на какое сопротивленіе намъ, если только мы стояли на почвѣ нашего контракта. Она желала только одного — чтобы ее никто не трогалъ и не пытался пріобрѣтать для себя какихъ-либо новыхъ преимуществъ, такъ какъ за всякой уступкой въ нашу пользу автоматически шли попытки со стороны другихъ странъ, выговорить для себя какія-либо компенсаціи.

Отраженія на Манчжурской дорогѣ и ея предпріятіяхъ какого-либо вліянія центральной власти Китая не было замѣтно ни въ одномъ изъ острыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью, и всѣ стремленія Генерала Хорвата, пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди мѣстныхъ китайскихъ властей, сводились исключительно къ тому, чтобы не поднимать никакихъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія Пекина, и обходиться тѣми, которые могли

быть рѣшены властью мѣстныхъ Дао-Таевъ. Эти послѣдніе сами говорили въ непринужденной бесѣдѣ, что все, что они могутъ сдѣлать, они охотно сдѣлаютъ, а все, что требуетъ высшей административной санкціи, они направятъ въ Пекинъ съ неблагопріятнымъ ихъ отзывомъ, потому что тамъ вообще ничего новаго не рѣшатъ и дальше буквы договора не пойдутъ. Оттого намъ всегда было очень легко ладить съ расположеннымъ къ намъ Дао-Таемъ Хейлудзянской провинціи и ничего нельзя было добиться отъ его коллеги — Гиринскаго Генералъ-Губернатора. Первый даже не разъ, въ откровенной бесѣдѣ со мною, при переводчикѣ Китайской Восточной дороги, которому онъ вполнѣ довѣрялъ (повидимому тотъ былъ даже его родственникомъ), совершенно открыто просилъ меня не поднимать никакихъ новыхъ вопросовъ (ихъ было въ особенности много въ связи съ домогательствами консуловъ по новому городскому управленію), если только ихъ предстоитъ направить въ Пекинъ.

Однажды даже онъ какъ-то особенно былъ склоненъ къ откровенности и на мой вопросъ, почему же онъ такъ боится сношенія съ Пекиномъ по вопросамъ, представляющимъ интересъ и для него, какъ и для насъ, — онъ отвѣтилъ, что я, какъ представитель страны съ хорошо организованною властью, не могу себѣ представить, что можетъ быть страна, въ которой въ сущности, никакой центральной власти болѣе нѣтъ и которая желаетъ только одного — чтобы ее оставили въ покоѣ и справлялись въ каждой провинціи собственными силами, изыскивая и свои средства и не спрашивая ничего у этой центральной власти. Затѣмъ, помолчавши и какъ-то нехотя, онъ сказалъ: «послѣ смерти Ли-Хун-Чанга, котораго я хорошо зналъ (онъ былъ у него, кажется, секретаремъ) у насъ нѣтъ болѣе никого, кто зналъ бы, чего онъ хочетъ».

По странной случайности, меня познакомили во Владивостокѣ съ однимъ китайскимъ генераломъ новѣйшей формаціи, не носившимъ болѣе косы, затянутымъ въ современный военный мундиръ японскаго образца, возвращавшимся изъ служебной поѣздки въ Японію. Я провелъ съ нимъ довольно много времени въ бесѣдѣ на англійскомъ языкѣ, сначала въ моемъ вагонѣ, а потомъ уже въ Харбинѣ, когда онъ пригласилъ меня къ обѣду. Его разговоръ былъ совершенно того же характера, и онъ даже выразился еще болѣе рѣшительно: «У Китая нѣтъ болѣе головы» (China has no head).

О томъ, какова была въ ту пору, на самомъ дѣлѣ китайская власть по крайней мѣрѣ въ Манчжуріи, мнѣ приходилось убѣ-

ждаться не разъ, во время моихъ передвиженій въ оба пути по Китайской восточной дорогѣ.

Почти на каждой сколько-нибудь продолжительной остановкѣ, неизмѣнно, послѣ принятія почетнаго караула отъ пограничной стражи или отъ желѣзнодорожной бригады, меня просили поздороваться со стоявшею въ сторонкѣ китайскою воинскою командою, иногда довольно многочисленною, иногда сравнительно небольшого состава. Разговоръ съ офицерами всегда происходилъ черезъ переводчика и почти всегда, спрашивая о численности войсковой части, я неизмѣнно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ — «число моей части измѣняется по мѣрѣ надобности».

Когда же мы потомъ садились въ вагонъ, то мои спутники, совершенно стереотипно говорили мнѣ: «какъ жаль, что нельзя разспросить что значитъ эта фраза, потому что очевидно — ни одинъ изъ китайскихъ офицеровъ не сможетъ сказать правды, а она заключается въ томъ, что онъ и самъ не знаетъ сколько у него людей, потому что сегодня они его подчиненные, а завтра ушли въ хунхузы и грабятъ мирное населеніе» и противъ этого ничего сказать нельзя, такъ какъ средства на содержаніе людей офицеры получали крайне неисправно, и часто они должны были содержать своихъ людей кто какъ умѣетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, на одномъ перегонѣ, когда мой вагонъ былъ прицѣпленъ къ проходившему поѣзду, я видѣлъ какъ на одномъ разъѣздѣ поѣздъ остановился, и въ одинъ изъ заднихъ вагоновъ вошла группа китайскихъ солдатъ, сопровождавшая такую же группу такихъ же солдатъ въ формѣ, но безъ оружія. Оказалось что это были ихъ же товарищи, ушедшіе въ хунхузы и согласившіеся вернуться въ часть при условіи безнаказанности.

Наша пограничная стража, охранявшая дорогу, постоянно наблюдала это явленіе, ставшее хроническимъ почти во всѣхъ китайскихъ отрядахъ, расположенныхъ недалеко отъ полосы отчужденія китайской восточной дороги, находившейся въ нашемъ вѣдѣніи. Съ нашею стражею эти воинскія части жили очень мирно, никогда не проявляли своей грабительской дѣятельности среди русскаго населенія и даже крайне рѣдко нападали и на китайцевъ въ полосѣ отчужденія, но за ея предѣлами безчинствовали совершенно безнаказанно. Оба китайскіе генералъ-губернатора не разъ говорили мнѣ при нашихъ многократныхъ бесѣдахъ, что имъ крайне непріятно постоянное увеличеніе китайскаго населенія въ нашей желѣзнодорожной полосѣ и слишкомъ быстрый ростъ населенія въ нашихъ поселеніяхъ, съ уходомъ цѣлыхъ десятковъ семей, почти ежедневно, изъ китайскихъ

деревень. Мы неизмѣнно, вмѣстѣ съ Ген. Хорватомъ, отвѣчали имъ, что дорога не только не принимаетъ никакихъ мѣръ къ привлеченію китайцевъ въ свои поселенія, но даже была бы рада меньшему ихъ наплыву, потому что они только увеличиваютъ наплывъ безработныхъ и не особенно пріятны администраціи ихъ конкурренціею русскому труду, осѣдающему на полосѣ дороги, но не имѣемъ возможности искусственно препятствовать ихъ наплыву, потому что они чувствуютъ себя въ большей безопасности у насъ, нежели за предѣлами нашей полосы, хотя бы отъ бродячихъ воинскихъ китайскихъ частей. Они не могли мнѣ ничего сказать на это и сами не отвергали, что ихъ положеніе чрезвычайно осложнено плохою организаціею воинскихъ частей во всей Манчжуріи.

Моя поѣздка въ Манчжурію и въ особенности посѣщеніе Владивостока и Хабаровска имѣла, всего черезъ полгода, оригинальный эпилогъ.

Весь обратный мой путь отъ станціи Манчжурія и до Москвы я посвятилъ составленію подробнаго отчета о всемъ, что я видѣлъ, что слышалъ и къ какимъ результатамъ я пришелъ. Я диктовалъ отчетъ Е. Д. Львову, онъ быстро переписывалъ его, передавалъ написанное мнѣ и, по исправленіи, части отчета тутъ же перепечатывались на пишущей машинкѣ.

Къ возвращенію моему въ Петербургъ весь отчетъ былъ совершенно готовъ и осталось только напечатать его какъ для представленія его Государю, такъ и для испрошенія Его разрѣшенія передать его всѣмъ Министрамъ за исключеніемъ части, касающейся обзора мною Владивостока, которую я предполагалъ представить только Государю, Предсѣдателю Совѣта Министровъ Столыпину и Военному Министру.

Отчетъ Государю я представилъ при первомъ моемъ докладѣ, еще въ половинѣ ноября. Послѣ самаго подробнаго разспроса обо всемъ, что я видѣлъ и, въ особенности, объ обстоятельствахъ убійства Князя Ито, Государь сказалъ мнѣ, что Онъ получилъ отъ Извольскаго первое извѣщеніе объ убійствѣ въ поѣздѣ, при проѣздѣ по южной Германіи, и былъ чрезвычайно встревоженъ этимъ событіемъ, невольно припоминая всѣ зловѣщія телеграммы, которыми такъ недавно засыпалъ Его Генералъ Унтербергеръ. Его успокаивала только увѣренность въ томъ, что мною будетъ сдѣлано все, чтобы отвести нашу отвѣтственность въ этомъ событіи и смягчить его послѣдствія, конечно крайне обидныя для Японіи.

Онъ горячо благодарилъ меня за принятыя мѣры и за вы-

ясненіе всей обстановки черезъ представителей японской печати, и Онъ съ особенною радостью получилъ уже послѣ, черезъ Извольскаго, рядъ подтвержденій, что въ японскомъ правительствѣ, какъ и въ общественномъ мнѣніи не осталось и слѣда какого-либо неудовольствія на насъ. Японскій посолъ баронъ Мотоно былъ у него даже въ особой аудіенціи, для того, чтобы выразить признательность его правительства за всѣ мои дѣйствія и завѣрить насъ въ томъ, что на нашей администраціи не лежитъ ни малѣйшей отвѣтственности за то, что произошло.

По отношенію же къ представленному мною отчету, Государь вернулъ мнѣ этотъ отчетъ съ цѣлымъ рядомъ самыхъ лестныхъ для меня отмѣтокъ, а на отчетѣ по Владивостоку написалъ, что Онъ преподастъ свои указанія Военному Министру, сердечно благодаритъ меня за всестороннее освѣщеніе истиннаго положенія вещей и увѣренъ въ томъ, что не услышитъ болѣе несправедливыхъ обвиненій Министра Финансовъ въ не-ассигнованіи достаточныхъ кредитовъ, когда и отпущенные остаются годами безъ употребленія».

Совѣтъ Министровъ заслушалъ мой отчетъ и всѣ резолюціи Государя; всѣ Министры отозвались крайне сочувственно ко всѣмъ моимъ заключеніямъ, присутствовавшій же въ засѣданіи Военный Министръ не обмолвился ни однимъ словомъ, и началась снова будничная жизнь, и завертѣлось обычное колесо, но только болѣе ускореннымъ темпомъ, такъ какъ Дума и Государственный Совѣтъ начали уже свою работу.

Вскорѣ пришлось, однако, встрѣтиться, въ связи съ моею поѣздкою на Востокъ, съ новымъ инцидентомъ, вызваннымъ Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ.

Весною слѣдующаго года, 1910-го, безъ всякаго сообщенія о томъ въ Совѣтѣ Министровъ, я узналъ изъ газетъ, что Военный Министръ выѣхалъ, по Высочайшему повелѣнію, на Дальній Востокъ.

Прошло всего не болѣе трехъ недѣль, какъ онъ вернулся, сталъ какъ ни въ чемъ не бывало посѣщать засѣданія Совѣта и ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что онъ тамъ дѣлалъ.

Только какъ-то разъ послѣ очередныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ П. А. Столыпинъ спросилъ меня, получилъ ли я его отчетъ, который онъ только что доставилъ ему. Я отвѣтилъ ему отрицательно, потому что не только не получилъ этого отчета, который однако многіе Министры, по ихъ словамъ, уже успѣли получить и прочитать, но высказалъ даже предположеніе, что вѣроятно его и не получу. Такъ оно и случилось. Я дѣйствительно не полу-

чилъ этого отчета отъ самого Военнаго Министра и ознакомился съ нимъ только по экземпляру, переданному мнѣ Столыпинымъ для прочтенія.

Отчетъ этотъ нигдѣ не обсуждался, печать его не узнала или замолчала, Государь не сказалъ мнѣ ни одного слова ни на одномъ изъ моихъ докладовъ этого времени, и только Столыпинъ однажды открыто сказалъ при многихъ Министрахъ, что онъ и не воображалъ, что что-либо подобное могло быть написано и даже доложено Государю. И было, на самомъ дѣлѣ, чему удивляться.

Весь отчетъ представлялъ собою сплошную критику на выводы и представленныя мною данныя 6 мѣсяцевъ тому назадъ.

Все, что я находилъ хорошимъ, было осмѣяно и составило предметъ глумленія. Заамурскій округъ пограничной стражи названъ оловянными солдатиками для забавы «Господина Шефа Пограничной Стражи, Министра Финансовъ», не представляющимъ ни малѣйшаго боевого значенія и не имѣющимъ самой элементарной подготовки.

Желѣзнодорожная бригада существуетъ только для игры въ эксплуатацію желѣзной дороги и не можетъ сравниться съ самыми плохими желѣзнодорожными баталіонами Военнаго вѣдомства и такъ далѣе, все въ томъ же духѣ. А между тѣмъ Начальникъ дороги донесъ мнѣ по телеграфу, что какъ при проѣздѣ Военнаго Министра во Владивостокъ, такъ и при обратномъ его возвращеніи домой онъ встрѣтилъ Генерала Сухомлинова на пограничныхъ станціяхъ Китайской Восточной дороги и просилъ его остановиться на дорогѣ и осмотрѣть ея сооруженія, а Начальникъ Округа Генералъ Чичаговъ, знавшій близко Военнаго Министра, усиленно настаивалъ на томъ, чтобы онъ удостоилъ Округъ и Бригаду своимъ вниманіемъ. Оба они получили рѣшительный отказъ, со ссылкою, что его время такъ ограничено, что онъ не можетъ даже остановиться хотя бы на одинъ день, и Генералъ Сухомлиновъ на самомъ дѣлѣ не выходилъ изъ своего вагона, никого ни о чемъ не разспрашивалъ и только согласился принять почетный караулъ на Харбинскомъ вокзалѣ и принялъ отъ дороги завтракъ на вокзалѣ же во время 40 минутной остановки поѣзда и все только восторгался грандіозностью дороги, удивительнымъ состояніемъ полотна ея и «такими сооруженіями, которыхъ не сыщешь нигдѣ въ Россіи».

Въ такомъ же духѣ упомянулъ отчетъ о моемъ посѣщеніи Хабаровска для «совершенно непонятнаго осмотра судовъ Амурской флотиліи, какъ будто эта флотилія тоже перешла въ вѣдѣ-

ніе Министра Финансовъ», хотя его самого сопровождалъ туда тотъ же Генералъ-Губернаторъ Унтербергеръ, который лучше всѣхъ зналъ, почему посѣтилъ я Хабаровскъ.

По поводу Владивостока я нашелъ въ отчетѣ только одну фразу: «слѣдуя примѣру г. Министра Финансовъ, я представляю Вашему Императорскому Величеству особый письменный докладъ, во избѣжаніе того, чтобы важныя государственныя тайны не были разглашены въ ущербъ нашей государственной оборонѣ».

Казалось, самая элементарная послѣдовательность должна была побудить Военнаго Министра сообщить мнѣ отвѣтъ его на то, что я доложилъ Государю полгода тому назадъ, въ особенности, если я доложилъ пристрастно и неосновательно.

Но всего интереснѣе было то, что почти половина всего отчета была посвящена полемикѣ со мною по поводу моего вывода о слабости Китая и силѣ и опасности для насъ Японіи. Тутъ ужъ перо Генерала Сухомлинова разошлось безъ всякаго ограниченія, и заключенія его были настолько нелѣпы и дѣтски, что Извольскій спросилъ однажды Столыпина, будетъ ли слушаться отчетъ Военнаго Министра въ Совѣтѣ Министровъ, какъ слушался отчетъ Министра Финансовъ, потому что онъ не можетъ оставить безъ разбора его заключеній по политической части нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ, настолько они противорѣчатъ тому, что онъ постоянно докладываетъ Государю и что положено въ основу всей нашей политикѣ, освѣщенной полнымъ одобреніемъ Государя.

Я просто не хочу пересказывать здѣсь всего, что наговорилъ Генералъ Сухомлиновъ, очевидно задавшись одной цѣлью — назвать бѣлымъ то, что я назвалъ чернымъ, не справляясь съ впечатлѣніемъ, которое неизбѣжно получалось отъ его полемическаго задора. Мнѣ не хочется давать и повода думать, что я свожу какіе-то расчеты за прошлое, когда это прошлое, на самомъ дѣлѣ, было и — былью поросло.

При этомъ разговорѣ Сухомлиновъ не присутствовалъ, его замѣнялъ Генералъ Поливановъ, который обѣщалъ узнать, какъ смотритъ Военный Министръ на свой отчетъ по поѣздкѣ, и обѣщалъ дать отвѣтъ его Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Черезъ нѣсколько дней П. А. Столыпинъ получилъ письмо самого Сухомлинова съ сообщеніемъ, что его отчетъ имѣетъ строго конфиденціальный характеръ и, по указаніямъ Его Величества, разсмотрѣнію Совѣта Министровъ не подлежитъ, тѣмъ болѣе, что всѣ вытекающія изъ него распоряженія уже сдѣланы по указаніямъ Государя Военнымъ вѣдомствомъ.

На этомъ все дѣло и покончилось и за все время послѣдующихъ лѣтъ, до самаго моего ухода изъ активной работы, я болѣе объ этомъ отчетѣ ничего не слышалъ и никакихъ инцидентовъ, связанныхъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ открытой формѣ, не произошло.

ГЛАВА V.

Бюджетная работа и пренія въ Думѣ по государственной росписи на 1910 г. — Сухомлиновскій проектъ упраздненія крѣпостей Привислянскаго края. — Поѣздка Столыпина въ Сибирь. — Попытка Столыпина и Кривошеина изъять Крестьянскій Банкъ изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ и вызванный этой попыткой конфликтъ со мною. — Мои аргументы противъ изъятія и докладъ Государю по этому вопросу. — Моя поѣздка во Францію. — Инцидентъ съ бумагами, гарантировавшими счетъ Лазаря Полякова въ Государственномъ Банкѣ.

Возвращеніе мое изъ поѣздки на Дальній Востокъ совпало, какъ я уже упомянулъ, съ самымъ разгаромъ бюджетной работы Государственной Думы, и мнѣ пришлось буквально безъ всякой передышки окунуться въ эту работу. Государь не уѣзжалъ въ этомъ году въ Крымъ.

Бюджетная работа въ Думѣ протекала въ этомъ году въ тѣхъ же исключительно благопріятныхъ условіяхъ, какъ и за два предшествующіе года.

Бюджетъ былъ составленъ и подписанъ мною еще до моего выѣзда. Впервые, за все время существованія Думы, съ 1907 года, государственная роспись была сбалансирована безъ обращенія къ займамъ для покрытія даже чрезвычайныхъ расходовъ. Прекрасный урожай 1909 года отразился самымъ благопріятнымъ образомъ на всемъ поступленіи доходовъ, и нажимъ на Министерство Финансовъ всѣхъ вѣдомствъ подъ вліяніемъ этого благополучія далъ возможность значительно шире исчислить всѣ расходы. Тонъ моей объяснительной записки къ росписи носилъ поэтому на самомъ дѣлѣ очень бодрый характеръ и повліялъ на самую встрѣчу со мною бюджетной комиссіи Думы, какъ только я появился въ первомъ, по моемъ пріѣздѣ, засѣданіи ея. Помогло и то, что въ предѣлахъ общаго разговора о томъ, что я ви-

дѣлъ и слышалъ и съ какимъ общимъ заключеніемъ вернулся я изъ поѣздки, я имѣлъ возможность разсѣять впечатлѣнія представителей Амурской и Приморской области, которые только повторяли прежнія опасенія Генералъ-Губернатора Унтербергера, но не смогли опровергнуть моего заявленія о томъ, что теперь его мнѣніе о грозящей намъ опасности совершенно измѣнилось.

До моего возвращенія Дума не успѣла разсмотрѣть еще ни одной смѣты, и съ 15-го ноября и до половины февраля, за вычетомъ очень короткаго перерыва для Рождественскихъ каникулъ, я опять почти не выходилъ изъ Думы, участвуя во всѣхъ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи. Общія собранія были въ это время очень рѣдки.

Эти два мѣсяца совмѣстной работы носили на этотъ разъ какой-то исключительный характеръ. Какъ будто не было никакой оппозиціи. Запросы и замѣчанія, обращаемые ко мнѣ, носили самый мирный и даже лично ко мнѣ предупредительный тонъ, несмотря на то, что ни Шингаревъ, ни болѣе крайніе его друзья слѣва не скупились на многочисленные запросы. Обычной придирчивости не было и въ самой формулировкѣ вопросовъ.

Результатомъ такого настроенія было то, что въ половинѣ февраля 1910 года бюджетная комиссія внесла въ Общее Собраніе полный сводъ разсмотрѣнной ею росписи со всѣми исправленіями въ доходахъ и расходахъ, и 12-го февраля Дума приступила къ общимъ преніямъ, занявшимъ три дня, и уже послѣ 16-го прямо перешла къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ смѣтъ или такъ называемыхъ №№ по своду росписи.

Начало общихъ преній предвѣщало такое же «именинное» отношеніе, по выраженію одного изъ остряковъ Думы, депутата отъ Симбирской губерніи Мотовилова, какъ и то, которое царило въ Комиссіи.

Я говорилъ тотчасъ послѣ Предсѣдателя Комиссіи Алексѣенко, не пустившаго по моему адресу опять ни одной шпильки, и говорилъ совершенно объективно и спокойно.

Столыпинъ и большинство Министровъ присутствовало во время моей рѣчи и опять привѣтствовали меня въ павильонѣ самымъ дружескимъ образомъ. Не было недостатка въ очень большихъ проявленіяхъ симпатій и со стороны членовъ Думы, въ большомъ количествѣ заходившихъ въ нашу среду послѣ моей рѣчи. Не было недостатка также и въ громкихъ апплодисментахъ и во время самой рѣчи. Но не успѣлъ я сойти съ трибуны, какъ мое мѣсто занялъ и на этотъ разъ мой обычный оппонентъ Шингаревъ, а за нимъ и другіе мои друзья изъ оппозиціи, и потекли

тѣ же рѣчи, которыя раздавались и въ два предыдущіе года и которыхъ никто не слышалъ ни отъ нихъ, ни отъ кого-либо изъ представителей оппозиціи вообще во время всѣхъ преній въ бюджетной комиссіи.

Удивляться этому не приходилось, но невольно поднимался вопросъ — зачѣмъ же молчали они раньше, къ чему скрѣпляли своею подписью вполнѣ корректные протоколы засѣданій комиссіи, не оставивши въ нихъ ни малѣйшаго слѣда своего неудовольствія.

Опять и опять пришлось молчаливо сидѣть часами и выслушивать то, чему многіе сами не вѣрили и, конечно, въ душѣ своей сознавали, что поступаютъ неправильно и дѣлаютъ это только для того, чтобы «насолить» правительству, получить одобрительные отзывы своей же печати и наговорить лично Министру то, что не имѣло подъ собою никакой правды.

Два дня прошли въ такомъ времяпрепровожденіи. Но когда эти нападки дошли уже до апогея, молчать болѣе не было никакой возможности, несмотря на то, что и оппоненты, какъ и я, отлично понимали, что изъ ихъ рѣчей не выйдетъ ровно ничего, и роспись, которую они такъ критикуютъ, будетъ одобрена ими же, да и сами они прекрасно сознаютъ, что она составлена безукоризненно, что наши финансы находятся въ отличномъ состояніи, и что весь финансовый распорядокъ не даетъ имъ ни малѣйшаго права на то несправедливое и даже обидное отношеніе, которое ими опять проявлено.

16-го февраля я выступилъ съ моими вторичными объясненіями и не оставилъ ни одного существеннаго вопроса, изъ числа выдвинутыхъ моими противниками, безъ отвѣта.

Я имѣлъ, по общему признанію, большой успѣхъ. Часто моя рѣчь прерывалась бурными аплодисментами и, независимо отъ того, что судьба росписи была давно рѣшена, я имѣю право и сейчасъ сказать, что поле сраженія и на этотъ разъ осталось за мною, въ смыслѣ моральной правоты.

По поводу разсмотрѣнія въ этомъ году отдѣльныхъ смѣтъ Министерства Финансовъ не стоитъ много говорить. Въ немъ произошло, безъ всякихъ измѣненій, все то же, что происходило и по смѣтамъ на 1908 и 1909 годъ; но въ преніяхъ Думы по Крестьянскому Банку, пріуроченныхъ, какъ всегда, въ смѣтѣ Особенной Канцеляріи по Кредитной части, мнѣ приходится остановиться потому, что онѣ послужили преддверіемъ къ одному обстоятельству, о которомъ мнѣ придется говорить въ моемъ послѣдующемъ изложеніи.

Въ засѣданіи бюджетной комиссіи по указанной смѣтѣ Крестьянскій Банкъ занялъ довольно много мѣста. Обычные спеціалисты по дѣятельности Банка — Шингаревъ, Кутлеръ и наиболѣе рѣзко настроенный противъ Банка, какъ и въ прежніе годы, ковенскій депутатъ Булатъ — задали мнѣ, разумѣется, и на этотъ разъ длинный рядъ вопросовъ, въ особенности, относительно повышенныхъ цѣнъ, по которымъ покупаетъ Банкъ земли у помѣщиковъ и продаетъ ихъ крестьянамъ, вовлекая ихъ, такъ сказать, въ невыгодную сдѣлку, потому что они должны платить за землю цѣну, искусственно повышенную въ пользу продавцовъ-помѣщиковъ.

Предсѣдатель бюджетной комиссіи Алексѣенко замѣтилъ имъ даже, что возбуждаемые ими вопросы не новы и повторяются ежегодно, но всегда разъясняются Министромъ Финансовъ самымъ убѣдительнымъ образомъ и поэтому можно было бы на нихъ не останавливаться слишкомъ долго на этотъ разъ, такъ какъ едва ли дѣятельность Крестьянскаго Банка могла измѣниться существеннымъ образомъ при томъ же руководствѣ.

Мои оппоненты были вообще очень благодушны, задали мнѣ рядъ вопросовъ въ совершенно приличной формѣ, получили на нихъ подробныя разъясненія, и протоколъ засѣданія зарегистрировалъ эти вопросы и отвѣты и никакихъ заключеній, неблагопріятныхъ для Банка, вынесено не было.

Но въ преніяхъ по той же смѣтѣ и по тому же предмету въ Общемъ Собраніи Думы произошло нѣчто совершенно иное.

Кутлеръ и Булатъ, поддержанные также бывшимъ акцизнымъ чиновникомъ Дзюбинскимъ, депутатомъ отъ Енисейской губерніи, — выступили съ самыми рѣзкими сужденіями о дѣятельности Крестьянскаго Банка и перенесли весь вопросъ о его политикѣ снова на трибуну, а черезъ нее и на страницы оппозиціонной печати.

Мнѣ пришлось принять брошенную перчатку еще и еще разъ, и пренія, вмѣсто обычно вялыхъ репликъ по отдѣльнымъ номерамъ росписи, приняли снова приподнятый тонъ и заняли немало времени у Думы и задали немалое напряженіе и моимъ нервамъ, хотя они успѣли уже достаточно притупиться.

Незамѣтно подошла весна и передъ началомъ лѣтняго ваканта, который въ сущности заключался для меня только въ томъ, что не было законодательныхъ палатъ и была возможность работать болѣе спокойно надъ текущими дѣлами и углубиться въ нѣкоторыя изъ нихъ больше, нежели дозволяло время зимою.

Въ числѣ этихъ дѣлъ меня сталъ озабочивать больше, чѣмъ прежде, тотъ же Крестьянскій Банкъ и не потому, что дѣла въ немъ шли плохо, но именно потому, что они шли очень хорошо, и на него стало все больше и больше устремляться вниманіе Министерства Земледѣлія и отчасти самого Столыпина и притомъ въ какой-то странной, не договоренной, формѣ, что указывало на то, что замышляется нѣчто еще неясное по существу. Съ Кривошеинымъ у меня были наружно прекрасныя отношенія. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, оказывалъ всякаго рода вниманіе моей женѣ и никогда не возбуждалъ никакихъ принципіальныхъ вопросовъ, всегда выражая мнѣ благодарность за то, что у насъ не происходитъ никакихъ несогласій ни въ разрѣшеніи вопросовъ о покупкѣ Банкомъ отдѣльныхъ имѣній, предлагаемыхъ къ продажѣ, ни въ опредѣленіи покупной цѣны, — несмотря на то, что въ Совѣтѣ Банка представители Кривошеина всегда стояли за повышеніе цѣны, а чины Банка скорѣе сдерживали эти цѣны, въ виду постоянной тенденціи Думы обвинять насъ въ чрезмѣрной уступчивости помѣщикамъ и въ недостаточно бережливомъ отношеніи къ интересамъ крестьянъ, покупателей этихъ земель. Такъ же мало поводовъ къ какимъ бы то ни было разногласіямъ возникало въ работѣ Банка и съ выборомъ покупателей земель Банка.

Я постоянно твердилъ моимъ сотрудникамъ, что мы должны идти рука объ руку съ Министерствомъ Земледѣлія, которому принадлежитъ вся землеустроительная политика, и вся наша задача должна сводиться лишь къ тому, чтобы передавать земли крѣпкимъ крестьянскимъ элементамъ и отказываться принципіально отъ передачи земель слишкомъ многочисленнымъ сельскимъ обществамъ и многоголовымъ товариществамъ, всегда плохимъ въ смыслѣ расчетовъ съ Банкомъ.

Мнѣ тѣмъ легче было проводить эту миролюбивую политику, что Управляющій Крестьянскимъ Банкомъ Хрипуновъ лично больше тяготѣлъ къ вѣдомству Земледѣлія, нежели большинство членовъ Совѣта Банка, потому что самъ онъ вышелъ изъ нѣдръ этого вѣдомства. Я не могъ, однако, ни въ чемъ упрекать его, такъ какъ никогда не замѣчалъ съ его стороны излишней угодливости по отношенію къ Кривошеину. Она проявилась нѣсколько позже и создала мнѣ немалыя огорченія, въ особенности потому, что она была совершенно не нужна и облеклась въ неожиданную для меня форму.

Послѣ роспуска на лѣто Думы и Государственнаго Совѣта, какъ-то въ половинѣ іюня, Хрипуновъ на очередномъ своемъ докладѣ сталъ говорить мнѣ, что въ средѣ служащихъ Крестьян-

скаго Банка и, въ особенности его провинціальныхъ отдѣленій, назрѣваетъ мысль обратиться ко мнѣ съ адресомъ для того, чтобы выразить мнѣ благодарность за постоянную, столь открытую защиту ихъ работы на пользу Банка и за ту поддержку, которую они встрѣчаютъ во мнѣ, во всѣхъ моихъ выступленіяхъ передъ Государственною Думою, при отраженіи несправедливыхъ нападеній на дѣятельность Банка.

Онъ спросилъ меня какого мое личное отношеніе къ такому настроенію. Я рѣшительно просилъ его найти самый мягкій, но категорическій способъ устранить это доброе намѣреніе, давши понять и въ центрѣ и на мѣстахъ, что его проявленіе совершенно недопустимо. Мои доводы были очень просты: никто не повѣритъ искренности и независимости такого движенія, всякій скажетъ, что оно подстроено мною или моими старшими сотрудниками въ угоду мнѣ же, что я ищу популярности среди служащихъ, а найдутся и такіе голоса, которые истолкуютъ его, какъ протестъ противъ Думы, да и въ самой Думѣ произойдетъ только новое обостреніе при разсмотрѣніи перваго дѣла, связаннаго съ Крестьянскимъ Банкомъ, и вмѣсто пользы — произойдетъ только большой вредъ. Хрипуновъ, какъ несомнѣнно умный человѣкъ, быстро понялъ мою точку зрѣнія; ее раздѣлилъ цѣликомъ и присутствовавшій при докладѣ мой товарищъ Н. Н. Покровскій, и мы сошлись на томъ, что Хрипуновъ найдетъ возможнымъ потушить это движеніе и дастъ понять служащимъ, почему именно я противъ него, хотя и проникнутъ чувствомъ самой искренной къ нимъ благодарности за доброе побужденіе.

Тутъ же Хрипуновъ сталъ уговаривать меня совершить небольшую поѣздку по Востоку Россіи, чтобы заглянуть на два-три интересныя имѣнія, только что законченныя ликвидаціею на земляхъ, купленныхъ Крестьянскимъ Банкомъ. Два изъ нихъ представляли и немалый интересъ, какъ наглядное доказательство несправедливости нападокъ Думы на дѣятельность Банка. Мнѣ эта мысль очень улыбалась.

Поѣздку эту я и совершилъ на самомъ дѣлѣ въ послѣднихъ числахъ іюня вмѣстѣ съ Хрипуновымъ и вынесъ изъ нея немало поучительнаго, что дало мнѣ впослѣдствіи возможность еще болѣе рѣшительно защищать дѣятельность Крестьянскаго Банка.

Вернувшись изъ нея, я передалъ и Столыпину и Кривошеину всѣ вынесенныя мною впечатлѣнія и ни тотъ ни другой не обмолвились ни однимъ словомъ, что ими замышляется опредѣленный походъ на Крестьянскій Банкъ, въ смыслѣ передачи его изъ

рукъ Министерства Финансовъ — въ вѣдѣніе Министерства Земледѣлія. Не сказалъ мнѣ также рѣшительно ничего и Хрипуновъ, хотя онъ несомнѣнно зналъ обо всемъ, что замышлялось въ этомъ послѣднемъ вѣдомствѣ.

Впослѣдствіи Кривошеинъ удостовѣрилъ меня, что эта мысль созрѣла у Столыпина только послѣ его сибирской поѣздки, и что у него самого ея никогда не было и ему пришлось только уступить настойчивому желанію Петра Аркадіевича послѣ многихъ и многихъ бесѣдъ съ нимъ въ пути и по возвращеніи.

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ — я не могу сказать, но думаю, что вопросъ о передачѣ Крестьянскаго Банка давно зрѣлъ въ вѣдомствѣ Земледѣлія, и что оно внушило ее Столыпину и постоянно укрѣпляло его въ ней, подготовляя даже и способы поставить меня передъ совершившимся фактомъ, предвидя заранѣе, что я буду противиться этой мѣрѣ и даже могу, въ случаѣ ея осуществленія, поставить вопросъ объ оставленіи мною Министерства Финансовъ. По крайней мѣрѣ, два обстоятельства говорятъ въ пользу такого предположенія.

Во-первыхъ, внося еще въ началѣ года въ Думу свое предположеніе о преобразованіи Министерства Земледѣлія въ вѣдомство Земледѣлія и Землеустройства, Кривошеинъ, ссылаясь на Предсѣдателя Совѣта Министровъ, высказалъ въ своей объяснительной запискѣ, которой я не читалъ да и не могъ читать, что Крестьянскій Банкъ подлежитъ преобразованію «въ направленіи его дѣятельности въ сторону возможно тѣснаго слiянія его со всею политикою землеустройства».

Во-вторыхъ — лично мнѣ сказалъ Столыпинъ о своей мысли въ первый разъ только поздней осенью 1910 года и, встрѣтивши категорическое, съ моей стороны, возраженіе, сослался на то, что въ этомъ «рѣшеніи» съ нимъ солидаренъ и Кривошеинъ, и онъ почти увѣренъ въ томъ, что и Государь будетъ того же мнѣнія, — «по крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, я вынесъ это впечатлѣніе изъ двукратной съ Нимъ бесѣды на почвѣ сдѣланнаго нами обоими (т. е. имъ и Кривошеинымъ) черноваго наброска нашей мысли».

Послѣ моихъ возраженій онъ прибавилъ: «конечно, Государь считаетъ Васъ, какъ думаю и я, незамѣнимымъ, и намъ съ Александромъ Васильевичемъ придется только преклониться передъ волею Его Величества, если Онъ узнаетъ о Вашемъ такомъ рѣшительномъ несогласіи».

Очевидно изъ этихъ немногихъ словъ, что еще до поѣздки Столыпина въ Западную Сибирь мысль объ изъятіи Крестьян-

скаго Банка вполнѣ уже созрѣла у Столыпина и Кривошеина и даже прошла черезъ предварительное одобреніе Государя, но первый разговоръ со мною былъ только въ самомъ концѣ октября. Подробности этого разговора и то, что изъ него вышло, — впереди.

Во время одного изъ смѣтныхъ моихъ собраній, которыя составляли одно изъ обычныхъ моихъ занятій во время вакантa законодательныхъ палатъ, какъ-то въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля, ко мнѣ обратился по телефону Помощникъ Военнаго Министра Генералъ Поливановъ и спросилъ меня, не могу ли я принять его по весьма спѣшному дѣлу. Предполагая, что дѣло касается, какъ всегда, какого-либо спора съ Военнымъ Министерствомъ, по какой-либо статьѣ нашего военнаго хозяйства, я сказалъ, что у меня какъ разъ находятся всѣ мои главные сотрудники, и я прошу его пріѣхать немедленно. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что дѣло касается совершенно иного порядка вопроса, и я предложилъ ему пріѣхать около шести часовъ. Когда Поливановъ прибылъ ко мнѣ, то онъ просилъ меня дать ему дружескій совѣтъ, какъ ему поступить, и разсказалъ, что только сегодня утромъ онъ прочиталъ утвержденный Государемъ всеподданнѣйшій докладъ Военнаго Министра по Главному управленію Генеральнаго Штаба, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, такъ какъ все дѣло держалось въ величайшемъ секретѣ отъ него и стало ему извѣстнымъ только благодаря нескромности одного изъ второстепенныхъ дѣятелей.

Въ разработкѣ этого дѣла Поливановъ, по его словамъ, никогда не участвовалъ и не допускалъ даже и мысли, чтобы такой вопросъ могъ быть поднятъ въ данную минуту и тѣмъ болѣе проведенъ безъ широкаго обсужденія его въ нѣдрахъ Министерства и даже безъ вѣдома, по крайней мѣрѣ, Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Иностранныхъ Дѣлъ, если уже не всего правительства, въ лицѣ Совѣта Министровъ.

Ему стало извѣстно сейчасъ, что рѣшено и повелѣно приступить къ исполненію, въ самомъ спѣшномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ величайшей тайны, — упраздненія четырехъ крѣпостей въ Привислянскомъ краѣ. Онъ назвалъ мнѣ изъ нихъ три: Варшаву, Новогеоргіевскъ и Ивангородъ. Несомнѣнно упомянута была и четвертая, но, вѣроятно, я просто ее запамятовалъ; думаю, что это былъ Згержъ.

Основаніемъ такой мѣры, по словамъ Поливанова, былъ принятый новый мобилизаціонный планъ, извѣстный подъ № 18, по которому въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Германіей

предусматривается въ первый моментъ отходъ нашей арміи къ Востоку, приближенія ея къ центрамъ и районамъ комплектованія запасными чинами и уже затѣмъ движеніе впередъ усиленными массами мобилизованныхъ и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ войскъ.

Не касаясь того, что при существующемъ положеніи вещей такой планъ просто неосуществимъ, и что самъ Поливановъ считаетъ его, какъ и многіе изъ лучшихъ знатоковъ нашего военнаго дѣла, просто безуміемъ, онъ обращаетъ мое вниманіе только на то, что приказъ о передвиженіи отдѣльныхъ воинскихъ частей отданъ и началось даже ихъ выступленіе, а между тѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ куда имъ назначено прибыть, не приготовлено ни казармъ для людей, ни хранилищъ для запасовъ и артиллеріи. Объ этомъ скоро все станетъ общеизвѣстнымъ фактомъ, а между тѣмъ правительство ничего не знаетъ, и никто даже не предварилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы оно оказало помощь въ такомъ исключительномъ дѣлѣ. Поэтому Поливановъ проситъ меня только сказать ему, какъ ему лучше поступить: ограничиться ли тѣмъ, что онъ передалъ объ этомъ мнѣ и проситъ меня принять уже дальше тѣ мѣры, которыя я сочту нужнымъ, или же я посовѣтую ему доложить непосредственно Предсѣдателю Совѣта Министровъ, рискуя даже тѣмъ, что ему придется, можетъ быть, покинуть свой постъ въ Военномъ Министерствѣ.

Я посовѣтовалъ ему избрать второй путь и тутъ же, съ его разрѣшенія, позвонилъ къ Столыпину и просилъ его разрѣшить Генералу Поливанову, находящемуся у меня въ Министерствѣ, немедленно прибыть къ нему по спѣшному дѣлу. Разрѣшеніе было дано, и онъ немедленно уѣхалъ отъ меня.

Не прошло и часа времени, какъ Столыпинъ позвонилъ ко мнѣ и попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ, сказавши, что онъ просто ошеломленъ тѣмъ, что только что узналъ.

Вечеромъ я пришелъ въ Елагинскій дворецъ и нашелъ Столыпина въ величайшемъ волненіи. Онъ сказалъ мнѣ, что просто не знаетъ, какъ ему лучше поступить: ѣхать ли немедленно къ Государю или обождать два дня до его очередного доклада и попытаться отговорить Государя отъ принятаго рѣшенія, а до того повидать Сухомлинова и склонить его на то, чтобы онъ не торопился передвиженіемъ воинскихъ частей, еще не выступившихъ въ путь?

Я высказывалъ ему, что лучше избрать второй путь, и просилъ только найти способъ, не обнаруживать въ этомъ случаѣ Поливанова, а сослаться хотя бы на то, что онъ получилъ донесеніе

одного изъ губернаторовъ, сообщившаго ему о возникающихъ затрудненіяхъ въ спѣшномъ пріисканіи и приготовленіи помѣщеній для войскъ. Я привелъ ему также аргументъ, все время волновавшій меня, а именно — неизвѣстность того, принята ли такая мѣра съ вѣдома нашего союзника Франціи или она явится сюрпризомъ для нея, какъ стала для насъ.

Столыпинъ особенно отмѣтилъ эту мысль и обѣщалъ держать меня въ курсѣ того, что ему удастся сдѣлать.

Черезъ день мы снова свидѣлись съ нимъ, послѣ того, что онъ имѣлъ возможность переговорить съ Сухомлиновымъ, и онъ сказалъ мнѣ только: «этотъ человѣкъ совершенно невмѣняемъ. Представьте себѣ, что онъ объяснилъ мнѣ, что никакого упраздненія крѣпостей сейчасъ и не предполагается, какъ не предполагается и вывода войскъ на Востокъ, а проектирована чисто теоретическая мѣра о томъ, какъ мы поступимъ, когда у насъ будетъ разработанъ мобилизаціонный планъ № 18, что, можетъ быть, послѣдуетъ черезъ 5—6—7 лѣтъ, а теперь все остается по старому, только будетъ выведено на Востокъ нѣсколько артиллерійскихъ бригадъ, которыя формируются вновь и не имѣютъ себѣ помѣщенія на Западѣ». Онъ прибавилъ, что говорить съ нимъ безнадежно, такъ какъ онъ, видимо, и самъ ничего не знаетъ, а только подписываетъ то, что ему подсовываютъ. Остается единственная надежда на то, что, можетъ быть, Государь задержитъ его безсмысленныя бредни или пойметъ, что безъ соглашенія съ союзникомъ мы не имѣемъ права перепутывать нашихъ картъ.

Два дня спустя Столыпинъ опять позвалъ меня къ себѣ и передалъ мнѣ, что и Государь смотритъ на утвержденный имъ докладъ, какъ на мѣру отдаленнаго будущаго, завѣрилъ его, что никакого разоруженія крѣпостей Онъ не допуститъ и прямо заявилъ уже будто бы Сухомлинову, что всѣ мѣры по осуществленію этого плана должны быть заранѣе доведены до свѣдѣнія Французскаго Генеральнаго Штаба и всѣ сношенія съ послѣднимъ должны идти при самомъ близкомъ участіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Предсѣдателя Совѣта.

На этомъ и окончился этотъ вопросъ въ его формальномъ положеніи. Ни со Столыпинымъ, ни потомъ со мною никто не сказалъ ни одного слова. Не обмолвился со мною и въ 1913 году Генералъ Жоффръ, въ бытность его въ Петербургѣ.

На самомъ же дѣлѣ разоруженіе крѣпостей производилось и въ 1911 и въ 1912 году, но никакихъ свѣдѣній объ этомъ до меня офиціально не доходило, и затѣмъ мнѣ стало извѣстно лишь уже въ 1914 году, что столь же спѣшно началось возстановленіе ихъ,

когда мы, безъ всякаго плана № 18, не только не оттянули нашихъ войскъ изъ Привислянскаго выступа, а сами, идя на выручку нашего союзника, повели наступленіе въ западномъ направленіи въ Восточную Пруссію, оттянули на себя часть Германскихъ корпусовъ съ французскаго фронта, спасли положеніе Франціи, но затѣмъ закончили наше наступленіе въ августѣ 1914 г. разгромомъ арміи Самсонова при Сольдау.

А когда въ 1915 году шли кровавые бои за Варшавою, на Бзурѣ и всѣ мы лихорадочно ждали перемѣнчивыхъ вѣстей о нихъ, не разъ на умъ приходило воспоминаніе о томъ, какую роль сыграло въ этомъ отношеніи то, что произошло у насъ въ 1910 году.

Судить объ этомъ теперь я не имѣю никакой возможности, потому что въ моемъ распоряженіи ни тогда, ни впослѣдствіи не было никакихъ свѣдѣній — ихъ не признавалось нужнымъ сообщать правительству, а тѣмъ болѣе Министру Финансовъ.

Столыпинъ уѣхалъ въ концѣ августа въ Западную Сибирь, согласившись со мною, незадолго до отъѣзда, по главнымъ разногласіямъ моего вѣдомства съ его сотрудниками, по всѣмъ смѣтнымъ расчетамъ.

Вернулся онъ изъ поѣздки въ прекрасномъ настроеніи въ половинѣ сентября. Еще до перваго засѣданія Совѣта Министровъ, онъ попросилъ меня зайти къ нему, чтобы подѣлиться впечатлѣніями, и долго разсказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ, не разъ повторяя, какимъ ключемъ бьетъ въ Сибири жизнь, какъ богатѣетъ край и какъ перерождается тамъ все, что переселяется съ коренной русской земельной тѣсноты, какое для него будетъ счастье доложить объ этихъ незабываемыхъ впечатлѣніяхъ Государю и сказать Ему, что еще 10 лѣтъ мира и дружной работы правительства, и Россія будетъ неузнаваема.

Но уже и теперь ясно всякому, если только онъ не слѣпой отъ рожденія, какъ быстро справилась страна съ послѣдствіями войны и революціи и какими гигантскими шагами идетъ она впередъ.

«Какъ отрадно это должно быть Вамъ, сказалъ онъ, кто былъ главнымъ работникомъ этого подъема и такого превращенія за какія-нибудь шесть лѣтъ, и какъ смѣшно мнѣ слышать, когда критикуютъ Васъ и обвиняютъ въ скупости и отстаиваніи однихъ казначейскихъ интересовъ. Я теперь болѣе никого не слушаю, и мнѣ самому бываетъ стыдно предъявлять къ Вамъ все новыя и новыя требованія, когда я вижу на каждомъ шагу, какъ быстро растутъ у насъ расходы по всѣмъ вѣдомствамъ, и какою

щедрою рукою даетъ казна средства на все, дѣйствительно необходимое».

И опять же и тутъ Столыпинъ не сказалъ мнѣ ни одного слова про Крестьянскій Банкъ и про необходимость оторвать его отъ Министерства Финансовъ.

Молчалъ и Кривошеинъ, какъ ничего не говорилъ мнѣ и Хрипуновъ, хотя я разспрашивалъ его не разъ, что говорили ему спутники Столыпина и Кривошеина относительно видѣнныхъ ими хуторовъ поселенныхъ на земляхъ Крестьянскаго Банка. Отвѣтъ его былъ только—ничего, кромѣ самаго лестнаго, да вѣчнаго припѣва о необходимости вдохнуть въ политику Банка больше землеустроительнаго увлеченія, потому что безъ него, все дѣло пойдетъ неизбѣжно слишкомъ медленно и рутинно.

Прошло еще недѣли три. Смѣтная работа была окончена, роспись опять сведена въ очень хорошемъ положеніи, и объяснительная къ ней записка представлена мною для свѣдѣнія Совѣту Министровъ.

Въ первыхъ числахъ октября, при одномъ изъ посѣщеній Столыпина, онъ замѣтилъ, что я имѣю очень усталый видъ и спросилъ, не думаю ли я отдохнуть хоть нѣсколько дней передъ началомъ новой страдной поры и прибавилъ: «всѣ удивляются какъ Васъ хватаетъ на такую работу, но злоупотреблять выносливостью все же не слѣдуетъ».

У меня еще съ лѣта была мысль проѣхать въ Парижъ, чтобы запастись платьемъ на зиму, и я даже усиленно звалъ съ нами мою старшую сестру, которая всегда была особенно близка моей женѣ, проѣхать съ нами на короткое время, а если удастся, даже и не задерживаться въ Парижѣ болѣе того, что нужно для заказа платья, и съѣздить на южный берегъ, гдѣ ни жена, ни она еще не бывали.

Столыпинъ горячо поддержалъ меня и сказалъ объ этомъ Государю, который при слѣдующемъ моемъ докладѣ, прежде чѣмъ я спросилъ Его разрѣшенія, прямо сказалъ мнѣ въ шутливомъ тонѣ: «Я командирую Васъ въ Парижъ къ Вашему портному и прошу Васъ не отговариваться недосугомъ, потому что черезъ мѣсяцъ опять начнется Ваша ужасная думская работа. Какъ только Вы ее выдерживаете!»

Черезъ три дня мы втроемъ съ женою и моей сестрою въ самомъ благодушномъ настроеніи выѣхали заграницу.

При прощаніи со мною Столыпинъ опять не обмолвился ни однимъ словомъ о томъ, что замышлялось противъ меня, а Кривошеинъ пріѣхалъ даже на вокзалъ проводить меня.

Въ Берлинѣ мы узнали, что во Франціи разразилась желѣзнодорожная забастовка и поѣзда съ Востока доходятъ только до Льежа.

Какимъ путемъ можно было добраться оттуда до Парижа, мнѣ было совершенно неизвѣстно, и мы поѣхали дальше изъ Берлина просто наугадъ, вмѣсто того, чтобы задержаться въ Берлинѣ, какъ намъ совѣтовали сдѣлать это тѣ, кто пришелъ встрѣтить насъ на Фридрихштрассе. Я послалъ только телеграмму въ Парижъ (телеграфъ функціонировалъ исправно) находившемуся тамъ Утину съ просьбой помочь, если только это возможно, добраться отъ Льежа, а изъ Банка Мендельсона послали о томъ же депешу находившемуся въ Парижѣ моему пріятелю, представителю этого дома — Фишелю.

Въ 7 час. утра подъѣхали мы къ Льежу и не успѣлъ остановиться поѣздъ, какъ насъ встрѣтилъ Фишель, ночью добравшійся для встрѣчи насъ на автомобилѣ изъ Парижа, и передалъ, что насъ проситъ къ себѣ Директоръ завода Кокериль, который приготовилъ намъ автомобилъ и доставитъ насъ до Парижа безъ всякихъ приключеній, потому что шоссейныя дороги въ полномъ порядкѣ, и даже нашъ поѣздъ пойдетъ до границы, но будетъ ли онъ имѣть возможность продвигаться дальше по Франціи — этого сказать никто не можетъ, хотя забастовка протекаетъ мирно и никакихъ нападеній на поѣзда не дѣлается, но рисковать не слѣдуетъ, потому что есть опасенія, что просто могутъ высадить изъ поѣзда среди поля.

Послѣ обильнаго утренняго чая, мы выѣхали въ 10 час. утра изъ Льежа и совершенно благополучно, незадержанные нигдѣ въ пути, добрались къ 9 часамъ вечера до Парижа, гдѣ нашли приготовленнымъ для насъ въ гостиницѣ Лондонъ, на улицѣ Кастильоне, то же самое помѣщеніе, которое мы занимали въ 1906 году.

Бѣдный Фишель, выѣхавшій слѣдомъ за нами, отсталъ отъ насъ въ Седанѣ, проплуталъ всю ночь, имѣлъ нѣсколько остановокъ изъ-за поломки автомобиля и только рано утромъ слѣдующаго дня добрался до Парижа.

Мы пробыли въ Парижѣ всего одну недѣлю, въ теченіе которой я имѣлъ возможность побывать въ очень любопытномъ засѣданіи палаты депутатовъ, собранной до срока, чтобы дать объясненіе по поводу желѣзнодорожной забастовки и принятыхъ мѣръ къ ея прекращенію.

Объясненія давалъ Предсѣдатель Совѣта Бріанъ, но душою борьбы и тѣмъ, кому принадлежала мысль, впервые примѣненная

въ данномъ случаѣ, для срыва забастовки, былъ Министръ труда Мильеранъ, впослѣдствіи Президентъ Республики, съ которымъ произошло всѣмъ извѣстное столкновеніе палаты въ 1924 году.

Бріанъ лично давалъ объясненія. Лѣвые встрѣтили его криками, стучаньемъ пюпитровъ и не давали ему говорить. Съ величайшимъ спокойствіемъ выдержалъ онъ всѣ крики, начиная по нѣскольку разъ одну и ту же фразу, и кончилъ тѣмъ, что заставилъ себя слушать, имѣлъ огромный успѣхъ и получилъ довѣріе, вопреки бѣшеныхъ аттакъ лѣваго сектора. Казалось, что Министерство укрѣпилось и испытанный имъ первый опытъ мобилизаціи всѣхъ военно-обязанныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, съ призывомъ ихъ на службу по закону военнаго времени и съ преданіемъ ихъ военному суду въ случаѣ неявки, получилъ одобреніе палаты. Но пути парламентской логики поистинѣ неисповѣдимы. Два дня спустя, по дорогѣ въ Монте-Карло, я прочиталъ въ газетахъ, что Министерство Бріана преобразовано. Изъ него выбылъ Мильеранъ, которому принадлежала вся организація борьбы противъ забастовки, а весь кабинетъ, кромѣ него одного, остался у власти.

Мы ѣхали на автомобилѣ отъ Ліона до Монте-Карло два дня и пріѣхали на мѣсто поздно вечеромъ. Было совсѣмъ темно, и мы съ величайшимъ трудомъ спустились благополучно съ верхней корнишь къ гостиницѣ, и какъ не слетѣли мы съ узкой дороги на одномъ изъ крутыхъ виражей, мнѣ совершенно непонятно.

Утромъ я пошелъ смотрѣть дорогу, по которой мы спустились, и не могъ достаточно надивиться тому, какъ мы могли добраться безъ приключенія. Когда мы вошли въ гостиницу Парижъ, то встрѣтившая насъ администрація не хотѣла вѣрить, что мы ночью рискнули спуститься съ верхней дороги — тамъ и днемъ не принято было ѣздить тогда.

Въ Монте-Карло, гдѣ мы думали спокойно просидѣть не болѣе пяти дней, меня ждала немалая непріятность изъ Министерства, а затѣмъ я едва не сломалъ себѣ тамъ ногу и вмѣсто развлеченія и отдыха получилъ только жестокую боль въ ногѣ, съ которой и вернулся домой черезъ Берлинъ.

Едва мы успѣли водвориться въ отведенныхъ намъ трехъ прекрасныхъ смежныхъ комнатахъ, какъ мнѣ подали длинную шифрованную телеграмму за подписью моего товарища С. Ф. Вебера. Ключъ отъ шифра у меня былъ съ собою, я зналъ способъ расшифровки его, но большимъ искусствомъ по этой части

не обладалъ. Большая часть ночи ушла у меня на разборъ телеграммы, и когда я воспроизвелъ, уже въ четвертомъ часу утра точный и полный текстъ ея, то мнѣ пришлось испытать немалое чувство возмущенія.

Оказалось, что въ первомъ засѣданіи Совѣта Министровъ, тотчасъ послѣ моего отъѣзда, П. А. Столыпинъ послѣ открытія засѣданія обратился къ Веберу съ вопросомъ — чѣмъ объясняется то, что до сихъ поръ остаются непроданными Государственнымъ Банкомъ бумаги Лазаря Полякова, и что онъ и его Торговый Домъ продолжаетъ до сихъ поръ пользоваться такими льготами, которыя возмущаютъ всю Москву, и никто не понимаетъ почему такому неисправному должнику были оказаны огромные кредиты и, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ явной неисправности, съ нимъ все еще церемонятся и не продаютъ тѣхъ ничтожныхъ залоговъ, на счетъ которыхъ Государственный Банкъ все же можетъ выручить часть ссуженныхъ Полякову суммъ.

Веберъ совершенно не зналъ Поляковскаго дѣла въ Государственномъ Банкѣ, такъ какъ онъ вообще не вѣдалъ дѣлами кредита въ Министерствѣ, и отвѣтилъ поэтому Столыпину, что онъ совершенно не въ курсѣ этого дѣла и проситъ отложить рѣшеніе этого дѣла до моего возвращенія или, по крайней мѣрѣ, до собранія имъ свѣдѣній въ Государстсвенномъ Банкѣ.

Столыпинъ, противъ всякаго своего обыкновенія, почему-то сразу вспылилъ и въ очень рѣзкой формѣ отвѣтилъ Веберу, что онъ не считаетъ возможнымъ откладывать дѣла, ставшаго «притчей во языцѣхъ», до моего возвращенія и настаиваетъ на немедленной продажѣ бумагъ.

Министръ Торговли Тимашевъ, за годъ передъ тѣмъ бывшій Управляющимъ Государственнымъ Банкомъ и прекрасно знавшій все Поляковское дѣло, началъ было разъяснять его, но Столыпинъ остановилъ его и продолжалъ настаивать на продажѣ бумагъ во что бы то ни стало, и никто изъ Министровъ, видя его непонятное раздраженіе не сталъ противорѣчить ему, и Веберу не оставалось ничего иного, какъ-либо подчиниться этому настоянію, либо сдѣлать разногласіе и довести дѣло до представленія на усмотрѣніе Государя. Мягкій по натурѣ и понимая хорошо, что его голосъ не будетъ имѣть никакого вѣса въ глазахъ Государя, — онъ сталъ уговаривать Столыпина послать мнѣ подробную телеграмму и просить меня дать мой отвѣтъ непосредственно ему по телеграфу же, на что потребуется всего два дня, и тогда будетъ достигнуто, по крайней мѣрѣ, то, что я получу возможность дать свое заключеніе, а онъ, Веберъ, не приметъ участія въ

такомъ рѣшеніи, которое, можетъ быть, окажется не согласнымъ съ взглядомъ его Министра.

Любопытно и то, что и такая невинная и вполнѣ законная просьба не была принята Столыпинымъ сразу, а вызвала рядъ колкихъ замѣчаній, совершенно не привычныхъ для Столыпина. Любопытно и то, что такой опытный человѣкъ, какъ Государственный Контролеръ Харитоновъ, съ которымъ Столыпинъ всегда считался, молчалъ какъ рыба и не проронилъ ни одного слова. Меня меньше удивляетъ проявленная уклончивость со стороны Тимашева, хотя онъ отлично зналъ почему не продаются бумаги Полякова, но онъ вообще не считалъ для себя удобнымъ противорѣчить Столыпину по чужому дѣлу, такъ какъ сразу замѣтилъ, что тутъ имѣется какая-то особенная подкладка, при которой лучше предоставить другимъ расхлебывать непріятное дѣло.

Къ 8-ми часамъ утра у меня былъ готовъ отвѣтъ, составленный также шифромъ на имя Вебера съ просьбою предоставить его лично Столыпину, тотчасъ послѣ его расшифрованія.

Я сказалъ въ немъ, что крайне удивленъ тѣмъ оборотомъ, которое приняло Поляковское дѣло въ Совѣтѣ Министровъ, очевидно по причинѣ, дошедшихъ до Предсѣдателя невѣрныхъ свѣдѣній, придавшихъ всему этому дѣлу ложное освѣщеніе. Если Предсѣдатель Совѣта пожелалъ бы, не дожидаясь меня, принять какое-либо рѣшеніе, принадлежащее въ сущности не власти Совѣта, а только Министру Финансовъ, потому что по дѣламъ Государственнаго Банка всѣ рѣшенія принадлежатъ только ему, то я прошу прежде всего вызвать Управляющаго Банкомъ и поручить ему доложить, почему не продаются бумаги Полякова. Съ своей же стороны, я долженъ сказать только, что никакихъ бумагъ Полякова больше не существуетъ, а есть бумаги, принадлежащія Государственному Банку, давно зачислившему эти бумаги въ свой портфель по состоявшемуся съ Поляковымъ соглашенію при самомъ открытіи кредита. Банкъ обязанъ продавать свои бумаги тогда, когда это ему выгодно, и не продавать, когда цѣна на нихъ слишкомъ низка или когда биржа идетъ рѣзко на повышеніе. Слѣдовательно, если Предсѣдатель Совѣта потребуетъ продать бумаги почему либо сейчасъ, то, помимо неправильности такого распоряженія какъ непринадлежащего ему, онъ причинитъ ущербъ и интересамъ Государственнаго Банка, чего онъ, несомнѣнно, не желаетъ.

Я прибавилъ, что до моего выѣзда, всего на двѣ-три недѣли, я далъ опредѣленныя указанія Коншину не ниже какой цѣны

можно продавать эти бумаги и вижу сейчасъ, что онѣ далеко не дошли до этой цѣны, хотя со времени моего выѣзда онѣ поднялись болѣе, чѣмъ на 20% и дали выгоды Банку почти полмиллiона противъ той цѣны, въ которой я ихъ оставилъ при моемъ отъѣздѣ. Я закончилъ тѣмъ, что возвращаюсь раньше намѣченнаго мною срока, вслѣдствiе сильнаго ушиба ноги, и усердно прошу П. А. оказать мнѣ больше довѣрiя нежели случайнымъ сужденiямъ, часто основаннымъ на маломъ знанiи дѣла.

Самому Столыпину я послалъ короткую открытую депешу, сказавши въ ней только, что я получилъ подробную депешу отъ Вебера и по ея содержанiю отвѣтилъ ему шифрованною же телеграммою, которую поручилъ ему, по разборкѣ шифра, лично привезти ему, а его усердно прошу оказать мнѣ то довѣрiе, котораго я ничѣмъ не желалъ нарушить.

Когда черезъ недѣлю или даже меньше я вернулся въ Петербургъ, то Веберъ, встрѣтивъ меня на вокзалѣ, сказалъ мнѣ, что моя телеграмма, видимо, имѣла успѣхъ, потому что Коншина Предсѣдатель Совѣта Министровъ не вызывалъ, принялъ его, Вебера, совершенно спокойно и даже сказалъ ему, что всего лучше дождаться моего возвращенiя, такъ какъ онъ не зналъ, что бумаги принадлежатъ вовсе не Полякову и послѣднiй совсѣмъ не заинтересованъ тѣмъ, за какую цѣну онѣ будутъ проданы.

Въ день моего прiѣзда я поѣхалъ къ Столыпину и думалъ, что по дѣлу Полякова у насъ произойдетъ крупный разговоръ, но его совсѣмъ не было. Столыпинъ просто сказалъ, что онъ ошибся въ оцѣнкѣ этого дѣла и ему просто дали совершенно невѣрныя свѣдѣнiя, и онъ очень сожалѣетъ о томъ, что причинилъ мнѣ ненужное безпокойство. На всѣ мои настоянiя сказать кто далъ ему эти свѣдѣнiя и почему онъ отнесся такъ необычайно рѣзко къ данному вопросу, онъ сказалъ мнѣ только: «не стоитъ больше объ этомъ говорить, я достаточно проученъ и буду впередъ болѣе остороженъ, не довѣряя разнымъ глашатаямъ сенсацiонныхъ извѣстiй, хотя бы онѣ исходили отъ людей, повидимому, хорошо освѣдомленныхъ». Я такъ и не узналъ, какъ не знаю и до сихъ поръ, откуда произошелъ весь этотъ громъ, хотя предполагаю, что источникомъ послужило Новое Время или кто либо изъ нацiоналистовъ, а можетъ быть тотъ же Марковъ 2-ой, который учинилъ по тому же поводу мнѣ скандалъ въ маѣ 1913 года.

И въ это наше первое свиданiе послѣ моего возвращенiя Столыпинъ опять не сказалъ мнѣ ни одного слова по Крестьянскому Банку.

Наша первая и рѣшительная бесѣда произошла черезъ недѣлю послѣ засѣданія Совѣта Министровъ, когда Столыпинъ попросилъ меня остаться у него.

Совершенно спокойно по внѣшности, но видимо заранѣе подготовившись къ разговору, онъ началъ съ того, что никогда не считаетъ себя незамѣнимымъ и считаетъ наоборотъ таковымъ меня и, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ переговорить со мною совершенно по дружески, потому что успѣлъ прійти къ убѣжденію, что между нами долженъ возникнуть конфликтъ, и онъ очень опасается, что ему не удастся убѣдить меня отказаться отъ моего взгляда, какъ и самъ онъ долго и безуспѣшно провѣрялъ себя, можетъ ли онъ отказаться отъ того, что ему кажется государственно необходимымъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Послѣ такого вступленія онъ прямо перешелъ къ дѣлу и сказалъ, что вмѣстѣ съ Кривошеинымъ онъ рѣшилъ поднять вопросъ о передачѣ Крестьянскаго Банка въ вѣдомство Земледѣлія и даже говорилъ объ этомъ Государю, потому что считалъ своею обязанностью предупредить Его, что я вѣроятно буду противъ этой мѣры и даже могу поставить вопросъ ребромъ и покинуть службу, если такая мѣра будетъ проведена противъ моего желанія.

Онъ проситъ меня поэтому сказать ему совершенно спокойно, какъ я смотрю на эту мысль и нельзя ли найти почву для соглашенія между нами. Я исполнилъ его желаніе и безъ всякаго волненія сказалъ Столыпину, что до меня стали уже съ нѣкотораго времени, доходить хотя и въ весьма смутной формѣ намеки на то, что подобная мѣра затѣвается въ вѣдомствѣ Земледѣлія, и мнѣ совершенно ясно, что послѣднее не могло остановиться на ней безъ поддержки и даже безъ инициативы его, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Я давно уже обдумалъ мое отношеніе къ вопросу, и онъ, Столыпинъ, совершенно правъ, что я не принадлежу къ разряду людей, которые идутъ на компромиссы въ дѣлахъ, имѣющихъ для меня принципіальное значеніе. Сложившееся у меня мнѣніе совершено просто и ясно, я не только понимаю необходимость, но и фактически провожу въ жизнь самое тѣсное техническое сближеніе съ вѣдомствомъ Земледѣлія во всей дѣятельности Крестьянскаго Банка. У насъ нѣтъ никакихъ разногласій, и я проникнутъ полною готовностью идти и еще дальше по пути согласованности работы, если только это фактически возможно. А между тѣмъ что же происходитъ?

Со мною никто не говоритъ, а рядомъ со мною созрѣла мысль, которая, въ самомъ существѣ, затрагиваетъ самый корен-

ной и принципіальный вопросъ о единствѣ кредита въ государствѣ, и рѣшаютъ его люди, никогда кредитомъ не занимавшіеся и даже не дающіе себѣ отчета въ томъ, что какова бы ни была ширюта землеустроительной политики, она не можетъ быть проведена безъ реализаціи капитала въ видѣ обязательствъ Крестьянскаго Банка, и эту жизненную часть всего дѣла, зависящую отъ состоянія денежнаго рынка, хотятъ рѣшить безъ Министра Финансовъ и даже не спрашиваютъ его согласія на такую коренную ломку, а докладываютъ Государю и заручаются Его сочувствіемъ, не разъяснивши Ему всей неосуществимости такого замысла безъ самыхъ крупныхъ осложненій.

Разъяснивъ всѣ стороны этой вредной затѣи и всю неисполнимость ея безъ Министра Финансовъ, я сказалъ Столыпину, что какъ онъ, такъ и Кривошеинъ жестоко ошибаются, если думаютъ, что все дѣло въ настойчивости или упрямствѣ Министра Финансовъ. Оно далеко выше этого, и все заблужденіе ихъ сводится къ тому, что не я, а никакой Министръ Финансовъ, если только онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ дѣлѣ, не можетъ согласиться на то, что кто-то другой будетъ управлять кредитнымъ учрежденіемъ, а на немъ останется обязанность, какъ и сейчасъ, размѣщать закладные листы Банка и предоставлять Земельному Банку наличныя средства вырученныя за нихъ. Такой задачи не можетъ исполнить никакой Министръ Финансовъ, а если отъ него уйдетъ и операція по реализаціи этихъ облигацій, то кто же будетъ ее осуществлять? Всякій Министръ Земледѣлія либо станетъ требовать помѣщенія ихъ въ сберегательныя кассы, на что не согласится Министръ Финансовъ, либо въ конецъ испортитъ денежный рынокъ и государственный кредитъ, противъ чего не можетъ не возставать тотъ же Министръ Финансовъ, и, слѣдовательно, создастся только безконечная цѣпь недоразумѣній и пререканій, въ которыхъ страдательнымъ лицомъ окажется тотъ же Министръ, вѣдающій дѣлами кредита. Отсюда только одинъ выводъ — согласиться на такую мѣру добровольно, а тѣмъ болѣе приложить къ ней руку, можетъ только такой Министръ Финансовъ, который цѣпляется за свое мѣсто, а такимъ Министромъ я никогда не былъ, да и не могу быть.

Мы долго обмѣнивались нашими взглядами на ту же тему, и Столыпинъ не разъ говорилъ мнѣ, что этой стороны дѣла онъ совершенно не имѣлъ въ виду, когда остановился на необходимости коренного преобразованія Крестьянскаго Банка, и никакъ не можетъ усвоить себѣ, почему все дѣло можетъ получить вредное направленіе отъ того только, что управленіе Банкомъ пе-

рейдетъ въ другія руки при единомъ правительствѣ и почему не можетъ Министръ Финансовъ сохранить за собою все дѣло размѣщенія обязательствъ Банка и просто передавать своему сосѣду по Совѣту Министровъ всю выручку отъ размѣщенія закладныхъ листовъ, какая бы цѣна за нихъ ни была получена.

Мнѣ оставалось только спросить его, а если этихъ листовъ совсѣмъ нельзя размѣстить, потому что никто за нихъ ничего не дастъ или они будутъ постоянно понижаться въ цѣнѣ — то кто же будетъ нести за это отвѣтственность? И какъ можетъ именно Министръ Финансовъ, отвѣчающій за весь государственный кредитъ, равнодушно смотрѣть, что *обязательства государства* обезцѣниваются и тащатъ за собою и всѣ другія государственныя цѣнности, а въ то же время Министръ Земледѣлія обвиняетъ его, что онъ плохо размѣщаетъ его заемъ, за который все же отвѣчаетъ и притомъ въ полной мѣрѣ государство?

Я указалъ также на то, что и частные земельные банки, за которые государство не несетъ никакой матерьяльной отвѣтственности, все же состоятъ въ вѣдѣніи Министра Финансовъ и на послѣднемъ лежитъ даже прямая обязанность слѣдить за всею ихъ дѣятельностью, и за ними установленъ прямой контроль правительства въ лицѣ уполномоченныхъ того же Министерства именно потому, что нельзя оставить на полную волю этихъ банковъ выпускъ какого угодно количества закладныхъ листовъ, безъ всякой увѣренности въ томъ, что ихъ оцѣночное дѣло ведется правильно, и подъ выпущенными листами имѣется дѣйствительное ипотечное обезпеченіе.

Я указалъ и на тотъ отрадный фактъ, что мнѣ удалось въ послѣднее время выпустить закладные листы Крестьянскаго Банка на иностранный рынокъ, чего до сихъ поръ не было.

Но всѣ эти и многіе другіе аргументы, разъясняющіе ту же азбуку эмиссіоннаго дѣла и его связь со всѣмъ кредитомъ государства, видимо, не убѣждали Столыпина, и онъ оставался все на своемъ: ему не понятна вся эта «хитрая механика», и онъ видитъ и чувствуетъ только одно, что оставить дѣло въ его нынѣшнемъ положеніи нельзя, и кто-нибудь изъ двухъ несогласныхъ между собою долженъ уступить, — либо онъ, вмѣстѣ съ Кривошеинымъ, либо я. Поэтому нужно, чтобы насъ разсудилъ Государь, и чтобы каждая изъ спорящихъ между собою сторонъ заранѣе согласилась подчиниться Его рѣшенію, а если окажется, что оно вышло неудачно, то вѣдь возможно возвратиться къ старому порядку вещей.

Противъ такого направленія дѣла я сталъ рѣшительно про-

тестовать, сказавши Столыпину, что нельзя ставить Государя суперарбитромъ такого дѣла, и въ особенности недопустимо производить эксперименты именно надъ дѣломъ государственнаго кредита, который только что начинаетъ крѣпнуть, и его нужно не расшатывать, а оберегать въ интересахъ того же земледѣлія и землеустройства, какъ и всякой другой отрасли государственнаго управленія. Ошибки въ этомъ вопросѣ залечиваются десятилѣтіями, а совершаются въ одно мгновеніе необдуманно принятаго рѣшенія.

Я предложилъ принять другой способъ разрѣшить выяснившееся уже между нами коренное разногласіе, которое, какъ я вижу, уже доведено до свѣдѣнія Государя. А именно предоставить мнѣ передать Государю точно все, что я только-что сказалъ и притомъ въ еще болѣе популярной формѣ и, въ томъ случаѣ, если у Государя уже сложилось окончательное мнѣніе, предоставить Ему полную свободу дѣйствій, согласно принятаго Имъ рѣшенія, но не смотрѣть на состоявшееся разногласіе какъ на вопросъ моего недопустимаго упрямства и не налагать на меня отвѣтственности за дальнѣйшую судьбу дѣла въ томъ направленіи, которое грозитъ одними отрицательными послѣдствіями. Государь не можетъ не понять, что мною руководятъ только самыя понятныя побужденія, и Онъ, несомнѣнно, не захочетъ налагать на меня обязанности, которую я не могу выполнить. Въ такомъ случаѣ весь ходъ дѣла могъ бы быть значительно упрощенъ. Столыпинъ получилъ бы отъ Государя полномочіе поручить Кривошеину разработку проекта о передачи Крестьянскаго Банка въ вѣдомство Землеустройства, на указанныхъ ему основаніяхъ.

При разсмотрѣніи дѣла въ Совѣтѣ Министровъ я ограничусь только заявленіемъ о моемъ принципіальномъ несогласіи, не стану приводить моихъ доводовъ и ограничусь лишь тѣмъ, что полученныя Высочайшія указанія ясно указываютъ на безцѣльность возраженій противъ одобреннаго Государемъ взгляда Предсѣдателя Совѣта и Министра Земледѣлія и устраняютъ самую возможность отстаивать мою точку зрѣнія. Защита всего проекта въ Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ будетъ принята на себя Столыпинымъ или Кривошеинымъ, а когда проектъ будетъ окончательно принятъ палатами и удостоится Высочайшаго утвержденія, Государь приметъ мою отставку и замѣнитъ меня лицомъ, не раздѣляющимъ моихъ взглядовъ.

Столыпинъ пытался было уговорить меня еще и еще подумать прежде, чѣмъ ставить Государя въ такое тяжелое положеніе, но дѣлалъ это какъ-то, что называется, для очистки совѣсти,

потому что не разъ и самъ говорилъ, что онъ не имѣетъ никакого права насиловать моей совѣсти, коль скоро я вижу вредъ отъ перемѣны вещей, потому что и самъ не хочетъ насиловать своей совѣсти, раздѣляя противоположные моимъ взгляды и не отказываясь отъ нихъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что согласился со мною и просилъ меня только, тотчасъ послѣ бесѣды съ Государемъ, передать ему вынесенное мною впечатлѣніе.

Уходя отъ него, я спросилъ его какъ поступитъ онъ, если Государь не приметъ моего предложенія и предпочтетъ оставить все по старому, въ виду доводовъ о вредѣ перемѣны для государственнаго кредита?

Подумавши довольно долго, Столыпинъ отвѣтилъ мнѣ: мое положеніе иное, чѣмъ Ваше, я настаиваю на перемѣнѣ, не зная такъ какъ Вы дѣло кредита и не неся за его судьбу прямой отвѣтственности. Если Государь возьметъ назадъ свое категорическое обѣщаніе по изложеннымъ Вами основаніямъ, я не имѣю моральнаго права ставить личный вопросъ на карту, и тогда мнѣ придется, по необходимости, согласиться на меньшее — постараться устранить внутреннія тренія между Крестьянскимъ Банкомъ и Землеустройствомъ, на что Вы, вѣроятно, охотно пойдете, тѣмъ болѣе, что по существу, я не знаю даже велики ли теперь эти нелады, какъ мнѣ о томъ говорятъ, часто не подкрѣпляя такого заключенія дѣйствительными доказательствами.

На этомъ мы разстались, внѣшне совершенно дружелюбно.

Докладъ мой Государю произошелъ ранѣе, нежели я предполагалъ; видимо либо Столыпинъ, либо Кривошеинъ предварили Его о моемъ свиданіи со Столыпинымъ.

Къ ближайшему докладу Государю у меня накопилось много дѣлъ, въ связи съ развитіемъ чумы на линіи Китайской желѣзной дороги. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ Государя, и Онъ интересовался всѣми его подробностями, и мнѣ приходилось какъ разъ на этомъ моемъ докладѣ, тотчасъ послѣ разговора со Столыпинымъ, представить Ему цѣлый рядъ принятыхъ мѣръ и немало весьма успокоительныхъ свѣдѣній. Я совсѣмъ не предполагалъ затрагивать на этотъ разъ вопроса о Крестьянскомъ Банкѣ и думалъ отложить его до болѣе подходящей минуты, тѣмъ болѣе, что соглашеніе мое съ П. А. отнимало всякую спѣшность отъ его разрѣшенія.

Госудрь отдалъ много вниманія всѣмъ доложеннымъ мною вопросамъ, времени ушло не мало и оставалось еще въ пріемной нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ пріема. Въ 12 часовъ я собирался уже встать, какъ Государь удержалъ меня сказавши,

что у Него есть одинъ вопросъ, о которомъ Онъ давно хотѣлъ говорить со мною, но все мѣшали Ему разныя другія, болѣе спѣшныя, дѣла.

Безъ всякихъ оговорокъ, въ самой простой и даже узкодѣловой формѣ Онъ сказалъ мнѣ, что уже довольно давно, какъ Столыпинъ, такъ и Кривошеинъ неоднократно докладывали Ему о созрѣвшемъ у нихъ мнѣніи о необходимости передать Крестьянскій Поземельный Банкъ въ вѣдомство Землеустройства, которое не можетъ развить своей дѣятельности безъ этого условія.

Настоянія обоихъ Министровъ особенно усилились со времени возвращенія П. А. изъ его поѣздки въ Западную Сибирь, во время которой онъ получилъ, по его словамъ, глубокое убѣжденіе въ необходимости этой мѣры, такъ какъ всѣ мѣстные дѣятели единогласно свидѣтельствовали ему о цѣломъ рядѣ затрудненій, которыя тормозятъ всю работу и не потому, что Банкъ не идетъ навстрѣчу нуждамъ землеустройства, а потому, что это учрежденіе *чужого* вѣдомства, для которато землеустроительное дѣло не свое дѣло, и оно просто не въ состояніи отрѣшиться отъ узко-финансовой стороны и слишкомъ ревниво охраняетъ ее. Всѣ представленные ими доводы настолько убѣдили Государя, что Онъ далъ положительное обѣщаніе, что Онъ готовъ встать на ихъ точку зрѣнія, но очень дорожитъ тѣмъ, чтобы я услышалъ это непосредственно отъ Него, будучи увѣренъ въ томъ, что я, какъ всегда, отнесусь къ такому рѣшенію съ точки зрѣнія государственной пользы и помогу довести это дѣло до благополучнато конца.

Государь кончилъ свое обращеніе ко мнѣ словами:

«Если Вы не можете отвѣтить Мнѣ сейчасъ, то Я прошу Васъ не стѣсняться, отложимте его до слѣдующаго Вашего доклада, да къ тому же сегодня у насъ мало времени». Онъ прибавилъ, что Ему очень непріятно, что я узналъ о Его рѣшеніи отъ Столыпина, который «напрасно поторопился» сказать мнѣ. Я сказалъ Государю, что я могъ бы дать мой отвѣтъ сейчасъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ разговоръ по этому поводу съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ всего три дня тому назадъ и обдумалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ, но опасаюсь, что у самого Государя нѣтъ достаточнаго времени, чтобы дать мнѣ возможность сказать все, что Ему необходимо знать, и потому я прошу разрѣшить мнѣ взять на мой слѣдующій докладъ лишь самое необходимое и посвятить все время разъясненію возбужденнаго Самимъ Государемъ вопроса.

Онъ охотно согласился на это и прибавилъ, что знаетъ уже

отъ П. А. о моей съ нимъ бесѣдѣ и чрезвычайно встревоженъ тѣмъ, что слышалъ отъ него, хотя и отдаетъ мнѣ впередъ справедливость въ томъ, что я смотрю на дѣло какъ честный человѣкъ и если я считаю, что эта мѣра вредная, то я не только имѣю право, но даже обязанъ сказать это своему Государю, и Онъ со своей стороны никогда не осудитъ меня за это, какъ не сочтетъ Себя въ правѣ требовать отъ меня, чтобы я сдѣлалъ то, что считаю вреднымъ и за что не долженъ нести и отвѣтственности.

Затѣмъ, подумавши нѣсколько минутъ, Государь сказалъ какъ бы нехотя: «Я отвѣтилъ П. А. на переданный имъ разговоръ его съ Вами, что при такомъ положеніи, которое Вы намѣреваетесь просить моего разрѣшенія занять, и въ чемъ Я Вамъ препятствовать не могу и не буду, едва ли этотъ вопросъ пройдетъ гладко, въ особенности въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ есть много людей, которые поймутъ, что безъ Министра Финансовъ едва ли можно обойтись въ такомъ дѣлѣ».

Прямо съ моего всеподданѣйшаго доклада я проѣхалъ къ Столыпину, не заѣзжая домой, и передалъ ему дословно мою бесѣду съ Государемъ.

Кривошеинъ ко мнѣ все это время не заѣзжалъ и никакихъ разговоровъ со мною не велъ ни во время двукратныхъ нашихъ встрѣчъ до слѣдующей пятницы въ засѣданіяхъ такъ называемаго малаго Совѣта, ни въ очередномъ засѣданіи Совѣта Министровъ во вторникъ, несмотря на то, что въ этомъ засѣданіи была рѣчь именно объ одномъ изъ законопроектовъ, стоявшихъ по Крестьянскому Банку на очереди въ Государственной Думѣ. Какъ онъ, такъ и Столыпинъ спрашивали меня, надѣюсь ли я провести это дѣло — оно было внесено мною и поступило въ Общее Собраніе Думы, при неблагопріятномъ заключеніи земельной Коммиссіи.

Мой всеподданнѣйшій докладъ слѣдующей пятницы занятъ былъ почти цѣликомъ моими объясненіями по вопросу о передачѣ Крестьянскаго Банка.

Я повторилъ все, что я говорилъ Столыпину, и, соблюдая въ отношеніи къ Государю всю возможную деликатность, старался развить, главнымъ образомъ, три положенія.

1. Полное отсутствіе какихъ-либо дѣйствительныхъ основаній говорить о треніяхъ между вѣдомствами, когда ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ и когда я дѣлаю все мнѣ доступное, чтобы оказывать всякую помощь землеустроительной политикѣ Столыпина, которую я искренно раздѣляю.

2. Совершенную невозможность, не подвергая величайшему

разстройству все, съ такимъ трудомъ налаживаемое положеніе государственнаго кредита, отдѣлить эмисіонную операцію по выпуску государственныхъ долговыхъ обязательствъ, какими являются закладные листы Крестьянскаго Поземельнаго банка, и притомъ на огромныя суммы, — отъ близкаго надзора и руководства Министра Финансовъ.

3. Особенную щекотливость для меня возникшаго предположенія, въ возбужденіи котораго я не принялъ никакого участія, а докладъ по нему, какъ и состоявшееся, повидимому, рѣшеніе Государя послѣдовало при полной для меня неизвѣстности. Мнѣ остается поэтому только — или подчиниться такому неправильному рѣшенію и быть безсильнымъ свидѣтелемъ вредныхъ отъ него послѣдствій для государственнаго кредита, забота о которомъ останется все же на мнѣ, или принять рѣшеніе, глубоко для меня тягостное, которое можетъ встрѣтить осужденіе Его, Государя, — просить освободить меня отъ исполняемыхъ мною обязанностей и передать ихъ человѣку, который сумѣетъ сдѣлать то, что мнѣ кажется неисполнимымъ. Это послѣднее положеніе я развилъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ и старался всѣми способами смягчить невыгодное для меня впечатлѣніе у Государя, потому что я былъ далекъ отъ всякаго желанія насиловать Его волю и заставлять Его отказываться отъ обѣщанія, даннаго имъ по одностороннему докладу.

Государь слушалъ меня, не прерывая ни разу и не высказавъ ни малѣйшаго неудовольствія, а тѣмъ болѣе какой бы то ни было раздражительности.

Его отвѣтъ мнѣ звучалъ тѣмъ же спокойствіемъ, съ которымъ Онъ обсуждалъ самые простые вопросы моего управленія, и на протяженіи почти цѣлаго часа очень напряженной бесѣды я не замѣтилъ и тѣни неудовольствія на меня, а тѣмъ болѣе попытки повліять на то, чтобы я примирился съ создавшимся положеніемъ и сохранилъ мои обязанности противъ моей совѣсти и только во имя доставленія Ему личнаго удовольствія. При Его выдержкѣ и даже умѣніи скрывать Свое истинное настроеніе, мнѣ трудно было тогда, какъ трудно и сейчасъ, сказать по совѣсти: была ли у Него какая-то смутная еще тогда мысль, что дѣло можетъ получить иное разрѣшеніе, потому что окончательная его развязка, при сдѣланномъ мною Столыпину предложеніи, наступала еще не скоро, — или же Онъ относился безъ большой тревоги къ мысли о моемъ уходѣ. Трудно объ этомъ говорить съ какою бы то ни было увѣренностью.

Началъ свой отвѣтъ мнѣ Государь съ того, что сказалъ, что

Онъ отчасти самъ виноватъ въ томъ, что этотъ вопросъ принялъ неправильное направленіе. Ему слѣдовало, съ самаго начала, какъ только Кривошеинъ и Столыпинъ заговорили съ Нимъ о Крестьянскомъ Банкѣ, сразу же устроить у Себя совѣщаніе при моемъ участіи, и тогда весь вопросъ былъ бы обсужденъ со всѣхъ сторонъ.

Вышло же то, что все дѣло велось какъ бы за моей спиной, и это Ему въ особенности непріятно, но за то нельзя винить никого, кромѣ Него самаго. Я не сказалъ ничего противъ такого заявленія, чтобы не вышло, что я же обвиняю Столыпина или Кривошеина въ нарушеніи корректности по отношенію къ Государю.

Затѣмъ Государь сказалъ также просто, что Его положительно смущаетъ все, что я сказалъ по поводу неизбѣжности вредныхъ послѣдствій отъ передачи Банка въ вѣдомство Землеустройства для положенія нашего кредита, только что начинающаго выходить изъ труднаго положенія, и это одно соображеніе кажется Ему настолько важнымъ, что Онъ спрашиваетъ себя не слѣдуетъ ли пріостановить все это предположеніе, коль скоро оно связано съ такими послѣдствіями, о которыхъ Онъ никогда и не думалъ. Его смущаетъ только какое отраженіе вызоветъ это въ Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ, придающемъ этому дѣлу, повидимому, совершенно исключительное значеніе. Такое заключеніе вынесъ, по крайней мѣрѣ, Государь изъ двукратной бесѣды съ нимъ.

Онъ сказалъ мнѣ, что не считаетъ, во всякомъ случаѣ, этого нашего разговора окончательнымъ и будетъ думать еще о томъ, не представится ли какой-либо возможности пересмотрѣть этотъ вопросъ, получившій совершенно неправильное движеніе, потому что мою точку зрѣнія Онъ не можетъ не признать совершенно правильною и даже «безупречною». «Никто не имѣетъ права», сказалъ Государь, «упрекнуть Васъ въ чемъ-либо, потому что Вы поступили такъ, какъ поступилъ бы Я самъ на Вашемъ мѣстѣ. Васъ никто не спросилъ по Вашему дѣлу, и Мнѣ былъ представленъ докладъ, о которомъ Вы даже ничего не знали, и Я обѣщалъ дать ему направленіе, по Вашему мнѣнію, соединенное съ большимъ вредомъ и для дѣла и для одного изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ государственнаго управленія, порученнаго Вашей отвѣтственности. Вы довели до Моего свѣдѣнія Вашъ взглядъ въ самой безупречной формѣ, и если это не заставитъ Меня измѣнить Моего рѣшенія, то Я не имѣю никакого права уговаривать Васъ отказаться отъ Вашего намѣренія, какъ бы

Мнѣ это ни было больно, тѣмъ болѣе, что я хорошо знаю, что Вы далеко не съ легкимъ сердцемъ остановились на такомъ рѣшеніи, потому что Вы любите Ваше дѣло и всегда честно служили ему и Мнѣ. Я не могу этого сдѣлать еще и потому, что, оставаясь на Вашемъ мѣстѣ и видя на каждомъ шагу отрицательныя послѣдствія отъ принятой мѣры для Вашего же вѣдомства, Вы дѣйствительно попали бы въ самое тяжелое положеніе, изъ котораго былъ бы только тотъ же выходъ».

Наша бесѣда закончилась тѣмъ, что Государь даже благодарилъ меня за предложенную Столыпину комбинацію вести все дѣло по вѣдомству Земледѣлія и Землеустройства и оставаться спокойно на мѣстѣ до тѣхъ поръ, когда будетъ изданъ законъ о передачѣ Крестьянскаго Банка въ другое вѣдомство. Его послѣднія слова были: «До этого пройдетъ еще много времени и Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится».

Отъ этой длинной бесѣды у меня сложилось мнѣніе, что Государь считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ, даннымъ Столыпину и Кривошеину, и, не вполнѣ разбираясь въ такомъ спеціальномъ вопросѣ, какъ недѣлимость завѣдыванія государственнымъ кредитомъ, Онъ не отступитъ отъ принятаго Имъ рѣшенія, если какія-либо внѣшнія обстоятельства, не зависящія отъ Него, не дадутъ другого направленія всему этому дѣлу.

Вопросъ о моемъ оставленіи Министерства Финансовъ становился для меня, поэтому, только вопросомъ времени, но я рѣшилъ никому не говорить объ этомъ, главнымъ образомъ потому, что я не хотѣлъ вносить тревогу въ вѣдомство и рѣшилъ держать себя совершенно въ сторонѣ отъ разработки вопроса до той поры, когда дѣло поступитъ на обсужденіе Совѣта Министровъ и когда, совершенно помимо моей воли, всплыветъ наружу мое принципіальное расхожденіе и неизбѣжность моей отставки.

Столыпину я передалъ содержаніе моего доклада Государю съ полнѣйшей точностью. Онъ былъ, на этотъ разъ, какъ-то особенно сдержанъ, благодарилъ меня за точность передачи и сказалъ только: «Вотъ побѣда, которая меня нисколько не радуетъ. Я предпочелъ бы, чтобы всего этого вопроса вовсе не было и, вмѣсто него, мы могли бы спокойно обсудить только возможность еще болѣе тѣснаго взаимнаго сближенія двухъ вѣдомствъ на практической работѣ по землеустройству, если бы это оказалось нужнымъ.

А теперь поднимется столько треній и пересудъ о Вашемъ уходѣ на почвѣ такого принципіальнаго вопроса, какъ охрана кредита, а въ перспективѣ — еще возможный провалъ вѣдомства

въ совершенно чуждой ему области размѣщенія облигацій банка на внутреннемъ рынкѣ».

На этомъ разговоръ кончился и, до самаго іюня 1911 года мы ни разу объ этомъ вопросѣ со Столыпинымъ не заводили рѣчи.

Кривошеинъ молчалъ и все время держалъ себя такъ, какъ будто бы никакого предположенія у него и не возникало.

ГЛАВА VI.

Чумная эпидемія на линіи Китайской Восточной жел. дор. Борьба съ ней. Запросъ въ Думѣ по этому вопросу. — Мои Думскія выступленія. Дурасовское дѣло. Благопріятное финансовое положеніе страны. Моя бюджетная рѣчь по росписи на 1911 годъ. — Законопроектъ о введеніи земства въ губерніяхъ Сѣверо- и Юго-Западнаго края. Особое значеніе, придаваемое этой мѣрѣ Столыпинымъ. Принятіе законопроекта Думой и отклоненіе его Государственнымъ Совѣтомъ. Ультиматумъ Столыпина: роспускъ палатъ и опубликованіе закона въ порядкѣ статьи 87. Дисциплинарныя взысканія противъ П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова. Бесѣда со мной объ этихъ событіяхъ Императрицы Маріи Феодоровны. Ударъ нанесенный ими престижу Столыпина. — Отказъ Столыпина и Кривошеина отъ проекта изъятія Крестьянскаго Банка изъ вѣдѣнія Министерства Финансовъ.

Пока происходили описанныя происшествія, немало разстроившія меня, мнѣ пришлось съ самаго конца октября отдать много времени и заботъ неожиданно разразившейся на линіи Китайской Восточной жлѣзной дороги *чумной эпидеміи*.

Осенью этого года случаи чумныхъ заболѣваній появились, правда, въ весьма небольшомъ количествѣ, въ Одессѣ и вызвали принятіе экстренныхъ мѣръ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Они были ликвидированы очень быстро. Эпидемія на Китайской дорогѣ появилась ровно годъ спустя послѣ убійства въ Харбинѣ Князя Ито: 13-го октября 1910 года въ китайскомъ поселкѣ близъ станціи Манчжурія появилось первое заболѣваніе среди катайскаго населенія и разомъ перекинулось на цѣлую группу домовъ, находившихся въ близкомъ сосѣдствѣ какъ со станціею, такъ и съ русскимъ поселеніемъ.

Серьезность и даже опасность этого положенія стала очевидною съ перваго взгляда. Черезъ нѣсколько дней послѣ регистраціи этого случая, констатированнаго мѣстнымъ врачебнымъ надзоромъ желѣзной дороги, при участіи случайно проѣзжавшаго извѣстнаго московскаго врача, начиналось передвиженіе изъ Приморской области эшелоновъ запасныхъ чиновъ, отбывшихъ сроки ихъ военной службы и возвращавшихся во внутреннія губерніи Россіи по линіи Китайской Восточной дороги, и передвиженіе изъ Россіи въ ту же Приморскую область новобранцевъ на смѣну уволенныхъ въ запасъ и такая же операція по Заамурскому округу пограничной стражи и желѣзнодорожной его бригады. Опасность занесенія чумы въ Россію изъ этого китайскаго очага стала очевидною, и задача, выпавшая на долю Управленія китайской дороги, была оцѣнена всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи по ея дѣйствительному значенію.

Дорога вышла изъ этого испытанія съ величайшею честью. Управленіе не жалѣло ни средствъ ни энергіи на борьбу съ надвинувшеюся опасностью. Мобилизованы были многочисленныя силы медицинскаго персонала, къ руководству его работою привлеченъ лучшій спеціалистъ того времени Профессоръ Заболотный. Военное вѣдомство предоставило свой санитарный и фельдшерскій персоналъ. Университеты и Военно-Медицинская Академія дали цѣлые отряды добровольно пошедшей на борьбу съ эпидеміею учащейся молодежи. И результаты этихъ усилій сказались скорѣе нежели этого можно было ожидать, несмотря на всѣ невыгодныя условія представленныя китайскимъ населеніемъ не столько въ полосѣ отчужденія желѣзной дорогѣ, состоявшей въ русскомъ управленіи, сколько за ея предѣлами, но въ ближайшемъ къ ней сосѣдствѣ. Нужно не забывать, что русской власти въ отношеніи этихъ послѣднихъ мѣстностей не принадлежало никакихъ правъ, и приходилось дѣйствовать въ нарушеніе нашей концессіи, такъ какъ китайская власть не принимала никакихъ мѣръ, хотя, надо отдать ей справедливость, и не мѣшала намъ принимать свои.

Пришлось просто сжечь цѣлый рядъ китайскихъ домовъ и уничтожить множество скарба. Сопротивленія нигдѣ оказано не было, такъ какъ дорога не скупилась на вознагражденіе потерпѣвшихъ. Всего труднѣе было организовать борьбу въ Харбинѣ. Сосѣдній съ нимъ Китайскій городъ Фудадзянъ сдѣлался настоящимъ очагомъ заразы. Въ немъ и въ самомъ Харбинѣ было сравнительно много смертныхъ случаевъ, но въ Россію чума допущена не была, всѣ запасные вернулись домой безъ единаго по-

дозрительнаго по чумѣ случая, всѣ новобранцы прибыли въ свои воинскія части совершенно благополучно, и черезъ три мѣсяца послѣ перваго заболѣванія опасность заноса чумы черезъ желѣзную дорогу въ коренную Россію миновала. Жизнь на самой дорогѣ, кромѣ главнаго центра — Харбина, вернулась въ норму.

Въ Харбинѣ борьба съ чумою была особенно трудна — не только изъ-за сосѣдства съ Фудадзяномъ, но и потому, что и въ самомъ Харбинѣ нѣкоторыя части города, какъ напримѣръ особенно торговая его часть, Пристань, представляла собою смѣшеніе прекрасныхъ построекъ совершенно европейскаго типа, съ отвратительными притонами китайскаго населенія, въ которыхъ средства обязательной гигіены были совершенно непримѣнимы, и приходилось брать на средства дороги сравнительно значительные расходы, относящіеся собственно до обязанности города, вплоть до выселенія цѣлыхъ домовъ и постройки вмѣсто нихъ наспѣхъ новыхъ помѣщеній временнаго типа и въ нихъ подвергать жильцовъ самому строгому надзору, неудобства котораго они сносили, однако, терпѣливо.

Большія трудности представляла и сама дорога. Она занимала въ своихъ мастерскихъ и на работахъ вообще большое количество китайскихъ рабочихъ, которые въ обычное время жили въ Фудадзянѣ, или на Пристани, или даже кругомъ города въ мелкихъ китайскихъ поселкахъ. Съ появленіемъ чумы нельзя было удалить ихъ съ дороги, по невозможности замѣнить ихъ въ сколько-нибудь короткій срокъ русскими рабочими изъ внутреннихъ губерній, такъ какъ сосѣднія сибирскія губерніи и области не имѣли свободныхъ рабочихъ рукъ. Оставлять этихъ рабочихъ на работахъ въ мастерскихъ и на дорогѣ и сохранять за ними общеніе съ китайскимъ же населеніемъ, въ мѣстахъ ихъ жительства было также невозможно. Пришлось, поэтому, принять экстренную мѣру — изолировать ихъ полностью отъ общенія съ китайскимъ населеніемъ и, сохранивши ихъ на работахъ дороги, размѣстить ихъ въ особыхъ баракахъ, спѣшно выстроенныхъ дорогою и регулировать распоряженіемъ дороги всю ихъ внутреннюю жизнь, вплоть до надзора за доставляемыми имъ продовольственными продуктами и полнаго разобщенія ихъ отъ всякаго сношенія съ китайскимъ населеніемъ. Справедливость заставляетъ сказать, что всѣ эти стѣсненія переносились безъ всякаго ропота и сопротивленія китайскими рабочими на дорогѣ, а назначеніе имъ нѣсколько повышенной платы, по сравненію съ ранѣе получаемою ими, создало самую мирную атмосферу среди нихъ, доходившую до того, что они установили свой внутренній

надзоръ, значительно облегчавшій задачи дороги. Благодаря всѣмъ принятымъ мѣрамъ, количество жертвъ среди русскаго населенія было совершенно ничтожно, какъ было не велико и число жертвъ среди врачебнаго персонала.

При такихъ обстоятельствахъ начался 1911 годъ, который долженъ былъ окончиться для меня въ совершенно иной обстановкѣ, нежели та, въ которой я вступилъ въ него. Я началъ годъ въ далеко нерадужномъ настроеніи.

Мысль о вѣроятномъ оставленіи мною Министерства Финансовъ, въ связи съ необходимостью хранить объ этомъ полное молчаніе, дѣлала и безъ того нелегкую вообще текущую работу еще болѣе тяжелою, а она, какъ нарочно, была особенно велика съ первыхъ дней новаго года. Еще до начала рождественскихъ вакансій въ Думѣ въ нее поступили разомъ, отъ разныхъ фракцій, три запроса по поводу появленія въ концѣ года холеры и чумы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Главный изъ нихъ былъ направленъ именно на чуму на линіи Китайской дороги, другой имѣлъ своимъ предметомъ вспышку холеры на югѣ и въ окрестностяхъ Астрахани, третій опять же вращался около той же чумы въ Манчжуріи и ставилъ вопросъ о томъ, съ какими расходами сопряжена борьба съ нею и кому предстоитъ покрыть ихъ.

Первый и главный вопросъ соединилъ немалое количество подписей и былъ розданъ, какъ и былъ сообщенъ правительству, чуть ли не въ день роспуска Думы на Рождество. Въ немъ не было недостатка въ весьма недвусмысленныхъ неблагопріятныхъ кивкахъ противъ Китайской дороги и дѣлались столь же недвусмысленные намеки на то, что Россіи и русской казнѣ приходится оберегаться отъ дѣятельности этого особливаго предпріятія. Самое содержаніе запросовъ было чисто искуственное: не то правительство обвинялось въ незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ, не то отъ него спрашивали разъясненія по дѣламъ, находящимся въ производствѣ.

П. А. Столыпинъ предложилъ возложить на меня обязанность отвѣчать отъ имени правительства, и онъ былъ по существу правъ.

Все что относилось къ холернымъ заболѣваніямъ въ самой Россіи было уже на самомъ дѣлѣ ликвидировано и никого болѣе не интересовало, совершенно независимо отъ того, что размѣры этихъ эпидемическихъ заболѣваній были весьма незначительны, а всѣ подробности о нихъ составили уже предметъ правительственныхъ сообщеній. Иное дѣло Манчжурская чума. Она была

также ликвидирована въ той ея части, которая была наиболѣе грозною для внутренней Россіи, въ смыслѣ заноса заразы съ востока, но далеко еще не была потушена въ самой Манчжуріи и могла всегда снова перекинуться на русскія области. Кромѣ того, вся борьба съ манчжурскою чумою велась офиціально подъ моимъ руководствомъ, и никто изъ прочихъ Министровъ не обладалъ всею полнотою свѣдѣній. Скажу даже, что мало кто интересовался ею. Наконецъ, кому же какъ не мнѣ приличествовало отстранить всѣ неблагопріятные намеки, которыми были пересыпаны запросы, на отчужденность управленія дѣлами Китайской восточной дороги и взять злополучныхъ «манчжурцевъ» подъ свою защиту. Особенно рѣшительно отстаивалъ это Столыпинъ, подробно высказавши въ Совѣтѣ, что, близко слѣдя за всѣмъ, что дѣлается въ смыслѣ борьбы съ эпидеміею въ Манчжуріи, онъ считаетъ своимъ долгомъ горячо благодарить все управленіе желѣзною дорогою и меня, какъ отвѣчающаго за нее, за все что сдѣлано для санитарной безопасности Россіи. Онъ прибавилъ даже, что если бы кто-нибудь сказалъ ему, что принятыя распоряженія могутъ быть столь энергичны и разумны, онъ не повѣрилъ бы и думалъ даже, что это какъ-то не по-русски, и потому онъ предлагаетъ Совѣту не только просить меня взять на себя отвѣтъ на всѣ запросы, но и уполномочить меня открыто заявить съ трибуны Государственной Думы, что правительство «считаетъ прямымъ долгомъ справедливости отмѣтить, что весь персоналъ желѣзной дороги заслуживаетъ величайшей похвалы за то, что имъ выполнено въ условіяхъ величайшей трудности, и что ему мы обязаны тѣмъ, что можемъ уже и теперь сказать, что опасность отъ заноса эпидеміи въ Россію имъ устранена». Уже 19-го января Дума возобновила свои занятія, и въ тотъ же день я далъ мои объясненія по всѣмъ запросамъ. Что и какъ я сказалъ объ этомъ не забыли тѣ, кто пережилъ эту грозную пору въ Манчжуріи и кто вынесъ всю борьбу на своихъ плечахъ. Ихъ мало кто поблагодарилъ, если не считать того, что услышала отъ меня Дума съ трибуны въ этотъ день.

Пусть скажутъ себѣ тѣ, кто когда-нибудь прочтутъ мои воспоминанія, что грозившая Россіи величайшая опасность была устранена усердіемъ и исключительнымъ мужествомъ въ борьбѣ съ нею всего управленія Китайской восточной желѣзной дороги, до самого низшаго персонала включительно. Быть можетъ, они отмѣтятъ также, что на всю борьбу было истрачено не болѣе одного милліона рублей, считая и всѣ расходы Министерства Вну-

тренних Дѣлъ, по борьбѣ съ другими эпидеміями въ томъ же году.

Съ этого запроса, заслушаннаго 19-го января 1911 года, началось мое, почти ежедневное, присутствіе въ Государств. Думѣ, вплоть до половины марта, когда разразился тотъ неожиданный кризисъ правительства, о которомъ рѣчь впереди.

19-го января я отвѣчалъ на запросъ о чумѣ, 22-го на такой же запросъ о развитіи контрабанднаго промысла спиртомъ черезъ манчжурскую же границу; 24-го мнѣ было поручено правительствомъ выступить по вопросу о размѣрѣ кредита на нужды начальнаго образованія и помочь фиксаціи размѣра кредита на длинный рядъ лѣтъ, то-есть принять на себя роль защитника народнаго образованія въ то время, когда меня же обвиняли въ томъ, что я будто бы являюсь противникомъ расходовъ на просвѣщеніе; 4-го февраля мнѣ пришлось вести настоящій бой съ лѣвымъ крыломъ Думы по запросу о дѣятельности опять того же Крестьянскаго Банка и одержать безспорный успѣхъ надъ авторами запроса, а уже съ 21-го февраля началось разсмотрѣніе бюджета въ Общемъ Собраніи Думы.

Я упоминаю о моемъ выступленіи по дѣлу народнаго образованія потому, что мнѣ хочется снять съ себя вѣчное осужденіе меня за слишкомъ скупое отношеніе къ самымъ неоспоримымъ нуждамъ страны, во имя чрезмѣрно близкаго моему сердцу казначейскаго благополучія.

Вторая моя рѣчь имѣетъ совсѣмъ иное значеніе.

Запросъ правительству на этотъ разъ былъ предъявленъ уже безъ всякаго колебанія — въ смыслѣ обвиненія его въ явно незаконныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ правительствомъ по вѣдомству Крестьянскаго Банка, и предъявленъ онъ былъ , одновременно, какъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, такъ и ко мнѣ, какъ руководителю Банка. Запросъ получилъ прозвище «запроса по Дурасовскому дѣлу». Онъ разсматривался въ думской комиссіи по запросамъ очень долго и попалъ въ руки Правительства передъ самымъ Рождествомъ. Подписанъ онъ былъ лѣвою группой, — эс-дековъ. Первымъ подписавшимъ и главнымъ, если не единственнымъ, зачинщикомъ дѣла былъ депутатъ Покровскій 2-ой, который задолго до предъявленія запроса неоднократно являлся ко мнѣ и въ пріемные дни и испрашивалъ особыя аудіенціи, постоянно доказывая мнѣ совершенныя не только Крестьянскимъ Банкомъ, но и административными властями вопіющія несправедливости въ ущербъ крестьянъ, будто бы окончательно раззоренныхъ банкомъ. Мнѣ пришлось, поэтому, войти очень

глубоко во всѣ частности этого дѣла, и я успѣлъ изучить его до мельчайшихъ подробностей еще въ ту пору, когда вопросъ такъ остро поставленный Столыпинымъ совершенно не былъ мнѣ извѣстенъ. Близко слѣдилъ за нимъ и П. А. Столыпинъ и постоянно просилъ меня давать все бо̀льшія и бо̀льшія подробности, по мѣрѣ того, что выяснялось изъ настояній Покровскаго 2-го и предъявляемыхъ мнѣ Крестьянскимъ Банкомъ данныхъ возмутительная исторія этого дѣла, въ которомъ такъ называемые Дурасовскіе крестьяне были безспорно жертвою агитаціи того же Покровскаго, сумѣвшаго, однако, скрыть слѣды своей работы и избѣжать обнаруженія ея. Всѣмъ было, однако, ясно до очевидности, что безъ него и его сотрудниковъ по агитаціи никогда не было бы тѣхъ осложненій, которыхъ достигло это возмутительное дѣло. Правда не было бы и того на самомъ дѣлѣ настоящаго тріумфа, котораго добилось правительство. Послѣ окончанія преній по этому дѣлу не только запросъ не былъ принятъ Думою, но немалый конфузъ испытала и Думская комиссія о запросахъ, раздѣлившая всѣ заключенія интерпеллянтовъ, но и тѣ члены Думы, правѣе эс-дековъ, которые дали ему свои подписи. Мои друзья изъ кадетской оппозиціи были разумѣется въ числѣ ихъ и даже не отказали себѣ въ удовольствіи, какъ сдѣлалъ напримѣръ Аджемовъ, — пустить въ меня, во время моихъ объясненій, язвительныя стрѣлы.

Когда вопросъ правительству созрѣлъ и состоялось заключеніе Комиссіи о запросахъ, не только принявшее запросъ, но и пошедшее въ своихъ заключеніяхъ дальше самихъ авторовъ его, я былъ уже въ курсѣ предположеній Столыпина поднять вопросъ о передачѣ въ вѣдомство Землеустройства Крестьянскаго Банка. Моимъ первымъ желаніемъ было просить его взять на себя отвѣтъ на запросъ. Но онъ сразу же и рѣшительно отказался отъ моего предложенія, сказавши, что никто не положилъ такъ много труда, какъ я, на изученіе дѣла, и даже было бы крайне невыгодно, чтобы выступалъ отъ имени правительства кто-либо другой, а не я, потому что первый подписавшій — Покровскій — будетъ конечно обосновывать запросъ, а ни съ кѣмъ изъ членовъ правительства онъ не велъ такихъ частыхъ и назойливыхъ переговоровъ, какъ со мной. Онъ прибавилъ, что лично у него Покровскій былъ всего одинъ разъ, и онъ не входилъ съ нимъ ни въ какія частности, ссылаясь на то, что все дѣло находилось въ рукахъ Крестьянскаго Банка и никто не долженъ отвѣчать за него помимо Министра Финансовъ.

При заслушаніи запроса Дума была въ большомъ составѣ.

Трибуны для публики были полны до отказа. Готовился такъ называемый большой думскій день.

Хотя Покровскій 2-ой зналъ не только мою точку зрѣнія, но и всѣ обстоятельства дѣла, которыя, конечно, будутъ выдвинуты мною, потому что я не скрывалъ ихъ отъ него и даже предупреждалъ его, что помимо ихъ у меня есть въ запасѣ и другія очень непріятныя для его запроса данныя, — онъ повелъ аттаку на правительство въ крайне приподнятомъ тонѣ и не поскупился на самыя рѣзкія выраженія, срывая каждый разъ дружныя знаки одобренія отъ своихъ единомышленниковъ и ихъ сосѣдей. Столыпинъ на засѣданіе не пріѣхалъ, хотя я очень просилъ его не оставлять меня одного, такъ какъ нельзя было предвидѣть не примутъ ли пренія такого характера, при которомъ выступленіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ можетъ оказаться совершенно необходимымъ. Онъ сказалъ мнѣ, однако, что считаетъ не нужнымъ этого дѣлать, такъ какъ у меня столько данныхъ, что результатъ запроса для него вполнѣ обезпеченъ. Когда мы уходили изъ засѣданія, — это было на праздникахъ, — онъ задержалъ меня и просилъ не думать, что на его отношеніе сколько-нибудь вліяетъ происшедшее между нами разногласіе въ вопросѣ о подвѣдомственности Крестьянскаго Банка. Кривошеинъ все время просидѣлъ въ Думѣ пока не окончились пренія и не послѣдовало голосованіе, не только не давшее необходимыхъ двухъ третей голосовъ для представленія принятаго запроса на усмотрѣніе Верховной власти, но просто запросъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ отклоненъ.

Запросъ былъ просто недобросовѣстный, основанный на данныхъ завѣдомо для самыхъ интерпеллянтовъ ложныхъ и даже лживыхъ, разбить ихъ не было особеннаго труда, и нужно было только не бояться рѣзкихъ выпадовъ до прямой брани. Но ихъ на самомъ дѣлѣ вовсе не было. Зала носила характеръ весьма выгодный для меня. Съ самаго начала было очевидно, что я располагаю всѣми данными, которыя цѣликомъ оправдываютъ дѣятельность всѣхъ органовъ правительственной власти въ этомъ дѣлѣ и что встать на сторону интерпеллянтовъ значило потворствовать самой разнузданной пропагандѣ насильственнаго захвата земли, даромъ, и разжиганія крестьянскихъ страстей, что и было на самомъ дѣлѣ выполнено скрывшимися за крестьянскими спинами агитаторами. Всѣмъ было ясно до очевидности, что главнымъ изъ нихъ былъ никто иной, какъ самъ Покровскій 2-ой, сумѣвшій, однако, ловко, спрятать концы своего участія въ воду. Недоставало только въ моемъ распоряженіи возможности вскрыть

и эту подоплеку, но когда я сказалъ, что въ рукахъ Крестьянскаго Банка недостаетъ, къ величайшему для меня сожалѣнію, только одного права и возможности сказать кому обязаны Дурасовскіе крестьяне своими страданіями, то раздались отдѣльные голоса: «не стоитъ, это и такъ ясно».

Невелика была передышка, которую дали мнѣ Думскія занятія, потребовавшія почти безсмѣннаго пребыванія моего въ Таврическомъ Дворцѣ съ первыхъ дней января, и уже 21-го февраля мнѣ пришлось снова появиться тамъ же на общихъ преніяхъ по бюджету на 1911 годъ.

Они не предвѣщали ничего исключительнаго, такъ какъ и на этотъ разъ положеніе правительства было особенно благопріятное: прекрасные урожаи 1909 и 1910 годовъ отразились самымъ благопріятнымъ образомъ на поступленіи доходовъ и дали возможность значительно увеличить и расходную смѣту, сведя ее не только безъ особыхъ затрудненій, но и давши широкое удовлетвореніе излюбленнымъ Думою культурнымъ потребностямъ страны и предупредивши тѣмъ самымъ большинство обычныхъ ея пожеланій. Это былъ четвертый бюджетъ, разсматриваемый Государственною Думою 3-го созыва, и я принялъ, съ полнаго одобренія Совѣта Министровъ, за основаніе моего выступленія въ составѣ общихъ преній естественно напрашивавшееся сопоставленіе этой четвертой росписи съ первою разсмотрѣнною Думою росписью — на 1908 годъ. Сравненіе невольно получалось разительно благопріятное въ смыслѣ финансоваго положенія Россіи рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Къ тому же и заключеніе бюджетной комиссіи Думы было на этотъ разъ еще болѣе оптимистическое, нежели и безъ того чрезвычайно благожелательное для правительства заключенія ея по росписи на 1909 и 1910 г.г. Этому сопоставленію и выводамъ изъ него я посвятилъ всю мою рѣчь, которая невольно звучала самымъ бодрымъ и полнымъ вѣры въ будущее тономъ и часто, гораздо болѣе часто чѣмъ въ предыдущіе года прерывалась шумными одобреніями не только праваго сектора Думы, но даже временами и части лѣвыхъ группъ, ихъ умѣреннаго крыла. Заключительныя мои слова были покрыты, какъ говоритъ стенограмма, оглушительными продолжительными аплодисментами всего центра и правыхъ скамей.

Когда я сошелъ съ трибуны, меня обступили внизу многіе депутаты, а въ числѣ ихъ не мало и такихъ, которыхъ я лично почти не зналъ, и не скупились на выраженія благодарности, одобренія и сочувствія за все сказанное. Предсѣдатель Думы Родзянко своимъ зычнымъ голосомъ не постѣснялся, стоя рядомъ съ Шингаревымъ, сказать мнѣ: «а я все-таки держу пари, что

Андрей Ивановичъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи выступить вслѣдъ за Вами и объяснить намъ, что Ваша роспись опять никуда не годится, и что наши финансы куда хуже, чѣмъ были прежде, и мы по прежнему находимся на краю банкротства».

Шингаревъ, разумѣется, выступилъ тотчасъ послѣ перерыва, не сказалъ ни одного слова противъ сведенія росписи и заключенія бюджетной комиссіи Думы, нашелъ, что доходы можетъ быть не преувеличены, а расходы немного лучше сведены, нежели дѣлалось до сихъ поръ, но затѣмъ произнесъ все-таки полуторачасовую рѣчь «рядомъ съ бюджетомъ», по поводу всего что только попадалось подъ руку, но не имѣло рѣшительно никакого отношенія къ своду росписи и отвѣчало заранѣе заготовленной на завтра оппозиціонной статьѣ для газетъ. Я рѣшилъ просто ничего не отвѣчать ему и сказалъ всего нѣсколько словъ по поводу одной, обычно допущенной имъ передержки.

Мнѣ пришлось зато выступить съ небольшимъ отвѣтомъ по поводу слѣдовавшей за нею рѣчи саратовскаго депутата Н. Н. Львова, сидѣвшаго тогда среди ближайшихъ къ кадетамъ сосѣдей ихъ, — прогрессистовъ.

Всегда корректный по формѣ, но рѣзкій по существу, когда онъ выступалъ противъ правительства, онъ рѣдко выступалъ по вопросамъ о финансахъ государства въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но на этотъ разъ онъ сдѣлалъ почему-то исключеніе, тогда когда наши финансы и учетъ ихъ всего меньше давали основанія къ какимъ-либо изобличеніямъ невыгоднаго для правительства свойства, и произнесъ очень красивую по формѣ, но явно пристрастную по существу рѣчь, обвиняя не только правительство, но и самое Думу въ чрезмѣрномъ предпочтеніи расходовъ на оборону, вмѣсто того, чтобы давать средства на подъемъ культурнаго развитія страны, которое «тщетно ждетъ еще удовлетворенія самыхъ элементарныхъ своихъ требованій». Слѣва ему разумѣется горячо апплодировали, въ особенности когда онъ сказалъ подъ конецъ, обращаясь къ Думскому большинству, направо: «съ чѣмъ явитесь Вы передъ Вашими избирателями, всего черезъ годъ, и что скажете Вы имъ въ доказательство того, какъ понимали Вы Ваши обязанности по отношенію къ странѣ, и напрасно думаете Вы, что страна не учла уже того, что дали Вы за четыре года Вашей работы».

Тотчасъ послѣ рѣчи Н. Н. Львова я вышелъ на трибуну и отвѣтилъ ему въ очень горячей рѣчи, защищая и правительство и Думу и объяснивши ему, а черезъ его голову и всей оппозиціи, почему пришлось въ истекшіе четыре года отдать столько вниманія

и средствъ на дѣло обороны, расшатанное въ конецъ несчастною войною, на сколько несправедливо говорить о томъ, что мы забыли нужды культурнаго развитія страны, когда онѣ удовлетворяются широкою рукою и въ прогрессіи во много разъ превышающей требованія обороны. Закончилъ я и оправданіемъ, которое такъ легко принести членамъ Думы передъ ихъ избирателями, если только послѣдніе способны на справедливое и разумное отношеніе къ оцѣнкѣ простого понятія, что «культура и прогрессъ могутъ быть обезпечены только тогда, когда страна не оставлена беззащитною въ своей внѣшней безопасности».

Едва успѣли закончиться эти общія пренія и далеко не закончилось еще разсмотрѣніе частностей росписи, какъ произошло событіе, совершенно неожиданное для меня и на много дней сосредоточившее на себѣ вниманіе всего правительства. Его послѣдствія имѣли лично для меня весьма глубокое значеніе.

Въ числѣ дѣлъ особенно занимавшихъ вниманіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ теченіе всего 1910 года и даже части 1909 года было дѣло о введеніи, на основаніи особаго Положенія выработаннаго при большомъ личномъ участіи П. А. Столыпина, — земскаго управленія въ 9-ти губерніяхъ сѣверо и юго-западнаго края. Лично я почти не принималъ никакого участія въ разработкѣ и прохожденіи этого дѣла черезъ Совѣтъ Министровъ. Напротивъ того, П. А. Столыпинъ сразу же придалъ ему чисто личный характеръ и какъ при внесеніи его въ Совѣтъ, въ видѣ общей схемы, такъ и при составленіи проекта въ окончательномъ видѣ защищалъ его лично самымъ энергичнымъ образомъ, не разъ указывая на то, что послѣ крестьянской земельной реформы и пересмотра обще-губернскаго управленія онъ придаетъ этому вопросу первенствующее значеніе, такъ какъ—это была его излюбленная формула — «онъ выносилъ въ своей душѣ этотъ вопросъ еще со времени своей первой юности и при первомъ его соприкосновеніи съ мѣстной жизнью въ сѣверо-западномъ краѣ, которому онъ отдалъ лучшіе свои годы». Онъ относился, поэтому, особенно чутко къ каждому замѣчанію, съ которымъ встрѣчался въ средѣ Совѣта, такъ же какъ и при разсмотрѣніи законопроекта въ Думѣ, лично посѣщая всѣ засѣданія ея, пока она не высказала свое сочувствіе основнымъ его принципамъ. На этомъ вопросѣ онъ, въ частности, и сблизился въ особенности съ фракціей націоналистовъ въ Думѣ, которая оказала ему самую дѣятельную поддержку въ частности въ вопросѣ объ образованіи для выборовъ земскихъ гласныхъ отдѣльной русской куріи, какъ

способа устранить поглощеніе польскимъ элементомъ русскаго крестьянства въ избирательныхъ собраніяхъ. Изъ Думы разсмотрѣнный послѣднею и согласованный во всемъ законопроектъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ въ половинѣ 1910 года и поступилъ на обсужденіе осенью этого года. Столыпинъ неизмѣнно участвовалъ лично при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла въ Комиссіи и хотя сразу же встрѣтился съ оппозиціей со стороны правыхъ членовъ комиссіи, но не придавалъ этому большого значенія, какъ не придавалъ его и образовавшемуся разногласію именно въ вопросѣ о русскихъ куріяхъ, совершенно спокойно заявляя, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что это разногласіе исчезнетъ при обсужденіи въ Общемъ собраніи, на которомъ онъ вполнѣ надѣялся одержать верхъ при его личной защитѣ законопроекта. Онъ былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, что еще за нѣсколько дней до слушанія дѣла, при разговорѣ о немъ въ Совѣтѣ, онъ не поднималъ вопроса о необходимости присутствія въ Государственномъ Совѣтѣ тѣхъ изъ министровъ, которые носили званіе членовъ Совѣта, для усиленія своими голосами общаго подсчета голосовъ. Ихъ было тогда, правда, немного. Лично я ни разу не былъ въ Совѣтѣ во все время разсмотрѣнія дѣла и не слѣдилъ за его прохожденіемъ, — настолько много было у меня своего собственнаго дѣла, при постоянныхъ моихъ участіяхъ въ Думѣ. Укрѣпляло убѣжденіе Столыпина и отношеніе къ дѣлу Предсѣдателя Государственнаго Совѣта М. Г. Акимова, который самъ принадлежалъ къ правой группѣ и всегда былъ хорошо освѣдомленъ о ея настроеніяхъ.

Велико было поэтому удивленіе и даже потрясеніе, вынесенное Столыпинымъ, когда въ началѣ марта, 7-го или 8-го числа, голосованіе именно по статьѣ о русскихъ куріяхъ, послѣ рѣшительнаго, обоснованнаго и даже краснорѣчиваго выступленія самого Столыпина дало совершенно неожиданный результатъ: большинствомъ всего 10-ти голосовъ статья законопроекта и всѣ зависящія отъ нея постановленія были отвергнуты. Столыпинъ тотчасъ же покинулъ залъ засѣданія, и всѣ поняли, что случилось нѣчто необычное. Я узналъ объ этомъ довольно поздно по телефону и по первому впечатлѣнію не придалъ особаго значенія, такъ какъ вообще не былъ въ курсѣ его. На слѣдующій день мнѣ стало извѣстно, что Столыпинъ поѣхалъ въ Царское Село. Въ теченіе дня меня посѣтили Тимашевъ, Кривошеинъ и Харитоновъ.

Первый не зналъ ничего и хотѣлъ узнать мою оцѣнку. Я могъ сказать ему только, что Петръ Аркадьевичъ не дѣлился со

29*

мною ни разу своимъ отношеніемъ къ дѣлу и не позвонилъ мнѣ по телефону. Не сказавши ничего Тимашеву, я подумалъ только, что онъ отступилъ отъ своего обыкновенія все подъ тѣмъ же вліяніемъ — нашей размолвки по Крестьянскому Банку.

Кривошеинъ былъ уже очевидно освѣдомленъ непосредственно отъ Столыпина, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ безъ всякихъ оговорокъ, что Петръ Аркадьевичъ не можетъ примириться съ такимъ «возмутительнымъ рѣшеніемъ», подъ которымъ несомнѣнно таится интрига лично противъ него, и если только не получитъ согласія Государя на его предложеніе, то несомнѣнно уйдетъ въ отставку. На мой вопросъ въ чемъ же состоитъ его предположеніе, Кривошеинъ отозвался незнаніемъ и сказалъ только, что вѣроятно мы всѣ сегодня же будемъ приглашены въ засѣданіе на Фонтанку и узнаемъ, чѣмъ все рѣшено. Харитоновъ, видимо, не видалъ Столыпина и высказалъ только, что по впечатлѣніямъ, полученнымъ имъ изъ Государственнаго Совѣта, нужно ожидать событій не обычнаго масштаба, такъ какъ «уходятъ изъ засѣданія подобнымъ образомъ или когда подаютъ въ отставку, или когда готовятъ какой либо ку-д-ета».

Въ тотъ же день Столыпинъ ко мнѣ не позвонилъ, не позвонилъ и я къ нему, чтобы не быть назойливымъ, или не давать ему повода подозрѣвать меня въ какомъ-либо личномъ интересѣ.

На слѣдующій день дѣйствительно состоялось собраніе членовъ Совѣта, по телефоннымъ вызовамъ, и мы всѣ собрались не въ обычномъ помѣщеніи, гдѣ происходили засѣданія Совѣта, а въ кабинетѣ П. А.

Съ его привычною сдержанностью, не обнаруживая никакого волненія въ изложеніи происшедшаго инцидента, хотя волненіе было замѣтно въ его жестахъ, Столыпинъ передалъ намъ, что все происшедшее третьяго дня, какъ это теперь ему совершенно точно извѣстно, было плодомъ издавна подготовленной интриги, направленной лично противъ него. Она выразилась въ томъ, что лидеръ правой группы Государственнаго Совѣта П. Н. Дурново, еще задолго до слушанія дѣла въ Общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, подалъ Государю записку, характеризируя выдѣленіе русскихъ крестьянъ въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краѣ въ особыя избирательныя куріи какъ мѣру крайне опасную въ политическомъ отношеніи, которая только оттолкнетъ отъ правительства весь классъ польскихъ землевладѣльцевъ въ краѣ, совершенно лойяльно настроенныхъ по отношенію къ Россіи, и можетъ даже усилить и безъ того замѣчающіяся противорусскія стремленія среди отдѣльныхъ лицъ, явно тяготѣющихъ къ Ав-

стріи. Подъ вліяніемъ этой искусственной мѣры, неизбѣжно, весь наиболѣе культурный землевладѣльческій классъ совершенно отойдетъ отъ мѣстной земской работы, которую немыслимо построить на одномъ крестьянствѣ да на немногихъ русскихъ чиновникахъ и т. д.

Ему извѣстно далѣе, что передъ самымъ разсмотрѣніемъ дѣла, послѣ одного изъ частныхъ собраній у П. Н. Дурново, испросилъ себѣ ауденцію у Государя членъ Г. Совѣта В. Ф. Треповъ, что подтвердилъ ему баронъ Фредериксъ, разсказавшій ему при этомъ, что передъ аудіенціею онъ заходилъ къ нему и очень горячо доказывалъ ему, что эта часть думскаго проекта есть чисто революціонная выдумка, отбрасывающая отъ земской работы все, что есть культурнаго, образованнаго и консервативнаго въ краѣ, и что это дѣлается исключительно въ угоду мелкой русской интеллигенціи, которой хочется забрать все дѣло въ свои руки и поживиться на «земскомъ пирогѣ».

Поэтому онъ, Столыпинъ, рѣшилъ доложить вчера Государю, что онъ не можетъ оставаться на своемъ двойномъ посту, если дѣло, которое онъ лелѣялъ съ молодости, должно погибнуть изъ-за простой интриги,оправдываемой къ тому же прямыми извращеніями фактовъ и обвиненіемъ его чуть ли не въ потворствованіи революціоннымъ замысламъ, противъ которыхъ онъ борется не щадя своей собственной жизни и жизни своихъ дѣтей. Поэтому, онъ сказалъ Государю необинуясь, что проситъ Его освободить отъ должности и разрѣшить ему вовсе уйти со службы, такъ какъ онъ не можетъ даже представить себя засѣдающимъ въ Государственномъ Совѣтѣ вмѣстѣ съ людьми, рѣшившимися обвинить его въ такихъ замыслахъ.

По словамъ П. А., Государь былъ совершенно подавленъ его намѣреніемъ и все говорилъ ему, что Онъ совершенно не представлялъ себѣ всей важности этого дѣла и хорошо понимаетъ его волненія, но считаетъ, что онъ не имѣетъ права такъ рѣзко ставить вопросъ, и нужно подумать о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты къ тому, чтобы дѣло могло быть снова разсмотрѣно и доведено до конца, причемъ обѣщаетъ ему заранѣе употребить все свое вліяніе, чтобы, при вторичномъ разсмотрѣніи, не могло случиться ничего похожаго на то, что произошло. Тогда Столыпину пришлось войти во всѣ детали этого дѣла и разъяснить Государю, что никакого вторичнаго разсмотрѣнія дѣла не можетъ и произойти, потому что Дума никогда не согласится отказаться отъ русскихъ курій, изъ-за которыхъ все дѣло и провалилось въ Совѣтѣ, а послѣдній изъ-за одного упрямства не сознается никогда въ своей ошибкѣ.

Тогда Государь сказалъ Столыпину самымъ рѣшительнымъ образомъ: «Я не могу согласиться на Ваше увольненіе, и Я надѣюсь, что Вы не станете на этомъ настаивать, отдавая себѣ отчетъ, какимъ образомъ могу я не только лишиться Васъ, но допустить подобный исходъ подъ вліяніемъ частичнаго несогласія Совѣта. Во что же обратится правительство, зависящее отъ Меня, если изъ за конфликта съ Совѣтомъ, а завтра съ Думою, будутъ смѣняться Министры». «Подумайте о какомъ-либо иномъ исходѣ и предложите мнѣ его» — закончилъ Государь.

Тогда, по словамъ Столыпина, онъ, поблагодаривъ прежде всего Государя за оказываемое ему довѣріе, сказалъ Ему, что для него самое существенное въ настоящемъ случаѣ вовсе не его самолюбіе, которымъ онъ никогда не руководствуется, а польза Государства и необходимость оживить цѣлый край, который прозябаетъ въ невѣроятныхъ условіяхъ, о которыхъ можетъ судить лишь тотъ, кто прожилъ тамъ многіе годы. Отвѣчая же на вопросъ Государя, что̀ можно сдѣлать, чтобы обезпечить проведеніе земской реформы въ жизнь, онъ сказалъ, что есть только одно средство — провести законъ по 87 статьѣ основныхъ законахъ, а для этого необходимо принять хотя бы и искусственную мѣру — распустить на короткій срокъ обѣ палаты, обнародовать законъ въ качествѣ временной мѣры въ порядкѣ Верховнаго управленія и затѣмъ внести его въ Думу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ принятъ ею. Дума не имѣетъ повода не утвердить его вновь, и когда онъ дойдетъ снова до Государственнаго Совѣта, то ему не останется ничего иного, какъ подчиниться совершившемуся факту, тѣмъ болѣе, что до этого срока пройдетъ не мало времени, законъ войдетъ уже въ жизнь, а она докажетъ лучше всякихъ словъ, что всѣ осужденія Государственнаго Совѣта ни на чемъ не основаны, и никогда польскіе помѣщики не откажутся отъ земской работы, какъ распространяютъ это его противники, и сами не вѣря тому, что они говорятъ.

Государь внимательно выслушалъ это предложеніе и спросилъ Столыпина: «а Вы не боитесь, что та же Дума осудитъ Васъ за то, что Вы склонили меня на такой искусственный пріемъ, не говоря уже о томъ, что передъ Государственнымъ Совѣтомъ Ваше положеніе сдѣлается чрезвычайно труднымъ». Столыпинъ передалъ намъ, что онъ отвѣтилъ Государю: «Я полагаю, что Дума будетъ не довольна только наружно, а въ душѣ будетъ довольна тѣмъ, что законъ, разработанный ею съ такой тщательностью спасенъ Вашимъ Величествомъ, а что касается до неудовольствія Государственнаго Совѣта, то этотъ вопросъ

блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что край оживетъ и пока пройдетъ время до новаго разсмотрѣнія дѣла Государственнымъ Совѣтомъ, страсти улягутся и дѣйствительная жизнь залечитъ дурное настроеніе».

Государь отвѣтилъ ему на это: «хорошо, чтобы не потерять Васъ, Я готовъ согласиться на такую небывалую мѣру, дайте мнѣ только передумать ее. Я скажу Вамъ Мое рѣшеніе, но считайте что Вашей отставки Я не допущу».

На этихъ словахъ Государь всталъ и протянулъ Столыпину руку, чтобы проститься съ нимъ, когда П. А. попросилъ извиненія и высказалъ ему еще одну мысль, изложивъ ее такъ:

«Ваше Величество, мнѣ въ точности извѣстно, что нѣкоторое время передъ слушаніемъ дѣла о западномъ земствѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, Петръ Николаевичъ Дурново представилъ Вамъ записку съ изложеніемъ самыхъ невѣрныхъ свѣдѣній и сужденій о самомъ дѣлѣ, скрытно обвиняя меня чуть что не въ противогосударственномъ замыслѣ. Мнѣ извѣстно также, что передъ самымъ слушаніемъ дѣла членъ Гос. Совѣта В. Ф. Треповъ испросилъ у Вашего Величества аудіенцію съ тою же цѣлью, съ какою писалъ Вамъ особую записку Дурново. Такія дѣйствія членовъ Государственнаго Совѣта недопустимы, ибо они вмѣшиваютъ ихъ личные взгляды въ дѣла управленія и пріобщаютъ особу Вашего Величества къ ихъ дѣйствіямъ, которыхъ я не позволю себѣ характеризовать, потому что Вы сами изволите дать имъ Вашу оцѣнку. Я усердно прошу Ваше Величество, во избѣжаніе повторенія подобныхъ неблаговидныхъ поступковъ, расшатывающихъ власть правительства, не только осудить ихъ, но и подвергнуть лицъ, допустившихъ эти дѣйствія, взысканію, которое устранило бы возможность и для другихъ становиться на ту же дорогу».

Государь, выслушавъ такое обращеніе, долго думалъ и затѣмъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, спросилъ Столыпина: «что же желали бы Вы, Петръ Аркадьевичъ, что бы я сдѣлалъ?» «Ваше Величество, наименьшее чего заслужили эти лица, это — предложить имъ уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербурга и прервать свои работы въ Государственномъ Совѣтѣ, хотя бы до осени. Въ такой мѣрѣ нѣтъ ничего жестокаго, потому что скоро наступитъ вакантное время, и они все равно уѣдутъ куда каждый изъ нихъ пожелаетъ, но зато всѣ будутъ знать, что интриговать и вмѣшивать Особу Вашего Величества въ партійныя дрязги непозволительно, а гораздо честнѣе бороться съ неугодными члена-

ми правительства и ихъ проектами съ трибуны верхней палаты, что предоставляетъ имъ законъ въ такой широкой степени».

По словамъ П. А. Столыпина, и это его обращеніе къ Государю не вызвало никакого неудовольствія, какъ не вызвало оно и опроверженія фактической стороны дѣла. Государь отвѣтилъ ему только: «Я вполнѣ понимаю Ваше настроеніе, а также то, что все происшедшее не могло не взволновать Васъ глубоко. Я обдумаю все, что Вы Мнѣ сказали съ такою прямотою, за которую я Васъ искренно благодарю, и отвѣчу Вамъ также прямо и искренно, хотя не могу еще разъ не повторить Вамъ, что на Вашу отставку Я не соглашусь».

Передавши намъ все, что изложено мною съ полнѣйшею точностью, П. А. прибавилъ только, что его рѣшеніе послѣдовало послѣ тяжелаго раздумья, и что онъ принялъ это рѣшеніе, отъ котораго не можетъ ни въ какомъ случаѣ отойти, и проситъ насъ всѣхъ не судить его, такъ какъ онъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что каждый изъ насъ поступилъ бы точно также и пожертвовалъ бы своимъ положеніемъ, во имя достоинства власти, которая только принижается подобными проявленіями интриги. Повидимому, онъ совершенно не желалъ того, чтобы сообщеніе его служило предметомъ какихъ-либо обсужденій въ нашей средѣ, но они возникли какъ-то сами и даже приняли въ извѣстный моментъ довольно острый характеръ. Началъ ихъ наиболѣе экспансивный изъ насъ — Кривошеинъ, сказавши, что для него рѣшеніе Государя несомнѣнно, и желаніе Петра Аркадіевича будетъ исполнено. Его смущаетъ только, что положеніе самого Государя въ этомъ случаѣ чрезвычайно щекотливое, такъ какъ, если онъ могъ совершенно не знать о содержаніи записки Дурново, то принявши Трепова и не сказавши ему того, что Онъ долженъ былъ сказать, Онъ до извѣстной степени самъ несетъ отвѣтственность за случившееся и Ему не можетъ быть не труднымъ принять второе положеніе, которое выставлено Столыпинымъ.

Щегловитовъ былъ очень рѣшителенъ и просто высказалъ свою полную солидарность съ П. А. Большинство остальныхъ министровъ молчало, чувствуя, очевидно, полную безцѣльность всякихъ дебатовъ при рѣшеніи принятомъ Столыпинымъ.

Я рѣшилъ также не высказывать моего взгляда, по совершенной безцѣльности этого при занятомъ Столыпинымъ непримиримомъ положеніи на его всеподданнѣйшемъ докладѣ. Харитоновъ попытался было спросить его, нельзя ли найти какое-либо смягченіе въ вопросѣ о мѣрахъ «укрощенія», какъ выразился онъ, Дурново и Трепова, потому что, зная характеръ Государя,

онъ думаетъ, что этотъ вопросъ будетъ наиболѣе болѣзненнымъ для Государя, и было бы для положенія самого Столыпина крайне желательнымъ найти какой-либо выходъ. Его осторожное замѣчаніе вызвало очень рѣзкую отповѣдь. «Пусть ищутъ смягченія тѣ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, а я нахожу и честнѣе и достойнѣе просто отойти совершенно въ сторону, если только приходится еще поддерживать свое личное положеніе среди переживаемыхъ условій».

Передъ нашимъ общимъ уходомъ Столыпинъ просилъ меня остаться, сказавши, что у него есть одно дѣло, которое онъ хотѣлъ бы выяснить со мною до того, что его личный вопросъ будетъ ликвидированъ Государемъ. Когда всѣ вышли, и мы остались вдвоемъ, онъ спросилъ меня просто, какъ я смотрю на все случившееся. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ трудно говорить объ этомъ, потому что съ личной точки зрѣнія я вполнѣ понимаю его, тѣмъ болѣе что и самъ я не понимаю, какъ можно цѣпляться за власть при переживаемыхъ нами условіяхъ. Но съ точки зрѣнія, если можно такъ выразиться государственной, избранный имъ путь представляется едва ли правильнымъ и способнымъ привести власть къ спокойному положенію. Искусственный роспускъ на три дня обѣихъ палатъ слишкомъ прозраченъ, чтобы сразу же не возникло очень рѣзкое къ нему отношеніе въ широкихъ кругахъ того, что принято называть «общественнымъ мнѣніемъ». Я не думаю, чтобы и Дума была довольна такимъ способомъ проведенія хотя бы и одобреннаго ею рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, надъ законодательнымъ порядкомъ будетъ несомнѣнно произведено насиліе, а его вообще не прощаютъ. Государь приметъ эту мѣру, такъ какъ для Него не ясны всѣ оттѣнки ея, и Его успокоитъ сознаніе того, что хорошее дѣло не погибло.

Вторая мѣра представляется мнѣ еще болѣе сомнительною. Она, конечно, оправдывается какъ послѣдствіе несомнѣнной интриги, но внѣшне она все-таки очень тяжела для Государя. Трудно требовать отъ Него, чтобы Онъ не принималъ посылаемыхъ Ему записокъ и не принималъ тѣхъ людей, которыхъ онъ знаетъ. Его вина не въ томъ, что онъ принялъ, а въ томъ, что Онъ далъ принятымъ возможность ссылаться ихъ единомышленникамъ на Его мнѣніе и тѣмъ вліять на окружающихъ. И это Онъ разумѣется теперь прекрасно понимаетъ. Но требовать отъ Него кары для тѣхъ, кого Онъ принялъ, — чрезвычайно трудно и щекотливо, такъ какъ Онъ понимаетъ также, что всѣмъ будетъ ясно, что Онъ поступилъ такимъ образомъ подъ давленіемъ произ-

веденнаго на Него нажима, и этого Онъ никогда не проститъ, хотя, вѣроятно, выполнитъ и это требованіе.

«Что же по Вашему мнѣ слѣдовало сдѣлать?» спросилъ Столыпинъ. «Проглотить пилюлю и расписаться въ продѣланной надо мною, какъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, хирургической операціи».

Я отвѣтилъ ему, что, по моему мнѣнію, былъ иной путь — путь борьбы безъ насилія надъ закономъ и надъ самимъ Государемъ, а именно: немедленное внесеніе того же закона въ Думу, соглашеніе съ Предсѣдателемъ ея и главами фракцій о немедленномъ разсмотрѣніи его и новое направленіе принятаго проекта въ Государственный Совѣтъ и тамъ уже слѣдуетъ принять черезъ Предсѣдателя его и съ полномочіями отъ Государя мѣры къ тому, чтобы на этотъ разъ интрига не была допущена, по крайней мѣрѣ, среди членовъ Совѣта по назначенію. Потеря, въ этомъ случаѣ, времени, хотя бы въ одинъ годъ или даже болѣе уравновѣшивалась бы огромными выгодами отъ соблюденія закона.

Столыпинъ отвѣтилъ мнѣ: «можетъ быть, Вы или другой могли бы продѣлать всю эту длительную процедуру, но у меня на нее нѣтъ ни желанія, ни умѣнія. Лучше разрубить узелъ разомъ, чѣмъ мучиться мѣсяцами надъ работой разматыванія клубка интригъ и въ то же время бороться каждый часъ и каждый день съ окружающей опасностью. Вы правы въ одномъ, что Государь не проститъ мнѣ, если ему придется исполнить мою просьбу, но мнѣ это безразлично, такъ какъ и безъ того я отлично знаю, что до меня добираются со всѣхъ сторонъ, и я здѣсь не надолго».

На этомъ мы разстались, и Столыпинъ обѣщалъ держать меня въ курсѣ всѣхъ получаемыхъ свѣдѣній.

На самомъ дѣлѣ, я не получилъ отъ него никакого сообщенія въ теченіе четырехъ дней и рѣшительно ничего не зналъ о томъ, въ какомъ положеніи находится весь этотъ болѣзненный вопросъ.

Звонить къ Столыпину по телефону я не рѣшался, чтобы не дать ему повода предположить, что я лично заинтересованъ въ конечной развязкѣ, тѣмъ болѣе, что до меня уже доходили клубныя сплетни, что въ случаѣ ухода П. А. мнѣ предстоитъ замѣнить его. Я зналъ кромѣ того, что онъ былъ простуженъ и не выходилъ изъ дома. Отъ Крыжановскаго, отлично вообще освѣдомленнаго о всѣхъ дѣлахъ этого рода, я получалъ ежедневныя сообщенія, что кризисъ еще не разрѣшенъ, и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ господствуетъ очень подавленное и тревож-

ное настроеніе. Дѣлалъ ли самъ Столыпинъ какія-либо попытки къ ускоренію рѣшенія, я не зналъ, какъ не знаю и до сихъ поръ.

Въ эти дни несомнѣнно тяжелаго ожиданія я получилъ по телефону отъ состоявшаго при Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ Гофмейстера Князя Шервашидзе приглашеніе явиться къ Императрицѣ, которая желаетъ меня видѣть. Я не помню числа, но хорошо припоминаю, что это было въ субботу.

Императрица приняла меня въ три часа дня и сказала, что желала бы узнать отъ меня, что произошло съ П. А. Столыпинымъ, такъ какъ она слышитъ со всѣхъ сторонъ, что онъ уже нѣсколько дней тому назадъ былъ у Государя и просилъ уволить его вовсе отъ службы, но изъ за чего все это произошло, она никакъ не можетъ понять, потому что съ разныхъ сторонъ слышитъ такіе неясные разсказы, что ей просто хочется знать правду, такъ какъ она завтра будетъ обѣдать у Государя въ Царскомъ Селѣ и хотѣла бы быть въ курсѣ того, что произошло, такъ какъ иногда Государь говоритъ съ нею о томъ, что Его тревожитъ.

Мнѣ пришлось разсказать Императрицѣ въ самой сжатой формѣ все, что произошло въ Государственномъ Совѣтѣ, пояснить ей сущность провалившагося теперь изъ-за рѣшенія Совѣта законопроекта, разсказать все, что передалъ намъ Столыпинъ о свиданіи съ Государемъ и о поданномъ имъ заявленіи объ увольненіи его вовсе отъ службы, какъ и о томъ, въ какихъ условіяхъ могъ бы онъ сохранить свое положеніе. О моемъ личномъ мнѣніи по всему этому инциденту я не сказалъ Императрицѣ ни слова и не упомянулъ вовсе о моемъ разговорѣ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Ея разсужденіе поразило меня своей ясностью, и даже я не ожидалъ, что она такъ быстро схватитъ всю сущность создавшагося положенія. Она начала съ того, что въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ отозвалась о шагахъ, предпринятыхъ Дурново и Треповымъ. Эпитеты «недостойный», «отвратительный», «недопустимый» чередовались въ ея словахъ, и она даже сказала: «могу я себѣ представить, что произошло бы если бы они посмѣли обратиться съ такими ихъ взглядами къ Императору Александру 3-му. Что̀ произошло бы съ ними я хорошо знаю, какъ и то, что Столыпину не пришлось бы просить о наложеніи на нихъ взысканій: Императоръ самъ показалъ бы имъ дверь, въ которую они не вошли бы во второй разъ.

«Къ сожалѣнію», продолжала она: «мой сынъ слишкомъ добръ, мягокъ и не умѣетъ поставить людей на мѣсто, а это бы-

ло такъ просто въ настоящемъ случаѣ. Зачѣмъ же оба, Дурново и Треповъ не возражали открыто Столыпину, а спрятались за спину Государя, тѣмъ болѣе, что никто не можетъ сказать, что̀ сказалъ имъ Государь и что̀ передали они отъ его имени, для того, чтобы повліять на голосованіе въ Совѣтѣ. Это на самомъ дѣлѣ ужасно, и Я понимаю, что у Столыпина просто опускаются руки, и онъ не имѣетъ никакой увѣренности въ томъ, какъ ему вести дѣла».

Затѣмъ она перешла къ тому, въ какомъ положеніи оказывается теперь Государь, и тутъ ея пониманіе оказалось не менѣе яснымъ.

«Я совершенно увѣрена», сказала она, «что Государь не можетъ разстаться со Столыпинымъ, потому что Онъ и самъ не можетъ не понять, что часть вины въ томъ, что произошло, принадлежитъ Ему, а въ этихъ дѣлахъ Онъ очень чутокъ и добросовѣстенъ. Если Столыпинъ будетъ настаивать на своемъ, то я ни минуты не сомнѣваюсь, что Государь послѣ долгихъ колебаній кончитъ тѣмъ, что уступитъ, и я понимаю почему Онъ все еще не далъ никакого отвѣта. Онъ просто думаетъ и не знаетъ какъ выйти изъ создавшагося положенія. Не думайте, что Онъ съ кѣмъ-либо совѣтуется. Онъ слишкомъ самолюбивъ и переживаетъ создавшійся кризисъ вдвоемъ съ Императрицею, не показывая и вида окружающимъ, что Онъ волнуется и ищетъ исхода. И все-таки, принявши рѣшеніе, котораго требуетъ Столыпинъ, Государь будетъ глубоко и долго чувствовать всю тяжесть того рѣшенія, которое Онъ приметъ подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Я не вижу ничего хорошаго впереди. Найдутся люди, которые будутъ напоминать сыну о томъ, что Его заставили принять такое рѣшеніе. Одинъ Мещерскій чего стоитъ, и Вы увидите скоро, какія статьи станетъ онъ писать въ «Гражданинѣ» и чѣмъ дальше, тѣмъ больше у Государя и все глубже будетъ расти недовольство Столыпинымъ, и я почти увѣрена, что теперь бѣдный Столыпинъ выиграетъ дѣло, но очень ненадолго, и мы скоро увидимъ его не у дѣлъ, а это очень жаль и для Государя и для всей Россіи. Я лично мало знаю Столыпина, но мнѣ кажется, что онъ необходимъ намъ, и его уходъ будетъ большимъ горемъ для насъ всѣхъ». Ея послѣднія слова были: «бѣдный мой сынъ, какъ мало у него удачи въ людяхъ. Нашелся человѣкъ, котораго никто не зналъ здѣсь, но который оказался и умнымъ и энергичнымъ и сумѣлъ ввести порядокъ послѣ того ужаса, который мы пережили всего 6 лѣтъ тому назадъ, и вотъ — этого человѣка толкаютъ въ пропасть и кто же? Тѣ, которые говорятъ, что они

любятъ Государя и Россію, а на самомъ дѣлѣ губятъ и Его и родину. Это просто ужасно»...

Черезъ два дня послѣ этой аудѣнціи кризисъ разрѣшился. Столыпинъ позвонилъ ко мнѣ по телефону и сказалъ только, что Государь не отпустилъ его и принялъ предложенныя имъ мѣры. Указы о роспускѣ Думы и Совѣта были опубликованы 12-го или 13-го марта, а 14-го законъ о западномъ земствѣ былъ введенъ по 87-ой статьѣ основаныхъ законовъ, и черезъ три дня палаты снова раскрыли свои двери. Председатель Государственнаго Совѣта былъ вызванъ въ Царское Село и ему повелѣно предложить, именемъ Государя, Дурново и Трепову взять отпускъ до возобновленія осенней сессіи Совѣта.

Въ Совѣтѣ Министровъ никакихъ болѣе разговоровъ о случившемся не возобновлялось, и наружно все вошло какъ будто въ обычную колею.

П, Н. Дурново подчинился рѣшенію Государя, объявленному ему Председателемъ Государственнаго Совѣта, и до осени не появлялся въ засѣданіяхъ Совѣта. В. Ф. Треповъ этому не подчинился и подалъ прошеніе объ оставленіи имъ государственной службы вообще. Онъ былъ уволенъ съ назначеніемъ ему, по докладу Акимова, пенсіи въ 6.000 рублей въ годъ и поступилъ на частную службу.

Пользуясь близкими отношеніями къ Министру Императорскаго Двора Графу Фредериксу, черезъ своего зятя Генерала Мосолова, онъ получилъ концессію на эксплоатацію нѣдръ земли въ Алтайскомъ горномъ округѣ, составлявшемъ собственность Кабинета Его Величества. Задуманный имъ проектъ представлялъ огромное промышленное значеніе; въ нѣдрахъ Кузнецкаго округа таились несмѣтныя богатства угля, желѣза и другихъ металловъ, разработка которыхъ сулила округу и всей Западной Сибири величайшее будущее.

Большевики приняли этотъ проектъ, начатый разработкою еще при Царскомъ правительствѣ, передъ самою войною, присвоили себѣ даже честь открытія богатствъ Округа, какъ будто до нихъ никто не зналъ ихъ и не существовало ни научныхъ трудовъ Менделѣева, ни подробныхъ развѣдокъ Кабинета, и, въ порядкѣ его осуществленія, придали этой мысли свойственное имъ уродливое осуществленіе, которое сулитъ въ будущемъ одно величайшее разочарованіе. Достаточно сказать, что по ихъ плану осуществляется грандіозное металлургическое предпріятіе, основанное на соединеніи въ одно цѣлое уральской руды и кузнецкаго угля, какъ будто между этими двумя основными факторами пред-

пріятія нѣтъ разстоянія въ двѣ тысячи километровъ, на пространствѣ которыхъ нужно, либо подвозить кузнецкій уголь къ рудѣ, либо руду къ углю.

Въ связи съ концессіею Кузнецкаго бассейна Треповъ явился и однимъ изъ соискателей на постройку Южно-Сибирской желѣзной дороги, которому и была дана эта концессія въ 1913 году.

Личная судьба В. Ф. Трепова закончилась глубоко трагично. Онъ былъ арестованъ большевиками 22 іюля 1918 года, отвезенъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ захваченныхъ «заложниковъ» въ Кронштадтъ и тамъ разстрѣлянъ матросами, одновременно съ сотнями другихъ, безвинно, звѣрски погубленныхъ людей.

Внѣшне инцидентъ съ закономъ о Западномъ земствѣ былъ ликвидированъ. Но на самомъ дѣлѣ реакція отъ случившагося была весьма глубокая и приняла самыя разнообразныя формы.

Изъ Государственнаго Совѣта до меня стало тотчасъ же доходить много свѣдѣній, и всѣ они были однообразны — возмущеніе было общее. Правые были обижены за своего лидера и сочлена, лѣвые и центръ были обижены и за искусственность роспуска и за нарушеніе свободы голосованія. Въ видѣ проявленія возмущенія, охватившаго въ особенности правыхъ, нѣсколько времени спустя, въ началѣ осени, одинъ изъ видныхъ членовъ этой партіи по назначенію отъ правительства С. С. Гончаровъ подалъ также прошеніе объ отставкѣ, чего вовсе не допускалось ранѣе и — былъ уволенъ.

Въ Думѣ не было вовсе того, чего ожидалъ Столыпинъ, то-есть удовольствія отъ проведеннаго въ жизнь, хотя и съ яснымъ нажимомъ на законъ, утвержденнаго Думою законопроекта, а напротивъ того, искренно или только для отвода глазъ, но выражалось прямое осужденіе принятыхъ мѣръ, и престижъ Столыпина какъ-то сразу померкъ. Онъ почувствовалъ это тотчасъ же на отношеніи къ его представителямъ въ комиссіяхъ и на сообщеніяхъ Куманина о внутреннихъ настроеніяхъ въ разныхъ фракціяхъ, кромѣ наиболѣе близкой къ нему — націоналистовъ, учитывавшихъ возростаніе ихъ престижа на мѣстахъ при введеніи земства въ Западномъ краѣ.

Немало пересудъ происходило и въ чиновничьихъ кругахъ, среди которыхъ господствовала въ отношеніи того, что нужно было сдѣлать, то настроеніе, о которомъ я говорилъ Столыпину. Но всего рѣзче выразилось отрицательное отношеніе въ извѣстной части печати, въ столичныхъ клубахъ и въ придворныхъ кругахъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что почти вся печать была враждебно настроена по отношенію къ Столыпину. Отозвав-

шись рѣзко о вожакахъ интриги, она критиковала съ полною безпощадностью роспускъ палатъ, проведеніе нескрываемымъ искусственнымъ способомъ въ порядкѣ управленія, во всякомъ случаѣ, отвергнутаго закона и еще болѣе рѣзко отзывалась о мѣрахъ преслѣдованія противъ лицъ, хотя бы и замѣшанныхъ въ интригѣ, но подвергнутыхъ совершенно несвойственнымъ мѣрамъ взысканія. Клубы, особенно близкіе къ придворнымъ кругамъ, въ полномъ смыслѣ слова дышали злобой и выдумывали всякія небылицы, которыя тотчасъ же доходили до свѣдѣнія Столыпина и причиняли ему большое раздраженіе.

У меня не было тогда и нѣтъ и сейчасъ никакихъ свѣдѣній относительно того, какъ встрѣтилъ Государь Столыпина послѣ разрѣшенія кризиса въ смыслѣ предъявленныхъ имъ тробованій. Самъ онъ ничего объ этомъ мнѣ ни разу не сказалъ, а всякаго рода слухи, передаваемые «изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ» стоили не болѣе того, что стоили сами разсказчики. Но внѣшняя, видимая обстановка была самая напряженная. Столыпинъ какъ-то замкнулся въ себя, былъ очень сдержанъ въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, избѣгалъ вести бесѣды послѣ засѣданій, вовсе не показывался въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Думѣ показался только одинъ разъ послѣ Пасхи, въ концѣ апрѣля, когда слушался въ порядкѣ направленія дѣла, тотъ же законъ о западномъ земствѣ, который послужилъ поводомъ всего происшедшаго. Я не былъ въ засѣданіи Думы, когда онъ давалъ свои объясненія въ оправданіе принятой мѣры, и не могу передать моего личнаго впечатлѣнія. Но со всѣхъ сторонъ и изъ самыхъ разнообразныхъ думскихъ круговъ я услышалъ одинъ отзывъ — Столыпинъ былъ неузнаваемъ.

Что-то въ немъ оборвалось, былая увѣренность въ себѣ куда-то ушла, и самъ онъ, видимо, чувствовалъ, что все кругомъ него, молчаливо или открыто, но настроено враждебно. Вскорѣ мнѣ пришлось и самому убѣдиться, что такъ было и на самомъ дѣлѣ.

Со мною за все это время Столыпинъ ни разу болѣе не разговаривалъ о Крестьянскомъ Банкѣ. Молчалъ и я.

Не было вообще за это время и особыхъ поводовъ къ отдѣльнымъ нашимъ встрѣчамъ, помимо засѣданій Совѣта Министровъ. Смѣтная работа въ Думѣ приходила къ концу, и я рѣдко появлялся въ ней, а когда приходилось бывать, то я просто избѣгалъ всякихъ разговоровъ на злободневную тему, да и охочіе до собиранія всякаго рода новостей изъ административнаго міра какъ-то мало

сближались съ представителями правительства, точно они боялись поставить ихъ въ неловкое положеніе своими разспросами.

Конецъ марта и весь апрѣль прошелъ для меня въ сторонѣ отъ Думы, и наступила смѣтная работа въ Государственномъ Совѣтѣ, протекавшая, однако, совершенно спокойно и безъ всякихъ треній. Въ началѣ мая мнѣ пришлось снова вернуться въ Думу для разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, не знаю ужъ въ который разъ внесенныхъ партіею народной свободы все съ тою же цѣлью опрокинуть смѣтныя правила, составленныя передъ открытіемъ первой Думы и служившія постояннымъ бѣльмомъ у всѣхъ Думъ, не исключая и Думы третьяго созыва. Кадетской партіи постоянно хотѣлось уничтожить такъ называемую забронированность кредитовъ и расширить права законодательныхъ палатъ, предоставленіемъ имъ права измѣнять кредиты, не стѣсняясь предварительною отмѣною, въ законодательномъ порядкѣ тѣхъ законовъ, на которыхъ они были основаны.

Правительство всегда боролось противъ этой тенденціи находя рѣшительную поддержку въ Государственномъ Совѣтѣ, который ясно сознавалъ, что введеніе у насъ такого порядка грозило бы разрушеніемъ всего государственнаго строя, такъ какъ и помимо кадетской партіи въ Думѣ нашлось бы немало охотниковъ до расширенія своихъ полномочій. На этомъ и былъ построенъ расчетъ авторовъ новаго, то-есть въ сущности стараго законопроекта, внесеннаго еще во вторую Думу, который и оправдался блистательнымъ образомъ, такъ какъ къ нимъ присоединилось немалое количество октябристовъ, не говоря уже о прогрессистахъ, давшихъ почти поголовно свои голоса.

Правительство отказалось еще раньше отъ участія въ пересмотрѣ смѣтныхъ правилъ, и они вновь поступили изъ бюджетной и финансовой комиссій въ общее собраніе Думы, въ порядкѣ думской инициативы.

Дѣло было назначено къ слушанію въ маѣ мѣсяцѣ, и мнѣ пришлось снова испросить указаній Совѣта о томъ, какъ мнѣ и Государственному Контролеру держать себя при разсмотрѣніи думскаго проекта, явно непріемлемаго для правительства. Полномочія были намъ даны все тѣ же, что и раньше, и мнѣ пришлось, вмѣстѣ съ Харитоновымъ, вынести повтороеніе прежнихъ натисковъ и, по большинству внесенныхъ предположеній, заключеніе большинства было противъ правительства. Атака на послѣднее была поведена весьма энергичная и заняла не мало времени совершенно безплодныхъ преній, потому, что также какъ и мы Дума знала, что Государственный Совѣтъ поддержитъ правительство и

изъ всѣхъ ихъ усилій отнять у послѣдняго самое могущественное средство для спокойнаго управленія не выйдетъ ничего. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Перекроенныя правила были приняты Думою въ ея проектѣ, поступили въ Государственный Совѣтъ, пролежали тамъ немало времени и уже гораздо позже были имъ отвергнуты.

Я отмѣчаю только объ этомъ въ связи съ событіями мая 1911 года потому, что въ засѣданіи Совѣта Министровъ по внесенному мною и Харитоновымъ вопросу о нашихъ полномочіяхъ Столыпинъ спросилъ насъ обоихъ: полагаемъ ли мы, что Государственный Совѣтъ поддержитъ правительство при несомнѣнномъ провалѣ его въ Думѣ, и не опасаемся ли мы, что въ настоящую минуту и Совѣтъ можетъ учинить свой расчетъ съ правительствомъ подъ вліяніемъ событій недавняго времени.

Въ этомъ вопросѣ было слышно совершенно ясно, что Столыпинъ оцѣнивалъ отношеніе къ нему Совѣта какъ рѣзко враждебное, но наше общее мнѣніе было проникнуто убѣжденіемъ въ томъ, что минутное неудовольствіе не измѣнитъ основныхъ взглядовъ Совѣта, ужъ много разъ высказавшагося въ этомъ вопросѣ въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами правительства и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Послѣдующія событія, когда уже П. А. Столыпина не было въ живыхъ, вполнѣ доказали справедливость взгляда Совѣта Министровъ.

Въ половинѣ мая Столыпинъ переѣхалъ съ семействомъ, какъ и всегда, въ Елагинскій дворецъ. Вскорѣ и мы съ женою перебрались на нашу дачу на Елагиномъ же островѣ, и засѣданія Совѣта возобновились въ обычныхъ условіяхъ лѣтняго времени.

Какъ-то въ концѣ мая, послѣ долгаго перерыва, вызваннаго безспорно нашимъ расхожденіемъ осенью по дѣлу Крестьянскаго Банка, Столыпинъ позвонилъ вечеромъ ко мнѣ и спросилъ свободенъ ли я теперь, такъ какъ онъ хотѣлъ бы зайти поговорить по нѣкоторымъ текущимъ вопросамъ. Я предложилъ придти къ нему, зная, что онъ не охотно выходитъ изъ дома по вечерамъ. Встрѣтилъ меня Столыпинъ, какъ бывало прежде, съ большою сердечностью, не обмолвился ни однимъ словомъ о предметѣ нашего дѣлового расхожденія и сказалъ только, что онъ хотѣлъ поставить меня въ извѣстность о его планахъ на лѣтнее время и узнать отъ меня, каковы мои предположенія, и можетъ ли онъ, не стѣсняя меня, привести въ исполненіе свое предположеніе, на которое онъ имѣетъ уже разрѣшеніе Государя.

Я отвѣтилъ ему, что у меня нѣтъ никакихъ плановъ, такъ какъ я едва успѣю послѣ роспуска Думы и Совѣта справиться съ новою росписью на 1912 годъ, которую придется составить нѣсколько на иной образецъ нежели всѣ предыдущія, потому что этотъ годъ будетъ послѣднимъ для полномочій Думы третьяго созыва и необходимо представить, до извѣстной степени, сравнительный обзоръ того, что сдѣлано за пять лѣтъ, и въ какомъ положеніи представляется теперь финансовое положеніе Россіи, по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было при началѣ думской работы въ 1907 году.

Тогда Столыпинъ перешелъ къ сообщенію мнѣ о его предположеніи и просилъ оставить пока все между нами, такъ какъ онъ не хотѣлъ бы говорить о немъ въ Совѣтѣ, чтобы не вызывать лишнихъ пересудъ. Предположеніе это сводилось къ тому, что все происшедшее съ начала марта его совершенно разстроило; онъ потерялъ сонъ, нервы его натянуты и всякая мелочь его раздражаетъ и волнуетъ. Онъ чувствуетъ, что ему нуженъ продолжительный и абсолютный отдыхъ, которымъ для него всего лучше воспользоваться въ его любимой ковенской деревнѣ, гдѣ онъ можетъ изолировать себя отъ всего міра и избавиться отъ всякихъ дрязгъ и непріятностей.

Онъ предполагаетъ отправить семью еще въ маѣ, перевести туда часть своей охраны, уѣхать тудаже въ самомъ началѣ іюня, провести тамъ неотлучно весь іюнь, вернуться всего на нѣсколько дней въ началѣ іюля на Елагинъ, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ въ Кіевъ, вернуться снова въ деревню и оттуда уже прямо проѣхать въ Кіевъ и только послѣ окончанія кіевскихъ торжествъ уже вернуться окончательно въ Петербургъ. Если же все будетъ благополучно, а онъ увидитъ, что его здоровье требуетъ еще отдыха, то можетъ быть проведетъ конецъ сентября гдѣ-либо на югѣ и только къ 1-му октября вернется прямо въ городъ.

По словамъ Столыпина, онъ получилъ уже отъ Государя согласіе и на то, чтобы всѣ дѣла по Совѣту Министровъ шли къ Нему за моею подписью, такъ какъ онъ понимаетъ, что нельзя откладывать дѣлъ, также какъ не слѣдуетъ вызывать его съ отдыха для рѣшенія отдѣльныхъ, хотя бы и существенныхъ вопросовъ. Я просилъ его только написать мнѣ въ этомъ смыслѣ письмо, для того, чтобы я могъ предъявить его въ томъ случаѣ, если бы отдѣльные Министры пожелали разсмотрѣть какое-либо дѣло непремѣнно подъ его предсѣдательствомъ, что легко можетъ случиться именно по смѣтнымъ разногласіямъ, всегда острымъ, особенно по крупнымъ вопросамъ. Когда этотъ вопросъ былъ такимъ

образомъ улаженъ между нами, Столыпинъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ ко мнѣ еще одну просьбу личнаго характера и заранѣе надѣется, что я ему въ ней не откажу. Онъ сказалъ, что въ концѣ августа, какъ это впрочемъ было уже извѣстно всему Совѣту Министровъ, назначено открытіе въ Кіевѣ памятника Императору Александру 2-му и состоится въ то же время представленіе Государю земскихъ уполномоченныхъ отъ 9-ти губерній Сѣверо- и Юго-Западнаго края, выбранныхъ на основаніи только что введеннаго положенія. Изъ Министровъ, кромѣ него, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, будетъ присутствовать Министръ Народнаго Просвѣщенія Кассо, прочимъ же Министрамъ Государь предоставляетъ пріѣхать по ихъ собственному желанію. Столыпинъ просилъ меня, самымъ дружескимъ образомъ, пріѣхать въ Кіевъ не только потому, что я состою его постояннымъ замѣстителемъ, но потому, что ему дорого мое присутствіе тамъ въ особенности въ виду того, что всѣмъ извѣстно, что я не сочувствовалъ способу проведенія дѣла въ порядкѣ Верховнаго управленія. Я и не скрывалъ моего несочувствія и отъ него самого. Между тѣмъ, теперь, когда законъ уже введенъ и началъ функціонировать, — отсутствіе мое могло бы быть истолковано, какъ несочувствіе мое самому дѣлу западнаго земства, а это было ему особенно больно, да и всякому ясно, что отношеніе Министра Финансовъ имѣетъ слишкомъ существенное значеніе, чтобы можно было пренебрегать даже внѣшнимъ впечатлѣніемъ.

Я поспѣшилъ дать мое согласіе на это и сказалъ только, что просто не знаю, какъ я вырвусь въ Кіевъ даже на нѣсколько дней при смѣтной лихорадкѣ, обѣщающей быть особенно интенсивной по Военному Министерству, въ виду извѣстной ему враждебности ко мнѣ Сухомлинова. Онъ обѣщалъ устроить такъ, чтобы я могъ уѣхать изъ Кіева, какъ только Государь приметъ земскихъ гласныхъ. На этомъ мы разстались, и въ началѣ іюня Столыпинъ уѣхалъ въ свое имѣніе и вернулся въ Петербургъ въ началѣ Іюля всего на нѣсколько дней.

Въ первые же дни послѣ отъѣзда Столыпина ко мнѣ позвонилъ какъ-то утромъ по телефону Кривошеинъ и спросилъ меня, гдѣ и когда могу я принять его на нѣсколько минутъ по одному довольно спѣшному дѣлу, по которому ему необходимо условиться со мною передъ его ближайшимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, назначеннымъ ему черезъ два дня. Такъ какъ въ этотъ

30*

день я долженъ былъ ѣхать въ городъ, то я предложилъ ему пріѣхать ко мнѣ въ Министерство на Мойку, чтобы не заставлять его предпринимать болѣе далекій путь на острова.

Кривошеинъ прибылъ ко мнѣ съ цѣлымъ портфелемъ бумагъ, сказавши, что онъ захватилъ всѣ необходимые документы, которые мнѣ должны быть извѣстны. Онъ разсказалъ мнѣ подробно всю исторію возникновенія вопроса о передачѣ Крестьянскаго банка въ его вѣдомство и заявилъ, что ему извѣстно все мое отношеніе къ этому вопросу вплоть до моего заявленія, что я покину постъ Министра Финансовъ въ тотъ самый день, когда будетъ утвержденъ законъ о передачѣ банка въ вѣдомство земледѣлія. Отъ Государя лично онъ знаетъ также, что я просилъ и Его разрѣшенія оставить Министерство въ связи съ намѣченною реформою, причемъ Государь сказалъ ему, что мое заявленіе было сдѣлано въ такой деликатной и убѣдительной формѣ, что Государь не только не хранитъ какого-либо неудовольствія на меня, но даже прямо сказалъ, что понимаетъ вполнѣ мою просьбу объ увольненіи, коль скоро я убѣжденъ, что такая мѣра принесетъ большой вредъ кредиту государства, и Онъ не имѣетъ даже нравственнаго права требовать, чтобы я оставался Министромъ и несъ отвѣтственность за такую важную задачу, какъ охрана кредита, коль скоро будетъ изданъ законъ вредный, по моему мнѣнію, для дѣла кредита. Государь будто бы сказалъ ему даже, что мое заявленіе было сдѣлано въ такой убѣжденной формѣ, что, зная мою преданность долгу, Онъ начинаетъ и самъ колебаться, правильно ли задумано все дѣло и нѣтъ ли возможности обезпечить интересы землеустройства, не рискуя разрушеніемъ кредита. Онъ прибавилъ, что ему неизвѣстно, говорилъ ли Государь въ томъ же смыслѣ съ Петромъ Аркадіевичемъ, также какъ и то, остается ли Столыпинъ и теперь при его прежнемъ взглядѣ, или событія послѣдняго времени заслонили собою его увлеченіе осени 1910 года.

Цѣлью его пріѣзда сейчасъ ко мнѣ, сказалъ Кривошеинъ, является необходимость пересмотрѣть весь этотъ вопросъ потому, что и самъ онъ видитъ теперь, что это дѣло было задумано Столыпинымъ слишкомъ поспѣшно и безъ соображеній всѣхъ сторонъ вопроса, въ особенности въ той плоскости, въ которую я поставилъ его въ разговорѣ съ Столыпинымъ и затѣмъ съ Государемъ. По его словамъ, его ближайшіе сотрудники уже давно указывали ему, что онъ думаетъ взяться за крайне рискованное дѣло, съ которымъ ему просто не справиться, а теперь они твердятъ ему все то же и положительно не даютъ ему покоя, чтобы

онъ пересмотрѣлъ этотъ вопросъ пока не поздно. Тутъ онъ привелъ мнѣ цѣлый рядъ аргументовъ, высказанныхъ ему его «друзьями» и изъ финансоваго міра, которые прямо говорятъ ему, что съ переходомъ Крестьянскаго банка въ вѣдомство земледѣлія у него не будетъ никакихъ способовъ размѣщать закладныхъ листовъ, потому что никакой Министръ Финансовъ не станетъ загружать ими сберегательныхъ кассъ, не зная какъ можно продать ихъ въ случаѣ надобности, а биржа, несвязанная съ нимъ, будетъ просто ихъ обезцѣнивать.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ сомнѣній, по словамъ Кривошеина, у него явилось рѣшеніе доложить всѣ эти сомнѣнія Государю на ближайшемъ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ на этой же недѣлѣ и просить Его отказаться отъ этого намѣренія и позволить ему войти со мною въ новое соглашеніе о большемъ сближеніи Крестьянскаго Банка съ вѣдомствомъ земледѣлія, главнымъ образомъ въ отношеніи выбора земель, пріобрѣтаемыхъ банкомъ за свой счетъ и въ отношеніи выбора крестьянъ покупающихъ земли, продаваемыя банкомъ.

Если я принципіально согласенъ на это, то онъ не сомнѣвается въ томъ, что для Государя это будетъ большимъ облегченіемъ, потому что онъ видѣлъ насколько Онъ обезпокоенъ мыслью о моемъ уходѣ.

Еще лучше было бы, сказалъ онъ, чтобы я согласился представить Государю нашъ совмѣстный всеподданнѣйшій докладъ, коль скоро онъ увидитъ готовность Государя встать на новый путь. Кривошеинъ закончилъ свое длинное объясненіе, которое я ни разу не прерывалъ, сказавши, что напрасно я избѣгалъ все время говорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и чуждался его. Все было бы давно направлено какъ слѣдуетъ и не было бы того длящагося недоразумѣнія, которое тягостно для насъ обоихъ.

Въ моемъ отвѣтѣ, я началъ съ того, что не понимаю прежде всего, какимъ образомъ я могъ говорить съ нимъ, когда все дѣло было представлено Государю и испрошено даже предварительное Его рѣшеніе, совмѣстнымъ соглашеніемъ его съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, даже безъ простого, внушаемаго элементарною деликатностью по отношенію ко мнѣ, оповѣщенія меня объ этомъ. Я узналъ о состоявшемся всеподданнѣйшемъ докладѣ только отъ Столыпина уже послѣ того, что вопросъ оказался рѣшеннымъ. Мои подчиненные были привлечены къ работамъ по приготовленію всего дѣла и имъ было запрещено говорить мнѣ хотя бы одно слово, и они точно выполнили взятое съ нихъ обѣщаніе. Я тогда же отвѣтилъ Столыпину моимъ категорическимъ не-

согласіемъ и, по его же совѣту, доложилъ о немъ Государю, поставивши ребромъ всю мою служебную судьбу. Въ Государѣ я встрѣтилъ рѣшительную поддержку взглядовъ ихъ обоихъ, съ открытымъ Его заявленіемъ, что если даже я правъ, то Онъ все-таки не можетъ взять назадъ обѣщанія даннаго имъ обоимъ и понимаетъ и ни мало не осуждаетъ меня за то, что я отказываюсь сохранять управленіе Министерствомъ Финансовъ, если вредная, для него, по моему мнѣнію, мѣра будетъ проведена. Объ этомъ я въ тотъ же день передалъ Столыпину, а послѣдній разсказалъ ему. Слѣдовательно, кто изъ насъ можетъ обвинять другого въ неделикатности отношеній. Онъ ли меня или я его за то, что все дѣло, принадлежащее моему вѣдѣнію, предположено быть изъятымъ отъ меня, а мнѣ никто ни слова не сказалъ. Отъ предложенія подписать нашъ совмѣстный всеподданнѣйшій докладъ я категорически отказался, заявивши, что я не хочу встрѣтиться съ упрекомъ Столыпина, что я за его спиною представилъ Государю новую мѣру по дѣлу доложенному и одобренному Государемъ по его докладу. По существу же предложенія о еще большемъ сближеніи Крестьянскаго Банка съ его вѣдомствомъ я напомнилъ ему только, что никто иной, какъ я, предложилъ Столыпину весьма выгодныя для вѣдомства Земледѣлія уступки, но получилъ его отвѣтъ: «это совершенно недостаточно, да и поздно объ этомъ говорить, послѣ того, что мы съ Александромъ Васильевичемъ доложили Государю этотъ вопросъ и получили полное Его одобреніе».

Мы разстались съ Кривошеинымъ на томъ, что я отказываюсь отъ всякаго выступленія по этому дѣлу передъ Государемъ, что онъ совершенно свободенъ отъ какихъ-либо обязательствъ передо мною и доложитъ Государю свой измѣнившійся взглядъ вполнѣ самостоятельно. Я просилъ его только сообщить мнѣ результаты его доклада, какъ взять на себя и иниціативу поставить обо всемъ въ извѣстность Столыпина, которому я не скажу ни слова, пока онъ меня не спроситъ. Онъ обѣщалъ мнѣ прислать сегодня же проектъ своего всеподданнѣйшаго доклада, если только успѣетъ его набросать. Это свое обѣщаніе онъ выполнилъ очень точно и уже поздно вечеромъ того же дня я получилъ его проектъ доклада, составленный исключительно отъ его имени, безъ всякаго упоминанія обо мнѣ, и только было вскользь высказано имъ, что я всегда шелъ на встрѣчу всѣмъ интересамъ землеустройства и, несомнѣнно, не измѣню своего отношенія ни въ чемъ, лишь бы не было ущерба для охраненія государственнаго кредита. Черезъ два дня Кривошеинъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо

изъ Петергофа въ самомъ радужно возбужденномъ настроенiи. Онъ показалъ мнѣ одобренный Государемъ его всеподданѣйшiй докладъ и сказалъ, что давно не видалъ Государя въ такомъ прекрасномъ настроенiи. По его словамъ, Государь горячо благодарилъ его за предложенное разрѣшенiе вопроса, устраняющее всякiй поводъ къ моему уходу, и выразилъ увѣренность въ томъ, что и П. А. Столыпинъ будетъ также доволенъ устраненiемъ кризиса, такъ какъ у него всегда польза дѣла стоитъ выше вопросовъ личнаго самолюбiя, а выставленные мною аргументы представляются Ему настолько серьезными, что можно только пожалѣть, что Министръ Финансовъ съ самаго начала былъ устраненъ отъ обсужденiя вопроса. Но — прибавилъ Государь — «всѣ эти вопросы имѣютъ теперь только историческое значенiе и нужно ихъ окончательно ликвидировать и какъ можно скорѣе забыть то, что случилось».

Въ самомъ началѣ iюля Столыпинъ, какъ и предполагалъ, вернулся въ Петербургъ, тотчасъ же былъ принятъ Государемъ, которому онъ доложилъ всѣ частности предстоящей Его поѣздки съ семействомъ въ Кiевъ, съ посѣщенiемъ затѣмъ Чернигова. Государь сказалъ ему, что изъ Кiева Онъ проѣдетъ на продолжительный срокъ въ Ливадiю. Обо всемъ этомъ Столыпинъ передалъ мнѣ тотчасъ по возвращенiи своемъ отъ Государя, но снова не заговорилъ со мною по вопросу о Крестьянскомъ Банкѣ. Я объяснялъ себѣ это только тѣмъ, что и Государь не сказалъ ему ничего о докладѣ Кривошеина, просто позабывши объ этомъ.

Прошло послѣ этого всего одинъ или два дня, какъ Столыпинъ позвонилъ ко мнѣ на дачу и спросилъ, не могу ли я придти къ нему теперь же, такъ какъ ему нужно поговорить со мною по неожиданно выяснившемуся для него вопросу. Я тотчасъ же пошелъ къ нему и засталъ въ его кабинетѣ Кривошеина очень взволнованнаго и продолжавшаго, повидимому, давно начавшiйся разговоръ. При моемъ входѣ онъ былъ очень смущенъ, тогда какъ Столыпинъ въ очень сдержанной формѣ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

«Я васъ побезпокоилъ Вл. Ник. потому, что только что узналъ отъ Александра Васильевича о томъ, что сильно волновавшiй Васъ одно время вопросъ о судьбѣ Крестьянскаго Банка получилъ въ мое отсутствiе совершенно неожиданное разрѣшенiе, которое меня очень радуетъ, потому что оно даетъ Вамъ полное удовлетворенiе, а съ меня слагаетъ большую тяжесть, такъ какъ перспектива возможнаго Вашего ухода меня сильно волновала, и я самъ все время искалъ какого-нибудь выхода,

Теперь этотъ выходъ найденъ именно Александромъ Васильевичемъ, который все время былъ того мнѣнія, что безъ коренной перемѣны интересы его вѣдомства не будутъ ограждены, а теперь всталъ на Вашу точку зрѣнія и считаетъ даже, что ему было бы не справиться съ новымъ дѣломъ, если бы состоялась задуманная нами обоими реформа. Ну, что же, тѣмъ лучше. Я нисколько не намѣренъ настаивать болѣе передъ Государемъ на одобренномъ Имъ моемъ и Александра Васильевича взглядѣ, но не могу не сказать Вамъ въ присутствіи его — и за этимъ я и просилъ Васъ придти ко мнѣ, — что Вы всегда дѣйствовали открыто и честно, возражая мнѣ противъ того, что мы съ нимъ задумали, и, считая наше мнѣніе ошибочнымъ, Вы не постѣснялись поставить на карту Ваше служебное положеніе, находя невозможнымъ нести отвѣтственность за чужія ошибки. Я Васъ только сердечно благодарю за все, какъ вы себя держали, а Александру Васильевичу не могу не сказать при Васъ то, что я уже сказалъ ему безъ Васъ, а именно, что онъ меня предалъ и не подождалъ даже моего возвращенія. Пусть такъ и будетъ и не станемте больше говорить объ этомъ непріятномъ для насъ обоихъ вопросѣ. Алекс. Вас. согласился съ Вами, и я обѣщаю только помочь Вамъ обоимъ довести это дѣло до благополучнаго конца, но буду еще болѣе радъ, если Вы найдете время довести его до такого конца, подъ Вашимъ Предсѣдательствомъ въ Совѣтѣ Министровъ, еще до моего окончательнаго возвращенія въ Петербургъ.

Судьба судила иное. Петръ Аркадьевичъ не вернулся въ Петербургъ, и весь вопросъ былъ ликвидированъ уже значительно позже, когда мнѣ пришлось замѣнить его.

Послѣ этой тягостной для меня бесѣды мы больше ни разу не говорили съ П. А. Столыпинымъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Вышли мы съ Кривошеиномъ изъ Елагина дворца вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до моей дачи и сказалъ мнѣ только, что когда-нибудь можно будетъ возстановить правду и сказать, кто былъ во всемъ виноватъ, а «пока пусть буду я виноватъ во всемъ». Я отвѣтилъ ему только, что нисколько не боюсь никакого возстановленія истины и прошу его удостовѣрить, что моей вины въ этомъ дѣлѣ не было, и никто не можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я когда-либо противорѣчилъ себѣ, а тѣмъ болѣе производилъ какое-либо давленіе на Государя въ личныхъ моихъ интересахъ.

Послѣдними словами Кривошеина передъ тѣмъ, что мы разстались, были: «объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Еще третьяго дня Государь сказалъ мнѣ, что Вы говорили съ нимъ только

одинъ разъ, когда объяснили Ему, въ самой деликатной формѣ, почему Вы не сможете оставаться въ Министерствѣ, если отъ Васъ отойдетъ Крестьянскій Банкъ, и болѣе никогда объ этомъ и не упоминали. Все произошло оттого, что П. А. рѣшилъ развязать этотъ узелъ своею властью, а я соблазнился легкимъ способомъ достигнуть того, что мнѣ казалось гораздо проще, чѣмъ это есть, на самомъ дѣлѣ. Виноваты мы оба, а правы только Вы, за то Вы и имѣете основаніе торжествовать». Надъ чѣмъ спросилъ я? Мой вопросъ остался безъ отвѣта.

ГЛАВА VII.

Прибытіе въ Кіевъ на открытіе въ Высочайшемъ Присутствіи памятника Императору Александру II-му. — Парадный спектакль въ городскомъ театрѣ. — Покушеніе на Столыпина. — Мѣры принятыя мною для предупрежденія еврейскаго погрома. — Молебствіе въ Михайловскомъ Соборѣ. — Возвращеніе Государя. — Посѣщеніе меня націоналистами. — Депутація отъ евреевъ. — Смерть Столыпина. — Назначеніе меня на постъ Предсѣдателя Совѣта. — Вопросъ о Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. — Мое письмо Государю о Макаровѣ и другихъ кандидатахъ. — Отвѣтное письмо Государя.

27-го августа въ сопровожденіи моего Секретаря Л. Ф. Дарліака я выѣхалъ, какъ желалъ того Столыпинъ, въ Кіевъ и прибылъ туда вечеромъ 28-го числа. Я остановился въ уступленной мнѣ части казеннаго помѣщенія Управляющаго конторою Государственнаго Банка Афанасьева на Институтской улицѣ, на искосокъ отъ дома Генералъ Губернатора, въ нижнемъ этажѣ котораго остановился Столыпинъ.

На утро 29-го, получивши печатныя росписанія различныхъ церемоній и празднествъ, я отправился къ Столыпину и засталъ его далеко не радужно настроеннымъ.

На мой вопросъ почему онъ сумраченъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «да такъ, у меня сложилось за вчерашній день впечатлѣніе, что мы съ Вами здѣсь совершенно лишніе люди, и все обошлось бы прекрасно и безъ насъ».

Впослѣдствіи, изъ частыхъ, хотя и отрывочныхъ бесѣдъ за 4 роковые дня пребыванія въ Кіевѣ мнѣ стало извѣстно, что его почти игнорировали при Дворѣ, ему не нашлось даже мѣста на Царскомъ пароходѣ въ намѣченной поѣздкѣ въ Черниговъ, для

него не было приготовлено и экипажа отъ Двора. Сразу же послѣ его пріѣзда начались пререканія между Генералъ-Губернаторомъ Треповымъ и Генераломъ Курловымъ относительно роли и предѣловъ власти перваго, и разбираться Столыпину въ этомъ было тяжело и непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, что рѣшающаго значенія его мнѣнію придано не будетъ.

Со мною онъ былъ необычайно любезенъ и даже несвойственно ему не разъ благодарилъ меня за пріѣздъ, за улаженіе смѣтныхъ разногласій по почтовой части, и, выходя въ первый разъ вмѣстѣ со мною изъ подъѣзда, сказалъ своему адъютанту Есаулову, чтобы мой экипажъ всегда слѣдовалъ за его, на стоянкахъ становился бы рядомъ, а когда мы выходили въ этотъ и на слѣдующій день (30-го августа) откуда бы то ни было, онъ всегда справлялся: «Гдѣ экипажъ М—ра Ф—совъ». Такъ прошли первые 2 дня моего пребыванія въ Кіевѣ въ постоянныхъ разъѣздахъ, молебствіяхъ, церемоніяхъ.

На третій день, 31-го, какъ было условлено, я опять пріѣхалъ утромъ въ моемъ экипажѣ къ Столыпину. Онъ тотчасъ же вышелъ на подъѣздъ и предложилъ мнѣ сѣсть съ нимъ и съ Есауловымъ въ закрытый автомобиль. На мой вопросъ почему онъ предпочитаетъ закрытый экипажъ открытому въ такую чудную погоду, онъ сказалъ мнѣ, что его пугаютъ какимъ-то готовящимся покушеніемъ на него, чему онъ не вѣритъ, но долженъ подчиниться этому требованію.

Меня удивило то, что онъ приглашаетъ меня въ свой экипажъ, какъ бы для того, чтобы раздѣлить его участь, я не сказалъ ему объ этомъ ни слова, тѣмъ болѣе, что былъ увѣренъ, что у него не было мысли о какой-либо опасности, иначе онъ нарочно не присоединилъ меня къ себѣ, и два дня мы объѣзжали городъ и его окрестности вмѣстѣ, а въ моей коляскѣ ѣздилъ Л. Ф. Дорліакъ, или въ одиночествѣ, или съ какимъ бы то ни было случайнымъ спутникомъ. Мы буквально не разлучались эти 2 дня. Вмѣстѣ мы были на скачкахъ, гдѣ также легко могло совершиться покушеніе Багрова, вмѣстѣ были въ Лаврѣ, вмѣстѣ вошли и вышли вечеромъ изъ Купеческаго сада, гдѣ покушеніе Багрова, благодаря темнотѣ, толкотнѣ и безпорядку, могло удасться еще гораздо проще и гдѣ, какъ оказалось потомъ, Багровъ находился въ толпѣ, заполнявшей Купеческій садъ.

Вмѣстѣ же мы пріѣхали въ 8 ч. вечера 1-го сентября въ городской театръ на парадный спектакль, съ котораго я долженъ былъ прямо ѣхать на вокзалъ для возвращенія въ Петербургъ, такъ какъ рѣшено было, что болѣе мнѣ дѣлать было нечего.

2-го сентября утромъ Государь долженъ былъ ѣхать на маневры, вернуться къ вечеру, 3-го или даже вечеромъ въ тотъ же день уѣхать въ Черниговъ, вернуться въ Кіевъ 6-го рано утромъ и днемъ того же числа уѣхать совсѣмъ въ Крымъ черезъ Севастополь.

Эта программа была цѣликомъ и пунктуально выполнена; смертельное пораненіе Столыпина и его кончина ни въ чемъ не нарушили заранѣе составленнаго расписанія.

Въ театрѣ я сидѣлъ въ первомъ же ряду, какъ и Столыпинъ, но довольно далеко отъ него. Онъ сидѣлъ у самой Царской ложи, на послѣднемъ отъ нея креслѣ у лѣваго прохода, а мое мѣсто было у противоположнаго праваго прохода.

Какъ я уже упомянулъ, я долженъ былъ прямо изъ театра ѣхать на поѣздъ, вещи мои были отправлены на вокзалъ съ курьеромъ, а моего секретаря Дорліака я просилъ во время послѣдняго антракта справиться, гдѣ стоитъ нашъ экипажъ, чтобы попытаться легче найти его при выходѣ.

Во время перваго антракта я выходилъ въ фойе разговаривать съ разными лицами, а затѣмъ, желая проститься съ Столыпинымъ, я подошелъ къ нему во второмъ антрактѣ, какъ только занавѣсъ опустился, и Царская ложа опустѣла. Я засталъ его стоящимъ въ первомъ ряду, опершись на балюстраду оркестра. Театральная зала быстро опустѣла, такъ какъ публика хлынула въ фойе, и на мѣстахъ остались по преимуществу сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ креселъ.

Столыпинъ стоялъ въ полъоборота отъ Царской ложи, разговаривая съ стоявшимъ около него Бар. Фредериксомъ и Военнымъ Министромъ Сухомлиновымъ, кое-кто еще оставался въ первомъ ряду, но кто именно, я не замѣтилъ.

Когда я подошелъ къ нему и сказалъ, что прямо изъ театра, послѣ слѣдующаго акта, я ѣду на поѣздъ и пришелъ проститься, спрашивая нѣтъ ли чего передать въ Петербургѣ, онъ сказалъ мнѣ: «нѣтъ, передавать нечего, а вотъ если Вы можете взять меня съ собою въ поѣздъ, то я Вамъ буду глубоко благодаренъ. Я отъ души завидую Вамъ, что Вы уѣзжаете, мнѣ здѣсь очень тяжело ничего не дѣлать, и чувствовать себя цѣлый день какимъ-то издерганнымъ, разбитымъ».

Я отошелъ отъ него еще до окончанія антракта, прошелъ по правому проходу, между креслами и подошелъ къ старикамъ Афанасьевымъ проститься и поблагодарить за гостепріимство. Они сидѣли въ послѣднемъ ряду креселъ передъ поперечнымъ послѣднимъ проходомъ.

Едва я успѣлъ наклониться къ М-мъ Афанасьевой и сказалъ ей нѣсколько словъ на прощанье, какъ раздались два глухихъ выстрѣла, точно отъ хлопушки.

Я сразу не сообразилъ въ чемъ дѣло и видѣлъ только, что кучка людей столпилась въ лѣвомъ проходѣ, недалеко отъ первыхъ рядовъ креселъ, — въ борьбѣ съ кѣмъ-то сброшеннымъ на полъ.

Раздались крики о помощи, я побѣжалъ къ Столыпину, стоявшему еще на ногахъ, въ первомъ же ряду у своего мѣста у самаго прохода, съ блѣднымъ лицомъ, на кителѣ показалось въ нижней части груди небольшое пятно крови. Съ правой стороны къ нему подбѣжали еще люди, кто именно, я не могъ замѣтить, видѣлъ только съ обнаженною шашкою у самой Царской ложи Ген. Дедюлина.

Столыпинъ шатаясь обернулся къ Царской ложѣ, совершилъ крестное знаменіе въ ея сторону и сталъ опускаться на кресло. Всѣ окружающіе помогли ему сѣсть, и поднялась страшная суматоха. Столыпина понесли на креслѣ къ проходу, а передъ тѣмъ толпа увела того, кто былъ сброшенъ на полъ. Залъ моментально наполнился публикой, Государь и вся Царская семья появились въ ложѣ, взвился занавѣсъ и раздались звуки Народнаго Гимна, исполненнаго всею театральною труппою, весь залъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, никто не давалъ себѣ яснаго отчета въ совершившемся, и громовымъ «Ура» встрѣтила растерявшаяся публика конецъ Гимна. Государь, блѣдный и взволнованный, стоялъ одинъ у самаго края ложи и кланялся публикѣ, затѣмъ быстро начался разъѣздъ. Я вышелъ однимъ изъ первыхъ изъ зала, узналъ, что преступникъ задержанъ и подвергается уже допросу въ одномъ изъ нижнихъ помѣщеній театра, что Царская семья выѣхала благополучно и встрѣчена публикой на улицѣ съ величайшимъ подъемомъ, а Столыпинъ отвезенъ въ клинику Доктора Маковскаго. Я выѣхалъ тотчасъ же туда и засталъ тамъ массу всякаго народа, заполнявшаго лѣстницу и всѣ коридоры. Я распорядился прежде всего установить какой-либо внѣшній порядокъ.

Слѣдомъ за мною пріѣхавшему сюда же, послѣ проводовъ Царской семьи во дворецъ, Генералъ-Губернатору Трепову я сказалъ, что по закону я автоматически вступаю въ права Предсѣдателя Совѣта Министровъ, такъ какъ состою его замѣстителемъ, и прошу его удалить всю публику, поставить полицейскую охрану снаружи и внутри лечебницы и указать тому, кто будетъ испол-

нять полицейскія обязанности, помогать мнѣ въ чемъ я встрѣчу надобность. Генералъ Треповъ приказалъ полицмейстеру все это исполнить, а самъ скоро уѣхалъ, условившись со мною, что будетъ ждать меня у себя, какъ только я сочту возможнымъ уѣхать изъ лечебницы. Врачи были въ сборѣ, тотчасъ же приступили къ осмотру раненаго и заявили, что пуля нащупывается близко къ поверхности сзади, и къ вынутію ея будетъ приступлено не позже слѣдующаго утра. Столыпинъ былъ въ полномъ сознаніи, видимо, сильно страдалъ, но удерживалъ стоны и казался бодрымъ. Не помню теперь, кто именно изъ врачей, ихъ было тамъ много, сказалъ мнѣ однако тутъ же:«дѣло скверно, судя по входному отверстію пули и мѣсту, гдѣ она прощупывается, при выходѣ, должно быть пробита печень, развѣ что ударившись объ крестъ пуля получила неправильное движеніе и обошла по дугѣ, но это мало вѣроятно». Его слова оказались пророческими. Больного перенесли въ другую комнату, обставили всѣмъ необходимымъ, онъ дважды звалъ меня къ себѣ, но такъ какъ доктора настаивали на абсолютномъ покоѣ, то я прекратилъ всякую попытку разговора, сказалъ ему въ шуточной формѣ, что доктора возложили на меня обязанности диктатора, и что безъ моего разрѣшенія никого къ нему пускать не будутъ, и самъ онъ долженъ подчиниться моей власти.

Это было и фактически такъ. Доктора, видя, что насъ окружаетъ масса высокопоставленныхъ лицъ, буквально боялись распорядиться, и я предложилъ имъ выручить ихъ въ трудномъ положеніи и перенести всю отвѣтственность на меня, за что они и ухватились съ величайшей благодарностью. Въ 2 ч. ночи, послѣ того, что врачи заявили мнѣ, что до утра они не приступятъ ни къ какимъ дѣйствіямъ и будутъ лишь всѣми способами поддерживать силы больного, — я уѣхалъ изъ лечебницы прямо къ Генералу Трепову и засталъ его въ подавленномъ настроеніи. Ему только что донесъ полицмейстеръ и охранное отдѣленіе (полковникъ Кулябко, главный виновникъ всей этой драмы), что въ населеніи Кіева, узнавшемъ, что преступникъ Багровъ — еврей, сильнѣйшее броженіе и готовится грандіозный еврейскій погромъ, предотвратить который онъ не въ силахъ, такъ какъ войскъ въ городѣ совсѣмъ нѣтъ, ибо всѣ части ушли на маневры и на парадъ тамъ въ присутствіи Государя, завтра днемъ, что полиціи и жандармовъ совершенно недостаточно даже для очередныхъ нарядовъ, усиленныхъ вслѣдствіи пребыванія Царской Семьи, и онъ буквально не знаетъ что дѣлать... Я рѣшилъ дѣйствовать самъ, какъ умѣлъ. Тутъ же,

узнавши отъ Генерала Трепова, что Командующій войсками Генералъ Н. I. Ивановъ уѣхалъ уже на маневры, и въ городѣ его замѣняетъ его Помощникъ Ген. Баронъ Зальца, я снесся съ нимъ, несмотря на ночной часъ, по телефону и получивши отъ него отвѣтъ, что онъ не имѣетъ права вызвать кавалерію, предложилъ ему сдѣлать это по моему распоряженію, какъ заступившаго мѣсто Главы Правительства и за моею отвѣтственностью. Онъ согласился безъ всякихъ возраженій и быстрымъ приказомъ отданнымъ по телефону же — спасъ положеніе; три казачьихъ полка были вызваны обратно съ маневровъ и къ 7-ми часамъ утра вступили уже въ Кіевъ и заняли весь Подолъ и всѣ части города, заселенныя сплошь евреями. Среди евреевъ было невообразимое волненіе; всю ночь они укладывались и выносили пожитки изъ домовъ, а съ ранняго утра, когда было еще темно потянулсь возы на вокзалъ. Съ первыми отходящими поѣздами выѣхали всѣ, кто только могъ втиснуться въ вагоны, а площадь передъ вокзаломъ осталась запруженою толпою людей, расположившихся бивуакомъ и ждавшихъ подачи новыхъ поѣздовъ.

Появленіе казаковъ, занявшихъ также улицы, ведущія къ вокзалу, — мѣсту скопленія готовившихся къ выѣзду евреевъ, — быстро внесло успокоеніе. Къ вечеру волненіе почти улеглось, выѣздъ прекратился и съ 3-го числа жизнь также незамѣтно вошла въ обычную колею, какъ незамѣтно всколыхнули ее тревожные слухи.

2-го сентября, съ 9-ти часовъ утра я былъ уже снова въ лечебницѣ Маковскаго. Столыпина я засталъ въ бодромъ состояніи, но страданія его, видимо, усилились и присущее ему мужество минутами оставляло его. Меня онъ немедленно позвалъ къ себѣ, передалъ ключи отъ своего портфеля, просилъ разобрать въ немъ бумаги и доложить наиболѣе спѣшное Государю въ этотъ же день въ назначенное для него время, въ 4 ч. дня, а затѣмъ высказалъ желаніе повидать на минуту Генерала Курлова и переговорить съ нимъ наединѣ. Я убѣдилъ его не дѣлать этого, потому что врачи не допускаютъ нарушенія покоя, и осторожно спросилъ его не желаетъ ли онъ уполномочить меня въ самой деликатной формѣ дать знать Ольгѣ Борисовнѣ.

Получивъ его согласіе, я тутъ же набросалъ телеграмму, показалъ ее ему и немедленно отправилъ. Онъ пошутилъ при этомъ, что съ ея пріѣздомъ около него не будетъ такой сильной власти, какую я олицетворяю. Въ теченіе первой половины дня въ лечебницу пріѣхалъ Генералъ Курловъ, чтобы освѣдомиться не выражалъ ли Столыпинъ желаніе видѣть его; врачи сказали ему,

что такое желаніе имъ было выражено, но они не считютъ возможнымъ допускать къ нему кого-либо и прибавили, что они просили моего содѣйствія къ тому, чтобы это условіе было строго соблюдаемо. Тогда онъ просилъ доложить мнѣ о его желаніи явиться ко мнѣ. Я тотчасъ же принялъ его въ отдѣльной комнатѣ внизу, гдѣ я проводилъ многіе часы въ эти дни для того, отчасти, чтобы лично не допускать наплыва публики въ лечебницу. Онъ спросилъ меня, какъ вступившаго въ исполненіе обязанностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ, «угодно ли мнѣ, чтобы онъ немедленно подалъ въ отставку, такъ какъ при возложенной на него обязанности руководить всѣмъ дѣломъ охраны порядка въ Кіевѣ, я могу считать его виновнымъ въ случившемся». Я отвѣтилъ ему на это, что не считаю нужнымъ обсуждать въ данную минуту степень виновности кого-либо въ происшедшемъ, и что этотъ вопросъ будетъ въ свое время выясненъ тѣмъ слѣдствіемъ, которое будетъ назначено, рѣшеніе же вопроса объ увольненіи кого бы то ни было изъ чиновъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ административномъ порядкѣ, зависитъ отъ лица, которое Государю Императору угодно будетъ назначить на должность Министра. До этой минуты, сказалъ я Генералу Курлову, ему надлежитъ исполнять обязанности, возложенныя на него Высочайшею властью впредь до выбытія Его Величества изъ Кіева, когда эти обязанности фактически будутъ съ него сняты.

Въ 12 ч. было назначено молебствіе въ Михайловскомъ соборѣ объ исцѣленіи Петра Аркадьевича; на него собрались всѣ съѣхавшіеся въ Кіевъ земскіе представители и много петербургскихъ чиновниковъ. Никто изъ Царской семьи не пріѣхалъ и даже изъ ближайшей свиты Государя никто не явился. Не успѣли ли имъ дать знать, или же просто никто не получилъ распоряженія отъ своего Начальства, этого я не могу сказать.

Едва я успѣлъ войти въ храмъ, когда еще не всѣ оказались въ сборѣ и духовенство не вышло изъ алтаря, — ко мнѣ подошелъ одинъ изъ избранныхъ представителей вновь учрежденнаго земства, Членъ Государственной Думы 3-го созыва, впослѣдствіи Членъ Государственнаго Совѣта по выборамъ, и въ довольно развязной формѣ обратился со слѣдующими словами: «вотъ, Ваше Высокопревосходительство, представлявшійся прекрасный случай отвѣтить на выстрѣлъ Батрова хорошенькимъ еврейскимъ погромомъ, теперь пропалъ, потому что Вы изволили вызвать войска для защиты евреевъ». Меня это глубоко возмутило, и я сказалъ нарочно громко, чтобы слышали всѣ:

«Да, Ваше Превосходительство, я вызвалъ военную силу,

чтобы защитить невинныхъ людей отъ злобы и насилія, и за это возьму на себя отвѣтственность передъ Государемъ и передъ моею совѣстью, а Вамъ могу только выразить удивленіе, что въ Храмѣ Христа, Пострадавшаго за грѣхи человѣка и Завѣщавшаго намъ любить ближняго, Вы не нашли ничего лучшаго, какъ выражать сожалѣніе о томъ, что не пролита кровь неповинныхъ людей».

Эта выходка, помимо возмутительнаго ея цинизма, навела меня на мысль, что принятыя мною по Кіеву мѣры недостаточны и нужно предупредить возможность эксцессовъ повсемѣстно въ чертѣ еврейской осѣдлости. Я рѣшилъ заготовить и послать тотчасъ по окончаніи молебствія, открыто, не шифромъ, всѣмъ губернаторамъ этой черты рѣшительную телеграмму, требуя энергичныхъ мѣръ къ предупрежденію погромовъ, и предлагая имъ (— я хорошо помню текстъ этой телеграммы, и теперь, много лѣтъ спустя): «въ выборѣ этихъ мѣръ прибѣгать по обстоятельствамъ ко всѣмъ допустимымъ закономъ способамъ, до употребленія въ дѣло оружія включительно». Текстъ этой уже отправленной телеграммы я захватилъ съ собой на всеподданнѣйшій докладъ. Государя я нашелъ совершенно спокойнымъ. Онъ невысказалъ мнѣ никакого неудовольствія по поводу вызова съ маневровъ 3-хъ казачьихъ полковъ, замѣтивъ только, что полкамъ, конечно, было непріятно не быть на смотру послѣ маневровъ; горячо благодарилъ за телеграмму губернаторамъ и за самую мою мысль вызова войскъ для предотвращенія погрома, сказавши при этомъ: «какой ужасъ за вину одного еврея мстить неповинной массѣ», и вообще утвердилъ по обыкновенію все, что ему было предложено именемъ Столыпина. Характеренъ былъ при этомъ одинъ разговоръ. Сославшись на то, что, по мнѣнію врачей, Столыпинъ опасно раненъ, вѣроятно погибнетъ и, во всякомъ случаѣ, на долго выведенъ изъ строя, я просилъ разрѣшенія вызвать по телеграфу изъ-за границы старшаго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Крыжановскаго и поручить ему временное управленіе Министерствомъ. Я указалъ при этомъ на то, что помимо старшинства, на другихъ Товарищей возлагать этой обязанности нельзя, т. к. А. И. Лыкошинъ совершенно не годится на роль руководителя, а Ген. Курловъ уже по первымъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ настолько скомпрометированъ въ покушеніи на Столыпина его непонятными дѣйствіями, что едва ли онъ вообще сможетъ оставаться на службѣ.

Такое мое заявленіе удивило Государя. Я передалъ все, что успѣлъ узнать объ обстоятельствахъ, при которыхъ преступникъ

сказался въ театрѣ, обѣщалъ докладывать и далѣе обо всемъ по мѣрѣ хода слѣдствія, чего я въ Кіевѣ исполнить, однако, не могъ, потому что почти не видѣлъ Государя и не имѣлъ съ нимъ болѣе дѣловой бесѣды, — но по поводу вызова Крыжановскаго Государь сказалъ мнѣ: «Я не имѣю основанія довѣрять этому лицу и не могу назначить его Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, потому что мало его и знаю, безъ этого условія мнѣ трудно рѣшиться на такое назначеніе». Я разъяснилъ Государю, что дѣло идетъ не о назначеніи Министромъ, а о необходимости поручить кому-либо одному изъ Товарищей временно управлять Министерствомъ, потому что теперь каждый Товарищъ вѣдаетъ своей частью, общее же руководство лежитъ на умирающемъ Столыпинѣ, и оставить дѣло такъ нельзя. Назначеніе Министра, очевидно, послѣдуетъ только тогда, когда рѣшится участь Петра Аркадьевича, чего, прибавилъ я, вѣроятно долго ждать не придется, такъ какъ, повидимому, шансовъ на выздоровленіе не много, и явленія, выяснившіяся за ночь, указываютъ на то, что внутренніе органы сильно пострадали. На мои послѣднія слова Государь отвѣтилъ: «Я узнаю и тутъ Вашъ обычный пессемизмъ, — но я увѣренъ, что Вы ошибаетесь. П. А. поправится, только не скоро, и Вамъ долго придется нести работу за него».

3-го сентября утромъ пріѣхалъ вызванный по желанію врачей, по совѣщанію со мною, проф. Цейдлеръ и, осмотрѣвши больного, сталъ склоняться болѣе въ сторону врачей, смотрѣвшихъ мрачно на ходъ болѣзни, хотя еще не могъ высказать окончательное заключенія. Пріѣхалъ зять Столыпина — А. Б. Нейдгардъ и съ меня спала часть личныхъ заботъ о больномъ, но зато прибавились лишніе разговоры по существу совершеннаго преступленія, такъ какъ А. Б. Нейдгардъ и пріѣхавшій на другой день братъ его Дм. Б. Нейдгардъ стали усиленно насѣдать на меня въ смыслѣ необходимости поручить слѣдствіе какому-либо особому лицу и непремѣнно сенатору. Министръ Юстиціи Щегловитовъ, тоже пріѣхавшій въ Кіевъ, былъ того же мнѣнія и, по соглашенію съ нимъ, выборъ палъ на Сенатора Трусевича, бывшаго недавно Директоромъ Департамента Полиціи, т. к. слѣдствіе успѣло уже выяснить вопіющую халатность въ дѣйствіяхъ Охраннаго Отдѣленія, Генерала Курлова и его ближайшихъ подчиненныхъ.

Утромъ 4-го пріѣхала О. Б. Столыпина. Я встрѣтилъ ее на вокзалѣ, привезъ въ лечебницу и сдалъ больного всецѣло въ ея руки. Его состояніе становилось все хуже, и даже слабая надежда на благополучный исходъ стала исчезать. Въ тотъ же день ее навѣстилъ Государь, причемъ всѣмъ дано было знать,

что нежелательно присутствіе въ лечебницѣ посторонних лицъ. Больного Государь не видѣлъ; онъ начиналъ терять сознаніе, бредилъ и стоналъ. Пробылъ Государь въ лечебницѣ недолго, вынесъ впечатлѣніе, что я преувеличиваю опасность, тѣмъ болѣе, что докторъ Боткинъ продолжалъ увѣрять его, что ничего грознаго нѣтъ, и подъ вечеръ того же числа Государь уѣхалъ въ Черниговъ, откуда возвратился въ 6 ч. утра 6-го сентября, не заставши уже Столыпина въ живыхъ. Его не стало въ ночь съ 5-го на 6-е число. Уже со второй половины дня 4-го числа было ясно, что минуты его сочтены. Температура понизилась, страданія усилились, стоны почти не прерывались, и появилась страшная икота, которая была слышна даже на лѣстницѣ. Сознаніе державшееся довольно яснымъ еще до утра 5-го числа, постепенно затемнялось, голосъ падалъ, и около 5-ти часовъ дня больной впалъ въ забытье, невыходя изъ котораго онъ и перешелъ въ вѣчность.

Съ минуты пріѣзда Ольги Борисовны Столыпиной я сталъ проводить въ лечебницѣ нѣсколько меньше времени, хотя ежедневно, не менѣе трехъ разъ, бывалъ тамъ.

Мои нервы отъ переживамыхъ тревогъ и полной безсонницы по ночамъ, — я все ждалъ телефонныхъ звонковъ изъ лечебницы, — были крайне напряжены. Съ утра до ночи я получалъ свѣдѣнія о ходѣ слѣдствія, все болѣе и болѣе укрѣплявшія меня въ томъ, что никакой организаціи въ охранѣ не было, и что худшія послѣдствія могли произойти, если бы только было желаніе ихъ причинить, и, кромѣ того, мнѣ приходилось принимать множество всякаго рода людей, добивавшихся свиданія со мною.

Изъ этихъ посѣщеній два заслуживаютъ особаго упоминанія.

Третьяго или четвертаго числа ко мнѣ явилась депутація націоналистовъ Юго-Западнаго края въ лицѣ моихъ знакомыхъ членовъ Государственной Думы П. Н. Балашова, Д. Н. Чихачова, Потоцкаго и ранѣе мнѣ неизвѣстнаго Профессора Чернова.

Говорилъ со мною отъ имени депутаціи глава ея Балашовъ, другіе же молчали и только подъ конецъ, видимо желая загладить неловкость положенія, сказалъ нѣсколько примирительныхъ словъ Проф. Черновъ.

Балашовъ началъ съ того, что партія націоналистовъ взволнована покушеніемъ на Столыпина, не только какъ на выдающагося и благороднаго Государственнаго человѣка, незамѣнимаго въ настоящую минуту, но и какъ на человѣка, всѣмъ своимъ существомъ слившагося съ національной партіей, проникнутаго ея

31*

идеалами и оказывающаго ей свое могущественное покровительство, потому что въ ней онъ видитъ единственную здоровую политическую партію въ Россіи, не борющуюся съ Правительствомъ во имя захвата власти. Волненіе партіи, — по словамъ Балашова, — увеличивается еще болѣе отъ того, что преемникомъ Столыпина назначенъ или назначаюсь я, потому что мнѣ партія не довѣряетъ и очень опасается, что моя политика будетъ совершенно иная, чуждая яснымъ національнымъ идеаламъ, и проникнутая слишкомъ большими симпатіями къ западу, слѣдовательно, къ элементамъ международнаго капитала и — инородческимъ. «Позвольте договорить до конца», сказалъ Балашовъ, «мы Васъ поддерживать не можемъ, если только не получимъ отъ Васъ увѣренности, что, замѣнивши Петра Аркадьевича, Вы будете честнымъ и открытымъ продолжателемъ его политики».

Выслушавши это не обычное и мало любезное обращеніе, я началъ мой отвѣтъ съ чисто формальнаго отвода, сказавши, что я отнюдь не назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а только вступилъ по закону въ исполненіе его обязанностей, по причинѣ тяжелой болѣзни Петра Арк. Вмѣстѣ съ ними я искренно молился въ соборѣ о его исцѣленіи, хотя съ грустью думаю, что наша молитва не будетъ услышана, потому что вижу, что Петръ Аркадьевичъ угасаетъ. Я не имѣю рѣшительно никакого желанія быть руководителемъ общей политики Россіи и буду очень благодаренъ ихъ партіи, если она, въ размѣрахъ доступныхъ ея вліянію, приметъ мѣры къ тому, чтобы отвратить ту опасность, которую она видитъ въ моемъ назначеніи, а мнѣ окажетъ великую услугу, избавивши меня отъ той тяжести, нести которую я вовсе не стремлюсь. Я прибавилъ къ этому еще видимо не понравившіяся Балашову слова: «но только было бы гораздо проще и, во всякомъ случаѣ, деликатнѣе по отношенію ко мнѣ, если бы Вы обратили Ваши опасенія туда, гдѣ можетъ рѣшаться мое назначеніе, если Вы имѣете туда доступъ, а не говорить мнѣ прямо въ лицо «мы Вамъ не вѣримъ», ибо не можете же Вы ожидать отъ меня такого шага, чтобы я самъ пошелъ къ Государю и сказалъ: «мнѣ не вѣритъ самая крупная политическая партія, и по этому я не могу принять такого назначенія». Тѣмъ болѣе не могу я этого доложить Его Величеству, что у меня нѣтъ никакихъ основаній полагать, что такое назначеніе будетъ мнѣ предложено».

Послѣ этого вмѣшался проф. Черновъ и желая поправить своего лидера, сказалъ мнѣ: «Петръ Ник. не совсѣмъ ясно выразилъ Вамъ нашу мысль, или Вы поняли ее не такъ, какъ мы хо-

тѣли ее высказать. Мы понимаемъ хорошо, что всякая политическая партія, которая занимается борьбой съ Правительствомъ, приноситъ несомнѣнный вредъ и себѣ и странѣ. Въ Россіи нужно не бороться съ властью, а работать вмѣстѣ съ нею, но работать можно только съ такою властью, которую уважаешь, и помогать только той, которая помогаетъ партіи и ведетъ страну по правильному пути. Если бы мы имѣли не только увѣренность, но даже надежду на то, что Вы поведете Россію по тому пути, по которому ее велъ Петръ Аркадьевичъ, мы открыто стали бы на Вашу сторону, какъ стояли на его сторонѣ».

Поблагодаривши профессора за то, что его обращеніе ко мнѣ, во всякомъ случаѣ, отличалось меньшею нелюбезностью, нежели выступленіе ихъ лидера, я высказалъ моимъ посѣтителямъ прежде всего, что они придаютъ власти Предсѣдателя Совѣта гораздо больше значенія, нежели она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. И сейчасъ, спустя много лѣтъ, я могу воспроизвести то, что сказалъ я имъ въ подтвержденіе моей мысли (я сохранилъ замѣтку о нашемъ свиданіи, записанную по горячимъ слѣдамъ), а именно, — «что прочной, всеобъемлющей власти сейчасъ въ Россіи никто, кромѣ Государя, не имѣетъ и имѣть не будетъ. Она дается только въ минуту катастрофы и кризиса, когда приходится даже проявлять готовность поступиться многими существенными прерогативами. Но какъ только гроза проходитъ, всѣ полномочія существенно видоизмѣняются и чѣмъ больше пользовался носитель власти своими полномочіями, тѣмъ скорѣе наступаетъ его паденіе. За примѣромъ, сказалъ я, ходить не далеко. Вотъ тотъ же Петръ Аркадьевичъ, который теперь умираетъ, и котораго вы считали осуществляющимъ программу Вашей партіи, развѣ онъ, при всей своей кажущейся силѣ былъ вполнѣ самостоятельнымъ и въ особенности проченъ на своемъ посту. Неужели вы сами не видѣли, что послѣ проведенія Западнаго Земства онъ вовсе не остался столь же вліятельнымъ, какъ былъ прежде. Вѣдь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ одержанной имъ побѣды онъ уже былъ конченнымъ человѣкомъ, въ смыслѣ вліянія, и если бы пуля Богрова не пресѣкла его дней, то онъ все равно очень скоро сошелъ бы съ политической арены, и никакая поддержка вашей партіи не уберегла бы его. Онъ сознавалъ это лучше всякаго, и еще почти наканунѣ постигшей насъ катастрофы прямо говорилъ мнѣ объ этомъ. Повѣрьте мнѣ, что всѣ наши уговоры съ вами, если бы даже мы могли заключить съ Вами предлагаемый договоръ, не имѣли бы существеннаго значенія». «Я никогда не былъ хвастуномъ и никогда не рѣшусь сказать Вамъ, что я сумѣю про-

вести ту или иную политику. Если мнѣ суждено, — отъ чего упаси меня Господь, — смѣнить Петра Аркадьевича, то я обѣщаю исполнить одно — никогда не лгать моему Государю и не быть игрушкою въ рукахъ какой-либо партіи. Я не знаю, буду ли я располагать свободою дѣйствій, но такъ какъ я въ этомъ сомнѣваюсь, то буду исполнять мой долгъ только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не заставятъ меня дѣйствовать противъ моей совѣсти, а что касается до вашей партіи, то я скажу вамъ прямо, что вашей программы я въ точности не знаю, слышалъ очень часто отъ Петра Аркадьевича много красивыхъ, но туманныхъ словъ, а практической сущности ея не вижу и усвоить себѣ еще не могъ. Если, какъ Вы говорите, Вашимъ лозунгомъ является величіе Россіи и освобожденіе ея отъ всякаго чужого засилія, то повѣрьте мнѣ, что на этой почвѣ намъ сойтись болѣе чѣмъ просто. Но вашей политики угнетенія инородцевъ я не раздѣляю и служить ей не могу. Это политика вредная и опасная. Оказывайте какое хотите покровительство русскому элементу, будемте вмѣстѣ возвышать его во всѣхъ отношеніяхъ и давать ему первыя мѣста, но преслѣдовать сегодня еврея, завтра армянина, потомъ поляка, финляндца, и видѣть во всѣхъ ихъ враговъ Россіи, которыхъ нужно всячески укрощать, этому я не сочувствую и въ этомъ намъ съ вами не по пути».

Наша бесѣда продолжалась еще нѣсколько минутъ, и мы разстались, конечно, недовольные другъ другомъ. Я повторилъ при разставаніи то, что сказалъ вначалѣ, что я буду радъ и благодаренъ имъ, если они сумѣютъ отстранить мое назначеніе, и прибавилъ даже, что готовъ, съ своей стороны, быть вѣрнымъ сотрудникомъ всякому Предсѣдателю Совѣта Министровъ, который будетъ продолжать дѣло П. А. Столыпина, лишь бы только и онъ не мѣшалъ мнѣ дѣлать мое дѣло — управлять финансами такъ, какъ я это понимаю. Слѣдомъ за этой депутаціей и, кажется, даже столкнувшись съ нею въ дверяхъ, ко мнѣ пришла другая депутація — отъ Кіевскихъ евреевъ. Въ составѣ ея не было никого изъ именитаго Кіевскаго еврейства, и секретарь мой Дорліакъ, говоря мнѣ объ ней, сказалъ мнѣ даже, что пришли какіе-то несчастные мелкіе еврейчики, совершенно растеряннаго вида, и онъ хорошенько не можетъ разобрать, что имъ нужно, такъ безсвязна ихъ рѣчь.

Я вышелъ къ нимъ въ переднюю и дѣйствительно, нашелъ 4—5-хъ немолодыхъ евреевъ въ длинныхъ сюртукахъ, съ всклокоченными бородами. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ руку, другіе хотѣли было встать на колѣни, но я ихъ

удержалъ, и послѣ довольно продолжительныхъ разспросовъ, могъ только понять, что это представители торговцевъ съ базара на Подолѣ, что они не успѣли выѣхать изъ города, подобно другимъ болѣе крупнымъ торговцамъ, и что они умоляютъ меня защитить ихъ отъ погрома. Я старался успокоить ихъ, сказалъ, что главная опасность миновала, т. к. казачьи полки во время пришли въ Кіевъ. Они ушли, видимо, успокоенные, по крайней мѣрѣ, на слѣдующій день Л. Ф. Дорліакъ показалъ мнѣ замѣтку «Кіевской Мысли», въ которой говорилось, что пріемъ мой внесъ успокоеніе, базаръ открывается, и жизнь постепенно входитъ въ свою колею. Эта замѣтка, однако, не обошлась для меня даромъ. Она была передана по телеграфу «Новому Времени», и эта газета встрѣтила мое назначеніе ядовитою замѣткою о моей чрезмѣрной заботливости о благѣ и спокойствіи евреевъ.

Къ вечеру 5-го сентября я снова поѣхалъ въ лечебницу Маковскаго и было уже ясно, что роковая развязка приближается. Нервы не выдержали слушать звуки ужасной икоты, и я въ десятомъ часу вернулся домой, прося, чтобы мнѣ позвонили по телефону, если бы мое присутствіе оказалось бы почему-либо нужнымъ. Прошло немного времени и мнѣ сообщили о кончинѣ Петра Аркадьевича. Я тотчасъ же послалъ телеграмму Барону Фредериксу по пути слѣдованія Государя обратно изъ Чернигова въ Кіевъ.

6-го сентября, въ 6 часовъ утра я былъ уже на пароходной пристани, гдѣ и ожидалъ возвращенія Государя. Кромѣ Гр. Бенкендорфа и Генерала Трепова, не было никого. Охраны также никакой выставлено не было, такъ какъ Треповъ передалъ мнѣ, что Государя повезутъ окольными дорогами, куда бы онъ ни приказалъ ѣхать. Вскорѣ подошелъ пароходъ. Государь принялъ меня на палубѣ, молча выслушалъ мой краткій докладъ и сказалъ, что ѣдетъ прямо поклониться праху Столыпина. Онъ сѣлъ въ открытый автомобиль съ Бар. Фредериксомъ, я сѣлъ въ такой же другой автомобиль съ Треповымъ, и мы поѣхали въ лечебницу. Городъ былъ пустъ, мы быстро совершили довольно длинный кружный переѣздъ. Въ больницѣ насъ встрѣтилъ др. Маковскій и еще одинъ врачъ, и слѣдомъ за Государемъ я вошелъ въ угловую большую комнату, на верху на лѣво, по корридору, гдѣ лежало еще на кровати, но уже поставленное въ переднемъ углу комнаты тѣло Столыпина. У изголовья сидѣла вдова покойнаго, Ольга Борисовна Столыпина, въ бѣломъ больничномъ халатѣ. Когда Государь вошелъ въ комнату, она поднялась къ нему на встрѣчу, и громкимъ голосомъ отчеканивая каждое сло-

во, произнесла извѣстную фразу: «Ваше Величество, Сусанины не перевелись еще на Руси».

Отслужили панихиду, Государь сказалъ тихо нѣсколько словъ О. Б. и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, сѣлъ въ автомобиль также съ Бар. Фредериксомъ, и въ сопровожденіи второго автомобиля, въ которомъ я ѣхалъ съ Генераломъ Треповымъ, вернулся въ Николаевскій дворецъ. Отъ воротъ дворца, мы съ Треповымъ уѣхали обратно; онъ довезъ меня до своего подъѣзда, я прошелъ къ себѣ въ банкъ и сталъ готовиться къ отъѣзду Царской семьи изъ Кіева, который былъ назначенъ въ тотъ же день, въ 12 ч. утра.

Городъ имѣлъ совершенно праздничный видъ, масса народа на улицахъ; войска стояли шпалерами до самаго вокзала.

Я проѣхалъ съ моимъ секретаремъ нѣсколько раньше, чтобы не опоздать изъ-за какой-нибудь случайной задержки. На вокзалѣ я встрѣтилъ массу народа — мужчинъ въ бѣлыхъ кителяхъ съ лентами и орденами, дамъ въ свѣтлыхъ нарядахъ, и я смѣшался съ толпою, ожидая прибытія Царскаго кортежа.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошелъ И. Г. Щегловитовъ и спросилъ меня, не знаю ли я, зачѣмъ его зовутъ во дворецъ по телефону, какъ ему только что сказалъ это князь Орловъ. Я высказалъ ему предположеніе, что Государь вѣроятно желаетъ знать подробности о производствѣ слѣдствія объ убійствѣ Столыпина, какъ въ ту же минуту ко мнѣ подошелъ тотъ же Орловъ, и сказалъ, что произошла ошибка, и что во дворецъ требуютъ меня, и при томъ какъ можно скорѣе, такъ какъ Государь задерживаетъ свой отъѣздъ изъ дворца въ ожиданіи моего прибытія.

Понимая, что на моихъ плохихъ лошадяхъ скоро не доѣдешь, я просилъ дать мнѣ чей-нибудь автомобиль. Мнѣ предложилъ его городской голова Дьяковъ; для безпрепятственнаго проѣзда мнѣ дали на козлы жандармскаго унтеръ-офицера, и мы помчались съ невѣроятной быстротой. По дорогѣ едва не случилась катастрофа, такъ какъ шоферъ не задержалъ на поворотѣ, заднія колеса закатились, и автомобиль едва не опрокинулся, но все дѣло ограничилось тѣмъ, что мы бокомъ машины оттѣснили часть шпалеры солдатъ. Подъѣхавши ко Дворцу, я нашелъ Императрицу сидящую внизу на подъѣздѣ въ креслѣ. Едва успѣлъ я поцѣловать руку, какъ ко мнѣ подошелъ Бар. Фредериксъ и сказалъ по французски: «Государь Васъ давно ждетъ». Я засталъ Государя въ кабинетѣ, стоящимъ передъ выходной дверью, съ фуражкою въ рукахъ. Со своей обычной улыбкой онъ обра-

тился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Я прошу Васъ быть не предсѣдательствующимъ, а Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, оставаясь, разумѣется, и Министромъ Финансовъ. Надѣюсь, Вы мнѣ въ этомъ не откажете». Я отвѣтилъ на это: «мой долгъ повиноваться Вашему Величеству, если Вы оказываете мнѣ Ваше довѣріе и считаете меня достойнымъ его, но въ трудныхъ условіяхъ управленія Россіею мнѣ необходимо знать, кого Ваше Величество изберете Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ». Государь отвѣтилъ мнѣ на это: «Я уже думалъ объ этомъ и остановилъ мой выборъ на Нижегородскомъ Губернаторѣ Хвостовѣ». Меня это извѣстіе просто ошеломило, и я сказалъ Государю: «Ваше Величество, я знаю, что Вы спѣшите уѣхать, и у Васъ нѣтъ времени подробно выслушать меня, но вѣрьте моей чести, что мнѣ больно противорѣчить Вамъ. Я по совѣсти не могу исполнить моего долга передъ Вами, если моимъ сотрудникомъ по Мин. Вн. Дѣлъ будетъ такой человѣкъ, какъ Хвостовъ, котораго никто въ Россіи не уважаетъ, и назначеніе котораго въ особенности вредно для Васъ, Государь, въ данную минуту, когда отъ Министровъ требуется то, чего Хвостовъ дать не въ состояніи. Позвольте просить Васъ оказать мнѣ особую милость не считать моего назначенія окончательнымъ, если Вы рѣшили безповоротно назначить Хвостова. По пріѣздѣ въ Петербургъ я изложу Вамъ въ письмѣ самымъ откровеннымъ образомъ мой взглядъ на назначеніе Хвостова, предложу Вамъ на выборъ рядъ другихъ кандидатовъ и, если Вы, тѣмъ не менѣе предпочтете имъ всѣмъ или кому-либо изъ другихъ кандидатовъ Вашего выбора, того же Хвостова, то не прогнѣвайтесь на меня и освободите меня отъ высокаго назначенія. Я слишкомъ хорошо знаю условія нашей государственной дѣятельности и по чести докладываю Вамъ, что никакой Предсѣдатель Совѣта не можетъ помѣшать тѣмъ неосмотрительнымъ дѣйствіямъ, на которые способны люди подобные Хвостову.

Государь, видимо, терялъ терпѣніе, дверь дважды пріотворялась, и Бар. Фредериксъ, видимо, указывалъ на необходимость отъѣзда. Государь, подумавъ немного, сказалъ безъ всякаго чувства раздраженія, своимъ обычнымъ, ласковымъ голосомъ: «нѣтъ, Я считаю, что Вы назначеніе приняли, напишите все откровенно, и знайте, что я уѣзжаю совершенно спокойно, передавши власть въ Ваши руки». При этомъ онъ обнялъ и перекрестилъ меня. Слѣдомъ за нимъ я пошелъ внизъ, Царская Семья двинулась въ автомобиляхъ въ дорогу, за ними поспѣшили другіе экипажи, такъ что мой автомобиль попалъ на 6-ое или 7-ое мѣсто, и когда я подъѣхалъ къ вокзалу, то Императрица, види-

мо, уже нѣкоторое время поджидала меня на перронѣ, не входя въ вокзалъ, протянула мнѣ руку и, когда я, снявъ фуражку, поцѣловалъ ее, она сказала мнѣ тихо, по-французски: «благодарю Васъ и да хранитъ Васъ Богъ». Обычная сутолока при отъѣздѣ продолжалась на вокзалѣ лишь нѣсколько минутъ. Царскій поѣздъ скоро ушелъ, ко мнѣ подошелъ Треповъ и спросилъ назначенъ ли я. Я ему отвѣтилъ: «еще не совсѣмъ, потому что не со всякимъ Мин. Внутр. Дѣлъ я могу вмѣстѣ служить». На окружающую публику эта вѣсть, повидимому, не произвела особаго впечатлѣнія, ко мнѣ мало кто подходилъ и я, условившись съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ о назначеніи мнѣ въ тотъ же день въ 6 час. экстреннаго поѣзда для выѣзда въ Петербургъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ моимъ секретаремъ вернуться въ моемъ экипажѣ домой, докончить укладку вещей и проститься съ моими хозяевами. Къ моему отъѣзду собрались на вокзалъ очень немногіе: Ген. Ивановъ, Ген. Треповъ, Щегловитовъ, кое-кто изъ его сотрудниковъ, а также довольно многіе чины Министерства Финансовъ.

Обратный путь я совершилъ въ одномъ поѣздѣ, хотя и въ разныхъ вагонахъ съ Ген. Сухомлиновымъ, который, видимо, былъ нѣсколько удивленъ состоявшемуся моему назначенію. Этотъ легкомысленный человѣкъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, расчитывалъ самъ занять эту должность, по крайней мѣрѣ, его же клевретъ того времени, князь Андронниковъ, увѣрялъ меня, что жена Сухомлинова, имѣвшая неотразимое вліяніе на него, посылала ему въ Кіевъ настойчивыя телеграммы, совѣтуя добиться назначенія на должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Какъ знать, не удалось ли бы ему это невѣроятное предположеніе, если бы Государь не поспѣшилъ уѣхать. Вѣдь на вокзалѣ же онъ поздравилъ Оренбургскимъ Губернаторомъ и Наказнымъ Атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска родного брата Сухомлинова, по общимъ отзывамъ самаго зауряднаго изъ всѣхъ бригадныхъ командировъ. Впослѣдствіи, уже по моемъ увольненеіи, этотъ ген. Сухомлиновъ былъ назначенъ Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ, такъ велико было обаяніе его брата на Государя.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ рано утромъ 8-го сентября: меня встрѣтили жена, а также чины М-ва Ф-совъ, Градоначальникъ, Губернаторъ, прочитавшіе уже, что я возвращаюсь фактическимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, кое-кто изъ Канцеляріи Совѣта. Публики было мало, изъ представителей печати не было

никою. Прямо съ вокзала мы проѣхали въ Часовню Спасителя, помолились и вернулись домой.

Какъ и слѣдовало ожидать, первые дни были необычайно утомительны отъ множества посѣтителей. Пришлось потратить много времени на всевозможные разговоры, начиная съ бесѣды съ Танѣевымъ, которому я передалъ въ тотъ же день Высочайшее повелѣніе объ отсылкѣ указа о моемъ назначеніи и предупредилъ его, что я рѣшилъ послать Государю подробное письмо по поводу его мысли о назначеніи Хвостова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и просилъ его даже замедлить отсылкою Указа, такъ какъ раньше 2—3-хъ дней мнѣ не справиться съ этимъ письмомъ, а полученіе указа и письма было бы необходимо одновременно, такъ какъ если бы Государь все-таки остановился на назначеніи Хвостова, то вѣроятно моего Указа вовсе и не послѣдовало бы. Составленію и перепискѣ письма мнѣ пришлось отдать ночи съ 8-го на 9-го и съ 9-го на 10-ое, такъ какъ днемъ не было никакой возможности найти свободное время. 10-го сентября это письмо пошло къ Государю въ Ливадію.

Я привожу его здѣсь цѣликомъ по сохранившейся у меня копіи, — какъ потому, что считаю, что этимъ письмомъ я исполнилъ свой долгъ, такъ и потому, что не хочу перелагать на кого-либо вину въ совершенной мною ошибкѣ, если только она дѣйствительно была сдѣлана. Назначеніе А. А. Макарова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ было, несомнѣнно, результатомъ моего письма.

Кромѣ того, этому письму суждено было впослѣдствіи сыграть извѣстную роль. Въ сентябрѣ 1917-го года, за мѣсяцъ до октябрьскаго переворота, меня допрашивала Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія, назначенная Временнымъ Правительствомъ, — по самымъ разнообразнымъ вопросамъ политической жизни минувшаго 10-тилѣтія и особенно подробно она останавливалась на назначеніи Макарова М-ромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Во время допроса предсѣдатель Комиссіи Муравьевъ перечитывалъ какое-то дѣло, и по мѣрѣ моихъ отвѣтовъ на заданные вопросы особенно внимательно читалъ какую-то бумагу, переписанную на пишущей машинѣ, и постоянно останавливалъ меня на разныхъ деталяхъ. Затѣмъ, когда по какому-то ничтожному поводу, я сослался на запамятованіе одной мелкой подробности, онъ прочиталъ мнѣ часть этой бумаги, сказавши: «вотъ передо мною копія Вашего письма отъ 10-го сентября. Вы совершенно точно воспроизводите обстоятельства того времени, хотя уже прошло ровно 6 лѣтъ». Оказалось потомъ, какъ сказалъ мнѣ на другой

день одинъ изъ слѣдователей, состоявшихъ при комиссіи, кажется членъ Московской судебной Палаты или Товарищъ прокурора Голеновскій, что Государь передалъ въ чрезвычайную слѣдственную Комиссію, по требованію ея, переданному Ему Керенскимъ, цѣлый рядъ документовъ, хранившихся лично у него, и въ томъ числѣ переписку съ отдѣльными Министрами. Среди этихъ переданныхъ Государемъ бумагъ оказалось и мое письмо отъ 10-го сентября 1911 года, копія съ котораго сохранилась у меня.

Вотъ оно:

«Ваше Императорское Величество.

Съ той минуты, что я вышелъ изъ Вашего кабинета въ Кіевѣ, передъ отъѣздомъ Вашего Императорскаго Величества, меня не покидаетъ самое тяжелое, гнетущее раздумье. Вѣрьте мнѣ, Государь, что меня смущаетъ не тяжесть отвѣтственной задачи, возложенной на меня Вашимъ безграничнымъ ко мнѣ довѣріемъ, въ столь трудную пору жизни Вашей страны. Не наполняетъ страхомъ моего сердца и мысль о томъ, что мои силы недостаточны для того, чтобы поднять на мои плечи, съ вѣрою въ успѣхъ, столь великое дѣло служенія родинѣ и Вашему Императорскому Величеству.

Я принялъ Ваше повелѣніе спокойно, и передъ лицомъ Вашимъ, Государь, передъ всевидящимъ взоромъ Царя царствующихъ, передъ своею собственною, никогда не измѣнявшею Вамъ совѣстью сказалъ себѣ: «Да будетъ воля Божья и воля Вашего Императорскаго Величества». Не въ моихъ рукахъ, Государь, результаты моихъ трудовъ, не мнѣ провидѣть грядущее.

Знайте одно, Государь, что какъ до настоящей минуты, во всю мою уже теперь долгую жизнь, такъ и впредь до моего послѣдняго вздоха, всѣ силы моего разумѣнія принадлежатъ Вашему Императорскому Величеству, и я буду счастливъ, говорю это безъ колебанія, отдать жизнь Вамъ и родинѣ.

Смущаетъ мою душу то, что В. И. В. благоугодно было сказать мнѣ относительно замѣщенія должности покойнаго Петра Аркадьевича, на посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Простите мнѣ, Государь, все, что я сказалъ Вамъ по этому поводу. Не усмотрите въ моихъ словахъ недостатка готовности сообразоваться съ Вашими велѣніями или затруднять Васъ въ приведеніи въ исполненіе Вашихъ намѣреній. Мнѣ больно думать, Государь, что въ минуту Вашего отъѣзда, я огорчилъ и, быть можетъ, разстроилъ Васъ. Такихъ намѣреній у меня не было, и тогда, какъ и сейчасъ, какъ и впредь я готовъ отдавать всю мою душу на то,

чтобы облегчить Ваши заботы и принять на себя хоть частицу ихъ.

Но, какъ въ ту минуту, подъ первымъ впечатлѣніемъ, такъ и сейчасъ, послѣ упорнаго и честнаго раздумья въ теченіе двухъ сутокъ, я видѣлъ и вижу, что я не могъ поступить иначе, и еслибы я поступилъ иначе, подъ вліяніемъ столь естественнаго желанія не противорѣчить Вашему намѣренію, — я поступилъ бы просто нечестно.

Судьба поставила меня, Государь, въ непосредственное сношеніе со многими людьми; она научила меня распознавать ихъ, оцѣнивать ихъ не по словамъ, и отзывамъ другихъ, а по ихъ собственнымъ дѣламъ, по ихъ личнымъ способностямъ и внутреннему достоинству, и, руководствуясь этими основаніями, я долженъ былъ сказать Вашему И. В. съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ повергаю сейчасъ на Ваше благовоззрѣніе спокойно, искренно и съ упованіемъ на Вашу милостивую снисходительность къ моей смѣлости, что указанное мнѣ Вашимъ И. В. лицо (Нижегородскій Губернаторъ Хвостовъ) не отвѣчаетъ ни одному изъ тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявлены къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, не только теперь, въ переживаемую Вашею страною тяжелую и сложную минуту, но и при самыхъ обыденныхъ и нормальныхъ условіяхъ. У него нѣтъ никакого административнаго, а тѣмъ болѣе государственнаго опыта; онъ никогда не прикасался ни къ одному изъ элементовъ сложной административной машины, — внѣ чисто провинціальныхъ исполнительныхъ дѣйствій; онъ человѣкъ всѣмъ извѣстныхъ, самыхъ крайнихъ убѣжденій, находящихся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ строемъ государственной жизни, которой насажденъ державною волею Вашего И. В.; онъ успѣлъ на второстепенномъ губернаторскомъ посту обострить въ самомъ нежелательномъ направленіи цѣлый рядъ вопросовъ, чреватыхъ своими послѣдствіями; по своему возрасту и по всему своему прошлому, онъ не можетъ внушить къ себѣ ни малѣйшаго авторитета, въ столь обширномъ и далеко не устроенномъ вѣдомствѣ, какъ М-во Внутр. Дѣлъ, и, наконецъ, что всего важнѣе, его назначеніе было бы принято всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ особенности нашими законодательными учрежденіями съ полнымъ недоумѣніемъ и даже недовѣріемъ, побороть которое у него не хватило бы ни умѣнія, ни таланта, ни знаній, ни подготовленности.

Не судите меня, Государь, за эти слова. Ваше Величество изволите знать, что я никогда не искалъ популярности, не заискивалъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, и открыто отстаивалъ

свои взгляды передъ законодательными учрежденіями. Но я не хочу умолчать передъ Вашимъ И. В., что лицамъ, окружающимъ престолъ, несущимъ передъ Вами и передъ страной отвѣтственное бремя, завѣдованія крупнѣйшими отраслями государственнаго управленія, нельзя дѣйствовать съ самою слабою надеждою на успѣхъ, если только къ нимъ нѣтъ, на первомъ мѣстѣ, довѣрія Вашего И. В. и, затѣмъ, уваженія общественнаго мнѣнія.

Безъ этихъ двухъ условій все дѣло управленія обращается въ безрезультатное, и государство и Ваше И. В. неизбѣжно несутъ невознаградимый ущербъ. Простите мнѣ, Государь, эти слова, они идутъ изъ глубины безгранично преданнаго Вамъ сердца, для котораго дорого только одно — не утаить передъ Вами ничего, что можетъ быть прямо или косвенно вредно для В. И. В.

Я понимаю вполнѣ, что Ваше В. не могли разомъ остановиться на томъ единственномъ имени, которое было произнесено мною. Недостатокъ времени лишилъ меня возможности шире доложить В-му В-ву этотъ вопросъ. Дозвольте же мнѣ, Государь, теперь нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ.

Какъ тогда въ Кіевѣ, такъ и теперь, послѣ долгаго и упорнаго размышленія, я дерзаю довести до Вашего свѣдѣнія, что назначеніе Государственнаго Секретаря Макарова отвѣчало бы многимъ изъ задачъ настоящей минуты. У него достаточный государственный опытъ. Ему близко знакомо полицейское дѣло, и онъ издавна изучалъ борьбу съ политическими преступленіями. Почти трехлѣтнее его сотрудничество Петру Аркадьевичу, именно по полицейской части, дало ему возможность близко изучить всѣ частности этого дѣла и приступить къ завѣдыванію имъ не теряя времени на его изученіе, для чего переживаемый Россіею моментъ представляется особенно неблагопріятнымъ, такъ какъ онъ требуетъ отъ главнаго начальника вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ не методической подготовки, а неотложныхъ распоряженій. Макаровъ — человѣкъ безусловно твердыхъ убѣжденій, научившійся,однако, за свою продолжительную службу подчинять свои взгляды уваженію къ закону. Его выступленія въ Государственной Думѣ въ бытность Товарищемъ Министра Вн. Дѣлъ, и притомъ по дѣламъ крайне щекотливаго свойства, отличались всегда большимъ тактомъ, эрудиціею и опредѣленностью и снискали ему то уваженіе, безъ котораго участіе въ работѣ законодательныхъ учрежденій, для представителя Правительственной власти, просто невозможно. Въ Государственномъ Совѣтѣ Макаровъ

имѣетъ совершенно исключительное благопріятное положеніе по занимаемой имъ должности Государственнаго Секретаря, и есть полное основаніе надѣяться, что ему болѣе чѣмъ кому-либо удастся возстановить то нормальное положеніе М-ва Вн. Дѣлъ, въ верхней палатѣ, которое было крайне осложнено за послѣднее время.

Таковы, Ваше И. В., тѣ истинныя основанія, которыя побуждали меня остановить Высочайшее Ваше вниманіе на этомъ должностномъ лицѣ. Не дерзаю повертать на благовоззрѣніе Вашего В-ва моихъ соображеній о другихъ лицахъ, не зная въ какой мѣрѣ на нихъ могло бы остановиться избраніе Ваше. Кругъ этихъ лицъ чрезвычайно ограниченъ, а требованія, предъявленныя къ должности М-ра В-нихъ Дѣлъ вообще и въ настоящую минуту въ особенности, столь сложны и многоразличны, что сдѣлать правильный и безошибочный выборъ крайне трудно. Въ особенности затруднительно избѣжать самой большой опасности, избранія такого лица, предшествующая дѣятельность котораго успѣла создать около него атмосферу болѣе или менѣе справедливой предвзятости и враждебности. При этихъ свойствахъ спокойная работа немыслима, производительность ея совершенно ничтожна.

Я позволилъ бы себѣ доложить Вашему И. В. еще о двухъ молодыхъ дѣятеляхъ, Черниговскомъ Губернаторѣ Маклаковѣ и Кіевскомъ, — нынѣ Директоръ Департамента Земледѣлія — Гр. П. Н. Игнатьевѣ, но опасаюсь, что въ лицѣ перваго изъ нихъ Ваше Вел. не найдете достаточно подготовленнаго дѣятеля. Маклаковъ долженъ быть лично извѣстенъ Вашему Вел. по недавнему посѣщенію Черниговской губ. — Мнѣ онъ извѣстенъ по его службѣ по Министерству Финансовъ. — Это человѣкъ совсѣмъ молодой, повидимому энергичный, но еще совершенно неопытный; всего лишь второй годъ онъ занимаетъ должность губернатора. Онъ вовсе не знакомъ со службой Центральныхъ Управленій, не достаточно образованъ, мало уравновѣшенъ, легко поддается вліяніямъ людей, не несущихъ отвѣтственности, но полныхъ предвзятыхъ идей, и едва ли сумѣетъ снискать себѣ уваженіе въ вѣдомствѣ и Законодательныхъ учрежденіяхъ.

Графъ Игнатьевъ мнѣ мало извѣстенъ, но онъ пользуется репутаціей человѣка умнаго, осторожнаго, вдумчиваго, и въ бытность свою Кіевскимъ Губернаторомъ былъ признаваемъ покойнымъ Статсъ-Секретаремъ Столыпинымъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Саратовскимъ Губернаторомъ, Графомъ Татищевымъ, — однимъ изъ лучшихъ Губернаторовъ. Простите мнѣ, Ваше Император-

сюе Величество, столь длинное мое изложеніе. Взгляните милостиво на мои побужденія; въ нихъ нѣтъ и тѣни чего-либо личнаго. Руководитъ мною одно желаніе сказать передъ Вами, по чистой совѣсти, то, что подсказываетъ мнѣ мой разумъ, и устранить на первыхъ же шагахъ моей отвѣтственной, тяжелой дѣятельности неудачу въ выборѣ лица на самый трудный постъ.

Ошибочность выбора не можетъ не оставить послѣ себя самыхъ тягостныхъ послѣдствій, которыхъ слѣдуетъ избѣгать всѣми доступными способами».

Отвѣтъ на мое письмо послѣдовалъ очень быстро.

Вечеромъ 14-го сентября я получилъ отъ Государя шифрованную телеграмму отъ того же числа, изъ Ливадіи такого содержанія: «Обдумавъ содержаніе Вашего письма, нахожу назначеніе Государственнаго Секретаря Макарова на должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ вполнѣ подходящимъ. Желая его видѣть до назначенія, вызываю его сейчасъ по телеграфу въ Ялту, прошу ему не сообщать о предположенномъ».

На другое утро Макаровъ рано пріѣхалъ ко мнѣ, показалъ вызывную телеграмму и спросилъ меня не знаю ли я причины вызова. Связанный полученнымъ указаніемъ, я отвѣтилъ ему, что ничего не знаю, и просилъ немедленно по прибытіи въ Ливадію сообщить мнѣ шифромъ причину вызова, который не можетъ меня не интересовать живѣйшимъ образомъ, и въ тотъ же вечеръ Макаровъ выѣхалъ въ Крымъ, а Танѣевъ доставилъ мнѣ подписанный 12-го сентября Указъ о моемъ назначеніи. Черезъ 6 дней Макаровъ вернулся сіяющій и довольный своимъ назначеніемъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Повидимому, всѣ испытывали большое чувство облегченія отъ миновавшагося осложненія. Доволенъ былъ и Государь, написавшій мнѣ самое милое, ласковое письмо, къ сожалѣнію, не сохранившееся у меня, и всего вѣроятнѣе, не возвращенное мнѣ въ числѣ бумагъ, взятыхъ при обыскѣ 30-го іюня 1918 года. Но я хорошо помню не только содержаніе, но даже и отдѣльныя выраженія этого письма.

Въ немъ Государь писалъ мнѣ, что остался очень доволенъ двукратной бесѣдой съ Макаровымъ, что нашелъ въ немъ человѣка совершенно подготовленнаго, очень здраво смотрящаго на вещи и высказавшаго ему всѣ тѣ взгляды на задачи М-ва Вн. Дѣлъ, которыя казались безусловно правильными и самому Государю, что онъ увѣренъ, что при немъ Министерство войдетъ въ «свои рамки» и будетъ заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, которые давно запущены, и внесетъ больше «дѣловаго спокойствія» туда, гдѣ слишкомъ развилась «политика и разгулялись

страсти различныхъ партій, борющихся, если не за захватъ власти, то, во всякомъ случаѣ, — за вліяніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ этихъ словахъ было явное неодобреніе политики только что сошедшаго столь трагическимъ образомъ со сцены Столыпина, которому уже не прощали ни его былого увлеченія Гучковымъ и Октябристами, ни послѣдующаго перехода его симпатій къ Націоналистамъ, къ которымъ питали тоже, повидимому, мало довѣрія и даже сочувствія и наверху.

Доволенъ былъ, конечно, и я, первой, одержанной мною крупной побѣдой, и столь счастливымъ, казалось, мнѣ въ ту пору, разрѣшеніемъ кризиса, и могъ спокойно вступить въ должность Предсѣдателя Совѣта.

Дѣйствительно, кризисъ разрѣшился въ ту пору совершенно благополучно, потому что безъ этого мое положеніе становилось сразу совершенно невыносимымъ, и я хорошо понималъ, что при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Хвостовѣ мнѣ не было бы никакой возможности показаться въ Думѣ и пришлось бы волей или неволей уходить съ мѣста при первой представившейся возможности.

Довольна была даже и печать, встрѣтившая назначеніе Макарова безъ всякой враждебности; даже «Гражданинъ» Мещерскаго отызвался на первыхъ порахъ довольно милостиво, пытаясь, однако, всячески взять новаго Министра подъ свою опеку, и недвусмысленно предлагалъ свое «благоволеніе» за уступку ему такихъ корифеевъ того времени, какъ Бѣлецкій и Харузинъ, для осужденія которыхъ у Мещерскаго не было достаточно рѣзкостей. Это отношеніе скоро, однако, смѣнилось на самое враждебное, когда Макаровъ не только не уволилъ Бѣлецкаго, но даже назначилъ его Директоромъ Департамента Полиціи, а Харузина приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему завѣдываніе всѣмъ дѣломъ по подготовкѣ выборовъ въ Государственную Думу.

Съ разрѣшеніемъ этого критическаго вопроса наступила сравнительно спокойная пора. Пришлось спѣшить доканчивать бюджетъ на 1912 годъ и закончить массу текущихъ дѣлъ по Совѣту Министровъ, накопившихся за время лѣтняго затишья и отсутствія Предсѣдателя изъ Петербурга. Городъ былъ пустъ, членовъ Государственнаго Совѣта и Думы почти не было налицо, и работа имѣла характеръ совершенно спокойный и будничный, перемежающійся съ довольно безцѣльными и многочисленными бесѣдами съ постепенно возвращавшимися изъ поѣздокъ и отпусковъ Министрами и наѣзжавшими въ бо́льшемъ, чѣмъ обычно

количествѣ, провинціальными дѣятелями. — Изъ этого общаго сѣраго тона выдѣлилась только рѣзко враждебная позиція, сразу же занятая по отношенію ко мнѣ газетою «Новое Время». Уже въ № отъ 10-го сентября появилась телеграмма, посланная изъ Кіева 9-то, въ день похоронъ П. А. Столыпина, А. И. Гучковымъ, въ которой отражалось выраженіе его личнаго взгляда на современное положеніе Россіи и высказывалось что: «Россія попала въ болото, вытащить изъ котораго, конечно, не подъ силу В. Н. Коковцову».

Вскорѣ же появилась статья Меньшикова, съ рѣзкимъ выпадомъ противъ меня за покровительство евреевъ, повторившая замѣтку «Кіевлянина», что на выстрѣлъ Багрова я отвѣтилъ защитою «Кіевскихъ жидовъ».

Гучковъ также вернулся въ Петербургъ, но ко мнѣ не показывался и уже гораздо позже, около 10-го декабря, написалъ мнѣ письмо съ просьбою принять его, а все время до этого до меня доходили только упорные слухи о томъ, что въ Редакціи «Новаго Времени», къ совѣту которой Гучковъ принадлежалъ, велись собесѣдованія о походѣ противъ меня. Несмотря на это меня посѣтили отъ этой газеты 2 лица: Михаилъ Суворинъ и правая рука Редакціи, типичный приказчикъ неважнаго магазина, — Мазаевъ. Бесѣда наша протекала совершенно дружелюбно, хотя я и указалъ имъ обоимъ, что не знаю основанія ихъ враждебнаго отношенія ко мнѣ, и хотѣлъ бы выяснить, что именно имъ особенно не нравится, и на какой почвѣ могло бы послѣдовать сближеніе со мною. Отвѣта я никакого не получилъ, если не считать совершенно безсвязнаго лепета того и другого, ссылки на невозможность для руководителей Редакціи слѣдить за статьями отдѣльныхъ сотрудниковъ, и откровеннаго заявленія объ отсутствіи солидарности и дисциплины среди ихъ сотрудниковъ. Характерны были, между прочимъ, слова Суворина по поводу Меньшикова. «Съ этимъ господиномъ никакого сладу нѣтъ; онъ и насъ каждый день ругаетъ, такъ что мы просто стараемся не показываться ему на глаза».

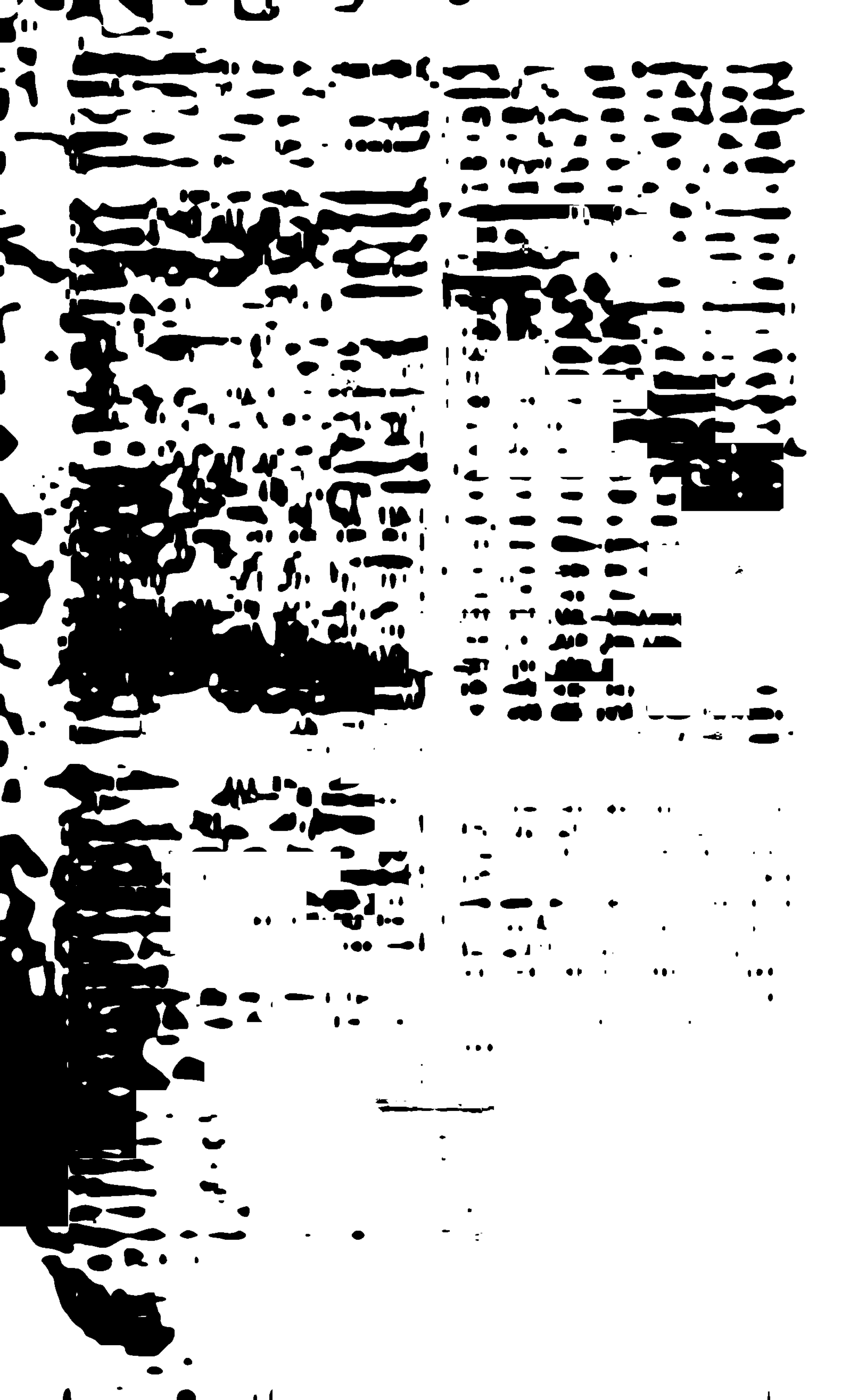
Нѣсколько дней послѣ этихъ визитовъ газета какъ то замолчала, а потомъ возобновила тѣ же нападки, намеки, булавочные уколы или самое сухое упоминаніе о томъ, что было сдѣлано, безъ всякихъ коментарій. Долгое время я такъ и не понималъ, въ чемъ заключается причина столь недружелюбнаго ко мнѣ отношенія, и лишь много времени спустя мнѣ разъяснили мои прегрѣшенія. Ихъ оказалось два. Во-первыхъ, я не сдѣлалъ первымъ визита братьямъ Суворинымъ — Михаилу и Борису,

и даже не поѣхалъ къ нимъ послѣ посѣщенія меня Михаиломъ. Во-вторыхъ, они знали мое отрицательное отношеніе къ системѣ всякаго рода льготъ за счетъ средствъ казны и были увѣрены, что за ними трудно обращаться ко мнѣ, какъ нѣтъ надежды и на мое воздѣйствіе на частные банки въ смыслѣ выдачи ссудъ какъ, было сдѣлано послѣ меня.

Какъ только выяснилось назначеніе Макарова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Крыжановскій, вызванный мною изъ-заграницы и управлявшій Министерствомъ, заявилъ мнѣ, что онъ съ Макаровымъ вмѣстѣ служить не можетъ, такъ какъ ихъ отношенія за время ихъ совмѣстной службы на должностяхъ Товарищей Министра были очень натянуты, и просилъ меня устроить его судьбу «хотя бы назначеніемъ въ Сенатъ», если не представится другой возможности.

Желая устранить на первыхъ порахъ вѣдомственныя тренія и зная Крыжановскаго за человѣка очень ловкаго, способнаго, могущаго при извѣстныхъ условіяхъ принести большую пользу, я уговорилъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Акимова взять его въ Государственные Секретари и тѣмъ самымъ достигнуть двойную цѣль — дать видное назначеніе человѣку, далеко не заурядному, и предупредить всякія постороннія вліянія на случайное и притомъ нежелательное назначеніе въ Государственные Секретари какого-нибудь неожиданнаго фаворита. Зная отношеніе Государя къ Крыжановскому, я написалъ совершенно откровенный докладъ, получилъ согласіе Акимова на представленіе Указа о назначеніи Крыжановскаго къ подписи и очень быстро, менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, — получилъ этотъ Указъ подписаннымъ.

Указатель именъ:

ОГЛАВЛЕНІЕ

Томъ I.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ моей отставки до новаго назначенія меня Министромъ Финансовъ 1905—1906.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Государственная Дума перваго и второго созыва 1906—1907.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ открытія Государственной Думы третьяго созыва до убійства Столыпина.

Типографія В. Бейлинсонъ. Таллиннъ (Ревель).